

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ
ДВИЖЕНИЯ
НАРОДОВ
АВСТРИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Научный совет по комплексным проблемам
славяноведения и балканистики

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ
И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
в эпоху перехода
от феодализма к капитализму
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Д. Ф. Марков (председатель), *В. Н. Виноградов*,

И. С. Миллер, *А. С. Мильников* (заместители председателя),

Л. А. Обушенкова (ответственный секретарь),

Г. Л. Арш, *В. А. Дьяков*, *В. И. Злыднев*,

Т. М. Исламов, *Б. Н. Путилов*, *Л. Н. Смирнов*,

Б. Ф. Стахеев, *В. И. Фрейдзон*

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ
ДВИЖЕНИЯ
НАРОДОВ
АВСТРИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

ПЕРИОД УТВЕРЖДЕНИЯ
КАПИТАЛИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1981

В книге рассматриваются вопросы, связанные с освободительными движениями народов Австрийской империи в период утверждения капитализма и формирования наций (вторая половина XIX в.). Исследования носят комплексный сравнительно-исторический характер, основаны на широкой документальной базе, содержат важные обобщения и новые выводы. Авторы уделяют большое внимание процессам формирования наций и становления социалистического движения у каждого из народов империи.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Фрейдзон (ответственный редактор),
В. А. Дьяков, Т. М. Исламов, И. И. Лециловская,

<i>И. С. Миллер</i>

, *А. С. Мыльников*

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Настоящая книга хронологически и тематически является продолжением монографии «Освободительные движения народов Австрийской империи. Зарождение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г.» (М., 1980), в которой были рассмотрены социальные основы, идейные принципы, формы и международные связи освободительных движений до поражения буржуазно-демократической революции в 1849 г.

В период, предшествовавший революции, в условиях формирования социальной структуры буржуазного общества сложились основы идеологии национально-освободительных движений в Австрийской империи, были сформулированы их политические программы. В 1848—1849 гг. все народы монархии Габсбургов выступали против феодализма и абсолютизма, за национальное освобождение, однако слабость демократии, измена либерально-монархической буржуазии и острые конфликты между национальными движениями привели к поражению революции.

Что касается сферы межнациональных отношений, то, как отмечал В. И. Ленин, для победы буржуазно-демократической революции 1848 г. в Германии насущной была необходимость провозглашения и осуществления свободы угнетенных народов¹. Однако в монархии Габсбургов австронемецкая демократия, венгерское и польское национально-революционные движения (в лице дворянских, буржуазных и мелкобуржуазных кругов) игнорировали исторически назревшие требования национальных прав со стороны других народов империи. Это облегчило вовлечение ряда национальных движений в лагерь австрийской контрреволюции, способствовало его консолидации. В то же время основную политическую линию большинства славянских и румынского национальных движений определяло преобладание либеральных реформистских группировок, не способных решительно противостоять контрреволюции; с большей или меньшей последовательностью защищая программу превращения габсбургской монархии в буржуазно-конституционную федерацию равноправных народов (рассматривая ее как гарантию своих национальных прав и самого национального существования), либеральные и даже демократические круги этих движений вплоть до наступления габсбургской контрреволюции в начале 1849 г. препятствовали борьбе австронемецких, итальянских, венгерских и польских революцио-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 263.

неров за независимость от Габсбургов, в ряде случаев выступая против них с оружием в руках. Ведущие либеральные круги федералистов вообще были враждебны революционным выступлениям масс (в Вене, Праге, Львове и других местах).

Позиция федералистов ввиду смертельной опасности, которую представляла для империи Габсбургов борьба народов за независимость, была выгодна силам контрреволюции. Программа же федералистов до поры до времени мало беспокоила императорский двор, так как их требования не подкреплялись значительной вооруженной силой. Трагическая для судьбы революции межнациональная борьба, историческую ответственность за которую ни в коей мере не несут миллионные массы всех народов, была следствием эгоистических интересов полуфеодалных и буржуазных сил. Классовая структура тогдашнего общества являлась глубинной причиной несостоятельности планов превращения империи в федерацию, основанную на национальном равноправии.

Австрийская империя хотя и была потрясена до основания революцией и национально-освободительной войной венгерского народа, все же устояла. Но революция ликвидировала феодальный строй. История габсбургской монархии в капиталистическую эпоху (середина XIX в. — 1918 г.) наполнена острыми социальными и национальными противоречиями и конфликтами. Они были вызваны стремлением австро-немецкой земельной аристократии и буржуазии, австро-немецких и венгерских, а затем и польских господствующих классов, заключивших впоследствии союз, сохранить свою власть в империи.

После поражения революции понадобилось несколько десятилетий для осуществления ряда буржуазных преобразований. Центральным из них явилось соглашение 1867 г. между господствующими классами Австрии и Венгрии, которое установило конституционный строй, соответствовавший интересам крупного капитала и землевладения. Послереволюционный период, для которого характерны политические выступления широких слоев населения и буржуазно-дворянской оппозиции, при всем различии между этапами, его составлявшими, по своему содержанию был единым целым, что и делает целесообразным его выделение в качестве объекта изучения. О буржуазно-демократической революции в Австрии В. И. Ленин писал: «В Австрии она началась 1848 годом и закончилась 1867-ым»².

При определении завершающей хронологической границы труда редколлегия исходила из того, что консолидация дуалистической Австро-Венгрии произошла в начале 70-х годов XIX в. Принятый хронологический рубеж соответствует ленинской периодизации как истории Центрально-Европейского региона, так и всемирно-исторического процесса в целом. В методологическом отношении существенно, что период, которому посвящено данное исследование, завершил историческую эпоху буржуазно-демокра-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 270.

тических движений, основными границами которой являлись Великая французская революция 1789 г. и Парижская коммуна 1871 г.³ В Австро-Венгрии в это время рабочее движение быстро отделялось от общедемократического и на политическую арену вступил рабочий класс, создавший собственную социалистическую партию.

Начало 70-х годов XIX в., когда закончился первый и начался второй период новой истории, явилось важной вехой в судьбах народов рассматриваемого региона. Создание национальных государств — Италии и Германии положило конец многовековому «присутствию» австрийских Габсбургов в этих странах и вызвало значительные сдвиги в расстановке политических сил в Европе. С этим было связано завершение одного этапа освободительных движений народов Австро-Венгрии и начало нового. Сложившаяся тогда в монархии Габсбургов и в сфере международных отношений расстановка сил объективно означала, что в Австрии и Венгрии был закрыт путь к решению национального вопроса в рамках самой империи. Образовавшаяся система консервировала феодальные остатки в социальной и экономической жизни народов, входивших в состав дуалистического государства.

В центре внимания авторов книги находится политическая борьба в условиях завершения или далеко продвинувшегося процесса формирования наций, прежде всего — идейно-программные принципы национально-освободительных движений. Изучение событий указанного периода дает основу для обобщений относительно характера развития и судьбы габсбургской империи, позволяет аргументированно опровергнуть миф реакционной историографии о якобы «образцовом» сообществе наций под сенью короны Габсбургов.

Формирование наций и национально-освободительные движения охарактеризованы в книге в общих чертах, без последовательного изложения истории каждого народа. Для воссоздания полной картины происходивших процессов и уяснения исторической перспективы необходимо обращение читателя как к страноведческим исследованиям, так и к нашей коллективной монографии по предшествующему периоду. Как и упомянутой монографии, данной книге свойственна определенная неровность изложения отдельных проблем, связанная с разным уровнем их монографического изучения.

Первоначальный вариант настоящего труда был в рукописи обсужден историками СССР, Венгрии, Польши, Чехословакии и Югославии. Авторский коллектив и редакционная коллегия приносят глубокую благодарность участникам обсуждений, позволивших значительно расширить и углубить содержание книги, более полно учесть достижения науки ряда социалистических стран.

³ Об этой эпохе см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258; т. 26, с. 140—144.

В издании применена следующая система ссылок: подстрочно даются ссылки только на труды классиков марксизма-ленинизма; ссылки на монографии приводятся в тексте путем обозначения в квадратных скобках порядкового номера издания в библиографическом списке, помещенном в конце книги. В ссылках на статьи в сборниках приводятся фамилия автора и порядковый номер в том же списке (например: [Tzöbl, 258]). В ссылках на статьи в журналах и продолжающихся изданиях даются фамилия автора и год издания (например: [Чуркина, 1968]). Алфавитный список этих статей помещен в конце книги. Ссылки на источники помечены знаком *. Их список прилагается там же.

Тексты об отдельных народах написали: В. С. Бондарчук — об итальянцах, К. П. Гогина — о чехах, Т. М. Исламов — о венграх и румынах, Л. П. Лаптева — о словаках, Н. М. Пашаева — об украинцах Буковины и Закарпатья, С. М. Трусевич — об украинцах Галиции, С. М. Фалькович — о поляках, В. И. Фрейдзон — о сербах и хорватах, И. В. Чуркина — о словенцах. Кроме того, авторами отдельных разделов являются: части § 1 главы II — К. П. Гогина, части § 6 главы VII — И. И. Лешиловская, § 9 главы VII — И. С. Миллер, § 2 главы VII — А. С. Мыльников, § 4 главы I — Д. Ф. Поплыко, § 10 главы VII — Ф. И. Стеблій, § 4 главы VII — В. И. Фрейдзон.

Обобщающие разделы подготовили: §§ 1—3, 5—8 главы I — Т. М. Исламов; § 1 главы II и в главе VI — Т. М. Исламов и В. И. Фрейдзон; § 2 главы II, в § 11 главы III, в главах IV—V, VII, а также заключение — В. И. Фрейдзон. В обобщающие разделы вошли тексты по истории отдельных народов, написанные соответствующими авторами.

В работе авторского коллектива на первой стадии подготовки труда участвовала М. Ю. Досталь; материалы, представленные ею, использованы в книге. Научно-вспомогательную работу на разных этапах подготовки труда выполняли М. Ю. Досталь, В. В. Кирина, Н. Е. Костыгова, Д. Ф. Поплыко, Г. Ю. Харциева. Библиограф Т. В. Владиславлева. Карты изготовил Б. Г. Галкович.

НЕОАБСОЛЮТИЗМ
И КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ
В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.
АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЙ ДУАЛИЗМ

1. Европа от революций 1848—1849 гг.
до Парижской коммуны

После 1848 г. стало очевидным, что исход борьбы феодализма и капитализма в Европе решен бесповоротно в пользу последнего. Новый общественный строй утверждался почти по всему континенту, воздействуя на уклад жизни даже в самых захолустных его уголках. Капитализм стал мировым явлением, о чем свидетельствовал и тот факт, что кризис перепроизводства, распространившийся в 1857 г., по словам Маркса, подобно заразе «от Швеции до Италии в одном направлении и от Мадрида до Будапешта — в другом»¹, был первым мировым экономическим кризисом капитализма. Вторично кризис вспыхнул в 1866 г. Но эти проявления разрушительных сил капитала со свойственными ему спадами, увольнениями рабочих, разорением мелких производителей и нищетой сочетались с невиданным ранее подъемом производительных сил.

В основе экономического подъема лежал завершившийся в западноевропейских странах в 60—70-х годах промышленный переворот — утверждение фабрично-заводской системы как господствующей формы организации производства и создание разветвленной кредитно-банковской и торговой систем, новых средств передвижения, в особенности железнодорожного транспорта. Важнейшим следствием этих процессов явилось появление крупнопромышленного пролетариата, который складывался в революционный класс, сознававший свою великую историческую миссию. Однако несмотря на углубление классовых противоречий в Западной Европе, буржуазия после революции 1848 г. чувствовала себя в седле достаточно прочно. Как отмечал Маркс, «с 1849 г. торговое и промышленное процветание было тем ложем, на котором безмятежно покоилась контрреволюция»².

Но уже подходила к концу эпоха, когда буржуазия была не только прогрессивным, но и революционным классом, добывавшимся ломки «старого мира». Одержимая жаждой прибыли, она ради спокойствия готова была поступиться в пользу реакции частью собственных интересов в общественно-политической сфере. За немногими исключениями, вроде Соединенных Штатов Америки, Италии и некоторых других стран, где революционные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 336.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 322.

потенции буржуазии еще не были исчерпаны, она шла на компромиссы с землевладельческой аристократией, передоверяя ей осуществление даже таких преобразований, в которых сама была кровно заинтересована. Порождением этого компромисса, вызванного страхом перед рабочим классом, являлся политический строй Великобритании. Буржуазные же классы Пруссии и Австрии после 1848 г. безропотно покорились реставрированному абсолютизму.

Экономический прогресс втягивал в свою орбиту страны и народы восточной части Центральной Европы, общей чертой развития большинства из которых был так называемый прусский путь перехода к капитализму в земледелии. Устранение крепостничества, а также международное разделение труда, требовавшее в рамках капиталистического рынка дальнейшего увеличения поставок сырья и продовольствия индустриальному Западу, открыли перспективы некоторой модернизации аграрных структур региона. Стимулятором такого развития служили железные дороги, строительство которых в Австрийской империи началось в 40-е годы XIX в.

Развитие производительных сил требовало ликвидации всех форм докапиталистических отношений и создания благоприятных для капитализма политических условий путем устранения национальной раздробленности (в Италии, Германии), восстановления государственной самостоятельности (Венгрия, Польша), ликвидации чужеземного гнета. Итак, с разной степенью остроты от Балтийского до Средиземного морей в 50—60-е годы встала задача завершения буржуазных преобразований.

В области международных отношений этот период характеризовался противоборством двух тенденций: стремления к созданию национальных государств немецким, итальянским, венгерским и польским народами, которые в 1848 г. боролись за независимость, а также южными славянами, и противодействия этим стремлениям со стороны ряда великих держав. Вторая тенденция нашла выражение, в частности, в попытках возрождения Священного союза в первую очередь с целью противодействия восстановлению польской государственности.

На пути демократического объединения Италии и объединения Германии стояли не только прусская и австрийская монархии, но и остальные великие державы, в первую очередь империя Наполеона III, пытавшаяся разрешить свои внутренние противоречия путем завоеваний на Рейне и в Северной Италии. Более искусно, предпочитая оставаться в тени, действовала Англия. Без явного, а чаще тайного одобрения Лондона не обходилась ни одна крупная контрреволюционная акция. Такими именно «заботами» была заполнена деятельность лорда Пальмерстона. «Подавление поляков, итальянцев, венгров, немцев всегда совпадало с его пребыванием у власти, но расправлявшиеся с ними деспоты всегда подозревали его в тайных сношениях с жертвами, которых они преследовали с его же соизволения», — писал о нем Маркс

в 1853 г.³ Политика английской буржуазии была направлена на сохранение «европейского равновесия», т. е. недопущение ни чрезмерного ослабления, ни угрожающего усиления какой-либо из держав и на поддержание статус-кво в районе Черноморских проливов и на Балканах. Отсюда вытекала враждебность британской политики освободительным устремлениям народов Австрии и Турции.

Буржуазная Англия поощряла действия николаевской России, когда она выступала в роли оплота контрреволюции. Но там, где интересы обеих держав сталкивались, в особенности на Балканах, Лондон был готов двинуть в бой не только чужие, но и собственные силы. В 1854—1855 гг. под флагом сохранения «целостности Турции», а в действительности для господства над нею и противодействия освобождению поработенных султаном народов, Англия организовала против России военную экспедицию при участии Франции, Турции и Сардинии, а отчасти и Австрии. Результатом было не только ослабление соперницы, но и задержка на десятилетия ликвидации османского владычества в Юго-Восточной Европе.

Ослабление России после Крымской войны было использовано прусской дипломатией, которую с 1862 г. возглавлял Отто фон Бисмарк. Обеспечение его усилиями благожелательного нейтралитета Петербурга в двух прусских войнах — 1866 и 1870—1871 гг. против Австрии и Франции — явилось одной из предпосылок осуществления малогерманского варианта объединения Германии под главенством юнкерской Пруссии. Возникновение новой мощной державы, объединенной «сверху» путем подавления национально-демократических устремлений немцев и решения германской проблемы «железом и кровью», существенно изменило соотношение сил в Европе.

Одновременно произошло национальное объединение Италии, также вследствие войны с Австрией и также «сверху», под эгидой Сардинской династии, хотя и при решающем участии масс. Однако плодами побед «краснорубашечников» Дж. Гарибальди воспользовались крупная буржуазия и дворянство.

В обоих случаях условием решения национальных задач являлось насильственное устранение из игры Габсбургов, прекращение их военного присутствия в Италии и политического в Германии. В свою очередь, объединительные движения немцев и итальянцев оказали воздействие на процесс преобразования монархии, завершившийся своеобразным решением венгерского национального вопроса. Рядом с Германией и Италией встала обновленная соглашением 1867 г. двухцентровая Австро-Венгрия.

Из крупнейших проблем, связанных с формированием буржуазных наций и образованием национальных государств, нерешенными остались польский и восточный вопросы.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 362.

Последний шанс демократического решения польского вопроса в рассматриваемую нами эпоху был потерян в 1863—1864 гг., с подавлением Польского восстания. Поляки сделали жертвой сговора царской России и Пруссии, которому не препятствовали Лондон и Париж, не упустившие, однако, случай выставить себя в роли защитников польской свободы. Сыграли свою роль в новой польской трагедии и Габсбурги, причастные к угнетению поляков: после некоторого колебания они закрыли границу с русской Польшей, поставив тем самым повстанцев в безвыходное положение. В случае успеха восстания 1863 г. его последствия для революционно-демократических движений Европы, и прежде всего России, Германии и Австрии, могли быть необозримы. Это показал Маркс в «Воззвании Лондонского просветительного общества немецких рабочих о Польше», ратуя за союз рабочего движения Европы с движением поляков⁴.

Внешняя политика Габсбургов как в отношении германского и итальянского вопросов, так и польского и балканского, была реакционной. На положении угнетенных остались также славяне и румыны Австро-Венгрии. Решающую роль при этом сыграла раздробленность сил демократии в подвластных Габсбургам странах. Правители империи умело использовали подлинные или мнимые противоречия между национальными движениями. Специфика национальной проблематики в монархии охарактеризована Марксом: «Секрет долговечности Австрийской империи именно и таится в этом провинциальном эгоизме, который заставляет каждый народ тешить себя иллюзией, будто он может завоевать себе свободу, пожертвовав независимостью другого народа»⁵.

Предшествовавший франко-прусской войне 1870 г. период завершил эпоху, начало которой было положено Великой французской революцией. Ее основное содержание определено В. И. Лениным: «Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений»⁶. Вместе с тем рассматриваемый период — это время выхода на мировую арену международного пролетариата, «эпоха выделения рабочего класса из буржуазной демократии, эпоха возникновения самостоятельного рабочего движения»⁷. И наконец, это время величайшего революционного переворота в человеческом мышлении, совершенного Марксом и Энгельсом именно в 50—60-х годах XIX в. — обоснования ими материалистического понимания истории и его составной части — теории классов и классовой борьбы, а также марксистской политической экономии.

Подъем рабочего движения в странах Западной Европы и Северной Америки и в известной мере в Австрийской империи

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15, с. 596—597.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 10, с. 199.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 264.

в конце 50-х и в 60-е годы — стачки в промышленных центрах австронемецких земель, Чехии, Венгрии, возникновение просветительских рабочих организаций и обществ взаимопомощи, попытки создания в Венгрии уже в 1863—1864 гг. политических организаций пролетариата и т. д. — все это создало объективные предпосылки соединения массового движения с научным коммунизмом. Крупнейшей вехой на этом пути было образование в 1864 г. Международного товарищества рабочих, организации, которая, впервые сплотив сознательных рабочих различных стран под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», открыла новый этап освободительной борьбы пролетариата. I Интернационал сыграл огромную роль в распространении марксизма в международном социалистическом движении. Его коллективные секции и индивидуальные члены — только в Австро-Венгрии уже в 1869 г. число последних доходило до двух десятков тысяч — сыграли решающую роль в преодолении национальными отрядами пролетарской армии буржуазных влияний, в осознании единства задач и исторической миссии рабочего класса.

Исключительное значение имела деятельность I Интернационала в превращении стихийных чувств солидарности рабочих различных стран в осознанный и практически осуществляемый принцип пролетарского интернационализма. Бесценным был его вклад в разработку политики рабочего класса в области национальной, хотя в центре внимания Международного товарищества стояли общие, интернациональные задачи пролетариата. Его вожди Маркс и Энгельс подчеркивали необходимость гармонического сочетания интернациональных и национальных целей рабочего движения, способствовали глубокому осознанию им интернационализма, включавшего признание необходимости борьбы за решение национального вопроса.

Этот вывод опирался на теорию марксизма, был результатом изучения действительности 50—60-х годов и, в частности, ирландского освободительного движения с точки зрения перспектив борьбы английского рабочего класса, результатом анализа, который подтверждал высказанное Энгельсом в 1848 г. положение о том, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы⁸.

История I Интернационала и его национальных секций в различных странах, в их числе в Австро-Венгрии, изобилует примерами проявления международной солидарности рабочих. Уже тогда интернационализм, отступление от которого, как предупреждали Маркс и Энгельс, было чревато опаснейшими последствиями, стал критерием политической зрелости рабочего движения той или иной страны. В 1870—1871 гг. Международное товарищество рабочих в целом и его отряды в Германии, Франции и Австро-Венгрии выдержали проверку на зрелость интернациона-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 161.

лизма. Они сумели занять принципиальную позицию в отношении франко-прусской войны, особенно в момент ее превращения из войны справедливой и национальной для немцев в войну захватническую после Седанской катастрофы французских армий в сентябре 1870 г.

Идеи пролетарской солидарности нашли воплощение в деятельности «духовного детища» I Интернационала — Парижской коммуны, явившей миру первый в истории образец слияния революционного патриотизма с интернационализмом. Коммуна, явившаяся, по словам Маркса, «интернациональной в полном смысле этого слова»⁹, бросив вызов корыстному национализму буржуазии, самим фактом своего существования показала, что претензии буржуазии на руководство национальными движениями, ее стремление изобразить себя единственной представительницей нации уже являются несостоятельными. Решение национального вопроса все более становилось делом сознательного пролетариата.

Это относилось и к рабочему классу Австро-Венгрии, страны, многонациональное рабочее движение которой со дня возникновения первых социалистических организаций было связано с I Интернационалом, восторженно приветствовало пролетариев Парижа и было представлено в Коммуне в лице ее министра труда венгерского революционера Лео Франкеля.

Условия для распространения марксизма и его органической части — идей интернационализма созревали в Австрийской империи вместе с интенсивным включением ее в систему мирового капиталистического хозяйства, а также по мере формирования многонационального крупнопромышленного рабочего класса.

2. Внутренняя и внешняя политика австрийского неабсолютизма

Мартовская конституция 1849 г. так и не вступила в силу, поскольку после капитуляции венгерской армии контрреволюция не нуждалась в конституционном прикрытии. Территория империи была разделена на 15 административных единиц, которые возглавлялись наместниками. Исполнительная власть, осуществлявшая свои функции при помощи вооруженных сил, полиции, жандармерии и бюрократии, ничем не была ограничена, поскольку обещанный мартовским манифестом рейхстаг не созывался. Вместо этого законодательные функции были возложены на имперский совет, рейхсрат, совещательный орган, состоявший из 9 назначавшихся императором сановников [430, т. 1, ч. 1]. Президентом рейхсрата был назначен выученик Меттерниха барон К. Кюбек, который с самого начала революции с маниакальным упорством твердил о необходимости реставрации абсолютизма и централистского устройства монархии.

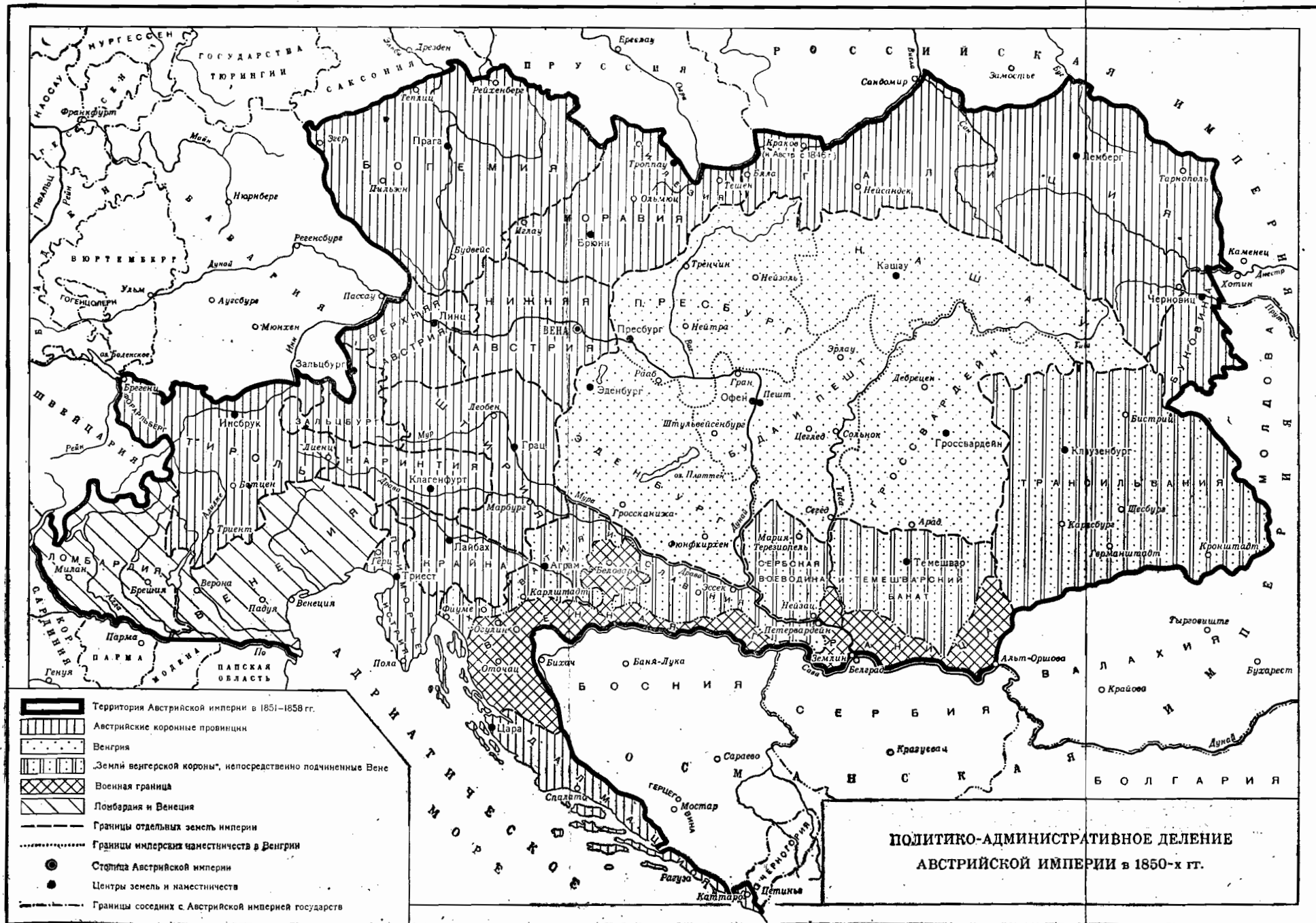
⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 350.

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ
АВСТРО-ВЕНГРИИ (с 1867 г.)

- Территория Австро-Венгрии в 1867 г.
- Граница между Цислейтанней и Транслейтанней
- Административные границы
- Земли и королевства, представленные в рейхсрате (Цислейтания)
- Венгерское королевство (Транслейтания)
- Королевство Хорватия и Славония
- Военная граница в 1867 г.
- Границы соседних с Австро-Венгрией государств
- Столицы государств
- Центры административных единиц Австро-Венгрии
- Прочие населенные пункты

- Территория Австрийской империи в 1851–1858 гг.
- Австрийские коронные провинции
- Венгрия
- Земли венгерской короны, непосредственно подчиненные Вене
- Военная граница
- Ломбардия и Венеция
- Границы отдельных земель империи
- Границы имперских наместничств в Венгрии
- Столица Австрийской империи
- Центры земель и наместничств
- Границы соседних с Австрийской империей государств

**ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ
АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ в 1850-х гг.**

В октябре-ноябре 1849 г. завершилось административное переустройство Венгерского королевства, от которого были отделены не только Трансильвания, Хорватия-Славония и Военная граница, но и южные территории, вошедшие в состав новой провинции под названием «Сербская Воеводина и Темешварский (или Тимишский. — *Ред.*) Банат» с центром в Темешваре и с немецким языком управления. Она имела смешанное население. Вена делала все, чтобы разобщить поработанные ею народы, противопоставить их друг другу. С этой целью в состав Воеводины были включены территории, населенные неславянами. Сами же сербы составляли всего около четверти населения [513, с. 219]. Объединение Бачки и Баната в одной провинции сокращало численность румынского населения Венгрии и создавало в лице румын противовес сербам. Об остроте национального вопроса в провинции свидетельствовал тот факт, что уже в первой петиции, составленной румынскими лидерами в декабре 1849 г., выражался протест против включения Баната в Воеводину.

Иллюзорными оказались и «уступки», сделанные якобы в пользу Хорватии: в январе 1850 г. к ней были присоединены Риека и Меджимурье, в Загребе учреждено архиепископство, независимое от венгерской католической церкви. Но уже в апреле 1850 г. были распущены национальное правительство — Банский совет (вече) и представительное собрание — сáбор, а глава местной власти — бан подчинен непосредственно министерству в Вене. О воссоединении Далмации с Хорватией не было и речи, хотя бан Й. Елачич был назначен губернатором Далмации.

Режим неоабсолютизма постепенно стабилизировался. В начале 50-х годов были разгромлены подпольные венгерские революционные организации в Трансильвании, Польский революционно-демократический кружок Ю. Госляра в Галиции. Беспощадно подавлялось все, что могло напомнить о ненавистном Габсбургам «национальном принципе».

Неоабсолютизм как система правления складывался исподволь, формально же днем его утверждения стало 31 декабря 1851 г., когда был обнародован указ об отмене конституции 1849 г. и восстановлении неограниченной власти императора [485, т. I, с. 167]. К этому времени в правительстве произошли изменения в пользу аристократии. К весне 1852 г. вне правительственного кабинета, который возглавлял Ф. Шварценберг, оказались последние представители австро-немецкой буржуазии — А. Шмерлинг и К. Брук. Все большее влияние приобретал президент рейхсрата Кюбек, который стал духовным отцом той просуществовавшей до 1859 г. системы, которую принято называть «баховской», — по имени министра А. Баха, фактически возглавившего кабинет после смерти Шварценберга в 1852 г. Разработанные Кюбеком «36 основных принципов» неоабсолютизма превращал в жизнь бывший либерал Бах. Узость социальной базы и политической опоры режима, его изоляция даже от родственных по классовой принадлежности группировок и течений всех

национальностей, в том числе и австронемецкой, побуждала неоабсолютизм искать опору в армии, церкви, прежде всего католической, а также в чиновничестве, со времен Марии-Терезии воспитывавшемся в духе слепого подчинения монарху. Австрийских чиновников и офицеров Энгельс называл «особой породой» людей, которые «с одинаковым презрением относятся к венгру, поляку, немцу, румыну, итальянцу, хорвату», ко всем тем, кто не носит на себе печати «императорско-королевского» авторитета. У этих людей, писал Энгельс, «нет своей национальности, или, вернее, они одни только и составляют подлинную австрийскую нацию»¹⁰.

Режим Баха вынужден был идти на уступки католической церкви. Широкие политические права и материальные привилегии сделали католическую церковь одним из столпов государства Габсбургов. Однако неоабсолютизм не давал пощады и священнослужителям, если они становились его противниками. Католическое духовенство Венгрии никогда не знало столько брошенных в тюрьмы, сосланных и даже расстрелянных служителей культа, как в «баховскую эру».

Неоабсолютизм с его полицейско-бюрократическим духом и клерикализмом явился прямым отрицанием не только политических завоеваний буржуазной революции 1848—1849 гг., но и либеральных достижений предшествующей эпохи, включая прогрессивные элементы «просвещенного абсолютизма» йозефинистского толка. Однако в сфере социально-экономической неоабсолютистский режим проявлял терпеливость и расчет, остерегаясь от покушений на основные завоевания революции и проводя тот минимум реформ, который служил развитию капиталистических отношений.

Императорские патенты, изданные в 1853—1854 гг., хотя официально и признали основные социально-экономические завоевания революции в Венгрии и Трансильвании, но представляли собой ухудшенное издание законов 1848 г. «В Австрии вопрос этот (освобождение крестьян от феодальной зависимости. — *Ред*) был решен не легитимным правительством и не доброй волей правящих классов, а революцией 1848 года и венгерским восстанием», — писал К. Маркс в 1858 г.¹¹ Неоабсолютизм лишь частично подтвердил аграрное законодательство революции 1848 г. Патенты 1853—1854 гг. лишили крестьянство Венгрии, Трансильвании, Хорватии и Славонии некоторых существенных результатов его классовой борьбы: была восстановлена виноградная десятина, которая по новому положению могла быть выкуплена крестьянином, ряд категорий неурбанизованных земель патенты объявили помещичьей собственностью. Власти постановили компенсировать помещиков за отмененные революцией повинности за счет налогоплательщиков, в то время как венгерское револю-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 31.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 607.

ционное законодательство предусматривало компенсацию государством путем сдачи в аренду казенных имений. Были закреплены социально-экономические позиции земельной аристократии в Венгерском королевстве и в Галиции.

Осуществленные в 50-х годах реформы «сверху» были вынужденными. «Если Австрия в настоящий момент снова сравнительно спокойна и даже сильна, — отмечал Энгельс в начале 50-х гг., — то это главным образом объясняется тем, что громадное большинство народа — крестьяне — извлекло действительную выгоду из революции, а также тем, что на какие бы другие области ни посягало реставрированное правительство, эти ощутимые материальные выгоды, завоеванные крестьянством, и ныне остаются неприкосновенными»¹².

Одной из первых реформ была ликвидация таможенной границы между Венгрией и Австрией (1850 г.) и распространение на Венгрию австрийской системы налогообложения. Эти меры и «покорение Венгрии», по выражению Маркса, спасли Австрийскую империю от «формального банкротства»¹³.

В 50-х годах достигло своего предела финансовое ограбление Австрией ее итальянских владений. Из Ломбардии, на которую приходилась $\frac{1}{30}$ территории империи и $\frac{1}{14}$ населения, в 1855 г. выжималась $\frac{1}{9}$ доходов казны и $\frac{1}{6}$ поземельного налога. В 1850 г. этот налог в Ломбардо-Венецианской области возрос еще на $\frac{1}{3}$. Из-за тяжести налогов сокращалось накопление капитала, и землевладельцы были не в состоянии осуществлять ирригационно-осушительные работы для поддержания плодородия Паданской долины [64, т. 3, с. 26]. Австрийская политика усугубляла кризисные явления в экономике Ломбардо-Венецианской области в 50-е годы XIX в. В 1854 г. Маркс пришел к выводу, что от обладания Венгрией и Ломбардией зависит «не только политическое, но и экономическое существование Австрийской империи»¹⁴.

Австронемецкая буржуазия, напуганная движением масс в 1848 г., в целом спокойно отнеслась к отстранению ее от власти, ибо режим обеспечил ей «порядок» и процветание в условиях экономического подъема 50-х годов. «Вступивший во владение наследством революции неабсолютизм, — пишет австрийский экономист Матис, — показал себя гарантом спокойствия и порядка и тем самым отвечал потребности в мире и безопасности, которые испытывали буржуазные круги» [Matis, 503, S. 156]. Австронемецкая буржуазия долго мирилась с тем, что располагала лишь единственным представительным учреждением — торговыми и промышленными палатами. Она терпела сохранение цехов и отсутствие свободы предпринимательства. Закон «о свободе промышленности» был издан только в 1859 г.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 40.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 10, с. 105.

¹⁴ Там же, с. 106.

Австронемецкая буржуазия была кровно заинтересована в сохранении империи Габсбургов. Эта заинтересованность возросла после ликвидации в 1850 г. таможенной границы с Венгрией, когда перед промышленниками австронемецких и чешских земель открылась перспектива «освоения» богатого сырьем рынка Венгерского королевства. Ради сохранения обширного имперского рынка и за политическую стабильность крупная буржуазия не только пожертвовала парламентаризмом, но и примирилась с сохранением ряда пережитков феодализма в экономике, политической структуре и общественной жизни.

По инициативе Брука, считавшего австрийскую промышленность достаточно окрепшей для того, чтобы не нуждаться в протекционистских мерах, в 1853 г. были снижены импортные пошлины, отменено эмбарго на ввоз ряда изделий, ликвидированы экспортные премии. В том же году были заключены торговые договоры с Пруссией, а затем и с другими членами Германского таможенного союза, предусматривавшие взаимное снижение пошлин. Заключение почтовой унии и валютно-монетарных договоров с Пруссией, а также введение единых правил вексельного обращения и предусмотренная Бруком унификация мер, весов и денежного обращения подготавливали создание экономических основ великогерманского единства [Benedikt, 1961].

Среди реформ времени неоабсолютизма следует упомянуть введение по всей империи единого уголовного кодекса и судопроизводства. Это был шаг по пути буржуазной эволюции правовых отношений. Однако и в этом случае неабсолютистское государство урезало гражданские права и свободы, отменило институт присяжных и гласность судебного процесса и восстановило отмененные венгерской революцией телесные наказания. Закон 1856 г. обязывал хозяев применять к слугам «строгие средства домашней дисциплины умеренным и невреждающим для их здоровья способом» [371, с. 21]. Особо строгие меры наказания предусматривались за политические преступления. Необыкновенная изобретательность была проявлена при разработке правил цензуры. Любое издание подлежало предварительной цензуре — газеты за 1—2 дня до выхода.

Важное значение для всех народов империи имела реформа системы образования, способствовавшая модернизации учебных заведений в соответствии с потребностями развивавшегося капитализма. Был провозглашен принцип всеобщего начального образования для детей от 6 до 12 лет. Но осуществление закона не было обеспечено финансовыми средствами, поскольку о содержании школы должна была заботиться община. Положение множества школ было плачевным [292, т. 2, с. 352]. Начальное образование оказалось под полным контролем церкви. Политика неабсолютизма в области просвещения, как и в области экономики и администрации, преследовала цель унификации провинций, в особенности же полного «растворения» Венгрии в империи. Во многих гимназиях обучение стало вестись на немецком

языке. В народных школах языками обучения были объявлены местные национальные языки, что было жестом правящих кругов в сторону угнетенных народов, однако и в этих школах немецкий язык стал одним из главных предметов, что должно было подготовить переход к обучению на этом языке. Его знание было обязательным и для учителей начальных школ. Тенденция к германизации особенно решительно проводилась в системе высшего образования. Целям онемечения служила система подготовки педагогических кадров. От учителей, особенно гуманитарных специальностей, требовалась сдача университетских экзаменов на немецком языке. Права выдачи дипломов учителей средних школ были лишены соответствующие учебные заведения Венгрии, Трансильвании и Хорватии, за Пештским университетом оно было признано лишь в 1862 г.

В мероприятиях, осуществленных в 50-е годы XIX в. в области просвещения и науки, проявилась одна из существенных тенденций неоабсолютизма — тенденция к германизации, рассматривавшаяся как средство унификации этнически разнородной империи с целью превращения ее в «германское государство».

Германизация охватила чиновничий аппарат, делопроизводство в учреждениях тех областей, где до революции 1848 г. официальным языком был латинский, а затем стал национальный (Венгрия, Хорватия, Воеводина, Трансильвания); официальными считались немецкие наименования административных единиц и многих городов (исключение составили итальянские названия; это отражено на карте, см. выше). В германизаторской тенденции переплелись два течения: абсолютистско-династическое, полуфеодалное, направленное к осуществлению вековой мечты Габсбургов о единообразно устроенном государстве как новом издании «Священной римской империи германской нации», и немецкое буржуазное, великодержавно-националистическое, являвшееся порождением эпохи капитализма.

В целом реформы 50-х годов были призваны соединить старое с новым, примирить феодализм с капитализмом, буржуазию с классом крупных помещиков. И все это — под эгидой династии, осуществлявшей политику в интересах крупной буржуазии и помещиков-полуфеодалов без участия представительных учреждений.

После восстановления легитимистского правопорядка во многих странах Европы международное положение Австрийской империи, которая опиралась на казавшийся прочным союз с Россией, было благоприятным. Перестав быть одной из ведущих держав континента, она приобрела не только дружбу Николая I, но и благосклонность или благожелательный нейтралитет почти всех европейских государств, причем не только абсолютистско-монархических, но и Франции и Англии. Сила контрреволюционной солидарности была такова, что «вся Европа» вдруг обнаружила «европейскую необходимость» Австрии. В том, что империя

Габсбургов сохранилась, была заслуга не только Николая I, но и правителей других европейских государств.

Опираясь на благоприятную для Габсбургов международную обстановку, князь Ф. Шварценберг приступил к реализации замысла по возрождению Австрии в качестве великой державы. Трамплином к этому и будущей опорой могущества новой «Священной Римской империи германской нации» во главе с Габсбургами, по плану Шварценберга, должна была служить разьединенная глубочайшими классовыми, политическими и религиозными противоречиями, разделенная границами десятков карликовых государств Германия [335, с. 80—90]. Это был «великогерманский вариант» решения немецкой проблемы, но с той разницей, что в объединенную Германию должны были войти не только австронемецкие территории, но вся Австрийская империя в существовавших тогда границах. Своим острием этот план был направлен не только против мятежных итальянцев и венгров. Включение в Германию всей империи как «немецкого государства» означало бы окончательный крах австрославистских планов.

На этом поприще уже в 1849 г. возобновилось австро-прусское соперничество. Однако ни Англия, ни Россия, ни Франция не желали тогда нарушения «равновесия» в Центральной Европе, которое произошло бы в случае осуществления и великогерманской и малогерманской программ. И в ноябре 1850 г., когда Пруссия готова была прибегнуть к оружию, Петербург заставил обоих противников временно положить конец этой, по выражению Николая I, «немецкой склоке». Ольмюцское соглашение, заключенное в ноябре 1850 г., означало поражение Пруссии. Но и Габсбурги оказались недостаточно сильными для проведения собственных планов. Более того, спустя два года Берлин сумел заставить своего противника отказаться от намерения включить Австрийскую империю в Германский таможенный союз. Расставшись с мечтой Шварценберга-Брука о единой таможенной территории от Северного до Адриатического морей и от Рейна до Дуная, Вена была вынуждена довольствоваться лишь торгово-экономическим договором с Таможенным союзом.

Вскоре на горизонте европейской дипломатии вновь всплыл «восточный вопрос», обострившийся «всякий раз, когда утихает на время революционный ураган»¹⁵.

Не добившись существенных успехов в Германии, неабсолютистский режим бросился в новую авантюру, решив принять участие в борьбе много более сильных хищников за османское наследство. Граф К. Ф. Буоль-Шауенштейн, с 1852 г. руководитель австрийской внешней политики, мечтал о «великих завоеваниях» на Балканах. Вовлеченная в конфликт с англо-франко-турецкой коалицией Россия перестала представлять для Австрии ценность

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 3.

как союзник. К тому же следовало еще освободиться от опеки «царя-благодетеля», спасшего габсбургский трон интервенцией в 1849 г. [270]. Так рассуждал Буоль, оправдывая известное предсказание своего предшественника Шварценберга о том, что «Австрия еще удивит мир своей неблагодарностью». Окончательно венский кабинет укрепился в своих расчетах, когда получил от своего посла в Париже заверения, что в случае разрыва Габсбургов с Россией Наполеон III воздержится от попытки спровоцировать посредством Кошута и Мадзини «революционную войну» в Венгрии и Италии [271, с. 230—232]. В основе совершенной Габсбургами в 1854 г. пагубной для них переориентации внешней политики лежала не оборонительная, а экспансионистская стратегия. Неоабсолютизму, режиму внутренне непрочному, нужны были дипломатические успехи и военные лавры. Поэтому Буолю, вопреки возражениям военных, удалось склонить императора, к этому времени уже забравшего бразды правлений в свои руки, в пользу интервенционистской политики [Schroeder, 1968—1969]. Политика России, упоминалось в докладе Буоля от 21 марта 1854 г., создает угрозу вспышки «революционных движений на Востоке», иными словами, возможность национальных восстаний на Балканах против османского ига. Речь шла о фундаментальных интересах австрийского неоабсолютизма — об органическом сочетании политики подавления национальных движений внутри и вне пределов империи.

Что касается захватнических целей Австрии на этой стадии Восточного кризиса, то объектом вожделений являлось Нижнее Подунавье. Когда Буоль призывал правителей империи «не упустить момента», он имел в виду овладение Валахией и Молдовой, т. е. нижним течением Дуная, который он назвал «жизненной артерией Германии».

В июне 1854 г. Вена предъявила ультиматум петербургскому двору, вынудив его эвакуировать Дунайские княжества, которые вскоре были заняты австрийскими войсками. В декабре 1855 г., через три месяца после падения Севастополя, Австрия прямо пригрозила России войной. Однако своим успехом австрийская дипломатия могла считать лишь то, что Россия была оттеснена от устья Дуная, судоходство по которому было поставлено под контроль международной комиссии. Но попытка Буоля сохранить австрийское влияние в Дунайских княжествах не встретила поддержки. Уже на Парижской мирной конференции наметилось сближение между Францией и Россией, означавшее начало дипломатической изоляции Австрийской империи.

Этой благоприятной ситуацией воспользовался пьемонтский министр Камилло ди Кавур, которому в июле 1858 г. удалось склонить Наполеона III к союзу против Австрии, бывшей главным внешним препятствием на пути национального единства итальянцев. В 1859 г. в ответ на мобилизацию пьемонтской армии последовало австрийское вторжение в Пьемонт. Сардинская армия успела соединиться с войсками Наполеона III, которые 4 июня

разбили австрийцев у Мадженты. 24 июня австрийская армия потерпела жестокое поражение при Сольферино.

После Сольферино оба вовлеченных в конфликт императора поспешили с заключением мира. Франца-Иосифа к этому побуждал, помимо финансовых причин, страх перед восстанием в Венгрии. У Сольферино два венгерских полка перешли на сторону противника. Кроме того, Вене было хорошо известно о формировании венгерского легиона [Крае, 1968], о переговорах лидеров венгерской эмиграции в Белграде и Бухаресте, имевших целью обеспечение сербской и румынской поддержки в случае вторжения легиона в Венгрию.

По условиям Виллафранкского перемирия 11 июля, подтвержденного Цюрихским миром 10 ноября 1859 г., Австрия потеряла Ломбардию, сохранив за собою Венецию. Таким образом, вероломство Наполеона III, прекратившего войну без ведома итальянцев, позволило Австрийской империи еще некоторое время препятствовать превращению Италии в единое национальное государство. Но Габсбурги оказались не в состоянии помешать объединению Дунайских княжеств. У юго-восточных границ империи в 1859 г. появилось новое национальное государство — Румыния.

3. Кризис неоабсолютизма и революционная ситуация в империи

События 1859 г. поставили на практическую почву вопрос о согласовании действий национальных движений всех угнетенных народов. В обстановке кризиса неоабсолютизма их недовольство стало принимать открытый характер и сложились определенные благоприятные условия для примирения мадьяр со славянами и румынами. Поскольку Австрия стояла на пути национального объединения не только Германии, но также и Италии и румынских княжеств, такое примирение становилось частью процесса создания государственного единства соседних народов, в особенности итальянцев и румын. Оно соответствовало интересам как Пьемонта, так и Франции. Для Наполеона III угнетенные народы монархии, как и ее соседи Валахия, Молдова, Сербия, представляли интерес лишь в той мере, в какой они могли служить в качестве средства для оказания давления на Габсбургов, сардинская же дипломатия была заинтересована в них также в качестве партнеров, могущих реально подорвать военное могущество общего врага — Австрии. В силу указанных причин в 1859 г., особенно после избрания А.-И. Кузы на молдавский, а затем и валахский престолы, Кавур стал содействовать сближению практически уже объединившихся княжеств с венгерской эмиграцией [348, с. 243], ибо без Венгрии не мыслилась ни одна антиавстрийская военная акция или дипломатическая комбинация с участием малых стран — соседей империи Габсбургов. Точно так же никакое сближение между Венгрией и

румынскими княжествами или Сербией было невысказано без урегулирования национального вопроса в Венгрии.

В планах Кавура и венгерской эмиграции речь шла в первую очередь об организации восстания мадьяр и румын в Венгрии и Трансильвании, к которому должны были присоединиться также сербы и хорваты. Тогда же возникла идея отправки в княжества оружия с целью последующей переправки в Трансильванию и Венгрию через Галац, Браилу и Белград по Дунаю [342, с. 75—78]. Генерал Дьердь Клапка, ставший в это время главной фигурой венгерской эмиграции, в переговорах с Наполеоном III, Жеромом Бонапартом и Кавуром, указывая на стратегическое значение княжеств и Сербии, настаивал на вовлечении этих стран в антиавстрийскую коалицию. Разработанные им планы предусматривали вторжение в Венгрию через Трансильванию, Банат и Адриатическое побережье. Предполагалось, что «население гражданской части Хорватии, а также военных округов (Военной границы. — *Ред.*), уставшее от австрийского ига, воспользуется присутствием французских войск, чтобы порвать связи с Австрией и присоединиться к движению венгров» [1*].

Поспешное прекращение войны Наполеоном III после Сольферино нанесло удар не только итальянскому объединительному движению, но и планам освободительной борьбы других угнетенных народов Габсбургской империи. Однако если перспектива военного разгрома была предотвращена, то ее внутреннее положение оказалось катастрофическим. Война 1859 г., потеря богатой Ломбардии, пассивное сопротивление в Венгрии, сопровождавшееся массовым отказом от уплаты налогов, способствовали превращению финансово-экономического кризиса в кризис империи в целом и неоабсолютистского режима в частности.

Ведущие отрасли австро-чешской индустрии — текстильная и металлургия — в 1858 г. оказались в трудном положении. Экономическая депрессия повлекла за собой временное падение производства и строительства, безработицу и сокращение заработной платы в промышленности. Однако все эти явления происходили в период общего подъема капиталистической экономики империи, продолжавшегося вплоть до 1873 г.

Кризис неоабсолютизма, обнаружившийся особенно остро в ходе войны 1859 г., по-новому ставил вопрос о самом существовании конгломерата габсбургских владений как фактора европейской политики, обусловленного его ролью в качестве противовеса сначала Османской империи, а затем царской России. Не международные условия существования монархии и не военное поражение должны были определить в первую очередь ее судьбу, а комплекс внутренних противоречий, острота которых была озарена исходом итальянской войны.

С военной точки зрения неудача у Сольферино и Мадженты вовсе не означала проигрыша кампании. Тем не менее Франц-Иосиф поспешил подписать перемирие. У монарха было более чем достаточно оснований поторопиться с завершением войны.

Сделать это его заставило сопротивление абсолютизму со стороны Венгрии [469, с. 7]. Предвестниками бури было не только возбуждение, охватившее население, особенно в Пеште, но учащиеся случаи неповиновения властям, особенно при взимании налогов и наборах новобранцев в армию, которые нередко сопровождались стычками с жандармерией.

Конец «эре Баха» и начало периода «конституционных экспериментов» формально положил так называемый Лаксенбургский манифест (по названию императорского дворца) Франца-Иосифа, обнародованный 22 августа 1859 г. Бах и Буоль были уволены в отставку, главой правительства был назначен занимавший с марта 1859 г. пост министра иностранных дел граф Й. Рехберг. Министерство внутренних дел возглавил польский аристократ, бывший наместник Галиции граф А. Голуховский.

Лаксенбургский манифест содержал обещание установления парламентского контроля над государственными расходами, так как в связи с войной австрийские финансы пришли в окончательное расстройство, равноправия протестантам, расширения прав органов самоуправления и т. д. Не прошло и трех недель после опубликования манифеста с его более чем скромными обещаниями, как был издан Протестантский патент. Этот указ, подготовленный графом Туном еще во времена Баха, подчиняя протестантскую церковь государственному руководству, был рассчитан на некоторые уступки словакам, но провоцировал недовольство венгерских кальвинистов и лютеран и вызвал обострение ситуации в Венгрии.

Оппозиционное движение, принявшее преимущественно политический характер, распространилось по всей восточной части Венгерского королевства, охватив Словакию и Трансильванию. «Католики и протестанты, либералы и старые консерваторы и, на что нужно обратить особое внимание, все национальности Венгрии: мадьяры, словаки, румыны, сербы и евреи в равной мере противостоят правительству», — говорилось в полицейском донесении. Среди листовок, распространявшихся в стране, были и такие, которые призывали к единству в борьбе за свободу независимо от классовой, религиозной и национальной принадлежности.

Феодално-абсолютистская верхушка монархии, еще не сознавая глубину переживавшегося империей кризиса, попыталась спасти обанкротившийся режим, оставив в неприкосновенности не только его сущность, но и методы управления.

Первым робким шагом к выполнению обещания реформ, сохранившегося в Лаксенбургском манифесте, стал изданный 5 марта 1860 г. патент об учреждении так называемого «усиленного рейхсрата» (имперского совета). 17 июня 1860 г. был издан указ, согласно которому новые налоги, пошлыны и займы должны были предварительно одобряться рейхсратом [199, с. 221]. Это незначительное ограничение абсолютной власти не удовлетворило даже представителей крупной австрийской буржуазии. Они тре-

бовали введения «имперской конституции в современном смысле» [429, с. 265]. Брожение, охватившее империю, и в особенности патриотический подъем в Венгрии, сопровождавшийся уличными демонстрациями десятков тысяч людей, сорвали маневры правительства.

Октябрьский диплом 1860 г., нередко по традиции называемый в литературе федералистской конституцией, поскольку он закреплял за королевствами и коронными землями империи весьма урезанные автономные права, имел мало общего с буржуазной конституционностью, парламентаризмом и тем более федерализмом. Диплом прокламировал принцип верности историческому государственному праву монархии, ее традиционной административно-политической структуре. Высшая законодательная и исполнительная власть по-прежнему концентрировалась в руках монарха, аристократии и оттесненной ею на вторые роли бюрократии. Рейхсрат, квазипредставительное учреждение, был призван лишь «содействовать» короне в осуществлении ею власти. Право одобрения за ним признавалось только в отношении новых налогов, пошлин, займов и отчуждения имущества казны [199, с. 249]. Дела, касавшиеся внешней политики и вооруженных сил, вообще не подлежали обсуждению рейхсрата. Несмотря на крайнюю ограниченность компетенции последнего, корона не решилась допустить его выборность. Члены рейхсрата практически отбирались короной прямо или косвенно. Коронные земли и королевства, составлявшие империю, и соответственно их сословные собрания, оказались в приблизительно равном положении. Но в отношении Венгрии и Хорватии-Славонии было сделано исключение. За венгерским государственным собранием и хорватским сабором были признаны законодательные функции, тогда как за ландтагами цислейтанского комплекса — лишь право подготовки законов. Дела, касавшиеся земель этого комплекса, обсуждались без участия венгерских и хорватских членов рейхсрата. Иными словами, рейхсрат предусматривался в двух различных вариантах — «узком» и «расширенном».

В общей форме диплом признал действительность конституции Венгерского королевства, существовавшей до 1848 г., а также и некоторые положения конституции 1848 г. Исполнительная и судебная власти Венгрии были отделены от общеимперских. Венгерский язык был объявлен официальным в пределах страны. В этих положениях диплома некоторые историки усматривают начало осуществления дуалистической тенденции в монархии [Tzöbl, 258, S. 89]. В конце 1860 г. была упразднена особая провинция «Сербская Воеводина и Темешварский Банат» и ее территория вновь включена в состав Венгрии и (часть Срема) Хорватии-Славонии. Этот акт Вены должен был продемонстрировать признание Габсбургами «государственного права» Венгерского королевства. На том же основании была возвращена Венгрии область Меджимурье, хорватская по населению (она находилась в составе Хорватии с 1848 г.)

По оценке Энгельса, эти уступки, значительные только по сравнению с «ничтожными подачками» другим народам и означавшие признание императором факта, что «его империя находится в состоянии революции», удовлетворили лишь кучку аристократов, лишенную влияния в стране. О смысле монарших «милостей», выпавших на долю Венгрии, Ф. Энгельс писал: «Сам факт неограниченного и безусловного признания венгерского языка единственным официальным языком в Венгрии должен был послужить исключительно возбуждению венгерских славян, румын и немцев против мадьярской национальности»¹⁶. На этот раз, однако, габсбургская тактика разжигания национальной розни не сработала. Более того, она дала обратный эффект. Национальные движения в империи никогда не были так близки к сотрудничеству в борьбе против абсолютизма, как в 1860—1861 гг.

В результате невиданной с 1848 г. волны массовых выступлений, в которые были вовлечены все национальности, агония неабсолютистской формы существования монархии грозила увлечь в могилу и самую монархию. «Слабая, нищая, поверженная, истощенная, ставшая жертвой внутренних раздоров»¹⁷, империя оказалась на пороге гибели. Энгельс оценивал положение следующим образом: «Как видно, начинается вторая австрийская революция»¹⁸. Близорукие консервативные политики, по совету которых император восстановил некоторые атрибуты феодальной конституционности, рассчитывали сделать хотя бы часть привилегированных слоев опорой режима. Однако и в этом они просчитались. Сословные учреждения Венгрии, и прежде всего комитатские собрания, восстановление которых было разрешено Октябрьским дипломом, уже с начала избирательных кампаний вышли из-под контроля правительства. Во многих комитатах самовольно восстанавливалось комитатское самоуправление, и зачастую не в его дореволюционной форме, а в том же виде, в каком оно существовало в 1848 г. Членами комитатских собраний демонстративно избирались деятели революции 1848 г. (Л. Кошут, Л. Телеки, И. Тюрр, Д. Клапка) — участники антиавстрийских «конспираций» за границей. Вообще, выборы в комитатские собрания стали формой национального сопротивления народов Венгрии политике Габсбургов¹⁹.

Во главе движения вновь оказалось среднепоместное дворянство. «Так или иначе, — отмечал тогда Энгельс, — является добрым предзнаменованием то, что оппозиционная партия сразу же овладела местными и коммунальными органами управления, а не ограничилась требованием эфемерной смены министерства и не отказалась занять важные позиции, которые были открыты перед ней в более скромной сфере деятельности»²⁰. Провал попыток вен-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15, с. 243.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15, с. 133.

¹⁸ Там же, с. 134.

¹⁹ См.: Там же, с. 243.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15, с. 243.

ской камарильи и венгерских консерваторов овладеть движением дал основание Энгельсу, внимательно следившему за событиями, прийти к следующему выводу: «Революционные волны грозили потопить их. Само правительство понимало, что необходимо что-то предпринять. [...] Попытка подкупить Венгрию была накануне полного краха»²¹. Поляки, хорваты, чехи и другие народы также требовали политических свобод и национальных прав. События развивались так, что в конце 1860 г. Энгельс высказал предположение о возможности «распада Австрийской империи на ее составные части»²².

4. Русские революционные демократы об освободительном движении народов габсбургской монархии в 50—60-х годах XIX в.

Русские революционные демократы всегда были на стороне поработанных австрийской монархией угнетенных народов и горячо поддерживали их борьбу, стремясь найти последовательно демократический путь решения сложных проблем общественно-политического развития региона. Ознакомление с их взглядами относительно Австрийской империи необходимо, в частности, потому, что они оказали воздействие на демократическую общественность народов габсбургского государства. А. И. Герцен, который поддерживал контакты с Мадзини, Кожутом, Гарибальди и другими революционерами, и Н. Г. Чернышевский подобно Энгельсу рассматривали обстановку, создавшуюся в Австрии в 1859 г., как зреющую революцией, и в связи с этим уделили ей особое внимание. Рассмотрение «австрийских дел» нередко служило великим русским публицистам отправной точкой для выводов, относящихся к революционной ситуации в России.

Герцен и Чернышевский ясно осознавали, что политическая борьба, которая развернулась в Австрийской империи, и переживавшийся этим государством глубокий кризис, были следствием поражения революции 1848—1849 гг. и нерешенности насущных исторических задач.

Проблема социального и национального освобождения народов стояла в центре внимания А. И. Герцена после революции 1848 г. Характеризуя общее направление Вольной русской типографии, Герцен писал: «... крестьянское дело и польский вопрос сами собой легли в основу русской пропаганды» [28, т. 16, с. 130; 8, с. 75]. Когда итало-франко-австрийская война 1859 г. воскресила надежды угнетенных национальностей Австрийской империи, Герцен выступил в «Колоколе» с блестящими статьями против национального угнетения и в защиту права каждого народа самостоятельно решать свою судьбу. Одна из них была направлена против национальной политики Габсбургов. Выступая против

²¹ Там же, с. 244.

²² Там же, с. 245.

идеологического обоснования захватнических планов империи Габсбургов и ее «цивилизаторской» миссии, Герцен писал: «Королевско-имперская цивилизация состоит в постоянном гнете всего народного и в онемечивании. Но ни итальянцы, ни мадьяры, ни славяне не хотят вовсе образоваться в немцев. . .» Яркий пример «решения» национального вопроса «зловещей династией Габсбургов» Герцен видел в судьбе чешского народа. Он писал: «Как Австрия специально образовывала — мы знаем по Богемии. Она употребила два столетия на систематическое забивание всего независимого и национального в этом народе» [28, т. 14, с. 101—102]. По мнению Герцена, та же картина и те же итоги «цивилизаторской» миссии Австрии наблюдаются в Италии, Венгрии, Галиции, Иллирии, Далмации. Называя Австрийскую империю «железным обручем, набитым на несколько народов», Герцен характеризует ее как систему, которая «постоянно противодействует всему человеческому — старым вольностям и новой свободе» [28, т. 14, с. 103].

Решение национального вопроса для малых, угнетенных национальностей Герцен видел в создании конфедерации на принципах добровольного объединения. Следя за пробуждением славянских национальностей в Австрии, он высказывал опасение, как бы они не попали под власть другого душителя свобод — русского царя. Судьбу России Герцен связывал с судьбами других славянских народов и государств и полагал, что она может стать ядром славянского мира, но при этом он имел в виду новую Россию, освободившуюся от крепостничества и самодержавия. Герцен клеймил в печати реакционный союз монархий, который разделил Польшу, душил революцию. «Когда Венгрия восстала, — писал он, — Австрия дышала на ладан, и совсем перестала бы дышать, если б не преступная рука Николая». Осуждал он и политику бонапартистской Франции: «Наполеон только унизил, опозорил Австрию, — писал он, — потом спас ее!» [28, т. 14, с. 113, 115]. Герцен пришел к выводу, что Австрия будет шататься, но не падет до тех пор, пока существуют в Европе государства с военно-полицейским режимом, готовые поддержать ее.

Предлагавшееся Герценом решение национального вопроса славянских народов в результате краха реакционных европейских монархий было в целом прогрессивным. Однако концепция Герцена имела и слабые стороны. К их числу относятся колебания в осуждении славянофильских доктрин, подчас недостаточно четкая постановка вопроса о роли царизма в отношении к славянству, несостоятельное деление народов на «молодые» и «старые» [148].

Бакунин и Герцен были свидетелями и участниками революции 1848—1849 гг. в Западной Европе, но в России выросло уже новое поколение — революционеров-разночинцев. Будучи еще совсем молодыми людьми, они горячо откликнулись на события в Западной Европе. Н. Г. Чернышевский в своем «Дневнике» отразил мнение наиболее передового студенчества

Петербурга: «Друг венгров,— пишет он,— желаю поражения там русских и для этого готов был бы многим пожертвовать» (11 июля 1849 г.) [168, т. 1, с. 297; Авербух, 49].

Славянский вопрос в Австрийской империи привлек внимание Н. Г. Чернышевского на рубеже 50-х—60-х годов. Он интересовал славянами как филолог, историк, литературный критик и политик [Дьяков, 126]. Назревание революционной ситуации в многонациональной России, национально-освободительное движение на Западе, движение за освобождение негров в Северной Америке побудили Чернышевского не только выступить с критикой славянофильских доктрин [168, т. 10, с. 125—135; Сладкевич, 1948], но и пристально заняться теорией нации. Он стремился создать революционно-демократическую теорию нации, рассматривая роль языка, национального характера, хозяйственной жизни, вопросы взаимоотношения нации и государства. Материалистические тенденции в теории нации особенно сильны у Чернышевского в тех случаях, когда он конкретно рассматривал процесс образования наций и государств — Румынии, Италии, Германии, Соединенных Штатов.

В 1859—1861 гг. в публицистике Чернышевского большое внимание уделялось австрийским проблемам. В статье «Предисловие к нынешним австрийским делам» (1861 г.) на опыте объединения Италии был сделан вывод о том, что борьба с австрийскими поработителями явилась главным фактором в деле создания национального государства. На австрийском и российском материале Чернышевский пришел к выводу, что пока существуют угнетение народов, захватнические войны и несправедливый общественный строй, национальный вопрос будет оставаться революционным вопросом. Он считал, что только единство народов в борьбе против австрийской государственной системы является условием их освобождения. В его памяти постоянно вставал печальный опыт 1848 г.: «Меттерниковская система вооружала венгров на кроатов, а сербов и кроатов на венгров. Для какой национальности было полезно то, что она поддалась тактике Меттерниха? Много ли выиграли, например, кроаты и австрийские сербы тем, что защищали австрийцев против венгров?» [168, т. 7, с. 779].

Позиция Чернышевского по вопросу о роли Наполеона III в итало-австро-французской войне глубока по классовой характеристике. Существо интересов правящих кругов обоих государств одинаково, считал Чернышевский, и как бы они ни расходились в национальном вопросе, Франция употребит все силы, чтобы закончить войну, не уничтожая Австрию и нанеся главный удар освободительному движению Италии, ее конституционалистам [168, т. 6, с. 216, 343].

Чернышевский выступил против проавстрийской львовской газеты «Слово», которая отвлекала народы от совместной борьбы против угнетателей. В статье «Национальная бестактность» (1861 г.) он писал: «В землях, населенных малорусским пле-

менем, натянутость отношений между малороссами и поляками основывалась не на различии национальностей или вероисповеданий; это просто была натянутость сословных отношений между поселянами и помещиками. Различие национальностей не делает тут никакой разницы [...] Малорусский пан и польский пан стоят на одной стороне, имеют одни и те же интересы; малорусский поселянин и польский поселянин имеют совершенно одинаковую судьбу» [168, т. 7, с. 792].

Чернышевский призывал народные массы к борьбе как против ионациональных, так и «своих» угнетателей, против разжигания национальной вражды австрийским двором и за освобождение всех угнетенных [168, т. 7, с. 779]. Совместные действия народов он считал залогом удовлетворительной развязки узлов национальных противоречий, будь то в Османской или Австрийской империях. Будучи сторонником революционного уничтожения монархии Габсбургов, Чернышевский, как и Герцен, возлагал надежды на выступления самих угнетенных народов. В 1859 г. он писал: «Некоторые ожидают восстания в самой Австрии, особенно в Венгрии [...] Не знаем, правда ли, что [...] настала благоприятная минута для такой попытки. Но действительно, странно было бы, если бы венгры не воспользовались нынешнею войною для восстановления своей свободы» [168, т. 6, с. 272]. Несколько позднее русский демократ отмечал, что «из австрийских славян самый сильный оттенок враждебности к нынешнему устройству Австрии имеет национальное чувство у чехов», т.е. констатировал широкое распространение в чешском обществе демократических идей. Вместе с тем он резко критиковал автрославистские позиции деятелей либерального толка [168, т. 8, с. 436, 489].

Дальнейший ход событий убедил Чернышевского в том, что до революционного выступления народов против Габсбургов еще далеко. Нужны особые обстоятельства, писал он, например, затяжные войны, чтобы «распатавшееся здание наконец рухнуло». Чернышевский считал, что горючий материал в империи есть, но отмечал «инертность масс, весьма ограниченные претензии дворянства национальных областей». Чего хотят чехи?— спрашивал Чернышевский и отвечал: «Быть отдельным королевством, находящимся в федеративном отношении к другим австрийским областям, имея только то общее с ними, что король чешский в то же время будет королем венгерским, эрцгерцогом австрийским, королем далматинским и прочее». Подобными же, полагал он, являются требования дворянства Венгрии (речь идет о требованиях ведущих либеральных течений) [168, т. 6, с. 475, 488].

При немаловажных различиях взгляды Герцена и Чернышевского на злободневные вопросы рубежа 50—60-х годов во многом были близки (ненависть к деспотическим режимам, национальному и социальному угнетению, поддержка освободительных движений). Совпадали их позиции и в поддержке польского

движения. Как вся передовая русская общественность, Чернышевский выступал за дружественные отношения русских с поляками и в поддержку национально-освободительной борьбы польского народа [168, т. 8, с. 323]. В. И. Ленин сравнивал его позицию в польском вопросе с позицией Маркса и Энгельса и высоко ее ценил²³.

Как и Герцен, Чернышевский решительно выступил против панславистов и предостерегал славян против политики царизма. В статье «Народная бестолковость» он выдвинул тезис: славянские народы, «не рассчитывайте же на нас, а ищите сил в самих себе» [168, т. 7, с. 297]. Ориентация на союз с царской Россией была, по Чернышевскому, равнозначна усилению политического влияния царизма. В основе его позиции лежало стремление развить демократические силы народов, борющихся за свободу. Признание народа самостоятельной и ведущей силой в освободительном движении является основной чертой, которая характеризует идеологию русской революционной демократии, качественно новым идейным явлением в истории революционного движения в России [Виленская, 1960]. С наибольшей полнотой эта черта проявилась в мировоззрении Н. Г. Чернышевского.

Когда вспыхнуло польское восстание 1863 г., отстаивать позицию русской революционной демократии выпало на долю Герцена. Мужественная борьба его за свободу Польши позволила Ленину впоследствии отметить, что Герцен «спас честь русской демократии»²⁴. Издатели «Колокола» выступали «за полную, безусловную независимость Польши, за ее освобождение от России и Германии и за братское соединение русских с поляками» [28, т. 11, с. 371]. Основой успеха польского национально-освободительного движения и польско-русского революционного союза Герцен считал, как и раньше, постановку социального вопроса. Он говорил полякам: «Если в России на вашем знамени не увидят надел земли и волю провинциям, то наше сочувствие вам не принесет никакой пользы, а нас погубит» [28, т. 11, с. 371—372].

А. И. Герцен сыграл большую роль в развитии русской революционной мысли по национальному вопросу, в распространении идей равноправия народов России. Герцен обратил внимание на связь национального вопроса с вопросом социальным. Как и в развитии революционной теории вообще, Н. Г. Чернышевский и в этой области «сделал громадный шаг вперед против Герцена»²⁵. Будучи гораздо более последовательным и боевым демократом, он обнаружил понимание классовой сущности национального вопроса [по данной теме см.: Аксенова, 1980].

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 297.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 260.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

5. Централистский режим 1861—1865 гг.

В обстановке охватившего империю глубокого политического кризиса Франц-Иосиф отошел от «автономистского» курса. В конце 1860 г. он поспешил уволить в отставку Голуховского и удалить от себя лидеров венгерских консерваторов.

Фигура А. Шмерлинга, влиятельного в кругах крупной австрийской буржуазии и популярного среди более широких слоев австрийского населения, поскольку он возглавлял либеральный кабинет в 1848 г., казалось подходящей для осуществления новой политики [183; 429]. Началась пятилетняя «эра» Шмерлинга, сторонника централизма, назначенного в декабре 1860 г. министром внутренних дел, а в феврале 1861 г. государственным министром. Правительство номинально возглавил член императорской семьи — эрцгерцог Райнер. Ференц Деак и Йожеф Этвёц, виднейшие лидеры венгерского либерализма, приглашенные императором принять участие в кабинете, отказались от всякого с ним сотрудничества.

Очевидная тщетность усилий укрепить режим путем соглашения с кучкой реакционеров и подавить социальные и национальные волнения, развернувшиеся во всех землях монархии, побудила правительство повернуть фронт. Анализируя причины зигзагов венской тактики, совершившей в течение двух-трех месяцев скачок от полуфеодального «федерализма» к буржуазно-монархическому централизму, Энгельс пришел к выводу: «Чтобы существовать, австрийская монархия должна поочередно натравливать друг против друга различные подвластные ей национальности»²⁶.

Снова, как не раз в прошлом, объектом «натравливания» стала Венгрия. Но ставка теперь делалась на национализм австро-немецкой буржуазии. Такова сущность так называемого Февральского патента 1861 г. При этом формально не аннулированный Октябрьский диплом изображался правовой основой практически отменившего его Февральского патента.

Патент предусматривал преобразование существующего рейхсрата в двухпалатный законодательный орган. В «палату господ» входили «по праву» аристократы — крупнейшие помещики, а также «вирилисты» — лица, пожизненно назначавшиеся императором. 343 члена палаты депутатов должны были избираться провинциальными ландтагами, а также государственным собранием Венгрии и сабором Хорватии и Славонии. Депутаты рейхсрата и ландтагов избирались по четырем куриям — крупных землевладельцев, торгово-промышленных палат, городов и сельских общин — на основе высокого имущественного ценза. Этот ценз и неравный количественный состав курий обеспечивал первым двум из них решающее превосходство над остальными. Указанные положения должны были гарантировать политическую

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15, с. 244.

гегемонию землевладельческой аристократии и крупной буржуазии, особенно австро-немецкой [221, т.1, с.50]. Тем же целям служила чудовищно несправедливая «избирательная геометрия».

Правители империи не хотели допустить превращения ее в конституционную монархию. Согласно патенту, в империи отсутствовал главный атрибут буржуазной конституционности — ответственность правительства перед парламентом. Мало того, в период между парламентскими сессиями правительство могло издавать обязательные распоряжения. Этот закон, в дальнейшем вошедший как § 14 в декабрьскую (1867 г.) конституцию Австрии, стал одним из важнейших средств «регулирования» политической жизни дуалистической Цислейтании.

Патент ввел еще одно новшество, которое сохранилось до 1918 г. Речь идет о формуле «королевства и земли, представленные в рейхсрате», ставшей с 1867 г. официальным названием австрийской половины монархии. Впервые она была употреблена в патенте при определении состава так называемого узкого рейхсрата, в отличие от «широкого», в котором обсуждались дела всей империи, включая и Венгерское королевство [257, с. 305].

Венгерское государственное собрание отвергло Февральский патент. Не пожелала быть ординарной имперской провинцией и Чехия, сейм которой хотя и выделил делегатов в рейхсрат, но протестовал против несправедливого распределения мандатов и требовал коронации императора в Праге чешским королем. Подобно мадьярам отказались признать «расширенный» рейхсрат и хорваты. Патент отклонила итальянская либеральная буржуазия. В Истрии ландтаг, в котором она имела большинство, отказался избрать делегатов в рейхсрат, за что был распущен и переизбран. Тироль, цеплявшийся за свои старинные свободы, грозил рейхсрату бойкотом.

На назначенное 29 апреля 1861 г. первое заседание рейхсрата не явились и трансильванские румыны. Недолгим было участие в его работе чешских лидеров, пытавшихся создать в нем сильную федералистскую оппозицию. Уже в мае 1862 г. Палацкий, Ригер и их сторонники покинули рейхсрат. Таким образом, «узкий рейхсрат» оказался еще более «суженным», а «расширенный» так никогда и не был создан.

Натолкнувшись на нежелание Венгрии и мадьяр Трансильвании сотрудничать с режимом, правительство решило прибегнуть к услугам консервативной верхушки румын и саксов Трансильвании. Помимо привлечения их к работе рейхсрата, эта политика преследовала и стратегическую цель — не допустить возобновления унии Трансильвании с Венгрией.

Шмерлинг решил обеспечить участие Трансильвании в рейхсрате вопреки воле венгерского населения. Для этого летом 1863 г. были проведены выборы в государственное собрание Трансильвании на основе самого низкого в ее истории ценза. В результате в собрание было избрано 46 румын, 42 венгра и 32 сакса. Государственное собрание, заседавшее без мадьяр с июля

по октябрь 1863 г., вопреки возражениям видного либерального лидера румын Г. Баридиу, выделило делегатов в рейхсрат, не дожидаясь официального признания Веной автономии Трансильвании. Это предопределило недолговечность трансильванского собрания как и самой призрачной «автономии», которая фактически была ликвидирована в начале 1865 г.

Участие Трансильвании в работе рейхсрата было единственным заметным успехом правительства Шмерлинга. В целом же в начале 60-х годов в империи преобладала тенденция к сближению между национальными движениями. Самым примечательным в этом было взаимное стремление преодолеть пропасть, которая пролегла между движениями мадьяр, с одной стороны, и румын и славян — с другой. В 1862 г. Бакунин писал в «Колоколе», что «поникло ненавистное здание габсбургско-лотарингской монархии, камень на груди живых народов, и кажется, в непродолжительное время рушится под ударами ныне соединенных итальянцев, мадьяр и славян» [2*]. До «крушения» монархии и до «соединения» славян с мадьярами было далеко, однако отмеченную тенденцию делала реальной борьба народов империи против централистского режима.

К концу июня 1861 г. стало ясно, что навязать венгерскому государственному собранию угодное династии решение невозможно и что возобновление конфликта между Австрией и Венгрией неизбежно. Адрес государственного собрания указом от 30 июня 1861 г. был отклонен, а заседания его отсрочены. Большинство голосов рейхсрат 2 июля одобрил политику двора относительно Венгрии. Однако 22 депутата, в основном чехи и поляки, протестовали против действий правительства, назвав их «поспешными», а решение палаты «антиконституционным вмешательством рейхсрата в переговоры между короной и венгерским государственным собранием».

Летом 1861 г. выявилась непримиримость позиций конфликтующих сторон. 21 июля Франц-Иосиф, отклонив конституцию 1848 г. в качестве базы для переговоров, как того добивались венгерские лидеры во главе с Деаком, в ультимативной форме потребовал посылки делегатов Венгрии в рейхсрат, урегулирования отношений с Хорватией в соответствии с положениями Октябрьского диплома и обеспечения «национальных прав» невенгерского населения королевства. Последнее свидетельствовало о намерении двора вновь прибегнуть к методу разжигания национальной розни. 23 июля последовал роспуск государственного собрания. На заседании рейхсрата 23 августа Шмерлинг объявил венгерские устремления к восстановлению конституции 1848 г. угрозой для других народов империи, не упустив, таким образом, случая использовать «национальную идею» в интересах австрийской политики. Польские и чешские деятели А. Потоцкий, Ф. Ригер, Г. Клам-Мартиниц настаивали на продолжении переговоров с мадьярами, указывая на то, что в случае новых внешнеполитических осложнений «неудовлетворенная и раздраженная Венг-

рия» может стать опасной для монархии [340, т. 1, с. 100—101]. На сторону Венгрии встал польский либерал Фр. Смолька. Страстно прозвучали его слова о том, что Венгрию не сделать «австрийской провинцией», как это не удавалось и в прошлом [3*]. Десятки комитатов послали приветствия в адрес Смольки; его избирали почетным членом комитатских собраний. Подобные же письма ему направлялись из Чехии и Моравии и даже из австронемецких земель. Избиратели одного из рабочих округов Вены заявили, что насилие над Венгрией явилось бы смертельным ударом «по нашей прекрасной Австрии» [Zdrada, 1963].

Централистская и антивенгерская политика правительства нашла поддержку главным образом у крупной австронемецкой буржуазии. Голосами буржуазных представителей обеих палат рейхсрат одобрил политику Шмерлинга. Ее проводником помимо бюрократии стала первая парламентская партия Австрии — великоавстрийская Конституционная партия. Несмотря на наличие в программе партии туманно выраженных элементов традиционного «федерализма», пафос ее был направлен против автономистских устремлений, особенно венгерских. Главным и для Шмерлинга и для партии было соблюдение единства империи.

Однако эту жесткую в отношении Венгрии позицию разделяли не все представители австрийской буржуазии. Ф. Шузелка в рейхсрате, А. Цедик в нижнеавстрийском ландтаге, например, ратовали за соглашение с Венгрией и за уважение ее конституционных прав [340, т. 1, с. 53—57]. О том что в либеральной части австрийской общественности находит все больше сторонников идея соглашения с венгерской оппозицией, свидетельствовал также выход в свет весной 1861 г. брошюры «К решению венгерского вопроса». Ее авторы, участник мартовского восстания 1848 г. в Вене левый либерал А. Фишхоф и правовед Й. Унгер, предлагали заключить соглашение между Венгрией, с одной стороны, и немецко-славянскими провинциями Австрии — с другой на основе парламентаризма, создания в обеих частях империи ответственных перед парламентами правительств, выделения общеимперских дел (внешних, военных, торговых, валютно-финансовых) и учреждения для их решения особых делегаций обоих парламентов [4*].

Однако в начале 60-х годов для осуществления идеи дуалистического переустройства империи не созрели условия в самой Австрии (Цислейтании). Ее отвергали династия, военщина и бюрократия. На ее пути стояли централистские устремления крупной австронемецкой буржуазии, хотя централизм последней не был тождествен династическому, абсолютистскому централизму, ибо в интересах буржуазии было учреждение хотя и централизованной, но парламентарной монархии [257, с. 382; 267, с. 355]. Австронемецкая буржуазия еще не понимала связи между решением венгерского национального вопроса и торжеством буржуазной конституционности в самой Австрии. Прого-

лосовав в рейхсрате за доверие Шмерлингу, она тем самым высказалась не только за сохранение неоабсолютистских порядков в венгерской половине империи, но обрекала и себя на политическое прозябание.

Правительство вернулось в Венгрии к методам произвола, хотя и не сумело полностью восстановить неоабсолютизм. В свою очередь, венгерское либеральное движение остерегалось революционных средств борьбы, предпочтя им путь пассивного сопротивления. 28 августа 1861 г. комитатское собрание Пешта, выразив доверие государственному собранию и протест против его роспуска, призвало страну к сопротивлению режиму. Вслед за комитатом Пешт другие комитаты, отказываясь от взимания налогов и набора рекрутов, заявляли о нежелании сотрудничать с правительством. 5 ноября 1861 г. в Венгрии было введено чрезвычайное положение. Недолговечный конституционный эксперимент пришел к концу. Была запрещена деятельность представительных учреждений, в ряде комитатов введено военное судопроизводство. Наместником Венгрии был назначен граф Мориц Палффи, в 1849 г. командовавший жандармерией, человек, на совести которого были сотни казненных патриотов. Новый режим был назван «провизориумом», т. е., временным. Однако он просуществовал четыре года. Следуя совету вождя венгерской либеральной оппозиции Деака, дворянство бойкотировало правительство. Но оно уклонялось и от активных антиавстрийских действий. Эмиграция тщетно призывала оппозицию к совместным с другими национальными движениями выступлениям против австрийской власти [367, с. 299].

В целом политическая обстановка к 1862 г. стала более благоприятной для правящих кругов. Вполне определился спад революционной ситуации, что не в последнюю очередь было связано с некоторым оживлением экономики. В этих условиях Шмерлинг полагал, что правительство «может ждать».

Предложенная Кошутом в 1862 г. альтернатива — Дунайская конфедерация в составе Венгрии, Сербии и Румынии, неременным условием осуществления которой было решение национального вопроса в Венгрии, встретила со стороны венгерского дворянства враждебный отклик. Тогда лидеры эмиграции решили действовать помимо оппозиции, руководимой Деаком. Благоприятные обстоятельства для этого создало польское восстание против царизма в 1863 г. Солидарность венгерского народа с польскими борцами за свободу проявилась в разнообразных формах — от сбора средств, денег, оружия, медикаментов до участия в боях на стороне повстанческой армии отдельных групп и лиц. Активизировала свою деятельность венгерская эмиграция, считавшаяся с возможностью перерастания восстания в военное столкновение империи Габсбургов с царской Россией. Одновременно с формированием венгерского экспедиционного корпуса в Италии развернули деятельность тайные организации в самой Венгрии, выполнявшие указания Кошута о подготовке к восста-

нию. Как и в 50-е годы, заговорщическая тактика не имела успеха. Весной 1864 г. заговоры были раскрыты, их участники арестованы. Эти события и поражение польского восстания усилили примиренческие в отношении Габсбургов настроения среди имущих классов Венгрии. Оппозиция жаждала мирного улаживания конфликта с Австрией. Того же желала и австрийская буржуазия, разочарование которой в Шмерлинге усиливалось с каждой неудачей внешней и внутренней политики правительства.

Сохранение абсолютистских порядков в восточной половине империи не только сдерживало дальнейшее продвижение Австрии по пути буржуазных преобразований, но делало сомнительным устойчивость и той карикатурной конституционности, которой пользовалась западная половина монархии. Осознание взаимозависимости двух проблем подогревало оппозиционность австрийской буржуазии в отношении Шмерлинга. В противоположность министру либералы заявляли, что они «не могут ждать». С лета 1864 г. в Австрии все настойчивее звучало требование созыва венгерского государственного собрания. Основанная в 1864 г. либеральная газета «Нойе фрайе прессе» указывала, что без урегулирования конфликта с Венгрией невозможны либеральные реформы в самой Австрии.

6. От централистского курса к дуализму (1865—1866 гг.)

1865 год стал поворотным в венгерской политике Вены. В тронной речи императора на открывшейся в декабре 1864 г. сессии рейхсрата выражалась надежда на восстановление конституционной жизни в Венгрии. В ответной на тронную речь петиции (адресе) рейхсрата подчеркивалась важность восстановления конституции в Венгрии и Хорватии. От имени Конституционной партии один из ее лидеров М. Кайзерфельд, предлагая партии Деака союз на основе признания «имперской идеи», требовал созыва венгерского государственного собрания.

Уже в конце 1864 г. за спиной своего министра монарх предпринимал первые попытки контактов с венгерской оппозицией. На секретных переговорах с Деаком в январе—феврале 1865 г. правительство стремилось к тому, чтобы при удовлетворении венгерских требований не пострадало единство империи. Поворот в политике Вены был очевиден. Уже в начале 1865 г. Франц-Иосиф пригласил на пост первого министра наместника Чехии графа Р. Белькреди. Хотя последний не решился тогда принять предложение, ему было поручено завязать сношения с венгерскими деятелями. Тем самым судьба Шмерлинга была решена. И тогда инициативу вновь взял на себя Ф. Деак. В его «пасхальных статьях» (первая опубликована в «Пешти Напло» 16 апреля 1865 г.) были сформулированы принципы примирения, которые сводились к следующему: 1. Безопасность импе-

рии. 2. Соблюдение основных положений венгерской конституции. 3. Гарантия конституционной свободы в австрийских землях, т. е. в Цислейтании. Отказ от восстановления в полном объеме конституции 1848 г. и подчинение венгерских национальных целей целостности и великодержавной позиции монархии означали существенную уступку венгерского либерализма габсбургскому централизму. Но в то же время Деак отвергал идею центрального парламента, который, по его мнению, мог бы стать источником чрезмерной концентрации власти. Венгерский лидер отстаивал принцип равноправия земель венгерской короны с совокупностью цислейтанских провинций. Предварительным условием соглашения он считал создание венгерского правительства и созыв государственного собрания.

Перспектива австро-венгерского соглашения вызвала озабоченность руководящих деятелей национальных движений. В начале июля 1865 г. группа депутатов чешского сейма подписала петицию, требовавшую уважения чешского исторического права, образования единого парламента чешских земель, реформы избирательного права и назначения чешского придворного канцлера, в задачу которого должно было входить отстаивание чешских требований во время предстоящих переговоров о соглашении с мадьярами. На этот пост прочили Ригера [5*]. Нескрываемой тревогой была проникнута статья Палацкогго «Идея австрийского государства»: «Мы с болью будем следить за рождением дуализма, с болью, но без страха. Мы были до Австрии, будем и после нее» [17*]. Эта ставшая знаменитой фраза автора достопамятного заявления в 1848 г. о том, что «если бы Австрии не было, ее следовало бы создать», свидетельствовала не только об эволюции Палацкогго, но и о знаменательных изменениях в положении славянских народов и самой Австрии. Другой чешский лидер, Сладковский, отправился в Пешт, чтобы изложить чешскую позицию перед венгерскими либералами: чехи готовы признать персональную унию, но «отвергают любого рода мадьярскую супремацию».

Орган австронемецких либералов «Ди прессе» 20 апреля в отклике на «пасхальные статьи» Деака сослался на «славянскую угрозу» и похвально отозвался о выступлении Деака в пользу сохранения единства монархии, давая тем самым понять желательность австро-венгерского соглашения на антиславянской базе.

В конце июля 1865 г. император устранил Шмерлинга. Сменивший его Белькреди симпатизировал полуфеодальному «федерализму» в духе Октябрьского диплома. Свою миссию он видел в урегулировании «венгерского вопроса, важнейшего и наиболее жгучего». Задачу решения «главной внутривосточной проблемы, венгерского вопроса» с соблюдением принципа «единства монархии» поставил перед кабинетом Белькреди император.

Вслед за Воеводиной и Меджимурьем жертвой, принесенной на алтарь австро-венгерского соглашения, теперь оказалась Тран-

силвания, которая являлась одной из территорий венгерской короны св. Иштвана. В 1848 г. во время революции была провозглашена уния Трансильвании с Венгрией, но в 1849 г. Трансильвания была отделена от королевства. Выполняя требование Деака, считавшего воссоединение Трансильвании с Венгрией условием начала переговоров, император заявил министрам, что «главным вопросом» является уния Трансильвании с Венгрией и потому следует прежде всего выяснить ее содержание. Белькреди рекомендовал «особую осторожность в отношении румын», составлявших большинство населения края, так как «несоответствующие обстоятельства действия легко могут их возбудить и толкнуть к Дунайским княжествам, которые их и без того притягивают». Поглощение Трансильвании (Венгрией. — *Ред.*), указал он далее, «может встревожить все земли по эту сторону Лейты», т. е. в Цислейтании, ибо Трансильвания признала имперскую конституцию, а Венгрия — нет. Но Франц-Иосиф заявил, что включение («инкорпорация») Трансильвании в состав Венгрии является условием того, чтобы венгерское государственное собрание могло выполнить свои задачи, добавив, правда, к этому, что властям будет поручено обеспечить сохранение «самостоятельной администрации Трансильвании». Это обещание оказалось пустой фразой. Но поскольку надо было принять какие-то меры во избежание возмущения румын, династия вновь обратила свои взоры на клерикальную реакцию.

Типичная для габсбургской политики опора на наиболее консервативные силы национальностей в наиболее «чистом» виде проявилась именно при проведении трансильванской акции. Двор вознаграждал румынский клир за служение династии. Начиная с 1861 г. из казны стали выдаваться значительные субсидии на содержание православного духовенства и церковноприходских школ, а Андрей Шагуна в декабре 1864 г. удостоился сана архиепископа. Осенью 1865 г. при обсуждении на совете министров вопроса о создании единой православной церкви румын Трансильвании и Венгрии и расширении прав архиепископа подчеркивалось, что усиление влияния Шагуны — в интересах трона [Hitchins, 1965]. Союз династии с румынским духовенством обеспечил безболезненное урегулирование трансильванской проблемы за счет национальных интересов румын.

Более трудным оказалось решение хорватского вопроса. Триединое королевство — Хорватия, Славония и Далмация — с точки зрения «исторического права» входило в состав Венгерского королевства (земель короны св. Иштвана) с XII в. на правах автономии. Но Хорватия и Славония в 1848 г. отделились от Венгрии, Далмация же после ликвидации Венецианской республики фактически составила австрийскую провинцию и подчинялась непосредственно Вене. Решение проблемы осложнялось конфликтом хорватов как с Венгрией, так и с австрийским правительством, а также стремлением хорватов присоединить Далмацию. В 1861 г. сабор подтвердил разрыв прежних связей с Венгрией.

а вместе с тем отказался послать своих представителей в австрийский рейхсрат. Далматинским вопросом венский двор пользовался в качестве средства давления на строптивый сабор. В начале 60-х годов поглощенная борьбой против абсолютистских поползновений двора Венгрия придерживалась в отношении Загреба примирительного тона. Государственное собрание 1861 г. заявило о нежелании венгров игнорировать государственно-правовые требования Хорватии и о готовности вступить с нею в переговоры «как нация с нацией».

Одновременное противодействие Хорватии имперскому централизму и венгерскому гегемонизму, сокращавшее ее возможности сыграть на противоречиях Пешта с Веной, ухудшило перспективы достижения ею автономного статуса в рамках империи. Любое возможное соглашение между Веной и Пештом обрекало ее на роль жертвы. Ход обсуждения хорватского вопроса на совете министров в 1865 г. показывает, что по мере австро-венгерского сближения он терял самостоятельное значение, становясь частью общего сговора, направленного против народов монархии. В январе 1866 г. правительство отклонило петицию сабора о предоставлении Хорватии-Славонии особого автономного статуса, считая, что расширение сферы полномочий сабора возможно лишь в той мере, в какой его допускают «законы, регулирующие государственно-правовые отношения Хорватии с Венгрией и монархией». Отклонение хорватских предложений если и не предопределило будущее положение Хорватии и Славонии в складывающейся дуалистической структуре монархии, которое было зафиксировано в 1868 г., то наметило тенденцию взаимоотношений трех сторон на последующие десятилетия. Важно отметить, что это произошло и до войны с Пруссией и до заключения австро-венгерского соглашения.

С еще большей легкостью правительство обошлось с хорватскими требованиями о присоединении Далмации. 19 сентября 1865 г. совет министров принял решение не обсуждать этого вопроса «до тех пор, пока не будут урегулированы отношения Хорватии с Венгрией», оставив тем самым эту хорватскую провинцию в составе австрийских земель.

Подготовка дуалистического переустройства монархии потребовала решения ряда вопросов, часть которых выходила за рамки непосредственно австро-венгерских отношений. К ним относился галицийский вопрос, который представляет интерес и потому, что подход к его решению несколько отличался от способа решения проблем других провинций. В галицийской политике Габсбургов, на которую влияло недавнее восстание 1863 г., отчетливо проступали элементы социальной демагогии. Общность классовых интересов побуждала венских министров искать союза с аристократией и шляхтой, которые, однако, имели свои особые, выходявшие за рамки монархии интересы, связанные с польским национальным вопросом. Чтобы держать в узде польскую шляхту, монархия апеллировала к ее противнику — украинскому

и польскому крестьянству, а в случае крайней нужды стремилась использовать его против шляхты.

В 1865 г. имело место проявление обеих указанных тенденций венской политики. В сентябре 1865 г. правительство помиловало подавших прошение польских заключенных — участников восстания 1863 г. В декабре того же года было выделено 500 тыс. флоринов для пострадавших от неурожая крестьян Галиции. Одновременно правительство обязало наместника Галиции разъяснить крестьянам, что этим «они обязаны исключительно отеческой милости его величества». Австрийское господство в Галиции основывалось на использовании классовых и национальных противоречий. В ситуации 60-х годов монархия была вынуждена, опираясь на имущее крестьянство, ограничивать политическую активность шляхты. Но такое положение продолжалось лишь до заключения австро-венгерского соглашения.

В сентябре 1865 г. наступил новый этап в процессе дуалистического переустройства империи. Конституция и рейхсрат оказались помехой на пути соглашения с Венгрией. 17 сентября императорский патент объявил о «временном прекращении» действия конституции и роспуске рейхсрата. Тем самым были устранены остатки мнимого парламентского устройства в австрийской половине монархии. Конец Февральской конституции и созданного на ее основе рейхсрата, восторженно встреченный в славянских землях, — сеймы Галиции и Чехии выразили благодарность императору — вызвал лишь слабый протест в австронемецких провинциях.

Правительство избрало путь соглашения с Венгрией без участия конституционных учреждений Цислейтании. Был издан указ о созыве венгерского государственного собрания, сессия которого началась 14 декабря 1865 г. тронной речью Франца-Иосифа. Наступил заключительный этап согласования условий австро-венгерского соглашения. Но между династией и правительством, с одной стороны, и венгерскими господствующими классами — с другой, а также в государственном собрании, еще имелись существенные разногласия. Они касались вопросов ревизии конституции 1848 г., ответственного правительства Венгрии и общих для Австрии и Венгрии дел. В феврале 1866 г. переговоры венгров с правительством Белькреди зашли в тупик. По инициативе Деака в марте 1866 г. государственное собрание создало «комиссию 67» и «подкомиссию 15» для разработки предложений о регулировании общих дел.

7. Поражение Австрии в войне 1866 г. и оформление австро-венгерского дуализма

Во время войны 24 июня были опубликованы предложения «подкомиссии 15». Это произошло в день австрийской победы на итальянском фронте под Кустоцей. 26 июня было объявлено об отсрочке на период войны заседаний государственного собра-

ния. Деак согласился с прекращением заседаний вопреки мнению своего единомышленника Дьюлы Андраши, считавшего, что это даст возможность правительству игнорировать интересы Венгрии. Деак не изменил линию своего поведения и после поражения австрийцев под Садовой (Кёниггрец). Он заверил Франца-Иосифа в том, что Венгрия ничего не желает сверх того, что требовала до поражения австрийского оружия [346, с. 230—232].

Война, последствием которой было исключение Австрии из Германского союза и прекращение «германской миссии» Габсбургов, положила конец еще имевшимся в австрийских влиятельных кругах сомнениям относительно неизбежности австро-венгерского дуализма. Соглашение с венграми стало неотложным делом, которого требовали как внутренние, так и внешнеполитические соображения.

Для венгерских либералов одинаково нежелательным был разгром любой из воюющих сторон. В случае развала Австрии, ибо тогда никто не мог предположить, что победитель окажется столь «великодушным», зажатая в тиски между Российской и Германской империями Венгрия была бы поставлена лицом к лицу с собственными славянами и румынами. В случае же поражения Пруссии Габсбурги могли бы отказаться от уступок Венгрии, на которые они соглашались до войны. Отсюда стремление Деака подвести здание дуализма под крышу еще до развязки австро-прусского конфликта. Отсюда и его обращенные к собственной партии призывы к умеренности.

Война остро поставила вопрос не только о государственном устройстве империи, но и о национальной принадлежности австрийских немцев. Анализируя последствия австро-прусской войны 1866 г., Ф. Энгельс в 1870 г. указал, «что австрийские немцы должны теперь, в конце концов, поставить перед собой вопрос о том, кем они хотят быть — немцами или австрийцами? Что им дороже — Германия или же их внегерманские привески по ту сторону Лейты? Давно уже было ясно, что они должны отказаться либо от того, либо от другого, но это всегда затушевывалось мелкобуржуазной демократией»²⁷. В политическом смысле эту дилемму для складывавшейся нации австрийских немцев решил Бисмарк, продиктовав в августе 1866 г. условия мира в Праге, важнейшим из которых было вытеснение Габсбургов из Германии. Более сложным и длительным был процесс складывания самостоятельного национального самосознания австрийских немцев. Существенный его элемент — так называемый «австрийский патриотизм», однако, включал в себя привязанность и к родине в узком смысле слова, то есть ограниченной рамками собственно Австрии, и к монархии в целом, и к так называемой «общей родине» немцев. Садова и австро-венгерское соглашение 1867 г., ограничив географические границы патриотизма австрийских немцев Цислейтанией, создали ему более

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 415.

определенную почву, несмотря на то, что и в австрийской половине монархии немецкоязычное население составляло меньшинство. Раздвоение национального самосознания австрийских немцев между Германией и собственным домом, лишь неофициально называвшимся Австрией, сохранялось долго. Этой раздвоенности способствовали общность языка и общность культуры. Формирование в 60—70-х годах XIX в. двух новых национально-политических общностей — немцев Германской империи и немцев Австрии не означало отказа от общих культурных ценностей. Национальному самоопределению австрийских немцев мешали помимо этого и политические факторы; процесс этот затупевывался «мелкобуржуазной демократией», очевидно, не без расчёта.

Все же Садова стала исходной точкой эволюции национального самосознания австрийских немцев, рубежом длительного процесса формирования австрийской нации. Новая ситуация потребовала пересмотра сложившихся веками ценностей — в общественной психологии не меньше, чем в сфере политики. Выброшенные за пределы Германии, австрийские немцы должны были со всей остротой ощутить свое одиночество среди превосходящих их численно народов государства. Неудивительно, что часть австронемецкой буржуазии видела спасение уже не в австрийской гегемонии над Германией, а в смиренном присоединении (аншлюсе) к мощному немецкому государству. Иными словами, появилась возможность зарождения новой, направленной против монархии, оппозиции уже среди австрийских немцев, на протяжении веков бывших опорой Габсбургов. Другая, большая часть австронемецкой буржуазии ориентировалась только на монархию и в новых условиях отчетливо сознавала невозможность сохранить без сильного союзника австронемецкую гегемонию даже в Цислейтании. Таким союзником могла быть только Венгрия.

На эти вопросы первыми попытались дать ответ австронемецкие либералы. Через несколько недель после Садовы А. Фишхоф выступил с серией статей, собранных вскоре в брошюре «Взгляд на положение Австрии». Фишхоф предлагал соотечественникам сделать разумные выводы из постигшей их катастрофы. Отторжение Венеции, указывал он, небольшая потеря, ибо она никогда не была органической частью Австрии. Выход из Германского союза может иметь только позитивные последствия: Австрия перестанет тратить силы в борьбе за иллюзорные цели. Австрийские немцы должны осознать, что силой обстоятельств они должны стать на путь самостоятельного национального развития [6*]. Необходимо, писал Фишхоф, договориться с Венгрией на основе предложений «комиссии 15». Другой либерал, тоже участник революции 1848 г., находившийся до 1858 г. в эмиграции, публицист Б. Фридманн также настаивал на осуществлении дуализма, который он считал единственно целесообразной формой организации государства на пути перехода к конституционной монархии. Однако, как и многие другие, Фридманн

воспринимал дуализм как вынужденный шаг, необходимый для достижения конечной цели — централизованной монархии с «общеемперским представительством» и «единой конституционной жизнью» [449].

В сентябре 1866 г. по инициативе лидера группы так называемых грацских автономистов М. Кайзерфельда в Бад-Аусзее было создано совещание немецких депутатов рейхсрата для обсуждения положения австрийских немцев в монархии. Было решено создать немецкую партию в Австрии в целях самостоятельного политического развития австрийских немцев, не прерывая их связь с германской нацией. Совещание высказалось за осуществление «ограниченного дуализма», т. е. за передачу «общих дел» империи в ведение «общего парламента», о котором мадьяры и слышать не хотели. Участники его выступили не только против переустройства всей монархии в федеративном духе, но и против земельного федерализма в Австрии, сторонником которого слыл Белькреди. Они допускали возможность расширения полномочий провинциальных ландтагов, но при сохранении общего представительства цислейтанских провинций. Почти одновременно австронемецкие либералы отклонили предложение о чешско-немецком компромиссе. В ноябре 1866 г. Кайзерфельд провозгласил программу, проникнутую духом агрессивного национализма: «Австрия, — говорилось в ней, — создана в первую очередь трудом немцев. И вновь возродить ее могут только немцы. Без них или вопреки их воле эта империя не может быть сформирована. И если немцы хотят выполнить свою миссию, им прежде всего нужно чувствовать себя немцами, с величайшим уважением относиться к своей немецкой сущности» [449].

Летом и осенью 1866 г. австронемецкие либералы поддерживали контакты с партией Деака, которая, не соглашаясь с их идеей общеимперского парламента, благосклонно отнеслась к националистическим домогательствам авторов аусзейской программы. Эта программа была восторженно встречена немецкими депутатами от чешских земель. В таких условиях принятая 26 июля в Вене конференцией представителей славянских земель федералистская программа не могла рассчитывать на успех. Активизация политической деятельности славян в Вене, которая свелась к обмену мнениями славянских лидеров с императором и Белькреди, оказалась бесплодной.

Двор в 1866 г. не испытывал нужды в сотрудничестве со славянами, как это было в 1848—1849 гг. Монархии не приходилось опасаться даже наиболее сильного из славянских национальных движений — чешского. Это показали события лета 1866 г. И без всяких посулов со стороны династии чехи искали у нее защиты. Антиавстрийские проекты И.-В. Фрича и его призывы к свержению монархии не имели успеха. Не встретил ни сочувствия, ни отклика у чехов манифест прусской верховной ставки «К жителям славного Чешского королевства», в котором Бисмарк намекал на возможность восстановления самостоятельной Чехии

подобно венгерскому королевству. «Если наше правое дело победит, — говорилось в прусском манифесте, — для Чехии и Моравии возможно наступит момент, когда их национальные чаяния смогут осуществиться, так же как и венгров». Своеобразным ответом на эти реверансы Бисмарка явилось демонстративное празднование дня рождения императора Франца-Иосифа на оккупированной пруссаками чешской территории. Сходная по существу реакция в Венгрии на внезапно блеснувшую возможность достижения независимости в союзе с Пруссией, но без подобных изъявлений лояльности к династии, недвусмысленно свидетельствовала о настроениях буржуазно-дворянской общественности угнетенных наций империи. Ни одна из угнетенных Габсбургами наций в лице своих ведущих социально-политических сил не пожелала воспользоваться бедственным положением монархии, чтобы сбросить вековое иго.

Ни призывы Кошута, Клапки и Тюрра, чьи имена в сознании венгерского народа были окружены легендарным ореолом, ни вторжение венгерского легиона на территорию страны летом 1866 г. не смогли побудить массы к активному антиавстрийскому выступлению. Заручившись заверениями Бисмарка о том, что в мирный договор с Австрией будет включена статья, гарантирующая восстановление конституции Венгрии и ее самостоятельного положения, Клапка 28 июля с отрядом пересек имперскую границу у Остравы. Несмотря на то, что в этот день было заключено перемирие, в надежде на восстание он возобновил движение отряда и уже вопреки прусскому командованию 3 августа проник на венгерскую территорию. Но на следующий день, убедившись в беспочвенности своих расчетов, Клапка возвратился обратно.

Надо отметить, что плачевно окончилась и австрийская попытка создать венгерский добровольческий отряд, своего рода «антилегион», несмотря на обращение Франца-Иосифа к населению Венгрии. Наоборот, настроения народных масс давали основания ждать скорее антиавстрийских выступлений, нежели их участия в войне на стороне Австрии. Королевский комиссар Верхней Венгрии предупреждал начальство, что «в некоторых комитетах надо опасаться, что оружие, выданное народу, может быть использовано для совершенно других целей» [Galantai, 1966].

Объяснить подобный оборот дела можно, вероятно, двумя причинами: спадом революционной ситуации еще в начале 60-х годов и международной обстановкой, при которой каждый из отколовшихся от монархии народ должен был считаться с угрозой поглощения со стороны какой-либо из соседних держав.

Садова поставила на повестку дня осуществление одного из главных требований Деака и его партии — формирование ответственного венгерского правительства. 19 июля Франц-Иосиф, с удовлетворением выслушав заявление Деака, что он не намерен выдвигать новых требований, предложил ему сформировать правительство. Деак, однако, сославшись на то, что на пост премьера требуется более гибкий политик, предложил кандида-

туру Андраши [245, т. 3, с. 583]. Последний, трижды побывавший в эти дни у императора, в своих переговорах с Белькреди и другими представителями короны отстаивал основные предложения «комиссии 15» и отклонял все попытки ограничить права венгерского парламента и правительства. Круг обсуждавшихся вопросов, вероятно, далеко выходил за рамки чисто венгерских проблем. Венгерских собеседников интересовали принципы внутренней организации Цислейтании. Австрия должна получить парламентарно-конституционное устройство, полагал Андраши, но так, чтобы при этом не сказалось численное превосходство славян. Исключение может быть сделано для Галиции, которой, по его мнению, желательно предоставить статус, схожий с положением Хорватии в рамках Венгерского королевства. В Австрии следует образовать либеральное правительство, но без демократических тенденций [429, с. 300; 257, с. 430].

Венгерские представители установили контакты и с австро-немецкими либералами. Результатом этих переговоров явилось признание австрийцами предложений «комиссии 15» в качестве основы для решения «общих дел». В сентябре 1866 г., таким образом, сложилось нечто вроде политического союза венгерских умеренных с австрийскими либералами. Под давлением либералов в конце 1866 г. ландтаги Штирии и Нижней Австрии решительно высказались за соглашение с Венгрией на условиях дуализма. Кайзерфельд, в частности, заявил в штирийском ландтаге: «Мир с Венгрией означает для Австрии вопрос быть или не быть, и этот мир надо заключить быстро» [7*].

Между тем после заключения Пражского мира 23 августа официальные переговоры по вине придворных кругов шли медленно. В сентябре близорукие венские политики выступили с проектом образования консервативно-либерального венгерского правительства во главе с Палом Шенньеи, не понимая, что блок Деака с политическим трупом — консервативной партией, скомпрометировавшей себя сотрудничеством с неоабсолютизмом, был бы равносильен дискредитации венгерских либералов, единственной силы, способной осуществить австро-венгерское соглашение.

Для устранения последних препятствий с пути дуализма потребовался новый поворот в венской политике, который был связан с приходом в австрийское правительство Ф. Бейста, бывшего министра саксонского двора, уволенного со службы по требованию Бисмарка. Бейст стал министром иностранных дел Австрийской империи 30 октября. Миссия нового министра заключалась не только в том, чтобы возглавить австрийскую дипломатию, но, главное, довести до конца примирение с венграми. По его рекомендации был обнародован указ о созыве государственного собрания 19 ноября.

Государственное собрание по предложению Деака потребовало немедленного восстановления конституционного строя и назначения ответственного правительства. Вместе с тем, чтобы предотвратить радикализацию венгерских требований, либеральная партия

призвала общественность к умеренности. Один из ее деятелей, будущий министр Х. Болдижар подчеркнул, что Австрии угрожают разложением те же элементы, что и Венгрии, и «общность интересов представила бы наиболее естественную основу союза». Он подразумевал Россию и угнетенные национальности Венгрии и Австрии. Антиславянская направленность политических установок правящих кругов империи принимала все более реальные очертания. Характерно, что наибольшую дискуссию в государственном собрании вызвали не условия соглашения, а национальный вопрос. Осуждая нежелание венгерских деятелей урегулировать внутривенгерские национальные взаимоотношения до стовора с Австрией, серб С. Милетич заметил, что «государственное собрание исходит из того, что с нами легче разделиться, если договориться с Австрией и короной». Урегулирование со славянами и румынами, а не австро-венгерский союз против славян, полагал сербский депутат, создаст гарантию против возрождения абсолютизма. Деак, поддержанный подавляющим большинством палаты, отверг предложения Милетича, заявив, что венгерская конституция не признает «федералистского принципа национальностей».

Тем временем Бейст договорился с Деаком об условиях разработанного комиссией государственного собрания проекта. В январе провалилось предложение Белькреди о том, чтобы соглашение было обсуждено ландтагами 17 провинций Цислейтании. Ведь в ландтагах могли одержать верх сторонники федерализации австрийской половины монархии, чего не хотели допустить ни австрийские централисты, ни венгерские либералы, ни Бейст. Белькреди подал в отставку и был уволен 7 февраля 1867 г. Никто не посчитался с его предсказанием, что «конституционность, основанная на господстве меньшинства, т. е. прежде всего немцев и мадьяр, всегда будет в Австрии мнимой» [429, с. 302]. 17 февраля был подписан указ о назначении Андраши премьер-министром Венгрии, но уже 15 февраля под председательством Франца-Иосифа, теперь уже в качестве венгерского короля, состоялось первое заседание ответственного правительства Венгрии. Соглашение состоялось без обсуждения его каким-либо представительным учреждением Австрии.

Рескриптом от 17 февраля Франц-Иосиф, провозгласив восстановление конституции Венгрии и образование ее ответственного правительства, выразил надежду, что государственное собрание внесет в конституцию изменения в интересах безопасности трона и «жизненных условий существования» империи. В марте палата, обсудив предложения комиссии по «общим делам», большинством голосов, 257 против 117, приняла их. Чтобы убедить общественность в необходимости пожертвовать частью венгерского суверенитета, Деак и его сторонники ссылались на внешнюю угрозу и опасности, грозящие со стороны национальностей Венгрии.

В марте 1867 г. палата отклонила попытку депутатов невенгерских наций добиться хотя бы обсуждения национального во-

про́са до утверждения законопроекта об «общих делах». Прав был Милетич, когда обвинял большинство государственного собрания в намерении оттянуть обсуждение национального вопроса до тех пор, пока новая власть не будет укреплена. Правительство и палата приступили к его рассмотрению лишь в 1868 г., когда можно было разговаривать с народами Венгрии с позиции силы.

Не только угнетенные народы Венгрии, но и все народы Австрии, включая и австрийских немцев, заключением соглашения были поставлены пред свершившимся фактом. Лишь спустя три месяца после соглашения, 20 мая, династия представила австрийскому рейхсрату текст соглашения. Австрийским либералам ничего не оставалось, как одобрить его в надежде, что конституционный строй вслед за Венгрией будет установлен и в Цислейтании. Это произошло спустя полгода, 21 декабря 1867 г., принятием австрийской конституции [267, с. 315].

Оценивая классовый компромисс венгерских помещиков с австрийской крупной буржуазией и землевладельцами с точки зрения интересов трудящихся и в первую очередь пролетариата, Ф. Энгельс, а затем В. И. Ленин отметили две его главные особенности— подавление рабочих и усиление национального гнета.

«Австрия в результате войны 1866 г., — писал Ф. Энгельс в 1870 г., — попала как подарок в руки буржуазии». И далее: «Но буржуазия не умеет господствовать, она бессильна и ни на что не способна. Она умеет лишь одно: неистовствовать против рабочих, как только они приходят в движение. Она остается еще у кормила правления только потому, что она нужна *венграм*»²⁸. Из этого анализа сущности политики австрийской буржуазии вытекает и другой вывод — а именно, что и ее партнер по соглашению — венгерские помещики и буржуазия могли удержать свое господство только потому, что это было в классовых интересах буржуазии Цислейтании.

Австро-венгерское соглашение 1867 г., которое завершило начавшуюся в 1848 г. эпоху буржуазных революций в Дунайской империи, установив в обеих половинах двуединой монархии буржуазные по существу и конституционные по форме порядки, открыло тем самым определенный простор для развития капиталистического производства и создало необходимую для этого, более или менее устойчивую политическую структуру. Дуализм «сверху» расчистил путь для окончательного утверждения буржуазных отношений и повсеместного распространения их во всех уголках монархии [53, т. 2, с. 236].

Глубокий анализ противоречивой сущности австро-венгерского дуализма дал В. И. Ленин. В Австрии, указывал он, имея в виду империю в целом, буржуазно-демократическая революция «началась 1848 годом и закончилась 1867-ым. С тех пор почти полвека там господствует установившаяся, в общем и целом, буржуазная

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 414.

конституция, на почве которой легально действует легальная рабочая партия»²⁹. Ленин пришел к выводу, что упрочение основ «политической свободы и конституционного строя»³⁰ в империи Габсбургов было бы невозможно без революции 1848—1849 гг. и без «глубокого государственного кризиса 1859—1866 годов»³¹.

Переход от неабсолютизма к буржуазно-конституционному строю через «государственный кризис» 60-х годов свершился не революционным путем, а верхушечным сговором господствующих классов двух сильнейших из десяти наций империи, что сделало неизбежным длительное сохранение национального гнета и других пережитков феодализма и абсолютизма в государственно-политическом строе монархии, а также в экономической структуре обеих ее частей. Дальнейшее общественно-политическое развитие империи шло по пути «гнилому и медленному», по характеристике Ленина³².

Возвысив две нации над остальными, соглашение сделало национальный гнет органической частью системы дуализма. Между господствующими нациями, с одной стороны, и подчиненными — с другой, пролегла глубокая пропасть, а противостояние их друг другу стало постоянным фактором жизни как монархии в целом, так и каждой из двух ее частей. На эти взаимосвязи и скрывавшиеся в дуалистической системе потенциальные угрозы, с точки зрения венгерских национальных интересов, обратил внимание Л. Кошут. В «Письмах Кассандры», адресованных Деаку и опубликованных в мае 1867 г., великий изгнанник подчеркнул, что соглашение с Австрией исключает «удовлетворительное разрешение национального вопроса в самой Венгрии», а ее соседей — Румынию и Сербию — превращает во врагов мадьяр [8*].

Одним из важнейших элементов дуалистического устройства являлись так называемые общие для обеих частей империи дела. К ним были отнесены вопросы, касавшиеся внешней политики, вооруженных сил и их финансирования. Общие австро-венгерские министерства — иностранных дел, военное и финансовое — специфический продукт компромисса буржуазной конституционности с полуфеодалным абсолютизмом, австрийского централизма и венгерского сепаратизма — вместе с династией и двором были призваны демонстрировать единство империи как великой державы. Общие министры, назначавшиеся и увольнявшиеся монархом, не были ответственны перед парламентами обеих частей государства. Функции контрольного представительного учреждения в известной мере осуществлялись делегациями рейхсрата и венгерского государственного собрания (по 60 человек от каждого), созывавшимися для обсуждения и утверждения бюджета общих министерств и заседавшими раздельно. Доля участия каж-

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 270.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 314.

³¹ Там же, с. 84.

³² Там же, с. 59.

дой из двух половин монархии в общеимперских расходах (включая содержание двора) определялась специальными так называемыми квота-депутациями, выделявшимися из своей среды двумя парламентами.

В соответствии с венгерскими требованиями соглашение 1867 г., формально заключенное между королем и «венгерской нацией», было одобрено 21 декабря рейхсратом. В тот же день было осуществлено и другое венгерское требование — о введении конституционного устройства в австрийской половине, которая отныне официально стала называться «королевствами и землями, представленными в рейхсрате». За основу этой так называемой декабрьской конституции был взят Февральский патент 1861 г., дополненный пятью «государственными законами»: о превращении рейхсрата из имперского учреждения в цислейтанское, о правах граждан, о высших судебных инстанциях, о судебных властях среднего и низшего звена, о правительственной и исполнительной власти.

Важнейшей чертой периода 1850—1867 гг. в истории габсбургской монархии являлось то, что после поражения революции 1848—1849 гг. необходимые буржуазные преобразования произошли здесь в самой невыгодной для трудящихся масс форме — «сверху», с сохранением огромного тормозящего влияния аристократии, династии, церкви, военщины, бюрократии. Все это делало неизбежной освободительную борьбу общедемократического характера, т. е. борьбу за устранение полуфеодальной эксплуатации крестьянства, за политические свободы и равноправие, введение всеобщего избирательного права, за ликвидацию национального гнета.

8. Политика национального угнетения в дуалистической монархии

Дуалистическая система национального гнета отнюдь не означала простого деления империи на две части, в которых господствовали имущие классы двух наций — немцев и венгров. Обеспечение двунациональной гегемонии в монархии потребовало создания многоступенчатой иерархической системы регулирования межнациональных отношений. Необходимым элементом ее было предоставление определенной внутренней автономии Хорватии-Славонии и Галиции, статусы которых, однако, отличались друг от друга.

Самоуправление Галиции было достигнуто путем осуществления венским правительством в 1867—1871 гг. ряда мер по расширению компетенции местных властей и сейма, первоначально в области школьного дела. Они положили конец германизации и способствовали полонизации, особенно после объявления в 1869 г. польского языка официальным языком провинции. Прежняя габсбургская политика балансирования между двумя национальностями края уступила место откровенному поощрению одной из них — польской за счет ущемления интересов украинской. С введением в цислейтанский кабинет в 1871 г. польского министра по

делам Галиции окончательно сложилась «галицийская модель» решения национального вопроса, значение которой выходило за рамки провинции.

В лице польской помещицкой верхушки Вена обрела надежного союзника, избавившего ее от многих хлопот по поддержанию «спокойствия» в провинции, а отчасти также и по обеспечению северо-восточных границ монархии. Ценным союзником галицийская шляхта выказала себя и в делах общеимперских и цислейтанских. Не только потому, что она свела к нулю возможность общеславянских акций в масштабах монархии или хотя бы цислейтанской половины. Сильная польская фракция в рейхсрате — кóло — неизменно выступала на стороне реакционных сил монархии, поддерживала все правительственные кабинеты Цислейтании, являясь чуть ли не главной их опорой в палате депутатов.

Автономный статус Хорватии, закрепленный в 1868 г. венгеро-хорватским соглашением, вытекал из исторически сложившихся государственно-правовых связей обеих стран и соответствовал интересам лишь верхов хорватского дворянства и части буржуазии. Однако то, чего добились хорваты, оказалось недоступным для других народов монархии. В подобном статусе было отказано даже таким провинциям, как Трансильвания в Венгрии и Чехия в Австрии.

Лишь после заключения соглашения с Хорватией власти Венгрии занялись урегулированием национального вопроса. Представленный парламенту законопроект «о равноправии национальностей» в действительности даже теоретически обосновывал неравноправное положение невенгерских народов, а возведением формулы «единой и неделимой политической нации» в закон зафиксировал гегемонию мажоритаров в многонациональном Венгерском королевстве. Признавая равноправие каждого гражданина в отдельности — независимо от национальной и религиозной принадлежности, — новый закон отрицал права румын, словаков, сербов и других народов как этнических общностей. Высокий избирательный ценз фактически ставил в особо привилегированное положение господствующую нацию, к которой принадлежал класс землевладельческого дворянства.

Вместе с тем закон предусматривал свободу использования национальных языков в низших и средних звеньях администрации, в окружных и сельских судах и школах. Параграф 17-й даже обязывал органы просвещения позаботиться о том, чтобы граждане любой национальности, живущие компактной массой, получали образование и в государственных, а не только в церковно-приходских учебных заведениях на родном языке. Впоследствии, когда по мере нарастания волны мажоритаризации эти положения стали нарушаться, соблюдение указанного параграфа закона 1868 г. было одним из важнейших требований славян и румын в Венгерском королевстве.

В первые годы дуализма наметились тенденции сотрудничества не только между политическими партиями немажоритарных

национальностей, но и этих партий с венгерской оппозицией, ставившей конечной целью достижение полной независимости Венгрии. Намечалась смычка национальных движений — венгерского и угнетенных народов — в борьбе против дуализма и монархии. Сближение этих течений предполагало определенные уступки с обеих сторон. Что касается лидеров немадьярских национальностей, то склонность идти навстречу венгерским национальным требованиям имела и непосредственно после 1867 г., правда, без того воодушевления, которым были отмечены стремления к примирению с венграми в 1860—1861 гг. Слишком велико было разочарование в политике венгерского дворянского руководства. Тем не менее в 1869 г. сербская конференция в Велики-Бечкереке высказалась за поддержку венгерской «оппозиционной партии» в интересах самостоятельности земель венгерской короны и борьбы за ликвидацию делегаций и общих министерств [93, с. 143].

В 1870 г. состоялись и формальные переговоры лидеров венгерской оппозиции Эрнё Шимони, Йожефа Мадараса и других с руководителями национальных партий румын и сербов — А. Мочони, И. Ходошиу и С. Милетичем. В основу этих переговоров был положен отклоненный в 1868 г. государственным собранием румыно-сербский контрпроект, названный «Основным законом». Его авторы предлагали заменить положение закона 1868 г. о «венгерской политической нации» компромиссной формулой «политическая нация Венгрии». В апреле 1870 г. совместный проект был представлен палате. Первый параграф его теперь уже звучал так: «В Венгрии существуют следующие исторические и натурализованные нации: мадьяры, румыны, сербы, словаки, русины и немцы. Все эти народы равны перед законом. Данный основной закон регулирует политическое равенство национальностей и языков при сохранении территориальной целостности королевства и его политического единства».

Правому большинству палаты удалось сорвать обсуждение венгеро-румыно-сербского законопроекта. Тем не менее сотрудничество венгерских оппозиционных групп с депутатами неполноправных наций спорадически давало о себе знать. Так, в 1870 г. оппозиции с помощью румыно-сербского клуба в палате удалось предотвратить принятие реакционного избирательного закона. Правительство, опираясь на реакционную, в частности клерикальную верхушку национальных движений, сумело нейтрализовать влияние леворадикальных элементов. Прямым следствием этого процесса явилось резкое сокращение числа оппозиционных депутатов румын и сербов в государственном собрании — с 15 мандатов в 1869 г. до 6 в 1872 г. В первой половине 70-х годов сторонникам дуализма удалось отеснить оппозиционную «партию независимости и 48-го года». Слияние двух основных партий парламента — партии Деака с партией Калмана Тисы (1875 г.), укрепившее социальную базу системы дуализма, позволило господствующим классам развернуть наступление против угнетенных

народов под флагом откровенной и насильственной мадьяризации. В нарушение закона о национальностях 1868 г. в мае 1875 г. правительство запретило создание национальных союзов и даже культурно-просветительских организаций, если они официально назывались «национальными», поскольку якобы это противоречит принципу «единой венгерской политической нации». Последовали роспуск Словацкой матицы, арест Милетича, включение в 1878 г. в уголовный кодекс параграфа о преследовании за «национальное подстрекательство». С конца 70-х годов венгерский парламент принял серию законов с целью поставить систему образования на службу эфемерной задаче сплошной мадьяризации и создания 30-миллионного мадьярского национального государства.

Важной вехой консолидации преобразованной на дуалистических началах монархии явилась неудача попытки федерализации Австрии в 1871 г. Эта попытка была связана, с одной стороны, с национальными устремлениями чехов, а с другой — с обострением разногласий между политическими течениями господствующей в Цислейтании нации — централистским и консервативно-«федералистским». Смычка чешского федерализма с консервативным австронемецким автономизмом вызвала самый острый кризис дуалистического механизма власти вплоть до последнего десятилетия XIX в. Если в восточной половине империи национальный вопрос оказался вытесненным с повестки дня официальной политики заключением венгеро-хорватского соглашения 1868 г. и принятием закона о национальностях 1868 г., то в Цислейтании, ввиду противодействия австронемецких либералов, никаких специальных актов по урегулированию национальных взаимоотношений предпринято не было. Между тем здесь они были не менее трудно-разрешимыми, чем в Транслейтании.

Декабрьская конституция 1867 г. провозгласила национальное равноправие в Австрии, в том числе право народов свободно пользоваться родным языком, в частности в школах. Но для воплощения этого закона в жизнь народам, особенно в тех землях, в законодательных органах которых они находились в меньшинстве, пришлось вести упорную борьбу (словенцы в Штирии и Каринтии, хорваты и словенцы в Истрии). Кроме того, чехи, словенцы и хорваты стремились к большему — к политическому объединению национальной территории.

Особую остроту комплексу национальных проблем в австрийской половине монархии придавал все более разраставшийся в 1867—1871 гг. чешско-немецкий конфликт в чешских землях — Чехии, Моравии и австрийской части Силезии. Чехи не приняли дуализма, более того, удовлетворение, хотя и не полное, мадьярских национальных требований подстегнуло их решимость добиться того же или почти того же для себя. В знак протеста против австро-венгерского соглашения они в 1868 г. покинули и рейхсрат и чешский сейм, потребовав официального восстановления прав чешской короны. Реорганизация Цислейтании, согласно замыслам чешских лидеров, должна была сопровождаться объеди-

нением земель короны св. Вацлава во имя торжества политических и экономических целей чешской буржуазии.

Либерализм австро-немецких националистов не пользовался особыми симпатиями при дворе. Франц-Иосиф собирался избавиться от либералов сразу же после заключения соглашения. Однако момент благоприятный для этого наступил лишь в феврале 1871 г., когда к власти в Цислейтании пришел кабинет консервативного аристократа графа К. Хоэнварта (Гогенварта), попытавшегося произвести в австрийской политике крутой поворот. Новый «славянский консервативно-федералистский» курс, обоснованно отмечает американский историк Р. Кани, был вызван не антипатией придворных кругов «к немецкому централизму и не симпатией к славянскому федерализму [...] а желанием заменить либеральный кабинет консервативным» [324, т. 1, с. 176]. Однако события, вызванные сменой кабинета, вышли за ограниченные рамки намеченной программы.

12 сентября 1871 г. был опубликован рескрипт императора о готовности его признать государственно-правовой статут Чешского королевства и короноваться в Праге короной св. Вацлава; одновременно сейму Чехии было предложено подготовить проекты законов, определяющих как внутреннее устройство королевства, так и его отношения ко всей монархии. Сейму был представлен проект «закона о национальностях», устанавливавший взаимоотношения чехов и немцев и вводивший в Чехии билингвизм, а также так называемые Фундаментальные статьи. Душой всего предприятия был министр торговли и земледелия в кабинете Хоэнварта профессор Шеффле, разработавший указанные документы в сотрудничестве с богемскими аристократами и старочехами. Суть программы Хоэнварта-Шеффле заключалась в стремлении расширить двунациональный базис монархии путем превращения дворянства Чехии и чешской буржуазии из противника в союзника в качестве третьего компонента наряду с австрийскими немцами и венграми. Однако комбинация узкой австро-немецко-чешской консервативной и праволиберальной верхушки потерпела провал. Она, а вместе с ней и правительство, была опрокинута натиском националистических немецких либералов и венгерских магнатов. По своей классовой природе эксперимент Хоэнварта был таким же сговором, как и австро-венгерское соглашение 1867 г. Однако поскольку федерализация Цислейтании не только ослабила бы позиции Венгрии в монархии, но могла стать опасным прецедентом для народов Транслейтании, он встретил яростное сопротивление кабинета Андраши.

«Казус Хоэнварт-Шеффле» ярко выявил положение Дунайской монархии в новой системе международных отношений в начале 70-х годов XIX в. Оказалось, что существенное переустройство Цислейтании отныне не только не является ее внутренним делом, но, более того, не является внутренним делом самой Австро-Венгрии. Падение Хоэнварта было вызвано не только венгерской оппозицией, но и прусско-германским давлением. Речь

шла о чем-то большем, чем о простом дипломатическом нажиме. Это была угроза разгнать среди немцев австрийской половины монархии «тевтонскую ярость» (*furor teutonicus*) — германскую ирреденту с катастрофическими для монархии последствиями. В дипломатических выражениях эту угрозу высказал Франц-Иосифу император «второго рейха» Вильгельм, когда он говорил о «неудобном положении», в котором окажется Германия, если «немцы в Австрии захотят повернуться в нашу сторону» [9*].

Имея в виду подобного рода соображения, против плана Хоэнварт-Шеффле выступил министр иностранных дел Бейст, который первоначально не возражал, но затем, когда капитуляция Франции перед пруссаками похоронила надежды на реванш за Садову, вынужден был изменить свою позицию. «С поистине устрашающей быстротой произошло превращение конституционной партии в немецко-национальную, — писал он императору, — с каждым днем все более прочно сплетаются нити, которые связывают эту партию посредством чувства национальной, языковой и исторической общности с Германно-Пруссией» [321, т. 1, с. 183]. Первая и последняя в истории дуалистической монархии попытка превратить ее в федеративное образование была сорвана волной немецкого национализма, подогревавшегося извне.

Неудача чешско-австрийского соглашения в 1871 г. означала упрочение дуализма. Реорганизация монархии на дуалистических началах, происходившая в тесной связи с международно-политическими процессами, важнейшими элементами которых было образование двух крупных государств — Германии и Италии, на столетия определила место Австро-Венгрии в концерте европейских держав. Консолидированная на базе дуализма монархия стала с 1873 г. надежным союзником Германской империи в осуществлении антирусской политики и экспансионистских устремлений на Востоке и Юго-Востоке Европы. К этому вела политика Бисмарка, которой он неукословно следовал по крайней мере с 1865—1866 гг. Ради достижения задуманной цели Бисмарк не раз оказывал политические услуги правящим кругам Венгрии в их стремлениях упрочить основы дуализма и повернуть внешнеполитический курс монархии в сторону Балкан.

Прямо или косвенно торжеству политической линии Бисмарка-Андраши, составным элементом которой были конфронтация с Россией и антиславянский курс во внутренней политике монархии, содействовали Англия и Франция, а отчасти и царская дипломатия. Для каждой из держав империя Габсбургов являлась необходимым элементом пресловутого «европейского равновесия». Правительства держав, в особенности Великобритании, принялись спасать империю Габсбургов, оказывая ей политическую и финансовую поддержку и внушая австрийским министрам мысль о необходимости разрешения венгерского вопроса, без чего банкирские дома Лондона и Парижа отказывались открывать двери перед ненадежным в их глазах австрийским клиентом.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ
И РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ
ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 ГГ.

1. Экономика Австрийской империи
в период утверждения капитализма

Экономический строй Австрийской империи в 50-х—начале 70-х годов XIX в. характеризовался переплетением капиталистических отношений в промышленности с полуфеодальными в сельском хозяйстве.

К числу факторов, благоприятствовавших индустриализации собственно Австрии (запада империи, Цислейтании), следует отнести наличие обширного и защищенного таможенными барьерами рынка сбыта промышленной продукции и источника сырья в восточной половине государства. Важной предпосылкой индустриализации явилась модернизация сельскохозяйственного производства, расширение пахотных площадей, повышение урожайности [196, с. 28]. Обезземеливание крестьян, с одной стороны, сокращение издавна распространенных в австро-чешских областях сельских промыслов вследствие упадка рассеянной мануфактуры — с другой, привели к складыванию в деревне резервной армии труда, готовой влиться в ряды пролетариата. Все это было условием создания крупной промышленности.

После революции 1848—1849 гг. промышленность империи переживала невиданный ранее подъем, получивший выражение в масштабах и новых формах предпринимательства (акционерные компании). Следствием этого явилось быстрое укрепление позиций буржуазии, уменьшение доли дворянства в промышленном предпринимательстве и вытеснение мелких производителей. Накануне экономического кризиса 1873 г. промышленный переворот в Австрии (Цислейтании) был в основном завершен в большинстве ведущих отраслей: текстильной, пищевой, металлургической, машиностроении и других.

Определяющее значение для этого имело создание машиностроительной отрасли. В 50—60-е годы возникло большинство предприятий, обеспечивавших не только потребности империи в машинах и оборудовании, но и позволявших вывозить их в Пруссию, Россию, а позднее и на Балканы. Эти заводы были сосредоточены в основном в Нижней Австрии (Вена, Винер-Нойштадт и другие центры давали в 1870 г. 49,1% всей продукции машиностроения) и чешских землях (Прага, Брно, Пльзень, Острава — 41,3%) [425, с. 324] *.

* В книге используются наименования «чешские земли» и «хорватские земли», под которыми подразумевается совокупность провинций (адми-

Новая фаза индустриализации в 50—60-е годы вызвала важные сдвиги в структуре промышленности. Добыча угля, производство стали и железа, оттеснив традиционное текстильное производство, с которого и в Австрии началось поступательное шествие капиталистической промышленности, вышли на первый план. Добыча угля в Австрии в 50-е годы составила 850 тыс., к 1867 г. — 5,4 млн., а к концу 70-х годов — 14,3 млн. т. Первый в Австрии паровоз был построен в 1845 г., в 1872 г. было произведено уже 16 локомотивов, в 1873 г. — 91, в 1874 г. — 240. Число паровых машин в промышленности габсбургской монархии в 1852 г. составило 741 (10 306 лс), в том числе в западной части — 656 (9060 лс), в восточной — 85 (1246 лс); в 1863 г. это число достигло 3302 (54 991 лс), в том числе на западе — 2795 (46 387 лс.), на востоке — 507 (8604 лс). Таким образом, за 11 лет мощность паровых машин в имперской промышленности возросла почти в 5,5 раза. В 1876 г. в промышленности западной части монархии имелось уже 7924 машины (149 592 лс) [Purš, 1955; несколько иные данные по третьей четверти XIX в. см.: 287, Vd. 1, S. 127].

Лихорадочная предпринимательская деятельность — первая в истории австрийского капитализма «грюндерская горячка» — продолжалась до 1857 г., когда мировой экономический кризис захватил и империю Габсбургов. Поражение в войне 1859 г. и потеря Ломбардии вызвали финансовый кризис, переросший в депрессию, затянувшуюся до 1866 г. Поэтому главные результаты экономического подъема 1850—1873 гг. в Австрии падают на отрезок времени, ограниченный австро-венгерским соглашением 1867 г. и кризисом 1873 г.

В ходе промышленного переворота упрочилось положение крупных промышленных центров империи: Вены (в 60-е годы — более полумиллиона жителей), Праги (150 тыс. человек), Брно, Пльзень, Кладно, Остравы, Триеста в западной части государства, а в Венгерском королевстве — Пешт-Буды, Сегеда и других. В 50—60-е годы бурным ростом, в особенности после 1867 г., среди городов империи выделялся Пешт-Буда. Численность его жителей в 1857—1869 гг. выросла с 187 тыс. до 280 тыс. человек, т. е. на 50%. По темпам роста Пешт-Буда почти вдвое обогнал Вену и к 1870 г. стал вторым городом империи [493, с. 63—64]. После объединения трех городов — Пешта, Буды и Обуды в 1873 г. влияние Будапешта на все сферы жизни Венгерского королевства стало возрастать еще больше.

Промышленный переворот сопровождался строительством железных дорог, к 70-м годам соединивших между собой важнейшие центры империи и подключивших их к европейским магистралям. В Цислейтании к 1872 г. было построено около 10 тыс. км же-

нистративных единиц) империи; наряду с этим применяются наименования «Словения», «словенские земли», «украинские земли», означающие этническую территорию.

лезных дорог; в Венгерском королевстве к этому времени их имелось свыше 6 тыс. км. Железнодорожная сеть стимулировала расширение общегосударственного рынка, оживление торговли. Этому содействовали также экономические реформы, проведенные в интересах австронемецкой буржуазии в 50—60-х годах XIX в.: уничтожение таможенной границы между Австрией и Венгрией (1850 г.), отмена ограничений на ввоз и вывоз некоторых товаров, разрешение беспошлинного ввоза машин, указ об отмене цехов (1859 г.) и др. Упрочились связи Австрийской империи с мировым рынком. Особую роль в этом сыграли водный путь по Эльбе до Гамбурга и пароходное сообщение по Дунаю.

Во вторую половину века австро-чешское ядро Цислейтании вступило уже пережив начальную фазу индустриального развития. Более высокая нежели в Венгерском королевстве и других частях восточной половины империи степень развития капиталистических отношений, личная свобода крестьян до 1848 г., расширение внутреннего рынка — все это создало предпосылки для накопления капиталов и появления более высоких форм кредита, торговли и, в конечном счете, капиталистической индустрии.

Индустриальным бумом 50—60-х годов были охвачены по существу лишь чешские и часть австронемецких провинций (главным образом район Вены и Нижняя Австрия), промышленное преобладание которых над остальными районами как западной части государства, так и всей империи усилилось. Промышленный переворот в западной части империи завершился в начале 70-х годов XIX в., в главных же промышленных районах Венгрии он стал разворачиваться лишь к концу 60-х. К этому времени Северная Италия уже отделилась от империи. Ликвидация габсбургского господства над одним из экономически развитых подрегионов еще более закрепила ведущее положение австронемецких и чешских земель в экономике государства.

Значительное опережение промышленного переворота в западной части монархии повлияло на содержание этого процесса на востоке, где, в частности, крупное текстильное производство было подавлено конкуренцией австрийских и чешских фабрик. В разных районах Венгерского королевства, Хорватии-Славонии и Галиции мучительное для мелких и части средних собственников вытеснение традиционных отраслей ремесла и мануфактуры не сопровождалось подъемом соответствующих отраслей промышленности. Более интенсивно здесь развивались отрасли, не встречавшие губительной конкуренции (добывающая, лесная, пищевая). Все более очевидным становилось превращение Венгрии, Хорватии и Галиции в поставщиков сырья и продовольствия на имперский рынок. Наиболее интенсивное развитие в этом плане переживала Венгрия, где имел место крутой подъем пищевой (мукомольной и других отраслей) промышленности, а также металлургии, отчасти машиностроения. Таким образом, в третьей четверти XIX в. в результате неравномерного развития капитализма еще более углубилось различие между относительно раз-

витой в промышленном отношении западной, точнее, северо-западной, и в основном аграрной восточной частями империи.

Доля населения, занятого в промышленности (включая ремесло), — важный показатель уровня хозяйственного развития отдельных областей Австро-Венгрии. Располагая данными об их населении и учитывая, что передовые в техническом отношении отрасли сосредоточивались в более развитых районах, можно составить представление об удельном весе ряда областей в экономике Австро-Венгрии в 1869 г. [376].

	Численность населения (в тыс. человек; приблизительно)	Занято в промышленности (% взрослого населения)
Нижняя Австрия (с Веной)	1991	27
Верхняя Австрия	736	20
Чехия	5140	25,2
Моравия	2000	21
Галиция	5445	5,5
Далмация	457	5,7
Венгрия (без Трансильвании и Хорватии)	11500	10
Хорватия и Славония (с Военной границей)	1864	5,5 (гражданская часть — 7, Военная граница 3)
Трансильвания	2115	6

В 50-е годы в Австрийской империи были заложены основы капиталистической банковской системы, крупнейшими центрами которой стали Вена и Милан. Банки переходили от кредитования казны к финансированию капиталистических предприятий. В 1855 г. венские Ротшильды основали банк «Кредитанштальт». Дунайская пароходная компания и «Австрийский Ллойд» в Триесте, а также финансирование строительства железнодорожных магистралей Вена—Триест и Вена—Прага уже в 50-е годы обеспечили «Кредитанштальту» ключевые позиции в экономике империи. В 1864 г. были созданы Англо-австрийский и Земельно-кредитный («Боденкредитанштальт») банки, в 1869 г. — «Винер-Банкферейн» и т. д. Капитал кредитных учреждений, составивший к 1873 г. почти 4 млрд. крон, кроме железных дорог, вкладывался в металлургию, горнорудную, текстильную, стекольную отрасли, машиностроение. Доминирующая роль банков в деле финансирования экономики, прежде всего промышленности, сказалась и в том, что предпринимательский слой австрийской буржуазии формировался преимущественно из банкиров и богатых купцов [215, с. 121].

В ходе промышленного переворота австронемецкий капитал захватил господствующие или даже монопольные позиции в крупной промышленности отдельных национальных районов. Так, особое место в металлургии чешских земель занимали Витковицкие (принадлежащие Ротшильд) и Кладненские заводы, вошедшие

в состав Пражского металлургического общества. Акционерный капитал австронемецкой буржуазии в чешских землях в 1875 г. составил 252 млн. гульденов против 61 млн. у чешской буржуазии. В Словении крупная промышленность в основном принадлежала капиталистам Вены и Граца. Металлургия, шахты, рудники и т. д. в Венгрии и Трансильвании, наиболее значительные предприятия в Галиции также были в руках австронемецкого капитала. В 50-х годах ему принадлежало 45% имперской добычи бурого и 100% каменного угля. Усилились инвестиции в экономику империи, в частности в строительство железных дорог, иностранного капитала — французского, германского и других. В 1867—1873 гг. в Венгрии лишь 40% капиталовложений были сделаны за счет внутренних накоплений.

Австрийская империя переживала промышленный переворот в период, когда технический уровень промышленности европейских стран был уже относительно высоким и размеры капиталовложений в хозяйство значительны. Отсюда огромное значение приобретали проблемы кредита. То обстоятельство, что основное богатство страны — земельная собственность — в значительной мере концентрировалось в руках аристократии, которая препятствовала превращению латифундий в предмет купли и продажи, ограничило сферу мобилизации средств для промышленных инвестиций. Связанный, в частности, с этим недостаток свободных капиталов еще более усилил зависимость промышленности от банков, которые чутко реагировали на внешнеполитические осложнения. Поводов же для подобной «сверхчувствительности» в 50—60-х годах XIX в. имелось более чем достаточно, что отражалось не только на государственных финансах, но и на экономическом росте, сделав его особенно неустойчивым. К этому добавлялись кризис неонабсолютизма, нерешенность национальных проблем, прежде всего венгерской и итальянской. Обратная связь политики с экономикой в Австрии в эту эпоху проявлялась более наглядно, чем когда-либо [Matis, 503].

Неонабсолютизм 50-х годов тормозил развитие банковской системы вширь, стремясь использовать кредит в политических целях, что вызывало крайнее недовольство буржуазии и дворянства во всех национальных районах, в особенности в Венгрии, Хорватии, Галиции. Положение несколько изменилось в 60-е годы. Развитие сети сберегательных касс оживилось как ввиду промышленного подъема, в особенности в 1867—1873 гг., так и в связи с разорением массы крестьянства и части дворян, остро нуждавшихся в кредитах.

В условиях когда венские банки и их филиалы во всех районах государства временно обеспечивали австронемецкой буржуазии монопольные позиции в сфере кредита, создание национальной кредитной сети нередко являлось условием участия формирующейся национальной буржуазии в промышленном предпринимательстве. На базе ссудо-сберегательных касс как центров аккумуляции национального капитала возникали национальные

банки. Однако в 60—70-х годах этот процесс находился еще в начальной стадии.

Доля национальной буржуазии в промышленности отдельных областей была невелика. Национальная буржуазия в Чехии участвовала главным образом в сахарной промышленности и сельскохозяйственном машиностроении; в Словении — в строительстве, кожевенной и пищевой промышленности; в Хорватии — в деревообрабатывающей, кожевенной и отчасти в судостроении. В южных и восточных окраинных районах империи формирующаяся национальная буржуазия и ее финансовые учреждения в основном были связаны с торговлей и ростовщичеством, но не с промышленностью. Хотя в кредитно-финансовой системе империи национальные учреждения занимали небольшое место, их роль как центров накопления капиталов и основы для утверждения местной национальной буржуазии в промышленности становилась все более существенной.

После революции 1848—1849 гг. капитализм в сельском хозяйстве Австрийской империи в основном развивался по «прусскому» пути, что было обусловлено половинчатостью революции и фактом осуществления аграрных преобразований сверху. Исключение составляли горные районы, общины крестьян — мадьяр и саксов в Трансильвании, привилегированные общины дворян-однодворцев в Хорватии, колонизируемые районы Венгрии, Далмация и часть Истрии (здесь сохранялся колонат, постепенно превращавшийся в буржуазную аренду или форму эксплуатации рабочих с наделом). Остатки феодальной эпохи и главный из них — магнатское землевладение, наличие кабальных форм эксплуатации, особенно стойких в восточной части империи, наконец австрийская налоговая и кредитная политика до 1867 г., — все это сдерживало развитие производительных сил. В западных областях, превратившихся в индустриально-аграрные, капитализм в земледелии развивался быстрее. Здесь крупные землевладельцы уже задолго до революции 1848 г. участвовали в промышленном предпринимательстве и могли вкладывать в сельское хозяйство получаемые от этого средства наряду с выкупными платежами крестьян. Но и повсеместно в 50—60-е годы происходила медленная капиталистическая перестройка помещичьих хозяйств. Воспользовавшись малоземельем крестьян и наличием массы безземельных, помещики, главным образом восточной части империи, обеспечивали свои имения рабочей силой путем предоставления крестьянам земли в аренду (за отработки, исполу и т. д.).

С вступлением помещичьих и богатых крестьянских хозяйств на капиталистический путь ускорилась интенсификация и специализация производства. В ряде районов стали быстро увеличиваться посевы технических культур, утверждаться многопольный севооборот, шире применяться машины, наемная рабочая сила. В чешских областях особое место занимала сахарная свекла и хмель; в Словении — животноводство, садоводство, хмелеводство, в Словакии — табак, сахарная свекла, кукуруза и т. д. В ряде

районов Венгерского королевства, особенно в Воеводине (Бачка, Банат), наоборот, производство зерна для продажи приобретало все более решающее значение.

Ускорившееся в 50-х годах экономическое развитие Австрийской империи все же не могло устранить разрыв в уровне экономики как между габсбургской монархией и Западной Европой, так и по сравнению с германскими государствами. Речь идет не только об империи в целом, но о самых ее развитых областях — Верхней и Нижней Австрии, Чехии, Моравии, австрийской Силезии [287, т. 1, с. 91]. Вот некоторые данные. Протяженность железнодорожной сети империи в 1850 г. составляла 1579 км, в 1858 г. 3953 км, т. е. увеличилась в 2,5 раза. Но по этому важному показателю империя Габсбургов серьезно отставала от германских земель (5859 км в 1850 г.), хотя обладала более обширной территорией. В 1850 г. в империи было выплавлено 130 тыс., в 1851 г. — 198 тыс. т чугуна, а в Германии в 1850 г. — 232 тыс. т. По мощности паровых машин в промышленности в 50-х годах империя отставала от Германии примерно в 2,5 раза. В этих условиях оказалось, что политика снижения таможенных барьеров между Австрийской империей и Таможенным союзом, вызванная не столько экономической необходимостью, сколько великогерманскими идеями Шварценберга, наносит урон буржуазии австро-чешских земель. Обеспокоенные наплывом промышленных изделий с севера, предприниматели забили тревогу. Торговые и промышленные палаты требовали решительных мер для защиты их интересов. Опыт проведения либеральной экономической политики применительно к Германии обнаружил факт экономического отставания Австрии. Наметившись в начале XIX в., оно стало проявляться уже к 40-м годам, но лишь 50-е годы устранили все сомнения на этот счет, нанеся удар по иллюзиям австрийских великогерманцев. Битву за Германию Австрия в экономической сфере проиграла еще до Кёниггреца.

Негативное воздействие феодально-абсолютистских пережитков предопределило в перспективе экономическое отставание Австрии от Англии, Франции, Бельгии и Германии. В результате Австрия осталась промышленно-аграрной страной, представлявшей тип капитализма, переходный от индустриального Запада к Востоку и Юго-Востоку Европы.

Своим возвышением в сфере промышленности чешские земли были обязаны комплексу благоприятных факторов — квалифицированной рабочей силе, густой сети дорог, наличию месторождения угля и железной руды, удобству расположения в центре Европы. Технические открытия (коксование, печи Мартена и Томаса) позволяли рентабельно использовать небогатую по содержанию местную руду. Все это побуждало крупные австрийские компании концентрировать здесь свое производство. Так, концерн «Альпине-Монтангезельшафт», почти полностью свернув вы-

плавку железа и стали в Каринтии, сосредоточил усилия на развитии тяжелой промышленности в чешских землях.

Результатом отмеченных обстоятельств было отставание альпийских территорий (Нижняя Австрия, Зальцбург, Тироль, Штирия, Каринтия, Крайна, Триест) от Чехии и Моравии (с австрийской частью Силезии). В промышленности чешских земель имелось паровых машин: в 1841 г. — 156 (67,1% всех машин в промышленности западной части империи), в 1852 г. — 461 (73,7%), в 1863 г. — 1962 (68,4%), в 1876 г. — 5244 (64,7%), в 1885 г. — 7211 (71,9%), в 1890 г. — 9121 (74,3%). [Purš, 1955]. В конце XIX в. чешские земли давали 56% промышленной продукции Цислейтании.

В конце 60-х годов семь крупных текстильных фабрик Либерецкой области (2,1 тыс. рабочих) давали четверть продукции этой отрасли [425, т. 2, ч. 1, с. 169]. Чешские сахароваренные заводы (40 тыс. рабочих) в 1871 г. перерабатывали $\frac{9}{10}$ свеклы, выращиваемой в австрийской части империи. Решающие позиции в сахароварении заняла чешская буржуазия, которая овладела и производством оборудования для сахарной промышленности. В начале 70-х годов в чешских землях имелось около 300 крупных паровых мельниц. Местная металлургия удовлетворяла лишь часть растущей потребности чешских земель в металле [327]. Особенно быстро развивалось машиностроение. В 1857 г. из 35 крупных предприятий чешских земель 15 находилось в Праге; здесь производились станки, котлы, турбины, вагоны, различное оборудование. Машины вывозились в Венгрию, Галицию и за границу (Россию, Пруссию) [по затронутым вопросам см.: Purš, 1956].

В промышленности все большее распространение стали получать акционерные компании; к 1873 г. только в чешских землях их насчитывалось уже около 300, что составляло почти половину всех существовавших в Цислейтании (682 в 1873 г.).

Крупные сдвиги в чешских землях произошли в сфере кредита. Здесь возникли Моравский и Богемский учетные, Ипотечный (1865 г.) и Земледельческий (1867 г.) банки. Они, как и филиалы венских банков, находились в руках австронемецкого капитала и местной аристократии. Для чешской буржуазии, ремесленников и крестьян получение кредита часто наталкивалось на непреодолимые преграды. Чешская буржуазия стала энергично развивать сеть сберегательных касс, которые явились центрами аккумуляции национального капитала. В 1865—1873 гг. капитал чешских сберегательных касс увеличился с 2,5 млн. до 53,5 млн. гульденов. В 1869 г. на этой основе и по инициативе возникшего в 1862 г. союза торговцев «Меркур» был создан Живностенский банк, возглавлявшийся чешскими промышленниками и торговцами (Я. Гулеш, А. Олива) и политическими лидерами (Ф. Ригер). Банк финансировал сахароваренную промышленность и машиностроение. Таким, образом, в 60-х—начале 70-х годов чешский капитал уже завоевал определенные позиции. Но и в

1872 г. в Праге более 58% капитала приходилось на немецкие банки, 22,5% на немецко-чешские и только около 19% — на чешские.

Формирование промышленных районов Праги, Брно, Либереца, Остравы, Кладно, Пльзени и строительство железнодорожной сети в 60-х годах способствовали складыванию внутреннего рынка. Протяженность железных дорог в чешских землях в 1861—1871 гг. возросла с 1295 до 3197 км; к середине 70-х годов они связали Чехию, Моравию и Силезию между собой и с другими областями империи. Возник рынок рабочей силы, расширилась внутренняя миграция в промышленные районы, что приводило к еще большему смешению чешского и немецкого населения. В 50—70-е годы все больший размах стало приобретать переселение чехов в Нижнюю Австрию, в особенности в Вену (наряду с эмиграцией в Америку и Россию). Значение имперского рынка для промышленности чешских земель резко увеличилось. Венгрия, Галиция, южнославянские земли были основными районами сбыта их изделий и источниками сырья. Важное место занимали чешские земли и в имперском экспорте (текстиль, машины, сахар, стекло и др.). Так, в середине 60-х годов около $\frac{1}{3}$ продукции Брненской промышленной зоны шло на экспорт (Балканы, Ближний Восток, Америка); одновременно сюда поступало около половины ввозимой в империю шерсти [395, с. 158]. Чешские и моравские латифундисты (в 60-х годах в Чехии 992 поместьям — 0,16% владений — принадлежало 34% обрабатываемой земли [425, т. 2, ч. 1, с. 99]) быстро осваивали производство технических культур — свеклы, картофеля, хмеля и других. Богатые крестьяне также интенсифицировали хозяйство, перешли к стойловому содержанию скота, строили мельницы, маслобойни, а с 60-х годов — «крестьянские» сахарные заводы. С 1858 по 1869 гг. посевы сахарной свеклы в чешских землях возросли с 11,5 тыс. до 64 тыс. га [395, с. 165]. Многополье и технические культуры утвердились и в хозяйствах средних и мелких крестьян. Усилилась специализация отдельных районов по производству картофеля, свеклы, ячменя и т. д., что вело к углублению связи сельского хозяйства с промышленностью.

В словенских землях после 1848 г. развивались химическая, бумажная, пищевая отрасли промышленности. В конце 60-х годов стали возникать крупные компании. Одна из них — Краинское индустриальное общество — была создана люблянским, главным образом немецким, купечеством и баронами Цойс. Общество владело предприятиями разных отраслей — от металлургии до пивоварения. Словенская буржуазия приобрела определенные позиции в кожевенной, пищевой и строительной отраслях. Но они были неустойчивыми. Упадок традиционных отраслей (многочисленные плавильни — «фужины», текстильная мануфактура, извоз) и отмеченная выше тенденция крупных компаний к вложениям капитала в чешских землях не способствовали подъему экономики Словении. В капиталистическом развитии словенских зе-

мель благоприятную роль играл находившийся на их периферии Триест, порт и промышленный центр, притягивавший к себе австро-немецкий, итальянский и словенский капитал, а также Горица (Гориция) и некоторые города Истрии. В целом Словения была наиболее развитой из всех южнославянских земель. [По экономической истории Словении, в частности см.: Šorn, 1962; Pleterski, 318; 392; 512]. В Словении углублялась областная специализация (районы животноводства, садоводства, разведения хмеля). Здесь, в отличие от чешских земель, основным богатством помещиков были леса (например, в Похорье в начале 80-х годов им принадлежало 28% лесов и 2,5% пахотной земли) [276, с. 196]. Здесь широко развернулась промышленная эксплуатация лесов.

Главное место в кредитном деле Словении занимал австро-немецкий капитал. Филиалы банков Вены и Граца имелись в Любляне, Мариборе, Горице. Кроме того, в Словении действовали другие австро-немецкие, а также чешские и венгерские банки. Для третьей четверти XIX в. характерно усиление позиций венского капитала за счет местного, как немецкого, так и словенского. В приморских районах важную роль играл итальянский капитал с центром в Триесте. Словенская буржуазия была несравненно слабее чешской, и в 60-е—начале 70-х годов ею делались лишь первые попытки организации национальных кредитных учреждений. Кредитная кооперация стала развиваться здесь с 1866 г. («Люблянская касса взаимопомощи» — основатель чех Я. Горак), сначала объединяя мелкую буржуазию (ремесленников) независимо от национальности — немцев и словенцев. В начале 70-х годов Э.-Г. Коста, консервативный деятель, основал страховое общество «Словения», которое однако обанкротилось во время кризиса. Организаторами национального капитала путем создания сети ссудо-сберегательных касс по всей Словении стали политические деятели братья Вошняки. Первые кассы были созданы в 1872—1873 гг.

Промышленное развитие Ломбардо-Венецианского королевства — экономически одной из развитых областей империи — после революции отмечено противоречивыми чертами [Luzzato, 218, p. 452; Caizzi, 1958]. Падение производства шелка-сырца вследствие болезни шелкопряда в середине 50-х годов вызвало сокращение производства крученого шелка и шелковой пряжи — основы местной промышленности. В 1857 г. в провинции Брешия было продано всего 15 тыс. фунтов крученого шелка вместо обычных 150—200 тыс. фунтов; в провинции Верона эта отрасль почти полностью исчезла. Но кризис, вызвав закрытие многих прядилен с примитивным оборудованием, содействовал выделению во второй половине 50-х годов крупных предприятий, оснащенных новой техникой, паровыми машинами. Процесс централизации производства происходил также в шелкоткацкой промышленности [Ciasca, 218, p. 373]. Вторая по значению отрасль текстильной промышленности — хлопчатобумажная — не зависела

от состояния сельского хозяйства Северной Италии. В 1857 г. ломбардские предприятия переработали в два раза больше хлопка, чем в 30-е годы XIX в.; в 1861 г. прядильни в провинциях Милан и Комо насчитывали 150 тыс. механических веретен против 121 тыс. в 1857 г. [217, с. 141—143; Luzzato, 218, p. 454].

В 50-е годы продолжалось распространение паровых машин и механизмов, и в 1854 г. в Ломбардии их насчитывалось уже около 200 (по сравнению с 12 в 1841 г.). Внедрение паровых машин в текстильной промышленности и на транспорте, а также более широкое использование водной энергии являлись основой развития машиностроения и металлообработки. Основная часть паровых котлов и установок, необходимых для местной текстильной промышленности, производилась уже в Ломбардии. Паровые и сельскохозяйственные машины, мотвила для шелкопрядилен, оборудование для железных дорог, гидравлические прессы, изготовленные в Ломбардии, сбывались в Венеции, Пьемонте, Тоскане, Папском государстве, а также в Швейцарии и югославянских провинциях империи.

Развитие машиностроения однако по-прежнему тормозил низкий уровень металлургии. Но помимо объективных причин (скудости полезных ископаемых), австрийское господство оставалось важнейшим фактором, замедлявшим экономическое развитие Ломбардо-Венецианской области. В 50-е годы последствия этого господства давали знать о себе все более остро. По протяженности железных дорог (524 км) Ломбардия и Венето отстали от Сардинского королевства (850 км). Насколько настоятельной для ломбардской экономики стала потребность в ликвидации раздробленности Италии, обнаружилось в связи с заключением Австрией в 1853 г. таможенного соглашения с герцогствами Пармой и Моденой, введившего свободу торговли. Расширение рынка стимулировало промышленное производство Ломбардии. В течение трех лет существования таможенного соглашения (1853—1856 гг.) только из Милана ежегодно экспортировалось в герцогства тканей на 3 млн. лир, а вывоз шелка увеличился в пять раз; в связи с возросшим спросом на хлопчатобумажные изделия и пряжу стали расширяться предприятия в провинции Милан и Бергамо, увеличился на 40% вывоз кож и кожаных изделий из провинции Лоди и Крема, на 20% — майолики и вина, расширился также экспорт сахара и другой продукции [Ciasca, 218, p. 399].

Экономическое развитие Венгерского королевства, в отличие от австро-чешского, австро-словенского и частично североитальянского комплексов, определялось преобладающей ролью сельскохозяйственного производства. По данным 1895 г. (первой вполне достоверной и детальной переписи) здесь помещичьи имения размером свыше 1000 хольдов или 570 га каждое (0,2% хозяйств) занимали 32% обрабатываемой земли, а крестьянские хозяйства до 12 га (89% хозяйств) — только 29,4%. По некоторым данным, крупные поместья сохранили 53% площади [196,

с. 61]. При всех особенностях разных частей страны, в сельском хозяйстве которой в 1869 г. было занято 80% населения, повсеместно сохранялась отработочная система, кабальная аренда [287, т. 1, с. 488]. Длительному сохранению такого рода отношений способствовал патент 1853 г., в результате которого крестьяне Венгрии потеряли часть земель, переданных им за государственный выкуп революционным правительством Венгрии в 1848 г.

Они лишились 1,4 млн. хольдов, а помещики получили на 14—15% больше лесных угодий. В результате в Венгрии к крестьянам перешло всего примерно $\frac{2}{5}$ обрабатываемых площадей, а в Трансильвании менее $\frac{1}{5}$ [371, т. 4, с. 43—45]. Аналогичные последствия имел патент в Хорватии, где ввиду менее интенсивного по сравнению с Венгрией развития капитализма вообще, полуфеодалные порядки сохранялись еще дольше.

Но несмотря на значительный груз старых отношений, ликвидация феодального строя позволила сельскому хозяйству Венгрии, помещицкому и отчасти крестьянскому, включиться в аграрную конъюнктуру, которая продолжалась два десятилетия (50-е—начало 70-х годов). Быстро расширявшийся рынок промышленно развитых западных провинций и западноевропейских стран оказался мощным стимулом для развития сельскохозяйственного производства. В Венгрии сельское хозяйство стало решающим фактором капиталистической эволюции экономики. Оно определяло темпы развития и структуру промышленности, путей сообщения и кредитных учреждений. Капиталистический прогресс страны шел по схеме: сельское хозяйство—транспорт и кредит—индустрия. Аграрная конъюнктура стимулировала перестройку помещичьих хозяйств на капиталистический лад, но в основном этот процесс развернулся уже в условиях дуализма. В числе факторов, определивших развитие капитализма в Венгерском королевстве, наиболее существенными можно считать ликвидацию таможенной границы между Австрией и Венгрией и открытие доступа к источникам кредита западных провинций ввиду единой денежной системы. Благодаря этому сложились условия для более глубокого разделения труда между частями империи—аграрно-сырьевой (восточной) и промышленной (западной), для монополизации австро-чешским комплексом рынка промышленных товаров Венгрии, а венгерским сельским хозяйством—рынка Цислейтании. Такое разделение труда, как отмечалось, имело негативные последствия для индустриализации восточных областей (за исключением отраслей, обслуживавших сельское хозяйство и транспорт), а вместе с тем предопределило характер сельского хозяйства австро-немецких и чешских областей, где производство зерна оказалось под ударом венгерской конкуренции.

Уже в 50-х годах определился рост производительных сил сельского хозяйства Венгрии: увеличение производства товарного зерна (примерно на $\frac{1}{4}$) и другой продукции, расширение посевных площадей (на 2,5 млн. хольдов), усовершенствование

инвентаря (в 40-е годы паровых молотилок было 4, в 1863 г. — 192, в 1871 г. — 2420). Если на восточную часть империи, т. е. прежде всего на Венгрию, в 1863 г. приходилось лишь 15,6% всех паровых машин имперской промышленности, то земледелие восточных районов тогда же располагало 51,6% паровых машин, которые использовались в сельском хозяйстве империи [Puřš, 1955]. Росли посевы технических культур (в 1853—1870 гг. табака — на 50%, конопли — на 80%, картофеля — более чем в 2 раза, кормовых — в 3—5 раз). Производство сахарной свеклы к середине 60-х годов по сравнению с серединой 50-х годов увеличилось более чем в 3 раза. Более половины паровых машин в земледелии приходилось на важнейшие аграрные районы, главным образом южные, включая Бачку и юг Задунавья. В Трансильвании же и северо-восточных районах и в начале 70-х годов доминировал деревянный плуг. Соотношение количества железных и деревянных плугов для королевства в целом было равным (1:1), но в центральных комитатах — 4:1, а в остальных комитатах — 1:3. В среднем 1 сеялка приходилась на 2192 холдов пашни, в Задунайской области — на 950 холдов (здесь было сосредоточено также 54% молотилок). Машины применялись почти исключительно в крупных хозяйствах. В Воеводине экстенсивное животноводство быстро вытеснялось хлебопашеством. Продолжалась колонизация свободных земель, в том числе переселенцами из Германии [Пёциньачки, 1968]. Население городов (наиболее крупные — Суботица, в 1870 г. — 56 тыс. человек; Нови-Сад — 19 тыс.) в значительной мере было занято в сельском хозяйстве.

Капиталистические отношения в сельском хозяйстве Хорватии и Славонии вызревали медленнее, чем в соседних Воеводине и Словении. В то время как в развитых аграрных районах западной Венгрии деревянный плуг почти исчез, в Хорватии в 70-х годах лишь 13% плугов были железными. Одним из факторов, сдерживавших развитие капиталистической экономики в деревне, были задруги (большие крестьянские семьи), правда, быстро распадавшиеся (законы, облегчавшие их раздел, были приняты сабором в 1870 и 1874 гг.). На Военной границе прежние порядки, подтачиваемые всей экономической обстановкой в империи, сохранились до конца 60-х годов, когда в связи с ликвидацией военного устройства области здесь была введена свобода предпринимательства и раздела земли.

В тесной связи с ростом сельскохозяйственного производства находилось развитие кредитной системы Венгерского королевства, которое в 50-х годах сдерживалось центральными властями. Решающий сдвиг в этой сфере наметился в 60-х годах. В 1863 г. был учрежден Венгерский ипотечный банк, в следующем году — пештская биржа. Число сберегательных касс, представлявших главную форму кредитных учреждений в Венгрии в этот период, в 50-х годах увеличилось лишь на две (1848 г. — 36, 1860 г. — 38). Всего кредитных учреждений насчитывалось

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ АВСТРО-ВЕНГРИИ к 1870 г.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫХ (неавстро-немецких) КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЩЕСТВ и ИЗДАНИЙ в АВСТРО-ВЕНГРИИ к 1870 г.

Территории, на которых грамотные составили к 1870 г.

- более 50% всего населения
- менее 50% всего населения

Территории, на которых полуграмотные и грамотные составили менее 40% населения

до 1780 г. после 1780 г.

Города, где размещались высшие учебные заведения (университетские и технические), учрежденные до и после 1780 г.

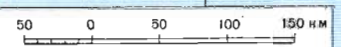
Государственные границы Австро-Венгрии

Граница между Цислейтанией и Транслейтанией

Границы административных единиц

возникшие к:

1780	1848	1870	Пункты сосредоточения национально-культурного движения и пропаганды знаний на национальных языках
■	■	□	типографии
▲	▲	△	газеты и журналы
■	■	■	матрицы
▲	▲	△	театры (профессиональные и любительские)
■	■	■	музеи
◆	◆	◆	общества (студенческие, естественно-научные, спортивные и др.)
●	●	○	библиотеки, читальни, кружки (общеобразовательные, хоры и др.)

в 1867 г. — 107, а в 1873 г. — 637. Их основной капитал за это время вырос в шесть раз. Капитал же всех кредитных учреждений в 1850—1866 гг. увеличился на 260%, а сумма выданного ими ипотечного кредита на 750%. Складывавшаяся сеть кредитных учреждений была призвана обеспечить финансирование сельского хозяйства [197, с. 50—65], т. е. прежде всего потребности магнатов и класса помещиков в целом. Но их интересы стали решающими в сфере кредита только после 1867 г. в условиях дуализма. До этого хозяином кредита была Вена. При значительном росте внутренних источников накоплений сельское хозяйство Венгрии испытывало острую нужду в кредитах и было вынуждено обращаться за займами к банкам Австрии и других стран. В 1860 г. на венские банки приходилось $\frac{2}{3}$ ипотечной задолженности землевладельцев Венгрии, в 1866 г. — почти половина [371, т. 4, с. 52].

После 1867 г. Пешт с его пятью крупнейшими банками, созданными в значительной мере австрийским и иностранным капиталом, в первую очередь группой Ротшильда, превратился в финансовый центр королевства. Через эти банки осуществлялся также импорт капитала. Так, 90% этих операций на сотни миллионов форинтов приходилось на долю пяти пештских банков. Новое венгерское государство создало условия, гарантировавшие огромные прибыли иностранных инвесторов. В 1867—1868 гг. около 30% иностранных вложений направлялось в сельское хозяйство, почти половина — на транспорт [371, т. 4, с. 172—173]. Финансирование промышленности происходило главным образом за счет внутренних накоплений, ибо эта менее прибыльная тогда сфера экономики меньше привлекала внимание зарубежных финансистов (в промышленность было вложено лишь около 15% иностранных капиталов).

На словацкой территории в середине 60-х годов имелось 11 сберегательных касс, учрежденных немецкими и венгерскими торговцами, а в период бума 1867—1873 гг. возникло около 50 кредитных учреждений. В Братиславе, Левоча, Банска-Бистрице появились филиалы пештских банков. К 1870 г. было создано 12 словацких кредитных товариществ, сыгравших заметную роль в борьбе национальной буржуазии за позиции в местной экономике.

В Трансильвании ряд банков был основан после 1861 г. Англо-венгерским и пештским Кредитным банками. Наиболее значительным румынским финансовым учреждением был банк «Альбина» с капиталом в 300 тыс. крон в Сибиу (1871 г.), ставший основой сети сберегательных касс. 30 тыс. его акций принадлежали 900 румынским землевладельцам, чиновникам, священникам и другим лицам. Банк в основном занимался спекуляцией земельными участками и кредитованием крестьян под высокие проценты.

В конце 60-х—начале 70-х годов при участии венских и пештских капиталистов ряд банков и касс был основан в Воеводине (Нови-Сад, Суботица, Апатин, Сента и т. д.).

Сеть сберегательных касс в Хорватии и Славонии способствовала сплочению национальной буржуазии. Сумма вкладов в основанную еще в 1846 г. Первую хорватскую кассу в 1857—1867 гг. возросла с 567 тыс. до 2 млн., а в 1877 г. — до 10,9 млн. крон. В 1868 г. имелось 2, в 1870 — 4, а в 1874 г. — 24 кассы; вклады в них в 1868—1876 гг. возросли с 1,5 млн. до 11,4 млн. флоринов (форинтов) (1 флорин равнялся 2-м кронам). В 1873 г. имелось 5 банков, а общее число кредитных учреждений превысило 30 [Karaman, 1974].

Революционные изменения произошли в 50—60-х годах в транспортной системе Венгерского королевства. В первый период массового железнодорожного строительства — до 1866 г. — были построены основные линии (протяженность дорог составила 178 км в 1848 г. и 2160 км в 1866 г.). Они связали Пешт и Вену с важнейшими районами, производящими зерно. Линия Вена—Пешт—Сегед—Темешвар (Тимишоара) обеспечила вывоз зерна, а также каменного угля из бассейна Штаерлак—Анина, Решица—Домань на юго-востоке страны, а линия Вена—Пешт—Дебрецен — вывоз зерна и продукции животноводства. Строительство железных дорог в этот период служило преимущественно имперским стратегическим интересам, а также выгодам австрийской буржуазии. Так, железнодорожная сеть связала Задунайскую область с Веной и Триестом вопреки венгерским интересам, диктовавшим обеспечение выхода к морю через Риеку. В то же время игнорировалась необходимость обеспечения перевозок между экономическими центрами самой этой области. Обрабатывающая промышленность Пештского района не получила железнодорожной связи с расположенным на севере угольным бассейном Шалготарьян и т. д.

Соглашение 1867 г. дало не только импульс железнодорожному строительству, но и внесло коррективы в планы создания системы путей сообщения: строительство осуществлялось в соответствии с интересами господствующих классов Венгрии, но, как и ранее, нередко в ущерб отдельным национальным областям королевства. Железные дороги Вена—Загреб, 1862 г., а позднее линии, связавшие Вену и Пешт с Воеводиной, привели к упадку прежнего «хлебного» речного пути, связывавшего Банат со Славонией и Хорватией, т. е. на первых порах затруднили формирование хорватского рынка (этот процесс наталкивался на трудности также ввиду географического расположения и разной экономической ориентации отдельных хорватских земель: Далмация была связана по преимуществу с Италией и Балканами). Программа развития транспортной сети, разработанная еще в 40-х и в начале 60-х годов венгерскими аграриями, имела в виду превращение Пешта-Буды в важнейший узловой пункт, а также соединение страны с Риекой и Галицией. До 1866 г. в Венгрии ежегодно в среднем строилось по 250 км железнодорожных путей, а в 1867—1873 гг. — по 600 км. Значительные сдвиги произошли также в судоходстве. В 1850 г. насчитывалось 48 паро-

ходов, а в 1866 — уже 135. Были начаты работы по регулированию русла Дуная.

Все эти изменения привели к скачку во внешнеторговом обороте, который в 60-х годах по сравнению с прошлым десятилетием вырос в 4 раза, вывоз зерна — в 5 раз, достигнув в 1868 г. рекордного уровня 16 млн. ц. Развитие промышленности, особенно до 1867 г., значительно отставало от роста сельскохозяйственного производства, кредитной системы и транспорта. Помимо политики венских властей и австро-чешской конкуренции ему препятствовало сохранение феодальных ограничений (преимущественное право помещиков на добычу ископаемых в своих имениях, остатки цехового строя до 1872 г. и др.). По добыче золота, главным образом в Трансильвании, Венгрия занимала второе место в Европе после России. Но добыча цветных и драгоценных металлов не могла существенно влиять на развитие страны, поскольку находилась в руках казны. Основным источником накоплений для промышленности было сельскохозяйственное производство. Разбогатевшие на торговле зерном и другими продуктами торговцы вкладывали средства преимущественно в обрабатывающую промышленность, связанную с тем же сельским хозяйством. С ним было связано не только развитие главной отрасли промышленности — пищевой (мукомольная и сахароварение), но и горнорудной, металлургии, металлообработки и машиностроения. Разработка месторождений угля и железа диктовалась необходимостью обеспечения железнодорожного транспорта, в основном обслуживавшего сельское хозяйство. Добыча угля повысилась с 700 тыс. т в 1866 г. до 1,63 млн. т в 1873 г. Основной центр угольной промышленности переместился из северных районов и словацких областей на юг и юго-восток (Печ и Банат). Добыча железной руды выросла с 294 тыс. т в 1869 г. до 550 тыс. т в 1873 г. В середине 60-х годов Венгрия давала 24% продукции горнорудной промышленности империи [371, т. 4, с. 62].

Создание в 1867 г. государственно-правовой надстройки, более соответствовавшей новым производственным отношениям, и постепенная стабилизация внутривластной обстановки в империи создали благоприятные возможности для капиталистического предпринимательства в Венгрии. В 1867—1873 гг. здесь возникло 170 акционерных компаний. Одновременно указанные изменения превратили венгерскую экономику в желанный объект иностранных капиталовложений. В отличие от предыдущего периода (до 1866 г.) подъем затронул все ведущие отрасли хозяйства: в 1867—1873 гг. ежегодный рост добычи угля составил 13%, железной руды — 18%, производства чугуна — 6,4%, сахара — 11,7%. Только в 1873 г. было учреждено 788 акционерных обществ с основным капиталом свыше 200 млн. крон. В 1867—1873 гг. в экономику страны было сделано в 6 раз больше капиталовложений, чем за предшествовавшее семилетие, причем около 60% инвестиций были произведены иностранным

капиталом [197, с. 37]. Ведущая отрасль — мукомольная — была создана почти исключительно пештской буржуазией. Развитие ее позволило Венгрии уже в 60-х годах стать вторым в мире после США экспортером муки. Венгерские мельницы, технически хорошо оснащенные, в 1852 г. экспортировали больше муки, чем все мельницы остальной Европы, — 2 млн. ц. В 1852 г. их было 14, в 1863 — 147, в 1873 — 497.

С сельским хозяйством и транспортом было связано развитие второй по значению промышленной отрасли Венгрии — горно-рудной. В 1866—1873 гг. рост выплавки чугуна составил 60%. На базе коксующихся углей и железной руды в Банате (Решаца — Анина) возник промышленный район с доменными и мартеновскими печами. Здесь впервые в Венгрии была налажена выплавка стали, были построены крупные предприятия по производству рельсов и оборудованию для железных дорог. Кроме того, в Араде и Тимишоаре развернулось строительство крупных мельниц и спиртоводочных заводов. Ведущим центром машиностроения стал Буда-Пештский комплекс, где в 1870 г. в машиностроении было занято 13,5 тыс. фабрично-заводских рабочих. Тимишоара же стала вторым промышленным городом Транслейтании. В целом определяющим для Венгрии было развитие добывающей промышленности и обработка сельскохозяйственных продуктов.

В Венгерском королевстве одним из основных районов добычи железа оставалась Словакия (Гёмёр, Спиш, Банска-Бистрица). В 1867—1873 гг. производство железа здесь возросло с 66 тыс. до 153,4 тыс. т. В 60-х годах на ее долю приходилось $\frac{3}{4}$ производства железа в королевстве и свыше $\frac{1}{5}$ в империи. В горной промышленности была занята $\frac{1}{4}$ рабочих Словакии (в 1867 г. — 18,7 тыс. человек). Важное место занимала пищевая промышленность (в 1863 г. из имевшихся в Словакии 93 паровых машин 44 приходилось на сахароварение и 12 на металлургию), далее шли: табачная (фабрика в Кошице, свыше 1000 рабочих), стекольная, бумажная, деревообрабатывающая отрасли, которые поставляли большую часть соответствующих изделий Транслейтании [248, т. 2, с. 140 и след.].

В целом же королевство, и в особенности Трансильвания, Закарпатье, а также Хорватия-Славония и южные комитаты оставались аграрными областями со слабо развитой промышленностью.

Южные комитаты королевства (Бачка, Банат) становились важнейшим хлебобродным районом империи. Поэтому в Воеводине большой подъем переживало мукомольное дело. В 1851—1870 гг. только в Бачке было основано 12 паровых мельниц (чтобы представить масштабы этого развития, следует учесть, что самые крупные мельницы здесь в десять раз уступали по мощности мукомольным заводам Пешта). Развивалось пивоварение, производство кирпича, грубых тканей. В 1870 г. паровые машины применялись на 33 предприятиях Бачки. Тогда же в промышленности и ремесле здесь было занято 30,8 тыс. чело-

век (на 576 тыс. населения), из них 17 тыс. самостоятельных хозяйств. Фабрики насчитывались единицами, основная производственная деятельность развивалась кустарями в сельской местности [383].

В Хорватии и Славонии постепенно развивались мукомольная, кожевенная, лесоперерабатывающая отрасли промышленности [251]. В 1852—1868 гг. мощность паровых двигателей возросла с 43 до 2,5 тыс. лс. Исключением среди хорватских земель являлась Риэка (Фиуме) с округой (после австро-венгерского соглашения 1867 г. Риэка была изъята из состава Хорватии, в пределах которой находилась с 1848 г.). В условиях дуализма Риэка превращалась в значительный промышленный центр, связанный прежде всего с экономикой Венгрии. Хозяйственный подъем Венгерского королевства в 1867—1873 гг. сказался также в некотором оживлении экономики Хорватии и Славонии.

В Далмации до 70-х годов развивалось парусное судостроение, но позднее, в условиях конкуренции парового флота, начался упадок этой традиционной важной отрасли местной экономики. В Далмации, как в Истрии и словенском Приморье, сохранялся колонат (этот вид феодальной аренды рассматривался австрийскими властями как частнопровое отношение и не был ликвидирован). Он являлся одной из причин замедленного экономического и социального развития этих территорий. По-прежнему земля здесь принадлежала церкви и «знатым» горожанам (бывший патрициат приморских городов), обрабатывал же ее за долю урожая крестьянин-колон; но в роли колона уже стал выступать и сельский буржуа, нанимавший работников.

По доле городского населения Хорватия-Славония и особенно Далмация являлись наиболее отсталыми областями Австро-Венгрии (в этом отношении они уступали Трансильвании и Галиции). Это свидетельствовало об их общей социально-экономической отсталости.

В Галиции, как и в Венгрии, наилучшими условиями для капиталистической перестройки хозяйства располагали крупные землевладельцы, в чьих руках в 1852—1866 гг. было сосредоточено 43% пахотной земли и более $\frac{9}{10}$ лесов. На фольварках появились конные молотилки и другие машины, расширялись посевы льна и конопли, сахарной свеклы и т. д. Но темп капиталистической эволюции хозяйства был медленным, так как рост цен на землю и продукты сельского хозяйства обеспечивал крупному землевладению доход и при полуфеодальных формах эксплуатации. Из полумиллиона крестьянских хозяйств примерно половину составляли карликовые, а средний надел равнялся 6,6—12,7 морга (1 морг = 0,57 га). В 1859 г. 27% хозяйств имели менее 2-х моргов, а 41% — от 2 до 10 моргов. Они не могли себя прокормить, тем более, что в 50—70-х годах крестьяне были лишены сервитутных прав на леса и пастбища. Их хозяйство сохраняло полунатуральный характер; плуг с железным лемехом начал при-

меняться лишь с 1860 г., на 100 крестьянских хозяйств приходилось в среднем 10 лошадей, уваживалось лишь 10% полей. Зерновые и картофель оставались главными культурами. Урожаи были самыми низкими в империи (сам — 4). Голодные неурожайные годы ускоряли закабаление и разорение крестьян. Но в целом процесс дифференциации и пролетаризации крестьянства шел замедленно. Помещики были заинтересованы в том, чтобы полуразорившийся крестьянин оставался привязанным к земле и обеспечивал фольварку дешевые рабочие руки. Делались попытки запретить крестьянам дробить участки, пользоваться кредитом под вексель и т. п. Последствия связи крестьянина с рынком стали проявляться более активно после отмены в 1868 г. ограничений в праве распоряжаться землей. Скупавшая землю деревенская верхушка постепенно расширяла капиталистическое производство [296, т. 3, ч. 1, с. 295—299].

В Галиции происходил медленный переход от мануфактуры к фабрике. В мукомольное и лесопильное дело в 60-х годах начал проникать немецкий, английский и французский капитал [178, с. 9; Ковальчак, 45, т. 2, с. 4—11]. Наибольшее развитие получили добывающие отрасли промышленности, также ставшие объектом внимания иностранного капитала. В 1856 г. под Яслом был построен нефтеочистительный завод. В 1875 г. добыча нефти составила 22 тыс. т. Добыча угля в Краковском бассейне в 1854—1870 гг. увеличилась с 60 до 197 тыс. т. Росла разработка принадлежавших казне залежей соли. На нефтепромыслах в 1869 г. была применена паровая машина. Только в Восточной Галиции мощность паровых машин в добывающей промышленности в 1851—1870 гг. возросла с 52 до 1576 лс., а в обрабатывающей промышленности в 1875 г. она составила 3,4 тыс. лс.

В промышленности преобладали примитивные предприятия, преимущественно по переработке сельскохозяйственных продуктов, а также стекольные, керамические и т. д. Некоторые из них создавались в имениях магнатов, базировались на труде закабаленных крестьян. Магнаты участвовали в строительстве железных дорог. В 50—70-х годах основные центры Галиции и Буковины (Краков, Львов, Черновцы, Пшемьсл, Броды) были соединены железными дорогами с другими частями империи. Это было выгодно помещикам, но вызвало упадок многих мелких предприятий и промыслов (кожевенных, бумажных и др.). В 1871—1875 гг. закрылось 5 сахароваренных заводов. С 1844 по 1875 гг. доля Галиции в имперском производстве спирта понизилась с 60 до 30%. Развитие промышленности в соседней с Галицией Буковине мало чем отличалось от Галиции. Природные богатства — серебро, свинец, медь, железо, уголь разрабатывались слабо [174, с. 98; 296, т. 3, ч. 1, с. 304—306].

Наиболее доступной для мелкого собственника формой получения кредита в Галиции был заем у ростовщика. Общество земельного кредита, созданное в 1841 г. и руководимое магнатами, и Галицийская сберегательная касса обслуживали по пре-

имуществу помещиков. В 50—60-х годах возник ряд польских банков, зависевших от венских банков и их филиалов в Кракове и Львове. В Восточной Галиции постепенно возрастало значение украинского капитала. В 1868 г. украинская буржуазия и духовенство учредили Крестьянский банк, которому крестьяне платили в среднем 46% годовых. Аналогичной была деятельность Кривошацкого банка (1873 г.) и Общего земельно-кредитного учреждения для Галиции и Буковины (1874 г.), среди основателей которого были духовные лица, купец М. Дымет, адвокат И. Добрянский [72, с. 82].

В Галиции в 60-х годах едва наметилась районная специализация хозяйства (например, производство зерна в Подолии). Слабый отток из деревни ограничивал рынок рабочей силы. Основными потребителями промышленных изделий являлись помещики, которые предпочитали товары, ввозимые из других земель. Вдали от железной дороги продолжали играть роль ярмарки, где основным товаром были продукты сельского хозяйства и предметы, необходимые в быту. В промышленные центры империи Галиция поставляла сырье — зерно, соль, щетину, воск, спирт, лен, коноплю, шерсть, лес, нефть.

В рамках общеимперского рынка в экономически развитых районах складывались и собственные внутренние рынки. Этот процесс проходил крайне неравномерно. Так, к 70-м годам Чехия, Моравия и Силезия в экономическом отношении в основном представляли собой единое целое, хотя и были связаны тысячами нитей с другими областями империи. Об этом свидетельствует разделение на промышленные и сельскохозяйственные районы; наличие крупных центров, соединенных железными дорогами не только с другими землями, но и между собой; сложившийся рынок рабочей силы. Но в большинстве случаев прочные связи между отдельными районами национальной территории не сложились. Характер экономики большинства провинций империи, большая часть продукции которых в виде сырья и полуфабрикатов вывозилась в промышленные центры государства, а также преимущественно аграрная экономика не способствовали развитию внутриэкономических связей — столь важного фактора формирования наций. Более того, в некоторых случаях, как это было в Хорватии, развитие имперских коммуникаций приводило к временному ослаблению хозяйственных связей между отдельными районами.

Формирование национальных рынков — промышленного, аграрного, финансового — в условиях многонационального государства Габсбургов не могло завершиться. Прежде всего потому, что в землях со смешанным национальным составом населения (они составляли большинство территорий Австро-Венгрии) хозяйственные связи охватывали население независимо от национальности. Далее, областные рынки, которые так или иначе сохранялись в условиях рынка общеимперского (хотя и перестали иметь самодовлеющий характер), подчас охватывали соседние территории, населенные разными народами (сербы — венгры —

хорваты; чехи — немцы и др.). В этих условиях границы областных рынков не могли совпадать с этническими границами, хотя внутринациональные экономические связи, интенсивные или слабые, имели место. Боровшаяся за обладание «своими» национальными рынками буржуазия угнетенных наций постоянно сталкивалась с угрозой своим позициям как вследствие стихийных экономических процессов в капиталистическом государстве, так и в результате политики господствующих классов Австрии и Венгрии. Эта буржуазия могла лишь мечтать о прочных внутринациональных связях, об овладении национальным рынком, что было возможно лишь в рамках национальных государств — наиболее благоприятной, «нормальной» форме господства буржуазии.

Сказанное не противоречит факту быстрого развития экономики отдельных угнетенных наций в условиях Австро-Венгрии, как это имело место в чешских землях. Но и в данном случае национальное неравноправие неблагоприятно сказывалось на общественно-политическом статусе чешской буржуазии. В этой связи существенно замечание В. И. Ленина: «С точки зрения национальных отношений, наилучшие условия для развития капитализма представляет, несомненно, национальное государство»¹.

Экономические процессы, развивавшиеся в Австрийской империи после 1848 г., вызвали глубокие социальные сдвиги и послужили важной причиной подъема освободительной борьбы в конце 50-х — начале 70-х годов XIX в.

2. Изменения структуры общества и социальных основ национальных движений

Ликвидация феодального строя открыла путь существенным изменениям социальной структуры Австрийской империи, распаду традиционных классов-сословий, интенсификации процесса формирования классов буржуазного общества. Но этот единый процесс имел у разных народов неодинаковые последствия, что сказалось на составе общественных движений и политических устремлениях отдельных слоев.

Даже в западной, более развитой в капиталистическом отношении части империи (австронемецкие и чешские территории) во второй половине XIX в. земельная собственность обеспечивала более веский общественный престиж, чем обладание миллионным состоянием, нажитым в банковском деле, а тем более на предпринимательстве. Этот социальный феномен, характерный для стран с сильными феодальными традициями, оказывал тормозящее воздействие на капиталистическую экономику, ибо, как отмечалось, вовлечение земельной собственности в торговый оборот было ограничено.

В большинстве же районов монархии в 50—60-х годах классы капиталистического общества еще не сложились. Буржуазия по

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 263.

преимуществу являлась торгово-ростовщической и землевладельческой. В городе шел трудный процесс превращения цеховых ремесленников и торговцев в мелкую буржуазию и пролетариат; большинство мелких производителей разорялось либо ощущало неустойчивость положения, что способствовало их политической активизации. В целом буржуазия, за исключением австронемецких и чешских земель относительно слабая, еще не составляла широкой опоры общественно-политических движений. Класс обуржуазивающихся помещиков у поляков и венгров оставался крупнейшей общественной силой, в значительной мере сумевшей подчинить национальное движение своим интересам. Помещики всей восточной части империи в подавляющем большинстве сохраняли заинтересованность в консервации полуфеодальных отношений и были враждебны крестьянству в целом. По разным причинам они нуждались в союзе с габсбургской властью. На востоке империи проблема ликвидации феодальных остатков в социально-экономических отношениях оставалась наиболее острой.

Крестьянство еще несло на себе печать неполноправного класса-сословия, что соответствовало тогдашнему состоянию производственных отношений. Масса мелких сельских собственников расслаивалась в социальном отношении, формировались сельская буржуазия и пролетариат. Крестьяне развернули упорную борьбу против помещичьей эксплуатации, и эта борьба являлась вкладом в демократическое движение в габсбургской монархии. Но в большинстве районов империи крестьяне лишь начали втягиваться в политику.

Городской пролетариат в ряде областей империи еще не сформировался, был немногочисленным и пестрым по составу. В преобладающей части он был представлен рабочими небольших мастерских. В более значительных масштабах воздействие на политическую жизнь рабочее движение было в состоянии оказать лишь в австронемецких и чешских землях, а также в наиболее крупных центрах Венгрии.

В этих условиях наиболее активная роль в национальном движении в ряде земель принадлежала буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, в частности выходцам из деклассированного дворянства. Не являясь самостоятельной общественной силой, выражая объективные интересы тех или иных слоев общества, связанная с ними, интеллигенция, однако, далеко не всегда получала активную поддержку этих классов, еще недостаточно сплоченных, оформившихся и просвещенных и лишь пробуждавшихся к общественной активности.

Состав и интересы классов и слоев, о которых речь идет в данной главе, определили расстановку сил в социально-политической борьбе, в частности, характер течений в национальных движениях.

Дворянство. Национально-политические устремления землевладельческого дворянства разных национальностей Австрийской

империи (за исключением итальянского в Ломбардии и Венеции) в третьей четверти XIX в. заключались в поисках компромисса с правящими кругами империи. Императорская власть обеспечивала его социальные позиции в условиях острой классовой борьбы, гарантировала выкупные платежи крестьян; для землевладельцев все большее значение приобретал имперский рынок сбыта сельскохозяйственной продукции. Но национальное дворянство, искавшее союза с Веной, — венгерское, польское, хорватское — стремилось закрепить за собой власть в Венгрии, Галиции, Хорватии-Славонии.

Крупные польские помещики в Галиции, венгерские — в землях Венгерского королевства — собственно венгерских, словацких, румынских, сербских и украинских, хорватские и ионациональные помещики — в Триедином королевстве, немецкие — в словенских и в меньшей мере — чешских и собственно австро-немецких землях сохранили важнейшие позиции. Дворяне-землевладельцы старались приспособиться к новым условиям. Поскольку нельзя было в полной мере обеспечить полуфеодалную эксплуатацию крестьянства, помещики добивались максимума привилегий в условиях перехода к новым отношениям. Гарантию этого польское дворянство видело в автономии Галиции, а венгерское и хорватское — в перестройке империи на основах дуализма (политического равноправия Венгрии и Австрии). Дело шло об устранении абсолютизма мирным путем, введении парламентарного строя умеренного образца, о передаче венгерским помещикам власти в Транслейтании, закрепления за дворянством управления автономными делами в Галиции и Хорватии. При этом в государственных учреждениях и школе должен был утвердиться соответствующий национальный язык, а национальная культура получить возможность свободного развития (в Венгрии с начала 60-х годов венгерский язык уже использовался во многих областях общественной жизни).

В венгерском обществе верхнюю ступень иерархической лестницы занимала аристократия (600—700 семей). Обладавшая почти четвертой частью всех обрабатываемых земель, она глухой стеной привилегий и кастовой чопорностью отгородила себя не только от «простонародья», но и от остальной части дворянского сословия. Лишь немногие ее представители — Сечени, Батяни и некоторые другие — оказались в состоянии идти в ногу с потребностями зарождавшегося в первой половине XIX в. нового общества, вследствие чего социальные позиции аристократии в целом оказались ослабленными уже в эпоху реформ, в 30—40-е годы XIX в., а в революционные 1848—1849 гг. венгерская аристократия была политически изолирована от общества. От окончательной гибели ее спасла победа абсолютистской контрреволюции. Своим возрождением как социальной и политической силы в 60-х годах она была обязана ряду экономических и политических мер двора после поражения революции. Личное благоволение Фраца-Иосифа и тесные социальные и семейные

связи с австронемецкой аристократией (венгерская знать редко заключала браки в «отечественном» кругу, предпочитая породниться с австрийскими аристократами в первую очередь) помогли магнатам уже в начале 60-х годов вновь открыть себе доступ ко двору. А императорский указ о латифундиях 1862 г. закрепил за ними их семейные владения в качестве неделимой и неотчуждаемой собственности (фидейкомисс).

В результате в 60-х годах наметилось неуклонное возрастание роли венгерской аристократии в политической жизни страны: в 1848 г. ей принадлежало 6% мест в нижней палате государственного собрания, а в 1865 г. — уже 13,3%. К этому следует добавить, что тенденция к усилению политических позиций аристократии в обуржуазивавшемся обществе была присуща и всей империи: в первой половине 60-х годов представители титулованной аристократии занимали 166 из 175 высших гражданских должностей империи.

Венгерское дворянство (в узком смысле слова), в отличие от аристократии (магнатов), представляло собой более сложный социальный организм. По численности оно составляло свыше 5% населения и наряду с польской шляхтой было одним из наиболее многочисленных в странах Европы. Несмотря на ускорившийся процесс дифференциации, дворянство и в 60-х годах продолжало оставаться ведущим классом венгерского общества и в политической и в экономической сферах. Но имущественное положение 140 тысяч дворянских семей было далеко не одинаковым. Помимо крупных, средних и мелкопоместных, «благородное сословие» включало в себя также многочисленных безземельных и «лапотных» дворян (однодворцев). В 1867 г. в Венгрии было зарегистрировано 4700 имений размером от 1 до 5 тыс. хольдов (1 хольд = 0,57 га), 13 748 владений от 200 до 1000 хольдов и 11 365 имений в 100—200 хольдов. Иными словами, лишь каждая пятая семья имела достаточно земли, чтобы вести «достойный» своего сословия образ жизни [329, с. 147—150]. Доходов большинства поместного дворянства не хватало, чтобы успешно пережить трудные времена перестройки феодального хозяйства в капиталистическое. К тому же в годы неоабсолютизма оно подверглось преследованиям за свое поведение во время революции и освободительной войны. Ядро его во главе с Ференцем Деаком примкнуло к пассивному сопротивлению, меньшинство, следуя призывам Лайоша Кошута, — к подпольному антигабсбургскому движению. Все это лишило дворянство возможности поправить ухудшавшееся экономическое положение за счет занятия должностей в государственном аппарате.

Но более богатые слои венгерского среднепоместного дворянства, еще недавно революционные, теперь быстро упрочивали свои позиции на австрийском рынке и уже в 50-х годах отвернулись от радикальных идей. Изменение их политических устремлений после 1850 г. было разительным. Дворянство убедилось в необходимости союза с Габсбургами для подавления национальных и демо-

кратических движений. Неудача польского восстания 1863—1864 гг. еще более укрепила их убеждение в неизбежности и целесообразности этого союза.

Но централистская политика австрийского неоабсолютизма вызывала оппозицию венгерских, польских и хорватских помещиков. В 50-х годах правительство, подавившее венгерскую революцию и настороженное деятельностью венгерской и польской эмиграции, а также подпольных организаций в Венгрии и Трансильвании, не доверяло национальному дворянству. Кроме того, в ряде случаев социально-экономическая ситуация стимулировала оппозиционные настроения дворян-землевладельцев. Средние и мелкие помещики, встретившиеся с особенно большими трудностями при перестройке хозяйства и частично разорявшиеся, требовали дешевого кредита, облегчения условий экспорта леса и хлеба. Политика же Вены, направляемая придворной аристократией, крупнейшими банкирами и промышленниками, не учитывала их интересы [10*]. Правительство, как например, в Галиции, прибегало к социальной демагогии, что вызвало недовольство польских помещиков; в Венгрии и Хорватии, по мнению местных дворян-землевладельцев, режим также недостаточно энергично защищал их интересы против крестьян.

Что касается деклассирующегося, разоряющегося дворянства, то по крайней мере часть его — в Венгрии, Хорватии и Галиции — сочувствовала радикальным буржуазно-демократическим идеям и тенденциям, мечтала о независимости своих стран от Австрии. Однако характерным для всех восточных областей империи был тип деклассированного дворянина, вынужденного расстаться с имением, но сохранившего психологию барина и презиравшего «чернь» и богатых «выскочек». В лучшем случае обедневший дворянин становился управляющим имением либо ремесленником в городе.

В конечном счете решающее значение имело классовое родство центральной власти и крупных землевладельцев, и поэтому именно на них правительство делало ставку. Уже в 50-х годах правительство решило спор о сервитутах в пользу дворянства. В дальнейшем помещики получили помощь властей при парцелляции земель, составлении земельного кадастра, обложении налогами. Так, например, польская аристократия (как и другие крупные помещики) сохранила политические привилегии: по указу 1861 г. собственники, платившие не менее 100 гульденов налога, составляли особую курию на выборах в галицийский сейм. Таким образом, 3 тыс. галицийских помещиков получали 30% мест. По закону 1873 г. эта курия посылала в рейхсрат 20 из 63 галицийских депутатов. Такими же привилегиями помещики пользовались при выборах местных властей. По мере того как шляхта все более отказывалась от национально-освободительных стремлений, правящие круги расширяли политические права польских имущих классов, в первую очередь помещиков.

В Венгрии и Хорватии-Славонии австрийские власти, восстановив в 1861 г. комитатскую систему, гарантировали помещикам господство в комитатских и привилегии в общинных органах власти. Крупные помещики сохранили право личного представительства в верхней палате венгерского государственного собрания и в хорватском саборе.

Венгерское землевладельческое дворянство, полное сознания своей мощи, отстаивало принцип территориальной целостности и суверенитета земель короны св. Иштвана. Дворяне Хорватии и Славонии ввиду собственной слабости добивались такого устройства государства, при котором венгерское дворянство имело бы решающий голос в политике и вместе с тем защищало бы интересы своих собратьев по классу в Хорватии и Славонии. После 1867 г. класс помещиков стал опорой инационального господства над Хорватией и Славонией. При этом минимальная автономия на основе «исторического права» казалась ему необходимой для сохранения ореола патриотизма и влияния на местную власть.

Уместно отметить, что в положении польских и хорватских помещиков имелись немалые различия. Национальное хорватское дворянство было немногочисленным, политически слабым (большинство крупных поместий принадлежало нехорватам) и его претензии не шли дальше сохранения позиций под сенью власти венгерских магнатов. «Дворянско-буржуазный этап» в хорватском национальном движении ушел в прошлое вместе с феодальным строем. Польские крупные помещики, в отличие от хорватских, сознавали свою экономическую мощь и значение для австрийской политики. Ввиду слабости польской буржуазии интересы магнатства наложили печать на польское национальное движение в габсбургской монархии, в особенности после 1867 г. Эти интересы заключались прежде всего в упрочении господства над народными массами Галиции. Но были и более отдаленные надежды: в случае международных осложнений добиться в сотрудничестве с Габсбургами восстановления Польши в границах 1772 г. Различие в положении и возможностях польского и хорватского помещичьего класса сказалось в разной роли того и другого в структуре Австро-Венгрии, а в связи с этим и в положении польской и хорватской наций в монархии.

В условиях дуализма руководящие позиции в венгерском государстве заняло либеральное дворянство и либеральная часть аристократии. Прочные связи консервативной аристократии, которая включала в себя также высшее духовенство, с придворными кругами и императором-королем, а также громадные латифундии, которыми она владела, позволяли ей, несмотря на утерю после 1867 г. ведущего положения, незримо держать в своих руках нити высокой политики, оказывать влияние на руководство государственными делами и без непосредственного участия в общественно-политической жизни страны. Дворянство, издавна господствовавшее в комитатах, в период дуализма сосредоточило свою полити-

ческую активность в государственном собрании (нижней палате), где оно в конечном счете осуществляло волю аристократии. Период 1848—1867 гг., решивший ранее разделявшие среднее дворянство и аристократию спорные вопросы о путях развития Венгрии, сделал беспредметным былую конфронтацию этих двух родственных сословий. Но по-прежнему ни крупная земельная собственность, ни приобретенные титулы, ни даже причастность к власти не гарантировали приема дворянина в высшую касту.

Процесс оскудения среднего и мелкого дворянства в Венгрии привел к созданию особого слоя «джентри» (этот английский термин привился в Венгрии), заполнившего среднее и низшее звенья бюрократического аппарата. Джентри составляли ядро типичных для буржуазного общества «средних слоев», но в Венгрии этот средний слой рекрутировался преимущественно из деклассированных дворян. Причину этого следует искать не только в незавершенности революции, но и в том, что развитие производительных сил опережало процесс распада феодальной общественной структуры, и в том, что чисто буржуазный слой, в особенности торгово-предпринимательский, формировался в основном из немадьярского (инонационального и пришлого) элемента [289, с. 353].

Столь же своеобразным было место, занимаемое джентри в политической системе дуалистического государства. Слой джентри представлял как лояльные режиму, так и оппозиционные течения и настроения. Джентри-чиновник рыно служил государству, являвшемуся выразителем интересов не только господствующих классов Венгрии, но и австрийской буржуазии. Но тот же джентри в качестве депутата оппозиции в парламенте выступал в роли критика дуализма, добивался ослабления уз, связывавших Венгрию с Австрией, изобличал капитализм, распространяя этим реакционные иллюзии о «добрых, старых временах» и наживая на этом политический капитал. Паразитирующий на теле общества слой джентри, не связанный со сферой производства, за немногими исключениями, был носителем реакционных взглядов и шовинистических настроений. Аналогичный слой деклассированных дворян характерен также для польского общества Галиции.

В немадьярских землях Венгерского королевства дворянство, как известно, в основном было мадьярским. В Бачке и Банате подавляющее большинство немногочисленных сербских и румынских по происхождению помещиков было мадьяризовано либо по своим социально-политическим интересам сливалось с венгерским дворянством. Лишь отдельные дворяне участвовали в национальной общественной жизни. В Словакии венгерское дворянство сохранило свои экономические позиции: в его руках находилось 80—90% лесов, 40% частновладельческих земель, значительная доля источников сырья и промышленности. Остатки мелкого словацкого дворянства (земянство) ощущали себя частью венгерского господствующего класса. Дуализм еще более упрочил их тенденцию к мадьяризации. Земянство отстаивало принцип государственного единства Венгерского королевства. Аналогичной

была ситуация остатков мелкого украинского дворянства в Восточной Галиции, далеко зашедших по пути полонизации.

В послереволюционный период в западных районах империи значительно возросло число землевладельцев недворянского происхождения. В чешских землях это обстоятельство, а также быстрая капиталистическая эволюция сельского хозяйства и его связь с промышленностью стали основой близости социально-политических устремлений части немецких дворян и чешской буржуазии. Либеральное большинство дворянства в 60-х годах солидаризовалось с политикой правительства. Но имелись оппозиционные круги, стремившиеся к обеспечению влияния дворянства чешских земель на местную власть и политику центральных властей.

Это консервативное дворянство во главе с графом Г. Клам-Мартиницем исходило из традиционного «земельного патриотизма», несколько измененного в буржуазном направлении. Образцом для него являлся отстаивавшийся консервативными кругами венгерской аристократии принцип «историко-политических индивидуальностей». Это дворянство поддержало требование автономии Чехии, Моравии и Силезии [485, т. 2, с. 5]. Интересно, что в 60-х годах XIX в. некоторые богемские магнаты наряду с немецким употребляли в переписке чешский язык. Это в некоторой мере свидетельствует и об особенностях их национального самосознания в то время.

В словенских землях после 1848 г., несмотря на определенное усиление буржуазии, в том числе словенской, немецкое дворянство сохраняло прочные позиции. Часть консервативных помещиков, опасаясь централистских устремлений либеральной австро-немецкой буржуазии, в определенной мере поддерживала идею «федерализации Австрии», в действительности имея в виду сохранение своих привилегий путем гарантии автономии отдельных земель.

Итак, повсюду помещики стремились обеспечить себе решающее влияние на общественно-политическую жизнь провинций, воспрепятствовать демократизации политических порядков. Сравнительно позицию венгерской, части немецко-богемской и польской аристократии, следует иметь в виду, что последние две группы выступали против режима централизма, в частности, потому, что этот режим опирался на крупную австро-немецкую буржуазию, что он был для них чересчур буржуазным и ущемлял интересы полуфеодальной аристократии. Поэтому на первый план выступала консервативная сторона дворянского автономизма в Чехии и Галиции, хотя богемское дворянство дальше венгерского и тем более польского продвинулась по пути обуржуазивания. В Венгрии в социальном и внутривластном отношении класс дворянства был не менее консервативен, в основе его оппозиции Вене в 1860—1866 гг. во многом лежали те же мотивы, но в 1867 г., получив широкие права, он превратился в союзника австро-немецких либералов. Польские консерваторы в Галиции, добившись известной автономии, стали играть аналогичную роль, вовсе не сделавшись менее консервативными и враждебными массам народа.

В отличие от них «земельное» дворянство Чехии не смогло завоевать автономии, в связи с чем его борьба против австронемецкого либерализма продолжалась, т. е. консервативная тенденция оставалась на первом плане.

После австро-венгерского компромисса 1867 г. в восточной части империи ускорилась экспроприация у крестьянства «спорных» угодий, сопротивление крестьянства стало подавляться еще более беспощадно. В этом, в частности, сказалась классовая сущность системы австро-венгерского дуализма.

Национализм дворян-землевладельцев, в социальном отношении консерваторов и правых либералов, сдерживал втягивание крестьянства в борьбу за национальные требования и тем самым — процесс демократизации идеологии национальных движений. Автономистская и консервативная позиция крупных землевладельцев была направлена против демократических сил своих народов, против признания прав народов, не имевших «своего» класса помещиков. В политической сфере это означало стремление помочь Габсбургам преодолеть кризис 60-х годов путем соглашения между династией и верхами эксплуататорских классов разных национальностей. Либерализм части помещиков был весьма умеренным. Выступая, в отличие от консервативных сил, за парламентарный строй, либеральное дворянство в то же время противилось расширению политических прав широких слоев, в особенности крестьян. Устремления помещиков были направлены на урезанное «решение» национального вопроса. Класс помещиков, ставший политической опорой монархии в результате кризиса 60-х годов, превратился в одно из главных препятствий на пути демократического преобразования общества.

В отличие от других районов, дворянство Ломбардо-Венецианского королевства видело реальный путь обеспечения своих интересов в полном разрыве с Габсбургами. После революции 1848—1849 гг. Австрия утратила в своих итальянских владениях всякую поддержку населения. Налоговая политика властей оттолкнула от Австрии практически все дворянство, которое теперь ориентировалось на Савойскую монархию. Ломбардские аристократы занимали видное место среди эмигрантов, нашедших себе в 50-е годы пристанище в Пьемонте. Многие из них сотрудничали с Кавуром или вступили в пьемонтскую армию [64, т. 3, с. 229].

Подчеркивая ограниченность либерализма землевладельческого дворянства, не следует недооценивать значение процесса социальной эволюции этого класса. Обуржуазивавшиеся помещики интересовались уже не только ценами на продукты земледелия и животноводства, железнодорожными и таможенными тарифами, но и во все растущей мере — проблемами найма работников, ценами на машины и удобрения, сбытом промышленных изделий, производимых в имениях, банковским кредитом. Богатые помещики участвовали в создании банков и промышленных компаний. Сохраняя сословные привилегии, они использовали последние для

полуфеодальной эксплуатации крестьян в целях ускоренного накопления капитала. В третьей четверти XIX в. происходил процесс постепенного превращения помещиков в капиталистических предпринимателей и финансистов, т. е. в представителей разных отрядов класса буржуазии, процесс, интенсивный в западной части монархии, медленный, подчас даже подспудный — в восточной части, где он затянулся до XX в.

Национальная и городская мелкая буржуазия. Как и при характеристике дворянства, необходимо указать на особую позицию и устремления буржуазии Северной Италии. Промышленная, торговая и аграрная буржуазия Ломбардии и Венеции была настроена враждебно к Австрии. Ход экономического развития укреплял заинтересованность буржуазных слоев в устранении раздробленности Италии. Таможенное соглашение 1853—1856 гг. между Австрией и герцогствами Пармой и Моденой продемонстрировало, какие благоприятные перспективы открывает перед буржуазией ликвидация торговых барьеров. В этой связи в докладе Миланской торговой палаты за 1857 г., отражавшем настроения широких кругов ломбардской буржуазии, подчеркивалась выгодность для ломбардской промышленности и торговли таможенных союзов или хотя бы торговых соглашений с другими итальянскими государствами [Ciasca, 218, p. 399].

Низшие городские слои Ломбардо-Венецианской области — ремесленники, мелкая буржуазия, мелкобуржуазная интеллигенция, а также рабочие мануфактур и фабрик, занимали традиционно непримиримую позицию в отношении Австрии. В 50-е годы среди этих слоев усилилось влияние демократов, в том числе мадзинистов, о чем свидетельствовало Миланское восстание 1853 г. В сохранении австрийской власти была заинтересована лишь торговая и судовладельческая верхушка Триеста.

Значительная часть венгерской и польской буржуазии формировалась из помещиков, но этот процесс, особенно в Галиции, находился еще в ранней стадии. У большинства наций городское общество было развито слабо и еще долго оставалось мещанским, мелкобуржуазным, что определило лицо их общественных движений.

Для судеб чешского национального движения важные последствия имело упрочение позиций чешской буржуазии в промышленном и сельскохозяйственном производстве. Влиятельной частью буржуазии стали представители кредитных учреждений, связанных с производством. Все это позволило чешской буржуазии обеспечить себе опору в среде зажиточного крестьянства. В то же время ее верхи искали союзника в лагере крупных помещиков.

Большая часть чешской буржуазии рекрутировалась из среды мелких производителей. В связи с завершением промышленного переворота ускорился процесс их разложения. Реакционность социальных устремлений этого слоя (например, требование возврата цехового устройства) не могла не оказать некоторого воз-

действия на идеологию национального движения. Но быстро воз-
раставшая часть мелкой буржуазии, связанная с капиталистиче-
ским хозяйством, явилась опорой буржуазно-демократических
стремлений национального движения и поставляла участников
массовых акций конца 60-х—начала 70-х годов (таборы). Другим
источником политической активной буржуазии было зажиточное
крестьянство («богатые крестьяне и мельники тогда играли в чеш-
ском хозяйстве и чешской политике большую роль» [Navránek,
403, S. 588]).

Социально-политические устремления чешской буржуазии
в 50—70-х годах XIX в. зависели от ее взаимоотношений с не-
мецкой в чешских землях и австро немецкой буржуазией в Цис-
лейтании вообще. Общей платформой австро немецкой и чешской
буржуазии была борьба за конституционный строй и установле-
ние своего политического господства. Определенная общность
устремлений их опиралась также на заинтересованность в обще-
имперском рынке. Это наряду с внешнеполитической ситуацией
определило стремление чешской буржуазии сохранить государ-
ственную целостность империи. Однако чешскую и австро немец-
кую буржуазию разделяли национальные противоречия, стремле-
ние чешской буржуазии завоевать равноправное с немцами поло-
жение во всех сферах жизни, взять в свои руки управление чеш-
скими землями. При этом она стремилась вовлечь в движение под
своими знаменами народные массы, страдавшие от национального
и социального гнета.

Во второй половине XIX в. словенские торговцы начали бо-
лее активно вкладывать капиталы в промышленность (Терпинц,
Козлер и др.). Процесс разорения словенской мелкой городской
буржуазии изменил ее ориентацию. Раньше она обслуживала
в значительной мере немецкое или германизированное городское
население и перенимала его язык. Вместе с тем главным ее кон-
курентом выступали словенские деревенские ремесленники,
в борьбе с которыми она стремилась подчеркнуть свое «немец-
кое» превосходство. Теперь же австро немецкий капитал подрыв-
вал саму основу ее существования. Кроме того, стали быстро рас-
ширяться экономические связи города и деревни. Все это привело
к тому, что с 60-х годов XIX в. городские ремесленники и
мелкие торговцы стали участвовать в национальном движении;
мещанство наряду с крестьянством и растущей национальной
буржуазией стало его базой. Словенская буржуазия, как и чеш-
ская, в борьбе за автономию искала сотрудничества с помещи-
чьими кругами. Но прежде всего она ориентировалась на помощь
более сильного чешского союзника.

В восточной части монархии — собственно венгерских землях,
Хорватии-Славонии, Воеводине, Трансильвании, румынской части
Баната и в Галиции — национальная буржуазия преимущест-
венно была занята в торговле.

Более богатые слои буржуазии восточной части империи стре-
мились к облегчению доступа на имперский и внешний рынки.

Но значительная часть мелких торговцев, и особенно предпринимателей, связанных с традиционными отраслями производства, скорее страдала от упрочения экономических связей между отдельными частями империи. Прокладка железной дороги подчас являлась для них предвестником краха. Целые слои мелкой и средней буржуазии переживали упадок. Так, наряду с оскудением дворянства, создавалась одна из общественных основ радикальных настроений в венгерской, сербской, хорватской и румынской среде.

В условиях промышленного переворота лишь части местных торговцев и ремесленников удалось закрепиться в торговле и промышленности. Трудная ситуация, в которой оказались мелкие производители, побуждала их к объединению, попыткам создания кооперативных сбытовых организаций, толкала их к борьбе за демократизацию политического строя, иногда — к политическому радикализму и восприятию идей утопического социализма. Эти явления проявились в Воеводине, Словакии и Галиции.

Усилившаяся неустойчивость средних слоев многонационального Венгерского королевства также обусловила их политическую активизацию. Часть их колебалась между попытками улучшить государственное устройство и идеями национальной независимости. Так, среди хорватов и сербов зрели идеи объединения южных славян вне империи Габсбургов, среди румын — создания объединенного независимого государства.

Венгерские, польские, хорватские, сербские и румынские торговцы и немногочисленные промышленники не могли удовлетвориться положением, при котором важнейшие вопросы, например о направлении железных дорог, тарифах, учреждении банков, уровне налогов и т. д., решались в Вене без их участия.

Хотя переход к капиталистическому строю в хлебородных Банате и Бачке был менее трудным, чем в ряде других окраин монархии, румынская и сербская буржуазия в общеимперских масштабах была слабой и по методам ведения хозяйства, как правило, отсталой. Она уступала местным или переселявшимся в южные области Венгерского королевства немецким, чешским и другим предпринимателям и остро ощущала отсутствие политических условий для решения своих проблем [о сербах Воеводины в 50-е годы XIX в. см.: Крестий, 1976].

Что касается венгерской буржуазии (значительную часть ее составляли представители или выходцы из других национальностей, быстро мадьяризовавшиеся), то ее удовлетворяла дуалистическая программа венгерского дворянства, обещавшая финансистам, купечеству и значительной части промышленников эру экономического процветания.

Капиталистическое развитие 50—70-х годов, процесс урбанизации вызвал заметные сдвиги в структуре средних слоев венгерского города, как в социальном, так и национальном плане. Прежде всего было подорвано связанное с феодальными привилегиями и цеховым строем преобладание немецкого бюргерства. Ха-

рактрно, что очень немногие из немецких бюргеров Венгрии и Трансильвании сумели выбиться из цехового сословия в капиталистические предприниматели. Свои позиции они сумели сохранить лишь в саксонских городах Трансильвании и в комитате Сепеш (Спиш).

В 60-х годах, с отменой запрета на приобретение земельной собственности и провозглашением свободы промышленного предпринимательства, усилились роль и удельный вес в буржуазии Венгрии еврейского элемента, составлявшего 4,5% населения страны. Еврейского происхождения оптовые торговцы зерном, шерстью и другими товарами сельского хозяйства стали задавать тон в быстро растущей торговле Венгрии. Они первыми стали вкладывать средства в промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья (мельницы, спиртоводочные и сахарные заводы) отчасти потому, что в 50-х годах закон не давал им возможности приобретать земельную собственность. Растущие потребности крестьянства в промышленных изделиях вызвали к жизни сеть розничной торговли, охватившую всю страну (лавки появились в деревнях, где их ранее не было). Эта сеть была создана представителями преимущественно еврейской мелкой буржуазии. Аналогичное явление имело место в Галиции. Число торговцев в Венгерском королевстве (без Трансильвании) выросло с 21 152 человек в 1847 г. до 42 443 в 1857 г. и 51507 человек в 1869 г. [469, с. 22]. В политическом отношении эта буржуазия была настроена оппозиционно к австрийскому абсолютизму уже по той причине, что он ликвидировал гражданское равноправие евреев, установленное революционным правительством Венгрии. Абсолютистский режим обложил евреев специальным налогом в наказание за поддержку национально-освободительной войны венгерского народа в 1849 г. Отмена части ограничений в начале 60-х годов и развитие кредита позволили скупщикам сельскохозяйственной продукции производить инвестиции непосредственно в сельское хозяйство. Следует отметить, что оптовая торговля продукцией сельского хозяйства национальных окраин (за исключением торговли скотом в сербских областях) также в значительной степени находилась в руках этой еврейской по происхождению, но быстро мадьяризированной буржуазии.

Гетерогенная этносоциальная структура городского населения вообще, буржуазии в частности, сила привычного образа жизни замедляли процесс классовой дифференциации венгерского общества и в эпоху динамичного развития производительных сил тормозили выделение торгово-промышленной буржуазии в самостоятельный социальный фактор с собственным классовым сознанием. Единственным достижением торгово-промышленной буржуазии на поприще общественно-политической деятельности в первые годы дуализма было обеспечение ею позиций в городском самоуправлении. Лишенная собственного парламентского представительства, она должна была добиваться милостей ари-

стократии и дворянства, монополизировавших государственное собрание.

«Чисто» буржуазный элемент, несмотря на растущую экономическую мощь, не помышлял о завоевании соответствующих политических позиций, во всем стремился подражать господствующему дворянскому классу, воспринимая его образ жизни и мышления, а его немадьярская часть пыталась поднять свой общественный статус путем добровольной ассимиляции с венграми. В буржуазно-помещичьей Венгрии общественный престиж по-прежнему обеспечивали наряду с земельной собственностью — пусть даже микроскопической — происхождение, титул, административный пост.

Хорватская буржуазия в отличие от местных помещиков не стремилась к безоговорочному объединению с Венгрией, ибо такой союз не сулил гарантии ее интересов, да и ее экономические связи с Австрией были достаточно прочными. Но идея воссоединения с Венгрией на условиях широкой автономии Хорватии-Славонии или даже равноправия с Венгрией имела популярность как средство сопротивления Вене. Условием более успешного развития и роста политического веса хорватской буржуазии было объединение хорватских земель. Еще более широкие возможности открывало для буржуазии объединение всех южных славян. В Далмации хорватские и сербские торговцы, судостроители и судовладельцы были заинтересованы в расширении связей с глубинными районами Балканского полуострова и, следовательно, в объединении южнославянских территорий. Правительство игнорировало хозяйственные нужды Далмации и это способствовало усилению здесь оппозиционных настроений и втягиванию средней и мелкой буржуазии в национальное движение.

Австрийское политическое господство до 1867 г., финансовое и промышленное превосходство западных (немецко-чешских) земель монархии над Транслейтанией, сходство многих экономических интересов венгерских, хорватских, сербских и румынских аграриев — все это создавало условия для сближения ряда национальных движений в 60-е годы XIX в.

Сербская буржуазия проявляла большую активность, обусловленную как ситуацией на Балканах и в габсбургской монархии, так и положением сербов Воеводины. Последняя являлась одним из важнейших центров сербского национального движения. Но судьба его решалась главным образом вне пределов Австрийской империи и, мечтая о создании объединенного национального государства, сербы Венгерского королевства могли лишь содействовать освободительной борьбе сербского народа на Балканах.

Существенно отличалось от других земель положение в Словакии. Здесь национальные устремления получали поддержку преимущественно среди мелкой сельской буржуазии, страдавшей от господства венгерского дворянства и не видевшей иного выхода, кроме выделения Словакии в особую автономную провинцию. В отличие от нее немногочисленные городские буржуазные круги,

рассредоточенные по разным городам Словакии и всей Венгрии (в значительной мере преуспевавшие в Пеште и сотрудничавшие здесь с венгерской буржуазией), не были заинтересованы в политической автономии Словакии и видели свое будущее в дальнейшем сближении с венгерской буржуазией и дворянством. Таким образом, происходило выделение и обогащение отдельных групп словацких буржуа, но создание сплоченного класса национальной буржуазии со своими особыми интересами задерживалось. Верхушка словацких буржуа, как и близкая ей часть интеллигенции, наряду с остатками словацкого дворянства подвергалась ассимиляции. Из богатых предпринимателей, словаков по происхождению, лишь единицы интересовались словацкими национальными устремлениями. Зато национальным идеям сочувствовала часть мелкой городской буржуазии.

Поскольку после 1848 г. утверждение капитализма в Галиции шло медленно, польская буржуазия была слабой и немногочисленной (преобладали торговцы и владельцы предприятий ремесленного типа). Все больше она связывала свою политику с интересами помещичьего лагеря. Правое крыло либеральной польской буржуазии, представлявшие более богатые круги, стремились к соглашению с помещиками и сотрудничало с ними против крестьян в сейме, где в 1861 г. буржуазия получила только 20 мест. Как и шляхта, оно стояло за «социальный порядок» и автономию Галиции и отрекалось от борьбы за национальную независимость. Левое крыло польского буржуазного лагеря выражало интересы мелких производителей, среднего и мелкобуржуазного слоя польской интеллигенции и также не было связано с крестьянской массой. Эти круги мечтали об экономическом и культурном расцвете Галиции, об отмене сословных привилегий при занятии должностей. В их среде жили идеи польской независимости, получило большой отклик восстание 1863—1864 гг. Но поражение восстания, отсутствие опоры в массах — все это способствовало сближению с помещиками также и левых либералов.

В 70-х годах вслед за помещиками польская буржуазия, удовлетворившись ограниченной автономией Галиции, отказалась от национально-освободительной борьбы и встала на путь сотрудничества с венским правительством.

Господствующее положение в экономике Восточной Галиции занимала польская и еврейская буржуазия, а также австронемецкий капитал. Все же роль и значение украинской буржуазии, несмотря на ее подчиненное положение, слабость и малочисленность, постепенно возрастала. Украинская городская буржуазия в третьей четверти XIX в. состояла преимущественно из мелких торговцев, предпринимателей, а также финансистов. В 1859 г. в Восточной Галиции насчитывалось около 90 тыс. украинских мелких производителей — ремесленников или 22% их общего числа (евреи — 45%, поляки — 31%) [11*]. Относительно сильную прослойку уже составляла украинская сельская буржуазия [72,

с. 82]. В условиях дуализма украинская буржуазия стремилась расширить свое влияние в политической жизни автономной Галиции, борясь за равные с поляками возможности развития.

В третьей четверти XIX в. национальная буржуазия как класс все больше выдвигается в качестве определяющего фактора национальных движений. Но буржуазные интересы определяли облик движения как в том случае, когда буржуазия непосредственно проявляла широкую активность (например, в Чехии), так и там, где сама буржуазия была слабой.

Важная особенность процесса эволюции социальной структуры империи состояла в том, что буржуазию в широком смысле слова, как формирующийся класс, составляли и во все большей степени представляли в социальном и политическом отношении не только сами «буржуа», т. е. предприниматели, торговцы, ростовщики и банкиры, но и обуржуазивающиеся представители других сословий, другие общественные слои — помещики-землевладельцы, деклассировавшиеся дворяне, которые превращались в чиновников и нередко в то же время — в ростовщиков, богатые крестьяне (прежде всего в западной части государства), немногие богатые цеховые мастера и др. Таким образом, формирующийся буржуазный класс был пестрым во всех отношениях; непосредственные национально-политические интересы его отдельных отрядов подчас существенно различались. Что касается восточных областей монархии, то здесь среди постепенно обуржуазивающихся слоев особое положение по роли в экономике и обществе в целом в третьей четверти XIX в. продолжали сохранять помещики.

В широком историческом плане интересы и тенденции буржуазного развития представляли также разные, прежде более или менее имущие, а в третьей четверти XIX в. обедневшие слои — дворяне, ремесленники и торговцы, склонявшиеся к национально-политическому радикализму; сочувствуя лозунгам национального суверенитета и независимости, демократизации политического строя, они объективно отстаивали более благоприятные для развития капитализма и подъема национальной буржуазии условия.

Отмеченный процесс эволюции социальной структуры нашел отражение в методологически очень важном при исследовании истории общественных движений выводе В. И. Ленина о том, что в рассматриваемую эпоху буржуазию представляли «различные слои *имущих* товаропроизводителей»².

Общественно-политическая позиция буржуазии определялась тем, что в третьей четверти XIX в. завершалась историческая эпоха, проходившая под знаком буржуазно-прогрессивных движений в Центральной Европе. Устранение основ феодального строя и промышленный подъем в 50—60-х годах свидетельствовали о том, что капитализм бесповоротно вступал в свои права. Осно-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

вой подъема национальной буржуазии, в особенности в восточных областях государства, была эксплуатация крестьянства (кредит и ростовщичество, торговля, землевладение, спекуляция землей, скупка дворянских выкупных облигаций и т. д.). Обнищание и пролетаризация крестьян и ремесленников углубляли противоречия между сформировавшейся буржуазией и народными массами. Это, как и торговые интересы, сближало буржуазные верхи с помещиками, своими и инонациональными, определяло их либеральную позицию в сфере социальной (стремление к ограниченным реформам с целью облегчить буржуазное развитие деревни и притупить классовую борьбу) и общеполитической, подогревало стремления к соглашению с властями.

Но те же классовые интересы формирующейся буржуазии заставляли ее выступать под национальным знаменем, стремиться к развитию образования на родном языке, к конституционным гарантиям национальных и иных политических прав, к объединению национальной территории и созданию национальных органов власти. Буржуазия мечтала о национальной государственности, но добивалась ее скорее на путях компромисса, нежели радикальными методами.

В отличие от богатой монархической умеренно-либеральной, праволиберальной буржуазии, либерально-демократические ее слои более последовательно отстаивали буржуазно-демократические требования. Для распространения оппозиционных тенденций в буржуазной среде угнетенных наций в условиях полуфеодального и полуабсолютистского государства имелись веские причины. Пока буржуазно-демократические преобразования не были завершены, между буржуазией угнетенных наций и Габсбургами сохранялись серьезные противоречия. Хотя национальная буржуазия боялась революционного движения масс и «нового 1848 года», она питала оппозиционные режиму настроения, а отдельные ее группировки занимали радикальную позицию. В этом сложном переплетении социально-политических отношений состояло серьезнейшее противоречие национальных движений того времени.

Как отмечалось, в условиях формирования буржуазии в отдельных частях империи имелись крупные различия. Чешская буржуазия развивалась быстро, но была возмущена неравноправным положением, стремилась обеспечить национальные права в чешских землях и свое влияние на жизнь государства. В восточных и южных районах Австрийской империи явления кризиса социальной структуры, присущие периоду перехода к капитализму, имели затяжной характер. Связанные с этим трудности стимулировали оппозиционные отношение слабых и немногочисленных буржуазных кругов к внутренней (в частности, фискальной) и внешней политике центральной власти.

Мелкая буржуазия, социальные позиции которой были особенно неустойчивыми, проявляла недовольство положением в империи и радикализировала национальное движение. В буржуазной и мелкобуржуазной среде задумывались о возможности пол-

ного разрыва с габсбургским государством. Компромисс между австрийскими и венгерскими буржуазно-помещичьими классами в 1867 г. еще более обострил оппозиционные настроения. Но после 1848 г. и в особенности после 1859 г., в условиях утверждения капитализма, из всех буржуазных и обуржуазивающихся слоев лишь некоторые круги мелкой буржуазии, главным образом их идейные представители из интеллигенции, переходили на революционные позиции, прежде всего в сфере национальной.

Мелкая буржуазия повсеместно стремилась выправить положение путем создания кооперативных (кредитных, сбытовых и т. п.) учреждений, и это частично удавалось ее более зажиточным кругам, оказывавшим идейное воздействие на широкие слои мелких ремесленников и торговцев. Кроме того, связи с общеимперской экономикой вопреки всем трудностям продолжали определять политическую ориентацию буржуазных слоев, в особенности занятых в отраслях, не встречавших губительной конкуренции. Следует иметь в виду, что в целом мелкое производство продолжало развиваться (в Венгрии, например, число ремесленников в 1857—1869 гг. выросло с 227 тыс. до 291 тыс. человек [329, с. 247]).

Помимо экономических факторов на политическую ориентацию буржуазных и мелкобуржуазных кругов сильное воздействие оказывала политическая, в особенности резко менявшаяся международная ситуация, а также национальные противоречия в Австрийской империи. Сказывалась и политическая незрелость, которая наряду со своекорыстными интересами толкала национальную буржуазию к ориентации на габсбургскую династию как на арбитра в межнациональных спорах.

При всех колебаниях в политических тенденциях в буржуазных кругах угнетенных наций (кроме, как отмечалось, итальянцев и, пожалуй, сербов) превалировало стремление реформировать империю на либеральной основе, а не разрушить ее. Между обычным недовольством и политически осознанным стремлением к созданию независимых государств была большая дистанция.

Национальные устремления буржуазии угнетенных наций — протест против гнета — сохраняли прогрессивное содержание, как и ее борьба за конституционные свободы. Национальный гнет способствовал распространению влияния национально-радикальных и демократических кругов буржуазной интеллигенции. В ту эпоху все классы, участвовавшие в национальных движениях, в основном еще выступали под руководством буржуазии и обуржуазивающихся слоев [133, с. 46]. Но в третьей четверти XIX в. имел место процесс высвобождения части трудящихся от буржуазного руководства.

Крестьянство. Несмотря на различия в уровне капитализма в сельском хозяйстве разных областей, основными оставались противоречия между крестьянством в целом и помещиками-землевладельцами. Реформы, делавшие шаг назад по сравнению с законами 1848 г., помещичьи насилия и, наконец, последствия бур-

жуазного развития привели к новому усилению недовольства масс. Повсеместно происходила борьба крестьян за сервитуты, против произвола, чинимого при размежевании и комасации имений, против гнетущих остатков сословного неравноправия. Этот классовый протест был фундаментальным вкладом крестьянства в борьбу за демократию. В деревне формировались классы буржуазного общества, но борьба крестьянской бедноты против сельской буржуазии еще оставалась на втором плане. Выкуп повинностей, налоги, эксплуатация помещиками и ростовщиками разоряли крестьян и привели к усилению эмиграции, а в некоторых районах — к сокращению прироста населения (Северная Италия, Словения, Галиция).

На положении крестьянства Северной Италии, как и городских масс, тяжело отразились последствия кризиса сельского хозяйства. Упадок шелкоделия лишил важного заработка тысячи крестьянских семей, которые несколько месяцев в году работали на шелкопрядильнях. Отрицательно сказался на жизненных условиях сельского населения и кризис виноделия. Падение жизненного уровня крестьян, как и городских низов, связанное также с тяжелым налоговым обложением, привело к распространению глубокой нищеты. Ухудшение условий жизни крестьянства, сопутствовавшее восстановлению в Ломбардии и Венеции австрийского господства после поражения революции 1848 г., лишало Австрию возможности привлечь его на свою сторону.

В западной части государства чешские и словенские крестьяне видели своих противников прежде всего в фискальных органах, в немецких, а в некоторых районах Словении и итальянских помещиках и буржуазии. Но постепенно национальная буржуазия все в большей мере становилась эксплуататором деревни.

В чешских землях зажиточные крестьяне-седлаки стали базой формирующейся сельской буржуазии. Этот относительно немногочисленный слой, политические устремления которого уже в целом совпадали с устремлениями буржуазии, принял весьма активное участие в национальном движении, в которое однако втянулись и широкие слои деревни. В среде крестьянства нарастал антагонизм между беднотой и богатыми, отражением которого явились волнения крестьян в 1852, 1853, 1859 гг., направленные не только против помещиков, но и богатых односельчан, борьба бедноты Чаславского и Кáлинского краев в начале 70-х годов против засилия богатеев в общинах [425, т. 2, ч. 1, с. 351]. В ряде случаев под суд были отданы крестьяне, требовавшие земли, отказывавшиеся вносить налог и выкупные платежи, роптавшие на самого императора. Знаменательно, что не только в Венгрии, но и в Моравии крестьяне ожидали появления Кошута, наивно связывая с ним получение господской земли.

В 60-х—начале 70-х годов словенская деревня также стала проявлять все больший интерес к национальному вопросу. Крестьяне участвовали в «таборах» (массовых митингах), где, в ча-

стности, поднимались вопросы налоговой политики, мелиорации и т. д.

На востоке империи наряду с наймом работников основной формой эксплуатации крестьян помещиками оставались отработки, кабальная аренда. Крестьянство в большей мере, чем в западных землях, сохраняло некоторые черты класса-сословия, противостоящего помещикам. Австрийские правящие круги хотя и стремились использовать классовые противоречия в деревне Венгрии, Трансильвании, Хорватии-Славонии и Галиции для давления на оппозиционное дворянство, стояли на страже коренных интересов помещиков. В частности, в 60-х годах при формировании рейхсрата крестьяне Галиции были выделены в особую курию с двухстепенным голосованием. В Венгрии и Хорватии-Славонии практически они не были представлены в выборных органах. Как и вся масса, зажиточные крестьяне были поглощены отстаиванием своих прав против претензий помещиков; неурегулированность отношений собственности тормозила становление сельской буржуазии; низкий уровень промышленности, ростовщичество и остатки феодализма способствовали пауперизации деревни.

В 50—60-х годах, после аграрных патентов 1853 (для Венгрии и Хорватии), 1854 (для Трансильвании) и 1857 гг., обстановка в деревне всех земель Трансильвании была напряженной. После революции, во время императорского «урегулирования» поземельных отношений, многонациональное крестьянство Венгерского королевства, как и Галиции и Буковины, явочным порядком отстаивало права на сервитуты, пользовалось когда-то общинными, а теперь ставшими помещичьими угодьями (лугами, пастбищами) и лесами, а также виноградниками (за них по-прежнему требовалось нести повинности), не признавало «регальных прав» помещиков на содержание лавок, мельниц, продажу вина и т. п. Венгерские, словацкие, румынские, хорватские, сербские, украинские и польские крестьяне боролись разными средствами — от жалоб, петиций, множества судебных процессов до бурных проявлений протеста со стороны одиночек и групп, а в исключительных случаях — целых сел.

Поворот Габсбургов с 1865 г. к политическому компромиссу с мадярскими и польскими помещиками, как уже отмечалось, ознаменовался в Венгерском королевстве, Галиции и Буковине новым наступлением крупных землевладельцев на крестьянство и обострением классовой борьбы в деревне.

После австро-венгерского соглашения 1867 г. в Венгрии радикальные сторонники «конституции 1848 г.» обратились к массам за поддержкой. Возникли движения «союзов хонведов» и «демократических кружков». Широкое распространение они получили среди полупролетарских слоев и малоземельных крестьян сел, местечек и городов аграрных районов Алфёльда. Это демократическое по содержанию и радикальное по форме движение было направлено отчасти против крупного землевладения, но преимущественно против крепнущей сельской буржуазии; выступая за

справедливое распределение лугов и пастбищ и за расширение позиций бедноты в органах самоуправления, оно носило социальный и политический характер одновременно, отражая в то же время процесс социальной дифференциации венгерского крестьянства, радикализм его низших слоев. Весной 1868 г. кое-где дело дошло до вооруженных стычек с войсками, и движение было подавлено применением насильственных средств. Около 60 организаторов и руководителей кружков, представлявших в основном сельскую интеллигенцию, были арестованы. Размах и боевой дух движения бедноты оттолкнули крайне левую парламентскую оппозицию от апелляции к массам и побудили ее впредь в борьбе против дуализма ограничиться стенами государственного собрания. Тем не менее характерно, что в течение всего периода дуализма на парламентских выборах группировки, выступавшие с критикой дуализма, неизменно получали поддержку в тех районах с венгерским большинством, где разворачивалось движение 1867—1868 гг.

Русский наблюдатель в 1867 г. сообщал из Хорватии, что «власти отводят наилучшие участки помещикам, а наихудшие и нередко вдали от самого жительства — поселянам, которые... бывают принуждены продавать [их] прежним их землевладельцам. Со временем [...] леса и пастбища станут исключительно собственностью древних феодалов»; население приписывает это «единственно аристократическому началу, господствующему в нынешней местной администрации... Уже бывали примеры, что сельское население выказывало вооруженную оппозицию» властям [12*]. Это в основном отражает и ситуацию во всей многонациональной Транслейтании, а также в Галиции и Буковине: всюду торжествовало «аристократическое начало».

Так, в Хорватии и Славонии, по свидетельству сабора, имела место «непрерывная череда конфликтов, даже кровавых столкновений». Значительные выступления произошли в имени барона Шлиппенбаха в 1866 г. и барона Рауха в 1867 г. В первом случае чашу терпения крестьян переполнила распродажа имущества 60 семей, отказавшихся платить помещику за пользование лесом и внеадельной землей. Направленную в село сотню солдат встретило до 400 крестьян (у некоторых были ружья). По сообщениям газет, «народ, бунтуя, вспоминал известного в нашей истории Губеца (вождя крестьянского восстания в XVI в. — *Ред.*), говоря, что господ надо перебить и тогда станет хорошо» [13*; Krestić, 1963]. Волнения продолжались несколько месяцев. Помещики взывали к властям о защите. Попытка буржуазных либералов провести в саборе закон о ликвидации наиболее нетерпимых остатков феодализма была отклонена Францем-Иосифом. Наряду с борьбой против помещиков крестьяне отказывались платить налоги, уклонялись от воинской повинности.

Несмотря на осторожную социальную политику двора до 1865 г., власти комитата Ваш доносили, что «не только обожаемый Коцут, но и турок, татарин или другой, кто освободил бы

крестьян от нынешнего режима, осчастливил бы их» [53, т. 2, с. 194]. Крестьяне Хорватии и Славонии в той небольшой мере, в какой они могли оказать влияние на состав сабора, как правило, поддерживали оппозицию. Но крестьянство Венгрии и Хорватии едва начинало участвовать в сознательном политическом движении.

В прибрежных районах Далмации в качестве землевладельцев выступали представители итальянского патрициата городов. Итальянизированный аппарат управления для крестьянина-колona воплощал одновременно социальный, политический и национальный гнет. В 60-х годах крестьянство Далмации превращалось в опору национальной объединенной хорвато-сербской оппозиции, возглавленной интеллигенцией и сельским духовенством. Поддерживая буржуазную оппозицию, крестьяне надеялись избавиться от эксплуатации со стороны землевладельцев. Однако лидеры движения были далеки от радикализма в аграрной области. В 1864—1865 гг. крестьяне приняли участие в выборах в далматинский сабор. Выборы проводились в условиях репрессий: в 1865 г. полиция стреляла в собиравшийся для голосования народ. В 70-х годах сельские округа стали опорой национальной (хорвато-словенской) оппозиции также и в Истрии [189].

Особая ситуация на Военной границе, сохранявшейся до 1871 г., стимулировала распространение революционных и национально-освободительных устремлений среди населения. В условиях роста товарно-денежных отношений граничары, среди которых увеличился слой бедноты, стремились избавиться от солдатчины и произвола военного начальства, получить гражданские права, свободу занятия промыслами и торговлей, право распоряжения землей, выбора места пребывания. Живой отклик в среде граничар встречали политическая борьба в Сербии, в гражданской части Хорватии и Воеводине, восстания в Боснии и Герцеговине. Граничары стремились помочь своим братьям в борьбе против османского господства. Эти настроения вызвали преувеличенные надежды политических деятелей Сербии и Хорватии на помощь со стороны граничарских войск в случае сербско-турецкого военного конфликта. Однако существенным являлось то, что после 1848 г. Военная граница, ранее надежное орудие Габсбургов, стала внушать властям тревогу. Падение воинского духа граничар проявилось уже в войне 1859 г. Начало демилитаризации Военной границы, с которой были связаны повышение налогов, экспроприация в пользу казны лесов, передача управления венгерским властям, усугубила брожение в среде ее населения. С этим недовольством граничар была связана попытка группы хорватских мелкобуржуазных революционеров в 1871 г. поднять на Военной границе восстание.

В 60-х—начале 70-х годов неоднократно вспыхивали крестьянские волнения в Воеводине. Они приходились на неурожайные годы. Средние и мелкобуржуазные слои города в борьбе за национальные права стремились опереться на крестьян. Часть деревни

поддерживала сербское национальное движение. После 1867 г. крестьяне-избиратели принимали участие в выборах в венгерский парламент и хорватский сабор (в Среме).

В Словакии словацкие и венгерские крестьяне совместно боролись против помещиков. Некоторое распространение в словацкой деревне получили национальные лозунги. Так, на митинг в Турчански-св.Мартине (1861 г.) собралось несколько тысяч крестьян. Но активисты национального движения ограничивались проповедью крестьянам о пользе просвещения и улучшения хозяйства, что не могло удовлетворить массу бедноты и полупролетариата.

В Галиции польские и украинские крестьяне неоднократно выступали против помещиков. Крестьяне Западной Галиции шли в повстанческие отряды во время польского восстания 1863—1864 гг. Крестьянство пыталось вести борьбу за свои права и на политической арене, используя сейм. Представители их выступали с жалобами на малоземелье, отсутствие лесов и пастбищ, тяжесть налогов. В 1861 г. они добились от дворянства публичного заявления о соблюдении прав крестьян и отказе от барщины. По их настоянию сейм принял решение о создании третейских комиссий для урегулирования споров между помещиками и крестьянами. Среди инициаторов проектов решения вопроса о сервитутах был крестьянин Ян Сивец из Живецкого повята (уезда). В 60-х годах он был лидером крестьянских депутатов в сейме. Последние в 1865 г. протестовали против принятого по предложению наиболее реакционной части помещиков («подоляков») устава гмины (общины) и повятовых советов, который отдавал их под контроль помещиков, в то же время исключая фольварк из всех повинностей, лежащих на гмине [275, с. XIX]. Представители крестьянства в сейме добились в 1869 г. отмены ограничений в праве на брак для бедноты.

В галицийском сейме в 1861 г. насчитывалось 39 крестьян, в последующие годы их становилось все меньше, а позже не стало совсем. Крестьянское движение в Галиции в 50—70-е годы не носило массового характера и вдобавок питало надежды на правительство. Эти надежды власти старались укреплять, рассчитывая использовать крестьян для подчинения себе польской шляхты. Правительство в конце 40-х—начале 50-х годов издало распоряжения, которые давали крестьянам право пользования панскими лесами, признававшие собственность крестьян, живших на фольварке и т. д. Устав сейма 1861 г., обеспечивавший сельской курии половину мандатов (74 места), также явился следствием расчетов Вены. Но по мере отказа шляхты от борьбы за независимость Польши правящие круги все больше сближались с галицийской земельной верхушкой. Это, а также принятый Веней антиукраинский курс, обусловили, в частности, ограничение числа крестьянских депутатов. В 50—70-х годах в польском галицийском обществе не было класса, способного повести крестьян на сознательную борьбу за политическую, в том числе

национальную, свободу, само же крестьянство не выдвигало лозунга национального освобождения.

Масса украинского, как и польского крестьянства Галиции, еще не втянулась в национальное движение, которое находилось под руководством либеральных и консервативных кругов. Однако более зажиточные слои проявляли к нему растущий интерес. Кроме того, имелись факты выступлений украинских крестьян за обучение детей на родном языке, участия их в деятельности просветительных учреждений.

В Закарпатье в 1865 г. возмущение крестьян с. Лалово было подавлено взводом пехоты. В 1867 г. происходили волнения в Ужанском комитате [70, т. 2, с. 356—359] и т. д. В Буковине в 1858—1865 гг. помещик с. Драчинцы трижды вызывал карательную экспедицию. В 1856—1857 гг. происходили волнения в с. Суховерхов Кицманского уезда, в 1859 г. крестьяне с. Иорданешты Сторожинецкого уезда, начавшие пасти скот на «помещичьем» лугу, были разогнаны жандармерией. В 1873 г. в с. Калафиндешты Саретского уезда крестьяне выступили против передачи помещику части общинного пастбища. В стычке с жандармами было убито 9 и ранено 5 крестьян. Таких случаев было немало. Крестьяне безуспешно пытались отстоять свои права через буковинский сейм. В Буковине и Закарпатье крестьянство еще не выступало с политической программой. Сторонники Добрянского в Закарпатье распространяли в деревне составленные ими петиции, которые крестьяне подписывали, однако этим дело и ограничивалось.

В целом в годы неабсолютизма и централистского режима борьба крестьянства не была сознательно направлена против габсбургской власти, проявлявшей в своей социальной политике осторожность. Обстановка в деревне Галиции, Венгрии, Трансильвании, Хорватии-Славонии, Буковины обострилась во второй половине 60-х годов, когда политическая власть в этих частях империи перешла в руки местных помещиков, сразу же усиливших нажим на крестьянство.

Приведенный материал свидетельствует о том, что, как и ранее, классовая борьба крестьянства по-разному сказывалась на общественной обстановке в отдельных частях монархии. В этом отношении можно указать на две типологически разных ситуации. Там, где имелось национальное дворянство, превратившееся после 1848 г. в праволиберальную и консервативную силу, выступления крестьян против помещиков, объективно направленные на демократизацию общественно-политических отношений, вместе с тем исторически находились в общем русле с борьбой за национальный суверенитет, так как крупные землевладельцы являлись или в конечном счете стали одной из основных опор реакционного строя. В данное время это, однако, не означало сколько-нибудь широкого осознания массами взаимосвязи своих социальных целей с общеполитическими, и в частности национальными. Польские и венгерские, а частично и хорватские

крестьяне, боролись против эксплуататоров-помещиков, говоривших на их же языке и кичившихся своим патриотизмом. Национализм и политическое движение помещиков, явно направленное на консервацию существующих социальных отношений, продолжали отталкивать крестьянство. Если крестьянин не участвовал в национальном движении, как правило, это означало, что оно не выражало его классовых интересов.

Стоявшие во главе оппозиционного режиму движений буржуазные и мелкобуржуазные круги, нередко сочувствовавшие крестьянам, стремились лишь сгладить социальные противоречия в деревне, оставить открытой дверь для соглашения с помещиками. Революционно-демократические элементы после 1848 г. долгое время не пользовались заметным влиянием.

Таким образом, крестьянское движение в Венгрии, Западной Галиции (т. е. польской части провинции) и Хорватии-Славонии развивалось в той или иной степени обособленно от национального, а подчас прямо ему противостояло. До тех пор пока Габсбургам казались более опасными национально-политические устремления дворянства, они использовали этот классовый конфликт в своих целях. Свокорытые эксплуататорских классов, а также политическая наивность крестьянских масс, вера в «доброту императора» до поры до времени облегчали маневры венской реакции.

Демократическое содержание, присущее крестьянскому движению, проявлялось также в землях, где господствующий класс был инациональным. Втягивание крестьян в политическую борьбу, в частности в национальное движение, в этих случаях ускорялось, несмотря на то, что идеологи и руководители последнего были чужды радикализма в аграрном вопросе. В ряде случаев создавалась объективная ситуация, способствовавшая возникновению временного и неустойчивого сотрудничества части национальной буржуазии и мелкой городской буржуазии, в особенности выражавшей их настроения интеллигенции, и крестьянства в борьбе за политические свободы. Но при этом крестьяне нередко выдвигали собственные требования, неприемлемые даже для буржуазной демократии, и это убеждало массы в ограниченности последней.

Объективная борьба крестьянства против социального гнета повсеместно имела общедемократическое и национально-освободительное значение. Если не непосредственно, то потенциально она составляла один из решающих элементов демократической тенденции этого движения, его развертывания «через головы» представителей средневековья, тенденции, о необходимости которой писали Маркс и Энгельс³. И действительно, социальные устремления крестьянства вызвали к жизни революционно-демократическое движение, которое сознательно выразило социаль-

³ См. об этом: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 138.

ный протест масс и их национальные интересы. Необходимо подчеркнуть, что неучастие или слабая активность крестьянства в том или ином национальном движении вовсе не означали его равнодушия к своему народу. Крестьянину никогда не были безразличны традиции борьбы за свободу, которые он поддерживал в фольклоре (особенно ярко это сказалось у сербов), свои этнические, народные обычаи, родной язык, право свободно изъясняться на нем (в учреждениях, суде, церкви), право обучать на нем детей и т. д. Именно народные массы, в том числе сельские, были тем гигантским резервуаром, из которого продолжали черпать национальные культурные богатства лучшие, передовые деятели освободительных движений.

Нельзя сказать, что крестьянство стало политическим союзником и резервом буржуазии угнетенных наций. Как было отмечено, буржуазия была слишком умеренной и слабой, чтобы привлечь в свой лагерь преисполненных антипомещичьими настроениями крестьян. Дальнейшее социальное и политическое развитие народов региона определялось борьбой основных классов капиталистического общества — буржуазии и пролетариата — за непролетарские слои трудящихся.

Принципиальное методологическое значение имеет подход К. Маркса и Ф. Энгельса к проблеме участия крестьянских масс в движении общедемократического характера, в частности движении национальном. Особенно пристальное их внимание привлекала, наряду с Польшей, борьба в Италии против габсбургской власти и местной реакции. Маркс отмечал, что социальная политика буржуазных революционеров в 1848 г. сдерживала втягивание крестьянства в освободительное движение. По Марксу, невнимание сторонников Дж. Мадзини к «материализму людей голодных, которые требуют обыкновенного хлеба вместо возвышенных идей»⁴, — одна из причин относительной пассивности масс Италии в 1848 г. В 50-х годах Маркс отмечал, что «материальные условия, в которых живет подавляющее большинство сельских жителей [...], делает их если не реакционными, то, по крайней мере, равнодушными к национальной борьбе Италии»⁵. Основоположники научного коммунизма указывали на ограниченность буржуазных и дворянских деятелей как на причину слабости освободительных движений, участие в которых широких масс только и могло придать им необходимые для успеха размах и силу.

Вместе с тем Маркс учитывал реальную обстановку в деревне Северной Италии и в начале 50-х годов с беспокойством писал о том, что ввиду «ужасного» положения крестьян австрийцы в случае революции могут применить «галицийские средства»⁶, т. е., как в 1846 г., использовать ненависть подавленного поме-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 12, с. 434.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 573.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 303, 507.

щичьим гнетом крестьянства к «образованным слоям» для удара по национальному революционному движению. Великие руководители рабочего класса никогда не идеализировали крестьянскую стихию, подчеркивали локальную и иную ограниченность сельского населения, ставили перед революционерами задачу его просвещения, внесения в его среду революционно-демократического сознания. В. И. Ленин обращал внимание на важность активизации крестьян как слоя населения, «наиболее тяжелого на подъем», когда дело идет о борьбе за «политическую свободу вообще, за права национальности в частности»⁷.

После 1848 г. ускорилось формирование *рабочего* класса. По численности рабочих отдельные части Австрийской империи существенно различались: в одну группу можно выделить австро-немецкие и чешские земли, в меньшей мере словенские, в другую — все остальные. Общим в положении рабочих в период завершения промышленного переворота в империи была жесточайшая эксплуатация и политическое бесправие. Уголовный кодекс 1859 г. карал за стачки; законы 60-х годов лишали массу рабочих политических прав. Фабрично-заводской пролетариат представлял значительную силу только в Нижней Австрии и чешских землях. В остальных районах, за исключением известных очагов промышленности Венгрии, огромное большинство работавших по найму составляли рабочие мелких предприятий, мастерских ремесленного типа и надомники; рабочее время которых практически было ограничено лишь необходимостью сна и еды. Хотя цехи формально были отменены в 1859 г., в Венгерском королевстве остатки цехового устройства сохранялись до 1872 г. Рабочих мельчайших предприятий продолжали называть подмастерьями, учениками и т. п., а в Галиции — челядниками.

Особенностью рабочего класса Австрийской империи был его многонациональный состав. Много чехов работало в Вене, масса рабочих-немцев имела в чешских землях. В восточных районах — Венгрии, Хорватии, Галиции и других — квалифицированными рабочими в значительной части были немцы и чехи.

Формирование рабочего класса в 50—60-х годах весьма продвинулось в чешских землях [425, т. 2, ч. 1, с. 202, 349]. Структура промышленного пролетариата продолжала оставаться сложной. В его состав входили рабочие заводов и мануфактур, подмастерья в мелком производстве. Одним из итогов промышленного переворота было усиление удельного веса фабричных рабочих, что имело определяющее значение для складывания рабочего класса. По данным 1869 г., в чешских землях насчитывалось 1019 тыс. промышленных рабочих. Из этого числа на долю фабрик приходилось 20%, централизованных и рассеянных мануфактур — 45%, мелкого производства — 35%. В наиболее развитых промышленных округах: Либерецком, Брненском, Пражском

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 264.

и других фабричные рабочие составляли 25—30% пролетариата [425, т. 2, ч. 1, с. 202].

В 1869 г. в Чехии и Моравии из общего числа лиц, занятых в земледелии, только 19% являлось самостоятельными хозяевами, а 81% — рабочими. Масса сельскохозяйственных рабочих — характерная черта чешской деревни. Это объясняется наличием крупных хозяйств, принадлежавших дворянам и буржуазии и специализировавшихся на производстве сахарной свеклы. Согласно переписи 1857 г. в чешских землях было около 500 тыс. человек «вспомогательных рабочих в земледелии», а по данным 1869 г. общее число рабочих в сельском и лесном хозяйстве (с членами семей) превысило 1,8 млн. человек [425, т. 2, ч. 1, с. 200—201, 348]. В послереволюционный период возникла категория «депутатников», которые получали в пользование крошечный участок земли и продукты питания.

Массовое рабочее движение в чешских землях началось во время кризиса текстильной промышленности 1852—1854 гг. 50-е годы ознаменовались рядом экономических стачек шахтеров, металлистов, железнодорожников, текстильщиков. Тогда же проявилось тяготение рабочих к организации. Несмотря на формальный запрет, в Моравии, например, к 1856 г. было 203 полуправовых рабочих общества взаимопомощи и страхования.

Подъем рабочего движения в Цислейтании начался с середины 60-х годов. Стачки, столкновения с полицией, волнения стали постоянной чертой политической жизни Австрии. Тысячи рабочих-чехов в Вене участвовали в движении венских рабочих — наиболее развитого в идейном отношении отряда пролетариата австрийского государства. В сознании чешских рабочих существенное место занимала проблема борьбы против национального неравноправия. Движение немецко-чешского пролетариата приобретало политический характер, отделяясь от общедемократического. Передовые слои рабочих воспринимали идеи I Интернационала и все более ощущали потребность в создании социалистической партии.

Значительными центрами формирования рабочего класса Словении являлись Идрия, Засавский угольный бассейн, Любляна, Марибор. Местом концентрации словенских рабочих был Триест, где большинство пролетариев составляли итальянцы. В начале 60-х годов в Любляне было более 2 тыс. рабочих, составлявших $\frac{1}{10}$ ее населения, на строительстве железной дороги Трбиж—Любляна в 1870 г. работало более 5 тыс. человек [278, с. 164; Gestrin, 1953]. Среди словенских сельскохозяйственных рабочих была значительна прослойка рабочих с наделом. Так, имелось много «кочаров» (почти столько же, сколько и самостоятельных хозяев), которые около 40% времени трудились на своих участках. Некоторые рабочие получали в качестве оплаты дом и участок земли («виничары», «майеры», «хуберы»).

В восточной половине монархии, где основы индустрии только начинали складываться, формирование рабочего класса происхо-

дило медленнее и в более трудных условиях. Но с конца 60-х — начала 70-х годов разрыв между уровнем развития нового общественного класса в Австрии и Венгрии стал сокращаться.

В Венгрии в 1869 г. число рабочих по сравнению с серединой века удвоилось; почти $\frac{3}{4}$ из них были заняты в мелкой и кустарной промышленности (т. е. по преимуществу это были ремесленные подмастерья). По переписи 1869 г. численность рабочих Венгерского королевства (без Хорватии) составила 660 тыс. человек, а к концу 70-х годов — 749 тыс. человек. Условия труда пролетариата характеризует уже то обстоятельство, что в 1872 г. парламент принял закон об ограничении рабочего дня... 16-ю часами. После 1867 г. Будапешт стал превращаться в крупнейший промышленный центр. В 70-х годах в нем находилось 30% фабрично-заводского пролетариата Транслейтании и работали представители всех народов королевства, а также выходцы из Австрии (чехи и немцы) и Германии. Индустриализация требовала все больше техников, механиков, других квалифицированных работников, инженерно-технического и управленческого персонала, потребность в которых покрывалась в значительной мере австро-чешскими специалистами, а отчасти и прибывавшими из западноевропейских стран. Поэтому между 1857 и 1869 г. число рабочих и мастеров иностранного происхождения на металлургических предприятиях Пешта-Буды выросло с 18% до 22%, а на машиностроительных — с 24,8% до 40,6%. В 70—80-х годах венгры составляли до $\frac{2}{5}$ рабочих Будапешта, словаки — более $\frac{1}{5}$. Множество рабочих-словаков трудились и в других центрах Венгерского королевства.

В середине XIX в. в ремесле, мануфактурах и на фабриках Хорватии и Славонии было занято около 8 тыс. наемных рабочих. В своем большинстве это были неимущие крестьяне и ремесленники, уходившие на заработки, но не порывавшие с землей или ремеслом. Они были заняты преимущественно в мукомольной, лесной и кожевенной отраслях, не требовавших высокой квалификации. Предприятия лесной промышленности находились вне городов, и это, естественно, сказывалось на быте и культурном уровне рабочих. Местный сельскохозяйственный пролетариат был немногочисленным (в Славонии работало много отходников-словенцев). Как и в Хорватии, наемные рабочие в городах Воеводины, в массе связанные с мелким производством, входили в общине с хозяевами организации и назывались подмастерьями.

Начало 60-х годов ознаменовалось постепенным подъемом венгерского рабочего движения (1861 г. — экономическая стачка типографов Пешта и Буды и т. д.). Политически рабочие выступали еще в рамках общедемократического движения. Они участвовали в демонстрациях против национального гнета, против режима Шмерлинга. Все более популярными становились идеи Лассаля о необходимости политической организации пролетариата, противостоявшие учению Шюльде-Делича о «самопо-

мощи», за которое ратовала буржуазная пропаганда. Первые легальные просветительные и страховые общества рабочих появились после 1867 г. (Пешт, Буда, Тимишоара). Первоначально они копировали деятельность австрийских обществ, созданных сторонниками Шульце-Делича. Но лассальянцы добились обращения общества типографов Буды и Пешта к парламенту с требованием избирательных прав и расширения демократических свобод. В 1868 г. по образцу лассальянских союзов Германии и Австрии в Пеште было создано первое рабочее общество — Всеобщий рабочий союз.

Городское трудовое население Галиции в основном состояло из мелких ремесленников, все более попадавших в зависимость от скупщиков, и челядников (подмастерья, ученики). Челядники по положению не отличались от рабочих. Ряды пролетариата большей частью пополняли разорившиеся горожане; сельское население еще с трудом покидало деревню. Фабрично-заводской пролетариат имелся лишь в угольной и нефтяной промышленности, преобладали же рабочие мелких предприятий, нередко связанные с землей. Часто рабочие находились в кабале у хозяев.

В 1869 г. в Восточной Галиции насчитывалось 66 тыс. рабочих, занятых в 32 тыс. предприятиях. Из них на 145 предприятиях фабричного типа работало около 7 тыс. человек. В 60-х годах во Львове было 6 тыс. челядников. Численность сезонных рабочих превышала 400 тыс. человек [58, с. 496; 275, с. XXI; 178, с. 15]. Наблюдался значительный приток рабочих из других районов Австро-Венгрии (а в Восточную Галицию также из западной части провинции). Рабочий класс состоял из поляков, украинцев, евреев, немцев и представителей других национальностей.

Пролетарские и полупролетарские массы были крайне заинтересованы в демократизации государства, в свободе союзов, собраний, печати, а также в устранении всякой дискриминации в отношении языка и религии при найме на работу, получении образования, осуществлении гражданских и политических прав. Часть рабочих участвовала в общедемократическом движении под буржуазно-демократическим знаменем. На данном этапе это свидетельствовало о пробуждении их общественной активности, их политического сознания.

Хотя в большинстве национальных районов рабочий класс лишь зарождался, движение пролетариата в странах Запада и крупных центрах Австрийской империи уже тревожило буржуазию и помещиков. Некоторые представители либеральных помещиков, духовенства, буржуазной интеллигенции пытались опекать рабочих, способствовали созданию страховых касс, просветительных кружков и т. п. Решающий сдвиг в классовом самосознании передовых слоев пролетариата произошел в конце 60-х — начале 70-х годов под влиянием I Интернационала и Парижской коммуны.

Насущной задачей нарождавшегося в 60-х годах XIX в. австрийского рабочего движения было идеологическое и политическое освобождение от клерикального, буржуазного и, в частности, националистического влияния. Положение пролетариата побуждало его к сплочению независимо от национальной принадлежности и к классовой борьбе против хозяев, которыми в значительной мере являлись буржуа и помещики своей национальности. Рабочему движению предстояло определить свой, классовый подход к борьбе за демократию, в том числе и к национальным проблемам.

Духовенство, чиновничество, интеллигенция в третьей четверти XIX в. были сложными по составу, в определенной мере отражая социальную структуру общества в целом (эти прослойки не занимали определенного положения в системе производства).

Духовенство состояло из различных слоев, роль которых в общественной жизни не совпадала. Высшее духовенство после 1848 г. не отличалось по положению от крупных землевладельцев, а низшее — все более сближалось с мелкой буржуазией. Политическая позиция клира в основном определялась социальной структурой нации. Роль представителей духовенства в деле пробуждения национального самосознания у отдельных народов еще не была исчерпана, кроме того, некоторые из них участвовали в политической борьбе, отстаивая различные требования общедемократического характера. Однако духовенство — прослойка, связанная с церковью как социальным институтом — в общем играло реакционную роль. Оно стремилось воспрепятствовать распространению прогрессивных, в особенности революционно-демократических и социалистических идей, подъему классовой борьбы трудящихся; кроме того, в конце 60-х годов оно боролось против антиклерикальной политики австронемецкой либеральной буржуазии.

В политической жизни в третьей четверти XIX в. место духовенства оставалось особенно значительным у тех народов, которые в прошлом, при феодализме, не имели национального господствующего класса, не располагали какими-либо элементами автономии (словаки, словенцы, украинцы, румыны Венгерского королевства, хорваты в Истрии) и для представителей которых — в основном выходцев из того же духовенства, крестьянства и городских мелких производителей — путь в духовную среду был наиболее доступным способом подняться по социальной лестнице. В рассматриваемое время эта ситуация еще не могла быть быстро преодолена. Самостоятельная роль духовенства в национальном движении оставалась тем значительнее, чем слабее была национальная буржуазия. Сербь Воеводины с их внушительной торговой прослойкой и церковно-школьной автономией занимали в этом отношении особое положение. Здесь быстро развился образованный светский слой, теснивший идейно-политическое влияние духовенства, несмотря на его мощные экономические и социальные позиции. У чехов светская интел-

лигенция уже накануне 1848 г. вполне преобладала над духовенством.

Сам факт длительного сохранения духовенством влияния на общественное движение того или иного народа свидетельствовал об особенностях его социального развития. Так, в Словении распространение товарно-денежных отношений, в особенности гнет ростовщиков, не только не препятствовали, но более того, способствовали усилению влияния католической церкви на крестьянство; растущая буржуазия также в большей части переходила на клерикальные позиции. Все же в 60-х—начале 70-х годов XIX в. имел место кратковременный взлет либеральных тенденций, и это сказалось даже на духовенстве: часть его представителей придерживалась либеральных взглядов в экономике и политике («либеральные католики»). В экономически отсталых районах Карпат позиции духовенства также остались прочными. В 50-х—начале 70-х годов высшее униатское духовенство Восточной Галиции, как и в первой половине XIX в., выступало против любого демократического движения. До создания Краевого школьного совета в 1867 г. в руках церкви почти полностью находилось народное образование. Это не могло не сказаться на состоянии обучения [113, ч. 1, с. 51]. Сильными оставались позиции румынской православной церкви и ее консервативных лояльных Габсбургам верхов.

Венгерская высшая католическая иерархия в политическом отношении была близка крупным помещикам, находившимся в оппозиции к режиму централизма, но искавшим соглашения с династией. Католическая и протестантская церкви Венгрии стали одной из важных опор дуалистической системы и политики социального и национального гнета. В Хорватии и Славонии либеральные национально-политические настроения, соответствовавшие интересам растущей буржуазии (югославизм и т. д.), охватили значительную часть клира. У хорватов представители духовенства хотя и играли в общественной жизни заметную роль, но традиционно превалировало влияние светских городских кругов интеллигенции и чиновничества. Сильнее было влияние духовенства в Далмации и особенно в Истрии.

Чиновничья прослойка в Австрийской империи после 1848 г. быстро пополнялась выходцами из разночинской среды. Как правило, высшие посты в государстве занимали представители помещичьей аристократии, однако квалифицированная буржуазная бюрократия укрепляла свои позиции, в особенности в западной части монархии. Подчас это были выходцы из местной национальной (славянской) интеллигенции, становившиеся одной из опор габсбургской власти, «винтиками» бюрократического аппарата монархии. Их услугами пользовался централистский режим в пору, когда дворянство Венгрии, Галиции и Хорватии находилось в оппозиции. Так, И. Мажуранич, недворянин, в 1862—1865 гг. занимал пост начальника хорватско-славонской придворной канцелярии [475, с. 294—300]. В 50-х годах круп-

ными чиновниками были словаки Я. Францисци и В. Паулини-Тот. Однако после компромисса Габсбургов с венгерскими и польскими помещиками происхождение вновь стало решающим фактором для занятия высших должностей в восточных районах государства.

Соглашение 1867 г. открыло широкие возможности для обедневших венгерских дворян (джентри) на чиновничьем поприще. Этому способствовали не только классовые мотивы, которыми руководствовались правящие круги при создании бюрократии, но и национальные — планомерная политика создания «мадьярского национального государства».

Джентри представляли тот «надежный» социальный элемент, который был в состоянии обеспечить неприкосновенность власти венгерских господствующих классов в новых условиях. Джентри давали почти половину состава нижней палаты парламента и членства буржуазно-помещичьих партий дуалистической Венгрии. Здесь венгры составили 95% государственных и 93% комитатских чиновников, 97% судей и прокуроров, а также 82% учителей государственных школ и 97% профессоров [316, с. 280]. Джентри почти монополизировали среднюю, в том числе комитатскую администрацию не только в мадьярских, но и в смешанных и в чисто национальных областях. Аристократия и состоятельные помещики сохранили за собой высшие государственные должности, но в аппарате некоторых министерств и совета министров доля джентри доходила до 50—60%.

В сравнении с другими народами, не имевшими собственного господствующего класса феодалов, у чехов и сербов создалась более значительная прослойка образованных людей, что было связано с подъемом буржуазии, а у сербов — также и школьной автономией. Образованные выходцы из непривилегированных сословий чутко воспринимали оппозиционные настроения. То же можно сказать об образованных кругах других народов, в том числе хорватского (до краха неабсолютизма) и польского (до австро-польского компромисса в конце 60-х годов). Это объяснялось, в частности, тем, что национальная принадлежность оставалась решающим фактором при занятии высоких должностей. В австрийской армии подавляющее большинство высших офицерских постов было занято немцами.

Во второй половине XIX в. у разных народов с различной интенсивностью ускорился процесс формирования интеллигенции, которая рекрутировалась из всех классов и прослоек. Увеличилось количество интеллигентов — выходцев из крестьян, снизилась роль дворянской по происхождению интеллигенции и сама она становилась более близкой по положению и взглядам разным буржуазным слоям. Значительной в большинстве случаев оставалась доля выходцев из духовенства в составе интеллигенции. Как и другие прослойки, интеллигенция была пестрой по составу — в нее входили люди, не отличавшиеся по положению от буржуазии, а также демократические слои, близкие к народу.

Существенно, что после 1848 г. повсеместно росло влияние неслужилой интеллигенции (лица свободных профессий — адвокаты и другие), располагавшей более широкими возможностями для политической деятельности. Это сказалось и на развитии общественных движений.

Наряду с интеллигентами «по профессии» (адвокаты, учителя, ученые, писатели, журналисты, врачи и т. д.) существовала духовная, чиновничья, офицерская, как и дворянская и буржуазная, образованная и интеллигентная среда. Например, в Венгрии интеллигенция представляла небольшой слой общества. В 1857 г. в нем насчитывалось 95 587, а в 1869 г. — 113 804 человека (0,7% населения). Но в это число статистика 1857 г. включила 52 798 чиновников и учителей, находившихся на государственной службе, 12 571 писателей, деятелей искусства и частных учителей. Согласно же переписи 1869 г., чиновников было 35 540, учителей 27 221, профессиональных писателей и издателей 715 и деятелей искусства 11 303. Кроме того, по переписи 1857 г. в стране имелось 19 606 священников и монахов, а к 1869 г. их число выросло всего на 1,5%, т. е. рост намного меньший, чем других групп интеллектуального труда. Тем не менее духовенство наряду с чиновниками и учителями оставалось одной из многочисленных прослоек. Самым значительным в этот период был рост численности врачей, фельдшеров и фармацевтов — почти вдвое с 1857 по 1869 г. Но пятнадцатимиллионное население королевства обслуживали всего 2807 дипломированных врачей и 1437 аптекарей. Зато юристов в Венгрии в 1869 г. насчитывалось почти 5 тыс. человек; юридическое образование издавна считалось весьма престижным в дворянских кругах.

Интеллигенция в основном выражала потребности развивающегося буржуазного общества и интересы разных классов, но национальное движение приобретало силу лишь по мере получения им сознательной поддержки со стороны основных классов общества. Эта поддержка становилась особенно прочной тогда, когда тот или иной класс начинал отождествлять свои социальные интересы с национальными, т. е. видеть возможность обеспечения первых на пути борьбы за специфически национальные требования (свобода развития языка и культуры, политическая автономия, объединение национальной территории и т. д.). Пока эта поддержка была слабой, национальное движение сохраняло более или менее узкий («интеллигентский») характер. Поэтому первостепенное значение имеет выяснение социальных интересов различных классов и их проявлений в национальной сфере.

Активная роль интеллигенции и близких ей образованных прослоек в социально неразвитой среде была особенно велика. Интеллигенция поставляла идеологов и руководителей движения. Как и ранее, интеллигенция, в особенности молодежь, сравнивала положение своего народа и более развитых наций, впитывала принципы буржуазной демократии, национального суверенитета.

социализма. Это ускорило ее идейно-политическое развитие и стимулировало идеологический прогресс общества.

Интересы большинства интеллигенции как «профессионального» слоя противостояли режиму политического и национального бесправия, засилью клерикализма и выражались в ее общедемократических устремлениях. При этом пока интеллигенция выражала протест против неоабсолютизма и остатков сословных привилегий, она осознавала себя представительницей прогресса, общества, народа в целом. Но в сущности подавляющее большинство ее было интеллигенцией буржуазной, и это все более четко обнаруживалось после 1848 г., по мере выявления классового антагонизма не только между помещиками и народом, но и внутри «народа»⁸.

Пока что нет возможности дать развернутую характеристику социальной структуры ведущих сил национальных движений, основанную на статистических данных. Ниже мы приводим сведения о ряде политических деятелей третьей четверти XIX в. Несмотря на их недостаточность, эти сведения дают представление о том, в чьих руках находилось руководство национальными движениями.

Среди польских галицийских политиков были интеллигенты различного положения и происхождения. Характерным для Галиции был тип университетского профессора — чиновника монархии не только по положению, но и по духу [216, с. 8, 13, 40]. Один из идеологов консерваторов — историк, профессор Ягеллонского университета, генеральный секретарь Академии наук в Кракове Ю. Шуйский происходил из мелкой шляхты; граф С. Тарновский — историк литературы, профессор и неоднократно ректор Ягеллонского университета являлся лидером консервативной группировки «станьчиков»; представителем консервативных помещиков был профессор-экономист Ю. Дунаевский, выходец из шляхетской семьи; адвокаты Ф. Земялковский и Фр. Смолька были лидерами либеральной партии «львовских демократов». Ян Лям — писатель и публицист, близкий «львовским демократам», происходил из семьи чиновника; Л. Гумплевич — социолог, позитивист и антиклерикал, в 1871—1874 гг. редактор либеральной газеты «Край» — был выходцем из буржуазной еврейской семьи; историк и публицист Г. Шмитт являлся видным деятелем радикального крыла «львовских демократов»; А. З. Хельцель, происходивший из буржуазной семьи, профессор — историк права, был лидером «старых» краковских консерваторов, крайне правого крыла этой партии и т. д. Росло число интеллигентов — выходцев из торгово-промышленных кругов, деклассированной шляхты, крестьян, чиновничества.

Ведущие деятели национального движения, а после 1867 г. — представители правящих кругов Венгрии, были дворянами. Таков,

⁸ Ср. о русской интеллигенции пореформенной эпохи; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 441—442.

например, радикальный политик 60-х—начала 70-х годов, а затем бесценно возглавлявший кабинет министров с 1875 по 1890 гг. Калман Тиса. Другой премьер граф М. Лоняи (1871—1872 гг.), министр финансов в первом правительстве дуалистической Венгрии, сменивший Андраши на посту главы правительства, как и Тиса, был крупным помещиком. После графа Андраши, т. е. с 1871 г., сменявшие друг друга венгерские кабинеты, как правило, возглавлялись крупными или средними землевладельцами. Аристократом по происхождению, но уже в молодости порвавшим с семьей, одной из состоятельнейших в Венгрии, и многие десятилетия жившим за счет литературного заработка, был барон Йожеф Этвёш, крупнейший писатель и публицист, видный политический деятель 60-х годов и один из ведущих государственных деятелей дуалистической Венгрии. Возглавлявшаяся им группа «централистов» в правящей партии Деака (А. Ченгери, А. Трефорт, Ф. Пульски, Б. Хорват), некоторые из которых — прежние эмигранты — теперь занимали министерские посты, осуществила реформу государственного аппарата на буржуазных началах, направленную на подрыв автономии комитатов. Небольшая часть крупных помещиков, принимавшая участие в движении реформ 30—40-х годов, а затем в революции и не запятнавшая себя сотрудничеством ни с Бахом, ни со Шмерлингом, так называемая либеральная аристократия (Д. Андраши, барон Фр. Подманицки, граф Э. Каройи и другие), играла активную роль в политической жизни. Левое крыло парламента возглавляли представители дворян — средних и мелких помещиков (например, И. Мадарас), немущей дворянской и буржуазной интеллигенции (Д. Ирани, Э. Шимони, И. Хелфи), «чистый» буржуа — фабрикант Я. Видач. Опору этой группы составляла часть мелкой буржуазии, обедневших дворян и интеллигенции, считавшей себя хранительницей радикальных традиций 1848 г. и поддерживавшей связи с Кочутом.

Чешская интеллигенция 60—70-х годов XIX в. являлась многочисленной и структурно оформленной прослойкой буржуазного общества. По сравнению с первой половиной века в ее среде произошли важные изменения: росло количество представителей интеллигенции в экономической, общественно-политической и национально-культурной жизни и увеличивалось число лиц, не только происходивших из мещан, зажиточных крестьян, мельников, пивоваров, служащих имений и т. п., но являвшихся уже вторым поколением интеллигентов (братья Фричи, братья Грегры и др.). Отмеченный выше процесс изменения структуры интеллигенции проявился в чешских землях особенно четко. Значительно увеличилось число адвокатов, врачей, деятелей литературы и искусства. Многие из них занимались публицистикой, участвовали в деятельности культурных организаций, становились политиками. Численно преобладавшие в общественном движении первой половины XIX в. сельские священники и учителя, сыгравшие большую роль в распространении национально-просве-

тительских идей, в 50—70-х годах отошли на второй план. Формировался слой чешской интеллигенции, участвовавшей в управлении предприятиями, банками и т. п. Этот слой начинает играть роль и в национальном движении. Значительное место в общественной жизни принадлежало деятелям науки, литературы и искусства: профессорам университета и технического института, редакторам и издателям газет и журналов, писателям и т. д.

В руководстве движением доминировала буржуазная интеллигенция. Фр. Палацкий, известный историк, основатель Чешского музея и матицы, идеолог национального движения, лидер праволиберального крыла Национальной партии, происходил из семьи учителя в Моравии, который разбогател, занимаясь торговлей, и стал землевладельцем. Фр.-Л. Ригер, издатель «Чешской энциклопедии» (1858—1874 гг.), один из наиболее активных политических деятелей, доктор права — сын зажиточного мельника. Одним из руководителей Национальной партии был Фр.-А. Браунер, доктор права и адвокат, член правления Ипотечного банка в Чехии. К. Сладковский, в 1848—1849 гг. — радикальный демократ, в 60-х годах — журналист и депутат сейма, один из организаторов леволиберальной и буржуазно-демократической («младочешской») партии, юрист, — происходил из семьи портного. Сын землемера и лесничего Э. Грегр, доктор медицины — один из основателей младочешской партии, публицист, редактор газеты, его брат Ю. Грегр — адвокат, доктор права, также публицист, издатель газеты «Народни листы». Йозеф Фрич, сын богатого мещанина, доктор права, выступил как инициатор проведения судебных заседаний на чешском языке, доцент и профессор Карлова университета, депутат сейма, в 70-х годах — член правления банка «Славия» и сберегательной кассы в Праге. Его сын Йозеф Вацлав — деятель радикальной демократии в 1848—1849 гг., в 60-х годах — революционный эмигрант, журналист. В общественно-политической жизни Чехии принимали участие и другие сыновья Йозефа Фрича — зоолог Антонин, химик, фотограф и торговец Вацлав, адвокат Войтех, химик и торговец Карел.

У хорватов на переднем плане находились журналисты и литераторы — И. Перковац, священник И. Мишкатович, юристы — адвокат по образованию Э. Кватерник, сын профессора истории, потерявший право заниматься адвокатурой ввиду своих оппозиционных выступлений; главный идеолог радикальной группировки А. Старчевич — служащий в адвокатской конторе, выходец из семьи граничара, воспитанный родственником — священником; известным адвокатом был народняцкий (либеральный) деятель Ш. Мацдура. Особняком по своему положению был лидер либерального движения Йосип Юрай Штросмайер — епископ и владелец большого церковного имения. Священником (каноником) был также идеолог либералов Ф. Рачкий, выходец из семьи торговца. А. Якич был едва ли не единственным купцом, выступавшим на политической арене. Обедневший дворянин барон Д. Кушлан —

юрист по профессии; недоучившийся студент Ф. Матасич, как и некоторые другие, характерный представитель неимущей интеллигенции, демократический публицист и работник редакции радикальной газеты. В Далмации лидерами движения являлись преподаватели гимназии Н. Нодило и М. Клаич, юрист Л. Монти, священник М. Павлинович. В Истрии епископ Ю. Добрила способствовал активизации местного духовенства в культурно-политической области. Как видим, в Хорватии-Славонии дворянство почти не выдвинуло активных деятелей (впрочем, и до 1848 г. их было немного). Но на составе ведущих деятелей у хорватов сказывалось наличие особой национальной территории с соответствующими органами власти.

Усиление экономических позиций буржуазных элементов румын Трансильвании и заметный их численный рост вызвали дальнейшую дифференциацию в рядах румынского национального движения. Наметился, особенно во второй половине 60-х годов, дальнейший отход его радикального крыла от руководства со стороны церковной иерархии. Это крыло возглавили публицист и издатель, председатель брашовской торговой палаты адвокат Г. Барциу, адвокат И. Рациу и И. Мэжелариу. Последний в качестве депутата парламента вместе с румынскими депутатами из Баната в 1867—1868 гг. выступал за восстановление автономии Трансильвании. Эту позицию поддерживал издатель пештской газеты «Федерациуня» университетский профессор А. Роман. Руководящую роль в национальном движении играл помещик из комитата Темеш, депутат государственного собрания Мочони, придерживавшийся умеренных взглядов. Из трансильванских румын видную роль играл В. Бабеш, правовед и публицист, член пештской судебной палаты в 1863—1869 гг., депутат государственного собрания и издатель газеты «Альбина». Он был автором работы о национальном вопросе в монархии [14*]. Среди румынских лидеров в 60—70-е годы можно отметить также И. Ходошиу, адвоката и чиновника, занимавшего в 1861 г. пост вице-ишпана комитата Заранд и являвшегося с 1865 г. депутатом государственного собрания. Таким образом, руководящие позиции в румынском национальном движении занимали выходцы из буржуазных слоев населения, адвокаты, чиновники, публицисты и учителя.

У словенцев наиболее значительные деятели национального движения происходили из интеллигентной, мелкобуржуазной и крестьянской среды. Из крестьян вышли либералы Ф. Левстик — журналист, литературный критик и писатель, Ф. Левец — учитель, директор гимназии, историк и литературный критик, Д. Трстеняк — священник и учитель, талантливый мемуарист. И. Вошняк, врач, один из организаторов движения и М. Маяр, священник, публицист, филолог — выходцы из семей ремесленников. Либеральный журналист Й. Юрчич — сын мелкого торговца. Консерватор Э. Коста, адвокат — представитель более зажиточных (средних) буржуазных слоев, как и ветеринар по об-

разованию Я. Блейвейс. Выходцы из крестьян Р. Разлаг и Л. То-ман — адвокаты, А. Янежич — учитель, К. Шукле — учитель и чиновник и т. д. И так, во главе движения стояли представители духовенства, чиновничества, учителя, адвокаты, журналисты. В 60-х годах ученые, литераторы, юристы и другие все больше осознавали свою принадлежность к словенской нации и включались в национальное движение, внося в него либеральные воззрения. Но преобладание консерваторов в движении иногда вызывало отход от него радикальных интеллигентов и присоединение их к австро-немецкому либеральному и демократическому лагерям. Это случилось в 1848 г. с А. Фюстером, покинувшим Словению, а в 1861 г. — с К. Дежмапом. Так ослаблялось либерально-демократическое крыло в словенском общественном движении.

Много общего со словенцами было у словацкой интеллигенции. Й. М. Гурбан, публицист и писатель — евангелический священник и сын священника; М. Годжа, филолог и поэт — сын крестьянина-мельника; священниками были Ян Паларик, сын крестьянина — леволиберальный журналист и публицист, М. Гаттала — филолог, профессор в Праге, Ян Малы — публицист, профессор в Вене, происходивший из семьи ремесленника; юрист Ян Францисци — сын ремесленника, одно время — чиновник; публицист и поэт В. Паулини-Тот, один из руководителей Словацкой матицы, редактор и публицист — сын священника [304, с. 240]. Но в отличие от словенцев немало руководителей словацкого движения были выходцами из мелкого дворянства (земяне) и чиновничества. Таков Ш.-М. Дакснер, адвокат, сын юриста — комитатского чиновника, сам одно время чиновник (поджупан) — публицист, автор основных программных документов 60-х годов; Михал-Ондрей и Павол-Ян Мудрони — адвокаты, из землян, публицисты.

Сходная с этой социальной структура характерна и для украинского общественного движения, однако с тем различием, что в Восточной Галиции и Закарпатье украинский высший униатский клир поставлял консервативных деятелей. Но во главе национального движения выступали выходцы из низшего духовенства. Таковы в Закарпатье А. И. Добрянский и А. В. Духнович — оба дети сельских священников (второй — и сам священник). К лидерам «народовского» направления в Восточной Галиции в 60—70-х годах XIX в. принадлежали выходцы из семей священников: В. Г. Барвинский — писатель, критик и публицист; А. К. Вахнянин — композитор, преподаватель гимназии, О. Партицкий — языковед, этнограф, историк и публицист, профессор учительской семинарии во Львове; историк С. Качала — священник, происхождением из крестьян. К лидерам консервативного направления принадлежали: сын мелкого помещика Д. И. Зубрицкий — чиновник, историк и этнограф, выступавший уже в 40-е годы; священник И. Наумович — публицист, сын учителя; В. М. Площанский — историк и публицист, редактор газеты

«Слово», сын домовладельца; священник и учитель И. Гушале-вич, выходец из крестьянской семьи.

У словаков, украинцев и особенно у словенцев общим было то, что они не имели класса национального дворянства (как отмечалось, в значительной мере денационализированные остатки его сохранились у словаков и украинцев; у последних имелись отдельные средние помещики-дворяне), поэтому интеллигенция в основном происходила из мелкобуржуазной, крестьянской и духовной среды, а духовенство занимало существенное место в руководстве движением.

У сербов светская интеллигенция в руководстве движением в 60-х годах уже преобладала над духовенством, несмотря на политическую активность церкви. Более того, часть духовенства примыкала к противникам консервативной церковной верхушки. С. Милетич — идеолог либерально-демократического движения и издатель газеты, владелец адвокатской конторы, происходил из семьи ремесленника. Адвокат, депутат парламента М. Полит-Десанчич был сыном богатого купца, Й. Суботич, писатель и политический деятель, был адвокатом. Кроме того, можно указать на следующих представителей разных общественно-политических течений у сербов: на поэта, юриста по образованию и чиновника Л. Костича, литературного критика, юриста по образованию секретаря Сербской матицы А. Хаджича, учителей и публицистов — А. Сандича и Й. Павловича, из старшего поколения — на юриста и крупного чиновника Дж. Стояковича, юриста по образованию и бывшего чиновника Й. Хаджича.

Несмотря на важные различия в социальной структуре населения, между чешским и сербским движениями было сходство, связанное с тем, что здесь и там не было класса национального дворянства, но имелась значительная национальная буржуазия, что предопределило происхождение и положение активистов национального движения. Общественное положение сербской интеллигенции в Воеводине после 1848 г. стало меняться — это в значительной мере представители свободных профессий, близкие национальной буржуазии и выступавшие в защиту ее интересов. Сербская интеллигенция была тесно связана с национальными учреждениями — автономной церковью, гимназией, матицей и т. д.

Как видно даже из приведенных примеров, источником существования некоторых интеллигентов был не умственный труд вообще (учителя, врачи, адвокаты и пр.), а деятельность в органах национального движения, т. е. публицистика, редактирование национальной печати и т. п., у многих из них — лиц малоимущих — единственным орудием труда являлось перо. Некоторые из них успешно занимались наукой. В качестве идеологов национальных движений выступали многие филологи и историки. В третьей четверти XIX в. продолжали деятельность чех Ф. Палацкий — крупный историк; известный хорватский публицист Б. Шулек — юрист, филолог и ботаник; выдающимся ученым Хорватии был

один из лидеров национального движения — историк Ф. Рачкий и т. д.

Приведенные сведения недостаточны без учета прямой связи интеллигенции (как и других прослоек) с буржуазией, в какой-то степени слияния с ней: более богатые журналисты, адвокаты, священники и т. д. становились организаторами кредитно-сберегательных касс, приобретали государственные ценные бумаги, акции торговых и промышленных компаний, не только национальных, но и австро-немецких и венгерских. Так, врач И. Вошняк был организатором кредитно-сберегательных касс в Словении, юрист Я. Францисци и журналист В. Паулини-Тот — в Словакии. С. Щепановский, сын мелкого польского шляхтича, выступавший в качестве публициста, много сделал для организации нефтяной промышленности в Галиции. В рядах формирующейся украинской буржуазии заметное место занимали чиновники и священники. Например, создателями кредитных учреждений являлись вице-маршал галицийского сейма Ю. Лавровский, адвокат И. Добрянский, митрополит Спиридон Литвинович и др. Национальные деятели, случалось, были связаны с буржуазией родственными связями.

По происхождению светская интеллигенция была преимущественно из образованной среды — дворянства (где оно было) и буржуазии; выходцев из крестьян было меньше — как и ранее, они в значительной части пополняли ряды духовенства. В светской среде, среди лиц «свободных профессий» преобладали адвокаты, общественная потребность в которых в пору становления буржуазного правопорядка была значительной. Техническая интеллигенция составляла заметную группу только у чехов.

Хотя общественная роль дворянской интеллигенции повсеместно падала, последняя продолжала преобладать в польском и венгерском обществе. Здесь, однако, в большей мере, чем до 1848 г., были представлены выходцы из малоимущей деклассированной шляхты. У венгров и поляков социальная и идейно-политическая дифференциация интеллигенции была глубже, чем у словенцев, словаков и чехов, ввиду социальной структуры польской и венгерской наций. В среде сербской и украинской интеллигенции дифференциация была связана как с социальными сдвигами, так и наличием церковной организации.

Общественная поляризация эпохи торжества капитализма привела к формированию немногочисленных интеллигентных кругов, переходивших на классовые позиции народных масс и задававших трудными вопросами о причинах роста их нищеты, о перспективах развития общества. В чешских землях и промышленных центрах Венгрии идеологический раскол в среде интеллигенции все более определялся не старым антагонизмом: «полуфеодалы — демократия», а новым: «буржуазия — пролетариат».

Хотя прослойки выражали интересы основных классов (хотя бы находившихся в стадии формирования), у них имелись свои

интересы. Интеллигенция и чиновники, в особенности в Венгрии, Хорватии-Славонии и Галиции (где немецкий язык был меньше распространен, чем в славянских землях собственно Австрии), не могли равнодушно относиться к политике германизации административного аппарата и просвещения в 50-х годах. То же относится к сельскому духовенству. В аграрных странах наличие государственных учреждений, в которых применялся местный (национальный) язык, имело исключительное значение для интеллигенции, для чиновничества в целом, наконец для классов дворян и буржуазии, выходцы из которых могли стать чиновниками. Делопроизводство на национальном языке открывало возможности для подъема по общественной лестнице, для социальной мобильности.

Таким образом, на оппозиционности интеллигенции и других прослоек сказались различные причины. И тогда, когда интеллигенция выступала в защиту своих интересов, — например, учительство, ратовавшее за свободу преподавания на родном языке, — она выражала прогрессивные тенденции. Ее требования отвечали задаче устранения препятствий развитию буржуазного общества и все более часто сознательно увязывались не только с этой задачей вообще, но и непосредственно с потребностями экономики.

Большую роль в национальных движениях играли агитаторы, местные организаторы или сочувствующие лица, поддерживавшие движение материально, откликавшиеся на призывы его лидеров, следившие за национальной печатью и т. д. Эта среда состояла из части интеллигенции, части духовенства и чиновничества, представителей основных классов общества. Школьные учителя, а часто и сельские священники становились энтузиастами национального движения, их роль как пропагандистов национальных идей и национального самосознания среди народных масс была весьма важной. На Военной границе национальные чувства широко проникли в офицерскую среду. Многие офицеры интересовались политическими событиями, сочувствовали югославистским идеям. Военное министерство удаляло «вольнодумцев» из граничарских войск.

Но преобладающая часть лиц, получивших образование, была чужда социальным интересам масс. Что же касается высшего чиновничества, сановников церкви (униатской у украинцев и румын, православной у сербов, румын и украинцев, католической у ряда других народов) и генералитета (в австрийской армии имелись генералы — сербы, хорваты, мадьяры), то эти немногочисленные группы служили Габсбургам или своему господствующему классу и, за незначительным исключением, выступали против национальных движений. Характерен пример загребского архиепископа Ю. Хаулика: в 50-е годы он поддерживал неоабсолютизм, в первой половине 60-х годов — политику Шмерлинга, а после 1867 г. — режим дуализма. Аналогичной была политическая эволюция верхов сербской православной церкви. Даже

в тех случаях, когда представители консервативных кругов духовенства способствовали распространению элементарного сознания национальной принадлежности, они стремились привить массам реакционные догмы, «охранительные» идеи.

Приведенная характеристика социального происхождения и положения ряда ведущих общественных деятелей свидетельствует о том, что у народов, имевших свой дворянский класс-сословие, представители его долгое время сохраняли ведущую роль в национальном движении и после 1848 г.; это было следствием отмеченного выше своеобразия развития капитализма, особенно в восточных районах Австрийской империи, где в третьей четверти XIX в. центральной фигурой этого развития оставался обуржуазивающийся помещик. У других народов состав национальных лидеров также зависел от конкретных условий формирования классов буржуазного общества.

Изменения в социальных основах национальных движений в третьей четверти XIX в. В период утверждения капитализма в Австрийской империи по сравнению с дореволюционным временем произошли заметные изменения в составе сил и общественной базе национальных движений. У народов, имевших землевладельческий класс помещиков (венгры, поляки, хорваты), последний переходит в консервативный или умеренно-либеральный лагерь.

Армию национального движения могли составить только массы народа. И все же десятки тысяч дворян обусловили большую силу венгерского национального движения в 60-х годах. На его радикальном крыле находились обедневшее и деклассировавшееся дворянство и демократические слои городов — студенчество, ремесленники, рабочие, тогда как консервативные и либеральные помещики и буржуазия предпочитали переговоры с династией. В одном из русских дипломатических документов рисуется расстановка сил в Венгрии в 1859—1860 годах: по утверждениям правительства, сообщалось здесь, брожение охватило «мелкое дворянство, весьма многочисленное и весьма бедное, а также пролетариат (неимущие слои городов. — *Ред.*). Напротив, высшая аристократия, буржуазия и крестьянство воздерживаются от всяких демонстраций» [15*]. Сходным было положение в польском движении, где консервативный лагерь крупных помещиков притягивал к себе медленно растущую буржуазию, становясь помещичье-буржуазным.

В 60-х годах XIX в. обуржуазивание дворянства, сохранение остатков феодальных отношений, ограбление крестьян во время аграрных реформ, разорение масс деревни и новое обострение классовых конфликтов наряду со все растущей связью помещиков с имперским рынком обусловили поиски дворянством союза с Габсбургами. При этом автономистские устремления землевладельцев делали их временными попутчиками национальной буржуазии, заинтересованной в автономии (Хорватия, Чехия). Осо-

бое место по своей политической силе и влиянию занимали венгерский и польский помещичьи классы.

Но все шире на первый план общественно-политической борьбы в Австро-Венгрии выдвигалась национальная буржуазия — либо непосредственно (чешские земли), либо в значительной мере в лице интеллигенции, представлявшей ее интересы. Повсеместно росла активность городских слоев — от буржуазии до плебейских «низов». В Воеводине и Словении в политическую борьбу под руководством буржуазной интеллигенции включалось крестьянство. В Пеште в годы обострения революционной ситуации (1859—1861 гг.) и в конце 60-х—начале 70-х годов, а также в Чехии и Моравии в это же время широкие массы народа уже активно боролись за демократию и национальные права.

В буржуазной и обуржуазивающейся среде значительно более, чем до 1848 г., проявляется дифференциация — имущественная и идейно-политическая. Обострение кризиса традиционного мелкого производства приводило к радикализации мелкой буржуазии и, наряду с другими обстоятельствами, к усилению буржуазно-демократических тенденций. Более богатые круги, в большинстве земель связанные преимущественно с кредитно-ростовщическими и торговыми операциями, опасались глубоких демократических преобразований. Заинтересованные в гарантии национальных прав, они искали решения проблем в основном на пути реформ, но, случалось, и при помощи иностранных держав. Между буржуазией угнетенных наций и господствующими классами полуфеодальной монархии сохранялись глубокие противоречия.

На пути демократического развития, в частности национального освобождения, стояли не только эксплуататорские классы господствующих наций, но и определенные социальные силы неполноправных народов, являвшиеся опорой Габсбургов. Это прежде всего помещики, клерикальная и часть финансовой верхушки, представители «национальной» бюрократии. Без борьбы с ними было невозможно доведение до конца демократических преобразований в многонациональном государстве или создание суверенных государств. Но силы, выступавшие за более или менее широкие национальные требования, охватывали либеральные и даже консервативные слои. Так, к равноправию с Австрией стремилось дворянство Венгрии; политической автономии разного масштаба в Хорватии и Галиции добивались не только буржуа, но и помещики; в признании прав национального языка были заинтересованы все слои угнетенной нации. После удовлетворения своих требований умеренные круги превращались в опору режима. С этого момента их противодействие освободительному движению становилось наиболее явным.

Общественное движение в третьей четверти XIX в. не имело революционного ведущего класса. В национально-освободительном движении революционной была часть мелкой буржуазии

и в особенности близкие ей круги интеллигенции. Кое-где национально-революционные настроения охватили часть крестьян (югославянские области). Глубокие различия в общественной структуре наций наряду с другими обстоятельствами обусловили особенности программ национальных движений и политику правящих кругов по отношению к ним. Эти различия, в частности, воспрепятствовали возникновению широкого многонационального демократического движения. Такая расстановка сил в Австрийской империи дала возможность Габсбургам выйти из кризиса.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОГРАММЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Идейно-политическая эволюция национальных движений в третьей четверти XIX в. была обусловлена рядом обстоятельств. Первое место среди них занимают изменения в базисе — утверждение капиталистических отношений, ускорившаяся после 1848 г. социальная дифференциация, развитие буржуазии и рабочего класса, новое обострение социальных конфликтов в условиях гнета помещиков и буржуазии, а в восточной части империи и в ее южных районах — сохранения крупных остатков феодализма. Эти изменения сопровождались быстрым формированием наций.

Ликвидация основ феодального строя ослабила позиции крайних консервативных слоев — сторонников абсолютизма и неприкосновенности привилегий помещиков. Абсолютистская реставрация была осуществлена армией и бюрократией при активном содействии большинства австронемецкого дворянского класса и буржуазной финансовой верхушки и по крайней мере сочувствию или равнодушию значительных кругов буржуазии, жаждавших «порядка». Однако в 50-х годах XIX в., после стабилизации неабсолютизма, в условиях утверждения нового общественно-экономического строя часть представителей австронемецкой землевладельческой аристократии, как огня боявшейся парламентаризма, тем не менее стала помышлять о центральных сословных представительных учреждениях для защиты своих интересов. Австронемецкие провинциальные аристократы по той же причине желали восстановления прежних сословных учреждений земель. Еще в большей степени эти настроения были присущи преданным династии ионациональным консервативным кругам, сторонникам сильной власти монарха (повсюду в империи они получили название «староконсерваторов») — венгерским, польским и хорватским магнатам, сербской церковной верхушке и т. д. В период быстрого капиталистического развития эти планы реставрации сословных учреждений были неосуществимы, однако они свидетельствовали о постепенном подтачивании социальной опоры неабсолютизма, чем воспользовались либералы — дворянство, где оно было, и формирующаяся буржуазия всех национальностей.

Военный крах режима в 1859 г. послужил стимулом для публичного выражения оппозиционных настроений в среде самого господствующего класса. В этом же направлении толкали последние выступления демократических слоев и активность революционной эмиграции.

После революции 1848 г. буржуазию Австрийской империи как класс в основном устраивали новые социально-экономические отношения, она требовала лишь некоторых реформ. Однако все большее недовольство вызывал у нее неабсолютизм. Что касается буржуазии угнетенных наций, то и более состоятельные ее слои, прогрессивный потенциал которых в социально-экономической сфере после революции 1848 г. в основном исчерпался, решительно выступали против существующего централистского устройства государства и национального угнетения. В еще большей мере это относилось к средним и мелкобуржуазным слоям. Острота противоречий привела к возникновению в ряде земель революционно-демократического течения, противостоящего помещичье-буржуазному обществу. Наконец, в лице рабочего класса выростала общественная сила, историческая миссия которой состояла в том, чтобы уничтожить социальный и национальный гнет.

Неустойчивая международная обстановка, войны, объединение Италии, образование Германской империи, активизация внешней политики России в 60-х годах, подъем освободительного движения народов Балкан и европейского рабочего движения, деятельность I Интернационала, имевшая историческое значение для формирования пролетарской идеологии, наконец Парижская коммуна, которая подобно молнии осветила перспективы общественного развития и способствовала резкому размежеванию социально-политических течений и влияние которой сказалось не только на рабочем классе, но и на взглядах демократической интеллигенции, — таковы условия, воздействовавшие на идеологию различных течений в общественных движениях в конце 50-х — начале 70-х годов XIX в.

1. Итальянцы

Сразу после революции 1848—1849 гг. в итальянском национальном движении началась полемика, участники которой — демократы и умеренные либералы — стремились выяснить причины поражения и определить пути, которые могли бы в будущем привести к успеху.

Острая дискуссия охватила демократический лагерь. Некоторые его представители подвергли резкой критике Дж. Мадзини за то, что он отрывал проблему национальной независимости от задач глубокого социального обновления. Осмысление опыта революции, продемонстрировавшей — вразрез с тезисом Мадзини о надклассовом характере освободительного движения — глубокие социальные противоречия, побудило некоторых демократов выработать идейные установки, связывавшие политическую революцию с революцией аграрной в качестве условия победы национального движения. Утверждение этой идеи способствовало выделению в республиканско-демократическом лагере радикального, революционно-демократического направления, выдающееся

место в котором принадлежало Д. Феррари, Дж. Монтанелли и К. Пизакане.

По мнению Феррари, неудачи итальянской революции коренились в том, что проблема свободы, т. е. социально-политического преобразования общества, была подчинена проблеме национальной независимости, а это сковало инициативу революционных кругов, лишило их руководящей роли в движении и обрекло на компромисс с консервативными силами. Феррари считал, что революция должна сначала направить удар против папства и врагов свободы (монархов, князей, аристократии) в каждом из итальянских государств. Совершив социальную революцию, следует развязать — при поддержке революционной Франции — войну за национальную независимость. Социальная революция призвана утвердить в Италии «социализм», под которым Феррари понимал уравнение собственности с помощью «всеобщего аграрного закона» и отмены права наследования. В результате этих мер была бы упразднена собственность, «не основанная на труде» [250, с. 96—98]. Следовательно, общественный идеал Феррари сводился к «крестьянскому социализму», т. е. к утверждению в Италии строя мелких землевладельцев, обладателей «трудовой собственности».

Подобно Феррари, Монтанелли полагал, что одной «национальной идеи» недостаточно для решения итальянской проблемы; задача революции должна состоять в завоевании «внутренних свобод», в подрыве позиций папства и церкви. Монтанелли предлагал лишить церковь собственности, используя ее для распределения среди бедноты. Он считал необходимым дополнить политическое преобразование Италии социальной революцией и призывал борцов за освобождение страны обьявить себя «социалистами» и выступить в едином фронте с революционной Францией. Расплывчатый «социализм» Монтанелли не шел дальше буржуазно-демократических преобразований, частью которых было решение аграрного вопроса. «Итальянский социализм, — писал он, — призван улучшить условия колоната, дабы постепенно создать предпосылки для возделывания всей годной к обработке земли и связать интересы собственности с ее обработкой» [250, с. 124].

Тенденция к решению национальной проблемы преимущественно как проблемы социального переустройства в интересах масс наиболее отчетливо воплотилась в работах К. Пизакане «Война в Италии в 1848—1849» (вышла в свет в 1851 г.) и в «Историко-военно-политических очерках об Италии», написанных в середине 50-х годов (опубликованы в 1858—1860 гг.). Пизакане утверждал, что борьба за национальное освобождение может рассчитывать на успех, если массы «сменяют мотыгу на ружье», т. е. при условии широкого вовлечения народа в революцию, чего удастся добиться, если низы проникнутся уверенностью, что участие в борьбе принесет им решительное изменение жизненных условий. Полагая, что в Италии (как в Англии

и Франции) антагонизм между буржуазией и «народом» стал основным противоречием и что буржуазия, захватив власть с помощью низов, предаст их интересы, Пизакане призывал демократов, минуя стадию буржуазной революции, взять курс на проведение в стране «радикальной социальной реформы», т. е. социалистической революции, к которой, по его мнению, «огромными шагами» приближалось европейское общество [16*]. Итальянская революция должна одновременно направить удары как против Австрии и поддерживающих ее абсолютистских режимов, так и против буржуазии и крупных землевладельцев с целью обобществления орудий труда.

При всем различии трактовки социализма и расхождения во взглядах на форму объединения Италии работы Феррари, Монтанелли и Пизакане свидетельствовали об осознании представителями революционной демократии необходимости разрешить аграрный вопрос и привлечь крестьян к национальному движению, хотя указанные ими пути аграрных преобразований носили слишком общий характер. Сформулировать же конкретную аграрную программу, единую для всей Италии, было трудной задачей из-за сложности аграрной структуры страны — преобладания капиталистических отношений на севере и широкого распространения полуфеодалных методов эксплуатации крестьян на юге.

Концепции национальной революции, выдвинутые левыми демократами, не получили серьезного отклика в национальном движении, поскольку даже те группы буржуазии (включая мелкую), на которые опирались демократы, были связаны с землей и эксплуатировали крестьян. Естественно, что предложение о перераспределении земельной собственности в интересах низов, не говоря уже о призыве Пизакане к социалистическим преобразованиям, должно было вызвать у большинства буржуазных демократов противодействие. В этом коренилась одна из причин неудачи, постигшей Феррари, Пизакане и других революционных демократов в их усилиях создать новую «социальную» партию с целью претворения в жизнь выдвинутой ими программы национального движения и отстранения от руководства демократией Мадзини. Последний, несмотря на резкую критику слева, продолжал отстаивать свою концепцию надклассовой национальной революции, не внося в нее в 50-е годы серьезных изменений. Провал попытки Мадзини (к которой был причастен и Кошут) поднять антиавстрийское восстание в Милане в 1853 г. вызвал углубление кризиса демократического лагеря, в результате чего Мадзини стало покидать все большее число сторонников.

Между тем в Пьемонте в 50-е годы в значительной мере благодаря усилиям К. Кавура, опытного политика и дипломата, происходило укрепление конституционного строя и позиций стоявших у власти либералов. После поражения революции Пьемонт стал прибежищем для десятков тысяч эмигрантов из других итальянских государств, и это позволило пьемонтским уме-

ренным наладить связи с либерально-буржуазными кругами всей Италии. Кавур видел решение итальянского вопроса лишь под руководством монархии и в согласии с другими державами, при помощи дипломатических комбинаций и при использовании вооруженных восстаний. На Парижском мирном конгрессе в 1856 г. Кавур постарался привлечь внимание держав к итальянскому вопросу. Это вновь оживило в Италии надежды на то, что Пьемонт может сыграть активную роль в национальном движении. Такие надежды захватили и часть демократов, утративших веру в скорый подъем революционного движения. Выразителем этих настроений стал руководитель венецианской революции 1848—1849 гг. Д. Манин. С 1855 г. он стал ратовать за слияние всех патриотов, как республиканцев, так и пьемонтских либералов-монархистов, в единую «национальную партию» для объединения Италии под эгидой пьемонтской монархии, призванной выполнить «национальную миссию». Республиканцам Манин советовал пойти на «самоотречение во имя национального дела» [64, т. 4, с. 277], т. е. поддержать пьемонтскую монархию, если она выступит как руководящая сила движения. Это могло произойти, как считал Манин, в результате давления «национальной партии» на пьемонтское правительство.

Идеи Манина легли в основу программы созданного летом 1857 г. Итальянского национального общества, которое обязалось ставить превыше всего «великий принцип независимости и объединения Италии» и поддержать Савойскую династию, если она поможет восторжествовать «делу Италии» [64, т. 4, с. 298]. Кавур, хотя и одобрил эту программу, все же считал объединение Италии делом отдаленного будущего. Конкретный его план предусматривал новую войну с Австрией с целью освобождения Ломбардии и Венеции и образования Верхнеитальянского королевства, т. е. предполагал сохранение на некоторый срок раздробленности Италии. Война и события 1859—1860 гг. вновь столкнули стратегии и программы двух лагерей — либерально-монархического и революционного. План Кавура вытеснить Австрию из Италии потерпел неудачу из-за прекращения войны Наполеоном III. Из тупика, в который, казалось, зашло национальное движение, его вывели демократы, попытавшиеся с помощью экспедиции Гарибальди добиться главной цели — создания единой Италии. Триумфальные успехи Гарибальди, олицетворявшего (несмотря на провозглашенный им лозунг «Италия и Виктор-Эммануил») революционную и буржуазно-демократическую альтернативу решения национальной проблемы, побудили Кавура, еще в марте 1860 г. не помышлявшего о возможности воссоединения страны, направить пьемонтскую армию в Папское государство, а затем в Неаполь, дабы не допустить развития здесь народного движения. Таким образом, инициатива демократов вынудила либерально-монархический лагерь включиться в процесс создания единой Италии, т. е. содействовать осуществлению идеи, которую в течение тридцати лет упорно отстаивали демо-

краты. Слабость последних позволила умеренно-либеральному направлению, опиравшемуся на Пьемонт и получившему поддержку консервативной буржуазии южной и центральной Италии, создать единое итальянское государство на монархической основе и не допустить глубокого демократического преобразования общества.

2. Чехи

Несмотря на политический крах в период революции, австрославизм как идейно-политическая платформа чешской буржуазии в 60-е годы XIX в. получил дальнейшее развитие. Его принципы были сформулированы Фр. Палацким в статьях, опубликованных в 1865 г. под названием «Идея австрийского государства» [17*]. Здесь нашли отражение те изменения, которые произошли в позиции Национальной партии, возобновившей деятельность в начале 60-х годов.

В целом австрославизм 60-х годов исходил из идей 1848 г. и обосновывал необходимость переустройства Австрийской монархии на принципах федерации. Новым было то, что теперь его острее было направлено не только против централистской политики, но и против австро-венгерского дуализма, угроза которого появилась уже в начале 60-х годов.

Отвергая централизм и дуализм, Палацкий обосновывал необходимость участия в управлении государством славян и прежде всего чешской буржуазии. Он утверждал, что лишь федерализм, осуществив равноправие национальностей, может ликвидировать угрозу, нависшую над монархией. Дуализм Палацкий, как и Ф. Л. Ригер, считал экспериментом, смертельным для империи [Ратнер, 1956]. Он пытался даже припугнуть правительство, заявляя, что «день провозглашения дуализма неизбежно станет днем рождения панславизма в его наиболее нежелательной форме».

Австрославизм 60-х годов, в отличие от концепции 1848 г., в основном исходил не из этнического принципа, а из «исторического права». Это явилось отражением новых явлений в политической жизни империи. Важнейшими из них были последовательные действия венгерской оппозиции во главе с Ф. Деаком, требовавшей восстановления венгерской конституции 1848 г., непримиримость эмиграции во главе с Кошутом и Клапкой, отстаивавшей государственные права Венгрии, издание Октябрьского диплома 1860 г., признавшего права так называемых историко-политических индивидуальностей, а также вступление чешской буржуазии в союз с «историческим» дворянством Чехии, для которого государственно-правовая теория служила орудием борьбы за сохранение его привилегий. Ригер указывал, что Национальная партия основывает свою деятельность на историческом праве потому, что двор симпатизирует этому принципу [Navránek, 403, S. 540].

Палацкий выступал за федерацию групп земель на основе исторического права. Он полагал, что в федеративном переустройстве монархии заинтересованы все, кто не хочет ее распада, т. е. и династия, и австронемецкая буржуазия, и славянские народы. Палацкий считал, что последние не могут рассчитывать на самостоятельное государственное существование ввиду неизбежности поглощения их соседними государствами. Отвергая обвинения в панславизме, он утверждал, что австрийские славяне видят свое будущее в сильной Австрии, предоставляющей ее народам равные права.

Программа Палацкого исходила из необходимости конституционного строя. Однако правое умеренно-либеральное крыло Национальной партии, которое возглавлялось Палацким, отвергало всеобщее избирательное право, мирилось с сохранением привилегий дворянства и добивалось соглашения с двором за счет отступления от принципов парламентаризма, за счет интересов масс. Положив в основу своих требований историческое право, чешская буржуазия исключила из программы Национальной партии требование политического объединения чехов и словаков.

Итак, концепция чешской буржуазии в 60-е годы отражала переход правых либералов к сотрудничеству с консервативными кругами «исторического» дворянства чешских земель и их готовность к компромиссу с классом помещиков в имперском масштабе.

Уже в январе 1861 г. лидеры Национальной партии вступили в союз с «историческим» дворянством. На встрече Ригера с графом Г. Клам-Мартиницем была достигнута договоренность о совместных действиях. Буржуазия признала принцип исторического права, а дворянство обещало поддержать требование равноправия языков [485, т. 2, с. 43]. В глазах относительно слабой чешской буржуазии дворянство было важным союзником в борьбе с немецкой буржуазией.

Партия «исторического» дворянства Чехии, возглавляемая Клам-Мартиницем, графом Л. Туном и князем К. Шварценбергом, выражала интересы консервативных помещиков, оппозиционных централистской политике правительства как слишком либеральной и выступавших за автономию Чехии. Уже в конце 50-х годов в среде «исторического» дворянства возобладало мнение, что для достижения политических целей следует привлечь на свою сторону чешскую буржуазию. Таким образом, стремление к союзу было обоюдным.

Идеология и программа дворянства оказали влияние на политику Национальной партии. Но это было сотрудничество разнородных сил. Дворянство добивалось укрепления автономии провинций, тогда как целью чешской буржуазии было политическое объединение чешских земель. Носителем «историко-политической индивидуальности» Национальная партия считала объединенные земли чешской короны св. Вацлава. Таким путем она стремилась совместить буржуазный «национальный принцип» с легитимиз-

мом, тогда как аристократия не хотела иметь ничего общего с «опасным» национальным принципом, а носителя исторических прав видела в отдельных провинциях [Urfus, 403, S. 549].

В этом проявилось различие классовых интересов буржуазии и дворянства. Чешская буржуазия и ее идеолог Палацкий само историческое право наполняли национальным содержанием. С этим связана критика венгерского исторического права и идеи дуализма как несовместимых с национальной свободой большинства народов монархии.

Последовательное выражение идея чешского исторического права — как обоснование прав на национальное объединение и самоуправление нации, т. е. фактически прав на возрождение национального государства в рамках Австрии — получила в «Декларации» чешских депутатов сейма в 1868 г. Декларация отвергала дуализм, выдвигала принцип суверенитета чешской нации («земель чешской короны») в рамках монархии. Эти по форме «правовые» идеи, а фактически — буржуазный «национальный принцип», восприняли массы народа, взявшие их на вооружение во время подъема демократического движения в 1868—1871 гг.

Переход к политике сотрудничества с дворянством способствовал более четкому выявлению позиций разных группировок буржуазии. Стали выкристаллизовываться два течения: праволиберальное — старочехи, возглавляемые Ригером, Палацким и Ф. Браунером, и леволиберальное с буржуазно-демократическим — младочехи во главе с известным в 1848—1849 гг. радикальным демократом, ставшим теперь либералом, К. Сладковским и братьями Греграми. В 60-х годах оба течения существовали в рамках Национальной партии, а их разногласия при единстве национальных требований — те и другие были федералистами — касались политических и тактических вопросов.

Социальной основой старочехов были более богатые землевладельцы и промышленники, связанные с сельским хозяйством. Младочехи же представляли интересы мелкой городской буржуазии, буржуазно-демократической интеллигенции (студентов, учителей, врачей и др.), а главное — зажиточных слоев крестьянства, формирующейся сельской буржуазии. Поэтому младочехи выступали против союза с дворянством. В чешском земельном сейме младочехи, исходя из программы, опубликованной К. Сладковским в газете «Глас» (1862 г.), выступали за уничтожение феодальных остатков, за свободное распоряжение землей, расширение самоуправления общин, протестовали против привилегии помещиков — исключения их из-под юрисдикции общинного самоуправления.

Буржуазный демократизм младочехов проявлялся в идеологических принципах. Так, в отличие от старочехов, считавших, что император должен «даровать» Чешскому королевству его права, младочехи подчеркивали право самого народа на суверенитет. Но младочехов объединяла со старочехами боязнь революцион-

ного движения. Национальная партия выступала за легальные методы борьбы.

Минимальные национальные требования чешской буржуазии заключались в национальном равноправии чехов и немцев, в первую очередь чешского и немецкого языков в школах, суде и местных учреждениях. В сущности речь шла о том, в чьих руках будет провинциальное управление. В 1865 г. чешские буржуазные деятели провели в сейме Чехии закон о равноправии языков, согласно которому в средних школах вводилось обучение второму языку, при этом гимназии делились на чешские, немецкие и двуязычные. Закон вызвал нападки со стороны немецких националистов и по их настоянию был отменен в 1868 г., когда чехи бойкотировали сейм.

Эти же цели преследовала борьба за изменение закона 1861 г. о выборах в чешский сейм. Закон ставил в привилегированное положение крупных землевладельцев, обеспечивая немцам большинство в сейме. Национальная партия не выражала возмущения ни высоким имущественным цензом, лишившим массы крестьян и рабочих участия в выборах, ни привилегиями дворян-землевладельцев (650 крупных землевладельцев Чехии избирали в сейм 70 депутатов, городское население — 87, а сельское — 79). Она выступала только за расширение прав чешской буржуазии. Все же относительно степени демократических свобод в партии не было единства. Если для Палацкого государственный строй Северной Америки был «слишком демократичным», то Сладковский видел в Соединенных Штатах идеальное государство, а Ригер мечтал о превращении Австрии в «монархическую Швейцарию».

Противоречия в Национальной партии приняли острые формы в связи с польским восстанием. Существовали разногласия и по тактическим вопросам: младочехи возражали против перехода партии к пассивной оппозиции — неучастию в заседаниях рейхсрата с 1862—1863 гг. и чешского сейма с 1867 г. Окончательный разрыв между ними произошел в 1874 г.

С младочехами смыкалась, иногда поддерживая их, немногочисленная группа радикальных демократов. После 1848 г. большинство их было брошено в тюрьмы, откуда многие возвратились по амнистии лишь к концу 50-х годов. К. Сладковский и В. Вавра-Гаштальский сначала пытались организовать радикально-демократическую группу вокруг газеты «Час» (1861 г.). Но вскоре Сладковский стал одним из лидеров младочешского крыла Национальной партии.

С радикалами в Чехии поддерживал из-за границы связь Й.-В. Фрич, эмигрировавший в конце 50-х годов и занимавший национально-радикальную позицию. В 1861 г. в Женеве он основал журнал «Чех», тайно распространявшийся и в Чехии. Противник Австрии и противник австрославизма, Фрич стремился вовлечь в движение широкие слои народа, выступал за союз с польским революционным движением, с венгерской

эмиграцией, гарибальдийцами. Он выдвинул программу создания независимого чешского государства [238, с. 44; 320]. Идеи Фрича находили сочувствие у части демократических слоев, в мелкобуржуазных кругах и среди чешской экономической эмиграции, формировавшейся в это время. Во всяком случае их влияние было более широким, чем это проявилось в программных документах национального движения.

Под воздействием Фрича возобновилась деятельность сторонников радикально-демократических идей. Они объединились во круг Вацлава Фрича (брата Й.-В. Фрича). Одним из активных представителей этой группы был князь Р. Турн-Таксис. Он пользовался популярностью среди крестьян, финансировал издание демократической газеты «Болеславан», которая требовала создания ответственного правительства, суда присяжных, свободы объединений, самоуправления, объединения чешских земель, прославляла польских повстанцев.

В 1863 г., когда Национальная партия была близка к расколу в связи с отношением к польскому восстанию, радикальные демократы пытались привлечь на свою сторону младочехов и основать «партию свободомыслящих». Турн-Таксис разработал ее программу, носившую буржуазно-демократический характер (требование всеобщего избирательного права). Однако Сладковский и Ю. Грегр выступили против создания такой партии [425, с. 227].

Радикальные демократы продолжали вести агитацию среди студентов, рабочих и крестьян, но после поражения польского восстания произошел спад и радикально-демократического движения в Чехии. Часть радикалов примкнула к младочехам, образовав левое крыло этого течения. Нередко они заставляли младочехов более последовательно проводить антиклерикальную и антидворянскую политику и были инициаторами различных манифестаций молодежи, а также народных «таборов» в 1868—1871 гг.

Что касается Й.-В. Фрича, то в 60-х годах он эволюционировал вправо, в сторону буржуазно-национального радикализма. Но, с другой стороны, после 1848 г. Фрич отказался от принципа сохранения австрийского государства, хотя и мечтал о создании союза народов после разрушения империи. Противник Габсбургов, он все большие надежды возлагал на освобождение чешского народа с помощью иностранных держав. Во время австро-прусской войны 1866 г. Фрич рассчитывал на помощь Пруссии.

Первым документом, в котором содержались основные требования чешской буржуазии после революции, явилось прошение на имя императора разрешить издание политической газеты (июнь 1860 г.), подписанное Палацким, Ригером, Браунером, Я.-Е. Пуркине и представителями промышленников и торговцев. Это была несколько видоизмененная программы либералов 1848 г. Она состояла из национальных и конституционных требований. Исходя из принципа «естественного права», она содержала пожелание, чтобы император дал чешскому народу, «всем его слоям представительство, соответствующее его величине,

культурному уровню и налоговому бремени, которое он несет». Выдвигались требования конституционных свобод, политических прав для широких слоев населения, «как можно более широкого земельного самоуправления», обучения на чешском языке в средних школах, создания чешского Учительского института, равноправия чешского и немецкого языков в чешских землях и обязательного знания их чиновниками провинциального управления [485, т. 2, с. 23]. Характерной чертой программы было то, что она касалась «чешско-словацкого» народа, т. е. чехов и словаков. Другой ее чертой было отмежевание буржуазии от дворянства.

Положение изменилось после издания Октябрьского диплома 1860 г., в котором чешских либералов привлекал принцип автономии земель. Желательность компромисса между либеральной программой и концепцией «историко-политических индивидуальностей» была выражена уже в октябре 1860 г. в журнале «Час», а затем в статьях Ригера в октябре—ноябре 1860 г. Острие борьбы чешской буржуазии было направлено против централизма и абсолютизма. В теории «историко-политических индивидуальностей» либералов привлекали присущие ей идеи децентрализации управления государством. С другой стороны, признание этой теории открывало возможность союза чешской буржуазии с оппозиционными правительству кругами консервативного дворянства.

В развернутой форме принципы Национальной партии были сформулированы Ригером в газете «Народни листы» 1 января 1861 г. [Ратнер, 1956]. Так как это было еще до контактов либералов с дворянством, то здесь упоминалась необходимость уничтожения политических привилегий дворянства. Программа Ригера требовала расширения самоуправления земель, буржуазных свобод (вероисповедания, печати), гражданского равноправия. Характерными были требования в социально-экономической области: свободы предпринимательства, распоряжения недвижимостью, реорганизации таможенных, финансовых и кредитных учреждений.

Ряд проектов чешско-австрийского и вообще славяно-австрийского соглашения, выдвинутых в чешских землях в 60—70-х годах, был основан на принципах австрославизма и исторического права. К таковым относилась программа Ригера, сформулированная в канун австро-прусской войны 1866 г. Она была рассмотрена на совещаниях чешских (Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Ф. Браунер, Г. Клам-Мартиниц, Й. Лобковиц и др.), польских (А. Голуховский, журналист д'Абанкур, Е. Любомирский и др.) и хорватский (Й. Штресмайер) федералистов в Вене в июле—августе 1866 г., уже после оккупации пруссаками Праги, когда славянские буржуазные и дворянские деятели были охвачены тревогой за будущее [Šesták, 1969; Navránek, 403, S. 530]. Совещание высказалось против участия Австрийской империи в делах Германии. Поражение под Кёниггрецем в этом отношении открывало благоприятные для федералистов перспективы.

Согласно проекту, империя в соответствии с «историческим правом» разделялась на комплексы провинций: 1) земли чешской короны, 2) немецко-словенские земли («наследственные земли» Габсбургов), 3) Галиция с Буковиной, 4) земли венгерской короны. Во главе каждого комплекса находился канцлер — глава правительства, ответственный перед «генеральным сеймом» группы земель. Предусматривались также сеймы и правительства для отдельных земель. Имперскую власть представляли монарх, центральное правительство и парламент. В их ведении должны были остаться экономика, внешняя политика и внешняя торговля, армия. Чтобы сделать проект приемлемым для династии и консервативных кругов, Ригер предусмотрел сохранение исторических провинций, оговорив, что должно быть гарантировано национальное равноправие (права языков) в школах и учреждениях земель.

Так как правительство Белькреди добивалось компромисса с венгерскими либералами, а об этом мечтали и чешские лидеры, Ригер исходил из сохранения политического единства территориального комплекса венгерской короны. Проблема автономии Хорватии должна была решаться путем венгеро-хорватских переговоров, хотя в принципе Ригер стоял за создание особого, пятого, комплекса хорватских земель.

Проект вызвал недовольство словенцев, не надеявшихся на соглашение с австро-немецкими господствующими классами, украинцев, не рассчитывавших на то, что польские магнаты признают их равноправие, словаков, сербов, румын, отданных на милость венгерской аристократии, наконец хорватов. Проекту Ригера были враждебны австро-немецкие централисты и сторонники австро-венгерского соглашения и он не имел шансов на успех [485, т. 1, с. 115]. Среди участников переговоров не было искренности и единства. Так, польские представители нащупывали почву для соглашения с двором об автономии Галиции, и это вскрылось во время совещания.

Программа Ригера была неприемлема для двора, австро-немецкой буржуазии и венгерского дворянства, так как — по крайней мере вербально — предусматривала национальное равноправие, а также влияние буржуазии славянских наций на государственные дела.

Образование Австро-Венгрии в феврале 1867 г. означало крушение планов чешской буржуазии. Она бойкотировала сейм и рейхсрат, провела ряд национальных манифестаций (в частности, в торжествах по случаю закладки Национального театра участвовало до ста тысяч человек) и начала кампанию массовых митингов — «таборов» (1868—1871 гг.).

Требования, которые выдвигались на таборах, имели буржуазно-демократический характер. Наиболее распространенным было требование автономии чешских земель. Как говорилось в резолюции табора на горе Ржип: «... чтобы было возобновлено наше историческое право, которое означает ничто иное, как свободу,

самостоятельность и независимость славного Чешского королевства». Выдвинув на таборах это основное требование, буржуазия сумела мобилизовать на его поддержку практически весь чешский народ. Однако массы сразу же вышли за пределы узких рамок, которые стремилась придать движению буржуазия. Для крестьян, ремесленников, низших слоев интеллигенции, рабочих и студенчества борьба за государственное право была борьбой против аристократическо-капиталистической Австрии, феодальных остатков, за демократию. Этим объясняется бурный характер таборов, их запрещение властями, столкновения с жандармами и войсками осенью 1868 г.

Требование чешского государственного права на таборах увязывалось с борьбой за всеобщее избирательное право, расширение компетенции сейма, отмену регулярной армии и др. Народ выражал симпатии к немецкой демократической журналистике, к испанской революции, к французскому народу, оказавшемуся под пятой германских оккупантов в 1870 г.

Массы выступили на таборах против налогового бремени, отказывались от уплаты налогов. Движение это было подавлено осенью 1868 г. жандармами и войсками. Чешская буржуазия, борясь за автономию чешских земель, стремилась добиться усиления своих позиций в экономике. В резолюциях многих таборов выдвигались требования основать новые промышленные предприятия (главным образом акционерные общества в пищевой промышленности) и кредитные союзы для поддержки земледельцев.

Политические и экономические проблемы на таборах увязывались с культурными. Наряду с увеличением числа чешских средних школ выдвигались требования основания сельскохозяйственных и промышленных училищ, создания в Праге и Брно чешских высших учебных заведений, учреждения Чешской академии наук и искусств, театральных, читательских, певческих и физкультурных союзов. Раздавались призывы к созданию библиотек, распространению книг и журналов, требования употребления чешского языка в учреждениях и назначения чехов на должности чиновников. На ряде таборов говорилось об экономическом положении пролетариата и необходимости создания рабочих организаций.

Период 1868—1871 гг. — массовое демократическое движение таборов — кульминация чешского национально-освободительного движения во второй половине XIX в., по определению Э. Нееды, «одно из самых светлых событий в истории чешского народа и чешской культуры» [397, с. 79]. Этот подъем был обусловлен важными переменами в сфере экономики и социального развития (завершение формирования пролетариата). В национально-освободительном движении участвовали все слои трудового народа: крестьянство, мелкая буржуазия, рабочие. Всего в 1868—1871 гг. в чешских землях состоялось 143 табора, в которых участвовало до полутора миллионов человек. Бурные рабочие собрания в Праге в октябре 1868 г., расстрел войсками рабочего митинга в Панкраце, объявление 11 октября 1868 г. чрезвычайного положения

в Праге и ее округе — все это свидетельствовало о подъеме демократического и пролетарского движения на невиданную ранее высоту. Власти увидели в движении угрозу революции [Purš, 1958].

Старочехи, с опасением взиравшие на события, предпочитали закулисные переговоры с правительством, но летом 1869 г. руководство движением еще находилось в руках младочехов, в особенности их левого крыла, объединявшегося в союз «Славянская липа» (К. Сладковский, Э. Грегр, Я. Кучера и другие). Осенью 1869 г. репрессии привели к спаду движения в Чехии, но в Моравии его наибольший размах относится к 1870—1871 гг.

Правительство стремилось заключить соглашение с чехами на основе признания ими дуализма и возвращения чешских депутатов в рейхсрат. Старочехи и младочехи долго не признавали конституции 1867 г., стремясь превратить дуализм в триализм. Отойдя от таборов, чешские буржуазные лидеры вступили в переговоры с властями. В 1870 г. к этим переговорам подключилось консервативное дворянство. Новый проект соглашения правительства К. Хоэнварта с чешским сеймом был составлен Клам-Мартиницем и Ригером. В октябре 1871 г., получив одобрение императора, проект, так называемые Фундаментальные статьи, был обсужден на чешском сейме. Присутствовали только чешские депутаты, немецкие же покинули сейм в знак протеста против намечавшегося соглашения.

Фундаментальные статьи признавали дуалистическое устройство Австро-Венгрии и определяли государственно-правовое положение Чехии в составе Цислейтании. Здесь же были изложены принципы переустройства австрийской части монархии в духе федерализма [Ратнер, 107]. Общеавстрийскими делами, согласно проекту, были финансы, торговля, законодательство о подданстве и армии. В ведении сейма находилось обложение прямыми налогами (в связи с этим он мог влиять на набор рекрутов), школьные и церковные дела. Таким образом, права сейма существенно расширились. В общеавстрийских делах законодательная власть принадлежала собранию делегаций от сеймов земель; возможные споры между землями решал сенат. В правительство австрийской части государства входили министры и канцлеры (главы правительств) земель. Для изменения Фундаментальных статей требовалось согласие сейма Чехии. Положение остальных земель Цислейтании еще предстояло определить.

Одновременно с Фундаментальными статьями был подготовлен проект закона о равноправии национальностей в Чехии. В сейме предусматривалось создание национальных курий с правом вето при рассмотрении вопросов, затрагивавших национальные интересы; чешский и немецкий языки признавались равноправными в местном делопроизводстве. Наконец, проект реформы избирательного права предусматривал увеличение числа депутатов от сельской курии. Это усилило бы позиции чешской буржуазии в сейме, сохранив в неприкосновенности число депутатов от помещиков.

Согласно Фундаментальным статьям земли чешской короны оставались разьединенными. Это было уступкой со стороны либералов, отходом от принципов Декларации 1868 г. Все же принятие Фундаментальных статей означало бы провозглашение программы реформ в Цислейтании, признание особого положения Чехии, предоставления возможности чешскому сейму влиять на взаимоотношения Австрии с Венгрией, а возможно и на внешнюю политику. Успех чешского национального движения вызвал бы подъем борьбы хорватов за пересмотр хорвато-венгерского соглашения 1868 г. и усиление оппозиции в других национальных районах.

Поэтому австро-немецкая буржуазия боролась против политики Хоэнварта. Ее печать объявила Фундаментальные статьи попыткой «славянизировать» Австрию и отдать ее в руки «мрачной реакции». По Цислейтании прокатилась волна бурных антиправительственных и антиславянских выступлений. Враждебно отнеслись к Фундаментальным статьям венгерские правящие круги. Внешнеполитическая обстановка также сложилась неблагоприятно для австро-чешского соглашения. Против него возражал Бисмарк.

Франц-Иосиф отступил, отказался утвердить соглашение и в октябре 1871 г. отстранил Хоэнварта от власти. Неудача чешского демократического движения, а затем буржуазно-дворянского блока означала стабилизацию дуалистического порядка. Она повлияла на спад оппозиционного движения в других районах империи.

3. Словенцы

В 1848 г. словенское национальное движение стало политическим. Но в период неабсолютизма 50-х годов национальная жизнь замкнулась в кругу интеллигенции. Консервативное духовенство господствовало в общественной жизни. Консерваторы проявляли свою активность в области культуры. В 1851 г. епископом А. Сломшеком, священником А. Эйншпиллером и А. Янежичем было основано Общество св. Мохора, имевшее целью издание книг, преимущественно религиозного содержания (книги на народном языке рассматривались Обществом как средство борьбы с «немецким» свободомыслием). В ряде городов были организованы народные хоры.

В 1860-е годы произошло разделение словенского национального движения на консервативное и либеральное течения. Консерваторы опирались на большинство духовенства, часть торгово-ростовщической буржуазии, оказывали влияние на городских мелких производителей и среднее крестьянство. Они стояли за безусловную верность Габсбургам, провозглашали католическую веру одним из признаков словенской народности. Во время борьбы в Австро-Венгрии против конкордата с папством (с 1868 г.) клерикализм консерваторов ярко проявился в девизе: «За веру, им-

ператора и отечество». В борьбе за национальные права консервативные круги пытались заручиться поддержкой автономистской части австро-немецкого дворянства.

В немногочисленное либеральное течение, организационно отделившееся от правых в 1868 г., входили представители торгово-промышленной буржуазии, городских мелкобуржуазных слоев, большинство светской и часть духовной («либеральные католики») интеллигенции, а также крестьян и рабочих. Для либералов были характерны веротерпимость и отрицание привилегий католицизма. На первом плане для них были интересы не религиозные, а национальные.

Политические организации либералов и консерваторов стали появляться в словенских землях с конца 60-х годов в Любляне («Словения» патриарха консерваторов Я. Блейвейса в 1868 г., «Католическое общество» Л. Ерана в 1869 г.), Клагенфурте, Горице («Соча»), Мариборе, Триесте (либеральное «Единство»). Триест с его значительным словенским меньшинством в 70-х годах стал крупным центром национального движения (читальни, печать, политические общества). В Вене возникло студенческое общество «Словения». Значительную роль играл также австрийский университетский город Грац, где было много словенских и хорватских студентов [365].

Консервативные и либеральные идеологи отстаивали национальные права словенцев, однако сам «принцип национальности» казался консерваторам, в отличие от либералов, чересчур революционным [Melik, 1974]. Либералы в практической политике лояльные Габсбургам все же не считали сохранение Австрийской империи обязательным для словенских интересов и сочувствовали югославизму. Лидер либералов Ф. Левстик в 1867 г. придерживался мнения, что «словенцы должны стремиться к государственно-политическому единству с сербами и хорватами». Идея объединения южных славян вокруг Сербии поддерживалась в Горице кругом либеральных деятелей во главе с К. Лавричем [Logar, 362; 212, с. 55; Zwitter, 1947].

Югославистские устремления в Словении усилились в годы обострения германизаторской политики (после 1867 г.) и особенно в связи с угрозой включения австрийских, в том числе словенских, земель, ранее входивших в Германский союз, в состав Германии. Эти устремления проявились в Люблянской декларации 1870 г. (подробнее см. с. 160). В 1871 г. словенец Я. Похар выпустил в Бухаресте четыре номера журнала «Югославия», в котором призывал на развалинах османской и габсбургской империй создать югославянскую федерацию, основанную на принципах справедливости, братства и суверенитета [Rode, 1968].

Существенно, что основой любых проектов объединения словенцев с другими южными славянами (в рамках габсбургской монархии или, в случае ее распада, вне ее) был принцип федерации. За исключением отдельных лиц, словенские деятели не ставили под сомнение самобытность словенского народа. Их практической

целью в рамках империи стало административно-политическое объединение словенских земель. В начале 70-х годов австрославистские настроения в Словении были связаны не с искренней преданностью либеральных кругов династии, а с упомянутой угрозой со стороны Германии (и Италии), которая тогда казалась вполне реальной. Поэтому одной из задач словенских таборов, которые состоялись одновременно с чешскими, было заявить общественному мнению Европы о самом существовании словенского народа и национальных интересах.

Либералы стремились сплотить нацию, вырвать массы из-под воздействия австронемецкой буржуазии, подчинить их буржуазии национальной. Поэтому свою пропаганду они вели под лозунгом «сделать народ независимым от немцев», в том числе и в экономическом отношении. С этим связана агитация за создание кредитных учреждений. В них, а также в просветительской деятельности, либералы и консерваторы видели средство «подъема благосостояния народа» и вместе с тем противодействие развитию классовой борьбы.

Во второй половине 60-х годов значительную роль среди либералов играло левое крыло во главе с Левстиком [Чуркина, 143]. Оно вело борьбу с консерваторами, выступало против союза с «федералистским» дворянством. Но уже в начале 70-х годов тон задают более умеренные круги. В 1870 г., желая добиться поддержки консерваторами на выборах в провинциальное собрание Крайны либерала Зарника, либеральный «Словенский народ» писал, что либералы одних мыслей с консерваторами относительно конечных целей и средств к их осуществлению. Это событие послужило причиной отхода от либералов Левстика. Сближению между течениями способствовало усиление германизаторских тенденций в политике австронемецкой буржуазии и правительства. Но кроме этого опасения либералов вызывал рост рабочего движения. В этих условиях словенские либералы полтора десятилетия поддерживали платформу сторонников автономии земель. Этот стовор ознаменовался в 1875 г. вступлением «либеральных» словенских депутатов рейхсрата в консервативный клуб Хоэнварта. Словенская буржуазия никогда не была радикальной. Самостоятельного демократического, радикального течения в Словении так и не сложилось. Либералам, за немногими исключениями (Ф. Левстик, К. Лаврич, М. Маяр и др.), умеренные консерваторы были ближе по духу, чем демократические слои.

Конкретная программа словенского национального движения изменялась в зависимости от ситуации в монархии. В 60-х годах газета «Новице» Я. Блейвейса, основанная в 1844 г., возобновила требования равноправия словенского языка, употребления его в школах, учреждениях и судах и связывала их удовлетворение с гарантией гражданских прав. Первоначально эти выступления не встретили повсеместной поддержки у словенской интеллигенции, легче изъяснявшейся по-немецки, чем на родном языке. Немецкий язык господствовал в общественной жизни, многим,

особенно в более богатой среде, казалось, что нечего, да и не нужно думать об изменении этого положения. Вообще более богатый слой городской буржуазии еще чуждался национального движения [Melik, 1974]. Положение изменилось в течение нескольких лет. Когда в империи победил дуализм, словенское национальное движение уже, по меньшей мере в Крайне, Приморье и Южной Штирии, опиралось на широкие городские и сельские слои.

Так, в 1861 г. в Крайне из 36 депутатов местного сейма было избрано 13 словенцев, а в Штирии и Каринтии — ни одного; всего в словенских землях в провинциальные собрания прошло более 20 деятелей национального движения. В 1867 г. огромное большинство крестьян и горожан, имевших избирательное право (т. е. зажиточных), поддержало национальное движение. В Крайне было избрано 25 депутатов, а всего в словенских землях 44 [278, с. 140, 150; 380], в том числе от всех словенских округов Штирии и Приморья.

Накануне и после австро-прусской войны словенские деятели выступали за национальное равноправие, федерализацию и широкую автономию земель монархии как средство упрочения ее единства.

Программа «Объединенной Словении» — центральный лозунг Национального движения в 1848 г. — несколько раз упоминалась на страницах «Новице» уже в 1860 г.; в петиции Шмерлингу, посвященной школьному делу (1861 г.), также говорилось о желательности объединения словенских земель (аргументом служила экономия на административном аппарате!); Блейвейс в 1861 г. выразил пожелание видеть «всех наших словенских братьев собравшимися здесь, в нашем земельном сейме» и утверждал, что это было бы «в интересах национальности, финансов и австрийской политики». Оратор при этом напомнил об Иллирийском королевстве (1809—1813 гг.), в котором были объединены словенцы [Melik, 1974].

В середине 60-х годов, когда Р. Белькреди вернулся к идеям Октябрьского диплома, словенские консервативные деятели, стремясь согласовать свою позицию с политикой либералов и консерваторов — чехов, хорватов и поляков, тоже сформулировали программу на «исторической» основе. Хотя для Словении историческое право ничего не значило, сторонники Блейвейса на совещании в Мариборе в 1865 г. выдвинули лозунг автономии «Внутренней Австрии» — административной единицы, существовавшей в XVI—XVIII вв. и включавшей Крайну, Каринтию, Штирию и Приморье. Здесь находилась подавляющая часть словенского народа. Но австрийские немцы и итальянцы составляли более половины населения этих провинций. Хотя Мариборская программа предусматривала национальное равноправие и создание национальных курий в провинциальном собрании, Внутренняя Австрия не гарантировала бы права словенского меньшинства. Это понимали некоторые словенские деятели [241]. Но немецкая и итальянская

буржуазия и помещики и слышать не хотели о «Внутренней Австрии».

Эту программу кроме круга Блейвейса (Э. Коста, Л. Томан) поддержали и либералы (Й. Вошняк, Й. Разлаг). Однако уже тогда отдельные публицисты фактически выступали за Объединенную Словению. М. Маяр пропагандировал идею Королевства Иллирии в составе Крайны, части Каринтии, Ю. Штирии, Приморья, т. е. словенских земель [18*]. Об этом же писал Й. Вошняк в газете «Словенец».

Как и другие австрослависты, словенские лидеры с облегчением приняли исключение Австрии из Германского союза в 1866 г. Но «историческое право» теряло смысл в случае распада габсбургской монархии, что казалось возможным и после Кёниггреца (Садовы) и после Седана (1870 г.). Нужно было более энергично провозглашать принцип единой национальной принадлежности всех словенцев и требование объединения национальной территории. Вместе с программой Объединенной Словении, вновь приобретшей популярность, оживлялись и идеи объединения южнославянских земель.

Игнорирование интересов словенцев совещанием федералистов в Вене в 1866 г. также убедило словенских деятелей в несостоятельности попытки приспособить их программу к историко-правовым идеям. В 1867 г. правые «вожди» (Блейвейс, Томан, Коста, Светец) проголосовали в рейхсрате за дуализм. Одной из причин этого была передача правительством Томану концессии на строительство железной дороги Любляна — Филлах (Беляк). Эту концессию Томан продал за 150 тыс. гульденов, которые концессионеры Блейвейс, Козлер и другие разделили между собой [278]. Разразился скандал. В этой обстановке возросла популярность либералов. Именно тогда они вновь после 1848 г. выдвинули программу Объединенной Словении, отделились от правых и основали свою газету «Словенски народ» (1868 г.). Либералы (молодое поколение — Й. Вошняк, Ф. Левстик, Й. Юрчич, И. Стритар и другие, ветераны — Д. Трстеняк, М. Маяр, Р. Разлаг и другие) стали называть себя «младословенцами», а консерваторов — «старословенцами».

Программа Объединенной Словении требовала автономии для словенцев как нации. Ее осуществление означало бы ломку границ старых провинций. Программа отвечала не только интересам словенской буржуазии, но и всего народа. Стремясь привлечь на свою сторону народные массы, либералы и консерваторы выставляли некоторые социальные требования, в частности снижения налогов. Либералы связывали их с осуществлением программы Объединенной Словении [494, с. 5—6].

Эти требования выдвигались на массовых таборах — общенациональной акции, которая по чешскому примеру развертывалась с августа 1868 по 1871 г. по инициативе младословенцев, особенно Ф. Левстика [Logar, 362]. В движении участвовали крестьяне, причем наиболее активно — в Штирии. Из 16 таборов крупней-

шим был митинг в Вижмарье в мае 1869 г. Сюда собрались 30 тыс. человек со всех концов Словении [365, с. 12, 35]. Ораторы, утверждая право на митинги, ссылались на древний обычай словенцев обсуждать свои дела сообща, свободно собираясь под открытым небом. Это любопытный пример использования преданий об «исконной славянской демократии» в борьбе за буржуазно-демократические цели. Кроме Объединенной Словении на таборах говорили о других насущных вопросах. Требования Объединенной Словении поддержали и консерваторы.

В движении таборов сказались демократические тенденции. Вместе с тем таборы показали ограниченность буржуазных деятелей, их боязнь «нарушить спокойствие». Это ускорило высвобождение рабочих Словении от идейной гегемонии буржуазии. Таборы были запрещены в 1871 г. консервативным правительством Хоэнварта.

4. Венгры (мадьяры)

Идеология и нормы политического поведения отдельных классов, слоев и прослоек венгерского общества в 50-х годах XIX в. и в последующее десятилетие формировались в условиях политического гнета и преследований, которым подвергся венгерский народ. И ни в одной части империи Габсбурги не встретили столь разнообразного по формам сопротивления, как в мадьярских частях Венгрии и Трансильвании. Не было социальной силы, которая могла бы взять на себя роль не то что союзника двора, но даже простого посредника между ним и нацией. Исключение составили некоторые представители высшей, космополитической по образу жизни и мыслей и преданной династии аристократии. Тех из них, кто пошел на службу режиму неабсолютизма, можно пересчитать по пальцам: в числе девяти членов имперского совета (рейхсрата) после подавления революции было два представителя венгерской аристократии. Один из них — граф Ф. Зичи в 1849 г. находился в ставке интервенционистской армии в качестве верховного комиссара (представителя императора), другой — Л. Сёдьень уже в ходе австро-венгерской войны возглавил администрацию, созданную на территориях, занятых войсками Виндишгреца. Среди военных и гражданских администраторов можно назвать аристократов венгерского происхождения: фельдмаршал Л. Бенедек, участник подавления итальянской и венгерской революций, барон К. Мечери, бывший вице-президент совета губернаторов Чехии, считавший своим долгом «навести порядок» в беспокойной Венгрии любой ценой. Барон Иштван Хауер, возглавивший в 1848 г. Шопронский округ, один из пяти, на которые была разделена Венгрия, более рьяно, чем любой австронемецкий администратор, проводил политику германизации, настаивая на увековечивании раздела страны и ее интеграции в империю. Граф Ференц Надашди, назначенный в 1857 г. имперским министром юстиции, считался «более ревностным германизатором, чем дру-

гие его коллеги-министры» [200, т. 1, с. 265]. Для этих представителей знати не существовало никаких национальных интересов.

В 50-х годах единственной легальной политической группировкой в Венгрии была Консервативная партия, созданная еще перед революцией. Она всячески старалась заслужить доверие двора. Ее лидеры осуждали не только революцию 1848 г., но и те статьи венгерской конституции, которые в свое время были одобрены Габсбургами. В то же время консерваторы выступали против расчленения королевства и политики централизма, настаивая на восстановлении дореволюционного статус-кво. Некоторые их лидеры (например А. Сечен) отвергали буржуазную конституционность и отмену крепостничества. Таким образом, их призывы к восстановлению венгерской сословной конституции со ссылкой на «историко-политическое единство нации» были реакционной утопией. Однако несмотря на лояльность династии, оппозиция централизму лишила Консервативную партию возможности стать политическим союзником австрийского режима в Венгрии. Таким образом, венгерский консерватизм оказался изолированным не только в венгерском обществе, но и от правящих кругов, и вынужден был на время воздержаться от политической активности.

Основная масса поместного дворянства, участвовавшая в революции, теперь во главе со своим признанным вождем Ференцем Деаком придерживалась тактики пассивного сопротивления. Во имя своих классовых интересов она по-прежнему отстаивала принцип территориальной целостности Венгерского королевства и супремацию мадьяр в этом государстве. Поэтому в среде венгерской революционной эмиграции Лайош Кошут, в большей мере близкий настроениям дворянской оппозиции на родине, чем Л. Телеки и Д. Клапка, тщетно пытался найти такое решение национального вопроса в Венгрии, которое не нарушало бы ее территориальной целостности и якобы национально-венгерского характера государства. В 1851 г. Кошут разработал «Предложение касательно будущей политической организации Венгрии, с учетом решения вопроса о национальностях». Это была программа буржуазно-демократических преобразований (введения всеобщего избирательного права, суда присяжных и т. д.) и решения национального вопроса путем введения самоуправления на комитатском и муниципальном уровнях. Официальным языком комитатов, городов и сел должен был стать язык национального большинства, однако при соблюдении прав национальных меньшинств на пользование родным языком. Те же принципы должны были соблюдаться в школьном деле. Наряду с национально-территориальной автономией (самоуправлением) проект заключал в себе идеи культурно-национальной автономии, допуская возможность создания в масштабе королевства национальных организаций и избрания ими «национальных начальников».

Кошут предлагал предоставить Хорватии и Славонии автономию и даже право на полное отделение от Венгрии. Судьбу важ-

ного для Венгрии порта Риеки должно было решить население путем референдума. В документе выражалась надежда, что уния Трансильвании с Венгрией будет желательна и для ее румынского населения.

Таким образом, в 1851 г. принцип самоопределения допускался Кошутом лишь в отношении Хорватии-Славонии и Риеки. Однако в 1853 г. под влиянием Телеки и Клапки, отчасти и Мадзини, выступавших в роли посредников в переговорах Кошута с румынским деятелем Брэтиану, Кошут согласился на проведение в Трансильвании народного опроса после ее освобождения из-под власти Австрии. Вероятно, речь шла о выборе между унией и автономией, ибо по соглашению между венгерской директорией и правителем Дунайских княжеств князем А.-И. Кузой в декабре 1859 г., в случае отказа населения Трансильвании от объединения с Венгрией она должна была получить «государственное самоуправление» [263, с. 187].

Кошут считал, что Чехия имеет такие же права на самоопределение, как и Венгрия, «а с исторической точки зрения [...] еще большие [...] Богемия была цветущим, имевшим вековое прошлое государством тогда, когда нас, венгров, еще не было в Европе» [19*, т. 7, с. 367].

В программе Дьёрдя Клапки, связанной с планом итало-австрийской войны 1859 г., говорилось, что Хорватия получит возможность «конституироваться отдельно» и сама решит вопрос о том, вступать ли ей в конфедерацию с Венгрией. Таким образом, если вопрос о Хорватии решался эмиграцией сравнительно просто, то не так легко обстояло дело с Трансильванией. Следует учесть, что в первом случае речь шла о признании освященной веками традиции, во втором же случае венгерской стороне предстояло принять решение о признании буржуазного, в сущности национального права угнетенного румынского народа. Идеологи венгерского национализма не могли мириться с утерей венгерской гегемонии в крае. Поэтому единственным решением, как и в 1848 г., им казалась уния Трансильвании с Венгрией [20*].

Но несмотря на это трансильванская проблема оказалась близкой к разрешению. Заключение весной и летом 1859 г. за пределами империи венгеро-румынских соглашений стало возможным благодаря взаимной уступчивости обеих сторон. Значение их состояло в том, что были продемонстрированы определенные возможности приемлемого для обеих сторон национального урегулирования в Венгрии. В соглашении Клапка-Куза от 20 мая 1859 г. обязательства венгерской стороны формулировались в семи пунктах, которые после освобождения страны должны были быть включены в конституцию Венгрии: 1. Забвение старых споров; примирение между сербами, румынами и венграми. 2. Одинаковые права и свободы для всего населения Венгрии. 3. Коммунальное и комитатское самоуправление. Комитаты со смешанным населением должны сами в согласии между национальностями определять официальный язык (венгерский,

сербский или румынский). 4. Независимость вероисповеданий и национальностей в ведении церковных и школьных дел. 5. Организация сербских и румынских воинских подразделений с командным родным языком. Равные возможности служебного продвижения в армии. 6. В Трансильвании после войны создать собрание, на котором будет решен вопрос об унии с Венгрией; если большинство выскажется в пользу старой автономии Трансильвании, венгры не будут возражать. 7. Только идеи братства могут вести к цели — конфедерации трех дунайских стран: Венгрии, Сербии и Молдово-Валахии [21*]. История Венгерского королевства не знала столь значительной уступки представителей господствующих классов в пользу угнетенных национальностей. Впервые в дипломатическом документе была зафиксирована идея конфедерации Венгрии, Сербии и Румынии.

О том сколь сложен был путь, пройденный венгерскими лидерами от иллюзии возможности решения национального вопроса лишь в рамках либеральных реформ до признания необходимости гарантии определенных национальных прав народов, свидетельствует следующее. За несколько месяцев до соглашения с Кузой, 1 февраля 1859 г., Кошут направил обращение «храброй и великодушной сербской нации», извещая сербов о назначении генерала Ш. Галя главнокомандующим «венгерской освободительной армией на нижнем Дунае и в Трансильвании». Имея в виду «трагический опыт последних лет», Кошут предлагал сербам присоединиться к борьбе венгров и сбросить австрийское иго. Генералу было поручено поддерживать «дружбу и братство с сербской нацией» и вступить с ней в переговоры о союзе. Однако стремление к союзу не было подкреплено ощутимыми мерами. Сербам Венгрии Кошут обещал конституцию, как и другим народам королевства, «на базе равной свободы, полного равенства и братства» [22*]. Выход Франции из войны 1859 г. временно перечеркнул планы венгеро-румыно-югославянского сотрудничества, но венгерская эмиграция не прекратила поисков путей к примирению. 31 июля 1859 г. Кошут поручил своему представителю в Белграде добиться соглашения с Сербией и хорватами [19*, т. 1, с. 409—410].

Несмотря на ослабление позиции князя Кузы в собственной стране (не в последнюю очередь из-за его провенгерской ориентации), по мере усиления объединительного движения на Апеннинском полуострове венгерская эмиграция возобновила диалог с румынами. В ходе румыно-венгерского сближения отшлифовывалась программа, которая могла служить основой и для урегулирования славянского вопроса.

В январе 1860 г. руководство венгерской эмиграции направило Кузе письмо, содержащее принципы будущего национального законодательства Венгрии: 1. Каждая община (муниципалитет) сама определяет свой официальный язык (включая школы). 2. Каждый комитат решает вопрос о языке администрации, комитатского собрания, официальной переписки. 3. Депу-

таты государственного собрания имеют право пользоваться в палате любым языком народов Венгрии. 4. Законы публикуются на всех языках, принятых в комитатах и общинах. 5. Жители страны могут свободно создавать объединения в интересах своей национальности, созывать съезды, назначать национальных руководителей. 6. Они имеют право управлять церквями. 7. Они могут издавать уставы своих организаций. 8. Государство требует лишь гласности совещаний и съездов национальных организаций [23*].

Итак, Кошут и его сподвижники полагали решить национальный вопрос путем удовлетворения языковых и культурных требований народов; что касается самоуправления комитатов, городов и сел, не ясно было, до каких пределов простирается их автономия. Шагом вперед было признание права создания национальных организаций, но не ясным оставался круг их прав.

В документе выражалась приверженность к принципу территориальной целостности Венгерского королевства, включая Трансильванию. Однако вопрос о ее судьбе оставался открытым: референдум должен был решить, находится ли провинция в унии с Венгрией или «организоваться с отдельной администрацией». Новым являлось предложение о народном опросе путем «всеобщего прямого голосования». Авторы документа подчеркивали, что их проект развивает принципы венгерского законодательства 1849 г.

Несмотря на прогресс в румыно-венгерских отношениях, трансильванский вопрос оставался камнем преткновения на пути их примирения. В январе 1861 г. в Яссах была заключена новая конвенция между Клапкой и Кузой. Положение, касавшееся Трансильвании, здесь было сформулировано иначе, чем ранее: речь шла лишь о предоставлении румынам Венгрии и Трансильвании тех же прав, что и венграм, в частности обеспечения автономии их церкви, употребления родного языка и муниципального самоуправления. Кроме того, Кузе была обещана помощь в достижении полной независимости княжеств [24*].

Представители Пьемонта, сыгравшие важную роль в налаживании венгеро-румынского сотрудничества, отмечали, что основным препятствием выступлению совместно с угнетенными народами против Австрии было «отсутствие доброго согласия между мадьярами и румынами». По мнению итальянского посредника М.-А. Канини, посланного в княжества в 1862 г., мадьяры были «более расположены договориться с хорватами» [25*].

Примирение с югославянами после 1849 г. было предметом забот Кошута, однако и на этом пути стояли трудно преодолимые препятствия. Речь шла не только о степени автономии Хорватии и Славонии, о статусе сербского населения Венгерского королевства или же вопросе о Риеке. За этими проблемами стояла грозная для сознания венгерской буржуазной нации тень «панславизма», которая воспринималась как нечто реальное в силу

опыта 1849 г., хотя, как известно, царская Россия пришла на помощь не славянам, а австрийской контрреволюции. Любопытно, что в письме возглавлявшегося Кошутом Венгерского национального комитета от 5 января 1861 г., адресованного Жерому Бонапарту, была сделана попытка использовать «славянскую опасность», чтобы склонить румынские княжества к участию в Дунайской конфедерации. Хотя на первый план здесь выдвигалась опасность установления германского господства над бассейном Дуная, в то же время утверждалось, что Венгрии и Румынским княжествам грозит «опасная идея панславизма, пропагандируемая Австрией с начала века...» [26*].

Тем не менее путь к разрушению габсбургской монархии, которого добивалась эмиграция во главе с Кошутом, лежал через сотрудничество со славянами. Это понимали Кошут, Телеки, Клапка и другие руководители эмиграции, создавшие в 1859 г. единый руководящий орган — Венгерский национальный комитет (директорию).

Однако сконцентрировав внимание почти исключительно на национальном вопросе, лидеры эмиграции полагали, что многонациональное королевство готово подняться по первому сигналу и сбросить австрийский гнет. Считалось достаточным наделение безземельных желлеров, граничар и крестьян — участников революции 1848—1849 гг. землей и угодьями за счет имущества казны при сохранении землевладения мадьярских помещиков. Этим в сущности ограничивалась худосочная социально-экономическая программа эмиграции.

В отличие от Кошута, Телеки и Клапки, планы ведущих деятелей оппозиции в самой Венгрии исходили из предпосылки сохранения габсбургской монархии. Особый интерес представляют взгляды небольшой группы «централистов», сложившейся в конце 50-х годов. К ней примыкал влиятельный публицист Жигмонд Кемень, который с 1850 г. начал планомерное развенчание революции и ее вождя Кошута, объявив его главным виновником «грехопадения» венгерской нации, которой якобы чужда революционность. Он рекомендовал венграм «очиститься» от соучастия в «преступлениях» 1848—1849 гг., порвать моральную связь с «демонической личностью» Кошута и занять достойное место под скипетром императора-короля. Предостерегая соотечественников от «фанатизма», т. е. национализма и революционности, направленных против династии, Кемень был не прочь обратить националистические настроения против угнетенных народов и создать видимость совпадения интересов всех классов венгерской нации. «Чувством исключительности до того пронизаны все классы вплоть до [обитателей] покрытых соломой хижин, — писал он, — что и земледелец, как мадьяр, считал себя первым среди равных, и уже ввиду своей национальной принадлежности стоял на аристократических позициях» [27*; Arató, 398]. В сущности Кемень публично выразил отход среднепоместного дворянства от революции.

Более важное значение имели в 50-х годах публицистические выступления классика венгерской литературы барона Этвёша, занимавшего пост министра просвещения в революционном правительстве 1848 г. и в первом кабинете дуалистической Венгрии (1867—1871 гг.). Этвэш наряду с вождем либеральной оппозиции Ференцем Деаком был деятелем, определявшим политическое мышление имущего класса. Однако обуржуазившееся дворянство и буржуазия не пошли за ним, когда в 1850 г. он проявил готовность принять новый режим, точно так же как они не встали под революционное знамя эмиграции.

В работе «О равноправии национальностей в Австрии» (1850 г.) Этвэш сделал упор на необходимости единства империи Габсбургов. Отстаивая принцип централизма, он выступил против переустройства монархии по национальному признаку [28*]. Отводя монархии роль арбитра между народами, Этвэш не мыслил это без реформ, которые должны были приспособить государство к принципам либерализма и национальным интересам народов. Поэтому в его концепции 1851—1859 гг. большое внимание уделено провинциальной и муниципальной автономии, независимому правосудию и автономии церкви [204, с. 61].

Этвэш отвергал федералистскую программу Палацкого, так как считал, что предложенное чешским лидером равноправие языков предполагало бы употребление центральной властью 10-ти языков, и в таком случае она не могла бы эффективно функционировать. Кроме того, указывал Этвэш, языковой принцип территориальной организации не подходит для монархии, состоящей из множества районов со смешанным населением, где нет «языкового большинства». Перекройка административной карты империи по языковому принципу, утверждал он, стала бы источником соперничества между народами. Этвэш выступал за права исторических земель, в которых он видел гаранты прочности монархии. Противопоставляя «языковой» «историческую национальность», Этвэш отдавал предпочтение второй, исходя из интересов централизованной империи. Чехия, Венгрия, Хорватия, австрийские коронные земли, писал он, в глазах народов олицетворяют национальные и исторические традиции, и привязанность к ним усилит монархию.

В теоретическом произведении «Влияние господствующих идей XIX века на государство» (1851—1854 гг.) Этвэш разрабатывает модель идеального буржуазного государства, при котором стала бы ненужной «какая бы то ни была революционная борьба», особенно со стороны рабочего класса. Последний, по его выражению, «выступая под красным знаменем», угрожает обществу. К числу ведущих идей XIX в. Этвэш наряду со стремлением к свободе и равенству причисляет и национальную идею, однако основной чертой эпохи объявляет индивидуализм. С соблюдением свободы буржуазной личности он связывает и осуществление национального самоуправления [259; 450, с. 306—322].

Концепция «исторической национальности» нашла воплощение в программе, которую Этвёш изложил в книге «Гарантии силы и единства Австрии», изданной незадолго до итальянской кампании 1859 г. Речь в ней шла о превращении империи в конституционную монархию с сильной центральной властью и общим парламентом, в компетенцию которых входили бы вопросы внешней политики, финансов, обороны; местные же дела, в том числе местные налоги, должны подлежать юрисдикции провинциальных властей, ответственных перед выборными органами [29*, S. 94, 95]. Половинчатый федерализм Этвёша, предусматривавший автономию исторических территорий, не выделяя Венгрию из других провинций, в то же время делал для нее исключение, поскольку отказывался от применения федерального принципа в устройстве самого Венгерского королевства и отвергал автономию даже Хорватии и Трансильвании. Сильная центральная власть, либеральная конституция и автономия провинций, по Этвёшу, должны были примирить национальные интересы с государственными.

Согласно построению Этвёша, автономия провинций должна была удовлетворить интересы «исторических национальностей», права же «языковой» национальности должны осуществляться в рамках муниципальной автономии. Самоуправление провинций, городов и сел в сочетании с централизацией ключевых функций государства, давали возможность, по мнению Этвёша, устранить национальный гнет, а вместе с ним и национальные движения [259, т. 2, с. 520—525]. Идеи Этвёша были направлены на создание такой буржуазной конституционной системы, которая сделала бы невозможной победу демократических сил, ибо, как он подчеркивал, «демократическая революция — величайшая опасность, грозящая ныне каждому государству».

Взгляды Этвёша, изложенные в 50-х годах, встретили понимание в либеральных кругах Франции и Германии, недоверие и враждебность у себя на родине. Политические друзья Этвёша Ференц Деак и Дьюла Андраши порицали его за признание центрального парламента и отрицание особого положения Венгрии среди владений Габсбургов.

С критикой концепции Этвёша в 1858 г. выступил представитель левого крыла либерального дворянства, будущий защитник национальных прав народов Венгрии Лайош Мочари. Национальное чувство, заявил он в брошюре «Национальность», — «глубокое естественно-стихийное чувство, пробуждающее в народе жажду прогресса...» и целью его является «самосохранение нации», а не господство над другими, как утверждает Этвёш. Отвергая тезис Этвёша о том, что «национализм есть массовое движение, основанное на коллективном насилии», Мочари подчеркивал миролюбивый характер национальных движений [30*; Kemény, 391, 23—24. l.]. Мочари первым из венгерских деятелей уже в 1858 г. признал наличие в Венгрии нескольких наций: «Существует мадьярская нация, — констатировал он, — т. е. общность людей, которые имеют мадьярское происхождение, говорят по-мадьярски

и испытывают друг к другу родственные чувства. Точно так же на территории Венгрии существуют словацкая, сербская, хорватская, владская нации». Уже в указанной работе Мочари обнаружил редчайшее для венгерского деятеля того времени качество — умение делать различие между национально-освободительным движением славянских народов и реакционным панславизмом. Брошюру отличает не только непредвзятость суждений о народах Венгрии и доброжелательный тон, но и стремление к урегулированию разногласий. Высмеивая представления о славянской угрозе как «призрак» и «пустую фикцию», Мочари доказывал, что ни одному из национальных движений не присуще стремление к господству над другими народами [Kemény, 1961].

В 1860 г. Мочари сделал вывод: «Полная эмансипация национальностей нашей родины неизбежна... вопрос заключается лишь в том, каким образом? Пусть об этом подумает всякий, кому дорого благо отечества...» [31*, с. 109]. Подход к решению национального вопроса «будет пробным камнем нашей зрелости», утверждал автор. Исходя из такого понимания, обусловленного горизонтом собственного класса, Мочари предложил: объявить венгерский язык рабочим языком государственного собрания; в комитетах разрешить пользоваться любым употребляемым в комитате языком; в правительственных учреждениях и в администрации допустить употребление языков всех живущих в стране народов; каждой национальности обеспечить право иметь школы. Таким образом, первая национальная программа Мочари (1860 г.) выдвигала на первый план культурно-языковые аспекты проблемы, полагая, что социальные и политические вопросы будут решены в общегосударственном масштабе. Однако Мочари предвидел возможность такого решения хорватского вопроса, которое бы выходило за рамки «исторического права». Полное отделение Хорватии от Венгрии могло, по его мнению, осуществиться в результате развала Османской империи. В этом случае «очень вероятно, — писал он, — что те, кто сейчас располагают известной самостоятельностью, как Сербия и Черногория, и дальше будут привязаны к ней... и будет образовано какое-нибудь федеративное славянское государство, членом которого может быть и Хорватия» [31*, с. 100].

Но общественно-политические силы, к которым была обращена эта программа, не желали уступок в пользу народов, подобно тому как они отказывались идти на жертвы ради осуществления централистской программы Этвёша.

И Этвёш понял это, очутившись в политической изоляции. Решающую роль в повороте Этвёша к венгерскому национализму сыграла война 1859 г. В записке, представленной им министру Рехбергу в июне 1859 г., Этвёш отказался от прежних предложений, поскольку движения за создание единой Италии и единой Германии делали неясной судьбу населенных немцами и итальянцами территорий империи. По той же причине он выступил против общеимперского парламента, т. е. отказался от существенного

элемента своей концепции, и предложил созвать провинциальные собрания и признать автономию провинций. Отныне особое место в его планах отводилось Венгрии, ибо он сознавал, что ущемленные традиционных прав Венгрии может лишь укрепить силы, выступавшие за отделение страны от владений Габсбургов. «Я думаю, что все реформы будут бесполезны, если они не начнутся с коронации императора (венгерским королем. — *Ред.*) и с попытки получить согласие венгерского парламента на необходимые изменения венгерской конституции в пользу монархии» [204, с. 78], — писал Этвёш в меморандуме всего несколько месяцев после выхода в свет упомянутых выше «Гарантий». С середины 1859 г. Этвёш в основном перешел на позиции Деака.

В 1860 г. появилось произведение Этвёша «Особое положение Венгрии с точки зрения единства Германии». Здесь он сосредоточил свои усилия на утверждении позиций Венгрии в монархии. Это сразу выдвинуло Этвёша наряду с Деаком и Андраши на руководящую роль в движении либерального дворянства. Теперь он считал невозможной реорганизацию империи до завершения объединения Италии и объединения Германии, поскольку не исключал возможность присоединения к ним населенных немцами и итальянцами территорий Австрии. Этвёш возражал против созыва общеимперского парламента, полагая, что это может привести к конфликту с объединительными движениями немцев и итальянцев. Он советовал правительству ограничиться автономией коронных земель, но какие-либо изменения венгерской конституции 1848 г. «в пользу монархии» считал возможными лишь с согласия венгерского государственного собрания после восстановления конституции и коронации австрийского императора короной св. Иштвана [204].

Октябрьский диплом и еще больше Февральский патент убедили Этвёша в необходимости добиваться определенного национального согласия в Венгрии, с тем, чтобы сделать более эффективным ее сопротивление венским властям. С ноября 1860 г. он стал убеждать венгерских либералов извлечь уроки из опыта 1848 г. и гарантировать права невенгерских народов. Это выступление было воспринято словацким публицистом Яном Палариком как шаг к признанию политической автономии словаков [32*; 330, с. 485].

Центральным требованием программы венгерского дворянства и буржуазии в 1859—1866 гг. было восстановление конституции 1848 г. Желание привлечь национальности к борьбе за восстановление венгерской конституции или на худой конец не толкнуть их в объятия правительства побуждало венгерских лидеров искать путей сближения с ними, но не допуская при этом и мысли об ослаблении мадьярской гегемонии в Венгрии. В этих пределах в 1860—1861 гг. проявилась склонность удовлетворить национальные требования народов, выйдя за рамки законов 1848 г. Это означало бы признание свободы употребления национальных языков (при сохранении венгерского в качестве официального

языка), равноправия народов в органах самоуправления, предоставления им права объединений.

В распространении в среде венгерской общественности мысли об уступках немадьярским народам определенную роль сыграла деятельность эмиграции. «Конституционный проект» Кошута, написанный им в Турции в 1851 г. и опубликованный в Париже в 1859 г., стал программой эмиграции и части национальной оппозиции в стране. Влияние Кошута в Венгрии стало возрастать после того, как в конце 1860 г. была издана анонимная брошюра, содержащая конституционный проект. Осенью 1860 г. Кошут считал важным, чтобы комитат Пешт обратился ко всем комитатам, где проживали румыны и южные славяне, а также в редакции славянских и румынских газет Венгрии со специальным посланием [469, с. 404].

Выборы в комитатские собрания, их созыв, выделение депутатов в государственное собрание, составление наказов, сопровождавшиеся необычайным ростом политической активности по всей Венгрии, выдвинули на первый план наряду с вопросом об отношении к режиму и взаимоотношениях с династией и Австрией также и национальный вопрос в самой Венгрии. В комитатских собраниях получали места и представители других народов, хотя в количестве, далеко не соответствовавшем их численности. Согласно распоряжению венгерской канцелярии, комитатам и муниципалитетам предстояло определить, каким языком они будут пользоваться. Вопрос этот на местах решался по-разному, нередко давая повод к вспышке националистических страстей. Все же на этом этапе доминировала тенденция примирения. Фёйшпан (губернатор) комитата Тренчен на словацком языке приветствовал словаков, собравшихся под венгерскими знаменами и по-словацки распевавших венгерский гимн, и обещал поддерживать их «законные требования». Комитаты Арва, Тренчен и Марамарош приняли решение об употреблении двух языков — венгерского и словацкого или, соответственно, румынского (в Марамароше), а комитат Сепеш — трех — венгерского, словацкого и немецкого. Шопрон выбрал немецкий язык. Но в комитатах Нитра, Хонт, Гёмёр и Зойм языком администрации был признан лишь венгерский, что было явной дискриминацией словацкого населения. Комитат Темеш отказался признать румынский язык вторым официальным языком, хотя и разрешил его употребление. В городах Трнаве и Нитре (Словакия) под предлогом борьбы против германизации языком обучения в гимназиях был признан венгерский, а комитат Липто обязал учителей начальных школ обучать детей венгерскому языку [469, с. 370—376, 503].

В сложных условиях проходил процесс урегулирования отношений с Хорватией и Славонией, которые в 1848 г. отделились от Венгрии. Королевский рескрипт о созыве сабора предписывал ему совместно с венгерским государственным собранием высказать мнение о «способе урегулирования отношений с Венгрией» [245, т. 2, с. 503]. Хотя на банской конференции (совещании

приглашенных лиц) в ноябре 1860 г., Й.-Ю. Штросмайер, выдвигнувшийся в качестве либерального лидера, ратовал за соглашение «двух братских наций», а И. Кукулевич подверг нападкам абсолютизм, конференция, в отличие от венгров, приветствовала Октябрьский диплом. В ответ на циркулярное письмо комитета Пешт от 4 января 1861 г. Вараждинская жупания Хорватии, осудив абсолютизм как «чужеземный произвол», высказалась за возобновление «равноправного конституционного союза» с Венгрией. Собрание Вировитицкой жупании (в Славонии) обусловило восстановление конституционных союзных отношений с Венгрией присоединением Далмации к Хорватии и Славонии, одновременно выступив за равноправие сербов и румын в Венгрии.

В 1861 г. приобрели особую остроту территориальные споры между Веной, Хорватией и Венгрией о принадлежности Далмации, Риеки, Меджимурья и Военной границы. Правительство отказалось удовлетворить хорватские пожелания об окончательном присоединении населенного хорватами Меджимурья и Военной границы. Отношения Хорватии с Венгрией осложнились после того, как венгерские либералы отклонили требования хорватов относительно Меджимурья и Риеки, а в апреле 1861 г. 840 из 870 избирателей Риеки отказались послать представителей в хорватский сабор. (Итальянская и итальянизованная буржуазия города была заинтересована в упрочении связей с Венгрией).

Отношениям с Хорватией посвятил свое выступление в государственном собрании Деак. Заявив, что считает делом хорватов решать, желают ли они восстановления государственно-правовых отношений с Венгрией или отделения от нее, он, намекая на нежелательность разрыва с точки зрения интересов Хорватии, подчеркнул, что в последнем случае хорваты были бы подчинены власти Вены. Но в территориальном споре Деак не шел на уступки [245, т. 2, с. 610—615].

Иное решение хорватской проблемы предлагал Кошут. Еще в 1858 г. он признал право Хорватии на самостоятельность, заявив, что Хорватия «как единственная свободная нация среди южных славян [...] призвана стать центром южнославянского независимого государства» [33*]. Осенью 1861 г. Кошут предлагал заключить новый союзный договор с Хорватией, в котором бы содержалось признание ее самостоятельности, а решение судьбы Риеки и Меджимурья оставить плебисциту. Новым было предложение Кошута о создании в Венгрии комитатов с сербским большинством и самоуправлении их, осуществляемом на родном языке.

Пробным камнем готовности ведомого Деаком и Этвёшем либерального движения к уступкам в пользу народов королевства стало государственное собрание, сессия которого началась 2 апреля 1861 г. В проекте Деака провозглашалась решимость «устранить недоразумения и сделать все возможное без раздробления страны и ущерба для ее самостоятельности, чтобы все граждане отечества любой национальности сплотились в единстве интересов и чувств» [182, с. 444]. Таким образом, снова все сводилось

к устранению «недоразумений» и неопределенным обещаниям, которые не внушали доверия другим народам.

Чуть более определенный характер имел проект, представленный 16 мая от имени «партии резолюции» ее лидером Калманом Тисой, в то время еще сторонником Кошута: дать национальностям все, что не противоречит «территориальной целостности общей родины» с тем, чтобы не было «привилегированной нации». С таким же требованием — «чтобы не было привилегированной нации» — выступили румынские депутаты. Они добивались удовлетворения интересов народов, которые не противоречат «целостности родины». В. Бабеш возвысил голос в защиту прав румын в Венгрии и Трансильвании, заявив, что они будут действовать рука об руку «с братской венгерской нацией». Сербский представитель Брановачкий выступил за подтверждение сербских «привилегий», т. е. автономии в делах школы и церкви, официально признанной Габсбургами в конце XVII в. Собрание отклонило не только это требование, но и решения сербского собора в Сремски-Карловци и словацкого собрания в Турчански-св.-Мартине (о них см. ниже).

Все же Деаку пришлось изменить соответствующий пункт адреса государственного собрания, который теперь звучал следующим образом: «Мы желаем, чтобы национальные требования наших соотечественников других национальностей были на этом государственном собрании гарантированы законом во всем, что может быть достигнуто без политического раздробления страны и ущемления законной ее независимости».

Однако либералы не намеревались подкрепить свои слова делами. По предложению Этвёша вопрос был передан комиссии по национальностям, среди 27 членов которой было 12 немадьяр. Характерно, что в комиссию не попали такие сторонники соглашения с немадьярскими народами, как Л. Мочари, Имре Иванка, Эде Каройи, выступавшие в духе идей Кошута. Создание комиссии было маневром с целью приглушить остроту национального вопроса и избежать борьбы на два фронта — против Австрии и против народов Венгрии, а также создать видимость единства Венгрии перед лицом правительства. Руководство либералов отклонило принцип территориальной автономии, который приобрел все большую популярность среди лидеров национальных движений. Большинство комиссии утверждало, что удовлетворение подобных пожеланий угрожало бы единству страны [469, с. 553].

Стремясь утвердить мадьярскую гегемонию в Венгерском королевстве, комиссия отстаивала принцип «единой политической нации». «Все жители Венгрии любых языков, — говорилось в проекте резолюции, — в политическом отношении составляют лишь одну нацию, неделимую венгерскую нацию, соответствующую историческому понятию венгерского государства». В то же время указывалось, что все живущие в стране народы, «а именно румыны, немцы, сербы, русины, словаки, считаются равноправными национальностями, особые притязания которых свободно

осуществляются в рамках политического единства страны на основе свободы личности и объединений». Проект допускал употребление в общинах и комитатах любых «языков страны». Объявив языком государственного собрания венгерский, комиссия высказалась за отмену закона, согласно которому знание венгерского было обязательным для депутата. Народам предоставлялось право учреждать школы, создавать кафедры языка и литературы в Пештском университете, изучать в школах национальную историю, пользоваться национальными флагами. Выражалось желание, чтобы национальности были представлены «в достаточном количестве» в чиновничьем аппарате.

Таким образом, в проект комиссии вошла часть требований, выдвигавшихся представителями немадьярских народов. Однако их лидеры не соглашались безоговорочно признать концепцию Этвёша о «политической нации». Депутаты банатских румын А. Влад и Ж. Попович предлагали поправку к резолюции, согласно которой «румыны, словаки, сербы, русины и немцы признаются равноправными с мадьярами нациями и совокупность их составляет политическую нацию Венгрии». Существенными в поправке были два момента: равноправие народов, которые, к тому же, объявлялись «нациями», а не «национальностями» (венгерские дворянско-буржуазные деятели, как правило, избегали называть их нациями), и замена термина «венгерская политическая нация» понятием «политическая нация Венгрии», имевшим территориально-государственный характер. Румынский депутат А. Мочони (Арад) и сербский — С. Милетич отвергали тезис о «политической нации», настаивая на признании равноправия народов. Критикуя концепцию Этвёша, словак Дакснер писал, что, приняв этот тезис, венгры упустили шансы к примирению. «Согласие с тем, что «общую родину» населяют несколько равноправных наций, — указывал он, — привело бы к отождествлению целостности родины с жизненными интересами ее наций» [244, с. 175; 208, с. 58].

Сторонник федералистских идей хорват И. Ткалац в издававшейся им в Вене газете «Ост унд Вест» поместил статью под названием «Венгрия и принцип национальностей», автор которой возражал против отождествления «мадьярской национальности с так называемой государственной национальностью Венгрии». Призывая сербов «не повторять ошибок 48 года», он вместе с тем советовал Деаку и Этвёшу принять предложение Кошута о реорганизации комитатов согласно национальному принципу. Несмотря на критику концепции Этвёша—Деака, автор считал, что «для нас, славян, и вообще для каждого немадьяра Венгрии верным может быть единственный путь, и это — соглашение с мадьярами» [34*]. Здесь фактически нашла выражение точка зрения, согласно которой основным врагом свободы народов оставался австрийский централистский режим.

В июне 1861 г., когда обсуждался адрес королю, в центре дебатов вновь оказался вопрос о понятии «нация». Но вопрос был снят после выступления Этвёша, обещавшего, что права нацио-

нальностей будут обеспечены специальным законом. Таким образом, государственное собрание 1861 г. не оправдало возлагавшихся на него народами надежд.

Венгерский национализм, нашедший выражение в фикции «политической нации», уходил своими корнями в средневековье. Шовинизм буржуазной эпохи находил свое теоретическое «обоснование» в феодальных институтах. Но прежде всего принцип «политической нации» служил интересам сохранения господства мадьярских помещиков над массой инонационального населения. Он не распространялся на Хорватию и Славонию, где имелся местный класс помещиков, ставший к тому же союзником венгерского дворянства, но распространялся на Трансильванию, где помещиками были мадьяры (историческая автономия Трансильвании при этом не принималась во внимание и «инкорпорация» Трансильвании в Венгрию была одним из основных требований мадьярских либералов).

Обеспечению гегемонии венгерской нации в дуалистической Венгрии служил принятый в декабре 1868 г. «закон о равноправии национальностей». Однако он включал ряд либеральных положений (о свободе употребления языков в школах, в низшей и средней администрации, о праве на создание национальных объединений), а потому, начиная со второй половины 70-х годов, в связи с усилением политики мадьяризации стал систематически нарушаться.

В то время как класс венгерских помещиков стремился обеспечить неприкосновенность своего господства, венгерская эмиграция хотя и непоследовательно, но продолжала искать путей к соглашению с народами королевства. С тех пор как был опубликован Конституционный проект Кошута, взгляды его автора претерпели существенную эволюцию. В 1852 г. Кошут утверждал: никакого дробления территории Венгрии и Трансильвании; наша цель — восстановление независимости родины [Kovács, 306, с. 159]. Но в начале 60-х годов Кошут не только резко осуждал национальную политику государственного собрания 1861 г., но и внес коррективы в собственный конституционный проект, придав ему некоторые федералистские (точнее, автономистские) черты. Наряду с уже ранее выдвинутыми предложениями о праве Хорватии на самоопределение, референдуме в Трансильвании относительно ее статуса, праве народов употреблять родной язык и создавать политические организации, распределении между крестьянами части казенных земель Кошут имел в виду опрос населения о принадлежности не только Риеки, но и Меджимурья и, главное, соглашался на пересмотр границ комитатов с целью их приближения к границам этническим. Таким образом, Кошут наряду с радикальной перекройкой политической карты Карпато-Дунайского бассейна, а отчасти и Балканского полуострова, предложил теперь частично применить в рамках Венгерского королевства «национальный принцип» и дополнить его некоторыми социальными мероприятиями.

Дальнейшие изменения в эту программу были внесены в мае 1862 г. в связи с началом нового тура переговоров с Румынией и Сербией при посредничестве итальянского уполномоченного Канини. План конфедерации, разработанный Кошутом, Клапкой и Ф. Пульски, отличался от прежних проектов тем, что предусматривал для Трансильвании не только унию или автономию, но и превращение ее в самостоятельное государство, связанное с Венгрией лишь персональной унией. Венгрия, Румыния, Сербия, Хорватия, а возможно и Трансильвания, должны были образовать союз (конфедерацию) с общей экономикой, внешней политикой, армией, единым парламентом и центральным правительством, резиденцией которого должны были служить поочередно столицы членов конфедерации. Внутри каждого из союзных государств национальное равноправие должно было обеспечиваться на основе конституционного проекта Кошута.

Антидуалистическое оппозиционное крыло венгерского парламента в конце 60-х—начале 70-х годов так или иначе отражало идеи Кошута. В январе 1869 г., в связи с обострением национально-политической борьбы в Чехии, Кошут вновь выступил в защиту «права чешской нации устроить свои дела самостоятельно, права, которое ничуть не меньше, чем подобное же право венгерской нации». Во время событий 1871 г. в Цислейтании Кошут подверг критике позицию Андраши, подчеркнув, что Чехия не является «придатком Австрии», а государством, имеющим право на установление дипломатических отношений. Кошут заявил, что каждый славянский народ, «обладающий территорией, получившей в ходе исторического развития характер страны», имеет право «стать свободной нацией». Выступления Кошута получили большой резонанс среди чешской общественности [Srb, 1893; Klavbouch, 1966; Pecze, 403]. Но из приведенных формулировок видно, что Кошут продолжал разделять народы на «исторические» и прочие и в сущности признавал права «земель чешской короны», но не нации как таковой.

В созвучии с концепцией Кошута лидер левого оппозиционного крыла венгерской палаты Д. Ирани, ссылаясь на «историческое право», отстаивал справедливость чешских притязаний на самостоятельное государственное существование [35*; Pecze, 403].

Осенью 1871 г. с критикой действий Андраши в связи с Фундаментальными статьями выступил в палате другой лидер оппозиции И. Хелфи. В предложенном им проекте резолюции подчеркивалось «неотчуждаемое право каждой нации на самоопределение», а античешские акции Андраши квалифицировались как «вмешательство во внутренние дела братской нации». Антиправительственные и антидуалистические выступления оппозиции нашли поддержку со стороны национальных лидеров в палате (С. Милетич, А. Мочони).

С заключением соглашения 1867 г., решившем мадьярский национальный вопрос на основе компромисса, национальное движение не исчезло и не свелось исключительно к деятельности

эмиграции. Дуалистическая система, особенно в первые годы, вызвала недовольство и протест различных кругов венгерского общества. В этой обстановке призывы Кошута, объявившего дуализм несовместимым с идеей венгерской независимости и суверенитета, находили широкий отклик.

Вернувшиеся из эмиграции в 1868 г. буржуазные радикалы Д. Ирани, Э. Шимони, И. Хелфи составили крайне левое крыло парламентской оппозиции, которое действовало под руководством Кошута, находившегося в эмиграции. Но в отличие от Кошута оно добивалось персональной унии Венгрии с Австрией парламентским путем. Эта группа, выступавшая за всеобщее избирательное право, широкое местное самоуправление, ликвидацию привилегий феодального класса и гражданский брак, сотрудничала с представителями румын и сербов на основе признания шести наций Венгрии. Крайне левое крыло парламента получило массовую социальную базу в лице возникших сразу же после восстановления венгерской конституционности союзов бывших хонведов и «демократических кружков». Целью начавшегося движения было не только восстановление конституции 1848 г. в полном объеме, но и претворение в жизнь буржуазного лозунга «свобода, равенство, братство». Активность демократических кружков и хонведских союзов побудила обеспокоенного Деака бросить замечание: «мы живем в обстановке невооруженной революции». Опорой кружков стали полупролетарские слои и малоземельное крестьянство (см. в главе 2). Однако национально-радикальные лидеры движения за «конституцию 1848 г.» сами не ожидали, что движение примет социальный характер и не желали этого. Для подавления сопротивления дуализму власти прибегли к репрессиям: конфискации газет, судебным процессам, арестам деятелей крайней левой фракции парламента, назначению королевских комиссаров в строптивные комитаты и др.

5. Хорваты

Большинство буржуазии и мелкобуржуазных кругов Хорватии и Славонии в 60-х—начале 70-х годов объединяло течение «народняков», Национально-либеральная партия. Народняки развивали традицию иллиризма 40-х годов XIX в. Радикальную же группировку составляли «праваши», с конца 60-х годов — Партия права.

Лидером народняцкой группировки был епископ в Дьякове (Славония) Йосип-Юрай Штросмайер. Он был связан с либеральной интеллигенцией, финансировал деятельность Национально-либеральной партии и развитие национальной культуры. Штросмайер в 50-х годах держался лояльно к режиму, однако с 1860 г. открыто проявил себя как противник централизма. Главным идеологом народняков был историк Ф. Рачкий, каноник, с 1867 г. — президент Югославянской Академии наук и искусств. К народ-

няцкому лагерю принадлежал ряд бывших деятелей иллиризма — Б. Шулек и другие. С серьезной оговоркой в начале 60-х годов сюда же можно отнести И. Кукулевича-Сакцинского, И. Мажурича и других бывших иллиров, вскоре перешедших на службу централистскому режиму. Народняцкая интеллигенция — адвокаты, публицисты, ученые — множеством нитей была связана с буржуазией. В ее среде проявлялись разные нюансы правого и левого либерализма и буржуазного демократизма.

Народняки выступали за парламентский строй. Равноправный договор между народами должен определить устройство Австрийской империи — таков был их идеал. Целью народняков была конституционная монархия, цензовое избирательное право. Образцами в этом отношении для них служили Англия, Бельгия, Голландия. Далеким от интересов масс, они в сфере социальной выступали за второстепенные реформы с целью ликвидации наиболее ощутимых феодальных остатков в деревне, против помещичьего произвола, нередко вызывавшего кровавые конфликты. Экономическое развитие Хорватии и «подъем сельского сословия» (буржуазный прогресс деревни) — в этом народняки видели залог национального будущего. «Чехи добились успехов тогда, — утверждал Рачкий в 1870 г., — когда национально настроенные люди взяли в свои руки материальные интересы чешского народа» [344, т. 1, с. 112].

Народняки, как и чешские либералы, отстаивали тезис, что только федерализация Австрийской империи и равноправие славян может спасти государство от развала. Славянская солидарность, утверждали они, обеспечила бы славянам влияние на жизнь монархии. Преобразованной на началах национального равноправия империи они были готовы оказать поддержку в продвижении на Балканы, в освобождении народов от османского гнета. Но наиболее дальновидные народняки — Штросмайер и другие — были враждебны планам экспансии той Австрийской империи, которая реально существовала. В 1868—1870 гг. лидеры партии предпринимали шаги для совместного с Россией, Сербией и Черногорией противодействия австрийским планам на Балканах.

В политической борьбе в габсбургской монархии народняки колебались между Австрией и Венгрией. Для них не столь существенным было, войдет ли Хорватия или комплекс югославянских земель монархии в состав австрийской или венгерской части государства или же составит его особую часть, — важно, чтобы южным славянам была обеспечена возможность влиять на политическую и экономическую жизнь Дунайской империи. Поскольку Вена осуществляла политику централизма, народняки склонялись к союзу с Венгрией. Но так как венгерское дворянство, а после 1867 г. — венгерское правительство отказывались признать равноправие или широкую финансовую, экономическую автономию Хорватии, в народняцкой среде усиливались проавстрийские настроения.

Вслед за иллирами народняки стояли на почве исторического «государственного права». Этим правом они аргументировали необходимость воссоединения хорватских земель. Но когда речь шла о праве на Меджимурье — населенную хорватами область, входившую в состав «исторического» Венгерского королевства, ими выдвигался принцип «естественного права».

Идеологическим оружием национального движения был так называемый национальный принцип. Когда в Хорватии усиливались проавстрийские тенденции и народнякам казалось, что австрийским властям удастся заставить венгров пойти на кардинальные уступки в вопросе государственного устройства (например, в начале 60-х годов), народняки требовали равноправия «венгерских народов» (словаков, румын, сербов и других) и союза Хорватии с «венгерскими народами». Но когда было необходимо укрепить хорватско-венгерское сотрудничество против Вены, интересы «венгерских народов» отходили на задний план.

По сравнению с периодом иллиризма хорватское национальное самосознание сделало большой шаг вперед, но национально-политические интересы побуждали народняков поддерживать теорию южнославянского (якобы национального) единства [463]. Народняки были «югославистами», т. е. сочувствовали идеям о едином южнославянском народе, якобы состоявшем из ряда «племен» (включая болгар). Это означало завуалированное признание существования нескольких народов, которым еще «предстоит» слиться в один. Во всяком случае они выступали за солидарность южных славян, отстаивали тенденцию их сближения и в конечном счете государственного объединения. Но, в отличие от иллиров, народняки ясно осознавали необходимость федеративного устройства южнославянского государства. При этом проблема включения в него болгар являлась для народняков практически менее актуальной. Их основное внимание было направлено на отношения хорватов с их соседями — словенцами и особенно сербами.

Первоначально народняки выдвигали тезис о необходимости принятия словенцами хорватско-сербского литературного языка, однако, встретив сопротивление, отказались от этой идеи. Сложнее обстояло дело с сербами. В 1867 г. хорватский сабор узаконил равноправие сербского народа в Хорватии и Славонии и одновременно утвердил принцип его «тождественности» с хорватским. Это был компромиссный акт, необходимый в тот момент для совместной борьбы за автономию Триединого королевства и за более широкие цели. За указанную формулировку голосовали и депутаты-сербы. Но идея «тождества» выражала интересы хорватского национализма, так как скрывала в себе отрицание правомерности в Хорватии сербских национально-политических тенденций. В 1861 г. сабор официально назвал язык населения Хорватии и Славонии «югославянским».

Народняки полагали, что судьба хорватов окончательно определится вместе с решением восточного вопроса. «Хорваты, сербы

и болгары, — писал Рачкий в 1860 г., — имеют неоспоримое право на наследство последнего султана». Народняки считали, что Сербия может стать центром объединения южных славян. Они приветствовали любой внешнеполитический успех Сербии, требовали от нее энергичной внешней политики. Эта позиция шла вразрез с интересами Габсбургов. Но вместе с тем народняки мечтали о том, чтобы «центром притяжения» южных славян Османской империи, прежде всего для Боснии и Герцеговины, стала Хорватия. Это, по мнению Рачкого, могло произойти в случае неудачи Сербии.

Политические тенденции народняков оставляли возможность для сербо-хорватского компромисса и сближения. Подчеркивание «национального единства» южных славян уже в большей мере относилось к области идеологии, чем подлинного сознания этнической принадлежности; оно не только служило интересам национальной буржуазии, но и вселяло веру в благоприятную судьбу нации. «Лишь совместная деятельность способна сделать южное славянство важным фактором в Европе», — утверждал один из видных народняков адвокат М. Мразович. «Все мы [...] каким бы именем ни назывались, — одно тело [...] В этом единстве — сила и мощь, слава и будущность каждого народа», — подчеркивал Штросмайер [36*]. Ввиду того, что религиозные различия мешали сплочению южных славян, народняцкое духовенство во главе со Штросмайером пропагандировало сближение между католической и православной церквями, распространение католического богослужения на народном языке.

Итак, государственное объединение южных славян всегда было конечной целью народняков. Большой сдвиг в их ориентации произошел в 1866 г., когда Штросмайер и его окружение в условиях подготовки австро-венгерского компромисса усомнились в возможности даже временного решения хорватского вопроса в габсбургской монархии.

Таким образом, практические тенденции народняков имели двойственный характер. До осени 1866 г. преобладало австро-славистское, а позднее — югославистско-радикальное направление. Но оппозиция планам экспансии Габсбургов на Балканах уже в 1861—1866 гг. свидетельствовала о том, что и тогда Рачкий и Штросмайер видели конечную цель движения в независимости южных славян.

Отмеченная двойственность сказалась даже накануне австро-венгерского соглашения. Идя на сотрудничество с сербским князем Михаилом Обреновичем, более того, побуждая сербские власти к активной внешней политике, направленной на создание из балканских южнославянских земель сильного государства (эта тенденция имела явно антиавстрийский характер), лидеры народняков вместе с тем не отказывались от австрославистских проектов. Так в мае—июне 1867 г., находясь в Париже, Штросмайер составил секретный меморандум для польской эмиграции, в котором «в интересах европейских народов» отстаивал задачу

превращения габсбургской монархии в федеративное государство [Felczak, 1968].

Принципы народняков нашли выражение в декларации совещания хорватских, словенских и сербских представителей в Любляне 1 декабря 1870 г. Совещание было созвано после побед Пруссии над Францией, когда казалось, что возникла угроза поглощения австрийских земель Германией. Декларация содержала тезис о национальном единстве южных славян, «проявляющемся в единстве языка ... и в живом национальном чувстве». Южные славяне габсбургской монархии, говорилось в ней, ощущают одинаковые национальные потребности и для «обеспечения своего национального существования», во имя культурного, политического и экономического единства, объединяют все свои силы, чтобы добиться этого единства законными средствами и «удовлетворить такие же потребности своих братьев за границей, с которыми составляют один народ» [420, т. 3, с. 204; Milutinović, 1957; 223].

Декларация интересна тем, что тезис о едином языке и народе привлекался для обоснования права южных славян на политическое объединение («национальный принцип!»). В Словении уже мало кто верил в возможность принятия сербскохорватского языка в качестве литературного языка словенцев, и чтобы снять препятствия для политического сотрудничества хорватов и словенцев, народняки торжественно признали национальные права словенцев [37*]. А вскоре и хорваты, и словенцы в декларации вновь подтвердили «единство языка». Ясно, что подобные заявления уже преследовали определенную политическую цель, но не отражали национального самосознания ни хорватов, ни словенцев.

Декларация не была программой конкретных действий. В ней не было указано, в составе ли монархии Габсбургов или вне ее намерены объединиться южные славяне. Поэтому декларация вызвала острую полемику в сербской, хорватской и словенской печати [Zwitter, 1963].

Но для составителей декларации было важно подчеркнуть тезис об общности судьбы южных славян. Эта цель была сформулирована М. Мразовичем: «Мы должны знать, что мы едины [...] и это сознание распространять в народе... [надо] готовиться к соответствующему моменту, который должен заставить нас как сознательное целое» [38*]. Мразович так представлял себе будущее южных славян (февраль 1868 г.): в случае оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией «народ не погибнет [...] но настанет переходное время под иноземным господством [...] В конце концов или под чужеземным господством наш народ (южные славяне. — *Ред.*) придет в упадок и иноземцы посягнут и на Сербию или, что более вероятно, южные славяне в Австрии, борясь против чужеземцев [...] усилятся с помощью средств, которые предоставляет крупное и культурное государство для материального, духовного и умственного развития

граждан, и усилятся настолько, что [...] привлекут к себе родственные элементы (на Балканах. — *Ред.*), в первый момент возможно даже в подчиненное положение (в составе Австро-Венгрии. — *Ред.*); однако в конечном счете это должно привести к национальной и государственной самостоятельности» [Sidak, 1968]. Здесь ярко изложена сущность югославизма народняков.

Партия права сформировалась после 1867 г., но ее основные идеи были выдвинуты в 50-х — начале 60-х годов адвокатом Э. Кватерником и выходцем из семьи граничара А. Старчевичем, служащим адвокатской конторы. [Их ранние произведения см.: 39*; 40*]. В 1848—1849 гг. будущие идеологи правашей были иллирами; разочарование в политике иллиризма послужило для них толчком к отрицанию идейных принципов этого течения (основы своих взглядов Старчевич излагал уже в начале 50-х годов) [283].

Принцип правашей был ясен: народ в состоянии успешно развиваться только в условиях независимого государства. «Пока народ хочет сохранить себя, — писал Старчевич в 1868 г. — он будет выступать за свою самостоятельность и независимость. Это — условие его существования, это цель и дух нашей программы» [40*, с. 129]. По Старчевичу и Кватернику, Габсбурги, установившие свою власть над Хорватией путем договора «с хорватским народом», вероломно нарушили обязательство укреплять права Хорватского королевства, и народ имеет право расторгнуть договор; ему «нечего больше терять, нечего защищать». Но угнетатели не могли бы господствовать, не пользуясь услугами «испорченных» хорватов (дворянско-буржуазная и чиновничья верхушка), поэтому задача состоит в воспитании «подлинных хорватов» — людей, непримиримых к иноземному гнету.

Свое учение Старчевич лаконично выразил в формуле «Бог и хорваты», означавшей, что не должно быть над нацией никакой власти, кроме исходящей от ее воли (выше — «только бог»). Этот девиз был сформулирован под влиянием Мадзини, лозунг которого «Бог и народ» противостоял легитимизму. Требование независимости праваша обосновывали как «национальным принципом», так и «историческим правом» (отсюда и название партии). Праваша превозносили качества и заслуги своего народа (защита Европы от османского нашествия), его культуру. В условиях, когда загребская буржуазия во всем подражала венским образцам, а в «обществе» преобладал немецкий язык, праваша подвергали осмеянию все немецкое.

Устройство государства, по мнению правашей, — вопрос второстепенный, и им надо будет заняться лишь после завоевания независимости. Все же они не могли не определить свою позицию и в этом вопросе: Кватерник был поборником «самых либеральных учреждений». Король, по мнению Старчевича, должен иметь столько же власти, как король Великобритании, «который не смеет и кучеру своему отдавать приказы». В среде правашей были сильны и республиканские настроения. Старчевич писал

о величии республиканского строя и всеобщем упадке, царившем в империи... древнего Рима. Газета правашей «Хрватска» в связи с крахом бонапартизма во Франции отзывалась о монархии вообще как о негодной форме правления. Это, а также отсутствие страха перед движением масс, — свидетельство демократизма правашей в общеполитической сфере.

В социальной области идеологи Партии права не вышли за рамки левого либерализма, разбавленного мыслями о социальной гармонии. Хотя наилучшими Кватерник считал аграрные отношения во Франции (с ее массой мелких хозяйств), вопроса о помещичьей собственности в Хорватии он не ставил; право помещиков на выкуп феодальных повинностей праваша сомнению не подвергали. Старчевич одобрительно отзывался о крестьянской реформе в России. Но вместе с тем он выражал симпатии русским народникам, видя в них патриотов России, сторонников демократии. Однако в полуфеодальной Хорватии праваша ограничивались всего лишь выражением сочувствия хорватскому крестьянству как «основе нации» и хранителю чистоты ее прав. Как и народняки, праваша понимали необратимость процесса распада задруг, но во избежание пролетаризации (точнее, пауперизации) села предлагали его затормозить. Сотрудничество классов идеологи Партии права считали необходимым в целях национального движения. Однако в конце 60-х годов в левом крыле партии наметились революционно-демократические настроения.

Каков источник национально-политического радикализма и буржуазного демократизма правашей? Общее ухудшение положения мелкой буржуазии, массы крестьян и мелких дворян, бесправие граничар, политика неоабсолютизма, налоговый гнет, скудное существование малообеспеченного слоя интеллигенции, — все это обостряло разочарование в связи с результатами событий 1848—1849 гг., утверждало правашей в понимании бессмысленности хорватско-венгерской войны («за Австрию»). Идеи Старчевича и Кватерника постепенно находили сторонников в мелкобуржуазных слоях. Но в конце 60-х—начале 70-х годов влияние Партии права было слабым.

Экономический подъем Хорватии праваша связывали с освобождением от австрийской власти. По мнению Старчевича, интересы хорватов и Австрии столь противоположны, что «хороший австриец (австрийский патриот. — *Ред.*) не может быть хорошим хорватом» [41*]. Положение Хорватии в составе Австрийской империи столь отчаянное, утверждал Кватерник в письме к Гарибальди в 1864 г., что перед ней стоит альтернатива: победить в борьбе или «погибнуть навсегда» [Campanella, 1961]. Этот пессимизм очевидно был следствием взгляда на перспективы Хорватии через призму интересов мелкой буржуазии. Кватерник указывал на то, что «мощь денег», материальная сила других наций препятствовали бы развитию Хорватии даже при «демократической федерации». Поэтому праваша не хотели преобразования

Австрийской империи в федерацию и не верили в ее возможность. Даже дуализм они считали меньшим злом.

С этим связано отрицание правшами австрославизма. Австрийские правящие круги, подчеркивали они, неоднократно использовали идеи союза славян для укрепления своей власти. Но опасаясь, что распадом империи воспользуются ее соседи, правши мечтали о том, чтобы «счастливая Хорватия» существовала «рядом» с Австрией и Венгрией под властью Габсбургов как хорватских конституционных монархов, исполняющих волю нации. План персональной унии был для правшей одним из вариантов достижения национального суверенитета, однако они сами мало верили в его реальность.

Л. Кошута и других деятелей венгерской революции 1848 г. правши считали «наиболее честными венграми» [42*], хотя и критиковали их национальную политику. Кватерник и Старчевич выступали за хорвато-венгерский военный союз для защиты самостоятельности обеих стран.

Ввиду слабости хорватского национального движения принципом правшей была ориентация на государство, враждебное Габсбургам (в 60-х годах — на Францию). Кватерник уже с 50-х годов вынашивал мысль о восстании на Военной границе, которое намеревался приурочить к началу будущей войны.

Формирование хорватской нации закономерно привело к эволюции идеологии иллиризма. Попытка объединить южных славян под иллирийским наднациональным знаменем не удалась. Быстро укреплялось сербское, хорватское и словенское национальное самосознание. В этих условиях либералы-народники сформулировали идеи югославизма. Правши это считали недостаточным. Сторонники великосербских взглядов утверждали, что все население (православное и католическое), говорящее на штокавском диалекте, является сербским. Этот взгляд, соответствовавший тогдашнему уровню филологии, проповедовался и некоторыми учеными (П. Шафарик, В. С. Караджич). Языковеды-словенцы объявили все кайкавское население словенским (Е. Копитер, Ф. Миклошич). Получалось, что подавляющее большинство населения Триединого королевства якобы не принадлежит к хорватам, так как в Хорватии, Славонии и Далмации народ говорил на трех диалектах: штокавском (в Славонии и Далмации), кайкавском (в историческом «королевстве Хорватия», т. е. районе Загреба) и чакавском (в небольшом приморском районе). В противовес этому Старчевич уже в начале 50-х годов стал развивать панхорватские идеи, отрицая существование сербов («православные хорваты») и словенцев («хорваты-горцы»). Правда, Кватерник соглашался с тем, что сербы населяют Сербию и Воеводину и лишь в конце 60-х годов сблизился по своим взглядам со Старчевичем. Это была наступательная мелкобуржуазно-националистическая идеология. Правши мечтали создать «Великую Хорватию» («от Германии до Македонии»). Но их ближайшей целью было утвердить хорватское на-

циональное самосознание среди населения всего Триединого королевства независимо от вероисповедания, т. е. воспрепятствовать формированию здесь сербской нации [283].

Панхорватизм, как и великосербские взгляды, обострял отношения между южными славянами. Демократические принципы межнациональных отношений, которые провозглашались правшами («каждая национальность для нас святыня»), приходили в непримиримое противоречие с их подходом к национальной проблеме южных славян [164]. В этом был зародыш позднейшей эволюции национализма правшей в духе крайней реакции. Поэтому идеи правшей характеризовались резко противоречивыми чертами.

В 60-х годах политические устремления помещиков и части буржуазии Хорватии и Славонии выражали «унионисты» — Национально-конституционная партия. До 1868 г. она добивалась возвращения Хорватии и Славонии в состав Венгерского королевства на условиях весьма ограниченной автономии. Унионисты видели в венгерских помещиках надежную защиту своих интересов. В сущности эта группировка, хотя она была враждебна австрийскому централизму, стояла вне рамок национально-освободительного движения. Во время хорвато-венгерских переговоров 1867—1868 гг. Ференц Деак и Франц-Иосиф с удивлением констатировали, что крайние хорватские унионисты добиваются меньшей автономии, чем та, которую правящие круги намеревались сохранить за Хорватией!

Влияние унионистов основывалось на сохранении крупными помещиками (особенно в Славонии) сильных позиций, на поддержке, которую они получали от венгерского дворянства, но оно также питалось оппозиционными настроениями, которые вызывали в Хорватии экономическая политика Вены и объективные трудности, переживавшиеся значительными слоями населения в условиях промышленного переворота в Австрии (так, экономический упадок приморских районов Хорватии возбудил здесь провенгерские настроения).

Таким образом, хорваты в отличие от других народов имели две «национальные идеологии», выросшие на основе иллиризма. Каждая из них была направлена на сплочение хорватской нации. При этом идеология югославизма в отличие от панхорватской почти не проникала в мелкобуржуазную массу народа, оставаясь достоянием либеральной буржуазии и связанной с нею интеллигенции. Это предопределило остроту идейной борьбы в хорватском обществе.

После Октябрьского диплома 1860 г. банская конференция — специальное совещание, созванное хорватским баном (наместником) — просила Франца-Иосифа присоединить к Хорватии и Славонии Далмацию, часть Истрии («земли хорватской короны»), основать хорватскую придворную канцелярию, независимую от венгерской, восстановить комитатское (жупанийское) самоуправление. Приспосабливаясь к политике двора, конференция не по-

ставила вопроса о воссоединении всех хорватских земель, в том числе Военной границы.

Стремясь меньше раздражать Венгрию, правительство ограничилось учреждением хорватского «придворного дикастерия» (отдела, лишь в 1862 г., в период ухудшения австро-венгерских отношений, преобразованного в Хорватско-славонскую придворную канцелярию) во главе с И. Мажураничем, а вопрос о Далмации отодвинуло, предложив хорватам обсудить его с далматинским сабором. В Далмации в начале 60-х годов национальной буржуазии еще не удалось политически оттеснить итальянских помещиков и буржуазию, и далматинский сабор отказался вести переговоры с Хорватией.

Централистский курс правительства Рехберга-Шмерлинга привел к нарастанию провенгерских настроений в Хорватии, сильных уже в 50-х годах. В Хорватии было распространено мнение, что только в союзе с Венгрией удастся обеспечить конституционный строй и автономию.

Народняки, включая наиболее умеренную часть течения (И. Мажуранич, И. Кукулевич-Сакцинский и другие, которые в 1863 г. выделились в «Самостоятельную национальную партию», так называемые самосталцы), имели преобладающее влияние в саборе, заседавшем с апреля по ноябрь 1861 г. Сабор выступил за «более тесный государственно-правовой союз» с Венгрией, выдвинув ряд условий: признание Венгрией самостоятельности Хорватии, ее территориальной целостности (по историческому праву), а также факта, что прежняя связь между сторонами юридически прекратилась в 1848 г. (т. е., что предстоит заново путем равноправных переговоров урегулировать отношения). Автономные права Хорватии, которые сабор считал минимальными (администрация, юстиция, просвещение, церковь) и которыми Хорватия и Славония в принципе уже пользовались после Октябрьского диплома, сабор не считал предметом переговоров. Фактически он добивался широкой автономии в сфере финансов и экономики. Унионисты выступили за переговоры с Венгрией без всяких условий.

Решение сабора было оформлено как «Закон № 42 1861 г.» и утверждено Францем-Иосифом [416, т. 1, с. 63]. Австрийское правительство, встретив упорную оппозицию в Венгрии, стремилось уступками хорватам укрепить свой курс. Предложенные сабором условия переговоров венгерское государственное собрание отклонило. Вновь хорватско-венгерские разногласия пошли на пользу Вене. Это однако не привело к поддержке сабором февральской конституции 1861 г. В августе 1861 г. сабор единогласно отказался послать своих представителей в рейхсрат. Народняки и унионисты были враждебны абсолютистским и германизаторским устремлениям Вены, поэтому большинство сабора — унионисты и часть народняков — отказалось даже обсуждать вопрос о порядке рассмотрения «общих дел» с Австрией. Это повлекло за собой роспуск сабора.

В работе сабора приняло участие много рядовых граничар, которые высказались за демилитаризацию Военной границы, присоединение ее к Хорватии и даже — вопреки надеждам правительства на «всегда верных граничар» — за союз с Венгрией. Еще не столь давно, в 1848 году, двору удалось послать граничарское войско против Венгрии. Теперь же граничары проявляли глубокое недовольство австрийской властью. Сабор потребовал ликвидировать военную систему на Границе. Франц-Иосиф в этих требованиях отказал.

Самосталцы активизировались в 1863 г., когда Шмерлинг сделал новую попытку вовлечь представителей Хорватии в рейхсрат. Самосталцы представляли чиновничество, высший клир и небольшую часть буржуазии. С ядром народняцкого течения либеральное крыло самосталцев объединяли идейно-политические принципы автрославизма и югославизма. И. Кукулевич считал Австрийскую империю «единственной гарантией будущего хорватов». Самосталцы служили режиму, заявляя, что только так можно побудить правительство объединить хорватские земли. В качестве принципа своей политики они считали «самостоятельное» (независимое от Венгрии) участие Хорватии в решении общеимперских дел, что в 1863—1864 гг., по их мнению, означало участие в работе рейхсрата.

Разногласия между народняками и самосталцами имели не только тактический, но и программный характер. Так, барон М. Ожéгович, крупный хорватский чиновник в Вене, упрекал Штросмайера за то, что народняцкая программа включает «идеальные устремления», а именно требования самостоятельного распоряжения финансами, что, по его мнению, подорвало бы государственное единство империи. «Если мы хотим обеспечить себе будущее, — писал он, — то должны исходить не только из своих интересов, но и из потребностей империи, так как [...] если погибнет империя, погибнем и мы» [43*].

Но «крайние» требования народняков диктовались глубокими социально-экономическими интересами относительно слабой хорватской средней, а также мелкой буржуазии. «Финансовая автономия» наряду с правом определения числа рекрутов — вот основное требование народняков в 1860—1871 гг. Последние стремились устранить или по крайней мере ослабить финансовую эксплуатацию страны центральной властью. Смысл требования широкой автономии становится также ясным, если учесть, что максимально возможная самостоятельность Хорватии в рамках империи рассматривалась последовательными народняками как этап в борьбе за создание независимого югославянского государства. В этом проявилась их радикальная тенденция.

Таким образом, социальная и национальная структура Хорватии и Славонии и проблема взаимоотношений Хорватии с Австрией и Венгрией обусловили возникновение и борьбу целого ряда политических группировок.

В 1865—1866 гг. народняки, видя в режиме централизма и стремлениях Вены главенствовать в Германии главную опасность, считали, что в решении общеимперских дел Хорватии следует участвовать «совместно с Венгрией», т. е. только после установления хорвато-венгерской унии. Они опасались остаться один на один с мощным венским правительством. Но в том же 1866 г., после австро-прусской войны, по мере того, как выяснялась перспектива австро-венгерского соглашения, народняки вновь стали отстаивать программное требование «непосредственного участия» Хорватии в общеимперских делах. Поэтому они разоплились с унионистами-венгерофилами и сблизились со оми-сталцами (слияние народняков и самосталцев в Национальную партию произошло в 1867 г.). Когда австро-венгерские переговоры вступили в завершающую стадию, народняцкое большинство сабора в отличие от 1861 г. согласилось на создание единой центральной власти (декабрь 1866 г.). «Но мы ни в коем случае, — говорилось в адресе Францу-Иосифу, — не могли бы согласиться с общим органом власти, который не был бы ответственным перед королевствами и землями [...] или который был бы создан без согласия Тринединного королевства» [416, т. 1, с. 223—225, 246]. Как и прежде, свободный договор и широкие автономные права выдвигались в качестве условий сотрудничества с Веноей. На церемонии коронации Франца-Иосифа в Буде короной св. Иштвана официальная хорватская делегация отсутствовала.

После австро-венгерского компромисса сабор, в котором оказался унионистское большинство, 24 сентября 1868 г. проголосовал за Хорвато-венгерское соглашение. Согласно этому документу, Хорватия сохраняла автономию в делах управления, суда, школы и церкви; хорватский язык признавался официальным; глава местного правительства — бан, формально ответственный перед сабором, назначался, однако, королем по представлению премьер-министра Венгрии; вся сфера экономики и финансов находилась в ведении венгерских властей, на местные нужды Хорватии в бюджете Венгерского королевства отводилась определенная сумма. Хорватский сабор должен был посылать в общевенгерский парламент своих депутатов [45*; 73; 164; 265].

Пока дуализм казался непрочным, Национальная партия пыталась добиться пересмотра Соглашения 1868 г. В 1871 г. она выдвинула программу гарантий политических свобод, отделения суда от администрации, равноправия Хорватии с Венгрией, прежде всего — назначения бана без вмешательства венгерского правительства. В социальной области программа ограничивалась бесцветными обещаниями «справедливо урегулировать» противоречия между помещиками и крестьянами [44*]. До конца 1871 г. Национальная партия добивалась независимости хорватского правительства от венгерского — права самостоятельно собирать налоги и увеличивать расходы на местные нужды, решающего голоса в парламенте при обсуждении дел, касающихся Хорватии.

комплектования хорватского правительства из сторонников большинства сабора (принцип парламентаризма), заключения нового Соглашения с участием представителей от Далмации и Военной границы [164, с. 370].

Но неудача попытки австро-чешского компромисса в октябре 1871 г. и острота противоречий в Хорватии, выразившаяся в восстании на Военной границе, побудили хорватскую буржуазию к отказу от далеко идущих требований. Более богатые слои хотели «спокойствия», и Национальная партия отразила эти настроения. Уже летом 1872 г. народняки капитулировали и под давлением венгерского правительства объединились с унионистами (партия сохранила название «Национальной»). На переговорах в Будапеште хорватские представители признали Соглашение 1868 г., приняв незначительные его изменения (увеличение местного бюджета по мере возрастания налоговых поступлений). После этого ряд умеренных народняков получил чиновничьи должности, а И. Мажуранич стал баном.

Параллельно с борьбой за равноправие в составе габсбургской монархии народняки рассматривали проблему создания югославянского государства на случай ее распада. Так, свидетельством полного разочарования народняков в возможности федерализации империи (1866 г.) является программа хорвато-сербского сотрудничества с целью создания независимого южнославянского государства. Штросмайер дал обязательство князю Михаилу Обреновичу содействовать Сербии в ее усилиях создать объединенное государство. Соглашение народняков и премьер-министра Сербии И. Гарашанина заключалось в том, что было признано необходимым способствовать «освобождению христиан, стонущих под турецким ярмом», и что это создаст «базу для объединения всех южнославянских племен в федеративном государстве» [24, с. 273—283]. Конкретно речь шла о том, чтобы хорваты помогли Сербии присоединить Боснию и Герцеговину. Неблагоприятный поворот международной обстановки в 1867 г. и отказ Сербии от решительных действий были причиной того, что эта договоренность не привела к реальным результатам.

В 1874 г. в народняцких кругах была составлена программа, в которой указывалось, что «конечной целью общих национальных устремлений и деятельности хорватов, сербов, болгар и словенцев должно быть их объединение в независимое и свободное национальное и государственное сообщество» при равноправии «во всяком смысле и во всем отдельных племен, составляющих южное славянство [...] Государственная самостоятельность и автономные права отдельных южнославянских земель должны остаться абсолютно неприкосновенными и зависеть от свободной воли той части народа, которая пользуется этой самостоятельностью и этими правами» [текст см.: 38, с. 108—109; 475, с. 27].

Требования правашей как группы, а затем и Партии права, которая возникла в конце 60-х годов, в повседневной борьбе отражали ее стремление упрочить политические позиции Хорватии

и содействовать росту собственного влияния. Накануне выборов в сабор в 1871 г. Партия права выдвинула программу, в которой ратовала за признание хорватского государственного права, «урегулирование» отношений между помещиками и крестьянством, местное самоуправление, свободу печати, собраний, объединений, суд присяжных и т. п. [46*]. Здесь был четко сформулирован лишь принцип политических свобод, о социальном вопросе сказано туманно, проблема же «государственного права» лишь упомянута, так как она рассматривалась во множестве выступлений.

В среде хорватской и сербской либеральной городской интеллигенции Далмации в 60-х годах XIX в. господствовали идеи югославизма [411]. Быстро формировалось хорватское и сербское национальное самосознание. При этом общие интересы борьбы за права народного языка и воссоединение Далмации с Хорватией в 60-х годах сплачивали хорватов и сербов. Как и в Хорватии-Славонии, в Далмации наряду с утверждениями о языковом единстве «всех южнославянских народов» говорили о национальном единстве южных славян. Это противоречие в конце концов нашло «разрешение» в удобной для идеологов хорватской буржуазии формуле о двух «племенах» (хорватах и сербах) «единого народа» (М. Клаич, 1877) и в теории «хорватской политической нации» (М. Павлинович, который считал сербов в хорватских землях всего лишь этнической группой) [476]. Сербь же Далмации усиленно подчеркивали свою национальную самобытность.

В противовес сторонникам великосербских тенденций, включавших в состав сербских областей не только Боснию и Герцеговину, но и Славонию и Далмацию, Павлинович называл Боснию и Герцеговину в числе хорватских территорий [Stančić, 1972]. Он считал возможным разрешение хорватской национальной проблемы в рамках монархии Габсбургов. Но Павлинович полагал, что создание независимого южнославянского государства тоже возможно и ядром его должна стать Хорватия. Он пропагандировал клерикальные воззрения, выступал в поддержку папы против австро-немецких и итальянских либералов. Влияние его великохорватских взглядов в хорватском национальном движении в Далмации в 70-е годы XIX в. усиливалось.

Противники хорватского и сербского национального движения утверждали, что Далмацию населяет особый «славо-далматинский народ». Эту идею поддерживали лишь представители италоязычной буржуазии и чиновничества — «автономисты», пытавшиеся утвердить локальное этническое сознание населения.

К 60-м годам относится быстрый подъем национального движения в Далмации, принявшего политический характер. С 1862 г. здесь развернулась деятельность читален — учреждений культурно-политического характера, а в Сплите под редакцией преподавателя гимназии и либерального публициста Н. Нодило начала издаваться газета народняков «Национале». Она была предназначена для образованных слоев и выходила на итальян-

ском языке (многие национальные деятели на первых порах с трудом изъяснялись по-хорватски). Материалы на хорватско-сербском языке — латинским и кириллическим алфавитами — печатались в приложении; итальянское издание было прекращено только в 1885 г.

В условиях реакционного избирательного закона и давления властей автономисты сохраняли большинство в саборе Далмации до 1870 г. Первые выборы в 1861 г. принесли им легкую победу. Когда сабор Далмации отказался вести переговоры с Загребом о воссоединении, пятеро далматинцев (М. Клаич и другие) заняли места почетных членов хорватского сабора в Загребе. Последующие выборы прошли в упорной борьбе. Австрийские власти, в особенности после войны 1866 г. и воссоединения Италии, поняли, что автономисты не могут быть их опорой в Далмации. После Которского восстания 1869—1870 гг. венские власти уже не мешали хорватской и сербской буржуазии одержать победу на выборах, и в 1870 г. большинство сабора составили народники. В их руках оказались местные органы власти. Но к этому времени судьба Далмации была решена: по австро-венгерскому соглашению 1867 г. она осталась в составе австрийской части монархии (Цислейтании), хотя формально считалась частью Триединого королевства и «земель венгерской короны св. Иштвана». После 1870 г. либеральное крыло хорватского национального движения фактически временно примирилось с этим, тогда как клерикально-консервативное настаивало на воссоединении хорватских земель.

В Истрии движение развивалось медленней. Хорваты Истрии в 60-х—начале 70-х годов еще не выдвинули требования объединения большей, по преимуществу хорватской, части Истрии с остальной национальной территорией. Однако интеллигенция сознавала свою национальную общность со всем хорватским народом, и это сознание укоренялось в народе. В 60-х годах борьба за права «славянского языка» способствовала распространению в Истрии идей хорвато-словенского сотрудничества. Эти взгляды проповедовали среди крестьян священники — тогда единственная национально настроенная интеллигенция, идейно близкая Штротмайеру.

Вслед за чешскими и словенскими землями в Истрии были организованы таборы. Ораторы поднимали проблемы экономики области, мелиорации, налогов, при этом они призывали крестьян «не шуметь» и ограничиваться «малыми делами». Обсуждались также языковые, культурные и политические требования [189; 462]. Таборы способствовали развитию национального самосознания и популяризации идей национального движения. Но вместе с тем они, как и в других местах, обнаружили классовую ограниченность буржуазной интеллигенции, ее страх перед инициативой масс.

Первая хорватская читальня в Истрии была создана в 1869 г. в Каставе. В 1870 г. по инициативе епископа Добрилы и при де-

нежной поддержке Штросмайера началось издание газеты «Наша слога» («Согласие»), целью которой было просвещение крестьян — распространение грамотности и агрономических знаний, развитие национального самосознания, и наконец, подготовка к политической борьбе. Оживление национального движения в Истрии относится к концу 70-х годов, когда активизировалась светская интеллигенция, выражавшая интересы хорватской и словенской буржуазии.

6. Сербь

В третьей четверти XIX в. сербское национальное самосознание повсеместно распространялось среди православного населения, говорившего на сербскохорватском языке, в областях, входивших в состав Австрийской империи и на Балканах. Национальное движение в Воеводине — области, где наряду с княжеством Сербия сформировался центр идейно-политической жизни сербов, — являлось одной из ведущих сил этого процесса*.

Повсеместно развернулось наступление сторонников языковой реформы В. С. Караджича, и в 60-х годах они одержали победу над консерваторами. Крупную роль в этом сыграла деятельность выдающегося филолога Дж. Даничича.

Объединение всего сербского народа в независимом государстве — такова была цель национально-освободительного движения. При этом более или менее четко выраженным компонентом воззрений разных слоев буржуазии являлись великосербские взгляды. Они проявлялись в идее «Душанова царства», в мечтах об объединении «всех сербов», в том числе рассеянных по разным южнославянским землям, в сербском государстве, в точке зрения, что сербами являются все югославыне, говорящие на штокавском диалекте.

Югославизм, как неясно и противоречиво сформулированная теория «единого народа» и программа объединения южнославянских земель, поддерживался некоторыми сербскими идеологами, однако ему так или иначе завуалированно придавался смысл, нужный сербской буржуазии: сначала надо создать сильное сербское государство, а там — «будет видно». Одновременно сербская печать Воеводины протестовала против любых попыток игнори-

* Здесь рассматривается сербское национальное движение в южных районах тогдашнего Венгерского королевства, за которыми в сербском обществе в XIX в. закрепилось название Воеводины (ныне — Автономный край Воеводина в составе Социалистической республики Сербии). К этим районам примыкала большая часть Срема (в 1860 г. возвращенного в состав Хорватии и Славонии), где сербы составляли большинство, а общественное движение в организационном и программном отношении составляло часть воеводинского (в программах движения Срем включался в состав Воеводины). В ином положении находились сербы других областей (Хорватии, Славонии, основной части Хорватско-славонской Военной границы и Далмации). [Krestić, 1975].

ровать сербский народ как часть особой нации в Хорватии, Славонии и Далмации.

Лидером национального движения был буржуазно-радикальный публицист адвокат С. Милетич. Его газета «Застава» («Знамя»), главный печатный орган сербского национального движения в Воеводине, с 1866 г. пропагандировала идею государственного объединения населения, говорящего на сербскохорватском языке. «Застава» видела в языке «основу национальности», тем самым склоняясь к тезису о сербско-хорватском национальном единстве, но считала объединение сербов и хорватов возможным лишь с согласия отдельных «племен», при сохранении их этнонимов и уважении их прав. В этом рассуждении внешне было немало общего с принципами хорватских югославистов. Однако, как отмечалось, сербская буржуазная интеллигенция оспаривала принадлежность к хорватам населения, говорившего на штокавском диалекте, а хорватская — право сербов Триединого королевства на самостоятельную политическую программу. «Застава» считала необходимым построить взаимоотношения между Триединым королевством и Венгрией так, чтобы со временем стало возможным «государственное объединение и самостоятельность Сербии, Боснии, Герцеговины, Черногории, Далмации, Хорватии и Славонии» [47*]. Именно поэтому сторонники Милетича отстаивали требование широкой автономии Хорватии-Славонии. Что касается других южнославянских народов, то Милетич, в принципе полагая их объединение необходимым, считал этот вопрос менее актуальным [93, с. 164, 179]. Эта точка зрения вызвала протесты в Словении.

По мере изменения социальных основ движения, втягивания в него широкого слоя городской средней и мелкой буржуазии, и ввиду углубления кризиса Османской империи и упрочения Сербского княжества, австрославизм, не имевший глубоких корней у сербов, еще более отеснялся на задний план. Милетич и его сторонники выступали непримиримо по отношению к австрославистской идее укрепления Австрийской империи, к проектам создания в империи центра объединения южных славян. М. Полит в «Заставе» призывал отстаивать то «будущее южных славян, за которое Черногория и Сербия проливали кровь» [48*]. По мнению газеты, миссия Сербии и Черногории — быть ядром будущего южнославянского государства. Милетич в легальной печати не выдвигал программу присоединения сербов Австрийской империи к этому государству, но вся идеология возглавлявшегося им движения не оставляет сомнения в том, что такая цель имела в виду. Милетич верил в скорый распад монархии Габсбургов. Будучи противником «австро-чешского славизма», сербское национальное движение с симпатией следило за борьбой чехов за объединение своих земель, понимая значение ее успеха для судьбы народов Венгерского королевства.

Для новых общественных сил, возглавивших национальное движение в 60-х годах, — либеральной и радикальной буржуазии

и связанной с ней интеллигенции — национальная свобода являлась одним из элементов политической свободы вообще. Широкие слои интеллигенции и большинство буржуазии в 60-х годах отказывались от расчетов на компромисс с австрийскими правящими кругами. На старых позициях оставались высшая церковная иерархия, высшие чиновники, консервативная часть буржуазии. Идеино-политические принципы нового направления сербского национального движения, возобладавшего во второй половине этого десятилетия, были выражены в статье С. Милетича, написанной в декабре 1860 г. в ответ на ликвидацию правительством Сербской Воеводины и Тимишского Баната, административной единицы, созданной австрийской властью после революции 1848—1849 гг. с целью ослабления Венгрии и в качестве «уступки» сербскому национальному движению (сербы составляли всего четверть населения этой территории). Основные тезисы этой «Тучинданской» (она была помечена: «В Тучин день») статьи следующие: отказ от ориентации на австрийские правящие круги, союз с венгерским национальным движением против Вены с целью завоевания самых широких прав для Венгрии и национальных прав для сербов, поддержка борьбы балканских народов против турецкого гнета [93, с. 24].

В дальнейшем Милетич считал австро-венгерский дуализм меньшим злом по сравнению с планами федерализации Австрийской империи, которые означали бы решение национальных проблем в пределах монархии и ее усиление. Милетич мечтал о федерализации Венгерского королевства на этнической основе. Сущность позиции Милетича состояла в том, что роль притягательного национального центра отводилась Сербии (а не Воеводине). Скрыто проводилась мысль, что освобождение сербов габсбургской монархии должно последовать за созданием сильного сербского (или южнославянского) государства на развалинах Османской империи.

Буржуазные общественно-политические принципы национального движения были изложены в публицистике С. Милетича, М. Полита, а также политического деятеля Сербии Вл. Йовановича. При наличии существенных различий в тактике, да и во взглядах, основное заключалось в следующем: конституционный строй, свободомыслие и просвещение, антиклерикализм, приоритет «общей воли» нации, туманно излагаемые идеи социальных реформ и «заботы» о простом народе, но превыше всего — национальный суверенитет. В национальной области диапазон идей был широк — от «царства Душана» до федеративной республики балканских государств.

На левом крыле общественного движения находились мелкобуржуазные радикалы, еще левее — с начала 70-х годов — революционные демократы, в том числе выходцы из Сербии С. Маркович и другие, а также из областей под османским господством (В. Пелагич). Мировоззрению многих демократов были присущи социалистические идеи и естественнонаучный материализм. Усиле-

ние демократических тенденций относится в особенности к началу 70-х годов. Оно было связано с ростом социальной дифференциации сербского общества и влиянием международного рабочего движения, прежде всего Парижской коммуны.

В откликах на Парижскую коммуну Милетич выразил сочувствие республиканскому строю с элементами «социальной политики» (за республику «порядка и труда»). Разумеется, он не выходил за пределы буржуазных идей, однако с симпатией писал о коммуне, как силе, которая противостояла реакционным кругам, являвшимся опорой как бонапартистского режима, так и версальского правительства.

В 1869 г. оформилась Национально-свободомыслящая (или «вольнодумная») партия Милетича — воеводинские народняки. Ставя перед собой цель сплочения сербского народа в Воеводине для борьбы за конституционный порядок и национальные права, Милетич еще в начале 60-х годов провозгласил принцип: «быть сербами и гражданами», т. е. не ждать «дарования» национальных прав абсолютистской властью. Лидеры партии формально признавали за любым своим сторонником право развивать разные взгляды в области социальной, культуры и пр., лишь бы сохранялось единство в борьбе за национальную свободу. Аналогично другим течениям и группировкам, во главе которых стояли либеральные и демократические буржуазные круги, партия стремилась стать «общенациональной» и сгладить социальные конфликты в сербском обществе во имя единства национального движения. В партию входили как умеренные либералы, так и сторонники республики. Об антиклерикализме сербских народняков можно говорить в том смысле, что они отказывались признать право православной церкви на опеку над нацией.

Теоретической основой программы Милетича служило «естественное право»; на «историческое право» (привилегии, признанные за сербским населением австрийским монархом в конце XVII в.; речь шла о церковно-школьной автономии и денежных средствах соответствующих учреждений) Милетич ссылался постольку, поскольку второе соответствовало первому.

В ходе упорной избирательной борьбы при поддержке крестьянства партия провела в венгерский парламент в 1869 г. 2, в 1872 г. — 5, в 1875 г. — 2 депутата. Сотрудничая с румынами, украинцами, словаками, сербские народняки боролись за национальные права народов королевства. Но национального освобождения народняки ждали не от парламента, а в связи с решением восточного вопроса. Проблема Османской империи находилась в центре их внимания. В серии статей по восточному вопросу С. Милетич (в газете «Србски дневник», 1863 г.) и М. Полит-Десанчич [49*] изложили основы своей национально-политической ориентации. Оба выступили за создание конфедерации стран, расположенных к югу от Австрийской империи. Объединенное сербское государство должно было, возможно в федерации с Болгарией, стать частью этой конфедерации (Сербо-Болгарская

Федерация, Греция, Румыния). В отличие от более умеренного Полита, придававшего решающую роль в решении восточного вопроса политике держав, Милетич ориентировался на массовую народную борьбу [116]. Он считал, что массы рвутся в бой и следует лишь организовать их; для восстания против османской власти необходимо воспользоваться моментом, когда европейские державы будут вовлечены в очередной международный конфликт; только массовая борьба предотвратит решение восточного вопроса в интересах иностранных правительств и надежно обеспечит будущее балканских наций.

Объединение сербского народа в национальном государстве было целью политики и официальной Сербии. Основное требование, предъявлявшееся воеводинскими народняками к властям Сербии, — проведение энергичной политики против Османской империи, в связи с чем было необходимо сближение с Россией. Спор о внутривосточных порядках в Сербии был связан, в частности, с этим. Народняки считали, что лишь либеральная Сербия сможет успешно выполнить свою задачу. Конфликт, разгоревшийся между народняками и властями Сербии, явился следствием неудовлетворенности воеводинских народняков политикой князя Михаила и его преемников, по мнению народняков, нерешительной, а с 1867 г. — все более проавстрийской. Хотя народняки выступали за подготовку национальных восстаний лишь против Турции (в Австрийской империи они в основном придерживались легальных форм борьбы), габсбургские власти относились к ним как к «подрывной» группировке [137]. В борьбе против радикальных и республиканских устремлений народняков власти Сербии объединились с правящими кругами Австро-Венгрии.

Во второй половине 60-х — начале 70-х годов XIX в. большое влияние на распространение национального самосознания и активизацию освободительного движения оказала «Объединенная сербская молодежь» (Омладина), возникшая в 1866 г. в Воеводине по инициативе сербских студенческих обществ и деятелей Национально-свободолюбивой партии формально как культурно-просветительная организация. Омладина включала леволиберальные, буржуазно-демократические и некоторое время — революционно-демократические круги. Главная мысль, вдохновлявшая омладинцев, — объединение всего сербского народа в национальном государстве, просвещение народа в национальном духе, освобождение его от всякого деспотизма. Значение Омладины — в понимании ближайшей общенациональной цели и организации революционной борьбы против османского ига. Огромное воздействие на омладинцев оказали взгляды Мадзини: «Надеяться на бога и на самих себя, ни на кого больше», — утверждали они [50*]. Суверенитет балканских народов, невмешательство держав в их дела — такой была их позиция. Проникнутая романтизмом идеология Омладины прославляла историческое прошлое сербского народа, героическую борьбу против османского нашествия и т. д., превозносила свободолюбие и демократизм как «исконные» каче-

ства сербов. Но в социальной сфере позиция большинства оmlадинцев была либерально-просветительской: подъем благосостояния и культуры народа Воеводины они считали возможным в результате распространения знаний, бережливости, устройства кредитных заведений и т. п.

С 1867 г. официальная Сербия поддерживала новый режим в Венгрии, против которого воеводинские народняки и Омладина вели борьбу [Петровић Н., 38]. Радикализм Омладины был причиной разгона ее съезда сербским правительством в Белграде в 1867 г. и запрета ее венгерскими властями в 1871 г. Но вскоре на совещании в Цетине (Черногория) при участии оmlадинцев из Австро-Венгрии была организована «Дружина освобождения и единения сербов», в состав которой вошли буржуазно-радикальные и революционно-демократические деятели (В. Пелагич, Е. Маркович, А. Хаджич и другие). «Дружина» поставила целью организацию весной 1872 г. восстания в Боснии и Герцеговине при содействии греков, болгар и албанцев. По плану «Дружины» восстание должно было привести к русско-турецкой войне и освобождению Балкан. Сербия могла бы сначала формально сохранять нейтралитет, но в случае успеха восстания занять Боснию и Герцеговину. Этот план, печать на который наложил успех гарибальдийских методов борьбы и в который его создатели, ввиду крайнего недостатка собственных сил, посвятили сербских регентов, не был осуществлен: ему воспротивились правящие круги Сербии и русская дипломатия, стремившаяся избежать обострения международной обстановки [51*; Карасев, 1966]. Восстание вспыхнуло спустя три года.

После ликвидации Сербской Воеводины в 1860 г. программа сербского национального движения в Австрийской империи была сформулирована на так называемом Благовещенском соборе в апреле 1861 г. Большинство здесь имел блок умеренных либералов и консерваторов, стремившихся к сотрудничеству с двором, меньшинство — сторонники Милетича, которые тогда лишь начали спланиваться. Петиция собора, переданная императору (королю), содержала просьбу восстановить Воеводину как автономную область с абсолютным или относительным большинством сербского населения и официальным сербским языком; признавалось право употребления других языков в администрации несербских общин. Во главе области предусматривался сербский воевода, избираемый собором и утверждаемый королем. Собор предлагалось составить из представителей сербского населения разных имперских земель и других национальностей Воеводины.

Автономными делами, согласно петиции, были местное управление, сбор налогов, роспись рекрутов и суд (кроме верховного). Ими ведали бы областное собрание (скупщина) и совет (правительство) Воеводины. В остальном власти тех районов Воеводины, которые являлись до 1848 г. и после 1860 г. частью Венгрии или Хорватии-Славонии, соответственно подчинялись бы венгерским и хорватским властям. Таким способом авторы пети-

ции стремились подчеркнуть свое признание принципа «историко-политических индивидуальностей» и получить сочувствие венгерских и хорватских национальных деятелей своему проекту. Сфера старинных «привилегий», т. е. церковно-школьные дела и распоряжение национальными фондами, должна была находиться в ведении собора сербов всего государства [65, с. 13, 14].

Решения Благовещенского собора пронизывает желание приспособиться к устройству империи и обеспечить церковно-школьную автономию сербов и автономию Воеводины с привилегиями для сербской нации, для сербской буржуазии и церкви, хотя население юга Венгерского королевства было многонациональным. Авторы петиции стремились упрочить внутрисербские связи в империи, придав им политический характер. Одним из авторов резолюции собора 1861 г. был Дж. Стоякович, референт Венгерской придворной канцелярии в Вене, т. е. сотрудник Шмерлинга.

Несмотря на намерение Шмерлинга воссоздать Воеводину в качестве оплота против венгерских стремлений, среди правящих кругов монархии в 1862 г. возобладало мнение, что идти на уступки сербам опасно якобы ввиду подъема югославянского освободительного движения.

Сформулированная Милетичем [93, с. 147] программа Национально-свободомыслящей партии была принята на конференции в г. Велики-Бечкерек (совр. Зренянин) в 1869 г. Ее содержание: 1) поддержка венгерской оппозиции в ее борьбе за расширение самостоятельности Венгрии (личная уния); поддержка борьбы славян Австрии за национальные права; защита прав «хорватосербского народа» Триединого королевства и прав Трансильвании (т. е. прежде всего ее румынского большинства. — *Ред.*) на автономию и равноправную федерацию с Венгрией; невмешательство Австро-Венгрии в балканские дела, поддержка борьбы народов Балкан, а в случае войны — защита права сербов Австро-Венгрии помогать своим единоплеменникам на Балканах; 2) совместная с другими народами Венгрии борьба за признание их «национально-политического существования», разграничение комитатов с учетом их национального состава, признание прав национальных языков в общинах, комитатах, парламенте, в территориальных войсках (хонвед) и системе просвещения (Милетич соглашался с признанием венгерского языка официальным в центральных учреждениях королевства), признание за народами права на автономное управление просветительскими учреждениями, наконец новое рассмотрение требований об автономии Воеводины и учет пожеланий сербского населения Военной границы об ее устройстве при демилитаризации (возможно, создание здесь сербского округа); 3) «полная конституционная свобода» собраний, союзов, печати, неприкосновенность личности, равноправие вероисповеданий, свобода торговли и предпринимательства, развитие сети каналов и железных дорог, снижение налогов.

Выступая в принципе за ликвидацию верхней палаты венгерского парламента, программа вместе с тем соглашалась с особым представительством крупных землевладельцев и высших сановников в этой палате (пока она существовала) и требовала лишь представительства в ней национальностей. Вопрос расширения избирательного права не затрагивался. В Бечкерекской программе 1869 г. отсутствовало требование восстановления Сербской Воеводины. Это было уступкой как венгерским правящим кругам, так и другим национальным движениям, прежде всего румынскому, с которым сербские народняки стремились сотрудничать.

В дальнейшем по мере упрочения дуализма, усиления репрессий властей и активизации оппортунистических кругов сербской буржуазии программа была пересмотрена. Решение Бечкерекской конференции 1872 г. содержало признание «целостности владений венгерской короны» [117, с. 190]. Лидеры партии, в том числе Милетич, который не изменил своих принципиальных взглядов, пытались таким путем устранить выдвигавшийся властями аргумент о нелояльности партии. Правда, на первых порах содержание деятельности партии мало изменилось и она не избавилась от преследований. Сам Милетич в 1876 г. был вторично арестован (впервые он был подвергнут заключению в 1870—1871 гг.) и провел несколько лет в тюрьме.

После 1872 г. умеренное крыло народняков продолжало усиливаться, и в партии накапливались внутренние противоречия.

В отличие от большинства народов Австро-Венгрии, общественное движение которых к середине 70-х годов XIX в. переживало спад, на настроениях сербов монархии сказались перипетии Восточного кризиса 1875—1878 гг. Лишь австро-венгерская оккупация Боснии и Герцеговины в 1878 г. нанесла тяжелый удар освободительным устремлениям сербского народа, изменила политическую обстановку на Балканах и в самой габсбургской монархии.

7. Словаки

Раздробление Венгерского королевства после революции 1848 г. на дистрикты фактически привело к выделению словацкой этнической территории, которую составляли два дистрикта — Пожоньский (Братиславский) и Кошицкий. Здесь языком местных учреждений стал словацкий. Законы и распоряжения властей переводились на словацкий, а позднее на чешский язык. Но некоторых патриотически настроенных интеллигентов власти перемещали в другие районы монархии, в Словакию же было прислано много чешских чиновников и учителей.

Хотя в 40-е годы XIX в. Л. Штур и его последователи имели решающие успехи в вопросе о словацком литературном языке, после революции 1848—1849 гг. австрийское правительство, разгромив штуровцев, пользовалось советами консервативных венских чиновников-словаков во главе с Яном Колларом, отстаивав-

ших «старословацкий язык», — словакизированный язык Кралицкой библии («библичина» или «чехословенчина», т. е. «чехословацкий язык») в качестве литературного языка словаков [Моголба, 1969].

В 1851—1852 гг. чешский или словацкий языки были языками обучения в семи гимназиях, а в четырех — вторыми языками. В 1858 г. на территории Словакии было 25 гимназий. Из них на библичтине велось обучение в 8 гимназиях [446, с. 506]. Но лишь четыре из них можно считать истинно словацкими: в Модре, Турчански-св.-Мартине, Липтовски-св.-Микулаше и Банска-Бистрице. В народной (начальной) школе в период неоабсолютизма господствовал словацкий язык. С 1850 г. власти перевели на «чехословацкий» язык газету «Словенске новины», с 1852 г. ставшую официальным органом. Ее издавали сторонники Коллара. Однако они не имели заметного влияния на национальную жизнь словаков. Коллар умер в 1852 г., а основная масса словацкой интеллигенции признала и отстаивала штуровские принципы (после 1867 г., в условиях усиления национального гнета, теория «чехословацкого племени» вновь получила некоторое распространение).

На совещании в Братиславе в 1851 г. деятели национального движения — Й.-М. Гурбан, Ш.-М. Дакснер, В. Паулини-Тот, Ян Францисци и другие (католики и протестанты) — подтвердили свою приверженность литературному словацкому языку на народной основе. В 60-х годах на нем выходили газеты разных политических направлений. Этот язык окончательно утвердился в общественной жизни словаков в 50—60-х годах.

В 1849—1850 гг. колларовцы надеялись на закрепление национальных прав словаков в рамках имперской конституции 1849 г. Но сторонники Штура все более убеждались в том, что от Вены ожидать нечего. В связи с этим в их среде усилились русофильские настроения.

После революции в словацком национальном движении наметились идейно-политические различия, которые в 60-х годах привели к размежеванию течений. Большинство выступало против теории «венгерской политической нации», связывая эту позицию с политическими требованиями. Так, юрист Ш.-М. Дакснер в 1861 г. добивался признания национального суверенитета словаков на территории, где они живут компактной массой. «Венгрия, — писал он, — существует для нас лишь постольку, поскольку мы в ней живем, мы признаем ее постольку, поскольку находим в ней признание, и этим мы хотим сказать, что признание нашей народности — существенное условие, от которого зависит [...] единство Венгрии» [254, т. 1, с. 231]. Дакснер опирался на теорию «естественного права». Й.-М. Гурбан в 1869 г. доказывал, что словаки, как и другие народы Венгрии, — особая нация со своей территорией, языком, самосознанием, особенностями. Поскольку словаки не имели возможности сослаться на «историческое право», они нашли иной идеологический аргумент для дополнительного обоснования своих требований: идеологи движения

доказывали право народа на национальное существование тем, что словаки являются автохтонным народом. Указанные идеи нашли выражение в газете «Пештьбудинске ведомости», выходящей с 1861 г. как орган национального движения. Здесь выделилась группа Й.-М. Гурбана, Ш.-М. Дакнера, Я. Францисци, епископа Ш. Мойзеса и других, которая находила опору среди большинства интеллигенции, мелкой буржуазии (в основном сельской) и части крестьян. Она получила название «Старой школы».

В условиях дуализма Старая школа продолжала утверждать, что претензии венгерских правящих кругов на господство в Венгерском королевстве необоснованны потому, что более половины населения страны составляют другие народы, и что конституционные гарантии прав граждан недостаточны для равноправия, — равноправными должны быть народы и это следует гарантировать территориальной автономией [446, с. 533].

Политическая борьба утвердила лидеров Старой школы в их скептическом взгляде на возможность словацко-венгерского соглашения. Маневры и обещания австрийских властей после Октябрьского диплома 1860 г., слабость словацкого национального движения, консервативные и праволиберальные взгляды большинства его лидеров — все это обусловило возрождение у части их надежд на компромисс с австрийской властью. Напрасно Штур в сочинении «Славянство и мир будущего», ссылаясь на опыт 1848—1849 гг., предостерегал против «ослепления» австрославистскими надеждами. Старая школа считала возможным, что централистский режим пойдет на предоставление народам автономных прав по крайней мере в сфере культуры и администрации. Дакнер стремился убедить лидера архиконсервативных кругов эрцгерцога Альбрехта в том, что словацкому движению при его плебейском характере присуще «глубокое почитание трона [...] апостольского величества» [254, т. 1, с. 416—424]. «Пештьбудинске ведомости» доказывали, что эта ориентация неизбежна ввиду неуступчивости венгерской стороны. И все же австрославизм Старой школы за отдельными исключениями (Й.-М. Гурбан) имел чисто тактический, неискренний характер. Конечно, Старая школа, в особенности после 1867 г., не без оснований не верила в решение парламентом национальной проблемы в благоприятном для народов Венгерского королевства духе. Но главным для нее было неприятие революционных и радикальных методов борьбы. Это сказалось, в частности, во враждебном отношении к польскому восстанию 1863 г.

Более или менее последовательное выдвигание Старой школой идеи автономной Словакии в принципе выражало исторически прогрессивную тенденцию. Но ввиду идейно-политической ориентации Старой школы в условиях 1860—1866 г. эта позиция расширяла поле для маневров габсбургского двора. Естественно, что Старая школа резко осудила австро-венгерский компромисс 1867 г., заявив, что он ведет государство к гибели. Новое устройство каждой из двух частей империи она характеризовала как

«деспотический централизм», справедливо выразив таким путем негодование национальным бесправием своего народа. Но вместе с тем газета Старой школы продолжала утверждать, что «Австрия может найти свое величие лишь в славянах» [Holotík, 403, S. 739].

Идеологи национального движения упоминали «буржуазию» и «народ» в качестве основы будущей национальной жизни словацкого общества. Не имея широкой общественной опоры, они мечтали получить ее в результате дальнейших социальных перемен. Некоторые из них сочувствовали идее аграрных реформ в пользу крестьян, но, за редким исключением, опасались публично выступать с подобными требованиями (за защиту крестьян в их спорах с помещиками юрист В. Загорнацкий был отдан под суд). Аграрная проблема, насущная для крестьянства, не выдвигалась Старой школой, она не боролась за демократизацию политической жизни, которая только и могла открыть словакам возможности отстаивания национальных интересов. Кроме пропаганды национальных идей (просвещения народа), Дакнер считал необходимым добиваться укрепления национальных позиций путем развития мелкого «словацкого» кредита, подъема крестьянского хозяйства и проч.

Другое течение, зародившееся в начале 60-х годов и оформившееся в политическую группировку, — «Новую школу», после 1867 г. возглавили капеллан Ян Паларик, венский профессор теологии Ян Малы-Дусаров и Ян-Непомук Бобула, богатый песттский предприниматель, главный организатор Новой школы, финансировавший ее газету «Словенске новины». Новая школа опиралась на некоторых богатых финансистов и промышленников, а также на часть мелкого словацкого дворянства — земян [Holotík, 403, S. 741] и интеллигенции, главным образом студенчества; она стремилась распространить свое влияние и на рабочих. Новая школа представляла собой пестрый блок либералов («бобуловцев») и буржуазно-демократических кругов, которых объединило недовольство ориентацией Старой школы на австрийские правящие круги, почитанием Габсбургов и Романовых. Словацкая политика должна быть национальной и демократической, утверждали лидеры новой группировки. Новая школа утверждала, что только свободным волеизъявлением народов, усилениями народных движений, а не ожиданием покровительства со стороны Габсбургов или Романовых, можно добиться свободы. Ее агитация, направленная на разоблачение политики правящих кругов Вены и Петербурга, привлекала симпатии демократов. Новая школа, в отличие от Старой, приветствовала польское восстание 1863 г. Но если для левых Новой школы основным являлись буржуазно-демократические воззрения, то позицию бобуловцев отличали нападки на Старую школу, дополненные политическим приспособленчеством. Именно это и было важно для венгерского правительства после февраля 1867 г.

Позиция Новой школы объяснялась тем, что в эту группировку объединились общественные элементы, связанные с венгерской либеральной и буржуазно-демократической средой. В идеологии

Новой школы сказались интересы тех словацких буржуа, которые «врастали» в класс капиталистов Венгрии, в основном были довольны дуализмом, укрепившим позиции местного капитала перед лицом австронемецкой буржуазии, и которые опасались повторения неоабсолютистских «экспериментов» австрийской реакции. Это проявлялось в пропаганде взглядов, что венгерское национальное движение всесильно и следует ориентироваться на союз и компромисс с ним, что добиваться федерализации империи (или Венгрии) и автономии Словакии в этих условиях нецелесообразно, но надо удовлетвориться гарантией развития национальной культуры, школьного просвещения на словацком языке и т. п. Паларик, понимавший важность автономии Словакии, полагал, что борьбу за нее следует отложить до более благоприятного времени, очевидно, в условиях 1860—1866 гг., считая, что эта борьба выгодна Вене. С начала 60-х годов он поддерживал борьбу венгров, ратовал за восстановление конституции 1848 г.

Позиция Новой школы сложилась вследствие распыленности словацких буржуазных элементов, отсутствия национального социально-экономического ядра и политического центра, уступчивости словацких либералов перед лицом ассимиляторской политики правящих кругов.

Буржуазные демократы и левые либералы (Ян Паларик, Ян Малы, Й. Викторин и др.), говоря о необходимости материального и культурного подъема крестьян, в социальной сфере не выходили за рамки либеральных взглядов [Borodovčák, 445, S. 251].

Программа словацкого национального движения в 60-е годы XIX в. была сформулирована на большом собрании 6—7 июня 1861 г. в Турчански-св.-Мартине и получила название «Меморандум словацкого народа» [254, т. 1, с. 313—319]. Ее основными авторами были Ш.-М. Дакснер и Ян Францисци. В документе указывалось, что словаки являются автохтонным народом в Венгрии и поэтому должны иметь равные с венграми права. Первый пункт программы требовал признания самобытности словацкого народа и его языка и обеспечение их законом. Другой пункт гласил: «Нашу национальную самобытность признать на той территории, которую словаки в массе занимают. под названием Верхневенгерского словацкого Околя (края. — *Ред.*), с установлением границ для столиц (комитатов. — *Ред.*) по национальному принципу». Указывалось, что в Околье должно быть организовано словацкое управление и обучение в школах на словацком языке, разрешено создание литературных, экономических и просветительных обществ, словацкой юридической академии. Пределы автономии Словакии не были намечены. В качестве официального языка всего Венгерского королевства предлагался венгерский. Меморандум заканчивался лозунгом: «Единая, свободная, конституционная отчизна, а в ней свобода, равенство и братство народов».

После неудачной попытки добиться рассмотрения меморандума венгерским государственным собранием и роспуска собра-

ния Францем-Иосифом 22 августа 1861 г. деятели Старой школы ожидали уступок со стороны австрийских властей. При участии украинца А. Добрянского была составлена петиция, дополнявшая меморандум, и эти оба документа были в декабре 1861 г. вручены императору епископом Мойзесом, возглавлявшим депутацию словаков. Эта петиция, ставшая известной как Венский меморандум, была основана на двух требованиях мартинской программы: признать словаков как особый народ и выделить в рамках Венгрии словацкий дистрикт или край — Околье [254, т. 1, с. 363]. В проекте «Привилегии словацкого Околья» определялось правовое положение и внутренняя организация автономной Словакии (сейм с законодательным правом в сфере управления, суда и просвещения, административные и судебные органы). Столицей Словакии предлагалась Банска-Бистрица.

От Франца-Иосифа Венский меморандум попал в венгерскую придворную канцелярию, которая квалифицировала его как проявление сепаратизма, угрожавшего единству венгерского государства. Венгерское дворянство, державшее в своих руках управление в комитатах, населенных словаками, и слышать не хотело об Околье.

Венский меморандум и «Привилегии» содержали наиболее широкую национальную программу, которую когда-либо выработало словацкое национально-буржуазное движение. Но здесь не было требования демократизации политической жизни, не упоминались социальные, в том числе аграрная, проблема. И все же словацкий народ поддерживал «меморандистов», стремясь избавиться от власти венгерского дворянства — своего прямого классового противника.

Неудача петиционных акций способствовала усилению разногласий и размежеванию в национальном движении. Еще до собрания в Мартине Гурбан предлагал включить в меморандум просьбу отделить Словакию от Венгрии, создав из нее особую провинцию со своим сеймом. В Мартине он добивался того, чтобы меморандум был одновременно передан и в Пешт и в Вену, но был поддержан лишь меньшинством собравшихся. После собрания в Мартине влияние Гурбана возросло. Это привело к Венскому меморандуму и выделению сторонников будущей Новой школы.

В январе 1868 г. начала выходить газета «Словенске новины», в которой была опубликована программа Новой школы. Целью движения здесь указывалось достижение национального равноправия. Для этого программа считала достаточным самоуправление комитатов и развитие просвещения в национальном духе [Вялова, 107, с. 303]. Паларик и вся Новая школа возражали против Околья, считая это требование главным препятствием соглашению с венгерскими лидерами. В январе же 1868 г. в связи с предстоящим обсуждением в венгерском парламенте закона о правах национальностей был опубликован ряд словацких петиций. Из них наиболее важными были петиции, составленные от

имени 21 словацкой общины Спишской и 25 общин Липтовской столиц (комитатов) и содержавшие следующие основные требования: признание словацкой и других невенгерских наций и их прав; исправление границ комитатов в соответствии с национальным составом населения и применение в комитатах со словацким большинством родного языка в суде, управлении и школе; право собраний, создания научных обществ и т. д.; право вывешивать словацкий национальный флаг; учреждение кафедры словацкого языка в Пештском университете и словацких юридических учебных заведений [254, т. 2, с. 144—146; Вялова, 107, с. 305]. Руководство Старой школы считало петицию полезной, но упрекало ее авторов, примыкавших к идеям Новой школы, в игнорировании требования Околя.

Неуступчивая политика венгерского правительства в первой половине 70-х годов ослабила влияние Новой школы. Разногласия в среде Новой школы углубились; ее либеральное крыло все более правело и от ориентации на венгерскую оппозицию, на «партию 1848 года» перешло к поддержке венгерских правящих кругов, тем самым порывая со словацким национальным движением. В 1875 г. издание газеты «Словенске новины» прекратилось. Некоторые левые возвратились в лагерь Старой школы, другие отошли от движения [Holotik, 403].

Старая школа стала называться Национальной партией. Она боролась против политики мадьяризации, но так и не выдвинула демократической и социальной программы. Постепенно в ее среде росли надежды на освобождение со стороны России. В целом идейный застой в национальном движении был следствием крайне неблагоприятных социальных и политических условий. 60—70-е годы XIX в. не привели к включению формирующейся словацкой национальной буржуазии в движение: часть буржуазии подверглась мадьяризации, другие ее представители выступали за политику крайнего оппортунизма или переходили на службу режиму.

8. Румыны

После 1849 г. торжествовавшая победу австрийская реакция не щадила своих «союзников». Вооруженные отряды румын и местные румынские органы власти, во время революции созданные в Трансильвании австрийским командованием, были распущены. Румынские деятели в Трансильвании, разочарованные оборотом событий, либо должны были сойти со сцены, либо удалиться в изгнание.

В условиях неабсолютизма главной формой национального движения румын не только Австрийской империи, но и оккупированных Дунайских княжеств, стала деятельность эмигрантских организаций — таких, как Румынский демократический комитет, Революционный комитет 1848 г., Румынская ассоциация помощи эмигрантам и другие. Задачу разработки общей идейно-политической программы эмиграции взял на себя виднейший румынский

патриот и революционер Н. Бэлческу. Поставленной цели отвечал выдвинутый им в 1851 г. лозунг: «Справедливость — братство — единство». Прокламация Бэлческу «Румынскому народу!» от 3 (15) сентября 1850 г. и другие вышедшие из-под его пера документы свидетельствуют об усилении буржуазных черт и социальных элементов в идеологии национального движения румын в этот период.

Программа Бэлческу предусматривала совершение в будущем «трех революций» с целью достижения социальной эмансипации, политического единства и национальной независимости. Под социальной эмансипацией понималось не только обеспечение политических свобод и равноправия граждан, но и наделение земель крестьян. Но Бэлческу не указывал пути решения аграрно-крестьянской проблемы. По-прежнему во главу угла ставились национально-политические задачи, что являлось условием сотрудничества различных по оттенкам и социальной принадлежности патриотических групп. Национальная революция должна была решить задачу «румынского единства» на базе общности национальности, истории, языка, религии, чувств, обычаев, географического положения. Такая национальная революция, полагал Бэлческу, необходима для того, чтобы румыны могли «сохранить себя». Конечной же целью должно было стать государственное единство румынского народа. «Наша цель — основать королевство Дакию», — отмечал Бэлческу в письме А.-Г. Голеску весной 1850 г. [279, т. 2, с. 214; 489, с. 42].

После поражения венгерской революции в 1849 г., сделавшего для династии ненужным заигрывание с румынским национальным движением, последнее было вынуждено отказаться от замыслов создания «Великой Дакии» под скипетром Габсбургов и поставить перед собой более скромные цели. Национальное равноправие и ликвидация новых административных границ, разделивших румынское население Венгрии и Трансильвании, стали в первые годы неабсолютизма главными требованиями румынских деятелей. Особенно актуальным было второе требование, ибо отторжение от побежденной Венгрии Трансильвании и образование «Сербской Воеводины и Тимишского Баната», — новой провинции, которой управляли высшие чины в Вене, ухудшили условия национального развития румын. Их недовольство вызывало включение значительных территорий с румынским населением в состав административной единицы, в которой официально «привилегированный» элемент — сербы находились в меньшинстве. В декабре 1849 г. церковные и буржуазные круги банатских румын обратились к императору, выражая протест против подчинения их новой администрации (в Воеводине было всего 6 чиновников-румын против 309 сербских, 69 немецких и 62 мадьярских чиновников [52*; 487, с. 385]), а также сохранения их зависимости от сербской церкви. В меморандуме арадского епископа, направленном Францу-Иосифу в январе 1850 г., содержалась просьба о создании, наподобие Хорватии, единой румынской

автономной единицы с центром в Блаже (Трансильвания). В этом требовании, хотя оно и было обращено не по адресу, ибо создание национально однородных областей в империи не входило в расчеты австрийского абсолютизма, отразилась одна из главных буржуазных тенденций — стремление к объединению всех румын Австрийской империи.

В начале 60-х годов создались условия для политического выступления румынской либеральной буржуазии. В связи с тем, что венгерская оппозиция после краха абсолютизма поставила условием примирения с короной восстановление унии Трансильвании с Венгрией на основе «государственного права», лидер либералов Г. Барициу указывал, что румыны не приемлют ссылок на «исторические права» и хотят действительной свободы, но согласятся на унию, если будут отменены ущемляющие их законы, обеспечено равноправие их языка с венгерским, проведены выборы на основе умеренного имущественного ценза, а чиновники будут назначаться пропорционально численности каждой национальности.

Барициу подчеркивал, что румыны хотят решения трансильванского вопроса совместно с венграми, но на основе признания их национальных прав [53*]. Программа, выработанная под его руководством в июне 1860 г., включала новые положения: созыв национального конгресса всех румын империи, приближение административных границ к этническим, пропорциональное представительство национальностей в государственных органах, свобода слова, печати, объединений и т. д. Барициу в сущности предлагал союз венгерскому национальному движению. Однако несмотря на активизацию буржуазных слоев, прежде всего интеллигенции, и авторитет Барициу, связанного с брашовской группой торговцев и отстаивавшего экономические интересы румынской буржуазии Трансильвании, церковно-клерикальные круги, возглавлявшиеся православным митрополитом Андреем Шагуной, по-прежнему, как и в 1848 г., оказывали решающее влияние на идейно-политическую ориентацию румынского национального движения. Этому способствовали сближение между православной и униатской церквями, к которым принадлежало румынское население, и покровительство им со стороны венского двора. Превращение Блажской униатской епископии в архиепископство в 1851 г. с включением униатского населения не только Трансильвании, но и Венгрии (что придавало ей видимость автономной национальной церкви) и отделение православных румын от сербской церкви в 1863 г. с возведением в следующем году Шагуны в сан архиепископа (митрополита) способствовали существенному возрастанию политического и идеологического влияния румынского духовенства. Князья церкви были по существу единственными представителями румын, с которыми двор снисходил до переговоров, будучи уверенным в их лояльности. Шагуна, например, был убежден, что именно Габсбурги подняли румын «из пыли» и что от них исходит «всякое добро и облегчение».

Сама румынская буржуазия была немногочисленной, очень слабой экономически и умеренной политически. В этих условиях буржуазные лидеры вроде Барициу, которые не разделяли консервативных и верноподданнических взглядов церковнослужителей, фактически подчинились им. Представители либеральной буржуазии были оттеснены от руководства движением. В январе 1860 г., когда Вена позволила созвать конференцию румын в Алба-Юлии, среди ее делегатов был всего один торговец, а крестьянство вообще не было представлено. Целью консерваторов было недопущение унии Трансильвании с Венгрией и сохранение статус-кво. Поскольку эта цель совпадала с намерениями двора и правительства, последние поощряли активность обеих румынских церквей. В январе—феврале 1861 г. правительство созвало совещание представителей национальностей в Алба-Юлии, в котором впервые приняли участие румынские представители (по 8 от румын и саксов и 24 венгра). Шагуна и митрополит униатской церкви А. С. Стерца-Шулуциу, заверив, что румыны не будут стремиться к созданию «дако-румынской империи», потребовали признания румын «политической нацией» как условия унии Трансильвании с Венгрией. Венгерские делегаты, однако, объявили, что считают закон об унии 1848 г. сохраняющим силу. Позиции сторон расходились диаметрально. Это способствовало упрочению влияния румынских консерваторов в национальном движении.

Таким образом, Шагуне и его сторонникам удалось создать видимость «национального единства» и ориентировать национальное движение на поддержку политики венского двора не только в Трансильвании, но и в масштабе всей монархии. В 60-х годах румынское движение в Трансильвании оказалось по существу единственной среди угнетенных народов как в Австрии, так и в Венгрии, политической силой, которая безоговорочно шла в фарватере политики австрийского правительства. В ответ на незначительные уступки румынские лидеры отбросили лозунг объединения всех румын монархии, выступили за сохранение статус-кво Трансильвании.

Созванное в 1863—1864 гг. в Сибиу (Надьсебене) трансильванское государственное собрание, в котором румыны располагали относительным большинством, приняло решение о признании Октябрьского диплома 1860 г. и Февральского патента 1861 г. и посылке делегации в рейхсрат, который бойкотировали почти все остальные угнетенные народы империи. Попытка Барициу обусловить участие румын в рейхсрате предварительной гарантией автономии Трансильвании не нашла отклика у консерваторов, слепо преданных двору. Ответной уступкой династии явилось разрешение государственному собранию обсудить законопроекты о равноправии румынских церквей и равноправии румынского языка с венгерским и немецким. Добиться главной своей цели — автономии Трансильвании руководящие круги румынского движения не сумели, в частности потому, что союзу

с собственными народными массами и с национальными движениями других народов они предпочли сговор с реакционными правящими кругами. Эта ориентация руководства национального движения не отражала социальных, экономических и политических интересов более широких слоев буржуазии и народных масс. Венский двор отказался от услуг своего верного союзника, как только представилась возможность для сближения с венгерской оппозицией. Уже в 1865 г. с одобрения австрийского правительства были предприняты шаги к восстановлению венгерского господства в Трансильвании и к ее возвращению в состав Венгрии. Не только Шагуне, но и буржуазным лидерам Г. Барициу и Т. Рациу, ничего иного не оставалось, как снова обращаться к Вене с просьбой, правда, подкрепленной тысячами подписей, о предоставлении краю автономного статуса. Прогабсбургская ориентация румынского национального движения потерпела фиаско в момент казалось бы наибольшего своего успеха.

Воспользовавшись установлением в монархии 1867 г. конституционных порядков, румынские буржуазные круги стали создавать свои политические организации. В 1869 г. возникли Румынская национальная партия в Банате и Национальная партия трансильванских румын [Pascu, Constantinescu, 1968]. Образование двух партий, несмотря на то, что ввиду объединения Трансильвании с Венгрией административные границы, разделявшие румынское население обеих стран, были устранены, показывало, что различия в идеологических и политических позициях румынской буржуазии Трансильвании и Баната, ярко проявившиеся в 1848—1849 гг., не были преодолены и в первые годы дуализма.

Программа румынской буржуазии Трансильвании была изложена в «Пронунциаменте» (манифесте), провозглашенном на совещании в Блаже 2(14) мая 1868 г. Его авторы, отвергнув унию, а практически также и дуализм, предупреждали об опасности, созданной «румынской нации, языку и религии», и требовали предоставления провинции автономии, восстановления трансильванского государственного собрания и принятых им в 1863—1864 гг. законов. Иными словами, эта программа не содержала ничего нового, оглядывалась назад и тем самым сужала общественную базу борьбы румынского народа за свое социальное и национальное освобождение.

Однако ввиду невозможности осуществления этой программы в условиях дуализма, Национальная партия трансильванских румын решила прибегнуть к тактике пассивного сопротивления и бойкотировать парламент, что не могло способствовать мобилизации сил даже для борьбы за ограниченные цели буржуазного руководства (тем более, что румынские крестьяне вопреки его призывам нередко участвовали в выборах и под давлением властей отдавали свои голоса кандидатам правительства).

Национальная партия румын Баната в противоположность этому объявила о намерении вести активную борьбу против системы национального гнета и за автономию Трансильвании. Важ-

ное значение имело то обстоятельство, что партия объявила о солидарности с сербами, хорватами, словаками и всеми угнетенными народами монархии. Это было развитием определившейся ранее тенденции румынских либеральных кругов в Банате, направленной на сотрудничество всех национальных движений Венгрии против австрийского централизма. Еще в 1861 г. в венгерском государственном собрании адвокат и публицист В. Бабеш, депутат банатских румын, выступил за национальные права румынского населения Трансильвании и Баната и действия румын «рука об руку с братской венгерской нацией». Были предприняты попытки наладить сотрудничество с недовольной дуализмом венгерской оппозицией в парламенте, где усилиями румынского помещика А. Мочони и сербского лидера С. Милетича функционировал клуб румынско-банатских и сербских депутатов.

В 1868 г. А. Мочони и С. Милетич представили парламенту совместный проект закона о национальном равноправии в Венгрии, который содержал такие положения: в Венгерском королевстве проживают шесть равноправных «исторических государственных национальностей», т. е. мадьяры, немцы, румыны, словаки, сербы, украинцы; кроме автономных Хорватии-Славонии и Трансильвании, национальные права народов осуществляются в рамках комитатов или округов, созданных в зависимости от языка большинства населения; свободное употребление языков на всех уровнях власти; пропорциональное представительство наций в органах центральной власти; создание национальных учреждений для защиты материальных, религиозных и культурных интересов каждого народа. Проект был подготовлен 16-ю румынскими, 7-ю сербскими и 1-м украинским депутатами. Это был первый в истории дуализма совместный документ и первое солидарное выступление представителей угнетенных народов Венгерского королевства.

Вновь сказалось стремление части румынской буржуазии ослабить связь Венгрии с Австрией: Мочони в 1871 г. защищал программу персональной унии этих двух стран.

Венгеро-румыно-сербское сотрудничество в пештском парламенте было наиболее интенсивным и плодотворным в 1870—1872 гг., но оно теряло силу по мере консолидации режима. Параллельно с этим ослабевало как «активное», так и «пассивное» сопротивление дуализму со стороны румын. Пользовавшаяся весьма ограниченным влиянием в массах румынская буржуазия, долгое время ожидавшая милостей от двора, но склонная к компромиссам и с венгерской верхушкой, уже в 1872 г. проявила готовность добиваться своих ограниченных целей в рамках дуалистической системы. Национальная борьба румын вновь оказалась отброшенной назад, в сферу национально-культурных и языковых реформ. Требования равноправия румынского языка, улучшения школьного дела, расширения избирательных прав, допуска румын ко всем государственным должностям, финансирова-

ния церкви за счет казны и т. п., выдвинутые в 1872 г., надолго составили платформу национальной борьбы румын в дуалистической Венгрии.

9. Поляки

Поражение революции 1848 г. нанесло удар революционно-демократическому течению в Галиции. В начале 50-х годов здесь действовала организация Ю. Госляра, выступавшая с той же антиавстрийской революционно-демократической программой, которая была разработана в годы революции. Но в 1852 г. Госляр был казнен, организация разгромлена, и в дальнейшем взгляды революционной демократии в Галиции проявления не получили. Рупором этих взглядов выступала часть польской эмиграции.

Главной социальной силой в Галиции в 50—70-х годах XIX в. оставалась шляхта. Господствующей была и идеология помещиков, отражавшая их стремление закрепить свое экономическое и социальное преобладание и добиться политической власти. Значительная их часть еще с конца 40-х годов ориентировалась на соглашение с монархией, видя в ней гаранта своего господства в галицийском обществе. От Габсбургов они надеялись получить автономию Галиции. Программу сотрудничества с правительством выдвинул граф А. Голуховский, наместник Галиции в 1849—1859 гг. Но так как соглашательство («угода») в условиях реакции требовало открытого отказа от лозунга независимой Польши, курс Голуховского в 50-х годах не нашел широкой поддержки даже среди магнатов. Часть их во главе с графом Л. Сапегой делала акцент на развитии национальной экономики и культуры, но этот «органический труд» представлял собой не протест против централизма, а скорее пассивную форму соглашательства с ним. Даже в теоретических построениях консервативных экономистов, например Ю. Дунаевского, предусматривалось решение социально-экономических проблем Галиции монархией Габсбургов [296, т. 3, ч. 1, с. 864]. Позиция галицийских помещиков, уступавших давлению австронемецкого капитала, наносила урон развитию польской промышленности и торговли [275, с. 10, XIII].

Стремление помещичьей и буржуазной верхушки упрочить свои позиции, разделив власть в Галиции с венской администрацией, нашло выражение в идеологии так называемых краковских консерваторов. Во главе этой партии стояли представители крупной шляхты (граф А. Потоцкий, П. Попель) и финансовых кругов (А.-З. Хельцель). В их распоряжении находилась газета «Час» («Время»). Их верноподданнические выступления, которые в 1858—1859 гг. осуждал даже парижский центр польской аристократическо-консервативной эмиграции во главе с князем А. Чарторыским («Отель Лямбер»), были рассчитаны на получение автономии Галиции и закрепление господства шляхты.

В назначении Голуховского в 1859 г. австрийским министром внутренних дел и в Октябрьском дипломе 1860 г. галицийские консерваторы увидели готовность монархии осуществить автоно-

мистско-консервативную перестройку государства. Приветствуя диплом, «Час» излагал программу автономии Галиции: полонизация школ, учреждений и судов, расширение прав сейма, предоставление полякам административных постов [54*]. Краковский съезд помещиков и мещанства в адресе правительству 31 декабря 1860 г., требуя решения важнейших вопросов, касающихся Галиции, сеймом и введения польского языка в администрации и народном образовании, ссылаясь на «историко-политическую национальную индивидуальность» Галиции [364, т. 2, с. 105—110].

Аристократическая эмиграция одобрила программу краковских консерваторов и приветствовала умеренность адреса. Деятели Отеля Лямбер считали, что в Галиции существуют более благоприятные, чем в других польских землях, условия для национального развития, но уступки со стороны Австрии интересовали их лишь как шаги к получению Польшей политической независимости. По мнению аристократической эмиграции, Октябрьский диплом давал возможность «зацепиться» за провозглашенные им принципы и поставить польский вопрос на международной арене. Курс «умеренной оппозиции», который А. Чарторьский и его сторонники из Отеля Лямбер предлагали, диктовался задачей завоевать благосклонность Габсбургов и связать их с делом восстановления Польши. По этому замыслу автономия могла стать ступенькой к персональной унии возрожденной Польши с империей Габсбургов [Zdrada, 1967]. 14 июля 1859 г. В. Замойский писал А. Чарторьскому, что Австрия может сделать себе из Галиции «щит и оружие для достойнейших целей». «Хотя бы нам и пришлось долго ждать полного решения судеб Польши, — заявлял он, — Галиция уже в самой себе может развить столь великую силу, что сумеет быть и терпеливой и верной государству, которое в такой степени возвратит ей жизнь» [317, т. 6, с. 301]. В речи А. Чарторьского 29 ноября 1860 г. говорилось, что Австрия якобы осознала свою заинтересованность в восстановлении Польши как средстве спасения монархии от развала. Князь призывал использовать это для развития автономии Галиции, рассчитывая, что «жизнь одной провинции согреет остальные». Тем самым провозглашалась программа превращения Галиции при поддержке Австрии в «польский Пьемонт». Шагом на пути к объединению польских земель должна была стать широкая автономия Галиции и назначение ее наместником австрийского эрцгерцога. С таким предложением представители Отеля Лямбер обратились к Габсбургам [Zdrada, 1967].

Концепцию объединения Польши под властью Габсбургов разделял весь галицийский консервативный лагерь. Проект австрийской секундогенитуры для Галиции и Королевства Польского (т. е. признания Габсбурга польским королем) ставил перед Наполеоном III Голуховский. Но если в планах Отеля Лямбер акцент ставился именно на восстановлении Польши, то для краковских консерваторов разрешение его откладывалось на необозримый срок, главными же признавались местные интересы — упрочение

власти крупных собственников путем предоставления краю автономии [Zdrada, 1970]. Свидетельством этого было признание сеймом Февральского патента и согласие участвовать в работе рейхсрата. Хотя наказ галицийского сейма своей делегации в рейхсрате требовал, не ограничиваясь интересами Галиции, ставить польский вопрос в целом, на практике речь шла о соглашении с Веной. Наказ сейма предписывал Польскому ко́ло (фракции) в рейхсрате бороться за широкую автономию края, введение польского (а частично и украинского) языка в учреждениях, школах и университетах, предоставление церковных и административных должностей только жителям Галиции. Отстаивая автономию провинций против централизма и германизма, Польское коло выступало за самостоятельность Венгрии, но против включения Галиции в невенгерскую часть империи. Однако его программа не акцентировала ни общепольских целей, ни требования федерализации монархии. Правда, коло поддержало клуб автономистов рейхсрата, требовавший отмены Февральского патента и введения федерации и широкой автономии земель. Польские депутаты стремились примирить чехов, словаков, хорватов и румын с венграми, на помощь которых в деле достижения автономии Галиции они рассчитывали [Zdrada, 1963 (a)].

Среди краковских консерваторов большое влияние имели А. Потоцкий, Ю. Дитль и другие, выступавшие против борьбы за федерализм и союза с автономистами. Они считали, что легче добиться автономии Галиции, не связывая этого вопроса с требованиями других народов. Позиция чешских автономистов казалась им слишком радикальной: для чехов единственным врагом был германизм, и они последовательно боролись против него; галицийские же политики боялись и царизма, и галицийского крестьянства, а потому ставили более скромные цели. Вопрос о союзе с федералистами вносил разногласия в среду консервативных членов фракции (коло). Существовали расхождения по ряду вопросов и с так называемыми подоляками — представителями восточногалицийских помещиков (К. Грохольский, Т. Городиский, К. Дзедушицкий и другие). Выступая за «единство нации», сглаживание социальных и национальных конфликтов, необходимое для борьбы за автономию, группа Потоцкого, в согласии с Отелем Лямбер, требовала уступок украинцам, более гибкой тактики по отношению к крестьянам. Но перевес в Польском коло получили подоляки — ярые противники компромисса с украинскими крестьянами.

Однако в главном краковские консерваторы и подоляки шли вместе: они выступали против крестьян, боровшихся за ликвидацию феодальных пережитков, и были согласны на компромисс с Габсбургами при условии укрепления «порядка» в крае и получения автономии. Польское коло, выступая в качестве опоры консерваторов в общеавстрийском масштабе, препятствовало «левым» в рейхсрате в проведении конституционных реформ. Галицийские консерваторы ненавидели австрийский либерализм, ото-

ждествляли его с централизмом и протестантством и заявляли, что не могут «объединиться с Австрией — шмерлинговско-централистично-доктринерско-конституционной утопией». Надежды на федерацию автономных провинций под властью Габсбургов Ю. Клячко связывал с укреплением Австрии как «католической и феодальной державы», оплота против России. Под лозунгом защиты католицизма провозглашалась идея «польского славизма» как антитезы «русского панславизма», предусматривалось ведение проавстрийской пропаганды на Балканах [209, с. 288].

К консервативному лагерю принадлежала масса помещиков и верхушка буржуазии. Средняя и мелкая буржуазия, интеллигенция, ремесленники, а также часть шляхты поддерживали либеральную партию «львовских демократов». Руководящие позиции в ней занимали представители интеллигенции — адвокаты (Ф. Смолька, Ф. Земьялковский), журналисты и т. п. Либералы выдвигали программу развития национальной экономики и культуры. Однако вследствие экономической отсталости Галиции и отсутствия условий для развития крупной промышленности программа развития края не получила конкретной разработки [296, т. 3, ч. 1, с. 332, 865]. Она отражала интересы интеллигенции, стремившейся вытеснить немецких чиновников, и зажиточных ремесленников, освобождавшихся от цеховых рамок. Их социальные требования сводились к отмене сословных привилегий, предоставлению возможности общественного продвижения представителям мещанства. Аграрных лозунгов либералы не выдвигали, с крестьянством связаны не были и не поддерживали их депутатов в сейме. Они боялись движения масс и революционных методов борьбы как в сфере социальной, так и в национальной.

Австрийский централизм вызвал неудовольствие «львовских демократов». Лучшее обеспечение интересов буржуазии и интеллигенции они видели в преобразовании Австрии в федерацию пяти автономных провинций — немецкой, венгерской, чешской, хорватской и польской [275, с. XIV, XXI]. Программа федерализма, возникающая в разгар контактов Смольки с венгерскими и чешскими политиками во время революции 1848 г., не учитывала интересы ряда народов империи. В отношении украинцев Смолька занимал позиции, близкие подолякам. В 1860 г. «львовские демократы» под нажимом своего правого крыла во главе с Земьялковским одобрили составленный консерваторами адрес императору. Компромиссную позицию занял Смолька в 1861 г. в Польском коло, где его союзниками выступал ряд помещиков. Курс либералов на активную борьбу против централизма в союзе с чехами был отвергнут [Zdrada, 1963a]. Не удалась им и последовательная защита «общепольской» позиции, хотя в прессе они критиковали кбю за выступление в качестве галицийской, а не польской делегации. Смолька обосновывал требование автономии Галиции пробуждением национальных чувств, историческими правами, экономической и культурной спецификой края. Но, по мнению Смольки, в силу этой специфики кон-

ституционные свободы без автономии повредили бы Галиции; иными словами, он боялся, что демократизация обострит социальные и национальные конфликты, а местные имущие классы, не имея в руках власти, не смогут сохранить «порядок». Эти опасения толкали либералов к поддержке усилий консервативной оппозиции в рейхсрате, направленных против конституционных реформ в империи.

Классовая ограниченность национальной программы как консервативных помещиков, так и либеральной буржуазии проявилась во время восстания 1863 г. в Королевстве Польском. Весь буржуазно-помещичий лагерь Галиции боялся революционной борьбы масс, но не прочь был использовать ее в целях завоевания автономии Галиции, а быть может, и восстановления польского государства, которое находилось бы в политической связи с Австрией. В письме В. Чарторыскому в 1863 г. Л. Сапега излагал план введения в Галиции польского языка в качестве официального, передачи администрации края в руки поляков, назначения «польского канцлера», обеспечения известной автономии провинции. Предполагалось требовать восстановления Польши в границах после ее первого раздела и передачи ей галицийских территориальных полков австрийской армии (около 80 тыс. человек) [Zdrada, 1967]. Осуществление этой программы должно было произойти в результате вмешательства держав, прежде всего Австрии и Франции, а освободительная борьба народа служила бы козырем в дипломатической игре.

Соответствующий курс «белых» в Королевстве Польском был одобрен галицийскими консерваторами и либералами. Созданный в 1862 г. во Львове «белый» комитет (Ф. Земьялковский, Ф. Смолька, А. Сапега и А. Дзедушицкий) проводил всю работу по организации помощи восстанию так, чтобы не допустить перенесения борьбы в Галицию. Как писал деятель левого крыла «львовских демократов» Г. Шмитт, члены комитета не верили в завоевание независимости силами народа, ориентировались лишь на достижение автономии, стремились замкнуть шляхетскими рамками организацию помощи восстанию и поддерживать его лишь для того, чтобы сохранить предлог для вмешательства держав [504, т. 3, с. 93—104]. При этом акцентировалась «благонмерность» повстанцев в отношении империи Габсбургов [255].

Но в кругах мелкой буржуазии, ремесленников, интеллигенции и учащейся молодежи Галиции лозунг борьбы нашел широкий отклик. Еще накануне восстания они установили связь с эмиграцией и «красными» в Королевстве Польском, участвовали в создании галицийской «красной» организации (Главная галицийская рада с «лавами» — отделениями во Львове и Кракове) [160, с. 189, 255], а в 1863—1864 гг. шли в отряды, формировавшиеся в Галиции в помощь повстанцам. В восстании эти слои видели путь освобождения от австрийского господства, мешавшего развитию экономики Галиции, свободному использованию сил и способностей ее граждан [464, с. 73—75].

Галицийские радикалы были слабы, не сумели идейно и организационно обособиться от либералов и повести за собой даже «красную» организацию. Так, Главная галицийская рада в Кракове, боясь перенесения борьбы в Галицию, призывала избегать столкновений с австрийскими властями. Однако само провозглашение антиавстрийского курса и попытки радикалов захватить руководство движением беспокоили консервативно-либеральные круги. Особенно страшила их активность масс, и прежде всего крестьянства, которое в ряде мест охотно включалось в восстание. Наиболее реакционное крыло шляхты помогало властям преследовать членов нелегальных организаций и добивалось введения военного положения в крае.

Комиссар польского повстанческого Национального правительства С. Эльжановский, имея в виду шляхту, писал, что нигде не было столь холодного отношения к восстанию, как в Галиции [504, т. 3, с. 58—61]. Подъем демократического движения сблизил галицийские имущие классы с австрийским правительством, заставил искать у него поддержки. Произошла консолидация господствующего лагеря, сближение консерваторов с либералами, особенно с их правым крылом. После восстания 1863 г. расцвело австрофильство. Несмотря на позицию Австрии во время восстания, Клячко восхвалял ее отношение к польскому народу [336, т. 1, с. 65—71, 92]. На Австрию возлагали надежду те, кто в гибели восстания 1863 г. увидел крах расчетов на восстановление Польши революционным путем. Часть шляхты пришла к выводу, что вопрос о независимости нужно снять с повестки дня. В открытом письме Е. Любомирскому в 1865 г. П. Попель протестовал против того, чтобы предназначать Галиции роль «польского Пьемонта». Он требовал осуждения восстания и отказа от «всяких преждевременных попыток добиться политического существования», которые приведут к опасному обострению классового и национального антагонизма в Галиции. Отказ поляков от революционных методов, по его мнению, должен был стать гарантией того, что автономия не будет использована против центральной власти [417, т. 1, с. 68—76].

Если Попель и другие «старые» консерваторы полностью отвергли «общепольские» планы, то связанные с Отелем Лямбер «молодые» издатели «Часа» (С. Тарновский, С. Козьян, Ю. Шуйский и другие) сохраняли надежду на австрийскую инициативу в деле восстановления Польши. И те и другие считали актом доброй воли Вены амнистию повстанцам и создание в 1865 г. консервативного кабинета Белькреди, склонного к признанию автономии провинций. Одновременно шляхта добивалась установления в крае социального и национального «порядка»: были проведены и одобрены Веней консервативные реформы, претензии крестьян к крупным землевладельцам сурово подавлялись. Делались также попытки провести антиукраинские законы, но «молодые» консерваторы, учитывая социальный аспект украинской проблемы, требовали ее компромиссного разрешения. Путь уме-

ренности вообще был объявлен единственно верным. В феврале 1866 г. Ю. Шуйский призывал действовать в духе «терпимости» и «конструктивно», и, как он писал, «не требуя чудес [...] героических скачков и блестящих проявлений национального духа» [57*, с. 249—255].

Лоялизм подогревался надеждами, связанными с назначением А. Голуховского наместником Галиции и начавшейся колонизацией администрации края. В декабре 1866 г. сейм принял верноподданнический адрес императору, в котором сторонники Голуховского и краковские консерваторы просили в интересах процветания Австрии даровать автономию провинциям. Заверяя, что поляки поддержат «историческую миссию» Австрии защищать «западную цивилизацию» от России, авторы адреса заявляли: «При тебе, светлейший государь, мы стоим и стоять желаем» [275, с. 98—99]. Таким образом, лоялистской программе придавался «патриотический» оттенок.

В брошюре «Несколько истин из нашей истории для размышления в настоящий момент» (1867 г.) Ю. Шуйский высмеивал взгляд, будто достичь «высших национальных целей» — свободы и независимости — можно силами самого народа. Для Польши, утверждал он, эпоха восстаний кончилась, обоснованным теперь является путь созидания и «органического национального развития» в рамках габсбургской монархии. Шуйский призывал Габсбургов спасти империю, отказавшись от централизма и использовав «идею национальных государств».

Брошюра Шуйского появилась в 1867 г., когда в связи с дуализмом особенно остро встала проблема статуса Галиции в империи. Поэтому в брошюре федерализм противопоставлялся дуализму и всем комбинациям, ведущим к преобладанию немецкого, славянского или венгерского большинства [Zdrada, 1963 (a)]. Но были в консервативном лагере и голоса в пользу триализма — объединения Габсбургами австрийской, венгерской и польской корон. Тогда же у политиков круга Земьялковского родилась мысль о выделении Галиции в рамках дуалистической монархии [Zdrada, 1963 (б)]. Однако основная часть консерваторов и либералов выступала в 1867 г. за федерализм, рассматривая восстановление прав Венгрии как шаг на пути к федерализации Австрии. Рассчитывая на помощь венгров, галицийские деятели призывали к польско-венгерскому союзу и требовали разъяснить венграм и славянам опасность дуализма для монархии. Либеральная «Газета народов» считала, что дуализм означал бы гибель для Польши, так как славянские народы бросились бы в объятия панславизма. «Наш национальный интерес диктует, — писала газета, — чтобы равная справедливость была оказана всем историческим народам, ибо только тогда Галиция сможет сохранить данный ей статус» [55*]. Не требовать уступок, которые могли бы повредить единству и мощи империи, и добиваться автономии для всех ее народов советовал и Отель Лямбер, призывавший к объединению венгров, чехов и поляков против панславизма.

Вновь и вновь эти проекты ограничивались «историческими» народами.

Не зная, что вопрос о дуализме уже решен Веной, галицийские автономисты проводили выборы в сейм в 1867 г. под лозунгами политических свобод, ответственности министров перед парламентом, суда присяжных. Эти требования галицийская делегация должна была отстаивать в рейхсрате. Польский помещичье-буржуазный лагерь стремился не допустить в сейм представителей польских и украинских крестьян, украинского населения вообще (краковские консерваторы соглашались предоставить украинцам «равноправие», требуя взамен от них лояльности в сфере социальной и национальной и отказа от прорусской ориентации). Консервативная пресса подчеркивала, что, поддержав монархию, поляки спасут ее и себя от угрозы царизма [56*].

А. Голуховский и Ф. Земялковский еще рассчитывали на федерализацию, однако не считали требование ее безусловным. Их сторонники, прозванные «мамелюками», создали в сейме Польский клуб, который отражал настроения подольской шляхты и ставил «утилитарную» цель введения польской администрации, предоставления сейму прав в делах школы, экономики, финансов, законодательства о выборах в сейм, расширения полномочий наместника, учреждения в венском правительстве поста «польского канцлера» [505, с. 147—148]. «Утилитаристы» настаивали на одобрении сеймом нового дуалистического устройства империи и посылке делегации в рейхсрат, грозя, что иначе правительство распустит сейм и натравит крестьян на панов [например, 57*]. 2 марта 1867 г. сейм решил послать делегацию в рейхсрат. Резолюция сейма, требовавшая расширить его компетенцию, создать ответственный перед ним исполнительный орган, но не высказывавшаяся против дуализма, отражала колебания либеральных и консервативных федералистов. «Краковские консерваторы» и «львовские демократы», голосовавшие против посылки делегации, не отказались от мандатов в рейхсрат.

Таким образом, классовые интересы заставили краковских консерваторов отказаться от программы федерализма и выдвинуть задачу «органического труда». Тем самым по существу были ликвидированы различия в программах «краковских панов» и «мамелюков», и в дальнейшем борьба между крупной западногалицийской шляхтой и буржуазно-либеральными и бюрократическими кругами сводилась лишь к персональной конкуренции. Отказ от федерализма объяснялся еще и тем, что консерваторы убедились на чешском примере, что упорная борьба за федерализм ведет к радикализации движения и росту влияния левых элементов [505, с. 146—149]. После введения дуализма разногласия в консервативном лагере насчет союза с чехами исчезли, и даже Отель Лямбер стал осуждать федерализм как идею, внушенную врагами Австрии. Аристократическая эмиграция считала, что нужно отказаться от оппозиции при условии получения от Габсбургов уступок, которые сделали бы Галицию центром объединения поль-

ских земель. И для Отеля Лямбер, и для галицийских консерваторов важнейшей становилась задача сотрудничества с монархией.

Идею лояльности Австрийской империи как защитницы польков от царизма развивали и некоторые «львовские демократы», но они видели в этом не принцип, а средство, служащее национальным интересам. Радикально же настроенное крыло «демократов» подвергало консерваторов резкой критике за последовательный лоялизм. В брошюре Г. Шмитта в 1867 г. выдвигалось требование поставить посылку делегации в рейхсрат в зависимость от возвращения прав, данных Польше Венским конгрессом 1815 г. Добиваясь выступления Польского ко́ло с программой федерации, «львовские демократы» пытались усилить свое влияние [Zdrada, 1963 (6)].

В 1868 г. во Львове возникло Национально-демократическое общество во главе с Ф. Смолькой. Устав Общества брал за основу принципы гражданского равенства, «подъема» трудящихся классов, политических свобод, широкой автономии края, а средством для достижения целей объявлял дискуссии, подачу петиций, резолюций, организацию митингов, избирательных кампаний и т. п. В воззвании Общества, принятом 30 мая 1868 г., говорилось, что национальная идея всегда соединялась в Польше с идеей гражданской свободы и равенства, но воплощала ее одна шляхта, и это стало причиной гибели Речи Посполитой; поэтому нужно распространить польскую идею, соединенную с идеей демократии, на весь народ, чтобы возродить Польшу. Так как, по мнению автора, крестьянство еще не поднялось до национального и гражданского сознания из-за темноты и нужды, ставилась задача его материального и духовного развития. Из принципа личной свободы воззвание выводило принцип свободы коллективов — общин и общества в целом, а в конечном итоге — лозунг самоуправления всего края. Борьба за лучшие условия национального развития связывалась с борьбой за демократию, но теории, «подрывающие» собственность, осуждались, провозглашалась задача «созидательной» работы, ликвидации социальных антагонизмов внутри нации.

Общество объявляло Галицию интегральной частью Польши и выдвигало задачу развивать национальный дух, укреплять связи с другими польскими землями. Заявляя, что восстановление Польши является необходимостью для Габсбургов и для Европы, оно требовало определить отношения Галиции с монархией «на основе федерации и признания исторической индивидуальности», призывало бороться против панславизма и, крепя союз с венграми, поддерживать стремления славянских народов к самостоятельному развитию. Выдвигалась программа полного самоуправления Галиции — создание правительства, ответственного перед сеймом, и поста министра для Галиции, передача сейму всех внутренних дел (экономика, транспорт, финансы, национальная оборона, полиция, суд, просвещение и прочее), употребление ме-

стных языков в органах управления, предоставление краю общегосударственной дотации. Предлагалось сделать власть выборной, реорганизовать австрийскую армию, усилив территориальные войска [Zdrada, 1966].

Лозунг восстановления Польши и неразрывности ее частей в программе Общества, а также проявившиеся во время дискуссий антиавстрийские акценты, которые повлекли за собой репрессии правительства, вызывали одобрение демократической эмиграции. В 1867—1868 гг. ее пресса осуждала дуализм, требовала соглашения поляков, венгров и чехов. Герой восстания 1863 г. Ю. Гауке-Босак сформулировал лозунг антиавстрийского выступления Галиции в союзе с славянскими народами империи, прежде всего чехами [209, с. 260—265]. Он показал, что «либеральные» и «федералистские» тенденции Австрии являются обманом, что истинная федерация может строиться на основе соглашения свободных народов, а не на принципе «разделяй и властвуй». Угнетенным славянским народам, заявлял он, не нужны реформы, цель которых — спасти монархию, усилив «господство немецкого меньшинства над славянским большинством». Введение же истинной федерации привело бы империю к развалу [351, с. 344—352].

Радикализм этих взглядов отличался от позиции Национально-демократического общества, основное направление политики которого, несмотря на активность левых кругов, все же определяло либеральное руководство. Пытаясь сотрудничать с чехами и другими славянами в борьбе за федерализм, Общество связывало планы федерации с лозунгом польской гегемонии среди славян, а главное — с укреплением империи. В проекте устава Общества говорилось: «Будучи гражданами великой и могучей державы, какой является Австрия, мы должны стараться показывать властям, что только при условии, если она будет нас поддерживать, сама она, а именно ее династия, сможет существовать».

В августе 1868 г. Смолька внес в сейм требование преобразовать империю и федерацию четырех групп земель, составляющих особые историко-политические национальные индивидуальности (немецкие, чешские, венгерские и польские провинции). Получив автономию, они должны будут сами установить отношения внутри каждой группы [505, с. 140]. Резолюция была отвергнута, но выступления «львовских демократов» не прошли бесследно: 24 сентября 1868 г. сейм принял резолюцию, где отмечалось, что конституция Австрии 1867 г. не отвечает интересам поляков и не дала Галиции самостоятельности. Сейм потребовал существенного расширения автономии, создания галицийского правительства и поста министра по делам Галиции в Вене. Все галицийские проблемы в сфере экономики, культуры, администрации должен решать сейм. Делегации сейма в райхсрате поручалось обсуждение лишь общеимперских вопросов. Во избежание увеличения налогов резолюция требовала установить для Галиции дотацию из общеимперской казны [275, с. 106—109].

Ответом на резолюцию были отказ императора посетить Галицию и отставка Голуховского. Опасение срыва планов соглашения с монархией и надежды, вызванные уступками польскому языку в суде и администрации, побудили многих депутатов рейхсрата, грозивших отставкой, сохранить мандаты. Сейм вновь послал делегацию в Вену, возобновив резолюцию, и лишь когда она была окончательно отвергнута в 1869 г., Польское коло под давлением демократического общественного мнения вышло из рейхсрата.

Борьба за сентябрьскую резолюцию (1868 г.) привела в 1869 г. к оформлению в сейме Клуба резолюционистов, куда вошли польские шляхетские и буржуазные элементы Восточной Галиции. Одним из лидеров клуба был А. Сапега, сотрудничавший с эмиграцией, сторонник идеи восстановления единой Польши. В этом духе выступала и его газета «Край» («Родина») в Кракове. Резолюционисты координировали действия с «львовскими демократами», вместе с ними выступали за более энергичный курс польских депутатов в рейхсрате.

Такой союз казался консерваторам опасным, и они постарались консолидировать помещичий лагерь. В 1869 г. в издании «молодых» «Пшеглэнд польский» («Польское обозрение») появился памфлет «Портфель Станьчика». Его авторы Ю. Шуйский, С. Тарновский и другие, стремясь направить весь помещичий класс по пути сотрудничества с Габсбургами, предостерегали от патриотических манифестаций, пугали угрозой крестьянского восстания. Австрийская власть изображалась законным продолжением польской государственности, а Франц-Иосиф — наследником польских королей.

Это выступление носило демагогический характер: в Галиции не было революционной ситуации, а вожди либерально-демократической оппозиции избегали революционных методов борьбы. В 1870 г. Ф. Смолька отказался от оппозиции и вновь принял мандат депутата рейхсрата, так как создание кабинета А. Потоцкого и перспектива франко-прусской войны оживили надежды либералов на федерализацию. Смолька и Национально-демократическое общество поддержали австрофильские лозунги, что привело к ослаблению влияния Общества.

Тогда же Отель Лямбер рассчитывал, что вмешательство во франко-прусскую войну России и Австрии приведет к постановке державами польского вопроса, и призывал к сотрудничеству с Габсбургами. В речи 3 мая 1870 г. В. Чарторыйский одобрил дуализм, признал необходимость сохранения политического единства Цислейтании, но требовал расширения автономии Галиции наподобие хорватской. С чехами и вообще со славянской оппозицией он отказывался иметь дело, подчеркивая, что венгры, являющиеся для поляков «краеугольным камнем будущего здания», поддержат только галицийскую автономию. Чарторыйский осуждал федерализм как идею, ведущую к распаду Австрии, но одновременно выдвигал лозунг создания «великой федеративной мо-

нархии от Черного моря до Балтики», имея в виду объединение под властью Габсбургов всех польских земель. Такая федерация была, по мнению Отеля Лямбер, необходима для европейского равновесия и блага католицизма, для противодействия панславизму и пангерманизму [Zdrada, 1967]. Об этом же в галицийском сейме напомнил Ю. Клячко, призвавший к австро-французскому сближению и декларировавший неизменную связь Галиции с Австрией, готовность поляков посредничать в деле умиротворения народов империи [275, с. 132—134]. Эту позицию разделял весь польский консервативный лагерь.

С поражением Франции в 1870 г. кончился период, когда постановка польского вопроса на международной арене казалась реальной. Для галицийских политиков это означало лишь окончательное освобождение от влияния Отеля Лямбер, так как общепольские задачи всегда стояли у них на втором плане. С начала 70-х годов вопрос сводился уже только к удовлетворению местных интересов. Автономия была лозунгом различных слоев польского общества в Галиции: шляхта стремилась к ней в целях укрепления своего социального господства, буржуазия надеялась усилить свои позиции в экономике, интеллигенция — вытеснить немецких чиновников в служебной иерархии. Различия между позициями политических партий все более стирались, лагерь шляхты и крупной буржуазии консолидировался, а мелкая и средняя буржуазия и интеллигенция становились от него во все большую зависимость.

Борьба за автономию по существу завершилась в 1873 г., когда введение непосредственных выборов в рейхсрат не вызвало сопротивления в Галиции. К этому времени в крае существовали уже основные звенья системы самоуправления. Сейм, его исполнительный орган — Краевой отдел, административные и судебные учреждения, советы в поветах и гминах, а также дело просвещения и культуры оказались в руках шляхты. Центральную власть представлял наместник, назначавшийся императором по согласованию с Польским коблом. В аппарате наместника, как и в автономных учреждениях Галиции, места занимали поляки.

Это был результат соглашения Вены с имущими классами Галиции. Польскую верхушку не смущала ограниченность уступок и то, что они не были закреплены конституционным путем. Уступки эти создавали условия для определенного экономического и культурного развития края, но в пределах и в направлении, обеспечивавших интересы его имущих верхов. Процесс укрепления власти помещиков проходил в связи с постепенным отказом их от борьбы за независимость, а затем и за расширение автономии. Добившись от Вены уступок, Галиция проиграла борьбу за более широкие социальные и политические права.

Причиной этого было специфическое соотношение социальных сил в Галиции, обусловившее непоследовательность в борьбе за автономию. Уступки, полученные краем, оказались данными монархией в награду за лояльность, а не выращенными уже в борь-

бе. Интересы польских помещиков прежде всего определили дальнейший характер развития галицийского общества по пути лоялизма, австрофильства, сотрудничества господствующих классов с реакционной монархией.

10. Украинцы

Развитие капиталистических отношений в Восточной Галиции привело в 50—60-х годах XIX в. к дальнейшему идейному расслоению украинского общества. Этому способствовали также Крымская война и польское восстание 1863 г.

В 50-х годах XIX в. среди украинской интеллигенции Восточной Галиции возникло «москвофильское» течение, которое выражало интересы буржуазно-консервативных и клерикально-землевладельческих кругов и долгое время было частью так называемой святоюрской партии — консервативной группировки, возглавлявшейся униатской митрополией. Это течение — «старорусскую» партию — представляли И. Гуцалевич, И. Наумович, Б. Дидыцкий, Д. Зубрицкий и другие. «Москвофилы» утверждали, что они являются сторонниками России, но при этом отказывали украинскому народу в праве на свою культуру, на самостоятельное существование. В действительности они были далеки от русского народа, служили не только царизму, но и габсбургской монархии. «Москвофилы» писали искусственным языком, в основном «язычием», т. е. смесью украинского, церковнославянского, польского и русского языков. Эта линия была осуждена Н. Г. Чернышевским, украинскими демократами — И. Я. Франко, М. И. Павлыком и другими. «Москвофилы» проявляли враждебное отношение к борьбе польского народа за освобождение. Отжествляя польский народ со шляхтой, они одновременно защищали интересы украинских крупных землевладельцев, прежде всего духовенства. Их идеология была буржуазно-помещичьей. Резкую оценку «москвофилам» в начале XX в. дал В. И. Ленин¹.

В то же время ряд работ ученых, которые придерживались москвофильских взглядов, имели положительное значение. Таковы труды Я. Головацкого, публикации архивных документов Д. Зубрицким, А. Петрушевичем, С. Шараневичем и другими. Важными были статьи историко-литературного характера, опубликованные в издании «Наукови зборник», вышедшем в 1865—1866 гг. под редакцией Я. Головацкого. А. Петрушевич являлся издателем «Галицкого исторического сборника» (1853—1856 гг.) и шеститомной «Сводной Галицко-русской летописи» (1874—1897 гг.). Ряд ценных работ историко-литературного профиля был опубликован в изданиях Галицко-русской матицы, Ставропигийского института во Львове и Народного дома.

Представители «москвофильского» течения издавали газету «Слово» (1861—1887 гг.). Хотя в первые годы она и печатала

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 274.

произведения прогрессивных писателей, в целом являлась реакционным изданием, которое критиковал Н. Г. Чернышевский за игнорирование украинской демократической культуры и попытки подменить классовые антагонизмы национальными противоречиями. Главным направлением изданий «москвофилов» являлась борьба против передовой общественной мысли и революционного движения.

В 50-х — первой половине 60-х годов среди «москвофильского» течения еще преобладали проавстрийские тенденции. В 1861 г. «Слово» писало: «Мы рассматриваем свою страну как провинцию Австрийской империи, этой империей владеет цесарь, которому мы верны не только по привычке, но и по рассудительному размышлению». [59*]. Они, писал О. Терлецкий о «москвофилах», «много говорили и политиканствовали, однако только так, как хотел правительство» [60*]. Но в середине 60-х годов в этом течении, недовольном политикой Габсбургов, сблизившихся с польскими магнатами, произошли изменения. «Москвофильская» партия в 1866 г. заявила о наличии единого «панрусского» народа от Тисы до Амура. Однако и в дальнейшем она сочетала приверженность австрийской монархии с прислужничеством царизму.

В своих целях «москвофилы» пытались использовать традиционные симпатии украинцев к русскому народу. В то время как верхушка «москвофилов» была реакционной, немало рядовых сторонников партии желали укрепления извечных дружественных связей с Россией, весьма критически относились и к царизму, и к австрийской монархии. Четко разделяли москвофильство народных масс и так называемое официальное «москвофильство» И. Франко и М. Павлык. Первое, отмечали они, проистекало из чувств исторической общности братских народов и надежды на лучшее будущее в составе России, поскольку цесарская (габсбургская. — *Ред.*) «воля не дала им (крестьянам. — *Ред.*) ни лесов, ни пастбищ...» [112, с. 16]. Павлык подчеркивал, что народному москвофильству в Галиции препятствует деспотический строй в России, когда же там восторжествует свобода, то остановить тяготение трудящихся к единокровным братьям не сможет никакая сила.

В 60-х годах формируется «украинофильское» («народовское») течение австрославистской ориентации. Под названием «народовцы» сначала объединились деятели либерально-буржуазной и консервативно-клерикальной направленности. «Народовское» течение отстаивало интересы украинской буржуазии и части униатского духовенства. К его лидерам принадлежали О. Партицкий, О. Огоновский, А. Вахнянин, Д. Тянячевич, В. Барвинский и другие. «Народовцы» проявляли активность в сфере культуры, отстаивали принцип национальной общности украинцев в восточных и западных землях, выступали в защиту украинского языка, способствовали распространению национального самосознания [40, с. 13; Горинь, 83].

«Народовство» испытало влияние идей, пропихавших в Галицию из Приднепровской Украины, в частности произведений Т. Г. Шевченко. В своих журналах «Вечерницы» (1862—1863 гг.), «Нива» (1865 г.), «Русалка» (1865 г.) и других «народовцы» поставили вопрос о развитии общеукраинского литературного языка на народной основе и на базе прежде всего языка Т. Шевченко и других писателей из Приднепровской Украины. В этих изданиях популяризировалось творчество Т. Шевченко, М. Вовчок, Ю. Федьковича. В «языковых» спорах народовцев с «москвофилами» проявилось различие их классовых интересов.

Однако ведущая роль в развитии украинского литературного языка на западе Украины принадлежала писателям и ученым, которые вели борьбу как против нигилистических тенденций «москвофилов», так и национализма «народовцев». Это были И. Франко, Ю. Федькович, П. Грабовский и другие.

Уже в 60-х годах «народовцы», за отдельными исключениями, ввиду своей классовой сущности не заметили двух тенденций в идейном влиянии, которое распространялось из Приднепровской Украины. Возглавляемый Т. Шевченко революционно-демократический лагерь национальные вопросы подчинил социальным, представители же галицийской «народовской» интеллигенции подчеркивали национальный момент. «У нас, — заявлял журнал «народовцев» в 1873 г., — чисто экономического вопроса нет» [61*]. «Народовцы» стремились затушевать классовые противоречия, примирить крестьян с помещиками, буржуазией, духовенством. По этому поводу И. Франко писал, что «народовцы» из сочинений Шевченко позаимствовали «только некоторые соображения, понятия и декорацию, но не дошли до корня его взглядов, общественных и философских» [163. т. 16, с. 161]. В 70-е годы все яснее становилась либерально-буржуазная ограниченность, классовый эгоизм «народовцев». Абсолютизация национальных моментов поглотила те общедемократические черты, которые были присущи им в начальный период деятельности. Спасение крестьянства и трудящихся городов от всех бед «народовцы» видели в развитии образования, предпринимательской деятельности и кредита, в экономии и трезвости, экономической взаимопомощи, наконец в расширении представительства украинцев в органах власти [62*]. Лидер «народовцев» В. Барвинский придавал большое значение охране «мелкого капитала» (1877 г.). Борьбу крестьянства «народовцы» пытались свести к петициям правительству, поэтому И. Франко резко осуждал их пустословие о «моральном и материальном подъеме народа» [62а*].

В сущности украинские буржуазные и клерикальные круги добивались уравнивания в правах с польскими господствующими классами в габсбургской монархии. Украинская буржуазия стремилась к национальному развитию в составе «гуманной Австрии». В 1863 г. Д. Телячневич в «Письме Громаде», — по существу программном документе молодых «народовцев» — призывал к верности Австрии. О. Партицкий также выступал за свободное

развитие Восточной Галиции в составе Австрии. Под этим понималось право на развитие национальной культуры, употребление украинского языка в учреждениях. «Нас, русинов галицких, — писал Партицкий в 1867 г. — присоединила судьба к Австрии. Мы не имеем оснований, хотя нам иногда и бывает тяжело, восставать против габсбургской династии. С ней связывают нас наилучшие воспоминания новейшей истории [...]. В такой Австрии мы до конца наших дней хотим жить и развиваться» [63*].

Наконец на позициях поддержки правительства стояли немногочисленные чиновники, часть духовенства, депутатов сейма и рейхсрата.

В 60-х—начале 70-х годов деятели национального движения подчеркивали, что украинцы Восточной Галиции, Северной Буковины и Закарпатья представляют части одного народа, но программного требования объединения западноукраинских земель Австрийской империи они не выдвигали. Требование раздела Галиции на польскую и украинскую части провозглашалось ими лишь до 1867 г. Правительство передало этот вопрос в галицийский сейм. Польское дворянство и буржуазия, которые располагали там большинством, в 1866 г. отклонили проект раздела. Позднее «народовцы» стремились к соглашению с польским дворянством. Эта «угодовская» политика проповедовалась журналом «Основа» (1870—1872 гг.).

Украинские буржуазные депутаты сейма защищали прежде всего свои классовые и групповые интересы, добиваясь уравнивания униатского духовенства в правах с католическим, назначения чиновниками украинцев и т. д. Вместе с тем их требования об открытии украинских гимназий, введении украинского языка в учреждениях имели прогрессивное значение.

Во второй половине 60-х—начале 70-х годов среди прогрессивной молодежи, примыкавшей к «народовцам», формируется демократическое крыло. Начинаясь процесс освобождения от либеральных взглядов и элементов национальной ограниченности. Например, экономист В. Навроцкий выступал против тех, кто, игнорируя тяжелое положение масс, стремился лишь к «общенациональной» деятельности; он указывал на остатки крепостнических отношений, критиковал куриальную избирательную систему, а во второй половине 70-х годов выступил в защиту деятелей социалистического движения от преследований.

В течение второй половины XIX в. в Закарпатье продолжалась деятельность «будителей» в культурно-просветительной и политической сфере. Яркой фигурой среди них был униатский священник, каноник в Прешове О. Духнович (умер в 1865 г.) — педагог, один из первых историков Закарпатья, прозаик, поэт и драматург. Оставаясь лояльным Габсбургам, он боролся против политики национального гнета и мадьяризации, проводившейся в Закарпатье. Как известно, для деятельности просветителей несколько более благоприятными были 50-е и в особенности 60-е годы — до 1867 г. В изданной во Львове в 1857 г. «Народной пе-

дагогии» Духнович ратовал за всеобщее, в том числе женское обучение [39, т. 2]. Сочувствием крестьянству, любовью к родине насыщены его литературные произведения. Стихотворения «Я русин был, есмь и буду» стало чем-то вроде национального гимна.

Закарпатских украинцев (русин) Духнович относил к «россиянам»; «малороссов» считал частью единого «российского» народа. В 50-х годах XIX в. закарпатские украинцы, как и галичане, вели официальную переписку на искаженном русском языке. Однако народная поэзия слагалась на местных диалектах. На языке близком народному написан и ряд произведений Духновича. Он намеревался издать «Сокращенную грамматику русского языка» на «местном карпаторусском наречии» [92, с. 34], т. е. кодифицировать его.

Значительным для своего времени поэтом был А. Павлович (1819—1900 гг.) — гуманист и просветитель, в своих произведениях выразивший протест против политики мадьяризации. Как и Духнович, он полагал, что русины («карпатороссы») являются частью русского народа [411].

Медленное формирование украинской нации обусловило уровень национального самосознания закарпатских просветителей второй половины XIX в. и ограниченность их взглядов.

Лидером национального движения в Закарпатье стал праволиберальный помещик А. Добрянский. После поражения революции правительство, учитывая его лояльную Вене позицию в 1848—1849 гг., назначило его референтом Ужанского (Ужгородского) округа. В 50-х годах Добрянский добивался разрешения организовать типографию, писать названия улиц кирилловскими буквами и пр. В 1861 г. он был избран депутатом венгерского государственного собрания от Зборова (комитат Шарош, Восточная Словакия). Добрянский и его сторонники не верили в возможность соглашения с венгерским дворянством и ориентировались на Вену. Программную речь, которую Добрянский, недопущенный в государственное собрание, не смог произнести, он опубликовал в Вене [64*]. Убежденный австрославист, он выступал против предоставления Венгрии широких государственных прав. Стремление венгров освободиться от австрийской власти, считал автор, опасно для народов королевства, так как направлено на усиление национального гнета; интересы народов совпадают с интересами трона; народы империи должны получить равноправие и территориальную автономию. Добрянский требовал объединения закарпатских комитатов в «Воеводство Рутению», равноправия народного языка, предоставления русинам мест в аппарате управления, учреждения особого «русского» (униатского) архиепископства, т. е. независимости украинской церкви от венгерской, учреждения высшей школы с преподаванием на языке местного населения, наконец федерализации Венгрии (создания пяти округов) и всей империи. Здесь, однако, уже не было требования объединить украинские земли Австрийской империи, вы-

двинутого в 1848 г. После роспуска государственного собрания Добрянский — член комиссии по национальным делам венгерского наместничества — отошел от идеи воеводства и предлагал разграничить комитаты по национальному принципу.

Австро-венгерское соглашение Добрянский (в 1866 г. придворный советник), как и многие австрослависты, считал вынужденной уступкой Вены, а потому продолжал надеяться на поддержку со стороны австрийских противников дуализма. В 1868 г. он — один из авторов совместного с сербами и румынами законопроекта о правах национальностей.

В противовес Добрянскому и Духновичу в Закарпатье в начале 60-х годов выступили группы мадярофилов. Еще во время революции 1848 г. они сблизились с венгерским национальным движением, а теперь возражали против идеи автономной Рутении, считая достаточным создание украинских избирательных округов, назначение украинцев на чиновничьи должности, гарантию прав языка. Эти группы интеллигенции частично подвергались мадяризации и пользовались поддержкой части венгерских либералов. Им удалось в значительной мере парализовать деятельность Добрянского. Было выдвинуто несколько программ, в сравнении с его требованиями более умеренных. В частности, в 1867 г. Й. Буковский добивался предоставления украинцам должностей в органах власти комитата Марамарош, который он представлял, создания украинских избирательных округов, преподавания в гимназиях на родном языке, свободы изучения родной литературы [Naraksim, 403, S. 756—761].

В Северной Буковине в 60-х годах развернулась деятельность поэта Осипа (Юрия) Федьковича (1834—1888 гг.), выходца из мелкошляхетской семьи, близкой крестьянской среде (брат поэта участвовал в крестьянском восстании в 1848—1849 гг.). В 1867 г. он был избран в буковинский сейм. Федькович собирал народные песни, писал стихотворения на народном языке [99]. Герои его произведений — крестьяне, солдаты, борцы за народные интересы — Олекса Довбуш, Лукиан Кобылица. Черновицкая консистория выражала недовольство тем, что поэт имеет «болезненную склонность брататься с голытьбой» [103, с. 30], и вынудила Федьковича покинуть пост школьного инспектора, который он занимал в конце 60-х годов. В 60—70-е годы Федькович, пытавшийся завязать контакты с львовскими деятелями национального движения, не сошелся ни с «москвофилами», ни с «народовцами». Буржуазная «Просвита», в которой он работал, старалась приглушить социальные ноты в творчестве поэта. В 1872 г. Федькович вернулся в Буковину.

Влияние украинских буржуазных идеологов в Северной Буковине стало заметным лишь во второй половине 70-х годов XIX в.

11. Революционно-демократические группировки и их взгляды по национальному вопросу в конце 60-х—70-е годы

Если польское и итальянское освободительные движения имели демократическую традицию, то в третьей четверти XIX в., точнее, с конца 60-х годов, оживляется деятельность революционно-демократических группировок в некоторых других периферийных областях габсбургской монархии. Территориальная ограниченность активности революционных демократов объясняется относительно высоким уровнем капиталистических отношений в северо-западных районах империи (австронемецкие и чешские земли), где уже создались условия для массового пролетарского движения. В национальных районах востока и юга Австро-Венгрии, как уже говорилось, процесс буржуазной перестройки тормозился и усложнялся рядом неблагоприятных условий, обнищанием большинства крестьян и ремесленников и в большей мере — пауперизацией, чем пролетаризацией. Здесь революционно-демократические взгляды явились выражением протеста — с позиций эксплуатируемых масс — против феодальных остатков, национального гнета и последствий капиталистического развития. Революционно-демократическая тенденция являлась одновременно антифеодальной и антикапиталистической.

Революционные демократы впервые сознательно выступили против габсбургской власти как орудия господства классов помещиков и капиталистов — австро-венгерских и иных, в том числе национальных. Поэтому они разоблачали либеральную политику поисков соглашения с этой властью. В освобождении от Габсбургов путем массовой борьбы революционная демократия видела путь к глубоким социально-экономическим и политическим преобразованиям в интересах трудящихся. Национальная проблема стала частью проблемы социального освобождения.

Особенностью ситуации в польском общественном движении было то, что революционная демократия после восстания 1863—1864 гг. действовала в эмиграции и в основном лишь оттуда ее влияние могло сказываться в Галиции. Социальная острота взглядов польских революционных демократов в 60-е годы нарастала и получила яркое выражение в дни Парижской коммуны (Я. Домбровский, В. Врублевский и другие).

В конце 60-х годов обострение классовых противоречий в городе и деревне привело близких народным массам представителей интеллигенции к убеждению в недостаточности политики либеральных и радикальных идеологов национальной мелкой и средней буржуазии, в лучшем случае повторявших лозунги французской революции XVIII в. о свободе, равенстве и братстве. Призывы к единству нации звучали фальшиво в устах буржуазии, игнорировавшей насущные нужды разоряющихся трудовых слоев народа. Революционная демократия противопоставила себя имущим классам. Правда, степень разрыва разных демократических

групп с мировоззрением буржуазии, глубина критики ими национализма были различными.

Самые прогрессивные деятели угнетенных народов обращались к идеологии русской революционной демократии и к опыту европейского рабочего движения. Общественные условия в южных и восточных районах Австро-Венгрии способствовали восприятию революционерами некоторых идей основоположников русского народничества и попыткам сочетать их с идеями I Интернационала. Влияние западноевропейского рабочего движения, интерес к произведениям К. Маркса — весьма важная сторона идейного развития революционной демократии. Но в ее среде были популярны разного рода теории утопического социализма.

Общей для революционной демократии чертой была ориентация на союз с революционными силами господствующих наций, прежде всего горячий интерес и симпатии к австро-венгерскому и международному рабочему движению, т. е. интернационалистская тенденция.

Сильнейший импульс идейно-политическому оформлению революционно-демократических группировок дала Парижская коммуна. Наиболее значительные сдвиги в распространении революционно-демократических идей произошли в сербском общественном движении, но центр сербской революционной демократии находился вне Австро-Венгрии, в Сербском княжестве. В Хорватии революционно-демократическое направление едва намечилось. В украинской Восточной Галиции его формирование относится к несколько более позднему времени (вторая половина 70-х годов). Определенное сочувствие революционно-демократической идеологии проявлялось и в Словакии [Matula, Poglubko, 1972; Матула, 107].

Всей революционной демократии была присуща постановка вопроса о национальном освобождении как составной части проблемы завершения демократической революции. Украинские демократы во главе с И. Франко связывали будущее своего народа с демократической революцией в России и Польше. Сербские революционные демократы и социалисты во главе со Светозаром Марковичем на первый план выдвигали борьбу за разрушение Османской империи и Австро-Венгрии.

Возникновение революционно-демократических группировок — свидетельство безосновательности позднейших утверждений буржуазной историографии, будто в условиях национального гнета буржуазные партии «были вынуждены» отдавать все силы борьбе за национальное освобождение, а потому не могли обратиться к социальным проблемам. Прежде всего, для буржуазных партий угнетенных наций социальные вопросы отнюдь не были чужды. Национальное движение — участие в нем мелкой буржуазии, буржуазии и дворянства — являлось следствием социальных потребностей соответствующих общественных слоев и классов. Слабое отражение в национальных программах классовых интересов масс, прежде всего крестьянства («социального вопроса» в этом,

основном смысле) было результатом не «забывчивости», а интересов ведущих сил национальных движений. Характерно, что когда в конце XIX—начале XX в. «социальный вопрос» со всей остротой был поставлен самим рабочим классом и крестьянством, то буржуазные лидеры национальных движений вынужденно стали уделять ему больше места в своих программах с целью обеспечить гегемонию буржуазии в общественной жизни.

В конце 60-х годов определилось левое крыло, в том числе революционно-демократическое, в сербском оmlадинском движении. Выдающимся его идеологом был С. Маркович, активно участвовавший в общественной жизни Воевоины, особенно во время эмиграции из Сербии (1872 г.). Из воеводинских демократов наиболее значительным был Дж. Миятович. В 1871 и 1872 гг. в Воеводине вел пропаганду в демократическом и национально-революционном духе В. Пелагич, выходец из Боснии [15; 16]. Учеником Марковича был Л. Нанчич, один из активных деятелей рабочего движения Воевоины, социалист, сотрудничавший в газете Рабочей партии Венгрии «Мункаш-хети-кроника» («Еженедельная рабочая хроника»).

С. Маркович, находясь в России, в 60-х годах воспринял революционный демократизм и утопический социализм Н. Г. Чернышевского. Позднее, ознакомившись с марксизмом, он стал горячим сторонником рабочего движения Западной Европы, I Интернационала, Парижской коммуны. Маркович был агентом-корреспондентом Русской секции МТР в Швейцарии. От Марковича и его сторонников идет традиция пропаганды марксизма в Сербии; они являлись предшественниками сербской социал-демократии.

Революционно-демократические принципы Маркович внес в национально-освободительное движение. Он выступил против политики сербской монархии, направленной на присоединение сербских и южнославянских земель к Сербии при сохранении ее самодержавно-бюрократического строя, боролся за полное равноправие и союз южных славян. Национальная демократическая революция против османского ига, ликвидация Австро-Венгерской и Османской империй и монархического строя в Сербии и Черногории, устройство жизни народа на демократических и социалистических началах — вот путь решения национальных и социальных проблем. «Свобода народа зависит от решения социального вопроса», — утверждал Маркович. Будучи последовательным демократом, Маркович постиг сложность национальных проблем на Балканах. Он показал, что великосербские идеи объединения «всех сербов» в сербском государстве ведут к обострению отношений с родственными народами — хорватами и болгарами, и выдвинул программу федеративного устройства многонационального государства на основе свободного объединения общин, областей и т. д., «как это будет удобно самим народам» [22, с. 220].

В июне 1871 г. сторонники Марковича в Сербии (Дж. Лютич, П. Михайлович, М. Ценич и другие) начали издание социалисти-

ческой газеты «Раденик» («Работник»). Здесь был напечатан ряд важнейших статей Марковича. В апреле 1871 г., в дни Парижской коммуны, в Панчево (Воеводина) впервые в южнославянских странах был опубликован «Манифест Коммунистической партии», переводчиком которого, по-видимому, был Дж. Миятович.

Маркович был не только убежденным социалистом, но и подлинным революционным демократом. Задачи национально-освободительной борьбы временно сблизили революционную демократию Сербского княжества и Воеводины с левым крылом воеводинских народняков. И те и другие отстаивали путь революционной борьбы против османского господства. Маркович критиковал народняков за отказ от подготовки массового революционного движения в самой Австро-Венгрии. Он считал необходимым искать опору во всех революционных элементах Австрии, «которые так сильно проявились в рабочих митингах». Маркович призывал Омладину вести борьбу «против правящих господ в Вене и Пеште» и негодного общественного порядка, а не против немцев и мадьяр, «как будто в самом деле рабочие Вены и Пешта — враги сербского земледельца» [81, с. 125]. Это была критика национализма и буржуазного радикализма с интернационалистских позиций. Сотрудничая с буржуазными революционерами, Маркович отстаивал идейно-политическую самостоятельность революционной демократии.

Как и многие революционеры, Маркович, с основанием полагая, что парламентский путь не приведет к национальному освобождению, считал — и это было другой крайностью — парламентскую деятельность потерей времени. Он приветствовал вооруженные выступления против габсбургской власти, в которых проявился социальный протест масс (Бока Которская, 1869—1870 гг.; Раковица, 1871 г.). Маркович видел в них подготовку общенациональной революции и защищал революционеров от нападок со стороны либерального лагеря.

В ряде сочинений Маркович изложил свои взгляды на социальную и в связи с ней на национальную проблемы («Парижская коммуна и Интернационал», «Социализм или общественный вопрос», «Общественная и политическая борьба в Европе», «Сербия на Востоке» и другие). В условиях развивающегося капитализма в полупатриархальной Сербии и помещичьей Воеводине он искал коллективистские общественно-экономические формы, которые открыли бы сербскому народу социалистический путь развития — возможность организации крупного производства с применением техники, но без пролетаризации масс. Такой формой Маркович считал производственную кооперацию как ремесленников, так и крестьян. Впрочем, он сознавал, что трудности, стоявшие на этом пути, едва ли преодолимы, и убеждался в силе стихийно развивавшихся буржуазных отношений. Маркович выступил с критикой буржуазного либерализма и национального романтизма части Омладины, пропагандировал естественнонаучный материализм, равноправие женщин. Он хотел превратить Омладину в ре-

волюционно-демократическую организацию, придерживающуюся социалистических принципов и солидарную с I Интернационалом [Карасев, 1952].

Газета Милетича «Застава», орган левого крыла национального движения «Панчевац» и оmlадинские издания «Матица», «Млада Србадия» печатали произведения Марковича. В «Матице» в 1869 г. были опубликованы отрывки из «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и статей Д. И. Писарева. «Панчевац» выступал в защиту Парижской коммуну [73а]. Это свидетельствовало о демократизме сербских «вольнодумцев» и Омладины, о том, что общедемократические задачи еще сближали различные течения. Но сотрудничество сторонников Марковича с буржуазной демократией меньше всего напоминало идиллию. Противоречия и публичная полемика между ними нарастали. Та же «Застава» выступала против социалистических идей, опубликовала выступления Мадзини против Интернационала. В 1871 г. сторонники Марковича покинули Омладину. И все же революционные демократы, подчеркивая свое принципиальное различие во взглядах с буржуазией, продолжали сотрудничать с национально-радикальным течением Воеводины, Боснии-Герцеговины и Сербии во имя борьбы против османского гнета на Балканах. В 1871—1872 гг. они совместно пытались организовать восстание в Герцеговине.

В статьях С. Марковича в газете «Раденик» в классической форме были изложены взгляды революционных демократов на габсбургскую монархию, на интересы угнетенных ею народов, причины и методы их освободительной борьбы.

Статья «Славянская Австрия» появилась в июне 1871 г., во время намечавшегося австро-чешского соглашения и после победы хорватских народняков на выборах в сабор. «Повсюду побеждает славянство. Кое-кто уже проричает спасение Австрийской монархии в новой «федеративной» Австрии, где бы все национальности имели равные права» [65*]. И далее: «Мы не верим в новую, равноправную, славянскую, федеративную Австрию так же, как не верим в немецко-венгерскую, централизованную или, вернее, двухцентровую Австрию. Более того, мы считаем, что «федеративная» Австрия невозможна, так как не нужна народам, в ней живущим». Маркович прежде всего имел в виду федерацию «исторических» народов, «которые в своих королевствах душили бы другие, неисторические, народы [...] А надо всем этим: император с полмиллиона солдат и огромным военным бюджетом. Но может быть кто-либо замышляет совсем свободную Австрию, в которой бы все области находились в таких отношениях, как кантоны в Швейцарии и Соединенные Штаты в Америке. Но чтобы это осуществилось в Австрии, следовало бы уничтожить все «исторические права» и национальные «привилегии», необходимо было б, наконец, признать, что ни господ Габсбурги, ни св. Стефан и его наследники никогда не имели никаких прав считать миллионы людей, как чулки, ботинки, кареты и прочее,

своим имуществом и целые народы оставлять кому-либо в наследство [...] Народы Австрии борются за «национальность» не из суеты, но имея в виду все свои умственные и общественные интересы». Федеративная Австрия, считал Маркович, «не дает никаких гарантий того, что необразованные народы не останутся в умственном, а следовательно, и в экономическом рабстве у образованных аристократов. С другой стороны, эти народы — сербы, хорваты, словенцы, румыны — имеют средство увеличить свою материальную силу, стать просвещенными и освободиться от экономического гнета иностранного капитала, который ныне их угнетает так же, если не больше, как ионациональная политическая власть. Этот путь хорошо известен: соединиться со своими братьями, живущими вне Австро-Венгрии. Они будут добиваться этого как только станут свободными, т. е. когда они станут свободными от централизованной Австрии, им не потребуется никакой Австрии. Открыто заявляя об этом, мы одновременно определили наше отношение к национальным партиям сербов и хорватов в Австрии. Мы будем с ними, поскольку их деятельность направлена на то, чтобы нынешняя Австрия исчезла». Социальный смысл борьбы за национальную независимость и отношение к буржуазным национальным революционерам Маркович выразил очень четко.

В статье «Славянская Австрия и сербское единство» [66*]. Маркович развил эти взгляды, подчеркивая общедемократическое и социальное содержание национально-освободительных движений. «Масса народа ожидает, что сгинут все беды: [...] австрийское господство, ради которого народы вступали в кровавые столкновения с другими народами, ничего им не причинившими, сгинет солдатчина [...] исчезнут невыносимые налоги, разоряющие народы, тирания верховной власти и безобразнейший грабеж ее наемных органов, национальное просвещение заменит чуждое, от которого народ не имеет пользы и т. д. Словом, под борьбой за национальность народы подразумевают борьбу за политическую свободу, просвещение и благосостояние, т. е. за общественный прогресс». Народ считает, что только в своем государстве он «перестанет быть рабом и начнет жить». Маркович противопоставлял этой борьбе политику «исторических прав», проводимую земельными магнатами и «высшими слоями общества» и имеющую цель сохранения их классового господства. Он критиковал национальных деятелей, не умевших отделить национальные цели от интересов магнатов или, более того, искавших с «магнатской партией» контакта для борьбы против централизма. Федерацию на этнической основе Маркович считал возможной после революции в Австрии, ломки всей государственной «солдатско-чиновничьей машины» империи, т. е. ликвидации тогдашней габсбургской монархии.

Свои мысли о путях борьбы за национальное освобождение народов Австро-Венгрии Маркович изложил в статье «Борьба на Границе», написанной в связи с попыткой хорватских правашей

поднять восстание в октябре 1871 г. [67*]. В этом восстании Маркович видел одну из «стычек на аванпостах», признак надвигающейся «великой битвы, которая ранее или позднее должна вспыхнуть» между господствующими кругами монархии и угнетенными хорватским и сербским народами. Он отвергал заявление хорватской либеральной (народняцкой) печати о том, что Национальная партия стремится «законным путем завоевать национальные права». «Каким путем может освободиться народ от режима насилия, который без всякого закона стремится вооруженной силой отнять у народа права, угнетать и тиранить его? И разве не законный путь защищаться от таких насильников также с помощью оружия? По нашим понятиям, гг. Кватерник, Бах и их группа [...] поднимая огулинское восстание, находились на подлинно законном основании национальной человеческой свободы». Здесь Маркович вновь выразил свои симпатии национально-революционным группировкам.

В конце 60-х годов революционно-демократическая тенденция зародилась в Хорватии, в Партии права. В Загребе возникла группа демократической молодежи, находившейся под влиянием М. А. Бакунина (Ф. Матасич, А. Якшич и другие). Поддерживая основную линию правашей (борьба за национальную независимость и демократические свободы), эта группа углубила общедемократическое содержание их идеологии и стремилась выйти за рамки либерально-демократических взглядов вообще. На страницах газеты правашей «Хрватска» в 1871 г. появились призывы к борьбе за всеобщее избирательное право, «скорейшее и основательное изменение» существующих в Хорватии условий, пропаганда республики и якобинских методов расправы с силами старого строя, участились выражения симпатии к крестьянам и в особенности к граничарам. «Хрватска» выступила за раздел между крестьянами церковных земель... в Италии (с аналогичным призывом в отношении Хорватии в легальной печати выступать было опасно), указывала на равнодушие «господского» сабора к нуждам крестьянства, призывала молодежь идти «в народ» [68*]. Наконец, Матасич в нескольких заметках с большим сочувствием отозвался о Парижской коммуне, поместил в газете «Хрватска» информацию о I Интернационале (принципы которого он назвал «весьма существенными для всего человечества») [69*], о рабочем движении в Европе, о выходе в Лондоне работы К. Маркса «Гражданская война во Франции» (название не было указано). Деятель Партии права Фран Фольнегович вспоминал, что Матасич, «фанатичный борец за полную свободу [...] с максимальным вниманием следил за событиями во Франции и решительнее всех нас проявлял симпатии к Парижской коммуне» [220, с. 30]. Как и сербской общественности, внимание хорватов привлекли выступления Мадзини против Интернационала. В отношении к позиции Мадзини, ранее завоевавшего популярность в кругах национально-освободительных движений, наметилось принципиальное различие во взглядах, в классовом содержании

идей мелкобуржуазных радикалов и зарождавшегося хорватского революционно-демократического направления. Сторонники последнего заявляли, что молодежь вдохновляют новые идеи, распространение которых Мадзини предотвратить не удастся. Деятельность левых, их атеистические воззрения и сочувствие Парижской коммуне вызвали возмущение со стороны лидера правой Кватерника, не без основания усмотревшего в этом выступление против основ буржуазного общества. Раскол в Партии права был едва предотвращен.

В сущности левые правши впервые в Хорватии стали связывать проблему национального освобождения с мыслью о глубоких социальных преобразованиях; ликвидация власти Габсбургов, по их мнению, открыла бы возможность для таких преобразований. Как и сербские революционные демократы, они подошли к пониманию того, что социалистическое движение в Западной Европе, Австро-Венгрии и России является союзником народов, борющихся за национальное освобождение. Деятельность левых правшей была непродолжительной и о ней известно мало; их взгляды не получили сколько-нибудь разностороннего развития. Условия Хорватии не позволили слотиться им в организационном отношении. Поэтому можно говорить лишь о проявлении в Хорватии революционно-демократической тенденции [подробнее: 220; Фрейдзон, 1965].

Под влиянием передовых идей, в частности произведений русских революционных демократов и Т. Шевченко, уже в 60-х годах XIX в. среди украинской молодежи Восточной Галиции зарождаются первые ростки революционно-демократического направления. Большое значение при этом имело ее знакомство с социалистическими идеями, связи с М. Драгомановым и С. Подолинским.

Во второй половине 70-х годов формируется революционно-демократический лагерь во главе с И. Франко, М. Павлыком, О. Терлецким. С именем Франко и его единомышленников связан новый этап освободительного движения и развития революционной общественно-политической мысли в украинской части Галиции. Они установили связи и сотрудничество с русскими и польскими революционно-демократическими деятелями, распространяли нелегальные издания, организовали публикацию революционной литературы. Демократическая интеллигенция выступила против буржуазного национализма и аполитичного культурничества, внесла в борьбу народных масс за демократизацию всех сторон жизни осмысленную революционно-демократическую направленность. В отличие от «народовцев» О. Терлецкий видел задачу демократии в социальном освобождении украинского народа и создании единого украинского государства с центром в Киеве. И. Франко, убежденный друг русского и польского народов, отстаивал украинско-русско-польское революционное сотрудничество. Захват Речью Посполитой украинских земель он считал несчастьем для польского народа. Франко и его единомышлен-

ники начали популяризацию произведений основоположников марксизма среди населения Галиции.

Выдающуюся роль в истории демократической культуры сыграли первые украинские революционно-демократические журналы (выходившие, однако, в более позднее время: «Друг» — с 1877 г., «Громадський друг», «Дзвін», «Молот» — в 1878 г.). Они издавались в условиях преследований со стороны властей, «москвофилов» и «народовцев».

В сущности только революционные демократы впервые возглавили борьбу трудящихся Восточной Галиции за воссоединение украинских земель в едином демократическом государстве, за союз украинского и русского народов.

Значение деятельности революционных демократов в Австро-Венгрии состояло прежде всего в идеологическом перевороте, которым ознаменовалось их выступление. Но обзор революционно-демократических группировок и течений позволяет сделать вывод, что в социально-экономических и национально-политических условиях Австро-Венгрии в конце 60-х—начале 70-х годов революционная демократия все же не получила прочного и широкого влияния. Значительным оно было лишь среди сербов. Крупнейший деятель этого направления С. Маркович происходил из Сербского княжества и в основном там же протекала его деятельность; В. Пелагич сформировался как революционный демократ также вне Австро-Венгрии. Польская революционная демократия 60-х годов была представлена эмиграцией из Королевства Польского в Западной Европе и лишь оттуда ее идеи воздействовали на Галицию, а украинская оформилась несколько позднее освещаемого в данном труде периода.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ
(ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА).
ПРОБЛЕМА ЕДИНЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ
В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ

Общей чертой, присущей социально-политической позиции буржуазии угнетенных наций Австрийской империи в 60-х—начале 70-х годов XIX в., было преобладание либерализма. Гегемония либеральных по своим *социальным* принципам буржуазных и обуржуазившихся слоев не обязательно приводила к попыткам согласования целей национальных движений с интересами правящих кругов, т. е. к национал-либерализму¹. Как известно, представители имущих слоев в ряде случаев в 1848—1849 гг. (венгерское, польское, итальянское движения) выступали с революционной программой борьбы за независимость.

В третьей четверти XIX в. дворянские и буржуазные течения, консервативные и правилиберальные в сфере социальной и общеполитической, уже ищут соглашения с Габсбургами в области национальных отношений (пример этого — эволюция венгерского и польского землевладельческого дворянства после 1848 г.). Однако полного соответствия здесь не было. Некоторые идеологи буржуазии и дворянства не отказывались от расчетов на решение национальной проблемы «сверху», при помощи иностранных держав — противников габсбургской монархии. Что касается итальянского национального движения, то его отношение к габсбургской монархии оставалось прежним: задача создания независимого объединенного государства могла быть решена лишь в борьбе против Австрии; и в основном она была выполнена уже к 60-м годам, т. е. к началу периода политического подъема. После этих событий итальянский вопрос в Австрийской империи в сущности стал вопросом о правах итальянского меньшинства, хотя итальянское ирредентистское движение ставило его по-иному, выдвигая претензии на ряд соседних территорий, преимущественно южнославянских по составу населения.

В третьей четверти XIX в. австро-немецкая буржуазия, в значительной мере освободившись от стеснительной опеки со стороны двора и земельной аристократии, обеспечила себе условия

¹ В. И. Ленин понятием «национал-либералы» обозначал идейно-политические группировки буржуазии, которые стремились разрешить национальный вопрос в границах данного государства путем соглашения с реакционными правящими кругами (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 318; т. 24, с. 247—249; т. 26, с. 134—135; Ленинский сборник, XXX, с. 171, 175).

для быстрой социально-экономической экспансии. Противник революционного движения, она тем не менее в конце 50-х годов все более открыто выступала против неабсолютизма, а в начале 60-х годов стремилась разделить власть с аристократией. Растущая буржуазия и обуржуазившееся дворянство неполноправных наций, хотя и в различной и не всегда удовлетворяющей их мере, все же постепенно приспосабливались к обстановке быстрого подъема капитализма. Для них открывались новые возможности в сфере экономики, а с начала 60-х годов — и в сфере политики и культуры. Тяжелый груз остатков феодальных отношений тормозил общественное развитие, вызывал широкое недовольство, но не остановил процесса преобразования Австрийской империи в буржуазное государство. В этом заключались причины преобладания либерализма в буржуазных политических движениях.

В. И. Ленин указывал на отличие «либерально-демократического» течения (в России) от праволиберального, монархического течения богатых буржуазных кругов. Для периода до революции 1905 г. Ленин применял понятия «нереволюционное крыло буржуазной демократии», «либеральная демократия»² и подчеркивал склонность к соглашательству, политическую шаткость этого течения, его «антиреволюционность». Но «либерально-демократическое» течение, в отличие от либерального, по Ленину, выражало позицию более прогрессивных в политическом отношении слоев буржуазии и мелкой буржуазии³. Речь идет о нереволюционной буржуазной демократии.

В среде угнетенных наций Австрийской империи процесс формирования классов буржуазного общества в третьей четверти XIX в. либо только завершался, либо — в большинстве случаев — был далек еще от завершения: преобладали мелкобуржуазные слои, а рабочее движение лишь в 60-е годы стало отделяться от общедемократического. В этих условиях буржуазная оппозиция неабсолютизму и национальному гнету являлась частью освободительного движения и представляла собой конгломерат еще вполне не размежевавшихся между собой разнородных течений. Формировалась буржуазная демократия. Но буржуазно-демократические устремления получили развитие в общеполитической сфере, тогда как в социальной господствовал либерализм.

Либерализм буржуазии коренился в ее заинтересованности создать прочные конституционные основы буржуазного порядка и вместе с тем во враждебности массам крестьян и пролетариату. В определенной мере за исключением чешских земель, где уже имелась значительная промышленная буржуазия, эксплуатация крестьянства путем ростовщичества, сдачи земли в аренду, приобретения у помещиков выкупных облигаций крестьян и т. д. являлась одним из основных источников обогащения буржуазии. В этих условиях соглашение с правящими кругами для буржуазной вер-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 79; т. 11, с. 115; т. 13, с. 245.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 316.

хушки было желательным, а массовое демократическое движение — опасным. Последнее еще не созрело настолько, чтобы угрожать помещичье-буржуазному строю Австро-Венгрии, но все же ему удалось кое-где противопоставить свою линию либералам.

Хотя буржуазные политические течения, за исключением чешских, отстаивали прежде всего интересы торговцев, ростовщиков и буржуа-землевладельцев и уже во вторую очередь — промышленников, мануфактуристов, зажиточных ремесленников, значение промышленного развития для будущего нации осознавалось идейными представителями буржуазии, которая надеялась приспособиться к общеимперскому рынку и утвердиться на рынке своем, национальном. В этом одна из причин их оппозиции власти Вены, представлявшей интересы придворной аристократии, бюрократии, военщины, австронемецкого крупного капитала. Отсюда их стремление обеспечить себе участие в управлении государством. Интересы аграрных кругов также имели большой вес при определении ориентации национальной буржуазии: ее привлекал рынок промышленных районов империи и она стремилась участвовать в определении политики цен, тарифов и пр. Эти факторы сыграли не последнюю роль в тех симпатиях, с которыми часть чешской, хорватской, сербской и словацкой буржуазии следила за борьбой венгерского дворянства против австрийского режима в 1859—1866 гг. Эти же факторы заставляли буржуазию добиваться либо федерализации империи, либо — после 1867 г. — превращения в федерацию каждой из двух частей Австро-Венгрии. Наконец социально-политический и экономический гнет стимулировал живучесть радикальных настроений у части буржуазных и мелкодворянских кругов. Часть национальных буржуазных слоев колебалась между поисками соглашения с имперским правительством и борьбой против него. Но революционные силы были невелики.

Формирующаяся национальная буржуазия стремилась устранить наиболее нетерпимые остатки феодальной эпохи (например, произвол помещиков при осуществлении аграрных реформ, хотя буржуазия сама стояла на почве этих реформ, определивших «пруссский» путь развития капитализма в земледелии). Либералы стремились сделать переход к капитализму более спокойным, менее «болезненным», т. е. смягчить классовую борьбу крестьян и помещиков. При этом идеологи умеренной буржуазии в разной мере защищали интересы помещиков, совместимые с буржуазной эволюцией земледелия, или по крайней мере мирились с ними. «Просвещение крестьянства» и его «подъем» либералы провозглашали своей первостепенной заботой. Под этим в действительности понималось создание более мощного слоя зажиточного крестьянства как опоры национальной буржуазии.

Буржуазия неполноправных наций и ее идейные представители пропагандировали «национальное единство» (в политическом смысле). Они якобы во имя целей национального движения проповедовали устранение классовой борьбы внутри нации. Более того, за исключением части радикальных мелкобуржуазных кругов,

буржуазные политики опасались обострения классовой борьбы в деревне даже там, где помещичий класс был национальным. Буржуазная печать в тех частях империи, где рабочий класс лишь зарождался, обращала внимание на необходимость «разумной» социальной политики, т. е. некоторых уступок пролетариату с целью предотвратить распространение социалистических идей и избежать классовых конфликтов, подобных тем, которые имели место в Западной Европе и промышленных центрах Австро-Венгрии. Буржуазные деятели стремились убедить массы в том, что национальный гнет — главная или даже единственная причина их бедствий. Во всем этом находил выражение национализм, прикрывавший социальные интересы буржуазии. В этом же сказывались реакционные последствия национального гнета вообще: он создавал условия для иллюзий об «абсолютном» представительстве буржуазией интересов всех классов, о полном совпадении национальных интересов и сдерживал идейно-политическую дифференциацию в обществе. Тем не менее ход общественного развития и политический опыт масс способствовали ослаблению буржуазно-националистического влияния.

Условия идеологической борьбы и глубина кризиса австрийской монархии в 60-х годах XIX в. определялись тем, что в политической жизни впервые после 1848—1849 гг. приняли участие широкие слои народов. Галереи местных сеймов ломались от публики, толпы собирались на улицах, взволнованно обсуждали события, требовали от буржуазных деятелей более последовательной борьбы против реакционного строя. Рос тираж газет, вспыхивали стихийные митинги и демонстрации, трудовые слои городов, студенты и гимназисты проявляли симпатии к военным противникам Австрии (1859, 1866 гг.), вступали в стычки с полицией и войсками; в 1859 г. в ряде мест крестьяне сопротивлялись мобилизации в армию; в 1866 г. распространялись листовки с призывами к неповиновению; в конце 50-х годов среди крестьян ряда районов — венгров и славян — распространялись слухи о скором приходе русских и... разделе господской земли; в 1860 г. народ изгонял ненавистных чиновников в Венгрии, Трансильвании, Хорватии. Крестьяне неоднократно отказывались платить налоги, принимали участие в массовых митингах («таборах»), сопротивлялись проведению «регуляций» (в интересах помещиков) поземельных отношений, а в Хорватии в 1866 г. даже оказали вооруженный отпор войскам. В крупных промышленных центрах — Вене, Пеште, Праге и других городах — значительную силу уже составляло рабочее движение. Внутриполитическая обстановка способствовала появлению радикальных программ в Чехии, Венгрии, сербских районах Венгерского королевства (Воеводине), Трансильвании, Хорватии, Галиции. Брожение масс вызвало к жизни революционную демократию, радикализировало демократическую интеллигенцию, нередко подталкивало влево часть либералов, но пугало праволиберальные и консервативные слои.

1. Идеино-политические принципы программ преобразования австрийского государства

В 60-х — начале 70-х годов XIX в. большинство политических течений в среде угнетенных наций империи опиралось на сформировавшуюся общественную базу, в разных случаях более или менее обширную, но всегда определявшую физиономию движения, его экономическую, социальную и политическую программу. Там, где объективные условия были менее зрелыми, общественному движению была присуща и меньшая идейно-политическая определенность.

Международная обстановка, несмотря на остроту конфликтов в Европе, не была благоприятной для национальных революционных движений в габсбургской монархии: политика крупнейших государств — России, Англии, Франции, Пруссии — была направлена на сохранение империи Габсбургов. В особом положении находилось итальянское движение, так как освобождение итальянских земель от габсбургского владычества не означало ликвидации самой Австрийской империи. Но вместе с тем объединение Италии было невозможно без борьбы против Габсбургов. Того же требовало радикальное решение венгерского вопроса (достижение независимости, которого добивалась революционная эмиграция), однако в венгерском общественном движении стало превалять иное направление, добивавшееся своих целей на пути компромисса с династией. Отмеченное В. И. Лениным важное обстоятельство — угроза народам габсбургской монархии со стороны могущественных и хищных соседей⁴ — побуждало их выбирать меньшее зло и способствовало влиянию политики либералов, воплощением которой являлись принципы дуализма и австрофедерализма. Действительно, например в составе соседней Италии у словенцев или хорватов Истрии, Приморья и т. д. не было бы перспектив национального развития; это соображение принималось в расчет чехами, находившимися по соседству с Пруссией, а позднее — с Германской империей, венграми, а также поляками Галиции, опасавшимися царского самодержавия. Лишь разгоравшаяся на Балканах освободительная борьба возбуждала надежды югославян на создание здесь объединенных национальных государств и оказывала воздействие на сербское, хорватское и румынское национальные движения. Но следует сказать, что реакция отдельных течений и группировок на события международной жизни зависела от общей позиции этих группировок (например, «германская опасность» не удержала убежденного противника Габсбургов Й.-В. Фрича от сотрудничества с Пруссией в 1866 г.).

В целом программы перестройки Австрийской империи решительно преобладали, хотя надежды на радикальные изменения

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 270.

в духе национального равноправия имели под собой несравненно меньше оснований, чем в революционные 1848—1849 годы.

В славянских землях австрославизм являлся политической доктриной буржуазии и дворянства, добивавшихся решения национального вопроса в рамках Австрийского государства. Под лозунгами сохранения Австрийской империи выступали различные течения — от консервативных помещиков до буржуазной демократии, по-разному видевшие будущее государственное устройство. Кроме того, провозглашение верности идее целостности империи нередко служило завесой для прикрытия более радикальных целей. Иногда завоевание национальных прав в рамках империи рассматривалось как первый этап на пути к независимости (поляки, сербы, хорваты). Наконец национальные движения, прокламировавшие, случалось, по тактическим соображениям, свою приверженность легальным методам, часто выдвигали цели, неприемлемые для правящих кругов и достижимые лишь на пути революционной борьбы (национальное равноправие и федерация, широкое самоуправление и т. д.). Это означает, что программы, которые самими авторами изображались как соответствующие «интересам государства», подчас несли в себе опасный для господствующих классов политический заряд.

В послереволюционный период идеи перестройки империи активно проповедовались чешской буржуазией, которая, как отмечалось, была заинтересована в сохранении имперского территориального комплекса. В меньшей мере чисто экономические моменты действовали в том же направлении в других, более отсталых районах. Здесь в имперском рынке нуждались относительно малочисленные буржуазные слои — более удачливая часть торговцев, финансистов, аграриев и промышленников. Но они оказывали серьезное воздействие на идеологию движений.

Национально-буржуазные круги, стремившиеся к созданию благоприятных условий для формирования нации, исходили из так называемого принципа национальности, столь важного для буржуа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Но либо ввиду заинтересованности в сохранении австрийского государства, либо также из-за своей слабости и оппортунизма представители буржуазных и обуржуазивавшихся слоев пытались совместить всепобеждающий, по их мнению, принцип национальности с сохранением габсбургского государства.

Выражением австрославистской доктрины были, в частности, программы федерализации империи (которые поддерживала также часть румынских деятелей). Сторонники федерализма в его буржуазно-либеральном и буржуазно-демократическом вариантах проповедовали идею преобразования Австрийской империи в сообщество равноправных народов реформистским путем. Иногда в качестве образца такого сообщества приводилась Швейцария, что свидетельствовало о буржуазно-демократических устремлениях. Конкретные же проекты правых либералов, готовых признать сильную власть монарха, были далеки от провозглашав-

шегося ими идеала. Более того, «идеальные» принципы Федерации равноправных наций выдвигались либералами с целью заставить правящие круги осуществить половинчатые реформы, далекие от принципа суверенитета наций и демократизма [69, с. 50].

Достоинно внимания выдвигавшееся буржуазно-демократическими деятелями требование свободного соглашения между избранными представителями народов без вмешательства «камарильи», военщины и бюрократии [70*]. Здесь уже «верность монарху» имела формальный характер и прикрывала далеко идущие планы.

Идеи союза равноправных народов имели демократическое содержание. Но их авторы, как правило, не понимали, что режим национальных привилегий и гнета был порождением общественной структуры Австрийской империи, глубоких различий в социальном составе наций, «кровных» интересов эксплуататорских классов (немецкие помещики и крупные капиталисты, венгерская и польская аристократия). К этому добавлялись переkreщивающиеся интересы буржуазии разных народов, крайне затруднявшие решение национальной проблемы в обширных районах с многонациональным населением.

Национальному равноправию могла открыть путь победа демократической революции. Но новая революция в Австрийской империи в 60-е годы оказалась невозможной. Федералисты выступали по преимуществу за легальные методы деятельности и, хотя нередко призывали к массовым выступлениям, опасались революционной борьбы трудящихся и коренных социальных преобразований. Буржуазно-демократические деятели говорили о гражданских свободах, устранении политического влияния камарильи и военщины, но обходили задачу ликвидации полуфеодальных отношений. Это был вербальный политический демократизм. Либералы (а именно они являлись носителями австрославистских принципов в полном смысле слова) мечтали о соглашении с династией, которой они приписывали магическую силу, игнорируя социальную среду, служившую ей опорой. Неудивительно, что иные мечтатели ожидали от императора установления национального равноправия и свободы! Правда, во внешнеполитических условиях 1859—1871 гг. либералам и некоторым радикальным кругам мерещилось возникновение таких трудных для Габсбургов обстоятельств, при которых они будут вынуждены пойти на кардинальные уступки.

Однако государственное устройство империи определялось не численностью тех или иных народов, т. е. их в основном крестьянского населения (этими данными охотно оперировали буржуазные деятели, сеявшие иллюзии возможности федерализации и «славянизации» монархии), а экономической мощью и политическим влиянием землевладельцев и капиталистов. Это подтвердилось даже в условиях революции 1848—1849 гг., тогда выступление славянских и румынских либералов за превращение империи в федерацию путем соглашения с австрийской консти-

туционной властью и династией способствовало победе неонабсолютизма. В 60-х годах эта политика славянских и румынских либералов в конечном счете содействовала маневрам двора, добивавшегося более приемлемых для него условий соглашения с венгерским дворянством.

Федерализация Австро-Венгрии и национальное равноправие реформистским путем оказались неосуществимы в силу глубоких причин, и прежде всего ввиду особенностей социального строя монархии, которые обеспечили перевес умеренно-консервативных и умеренно-либеральных элементов.

В третьей четверти XIX в. идеология и политика венгерских, славянских и румынских либералов сдерживали развитие демократических и национально-революционных течений в империи. Либеральный федерализм не был опасен для Габсбургов. В моменты обострения политического кризиса империи либеральные группировки обрекали национальные движения на пассивность, на ожидание реформ (например, во время австро-прусской войны 1866 г.). Это относится как к проповедникам федерализма, так и к сторонникам австро-венгерского дуализма.

Что касается политического строя, то праволиберальные монархические круги, в ряде провинций империи блокировавшиеся с консерваторами (Венгрия, Западная Галиция, Чехия), были готовы признать «два равноправных фактора власти» (монарх и нация) и удовлетвориться ограниченной конституцией, полубуржуазной монархией. Но значительные буржуазно-демократические или леволиберальные группы — младочехи, часть сербских и хорватских народняков, польские «львовские демократы» и другие провозглашали приверженность к парламентарному строю.

Демократическая политическая тенденция скрывалась в самом принципе национального равноправия. «Национальный принцип» поднимающейся буржуазии являлся опровержением сословного строя, средневекового принципа власти государя «божьей милостью» и связанной с этим политической системы. Кроме угрозы социальным позициям господствующих классов, требование равноправия народов таило, даже вопреки намерениям федералистов, возможность радикализации общественных движений.

Федералисты имели в виду сохранение единства империи в экономическом, таможенном, финансовом отношении (единый рынок), сохранение общей армии и дипломатии. Они, таким образом, стремились ограничить цели национальных движений. Более того, в проектах, основанных на «историческом праве», они фактически соглашались с неравноправием народов, не имевших оснований ссылаться на такие права, хотя на словах отстаивали идею равноправия для всех. Кроме того, федерализация монархии не могла приостановить действие социально-экономических причин, побуждавших народы к борьбе за суверенитет. Это понимали национально-радикальные и революционно-демократические круги. Вопросы национального рынка, неравномерного экономического развития областей, торгово-промышленной конкуренции,

эксплуатации помещиками и крупным капиталом народов и т. п. не снимались программой федерализации буржуазно-помещичьей монархии.

Освободительные движения даже в тех случаях, когда они не выдвигали лозунга независимости, не укладывались в прокрустово ложе либеральной федералистской политики. Так, чешские массы, участвовавшие в бурных выступлениях в защиту национальных требований после 1867 г., в своей программе не выходили за пределы австрийского государства. Однако речь уже шла не о «спасении Австрии», а о действительно демократическом движении, которое объективно было направлено на завершение буржуазно-демократической революции в Австро-Венгрии. Такого рода движения, очевидно, не покрываются понятием «австро-славизм». Осадное положение в Праге в 1868 г., войска на ее улицах — этот ответ «династии» характеризует сущность устремлений чешского народа и политики Габсбургов.

В этих условиях неудача программ федерализации государства (1848, 1867—1871 гг.) вызвала глубокое разочарование не только буржуазно-демократических кругов, но и в умеренно-либеральной среде. О многом свидетельствовал тот факт, что уже в 1865 г. патриарх австрославизма Фр. Палацкий написал: «Мы были до Австрии, будем и после нее» [17*, с. 67]. Недоверие к Габсбургам, усиливавшееся в 60-х—начале 70-х годов XIX в., становилось достоянием национальных движений и это наследие сыграло определенную роль в 1914—1918 гг.

Политическая борьба в 60-х годах XIX в. свидетельствовала о том, что из краха австрославизма в 1848—1849 гг. последовательные выводы были сделаны только радикальными группировками, убежденными в том, что интересы представляемых ими социальных слоев несовместимы с сохранением габсбургской монархии. Австрославизм как «реалистическая» идеология буржуазии возродился в 1860 г. Правда, в новой социально-экономической и международной ситуации (более высокий по сравнению с 40-ми годами уровень освободительного движения на Балканах, торжество «национального принципа» в Италии и Германии, германская политика Габсбургов и т. д.) буржуазия славянских земель, в особенности сербская и хорватская, а до 1865 г. и чешская, с симпатией относилась к венгерской оппозиции, как к мощной силе, враждебной режиму. Это обусловило иную по сравнению с 40-ми годами тактику австрославистских кругов и иные, меньшие возможности для маневров правительства. Изменения такого рода были следствием новых условий и интересов, но и опыт 1848—1849 гг. не прошел бесследно. На него ссылались федералисты, обосновывая, например, свой отказ поддержать политику А. Шмерлинга (1861—1865 гг.) и удовлетвориться обещаниями режима пойти навстречу требованиям славянских движений в случае поддержки ими февральского патента 1861 г. и т. д. Так, например, хорватский публицист Б. Шулек в 1861 г. писал: «В 1848 г. мы сделали уступки австрийскому ответствен-

ному правительству, и известно, в каком плохом положении оказались. Неужели ныне следует делать уступки абсолютистскому правительству?» [281а, с. 39].

Хотя превращение империи в федерацию равноправных народов было иллюзией, габсбургская монархия оставалась поприщем борьбы ее народов за национальные права. В зависимости от силы движений и других обстоятельств ее господствующие классы были вынуждены идти на уступки, признавать те или иные национальные права. Ведь неполноправные народы составляли большинство населения государства. Австронемецкая буржуазия в законах 1867 г. признала многонациональный характер Цислейтании, а венгерскому дворянству никакие преследования национальных движений не дали возможности мадьяризовать земли короны св. Иштвана.

Конечно, каждая уступка достигалась тем или иным народом в упорной борьбе. Все же — правда, после 1867 г. это относится по преимуществу к австрийской части государства — здесь имелись определенные условия для национального развития. Эти разные возможности были связаны с достигнутым Австрией и Венгрией уровнем общественно-политического развития, со степенью имевшихся здесь демократических свобод.

Совместная борьба за политические реформы способствовала сближению между национальными движениями угнетенных народов. Хотя каждая национальная буржуазия добивалась собственных целей и отворачивалась от союзников, когда считала это выгодным, 60-е годы XIX в. ознаменовались усилением контактов между политическими деятелями разных народов, ростом взаимного интереса, что нашло отражение в печати (поддержка близких по духу течений, освещение событий). Большое место занимали связи деятелей культуры; невиданным ранее темпом возросло издание переводной литературы и т. д. В австрославистском лагере ведущую роль играла чешская буржуазия. Она выступила и в экономическом (торговля, кредит) и в политическом отношении союзником других федералистских группировок.

Таким образом, неосуществимость программ национального равноправия не должна закрывать от нас повседневную — тяжелую, но в ряде случаев успешную — борьбу широких слоев народов за национальные и демократические права, которая велась в рамках монархии, и реальные результаты сближения между народами. В сущности, эта борьба за демократические права не имела органической связи с австрославистской доктриной. Тенденция сохранения единого государства как арены борьбы за расширение национальных прав до поры до времени опиралась на реальные национальные интересы, по крайней мере некоторых наций. Об отмеченных В. И. Лениным внешнеполитических обстоятельствах, способствовавших этому, уже говорилось.

Но именно ввиду внешнеполитической ситуации между позицией чешского и хорватского национальных движений, в рамках которых выступали носители австрофедералистских концепций,

имелось различие. Оно стало особенно значительным с 1866 г., во время обострения национально-политической борьбы в империи. Для чешской буржуазии идеи союза австрийских славян и, следовательно, территориальной целостности империи еще являлись неотъемлемым компонентом ее «национальной идеологии». Для южных славян (речь идет прежде всего о хорватских народняках, так как для сербов австрофедерализм не имел существенного значения) в 60-е годы было характерно постепенное распространение взгляда, что прочных общих интересов у всех австрийских славян не имеется и вообще перспективы существования империи проблематичны. «Единственно реалистической политикой», писала хорватская газета, является создание союза между южными славянами габсбургской монархии [71*]. Этот союз считался необходимым для политического объединения всех южных славян в дальнейшем, для завоевания независимости. Русский посланник в Вене в 1870 г. докладывал своему министру: «У чехов и югославян в области их отношений к Австрии и Германии имеется единодушие вплоть до наиболее тонких нюансов, но при том различии, что географическое положение первых вынуждает их быть консервативными (в смысле: сторонниками сохранения империи. — *Ред.*), тогда как соседство с Сербией способствует заметному ослаблению связей, побуждающих вторых держаться за единство Австро-Венгерской монархии» [72*; 164, с. 137].

В широкое понятие австрославизма можно включить пеструю национально-политическую идеологию землевладельческого дворянства славянских земель, хотя точнее в данном случае было бы говорить о лояльности Габсбургам, т. е. о позиции, присущей и венгерскому дворянству, которое совмещало с этим стремление к восстановлению венгерской государственности (последнее было главным). Эти помещичьи круги пытались решить национальные проблемы «сверху», с выгодными для себя социально-политическими результатами. Автономистские устремления землевладельческого дворянства разных наций имели целью сохранить как можно больше от старых отношений, противопоставить национальное движение делу завершения демократической революции. Такой была позиция венгерского, польского, немецко-богемского, хорватского, румынского (в Буковине) класса помещиков. На этой же позиции обычно находился высший клир (православный, униатский и католический).

Идее ограниченной автономии «исторических земель» при сохранении сильной центральной власти, абсолютизма и феодального строя, при опоре династии на местную аристократию сочувствовал в 40-х годах канцлер К. Меттерних, а после 1848 г. сторонником этой идеи выступал князь А. Виндишгрец [513]. Как отмечалось, в конце «эры» неоабсолютизма венгерский публицист Й. Этвёш сформулировал аргументы в пользу признания монархом «историко-политической индивидуальности» провинций как основы мощи государства [29*]. Богемский граф Г. Клам-Мартиниц считал этот принцип приемлемым, тогда как этнический

принцип, по его мнению, привел бы империю к распаду [1173]. В этом мнении консервативные круги были единодушны. Они имели в виду, что в «землях» власть будет сосредоточена в руках крупных помещиков, тогда как «этнический принцип» означал выдвигание на первый план буржуазных и мелкобуржуазных кругов и вероятное усиление центробежных тенденций.

После 1859 г. польское, хорватское и немецко-богемское дворянство (с его земельным патриотизмом и двуязычием) отстаивали принцип «историко-политической индивидуальности» административно-политических единиц в составе империи. Их позиция принципиально не отличалась от позиции венгерского дворянства. И все же различие было и состояло оно в том, что последнее, отстаивая особое положение Венгерского королевства, уже в первой половине XIX в. предоставило национальным обуржуазивающимся слоям широкие территориальные рамки для удовлетворения их национальных интересов.

Венгерские дворяне, осуществлявшие национально-революционную политику как до, так и во время революции 1848—1849 г., ссылались на историческое право. Умеренно-либеральное, дворянско-буржуазное (национальное) содержание имела идеология деакистов в 60-х годах XIX в., также взявших на вооружение принцип «историко-политических индивидуальностей». К ним тогда же присоединились консервативные круги венгерской аристократии, которые ранее опасались парламентаризма и ограничивались идеей восстановления реформированной сословной автономии Венгрии.

Хорватское либеральное «иллирийское» дворянство, которое до 1848 г. отстаивало права Хорватского королевства и выдвигало программу объединения хорватских земель, также в тех условиях все более наполняло историческое право буржуазным (национальным) содержанием. Но отвернувшись от иллиризма, хорватское унионистское дворянство в 60-х годах XIX в. в сущности осталось на позициях ограниченной земельной автономии Хорватии и Славонии в составе Венгерского королевства. Все же в годы борьбы против режима централизма (1861—1865 гг.) оно выступало как временный попутчик национального движения.

Программу провинциальной автономии отстаивали и польские помещики, после 1846 г. отказавшиеся от национально-революционных устремлений. Однако хотя и не в той мере, как у венгров, историко-правовой принцип (автономия Галиции) временно предоставлял поприще для национального развития поляков и даже для осуществления политики угнетения украинского населения. Автономия Галиции должна была гарантировать господство здесь польских помещиков. После поражения восстания 1863 г. польская буржуазия в Галиции также удовлетворялась программой автономии, не видя в близком будущем перспектив возрождения Польского государства. Планы же воссоединения польских земель под властью Габсбургов в сущности были сходны с идеями южнославянских австрославистов, клонившимися

к созданию автономного «южнославянского комплекса» в составе Австрийской монархии.

Отмеченное выше классовое содержание имела и историко-правовая идеология части аристократии в Чехии. Как и в устах венгерских, хорватских и польских помещиков, историческое право в данном случае означало «право» помещиков на социальные и политические привилегии в период перехода к капитализму. Но в отличие от венгерского варианта, представления помещиков Чехии о субъекте исторического права, как известно, не совпадали с представлениями чешской буржуазии и национального движения в целом (аристократия видела воплощение исторического права в автономии «земель», тогда как буржуазия и народные массы добивались объединения территорий «короны св. Вацлава», т. е. Чехии, Моравии и Силезии, и воссоздания автономной национальной государственности). В этом несовпадении вскрылось то, что было завуалировано в Венгрии и Галиции, а именно: различие между классовыми целями магнатства и задачами прогрессивного национального движения, стремившегося сплотить нацию и в конечном счете добиться ее суверенитета. Но хотя дворянство Чехии не поддерживало программы объединения чешских земель, оно также являлось временным попутчиком национального движения. Для буржуазных правых либералов, искавших соглашения с правящими кругами, наличие дворянского союзника с его государственно-правовой идеологией казалось исключительно важным. Теория исторического права считалась легальной, более того, она была «признана» Октябрьским дипломом 1860 г.

Начиная в 1859—1860 гг. поиски решения проблемы конституционного устройства империи, правящие круги стремились сохранить максимум возможного от абсолютистского режима 50-х годов, идя, однако, навстречу экономическим интересам капиталистов и экономическим и политическим устремлениям консервативных помещиков имперских земель. Речь шла о компромиссе не с нациями, а именно с местной аристократией и верхушкой буржуазии. Ни о каком признании национального принципа — этого порождения революции XVIII в., этой опасной для «незыблемых» прав государя идеи — не могло быть и речи. Между тем, по словам австрийского ученого Фр. Визера, «национальная идея доминировала в общественной жизни обеих половин империи», на ее основе создавались партии, «для буржуазных слоев она приобрела исключительное значение и наряду с идеей интернациональной сумела утвердиться даже среди организованных рабочих [...] сила национальной идеи была столь велика, что грозила захлестнуть государственную идею» [258, с. 99].

Выступления демократических сил в городах в 1860—1861 гг., либеральное движение австронемецкой буржуазии и дворянско-буржуазная национальная оппозиция в разных краях империи показали, что Габсбурги не удержатся в рамках реформ, приемлемых для консерваторов. Повсеместно развернулась борьба за конституцию, за национальные права. Однако придворным кру-

гам удалось сохранить бразды правления в своих руках, и реформы проводились сверху, постепенно. Это был путь преобразований, невыгодный для рабочего класса и крестьянства, для национальностей, не имевших ни своего дворянского класса, ни сильной буржуазии. Именно ввиду этой классовой, буржуазно-помещичьей природы преобразований революционная демократия и мелкобуржуазные круги разоблачали политику габсбургской бюрократии, боролись против решения политических проблем сверху в интересах аристократии и крупной буржуазии и против либерально-консервативных блоков в Венгрии и в славянских и румынских землях.

В 1867 г. и позднее буржуазия всех национальностей убедилась в том, что вне пределов западных имперских территорий (здесь крупный капитал теснил дворянство) Габсбурги идут на соглашение только с классом дворян — крупных помещиков. Этот класс мог быть самой прочной опорой дворянско-буржуазной монархии. Поэтому правые либералы проявляли заинтересованность в союзе с автономистским дворянством, т. е. в либерально-консервативном блоке. Для правого крыла чешской, польской и венгерской буржуазии этот союз был естественным выражением классового интереса, ее торгово-землевладельческие и банковские слои имели много общих дел с помещиками. И действительно, либерально-консервативные блоки были характерной чертой политической жизни некоторых славянских стран, а в Венгрии этот блок стал базой политики компромисса с Габсбургами. В связи с этим находится модификация австрославизма чешских и хорватских либералов в 60-х годах. Их программа была направлена на расширение прав «исторических» наций. Словенцы, украинцы, сербы, словаки и румыны оставались в стороне.

Когда выявилась нежизненность правительственной политики «земельного» полуфеодалного автономизма и полуабсолютистского централизма, открылся путь для осуществления программы венгерского дворянства (дуализм). Перед этой программой, в отличие от идей национального равноправия и федерации, открывалась возможность реализации путем верхушечных реформ. Венгерское национальное движение было наиболее сильным, и это вынуждало Габсбургов искать способ умиротворения венгерского господствующего класса. В отличие от федерации на этнической основе дуализм не содержал в себе глубокой демократической тенденции; это была национально-либеральная программа соглашения господствующих классов Австрии и Венгрии, направленная на консервацию существующего социального порядка и введение ограниченного конституционализма. Что же касается программы федерации исторических провинций или их комплексов с сохранением единой центральной власти (т. е. программы ряда славянских либеральных группировок), то она не была осуществима уже потому, что не удовлетворяла ни венгерское дворянство, ни австронемецкую буржуазию — две мощные экономические и политические силы; более того, против нее выступали

значительные течения в среде народов Венгерского королевства, особенно у сербов и румын.

Результатом соглашения Габсбургов с классом крупных землевладельцев было австро-венгерское соглашение 1867 г., автономия Галиции, венгеро-хорватское соглашение 1868 г. Во всех случаях были приняты во внимание прежде всего интересы полуфеодалной аристократии (хотя в результате указанных соглашений выгоду получила не только она). Этот способ решения проблемы государственного устройства Австрийской империи закрыл путь для завершения демократических преобразований как в сфере социальной, так и национальной.

Все сказанное подводит нас к выводу, что при социальной структуре Австрийской империи и сохранении власти в руках реакционных классов народы, не имевшие крупного дворянства и крупной буржуазии, реформистским путем не могли добиться успеха в борьбе за автономию и объединение национальной территории. В лучшем случае они могли получить частичные уступки в сфере языка, школьного дела, культуры. Проблема национального освобождения народов монархии в сущности являлась проблемой социальной.

Что касается Чехии, то Габсбурги желали компромисса с немецко-богемской аристократией (фактически, — не с чешским национальным движением!). Но компромисс был сорван вмешательством австро-немецкой буржуазии, венгерских властей и германской дипломатии.

2. Буржуазный радикализм и буржуазная революционность. Революционная демократия и проблема союза революционных сил национально-освободительных движений

Разочарование в политике Габсбургов в 1861—1864 и 1866—1867 гг., резкие изменения внешнеполитической обстановки, внутривластная неустойчивость монархии — все это стимулировало радикальные настроения в среде угнетенных наций. Идеино-политическая эволюция общественных движений в 60-х и в начале 70-х годов XIX в. проходила под знаком нарастания радикализма и политического демократизма и углубления противоречий и дифференциации в рамках каждого национального движения. Это явление было общим для всех народов. Радикализация была обусловлена социальными процессами после революции 1848—1849 гг.: формированием буржуазии, которое встречалось с немалыми препятствиями, деклассированием части дворянства, разложением ремесленников и крестьян, развитием пролетариата.

Национально-радикальные течения противостояли идеям преобразования империи в интересах либерального дворянства и либеральной буржуазии. К национально-радикальным можно отнести группировки, целью которых была национальная независи-

мость, создание суверенных национальных государств. Лишь некоторые из них становились на путь революционной борьбы. Прогрессивные радикальные и буржуазно-демократические группировки были пестрыми по составу. В основном они состояли из представителей малообеспеченных, «низших» слоев интеллигенции, выражавших настроения мелкобуржуазных кругов; определенное место здесь занимали выходцы из мелкого дворянства Венгрии и деклассированной польской шляхты Галиции. Национально-радикальные настроения проявлялись преимущественно в восточных и южных районах империи, где более устойчиво сохранялись полufeодальные отношения, а экономическое развитие наталкивалось на препятствия, т. е. в Венгерском королевстве и Хорватии, а до 1865 г. и в Галиции. Росту радикализма способствовали особые условия: в Хорватии и Воеводине — соседство с территориями, находившимися под османским игом, где нарастала борьба за освобождение, а в Галиции — связи с освободительным движением Королевства Польского. Огромное впечатление на радикальные круги произвели подвиги гарибальдийцев и успех итальянского национального движения в 1859—1866 гг.

По общеполитическим принципам радикалы принадлежали к буржуазной демократии и леволиберальным кругам. Они решительнее австрофедералистского лагеря (в каждом национальном движении) отстаивали требования демократизации политических порядков, однако не выходили за рамки либеральных проектов улучшения положения крестьянства — облегчения налогового бремени, гарантий от произвола помещиков, повышения культуры хозяйства и т. д. Радикальные дворянские и буржуазные деятели национальных движений были радикальными *националистами*. Они в разной мере игнорировали интересы соседних народов, стремились к привилегиям для своей нации.

Сторонники национальной независимости превозносили «национальный принцип», «естественное право» народов, учение Дж. Мадзини. Но они не отказывались и от системы аргументов «исторического права» (венгры, хорваты, чехи, поляки), в данном случае уже для обоснования права на независимость. Анализ идеологических принципов различных по своим целям течений, от консервативных до революционных, позволяет дополнить характеристику содержания историко-правовой аргументации. Ввиду того, что «историческое право» служило для обоснования программ консервативных кругов (для последних оно было юридической основой их лояльно-автономистской программы), то в среде «неисторических» народов и нередко в буржуазной публицистике вообще «историческое право» приобрело консервативный смысл, его сторонников упрекали в ссылках на «пожелтевшие пергаменты» вместо отстаивания живых интересов. Подобного рода доводы получили распространение и в историографии XIX—XX вв. Но в действительности содержание, вкладывавшееся в «историческое право» тем или иным течением, зависело от его социально-политических устремлений.

Это видно на примере чешских земель: как уже было отмечено, консерваторы считали объектом права отдельные имперские провинции, либералы — «земли чешской короны» в их совокупности, т. е. чешскую нацию, Й.-В. Фрич и его сторонники — также чешскую нацию, для которой требовали независимости. Переход чешской буржуазии в 60-х годах XIX в. от смешанной естественно-правовой и государственно-правовой аргументации 1848 г. преимущественно к последней идеологически обеспечивал ее борьбу за территорию «земель короны св. Вацлава», частично подвергшуюся германизации. Это, как и требование автономии комплекса чешских земель, не нравилось немецкой буржуазии. Немецкие буржуазные публицисты, в частности из-за государственно-правовой программы чешского движения, изображали его как воплощение «мрачной реакции». В действительности идейная эволюция чешской буржуазии после 1848 г. наряду с политической обстановкой определялась явлениями социально-экономической жизни, новым этапом движения, которое ставило перед собой наступательные цели. Эта идейная эволюция диктовалась интересами чешского национализма, как и в случае любого иного буржуазного движения.

В венгерском национальном движении умеренно-либеральные круги опирались на «незыблемые» исторические права венгерской государственности для соглашения с Габсбургами на условиях признания конституции 1848 г., а революционные эмигранты — для обоснования права на полную независимость. Хорватское движение дает аналогичную картину. Одна и та же аргументация преследовала разные цели: в 60-х годах ссылкой на «историческое право» дворянство обосновывало политику подчинения Хорватии правительству венгерских помещиков, народники — требование объединения и широкой автономии хорватских земель, правашаи — требование независимости.

Характерный пример использования «исторического права» в борьбе против полуабсолютистского режима Шмерлинга и созданного им на основе Февральского патента рейхсрата представляет аргументация хорватского национального деятеля Б. Шулека: «Мы, — писал он поэту П. Прерадовичу в апреле 1861 г., — располагаем доказательствами того, что в Вене замышляют нечестное, для них важно лишь навести порядок в финансах, а потом они снова возьмутся за старое! (восстаноят абсолютизм. — *Ред.*). Если бы наша конституция была распространена на австрийские земли, то мы первые вступили бы в их круг! Но уступки этим землям (австрийским провинциям. — *Ред.*) — не конституция [...] Следовательно, мы ни на волос не можем уступить от исторического права тайному абсолютизму [...] Вот почему никто из нас не думает о посылке депутатов в нынешний рейхсрат» [281а, с. 39]. Здесь выражена готовность поступиться «историческим правом» ради парламентарного строя, но это «право» использовано как щит против политики тогдашнего режима.

Конечно, историко-правовая аргументация подчас свидетельствовала о стремлении сделать национальную программу более приемлемой для правящих кругов и для противников (не отпугивать их принципами «естественного права», о которых в условиях революции 1848 г. говорилось без стеснения), а ради этого даже умалчивать о задаче объединения всей национальной территории (так, хорваты в 60-х годах формально не претендовали на присоединение большей части Истрии и Меджимурья с их по преимуществу хорватским населением, но отстаивали свое «право» на некоторые области, нехорватские по этническому составу). Все же сама ссылка на «историческое право» не дает оснований для характеристики степени прогрессивности какого-либо течения.

Но историко-правовая аргументация служила не только целям освободительного движения, но и националистическим интересам. Идеологи национальных движений, руководящую роль в которых в эпоху перехода от феодализма к капитализму играл господствующий землевладельческий класс, при определении пределов национальной территории, обычно исходили из теории «исторического государственного права», потому что стремились таким образом включить в состав будущего «национального государства» всю территорию, на которой были расположены феодальные владения помещиков независимо от этнического состава населения (в этих случаях полиэтничное население включалось в состав «государственной политической нации» в качестве «неисторических народностей» или этнических или диалектных групп, якобы не имевших прав на самобытное политическое существование). Дворянство предъявляло претензии на все территории, на каких-либо условиях входившие в состав государственных образований, созданных в средние века. Так было в польском и венгерском национальных движениях; при этом национальная буржуазия использовала идейное наследие, полученное от дворянства (венгерское, польское, чешское и хорватское «историческое право»).

Здесь же надо отметить, что теория «естественного права» сама по себе также не гарантировала народы от националистических претензий инациональной буржуазии. Когда дело шло о корыстных интересах, то и эта теория подвергалась препарированию (идеи «единого народа»).

Но вернемся к радикалам. Радикальные круги, в частности находившиеся в эмиграции (Л. Кошут, Й.-В. Фрич и другие), с разной степенью последовательности развернули критику идей дуализма и австрофедерализма, с сарказмом высмеивали «реалистические» планы соглашения с габсбургским правительством. В конечном счете, глубокие причины убежденности радикальных сил в том, что равноправное соглашение между народами и австрийской властью невозможно, лежали в сфере социальной, в противоречиях интересов национальных мелкобуржуазных слоев и господствующих классов Австро-Венгрии. (Мы здесь не

говорим о ясном понимании этой проблемы революционной демократией).

В программе венгерских революционеров во главе с Кошутом кардинальное значение, как и для Фрича, приобрела проблема будущей федерации. В ней, в союзе с соседними нациями они видели гарантию укрепления международных позиций своих стран и даже самого национального существования своих народов.

В отличие от Галиции, где поражение восстания 1863—1864 гг. в Королевстве Польском привело к спаду революционных настроений, в хорватских и сербских землях радикальные течения во второй половине 60-х—начале 70-х годов XIX в. приобретали все большее влияние. Значительную роль здесь играли группировки, занимавшие промежуточную позицию и выражавшие интересы средних слоев. Они колебались между австрославизмом и борьбой за независимость (народняки Хорватии) и пытались совместить поддержку революционных выступлений на Балканах с легальной деятельностью в габсбургской монархии (сербские народняки в Воеводине и Далмации). Сочувствие радикальным конечным целям (южнославянское государство) имелось среди младословенцев, хотя это слабо проявлялось в их практической деятельности.

В Венгрии радикальные течения в мелкодворянской среде были ослаблены соглашением 1867 г. Кошут считал его изменой делу национальной свободы. Но соглашение открыло широкие возможности для дворянско-буржуазной интеллигенции. Часть ранее радикальных кругов, в том числе эмигрантов, была втянута в предпринимательский бум, увлечена карьерой. Но обеднение дворянства способствовало живучести антиавстрийских настроений. Деклассированные дворянские национально-радикальные круги, однако, опасались массовых выступлений социального и антидуалистического характера, имевших место в Венгрии, а потому не могли расширить свою социальную базу.

Иной была обстановка в среде некоторых угнетенных наций. У сербов и хорватов радикализация проявилась в разносторонней деятельности Омладины, расширении влияния правашей, попытках хорватских народняков опереться на поддержку Сербии, а затем непосредственно России, наконец в разной глубины и силы революционно-демократических устремлениях. Хорватские и сербские буржуазно-демократические течения выступали за расширение политических свобод и территориальной автономии в рамках империи. Эти требования, как частные, в конце 60-х—начале 70-х годов увязывались со стремлением к национальному суверенитету. В хорватских и сербских землях радикальная тенденция сохраняла большую живучесть ввиду остроты восточного вопроса.

Для чешских и словенских земель характерно втягивание в борьбу широких слоев народа (таборы). Но тенденция массового демократического движения в чешских землях заключалась не в отделении от Австро-Венгрии, а в прочной автономии в ее составе и демократизации политического строя. В отличие от южных славян, где оживились революционные течения, борющиеся

за независимость, влияние сторонников Й.-В. Фрича, мечтавших о независимой Чехии, сходит на нет, а сами они становятся левым крылом младочешской группировки. Аналогичной была тенденция в польском обществе в Галиции после 1864 г. И до и после 1863 г. здесь действовали революционные силы. Но после восстания активность революционеров проявлялась в основном в эмиграции, причем их влияние на национальное движение ослабело.

Буржуазно-радикальные элементы обычно связывали проблему национального освобождения с межгосударственными конфликтами 50-х—60-х годов (австро-прусская, австро-французская) или назревавшими в будущем (русско-германские и франко-германские противоречия), и лишь наиболее передовые представители интеллигенции видели связь дела национального освобождения с коренными социальными преобразованиями, с рабочим движением. Ориентация на помощь зарубежных государств, враждебных Габсбургам, в той или иной мере была присуща всем национально-революционным течениям. Опасения перед вмешательством иностранных государств проявлялись в тех случаях, когда тот или иной реакционный режим мог воспользоваться ослаблением Австрийской империи в своих корыстных целях и в ущерб борющейся нации. В этом прежде всего причина враждебности Мадзини и его партии к политике Луи-Наполеона. Политика Бонапарта, естественно, не вызывала такого же беспокойства у венгра Кошута, хорвата Кватерника, чеха Фрича и польских революционеров, отечества которых не имели общих границ с бонапартистской империей.

Ориентация на иностранную поддержку была связана, в частности, с тем, что буржуазно-дворянские революционеры в силу своей социальной природы были не только недостаточно связаны с миллионными массами своих народов, но в большинстве случаев и прямо враждебны их коренным социальным требованиям и интересам; иностранная поддержка казалась необходимой также потому, что массовое революционное движение на родине за некоторыми исключениями (Польша, Италия) — да и то только в определенные периоды — было слабым, тогда как противник, в данном случае — габсбургская монархия, представлял собой великую державу. Поэтому и польское и итальянское освободительные движения искали иностранной поддержки. Враждебные Австрии державы со своей стороны стремились использовать национально-освободительную борьбу в габсбургской монархии в собственных целях. Так, Наполеон III предал своего пьемонтского союзника и интересы Италии, когда посчитал, что цели, которые бонапартистский режим преследовал в войне 1859 г., достигнуты. Тем не менее национально-освободительные движения в габсбургской монархии (как и в османских владениях на Балканах) в разных случаях с большим или меньшим успехом использовали противоречия между реакционными режимами [подробнее см.: Фрейдзон, 1975]. Что касается балканских народов, то, как известно,

русско-турецкие войны имели огромное значение в их борьбе за создание национальных государств.

Однако задачи демократического преобразования Европы требовали развязывания революционной инициативы широких народных масс, ослабления политического влияния реакционных режимов. На это неоднократно указывали К. Маркс и Ф. Энгельс. Аналогичную позицию занимал Н. Г. Чернышевский. Основоположники марксизма разоблачали спекуляцию Наполеона III и русского царизма на «принципе национальностей». Так, приветствуя героическую борьбу Гарибальди и его последователей, Маркс в 1860 г. выражал надежду на то, что удастся «раз навсегда оторвать дело национальностей от дела французской контрреволюции»⁵. В связи с этим Маркс критиковал, в частности, ориентацию Л. Кошута на помощь со стороны Бонапарта и правящих кругов Англии, отмечая также неустойчивость республиканских взглядов знаменитого венгерского революционера⁶.

Значение буржуазных национально-революционных течений состояло не столько в их социальных или общеполитических принципах, хотя в этом отношении они обычно находились левее сторонников дуализма и федералистов⁷, сколько в борьбе за национальную независимость. Эта борьба сближала их с международным революционным движением, с революционно-демократическим лагерем (если он был) своего и других народов. Борясь за независимость, революционеры понимали, что на пути к этой цели стоят не только австрийские правящие круги, но и привилегированные слои своих наций, искавшие соглашения с имперским правительством, и разоблачали политику «своих» либералов и консерваторов. В этой критике подчас проявлялись догадки о социально-классовых корнях ориентации австрофильских кругов (однако лишь догадки, ибо в отличие от революционной демократии мелкобуржуазные деятели выступали за «национальное единство»).

Значение радикальных течений состояло также в том, что они создали традицию борьбы за национальное государство, против иноземного гнета. Эти течения отстаивали исторически прогрессивную цель. В. И. Ленин, имея в виду программу борьбы за независимость Польши, указывал, что неосуществимость известных требований программы в смысле невероятности их выполнения в ближайшем будущем не может служить аргументом против этих требований. «Дело не в „осуществимости“ в указанном смысле, — писал он, — а в соответствии известного требования

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 459.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 382—384 и др.

⁷ На левом фланге течений, признававших принцип целостности «австрийского» территориального комплекса, находились мелкобуржуазные демократы (некоторые из них пытались влиять на зарождающееся рабочее движение), а левый фланг национально-революционных течений смыкался с революционной демократией. Состав группировок был пестрым,

общему направлению развития общества или общей экономической и политической ситуации во всем цивилизованном мире»⁸.

Хотя политическое влияние революционной демократии в Австро-Венгрии, ее способность поднять массы на политические действия, не были значительными, появление революционно-демократических группировок знаменовало новый этап в идейно-политическом развитии народов. Впервые демократические течения сознательно выступили в защиту интересов масс трудового населения, крестьянства, полупролетарских слоев города и деревни. Именно поэтому революционная демократия была предшественницей революционной социал-демократии. Поэтому идеологический разрыв между новым направлением и другими течениями буржуазной мысли был велик, хотя обычно революционно-демократические взгляды — вопреки представлениям их носителей — объективно выражали лишь буржуазно-демократическую задачу кардинальной расчистки общественной арены от остатков феодальной эпохи. С появлением революционной демократии в аграрных районах монархии, так же как с появлением социалистического рабочего движения в экономически развитых аграрно-промышленных областях, основное социально-политическое размежевание прошло между всеми течениями, представлявшими дворянство и растущую буржуазию, с одной стороны, и революционной демократией, соответственно — рабочим движением — с другой.

Значение революционно-демократического мировоззрения было в отрицании всего помещичье-буржуазного строя. Отсюда происходило понимание революционными демократами невозможности достичь национального освобождения путем реформ в габсбургской монархии. Однако значительные мелкобуржуазные (собственнические) слои населения в южнославянских землях также подвергались гнету полуфеодальной Австро-Венгрии и в связи с этим подчас занимали революционные позиции, по крайней мере в сфере национальной. Это было свидетельством незавершенности борьбы буржуазии с феодализмом. Данная ситуация, коренившаяся в социально-экономических отношениях, сделала возможным временное сотрудничество разных общественно-политических направлений — мелкобуржуазного радикализма и революционной демократии в борьбе за национальное освобождение. Поэтому (ввиду наличия национального гнета) в практической борьбе, в национальном движении на первый план выходило размежевание между всеми революционными и всеми соглашательскими течениями. Но там, где революционная демократия достигла зрелости, она осознавала необходимость самостоятельной идейно-политической позиции и организации, отделения от радикальной буржуазии по всем линиям.

В этом нашли выражение противоречия между массами народа и национальной буржуазией в национально-освободительном

⁸ Ленин В. И. Подл. собр. соч., т. 12, с. 257, 258.

движении. В 1872 г. С. Маркович писал, имея в виду вхождение революционных демократов, сторонников социалистического учения, вместе с Национальной партией С. Милетича в «Дружину объединения и освобождения сербов» (общество ставило перед собой задачу организовать восстание против османского ига): «мы остались социалистами, Национальная партия и Омладина — республиканцами и конституционными монархистами. Но мы все были согласны в том, что нужно организовать действительную партию и практическое решение внутренних вопросов отодвинуть на период, когда война за освобождение будет закончена. Но каждый, разумеется, сохранил за собой право и впредь проповедовать свои теоретические принципы» [156, с. 30]. Сторонники Марковича были готовы поддерживать воеводинских народняков, поскольку те действительно боролись за национальное освобождение. Возможности отстаивать свои принципы в рамках общей с буржуазными радикалами партии добились и левые правашы в Хорватии, эволюция взглядов которых в революционно-демократическом духе уже нами отмечалась.

Ранее идея сотрудничества революционных кругов была, правда, ввиду своекорыстия дворянства лишь частично, в недостаточной мере, осуществлена в польском восстании 1863 г. Здесь выступали различные социально-политические силы — от представителей умеренного дворянства до буржуазных революционеров и революционных демократов; при этом в лагере повстанцев не затихала борьба за руководство движением, являвшаяся следствием интересов различных классов. Ф. Энгельс указывал, что в польских восстаниях успех мог быть достигнут лишь при наличии союза оппозиционных партий, «в особенности союза дворянства с крестьянами». Этот союз, однако, проделокал Энгельс, был невозможен, так как «лишь полное упразднение крепостного состояния и феодальной зависимости и отказ дворянства от всех его привилегий могли побудить сельское население объединиться с ним»⁹. В итальянском освободительном движении участвовали различные социальные силы, и здесь также не прекращалась борьба, в ходе которой определялись как тактика движения, так и классовый характер будущего объединенного государства.

В эпоху подъема буржуазии и общедемократических, в том числе национальных, движений союз революционных сил возникал неоднократно. Он был направлен против иноземного угнетателя и капитулянтских сил данной нации. В венгерской революции 1848—1849 гг. и в польском восстании 1863 г. это была прежде всего часть аристократии. В сербском и хорватском освободительных движениях начала 70-х годов XIX в. это — «национальная» по происхождению бюрократия, полуфеодалная церковная иерархия, служившие опорой габсбургской власти, оппортунистические круги буржуазии и дворянства.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 395.

В отличие от польского, венгерского и итальянского движений, в которых, наряду с другими слоями, участвовало дворянство, у хорватов и сербов речь шла о временном сотрудничестве (и одновременно борьбе) революционной демократии с революционной частью буржуазии, преимущественно с мелкобуржуазными революционерами.

Буржуазия пропагандировала полное «общенациональное единство», подвергала нападкам революционно-демократические взгляды и присущую революционным демократам тенденцию интернационализма и стремилась закрепить свою гегемонию в национальном движении, свое идейное господство в обществе. Идеологи имущих классов понимали, что революционная демократия впервые поставила под сомнение претензии дворянства и буржуазии на монополию в области патриотизма. Представители собственнических мелкобуржуазных слоев ввиду своего промежуточного положения в обществе особенно рьяно призывали к приглушению социальных противоречий во имя «общенациональных интересов».

В отличие от них революционная демократия провозглашала необходимость борьбы против «национальных» эксплуататоров с целью национального и социального освобождения народа. Тем самым она впервые поставила во главу угла действительно национальные интересы в их широком понимании. С появлением революционной демократии вскрылась иллюзорность идеи «абсолютного общенационального интереса», классовая ограниченность «национальной идеологии», патриотизма имущих слоев (хотя это не устраняло определенного общедемократического содержания последних). Таким образом, в общественной жизни ряда наций на Юго-Востоке и Востоке Европы наметился сдвиг, который ранее имел место на Западе, но который подлинно всемирно историческое значение приобрел только с возникновением в 40-х годах XIX в. научного коммунизма К. Маркса.

3. Некоторые аспекты межславянского сотрудничества

В 50—70-х годах XIX в. в борьбе славянских народов за национальное освобождение немалое место занимали надежды на сотрудничество славян. Сознание того, что данный народ принадлежит к славянской общности, как и ранее, служило моральным подспорьем для национальных движений. Так, например, хорват Ф. Рачкий утверждал в 1880 г., что славянство «с каждым днем все сильнее будет стучать в двери истории» [106, с. 350].

Объективный процесс формирования наций определял место и значение идей славянской общности и сотрудничества. Идеологи национальных движений отстаивали первичность национальных связей и интересов. Так, в ответ на планы регионального «слияния» (югославизм, чехословакизм) или общеславянского масштаба буржуазные идеологи других наций либо возражали, либо отстаивали необходимость «сначала» развития своей нации,

либо, наконец, объявляли свою нацию наиболее способной возглавить объединение.

В третьей четверти XIX в. важное значение приобрела проблема взаимопомощи славян в политической борьбе. Но практически солидарность имела место там, где существовали общие интересы. Задачи борьбы за освобождение содействовали сближению между славянскими нациями, однако в полной мере сказались особенности позиций лидеров отдельных национальных движений. Так, принцип «исторического права» чешской и хорватской буржуазии был неприемлем для ряда народов, сербские либералы отвергали планы федерализации и укрепления Австрийской империи, польская шляхта выше всего ставила обеспечение своего господства в Галиции и т. д. В то же время общность интересов проявилась в борьбе чешской и хорватской оппозиции против дуализма в 1867—1871 гг. Общность интересов привела к сотрудничеству между соответствующими течениями польского и венгерского или славянских и румынского национальных движений. Этническое родство не могло иметь решающего значения в политической жизни 60-х годов XIX в.

Идеи славянской общности (имеется в виду не народное чувство родства, не связанное с буржуазными интересами, а идейные принципы национальных движений, возглавляемых буржуазией или дворянством) не составляли самостоятельную идеологическую систему, но оставались частью данной «национальной идеологии» на разных этапах ее эволюции. В них имелось демократическое содержание, направленное против гнета. Но уже в период подъема национально-буржуазных движений национализм был направлен также на обоснование эгоистических стремлений буржуазии. Разные теории единого народа (панславизм, панхорватизм, отрицание национальной самобытности украинцев идеологами польского дворянства и буржуазии и т. д.) были проявлением национализма. В частности, по этой причине содержание идей славянской взаимности было противоречивым, и в третьей четверти XIX в., как и ранее, в нем сочетались прогрессивные и реакционные моменты. Так, интенсивное культурное сближение между славянскими народами имело важное значение, поскольку речь шла о восприятии достижений культуры других народов. Положительным фактором было усвоение передовых политических идей и форм движения.

Но в системе «общеславянских» взглядов зачастую сохранялся элемент противопоставления славянских народов, их истории, общественного строя, традиций, идеалов, другим народам, прежде всего народам Западной Европы. Данная реакционная тенденция редко перерастала в цельную славянофильскую систему «обновления» Европы и т. д., так как интересы буржуазии славянских наций побуждали ее искать идеала в конституционных странах. В третьей четверти XIX в., как уже говорилось, процесс развития капитализма в Центральной Европе стал более интенсивным, а промышленный переворот имел весьма противо-

речивые последствия, приводя к оскудению значительных слоев национальной средней и мелкой буржуазии, оказавшихся не в состоянии противостоять крупному капиталу Австрии и западных стран. Кроме того, события 1848 г. и последующего времени свидетельствовали о растущей мощи рабочего класса Западной Европы, что встревожило буржуазию и мелкобуржуазную интеллигенцию в Австрийской империи, наблюдавшую аналогичные тенденции у себя на родине. Эти обстоятельства, как и разочарование в результатах революции 1848 г., способствовали временному оживлению у части лидеров славянских национальных движений симпатий к славянофильским представлениям о «самобытности» и «особых путях» исторического развития славян (словак Л. Штур, словенец М. Маяр, хорват И. Ткалац и другие). Даже попытки получить политическую поддержку на Западе сочетались у некоторых славянских деятелей с идеями неприемлемости «для славян» многих существенных сторон западного буржуазного «образа жизни»; а именно острых социальных противоречий, классовой борьбы пролетариата, революций и т. д. Критика более развитого капитализма велась как справа, в славянофильском духе, так и слева, в частности под влиянием А. И. Герцена. Поскольку ход общественного развития развеивал иллюзии о такой «самобытности» славян, противоречия капиталистического общества объяснялись насаждением «немцами» чуждых славянам нравов и т. п. «Славянские идеи» при этом были удобной идеологической формой защиты определенных социальных интересов.

Идеи политического сотрудничества между национальными движениями славян получали принципиально разное содержание в зависимости от общественно-политических устремлений их носителей. Праволиберальные течения имели в виду взаимное сотрудничество и совместные поиски компромисса с конституционной габсбургской властью, а также подчас вполне совместимые с этой ориентацией надежды на поддержку со стороны официальной России. В подавляющем большинстве случаев это, однако, не означало одобрения самодержавного строя. Радикальные и революционные славянские круги все более стремились к сотрудничеству с европейским революционным буржуазно-демократическим движением независимо от национальности, а часть их указывала на наличие глубоких противоречий между царизмом и народом в России.

Прогрессивные идейные процессы нашли свое выражение, в частности, в следующем выступлении чешской радикально-демократической газеты «Болеславан» в 1863 г., в разгар польского восстания: «Все народы должны встать в единый прочный строй против абсолютистских правительств, один за всех — все за одного, точно так же, как это делают правительства, когда страдают народы». Леволлиберальные «Народни листы» указывали, что царский деспотизм не является «представителем славянства» [Žáček, 1960].

В условиях социально-политических сдвигов все больший интерес в демократических славянских кругах вызывали идеи русской революционной демократии, в данном случае мы имеем в виду ее подход к славянским проблемам. Этот подход был основан на уважении интересов народов, понимании важности их союза в борьбе за свободу, ему была присуща интернационалистская тенденция — идеи революционного союза всех народов, славянских и неславянских. Революционная демократия противостояла националистическим течениям.

В данной связи представляет интерес пребывание русского демократа И. И. Бочкарева в Белграде и Нови-Саде в 1867 г., факт, привлекающий внимание потому, что деятельность С. Марковича, знакомившая сербское общество со взглядами русской революционной демократии, была еще впереди. В кругах русской эмиграции Бочкарев был известен, как приверженец «социальной республики» и революционер. Он призывал сообразоваться с духом времени, для которого характерна «идея национальности», и способствовать освобождению славян. Бочкарев считал возможным, что «полное освобождение всех славянских народов и образование славянской федерации будет иметь влияние и на правильное развитие у нас гражданской свободы» [32, с. 308, 310]. Таким образом, как и многие русские революционеры, он стремился использовать возможности национальных движений в интересах революции в России, видел в этих движениях союзника последней. Несомненно, что беседы, которые состоялись у Бочкарева в Сербии и Воеводине, расширили сведения, имевшиеся в сербских демократических кругах, относительно взглядов русской демократии: «Застава» в это время, выступая против славянофилов, утверждала, что «единственные истинные поборники славянской идеи в России [...] нигилисты» [32, с. 302]. Под «славянской идеей» здесь понималось сотрудничество в борьбе за свободу народов.

Русофильство являлось существенной, а подчас главной частью идей славянской взаимности. В славянских странах интерес к России и вообще к проблемам славянства усилился в либеральных кругах после краха надежд на реорганизацию монархии Габсбургов и в связи с тем, что события 1848—1849 гг. свидетельствовали об остроте межнациональных противоречий в Центральной Европе. В условиях неабсолютизма и германизации в 50-х годах часть славянских идеологов стала искать выхода в ориентации на Россию.

Антигабсбургские настроения либералов ослабели после 1859 г., но интерес к России, особенно ввиду реформ начала 60-х годов, продолжал расти. Русофильские устремления получили новый толчок в связи с австро-венгерским соглашением 1867 г. и образованием Германской империи в 1870 г. Взгляды большинства идеологов славянских национальных движений в Австрийской империи (кроме польского) на славяно-русские отношения заключались в том, что не только Россия и ее содей-

стве нужны славянам, но и славяне нужны России. В частности, хорватская газета обосновывала надежды на «великое начало славянской взаимности» тем, что «в насущных интересах России чтобы Чехия не стала германской, земли Венгерского королевства — мадьярскими, а Балканский полуостров — турецким» [73*].

Либеральные круги надеялись на то, что буржуазные реформы в России приведут к установлению конституционного строя, усилению политического влияния России, а возможно и сближению ее с Францией и Англией. Это, по мнению либералов, не могло не повлиять на будущее славянских народов. Буржуазно-демократические круги, в целом положительно относившиеся к реформам, отмечали их недостаточность. Эта среда, хотя и непоследовательно, подходила к пониманию международного значения, которое имела бы русская революция.

В чешских землях русофильство поддерживало уверенность народа в конечном успехе его сопротивления гнету. Но уже во время Крымской войны здесь выявились разногласия: либералы выражали надежду на реформы в России, радикалы считали, что падение царизма привело бы к ликвидации реакционных режимов в других странах и к мощному подъему России. Хотя подлинно панславистские идеи в Чехии не встречали сочувствия, в условиях баховского режима либералы проявляли царфильские тенденции. И до и особенно после 1867 г. правые либералы — старочехи, проповедуя межславянское сотрудничество как средство «спасения» славян, выражали симпатии династии Романовых. Палацкий, хотя и называл самодержавие «монголо-германским» режимом, в отличие от 1848 г. считал, что укрепление международных позиций царской России было бы плюсом для славян. Младочехи, симпатизируя прорусской ориентации, возражали против царфильства. Но и те, и другие стояли на позициях австрославизма. Славянофильская публицистика с ее пропагандой православия как проявления истинно славянского духа вызывала резкие возражения в чешских землях и лишь способствовала укреплению австрославизма. Однако дуализм привел к новому взрыву русофильских настроений.

Старочехи были слишком умеренными и лояльными Габсбургам для сочувствия идеям государственного объединения славян. Ближе всего к либерально-всеславянским идеям были младочехи. Их лидер Ю. Грегр после 1867 г. считал «единственной целью славянской идеи [...] осуществление федерации всех славянских народов на основе равноправия». «Я предлагаю, — отмечал он в одном из писем, — унию славянских государств, в которых должна развиться политическая и общественная свобода на основе того равенства и тех демократических воззрений, которые сохранились у славян как золотые зерна, не испорченные феодализмом Запада» [69, с. 53—54]. Так стремление к буржуазно-демократическому строю окрашивалось в романтические тона. Но эти мысли не определяли политику младочехов.

Радикальные круги во главе с Й.-В. Фричем — почитателем А. И. Герцена, Э. Ваврой и близким к ним Э. Тоннером отстаивали идею самостоятельного Чешского государства и «вольной славянской федерации», подчеркивая, что только свободная Россия может стать защитницей славян и что идея федерации как средство защиты национальных интересов не имеет ничего общего с панславизмом [69, с. 62]. Среди радикально-демократических кругов также обсуждалась мысль о федерации народов Центральной и Юго-Восточной Европы, славянских и неславянских, на равноправной основе. Для Фрича и его сторонников славянская взаимность являлась одним из средств сплочения национально-революционных и демократических сил всей Европы, борьбы за солидарность народов. Эта программа уже не уместилась в рамках «славянской идеи». Однако ограниченность буржуазной демократии заключалась в игнорировании или недооценке социального содержания национальных и революционных проблем.

Выражение царевильских чувств в чешских землях после 1867 г. имело демонстративный и неадекватный содержанию движения характер. Участники митингов, выражая братские чувства к русскому народу, пели гимн Российской империи, но боролись за демократические свободы в Австрии и солидаризировались с европейским демократическим движением. Вместе с тем «славистские» настроения чешской буржуазии питались пропагандой упрочения экономических связей со славянскими землями, в особенности с русским рынком [445, с. 256]. И все же возмущение австрийской политикой способствовало росту интереса к панславизму, о чем свидетельствовало быстрое появление чешских переводов сочинений Н. Данилевского и Р. Фадеева.

Для *хорватских* народняков югославизм и славянская взаимность были различными явлениями. Первый охватывал проблему создания южнославянского государства, вторая — проблемы культурного сотрудничества между славянскими народами, их солидарности в политической борьбе и, наконец, содействия со стороны России их национальному освобождению. Русофильство хорватских либералов, как и чешских, сочеталось с австрославизмом; они провозглашали необходимость сотрудничества будущей «славянской» Австрии с Россией. Однако поскольку политика Габсбургов наносила удары их австрославистским иллюзиям, народняки выражали надежду на помощь со стороны России Сербскому княжеству и хорватскому национальному движению в их борьбе против австрийской экспансии на Балканы и за создание южнославянских государств или южнославянской федерации. Они были уверены в том, что «какие обстоятельства ни придумать, без России восточный вопрос решить невозможно» и что ни одна другая держава не пожелает помочь народам сбросить османское иго [74*]. Поэтому народняки в 1870 г. с ликованием встретили сообщение об отказе России от статей Парижского мира 1856 г., запрещавших ей иметь военный флот на

Черном море. В начале 70-х годов они пропагандировали необходимость союза России с Францией и Австро-Венгрией против опасности со стороны Германской империи.

Народники отвергали выдумку, будто славянские и другие балканские народы стремятся к чему-либо иному, кроме национального суверенитета: «грек стремится к Афинам, серб — к Белграду, болгарин — к свободному государству» [75*]. Хорватская печать указывала, что славянофильская идеология неприемлема ввиду противопоставления славян Европе и «проповеди политического панславизма» и тут же отмечала коренное различие между панславизмом и славянской взаимопомощью в борьбе за национальную свободу. Народняцкий «Пбзор» подчеркивал: «Мы — убежденные друзья славянской взаимности» [76*].

Существенно отличалась от народняцкой позиция правашей. А. Старчевич противопоставил «славизму» (панславизму, австрославизму, югославизму) принцип хорватизма. Долгое время исходя из того, что только Запад, прежде всего Франция, может содействовать хорватам, Старчевич отрицал наличие каких-либо общеславянских интересов у хорватов. Он указывал на то, что в эпоху «национального принципа» славяне не являются чем-то единым. При этом Старчевич подчеркивал, что вообще всякое движение под славянским флагом имело реакционный характер [77*]. Но в действительности он при этом имел в виду славянофильство в России и австрославизм в Австрии, т. е. консервативные и либеральные течения, сотрудничавшие с правящими кругами или склонные к соглашению с ними. Эта позиция была естественна для поборника взглядов Мадзини. Старчевич симпатизировал русской демократической мысли. Он был знаком с произведениями Герцена, отдавал себе отчет в том, что дворянская Россия не представляет Россию в целом, и считал, что в России неизбежны либо радикальные реформы, либо «русский 1789 год». Другой лидер правашей, Э. Кватерник, начал свою деятельность в 50-е годы с ориентации на Россию, он и в дальнейшем никогда совсем не отказывался от идеи сотрудничества славян в борьбе за освобождение. Но подобно Й.-В. Фричу, с которым он познакомился в эмиграции, Кватерник выступил за союз национально-революционных сил разных народов — хорватов, венгров, итальянцев, чехов, поляков.

Буржуазно-демократические воззрения Старчевича проявились, в частности, в его отношении к русскому народничеству. «В русском деспотическом порядке, — писал он в 1878 г., — имеются благородные ростки, которые напрасно было бы искать в некоторых «конституционных» государствах. Просвещенные русские [...] видят в крестьянине свое будущее, свою силу, свое величие [...] «главные злоумышленники», «заговорщики», «нигилисты» сплошь являются людьми выдающимися». С введением в России политических свобод они станут «самыми лояльными» патриотами. Старчевич одобрял деятельность Герцена и даже Бакунина, противопоставляя их либерально-консервативным кру-

гам славянофильского толка [78*]. Праваша считали, что Россия сможет оказать помощь славянам, лишь избавившись от реакционного строя. Но в условиях роста беспокойства в связи с возможностью германской экспансии (конец 60-х — начало 70-х годов) праваша стали подчеркивать необходимость франко-русского союза против Германии и Австро-Венгрии [164; Flaker, 1960; 283].

В 60—70-х годах XIX в. произошел большой сдвиг в популяризации среди хорватов произведений русских писателей. Вслед за Пушкиным и Гоголем издаются сочинения Тургенева, неутомимым переводчиком которых был народняк Й. Мишкатович. Произведения Тургенева, пользовавшиеся исключительным успехом, печатались в газете «Пбзор» — печатном органе национального движения [185; Флакер, 134].

Сербскому национальному движению панславистские настроения также были чужды. М. Полит-Десанчич считал федерацию малых народов, в особенности славянских, возможным средством обеспечения их интересов («чтобы всякой народности было обеспечено самое свободное развитие»), гарантией свободы и равноправия народов [79*]. Однако подобные мысли, аналогично тому, как это было у младочехов, не были связаны с политикой сербской буржуазии. Как было показано, ее идеологи выдвигали программы создания объединенного сербского государства или балканской федерации.

Леволлиберальные и буржуазно-демократические сербские круги с их симпатиями к демократическому движению (республиканцам, Мадзини, Гарибальди, Герцену и даже Парижской коммуне), тем не менее питали надежды на национальное освобождение балканских народов с помощью официальной России. Их интересовала прежде всего балканская политика России. Они были русофилами, но не панславистами. Занимая радикальную позицию в сфере национальной, они охотно были приняты (и принимали) помощь со стороны славянофилов — поскольку речь шла об организации освободительного движения, но теории славянофилов были для них неприемлемы. В сербской среде читали «Современник», а также «Колокол» и другие русские зарубежные издания, были изданы переводы произведений Пушкина, Гоголя, Тургенева, Герцена, Чернышевского, Писарева, Салтыкова-Щедрина. Известный сербский литературный критик Й. Скерлич отмечал в начале XX в.: «С конца XVIII в. по настоящее время никогда русское влияние на сербскую литературу не было большим, чем около 1870 г.» [141, с. 220].

Уже в 1863 г. сербский мелкобуржуазный демократ Ж. Жуёвич указывал: «Наши симпатии естественно тяготеют к демократическим принципам и демократам в России [...] Гражданской свободы и общественной справедливости — вот чего мы желаем себе и русским». Хотя в его воззрениях было еще немало путаного (автор попросту считал немцев «врагами» и надеялся на установление межславянского сотрудничества с помощью царя),

Жуёвич в 1864 г. видел «самую верную опору» возможной дружбы между славянами в чувствах «простого народа славянского». «Народы славянские положительно любят друг друга (т. е. народ простой) и во всем сочувствуют друг другу», — писал он И. С. Аксакову [Карасев, 51]. Здесь уже сказалось понимание того, что конфликты между славянами вызваны политической господствующими классами. К позиции славянофилов Жуёвич относился критически.

Национально-радикальные круги, возглавлявшиеся С. Милетичем, считали наилучшим условием для достижения национальных целей невмешательство держав в балканские дела и хотели, чтобы Россия воспрепятствовала такому вмешательству Австро-Венгрии. Поэтому они проявляли недовольство сближением России с Германией и Австро-Венгрией в конце 60-х — начале 70-х годов. Эту политику «Застава» считала проявлением «династических и боярских интересов» [80*].

Русско-турецкие противоречия оставались важным фактом международной политической обстановки. С этим считались не только сербские радикально-буржуазные, но и революционно-демократические группы. Но прежде всего сербская Омладина стремилась обеспечить решающий голос в определении судьбы Балканского полуострова самим народам. «Наше положение, — утверждал омладинский журнал в 1870 г., — было бы совсем иным, будь сейчас общеевропейская революция, которая бы заставила все державы погрузиться в свои внутренние дела и обострила бы противоречия между ними» [81*].

В «Заставе» звучал голос буржуазно-демократических, а подчас и революционно-демократических публицистов. Газета писала, что судьба 80-миллионного русского народа не связана с царизмом. «Мы не считаем, что Великая Россия в ее современном виде нам по душе во что бы то ни стало [...] В случае падения дома Романовых и аристократической системы, народ бы остался и процветал больше, чем теперь. Разве нет самих русских, и в большом числе, которые ждут спасения своего народа от потрясений». Неверно, что с падением царизма падут славяне и сам русский народ, «скорее это бы послужило его возрождению» [82*].

Славянские чувства омладинцев выявились в следующем рассуждении «Заставы»: «И без помощи России 40 млн. западных и южных славян могут добиться лучшего будущего, но все вместе славяне могут достичь положения, которое имели величайшие племена в истории». Инициатива борьбы за освобождение, по мнению газеты, должна принадлежать самим народам, которые в состоянии повлиять на политику России: «Бросим как можно скорее огонь в Турцию [...] Общественное мнение русского народа выскажется за свободу славянских и христианских племен на Востоке, и русское правительство, если б хотело, не посмело бы, скрестив руки, смотреть на иностранную интервенцию в пользу султана или даже защищать султана, если оно не желает, чтобы

судьба Александра II была такой же как Наполеона III или чтобы Романовым—Готторпам были годы сочтены вместе с Оркан — Османитами» [83*]. Упоминания о Готторпах соответствовали известным мыслям Герцена и Бакунина о «немцах» на русском троне.

Идеям славянской общности у разных национальных движений было присуще большое своеобразие. В Словении и Словакии «славистская» идеология получила несколько большее распространение, чем в других славянских странах. В Словении новая волна «всеславянства» в 50-х годах затронула либеральные круги. Появились специальные издания, посвященные славянской взаимности — «Словенска чбела» («Словенская пчела») и «Збра» («Заря»). В конце 60-х—начале 70-х годов некоторые младословенцы, опасаясь Германии, видели национальное спасение в России. Среди них получил хождение лозунг: «Лучше стать русским, чем пруссаком». К ним примыкал ветеран иллиризма М. Маяр, в их числе были Ф. Левстик, Й. Стритар и другие [Чуркина, 21]. В отчаянии от оборота политических событий Левстик в апреле 1863 г. даже заявлял, что «готов пожертвовать» всеми словенцами во имя славянской идеи [362, с. 46].

Первым шагом к всеславянскому единству некоторые младословенцы считали установление единого литературного языка. Маяр пытался придумать этот язык и писал на нем письма и статьи. В конце 60-х годов некоторые словенские интеллигенты выступали за принятие русского языка в качестве общеславянского языка «высшей литературы» [172]. Подобные высказывания не отражали направления реальной деятельности подавляющего большинства младословенских идеологов, в том числе некоторых авторов этих высказываний: они боролись за право словенского языка, автономию Словении и т. д. Конкретной «всеславянской» политической программы у младословенцев не было. Процесс национального развития словенцев продолжался и они способствовали этому развитию.

Большинство младословенцев были знакомы с Россией главным образом по сочинениям славянофилов и предавались фантазиям по поводу того, что в России сохранились основы «славянской демократии», община, славянская церковь. К числу либералов, воспринявших в той или иной мере взгляды славянофилов, следует отнести М. Маяра, Р. Разлага, Ф. Кочевара. Достоинно внимания, что младословенцы скептически относились к политике царского правительства, стремившегося к сотрудничеству с Германией и Австро-Венгрией, и возлагали надежды на «московскую партию», т. е. славянофилов [84*]. Часть младословенцев сочувствовала некоторым идеям Герцена. Вообще младословенцам в русской общественной мысли импонировали идеи славянской солидарности и либерализма.

Некоторые из словенских деятелей побывали в России, в частности на Этнографической выставке 1867 г. (М. Маяр, М. Вильхар и А. Гудец). Несколько лет в России прожил Ф. Целестин,

Он вернулся разочарованный российской действительностью и описал пореформенную Россию, неприглядную сущность русской общины. Целестин много сделал для пропаганды творчества Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева в Словении и Хорватии.

«Всеславянские» идеи отражали настроения группы интеллигентов. Экономические интересы при этом не играли существенной роли, но все же русофильство подогревалось торговыми связями с Россией: из Одессы в Триест и далее через Люблянину в австрийские земли шел дешевый хлеб; в свою очередь словенские косы, серпы, бумага, стекло и другие товары находили сбыт в России.

Рациональное зерно в словенском «славизме» заключалось в пробуждении интереса к общественной мысли, языку и культуре России (появились переводы русских писателей, Маяр издал русскую грамматику), в стремлении укрепить связи со славянскими народами и у них найти поддержку в борьбе за национальное освобождение.

В 50-х годах в обстановке реакции среди *словацкой* интеллигенции получили распространение надежды на возможность национального освобождения с помощью России. Более того, в сочинении Л. Штура «Славянство и мир будущего [85*; 467], написанном в первой половине 50-х годов, автор выразил убеждение в том, что проблемы «славянского мира» могут быть разрешены путем его объединения во главе с царем. В обстановке краха надежд, связанных с революцией, Штур обратился к правящим кругам России с призывом помочь славянам. Он считал, что «мир будущего» принадлежит славянам, тогда как неславянские народы, по его мнению, переживали эпоху упадка. Задача состояла в устранении «чуждых влияний» на славянство. На Западе — грубый материализм, идеи либерализма, коммунизма и революции. В России же сохранились якобы поистине славянские формы быта — община, артель, которые могут предотвратить пауперизацию масс. Штур выражал надежду на ликвидацию царской властью крепостничества и дворянских привилегий, будто бы чуждых славянству, на развитие в России представительных учреждений (совещательный собор) и самоуправления, а тем самым — гармоничных отношений между царем, правительством и народом [Матула, 366].

В произведении Штура нашли выражение вера в будущее русского народа, надежды на национальное освобождение славянских народов, развитие их общественной жизни, — но все это в реакционной форме: Штур мечтал о том, чтобы царизм реформировал общественно-политический строй России в духе патриархально-славянофильских идей; автор восхвалял православие. Сочинение Штура было создано под влиянием славянофилов, прежде всего М. Раевского, и в свою очередь было использовано ими в пропагандистских целях. Но при всех противоречиях во взглядах Штура, сердцевина их заключалась в тезисе: «не поддержанием Австрии, а лишь падением ее и Турции, этих темниц сла-

вян, расцветёт когда-нибудь для них лучшее, горячо желанное будущее».

Уже в 50-х годах в Словакии распространялись идеи иного рода, а в начале 60-х годов Я. Паларик выступил за равноправное сотрудничество славянских народов, которое бы обеспечило национальное развитие каждого из них [Borodovčák, 1972]. Эти мысли поддерживались леволиберальными и буржуазно-демократическими деятелями «Новой школы». Здесь были популярны высказывания А. И. Герцена о России официальной и народной, самодержавие подвергалось критике (в частности, в переписке с русскими учеными). Новая школа выражала симпатии русской революционной эмиграции, освободительной борьбе поляков. Она признавала, что само существование России способствует развитию национального самосознания словаков. Деятели Новой школы считали необходимой моральную поддержку словацкого движения со стороны русской интеллигенции, а также материальную помощь словацким национальным учреждениям: посылку книг, субсидий для газет и т. п.

«Старая школа» в 60-х годах также не осталась на прежних позициях. Она все более интересовалась общественной жизнью России, поддерживала связи с русскими учеными и славянофилами и надеялась на то, что реформы будут содействовать укреплению внешнеполитических позиций России и освободительному движению славян в Турции и Австрии. Правда, «славянская взаимность», которую Старая школа продолжала прокламировать, означала для нее прежде всего сотрудничество между славянами с целью реформы Австрийской империи. И русофильство ее практически заключалось в надеждах на политику России, благоприятную этой реформе. К революционному движению в России она относилась враждебно, так как, по ее мнению, революционеры ослабляли мощь Русской империи. Это была ориентация на сотрудничество с консервативными силами в России.

Польские консервативные и либеральные круги Галиции и эмиграции под славянской взаимностью подразумевали сотрудничество славянских народов в рамках габсбургской монархии (австрославизм). Еще в 1846 г. А. Фредро писал графу Стадиону, что Галиция «станет крепостным валом и точкой опоры для многих славянских поколений, собранных под отеческой властью австрийского дома» [Zdrada, 1967]. Идея славянской взаимности связывалась с борьбой за автономию провинций, населенных славянами, и за их федеративный союз с неславянскими народами монархии. Предполагалось, что к славянам и венграм перейдет главная роль в этой федерации. Аристократическая эмиграция считала, что австрийская федерация может стать центром широкой славянской федерации (без России). После утверждения дуализма Отель Лямбер, отказавшись от требования федерализации Австро-Венгрии, отошел и от лозунга славянской федерации. Демократическая эмиграция отмечала, что программа аристократов, признающая право на самостоятельность только для поля-

ков, не может вызвать симпатий у других народов и будет способствовать успеху панславизма [209, с. 260, 321].

Славистские идеи польских либералов в условиях дуализма развивались в значительной мере в том же направлении, что и чешских. В конце 60-х годов Ф. Смолька и другие пропагандировали принципы польско-чешского сотрудничества в рамках Австрии и более широкое межславянское сотрудничество при сохранении существовавших государственных границ [69, с. 59]. О поддержке борьбы славянских народов за самостоятельное развитие заявило Национально-демократическое общество во Львове в 1868 г. [Zdrada, 1966].

Связь идеи славянской федерации с задачей борьбы против царизма объединяла консервативный и демократический польские лагеря. Но, в отличие от сторонников Чарторьского и консервативных политиков, демократическая эмиграция требовала борьбы как против панславизма, так и против пангерманизма. З. Милковский призывал к союзу славян против царизма, Габсбургов и Османской империи, вел в Белграде работу в этом направлении. Ю. Гауке-Босак писал в 1868 г., что Галиция должна восстать в союзе со славянскими народами, угнетенными Габсбургами, а участник восстания 1863 года К. Микошевский в 1872 г. выступил за ликвидацию монархии Габсбургов и создание славянской федерации [209, с. 260, 320].

Планы федерации у демократических эмигрантов предусматривали участие в ней венгров и румын (газеты «Пёпль полонез»), и почти никогда не предусматривали участие русских. Только Ю. Токажевич в эмигрантской газете «Гмина» («Община») в 1867 г. писал, что «изменение существующего государственного порядка [...] позволит создать федерацию всех славянских народов, включая русских» [209, с. 321—333]. «Гмина» призывала к общей борьбе русских и польских революционеров [296, т. 3, ч. 1, с. 152].

Гегемонию в славянской федерации большинство эмигрантов отдавало полякам. Отель Лямбер провозглашал «польский славизм» под лозунгом защиты католицизма и борьбы с панславизмом. Мерославский считал Польшу «народом-Архимедом»¹⁰ (имелась в виду ее роль в изменении мира). Взгляды эти нашли проявление и в Галиции: в проекте устава Национально-демократического общества говорилось, что в Польше должны видеть центр притяжения все славянские народы. Но часть эмиграции видела руководителя славянской федерации в чехах (З. Милковский, В. Хельтман и Я.-Н. Яновский).

Те эмигранты-демократы, которые отдавали Польше руководящую роль в будущей федерации, имели в виду, что это будет Польша, преобразованная на началах «гминовладства», аграрного социализма. Эти идеи «Гмина» провозглашала, несом-

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 61.

ненно, под влиянием Герцена. Программу демократической, социальной федерации в 1867 г. выдвинули 29 польских эмигрантов — членов швейцарской Лиги мира и свободы (Гауке-Босак, Мрочковский, Загурский и другие), призвав к свержению существующего строя и уничтожению монархии [209, с. 363]. Босак и другие сторонники Лиги в 1870 г. подготовили издание газеты «Федерасьон» с целью пропаганды лозунгов европейской федерации и демократических свобод. Но этот план, поддержанный В. Гюго, Дж. Гарibaldi, Н. Огаревым, Н. Жуковским, не осуществился.

После восстания 1863 г. идея славянской федерации у левого крыла польской эмиграции носила антиавстрийский и антикатолический характер. С осуждением католицизма, разъединяющего славянские народы, выступал в 1869—1870 гг. руководимый Л. Булевским и Ю. Босаком «Польский республиканский центр» («Огниско»). Издававшийся в Женеве орган «Огниска» «Жечпосполита Польска» выдвигал требование преобразования Австрии в славянскую федерацию, провозглашал лозунг «Польской федеративной социально-демократической республики в Объединенных Штатах Славянства и Человечества». В федеративную Польшу должны были входить на основе равноправия народы Украины, Белоруссии и Литвы. «Огниско» идеализировало историю Польши и видело в унии ее с Украиной и Литвой добровольное объединение народов [209, с. 262, 321].

Но для эмиграции в это время был характерен и пересмотр традиционных взглядов на прошлое Польши. Высказывалась идея самоопределения украинского, белорусского и литовского народов. Я. Домбровский выступал за то, чтобы их добровольный союз с поляками послужил примером для будущей славянской федерации. Босак в 1865 г. выдвинул идею федерации Польши, Литвы (т. е. белорусов и литовцев) и Украины на основе социального равенства [296, т. 3, ч. 1, с. 153—156]. Эти выступления свидетельствовали о постановке проблемы славянской взаимности на новой идеологической базе. Наиболее ярко проявилось это в формулировке, которая в 1872 г. характеризовала цели Союза люда польского — лондонской организации, сотрудничавшей с I Интернационалом и связанной с Галицией: восстановление Польши при посредстве союза с борцами за славянскую федерацию и с борьбой рабочего класса за социальное освобождение.

В 1862 г. Бакунин в воззвании «Русским, польским и всем славянским друзьям» изложил план объединения славянских народов на «социальных» основах. С его идеями соприкасались польские эмигранты, сотрудничавшие с Альянсом социалистической демократии в 1868 г. (В. Мрочковский, Ст. Тхоржевский, Ст. Загурский и другие). В 70-е годы русские революционные эмигранты, издававшие газету «Вперед», выступали с лозунгами восстановления Польши и создания славянской федерации. Этот лозунг провозглашался ими и на митинге в Лондоне в 1875 г., созванном Союзом люда польского.

Подлинно панславистские устремления были уделом незначительного числа интеллигентов. Идеи межславянского сотрудничества обычно имели принципиально иное содержание.

Взгляды славянских либералов на проблему межславянских отношений убедительно выявились во время Этнографической выставки и Славянского съезда в Москве в 1867 г. Конечно, царизм стремился использовать Славянский съезд в своих целях — для усиления своего влияния, организаторами съезда были славянофильские круги — все это вызвало критическое отношение к съезду со стороны многих демократов как на Западе, так и в славянских странах, в частности Й.-В. Фрича и польской эмиграции. Но хотя в Россию ехали не демократы и не революционеры, панславистов среди славянских гостей было очень мало. Фр. Палацкий и Ф.-Л. Ригер незадолго до выставки побывали в Париже, где добивались поддержки для чешского национального движения. Й.-Ю. Штросмайер, финансирующий поездку некоторых хорватов в Россию, поддерживал связи с французскими либеральными публицистами и Гладстоном. Южнославянские деятели искали связей в Пруссии и Италии и т. д. Лидеры национальных движений добивались поддержки всюду, где ожидали ее найти.

В дни съезда подавляющее большинство гостей выступило за сотрудничество и взаимопомощь славян в борьбе за их национальные права, но против реакционных панславистских идей (единого литературного языка и т. д.), которые в своих речах и статьях проповедовали В. Ламанский, О. Миллер, М. Катков и другие [105, с. 209—235]. Участники дискуссий 1867 г. договорились лишь о периодическом созыве славянских съездов «в видах научного, литературного, художественного и вообще нравственного сближения славян». Проект М. Каткова и других о создании Всеславянской матицы не был поддержан. Это было неудачей панславистов. Буржуазии разных наций служили теории, соответствовавшие ее собственным претензиям (великосербство, великохорватство и др.). Тогда же идеологи национальных движений, находившихся в крайне неблагоприятном положении (например, словаки и украинцы), выдвигали идейные принципы оборонительного содержания. В мае 1868 г. в связи с закладкой чешского Национального театра в Праге состоялось секретное совещание славянских деятелей, во время которого вновь сказались отмеченные противоречия [Žáček, 1968 г.].

Позднее, в 1871 г. Ригер убеждал русского посланника в Вене Е. П. Новикова в том, что программа федерализации габсбургской монархии и даже идеи о «миссии Австрии на Балканах» не направлены против России, так как предусматривают австро-русскую дружбу [164, с. 274]. Таким образом, чешские автрослависты стремились совместить идеи славянской взаимности и свои политические интересы. Точно так же поступали идеологи национальной буржуазии (и дворянства, где оно было) каждой славянской нации.

Сочувствие борьбе славянских народов за освобождение было присуще различным слоям русского общества и по мере развития интереса к политике распространялось в народе. Но сочувствие славянам и панславизм — различные и даже противоположные явления. Реакционный панславизм и славянофильство с его панславистскими тенденциями и претензиями охватывали часть дворянско-буржуазных кругов, преимущественно часть дворянско-буржуазной интеллигенции [о взглядах славянофилов на проблему межславянских отношений в 60-х годах XIX в. см.: Ivantůšnová, 1979]. Русское демократическое движение относилось к ним как к орудию реакции и в противовес им выступало за сотрудничество между народами в борьбе за свободу.

Содержание, принципиально отличное от панславизма, имело понятие «славянская взаимность» — взаимопомощь, культурное и политическое сотрудничество. Представители национальных движений охотно поддерживали этот принцип в своих национальных интересах. В его пользу высказывались некоторые представители польского национального движения, имея в виду сотрудничество в борьбе за свободу Польши. Как и в другие идеологические построения (например, в «историческое право»), каждое течение вкладывало в понятие «взаимности» нужное ему содержание.

В конце 60-х—начале 70-х годов значительно окрепли научные и литературные взаимосвязи России и зарубежных славян, расширилось изучение русского языка. В развитии этих связей принимали участие и славянофилы. Такие тенденции к «взаимности» имели положительное значение для подъема национальной культуры каждого народа. Вопреки представлениям славянофилов ничего специфически панславистского здесь не было.

При всем многообразии нюансов в подходе к межславянским отношениям и учитывая, что взгляды некоторых группировок изменялись, можно указать на две различных точки зрения, имевшие место в либеральной среде славянских национальных движений в 60-х—начале 70-х годов. Умеренно-либеральные деятели сочетали программу австрославизма с надеждами на помощь правящих кругов России преобразованию империи и на сотрудничество России с будущей «славянской» Австрией, т. е. Австрийской империей, в которой славяне заняли бы ведущее или по крайней мере равноправное положение. Во взглядах старочехов это было выражено четко. Эти планы соответствовали общим принципам правых либералов, стремившихся сохранить австрийскую и российскую монархии.

Среди южных славян ввиду неудачи австрославизма появилось стремление непосредственно опереться на русскую дипломатию с целью создания южнославянского государства. При радикализме в сфере чисто национальной и это направление в силу своей классовой природы рассчитывало на сотрудничество прежде всего с русскими официальными кругами, т. е. на решение

национальной проблемы «сверху». Либеральные группы, не разделяя идеологии русских славянофилов, поддерживали контакты с ними, поскольку те выступали за национальное освобождение славянских народов. Крупными представителями этого направления в конце 60-х годов были хорваты Ф. Рачкий и Й. Штросмайер.

Либералам противостояли буржуазные — радикальные и демократические — группировки, в разной степени ориентировавшиеся на оппозиционное движение в России и относившиеся критически к политике ее правящих кругов. Однако балканская политика России побуждала и эти группировки (в особенности в сербском движении) искать контактов с русской дипломатией. Революционные демократы являлись сторонниками союза с революционной Россией.

Таким образом, либеральной и нередко радикальной среде была присуща ориентация на поддержку со стороны официальных кругов и дворянско-буржуазной общественности России. Эта ориентация была основана на политическом расчете, питалась сдвигами в политике царского правительства после Крымской войны. Посмотрим, сколь обоснованными были эти надежды.

После Крымской войны целью русской дипломатии было создание условий для отмены статей Парижского мира 1856 г., запрещавших России иметь военный флот на Черном море. А. М. Горчаков добивался этого постепенно, стремясь обеспечить России поддержку других держав. Особое внимание уделялось отношениям с Австрией именно потому, что и Петербургу и Вене было ясно наличие противоречий между Австрией и Россией.

Добиваясь восстановления внешнеполитических позиций России, царское правительство должно было считаться с подъемом национальных движений на Балканах и в Австрии. С конца 50-х и особенно в 60-х годах оно стремилось укрепить свое влияние в среде этих движений. Русская дипломатия с сочувствием относилась к цели освободительной борьбы против османского господства на Балканах — созданию независимых национальных государств. Она стремилась притом обеспечить за собой возможность контроля над событиями, не допустить войны до тех пор, пока не считала момент благоприятным для решения своих задач. Таким образом царизм пытался затормозить революционное движение и одновременно в сотрудничестве с правящими кругами балканских государств создать союзную России силу, способную в нужный момент добиться национального освобождения народов Балкан и вместе с тем способствовать целям русской дипломатии. Своей опорой на Балканах царское правительство считало Сербию. К демократическим же движениям на Балканах, не зависящим от сербских правящих кругов, оно относилось с недоверием, — ввиду своей классовой природы.

Итак, для положения на Балканах было характерно значительное, хотя и не лишённое противоречий, сближение целей

политики России и национальных сил. Поэтому царское правительство разрешило славянофильским комитетам оказывать материальную поддержку национальным движениям на Балканах — в том числе их революционным кругам. Славянофилы своей «православно-революционной пропагандой» (по точному замечанию А. И. Герцена) пытались удержать национальные движения под «хоругвью Кирилла и Мефодия» [29, с. 384], т. е. в идеологических рамках православия. В 1866—1868 гг. Россия содействовала созданию балканского союза — Сербии, Черногории, Греции, Румынии, болгарской буржуазной эмиграции [о политике официальной России в отношении южных славян см.: Никитин, 54; 104].

Иными были цели русской дипломатии в отношении Австрийской империи. Царское правительство стремилось избегать обострения отношений с нею. Габсбургская монархия рассматривалась в Петербурге с одной стороны как соперник на Балканах, с другой — как союзник против революционного движения, в особенности в польских землях. С конца 50-х годов царское правительство стало завязывать связи с либеральными деятелями национальных движений и в Австрийской империи. Здесь в качестве задачи дипломатии ставилось распространение влияния России на общественное мнение, поддержка культурных учреждений, печати — и только. Были установлены контакты со славянскими либералами, что уже было новым явлением в русской политике. С этой целью, в частности, использовалась деятельность славянских комитетов. Некоторые периодические издания, отстаивавшие национальные права славянских народов, получали из России денежную поддержку. Вместе с тем царское правительство отмежевывалось от национально-радикальных и революционных тенденций в славянской среде Австрийской империи, отказывало им в поддержке.

Когда лидер хорватских народняков Й. Штросмайер в 1868 г. предложил русскому генеральному консулу в Белграде сотрудничество для борьбы против Габсбургов, из Петербурга было указано, что «вмешательство во внутренние дела Австрии [...] вовсе не входит в нашу политическую программу» и что, «сочувствуя ревностным усилиям [Штросмайера] поддержать народность хорватскую, мы не можем принять никакого участия в действиях, направленных против австрийского правительства» [86*]. В 1870 г. Горчаков разъяснял русскому посланнику в Вене, что правительство будет «приветствовать всякий успех родственного нам населения в отношении автономии, безопасности, процветания», однако не «насильственную борьбу и анархию» [87*].

Царское правительство не сочувствовало и планам федерализации Австрийской империи. Расширение дуалистической и настроенной антиславянски Австро-Венгрии «вниз по Дунаю», писал Горчаков в инструкции русскому посольству в Вене в 1869 г., угрожало бы интересам России; если же достигнут преобладания федералисты, то, конечно, укрепится автономия славянских пле-

мен, «наших естественных союзников», считал он, но, с другой стороны, федеративные государства обычно приобретают политическую силу, опасную для соседей. Поэтому усилия Бейста «упрочить связи между национальностями в государственном ансамбле Австро-Венгрии» не должны встречать вражды со стороны России [88*].

Наконец, царское правительство было чуждо идеям общеславянского государства. Панславистские устремления части русских дворянско-буржуазных кругов способствовали враждебной России пропаганде в Западной Европе, осложняли Петербургу решение реальных внешнеполитических задач. Кроме того, различные идеи межславянского политического союза, распространявшиеся в славянской среде (большой частью в качестве идеологического средства), всегда имели в виду широкие национальные права отдельных славянских наций и гарантию конституционного строя. Подобно тому как это было в предыдущий период, либеральный или демократический «панславизм» был совершенно неприемлем для самодержавия. В инструкциях русскому посланнику в Вене в 1869 г. говорилось, что Россия, поддерживая хорошие отношения со славянами, «не станет покровительствовать панславистским утопиям, которые очень часто содержат подрывные идеи». Посланник в Вене Е. П. Новиков выразил точку зрения русских правящих кругов, отметив, что славянские либералы исходят из «разлагающего» принципа национальностей. О сторонниках объединения славян на основе самой широкой автономии отдельных народов А. М. Горчаков писал: «иначе говоря, им снятся республики» [89*].

Итак, царское правительство было слишком реакционно для либерального политического «всеславянства» и достаточно осторожно и реалистично, чтобы не поддерживать программу русских панславистов.

Надежды славянских деятелей Австрийской империи на помощь России, дипломатическую, или даже военную, не оправдались. Но это не может служить основанием для оценки этих надежд как фантастических. В течение XIX в. Россия способствовала восстановлению национальной государственности народов Балканского полуострова — греков, румын, сербов, позднее — болгар. Деятели национальных движений в Австрийской империи не могли знать характера русско-австрийских взаимоотношений. Австро-русско-германское сближение («союз трех императоров», 1872) разочаровало их. Однако в новых условиях, главным образом ввиду нарастающих тенденций «дранг нах остен» в политике Германии и Австро-Венгрии, славянские буржуазные лидеры считали неизбежным новое обострение международных противоречий в Европе, и питали надежды на помощь России и Франции.

Особым вопросом является характеристика политических последствий ориентации ряда течений в национальных движениях на помощь со стороны России. Эта ориентация расширяла возможности для маневров царизма, для спекуляций реакционных

придворных кругов Петербурга на «славянском вопросе» во внешней и внутренней политике. В славянских землях эта ориентация в ряде случаев (словацкая Старая школа, украинские «москвофилы») была выгодна политически умеренным консервативным и либеральным славянским кругам. Однако там, где — как у сербов и хорватов — буржуазные либеральные и демократические круги были непримиримы в отношении османского господства на Балканах, они рассчитывали на то, что народное восстание вовлечет в конфликт Россию и вызовет русско-турецкую войну, а возможно, и русско-австрийский конфликт. В этом случае расчет на помощь России способствовал политической активизации национальных движений. Так, в сербских радикальных кругах популярность Гарибальди, его методов борьбы, приверженность к демократии сочетались с разного рода надеждами на русскую поддержку.

Поездка в Россию в 1867 г. на Славянский съезд показала славянским деятелям, что царское правительство не собирается ссориться с Габсбургами. В начале 70-х годов австро-русско-германское сближение продолжалось. Но лидеры славянских национальных движений, как и ранее, нуждались в идеях, которые могли бы поддержать веру их последователей в торжество национального дела. Они искали благоприятные для себя тенденции в международной жизни, среди которых неизбежность изменения политики России занимала важнейшее место. Особое положение сербского национального движения в Австро-Венгрии заключалось в том, что для него первостепенное значение имела политика России на Балканах. Этой политике самое пристальное внимание уделяли и хорваты.

Даже приведенный материал свидетельствует о том, что идеи славянской взаимности, получившие распространение в период национального пробуждения и идеологически стимулировавшие этот процесс, по мере приобретения национальными движениями политического характера служили борьбе за национальное равноправие и в ряде случаев — за независимость [69, с. 12]. Сторонники реакционного панславизма насчитывались единицами.

Глубокая идейная дифференциация в каждом национальном движении сказалась и в понимании «славянской идеи». Уже буржуазные революционеры отстаивали принципы союза разных наций, славянских и неславянских. Но чем более демократическим было течение, чем последовательнее оно выражало интересы масс, тем решительнее оно выходило за рамки буржуазного национализма вообще и выдвигало задачу революционного союза трудящихся всех народов. В этих случаях «славянская взаимность» подчас наполнялась новым содержанием — становилась элементом интернационалистических воззрений.

4. Национальные движения и польское восстание 1863—1864 гг. Германская, итальянская и венгерская проблемы и политическая ориентация славянских и румынского национальных движений

Польское освободительное движение в первой половине 60-х годов XIX в. сильно воздействовало в идеологическом и политическом отношении на угнетенные народы Австрийской империи. В отличие от восстания 1830 г., этой «консервативной революции», особые симпатии к движению 60-х годов, центром которого было Королевство Польское, и к восстанию 1863—1864 гг. привлекала присущая им буржуазно-демократическая направленность. Сам факт восстания, массовая вооруженная борьба за свободу приковывали внимание прогрессивных сил, будили политическую мысль, вызывали дискуссии.

В начале 60-х годов в основном уже определились различные идейно-политические устремления в общественных движениях. При этом право польского народа на национальную свободу так или иначе признавалось всеми течениями. Существенные различия возникали в отношении к восстанию и его программе. Здесь сказывалась общая идейно-политическая позиция того или иного течения [211]. Речь шла о том, связывать ли судьбу своего народа с политикой правящих кругов габсбургской Австрии и царской России или ожидать освобождения от разрушения старого порядка, от революционной инициативы и совместной освободительной борьбы народов.

В венгерском национальном движении сочувствие польским повстанцам было всеобщим, но это не должно закрывать от нас тот факт, что либералы в действительности опасались успеха восстания и распространения его на Австрийскую империю. Ища компромисса с Габсбургами, они стремились предотвратить подъем революционного движения в Галиции и вслед за этим в Венгрии. Подлинными друзьями польских борцов были венгерские революционеры и демократическая общественность.

Что касается славян, то правые либералы, с одной стороны, буржуазно-демократические круги — с другой, разошлись не в выборе между «русофильством» и «полонофильством», а между революцией и ее врагами. В Польше в это время для демократов воплощалась борьба за свободу. Лишь для правых либералов и консерваторов «славянская взаимность» означала вражду к восстанию как «вредному для интересов славян» (часть старочехов, словацкая Старая школа, зарождавшееся течение «москвофилов» в Восточной Галиции). Обрушиваясь с критикой на повстанцев, Фр. Палацкий опасался за судьбу габсбургского государства. Не случайно, что прогабсбургскую позицию занимали и польские магнаты в Галиции — противники революционного движения. Под флагом «сплочения славян» и противодействия их раздроблению австрослависты защищали целостность Российской и Австрийской

империй. (Русские славянофилы с помощью той же аргументации отстаивали либо проекты «славянизации Австрии» путем соглашения славян с Габсбургами, либо тенденцию объединения славян «под сенью» царизма. В обоих случаях на первый план выдвигались интересы реакционных монархий). Польское восстание, по мнению словацкой Старой школы, было опасно уже потому, что в случае успеха оно привело бы также к отделению Галиции от Австрийской империи и тем самым уменьшило бы вероятность преобразования габсбургской монархии в соответствии с мечтой австрославистов. Старая школа обвиняла повстанцев в дворянском эгоизме и неспособности спокойно ждать реформ царя Александра II [Bogodovčák, 445]. Гурбан писал, что польские бунтовщики посягнули на власть, «установленную богом».

Обращает на себя внимание тот факт, что представители либерально-консервативных течений, которые ориентировались на союз с земельной аристократией (старочехи), подчеркивали шляхетский характер польского восстания и своекорыстные цели польских помещиков-националистов. Подобные же аргументы против восстания лицемерно выдвигали правящие круги царской России и славянофилы, т. е. представители дворянской интеллигенции. Так они стремились ослабить сочувствие к повстанцам. (Иной характер имели ссылки на «шляхетский» характер восстания у украинского буржуазного демократа М. П. Драгоманова, в позиции которого отразились и ненависть крестьянина к польскому пану, и ограниченность кругозора, которая не позволила ему оценить общеевропейское значение восстания).

Даже те славянские либералы, которые полагали, что восстание «выгодно немцам» (подобные взгляды были свойственны большинству либеральных и даже части демократических группировок), считали разделы Польши тяжкой несправедливостью и осуждали царскую политику репрессий. В этом сказались настроения буржуазных идеологов угнетенных наций. «Хорваты [...] симпатизируют полякам ввиду заявления теми голоса народности», — докладывал русский дипломат [90*]. Хорватские и сербские народняки считали необходимым предоставление Польше — в ее этнографических границах — национальных прав, не высказываясь по этому вопросу конкретно. Русско-польское примирение они, как и старочех Ф. Ригер, говоривший об этом в 1867 г. в Москве, считали необходимым с точки зрения интересов славянства. Хорватские либеральные публицисты полагали, что «свободная Россия может существовать лишь рядом со свободной Польшей», но их отрицательное отношение уже к нарастающую революционной ситуации в Польше проявилось в надеждах на то, что с торжеством либеральных принципов в России «какой-нибудь член императорской фамилии станет польским королем» [90а*]. Все же, считая восстание ошибкой, хорватская либеральная газета сообщала о героизме повстанцев.

Буржуазно-демократические, национально-революционные круги приветствовали польское восстание. Такова была позиция

венгерской эмиграции, которая добивалась польско-венгерского союза, позиция «крайних левых» в самой Венгрии, младочехов, особенно левых, группы Й.-В. Фрича и примыкавших к ней демократов из чешских газет «Народни листы» и «Глас», радикальных сербских кругов в Воеводине, хорватов Старчевича и Кватерника, части украинской демократической общественности. Что касается словацкой Новой школы, также приветствовавшей восстание, то, если либералы — «бобуловцы», находясь в русле политики венгерского либерального дворянства, имели в виду национальный момент в польском восстании, то левые деятели видели в нем высший подъем демократического движения. Достоин внимания тот факт, что бобуловцы поддерживали позицию польской шляхты в национальном вопросе, а левые указывали на необходимость признания прав украинского народа.

Радикальные круги вслед за «Колоколом» А. И. Герцена указывали, что в 1863—1864 гг. речь шла не о «споре славян между собою», а о подавлении царской армией массовой освободительной борьбы народа, что судьбы свободы народов России и Польши связаны между собой. Выше всего они ставили союз борцов за освобождение славянских стран, Венгрии и Италии. При этом прогрессивным деятелям приходилось преодолевать отсталые взгляды, имевшие влияние на массы славянских народов, еще не научившиеся проводить различие между интересами русского народа и самодержавия. Радикальные и демократические группировки отстаивали право народов на национальный суверенитет и проблему их сплочения ставили в связь с борьбой за освобождение¹¹.

Венгерские, чешские и украинские демократы собирали средства в пользу восставшей Польши, переправляли добровольцев в районы восстания, а позднее — участников восстания — за границу, помогали раненым и т. д. Венгерские, чешские, итальянские, украинские и сербские демократы боролись в рядах повстанческих сил. «Мы, — писали сербские „вольнодумцы“ в 1871 г., — имели смелость, вопреки чувствам [нашего] народа [...] защищать справедливые интересы польского народа в его национальных границах» [91*]. Сербские прогрессивные публицисты отмечали, что средства угнетения Польши и предрассудки используются царской реакцией для угнетения самого русского народа. Как и демократические круги других славянских народов, они пришли к пониманию общности интересов борьбы за свободу в Польше и России.

Сторонники Милетича всегда отстаивали свободу Польши. Но в начале 70-х годов, после образования Германской империи, они,

¹¹ Следует, однако, помнить о шовинистических тенденциях дворянских и буржуазных радикальных группировок; см. выше о теории «единой венгерской нации», великосербской и великохорватской идеологии, отрицании национальной самобытности украинцев польскими дворянско-буржуазными лидерами.

как и хорватские народняки, польскую проблему рассматривали с «общеславянских позиций», призывая к сближению «двух важнейших ветвей славянства». «Польша — ахиллесова пята славянства» и «полякам в их границах следует дать столько прав, чтобы они как народ и равноправное племя могли существовать и развиваться в кругу славянства», иначе «во вред славянам» — свободу им даст Запад [92*].

Хорватская народняцкая газета считала выступление Герцена и Бакунина против политики царизма «великой заслугой и прекрасным свидетельством их искренности» [93*]. Сочувствие же хорватских правашей восстанию проявилось не только в публицистике (более поздней): праваша видели в польских повстанцах важнейшего союзника хорватского национального движения; они рассчитывали на то, что восстание приведет к большому международному конфликту и развалу Австрийской империи. Э. Кватерник в 1863—1864 гг. находился на службе у польской эмиграции.

Таким образом, в отношении к польскому восстанию проявились основные идейно-политические тенденции, созревшие в среде каждого национального движения; восстание стимулировало их четкое публичное выражение.

В 60-х годах XIX в. серьезное воздействие на политическую ориентацию национальных движений оказывала борьба за решение германского, итальянского и венгерского вопросов.

Австронемецкая буржуазия, финансовая и иная политика австрийского неоабсолютистского правительства — вот объекты возмущения местной национальной буржуазии и широких слоев угнетенных народов. Не «немцы» вызывали ненависть (немецкий язык был широко распространен в городах империи, немецкая литература и музыка пользовались популярностью), а политика венских властей. Но в чешских и словенских землях антинемецкие настроения в несколько большей мере стимулировались политической, в частности языковой, борьбой.

Недовольство народов вызывала внешняя политика империи. Опасной представлялась им политика Габсбургов в вопросе об объединении Германии и связанное с этим вплоть до 1866 г. стремление упрочить «немецкий облик» Австрийской империи. Габсбурги могли добиваться этого лишь управляя государством абсолютистскими методами и в условиях централистского режима. Связь реакционной внутренней и внешней политики Австрии была ясна всем. Германская политика Габсбургов представляла угрозу не только для чехов и словенцев (территория которых входила в Германский союз). Хорватские народняки, например, до 1866 г. отказывались от участия в общеимперском рейхсрате, в частности, потому, что опасались втягивания Хорватии в сферу германской политики.

Ввиду этого австрославистские группировки встретили войну 1866 г. со смешанным чувством. Как и венгерские либералы, они

не хотели победы Габсбургов в «немецкой войне», но (как и деактивисты) опасались окончательного разгрома австрийцев и распада империи. Сторонникам дуализма и федералистской буржуазии разных национальностей казалось, что поражение Австрии положило конец полуабсолютизму и начало «здоровой национальной политике». Вопреки недовольству режимом со стороны народных масс, которое проявлялось в глухом брожении, федералистская буржуазия заявляла о готовности защищать целостность Австрийской империи против пруссаков, а венгерские сторонники дуализма убеждали Габсбургов в своей непричастности к антидинастическим планам.

В среде славянских национальных движений было двойственное отношение к борьбе за объединение Германии. Факт «торжества национальной идеи» в Германии рассматривался как доказательство непреоборимости процесса, который не должен обойти и другие народы. Но образование Германской империи вызвало тревогу за свободу народов Дунайского бассейна и Балканского полуострова. Это способствовало закреплению австрофедералистской ориентации, но вместе с тем усилило надежды на возникновение новой, благоприятной для угнетенных народов, расстановки сил в Европе.

Уже в начале 70-х годов XIX в. национальные деятели в какой-то мере угадывали контуры будущей международной ситуации. В печати обсуждались перспективы франко-русского союза. При этом федералисты мечтали о союзе реформированной габсбургской монархии с Францией и Россией против возможной германской экспансии, а радикальные круги (хорватские и сербские) видели во франко-русском союзе оплот против «дранг нах остен», в число проводников которого включали и Австро-Венгрию. Однако пока что международная обстановка складывалась для национальных движений неблагоприятно («союз трех императоров», 1872—1873 гг.).

Как правило, разные течения в польском национальном движении выступали одновременно против Пруссии и России. Аристократическая эмиграция отрицала возможность для Австрийской империи, как государства «католического, феодального и восточного» (Ю. Клячко), возглавить объединение Германии. Поэтом Отель Лямбер осуждал выступления Австрии в роли немецкой державы и приветствовал антирусскую направленность ее политики [94*; 336, т. 1]. Война 1866 г., в которой Отель Лямбер и галицийские консерваторы видели противоборство Австрии с Пруссией, олицетворявшей идею пангерманизма, вызвала в этой среде надежды на постановку польского вопроса на европейской арене, и в этой связи В. Чарторыйский вел переговоры в Галиции и Вене. Туманные обещания Франца-Иосифа относительно поддержки поляков способствовали закреплению этого курса консервативных сил. Галицийские магнаты призвали к созданию отряда добровольцев в поддержку Австрии. В это же время польская демократическая эмиграция рассчитывала на ослаб-

ление Пруссии, па поражение Австрии в войне с Италией и развивала планы создания польского легиона в помощь Италии.

Создание дуалистической Австро-Венгрии способствовало закреплению антирусского курса польских консерваторов. В 1870 г. возможное поражение Пруссии рассматривалось всем помещичье-буржуазным лагерем как благоприятное условие для постановки польского вопроса (против России). Но объединение Германии заставило галицийских польских деятелей отказаться от планов борьбы против пруссаков и царизма и встать на путь безоговорочного сотрудничества с Габсбургами. В среде демократической эмиграции ненависть к пангерманизму и Габсбургам не означала неприязни к немецкому народу. В 1866 г. «Глос вольны» писал о борьбе немцев за торжество справедливого принципа национальности.

Итальянское освободительное движение развивалось в благоприятных условиях, которые отсутствовали у других народов. Великая итальянская культура, способствовавшая развитию национального самосознания, численность нации, экономически передовой Пьемонт — ядро национального государства, наличие массового демократического движения, национально-освободительная борьба «сверху» и «снизу», возможность использования конфликтов между Францией, Пруссией и Австрией — все это обеспечило успех дела объединения Италии. Лишь некоторые сходные моменты были присущи только сербскому и румынскому движениям (да и то, в интересующее нас время скорее потенциально, чем реально). Количественные и качественные отличия их от итальянского были столь велики, что румынскому и сербскому народу в изучаемую эпоху не удалось добиться освобождения и объединения своей территории. Тем не менее влияние событий на Апеннинском полуострове на народы габсбургской монархии и Балканского полуострова, в том числе влияние ярко выявившихся после 1848 г. противоречий между национально-буржуазным и социалистическим течениями в Италии, определялось сходными историческими задачами, перед которыми в это время стояли народы.

Реакция угнетенных наций на объединение Италии была более единодушной, чем в германском вопросе. Итальянское освободительное движение, как было отмечено, внесло большой вклад в идеологический арсенал национальных движений в Австрийской империи и на Балканах. Кроме того, идеологи румынского национального движения сочувствовали успеху родственного по языку итальянского народа. Наконец, отделение Венецианской области от габсбургской монархии в 1866 г. усиливало здесь удельный вес славян, и федералисты видели в этом положительный момент. Однако итальянская ирредентистская пропаганда вызывала тревогу у словенцев и хорватов и способствовала живучести австрославизма. Если Мадзини в конце 50-х годов высказался за границу Италии по р. Соча (Изонцо), т. е. не претендовал на Истрию и Горицу, то в дальнейшем ирредентисты «ото-

двигали» эту границу все дальше — до Пистойны. Ирредентистские манифестации имели место в Триесте (1865 г.); присоединение словенского населения Венецианской области к Италии (1866 г.) еще более усилило тревогу словенцев в Австрии. Таким образом, австрославистские настроения явились результатом озабоченности своим национальным будущим, а не искренней преданности передовой словенской и хорватской интеллигенции Габсбургам. Наконец, отношение югославян к Рисорджименто осложнилось не только претензиями итальянских националистов на югославянские земли, но и политической ситуацией в Далмации и Истрии. Австрийские власти пользовались этим и вели здесь «патриотическую» пропаганду. В 1866 г. австрийский флот, большую часть матросов которого составляли югославяне, нанес поражение итальянской эскадре в битве у о. Вис.

Создание объединенных национальных государств в Германии и Италии вызвало подъем национальных чувств у южных славян. Вновь, как неоднократно случалось раньше (1848, 1866, 1867 гг.), деятели национальных движений сетовали на «неподготовленность» южных славян, на то, что события застают их народы врасплох, разъединенными идейно, без прочных взаимных политических связей. Совещание в Любляне в конце 1870 г., на котором указывалось на общие интересы южных славян, было попыткой исправить положение, однако и это совещание и в особенности последовавшая за ним газетная полемика показали различия во взглядах между Люблянкой, Загребом и Нови-Садом не только в тактических, но и в программных вопросах.

Впрочем, единодушие проявилось в другом. Опасность «дранга» на Юго-Восток Европы побудила деятелей южнославянских движений подчеркивать необходимость скорейшего решения восточного вопроса, освобождения народов от османского ига — крупнейшего препятствия для их экономического, социально-политического и культурного подъема. Создание национальных государств на Балканах рассматривалось югославянскими лидерами в Австро-Венгрии как решающее условие укрепления балканских наций и их отпора любым иноземным поработителям. Однако этой точке зрения сербских (Милетич и другие) и более дальновидных хорватских (Штросмайер и другие) и словенских деятелей противостояли надежды местного чиновничества и значительной части буржуазии, связывавших с присоединением Боснии и Герцеговины к габсбургской монархии свои выгоды.

В 1860—1866 гг. исключительное место среди национальных движений в Австрийской империи занимало венгерское. Хотя либерально-дворянская группировка отреклась от требования персональной унии с Австрией и на этой позиции остались лишь радикальные круги, все же цели венгерского движения казались современникам наиболее радикальными, а его сила была видна всем. Венгерская эмиграция во главе с Л. Қошутом и Д. Кляпкой пользовалась обширными связями, отстаивала программу независимости, искала путей к соглашению со славянскими и румын-

ским национальными движениями. Опираясь на подполье в стране, в котором ведущую роль играли бывшие офицеры и солдаты армии хонведов, она оказывала влияние на левое крыло легальной оппозиции, а посредством последнего — и на общественность Венгрии. Представители разных народов — сторонники конституции, враги «камарильи», военщины, бюрократии и клерикализма — видели в венгерском движении опору, без которой желаемое преобразование было невозможно. Все течения, противные агрессивным планам Габсбургов в связи с германским, итальянским и балканским вопросами (т. е. враги внешней политики, в которой сказывалась реакционная роль габсбургской монархии), также рассчитывали на поддержку венгерской оппозиции.

Такой ориентации придерживались Н. Балческу [186, т. 4, с. 352—362], И. Гика — румынские радикальные деятели. Характерно также высказывание хорватского эмигранта И. Ткалаца, который в 1865 г. призывал хорватов к соглашению с Венгрией: «Если Кроацция хочет сохранить свою конституцию и гарантию политической свободы и национальной самостоятельности, то единственное средство [...] союз с Венгрией». Хотя правительство Белькреди намерено предоставить землям автономию, «графу Белькреди едва ли удастся упрочить за этими областями влияние на внешнюю политику, представляющую опасный подводный камень для внутренней свободы империи. Только Венгрия [...] может устранить эти опасности» [Карасев, Фрейдзон, 142, с. 184]. Польская аристократическая эмиграция надеялась, что соседство более свободной Венгрии поможет добиться уступок для Галиции [Zdrada, 1967].

Ориентацию части славянских либералов на австрийское правительство критиковал Н. Г. Чернышевский, выражавший симпатию идеям славянско-венгерского сотрудничества против габсбургской власти. Революционные круги славянских народов и русская революционная демократия рассчитывали на то, что Венгрия вновь может стать силой, которая разобьет австрийский абсолютизм. Славянские радикальные группировки (хорватские праваша, сербская Омладина) разоблачали попытки австрийского правительства в 1861—1865 гг. добиться поддержки славян против венгерской оппозиции и стремление австрийской реакции в 1867—1871 гг. с помощью славян ликвидировать дуализм, а вместе с ним и конституционный строй.

Социально-экономические причины также влияли на ориентацию ряда течений в национальных движениях сербов, словаков, хорватов, украинцев Закарпатья на Венгрию. Широкие права Венгрии, казалось, давали определенную возможность сопротивления конкуренции австрийской промышленности, отстаивания интересов местной экономики и т. п.

Ненависть к австрийскому господству, надежды на развертывание национально-освободительного движения подчас перевешивали опасения демократических кругов славянских и румынского народов, связанные с ростом влияния венгерских помещи-

ков. В 1866 г. сербский демократ Ж. Жуёвич обратил на это внимание, отметив, что над Венгрией господствуют «магнаты и паны — люди сатрапских понятий» и необходимо коренное изменение «внутреннего социального строя», чтобы восторжествовали «разумные, истинно цивилизованные» межнациональные отношения [Карасев, Фрейдзон, 142, с. 186]. Но ориентации на венгерскую оппозицию способствовали либеральные лозунги, до поры до времени прокламировавшиеся венгерским дворянством. Кроме того, мадьярские радикальные круги в Венгерском королевстве ориентировались на мадьярскую оппозицию, считая, что приобретение Венгрией широких прав будет способствовать ослаблению, а возможно и развалу империи Габсбургов и успеху борьбы за национальный суверенитет. При этом радикальный потенциал венгерского дворянства переоценивался. Здесь сказались воспоминания о событиях 1848 г. В условиях же дуализма эти национальные радикальные круги ориентировались на союз с мадьярской левой оппозицией, требовавшей персональной унии с Австрией. Иной характер имела ориентация на мадьярскую оппозицию тех кругов в Словакии и Закарпатье, которые частично уже срослись с мадьярской буржуазией и дворянством и даже шли по пути денационализации (часть земель, буржуазии и духовенства).

Австро-венгерское соглашение 1867 г. свидетельствовало о том, что надежды национально-радикальных кругов не сбылись. Победа конституционного принципа в габсбургской монархии означала шаг вперед в ее развитии, но осуществилась в форме весьма неблагоприятной для демократических сил. Это, однако, не опровергает тактической целесообразности ориентации последних на сотрудничество с венгерской оппозицией в первой половине 60-х годов XIX в.

Группировки, ориентировавшиеся на имперские правящие или влиятельные круги, имелись в Бачке, Банате и Трансильвании (часть сербской и румынской буржуазии, чиновничества, церковная иерархия), Словакии (Старая школа), Закарпатье (группа А. Добрянского), т. е. в национальных районах Венгерского королевства — в движениях, непосредственно конфликтовавших с венгерским дворянством и буржуазией, а также в Хорватии, перед которой вырисовывалась перспектива восстановления венгерской власти («самосталцы»). В 1861—1865 гг. при существенных различиях в объеме требований все они искали сотрудничества с централистским режимом или служили ему, надеясь на осуществление национальных программ с его помощью, а после 1867 г. рассчитывали на антидуалистскую (консервативную) оппозицию в Вене. Они проявляли готовность поддержать сильную центральную имперскую власть и удовлетвориться уступками в рамках существующего или несколько реформированного режима. Большую роль в определении такой ориентации сыграли австрийские чиновники — выходцы из угнетенных наций (А. Добрянский, Я. Францисци, Дж. Пеякович, И. Мажуранич). Но сле-

дует иметь в виду, что к социально-экономическим проблемам часть этих групп (например, хорватских самосталцев) подходила с либеральных позиций, в сущности отражая потребности буржуазии.

Все эти группы в 1861—1865 гг. рассчитывали на конфликт между Веной и венгерским национальным движением и свое место видели на стороне Вены. Поэтому правительство проводило в отношении к ним политику обещаний и некоторых уступок. Сербам, словакам, румынам, украинцам в Венгрии была предоставлена определенная возможность развития школьного дела и печати на родном языке. Хорватам же делались намеки на удовлетворение их существенных требований (объединения земель) в случае, если лояльным кругам удастся овладеть национальным движением. Этой политикой правительство рассчитывало оказать давление на мадьярскую оппозицию.

Иная ситуация сложилась в австрийской части государства. Чешское и словенское движения могли добиваться своих целей лишь в борьбе с централистским режимом. Исключение составляли украинские «москвофилы» и «народовцы», которые ввиду польско-украинских противоречий ориентировались на австрийское правительство.

5. Программы буржуазных и дворянских течений (общий обзор).

О возможности альтернативы в исторических судьбах Австрийской империи

В отличие от революционных 1848—1849 годов программы национальных движений народов Венгерского королевства не содержали требований отделения от Венгрии (словаки, сербы, украинцы Закарпатья, румыны Баната). Исключение составляли хорваты, опиравшиеся на историческое право и фактическое положение после 1848 г. Обстановка в 60-х годах была неблагоприятна для легальной борьбы за отделение от Венгрии, так как уже Октябрьский диплом 1860 г. признал принцип целостности Венгерского королевства. Социально-экономические условия в национальных районах также не благоприятствовали проавстрийским симпатиям. Даже в Хорватии, борющейся за равноправие с Венгрией, до 1866 г. преобладали стремления к хорватско-венгерской федерации.

Программы национальных движений в Венгерском королевстве — сербов, румын, словаков и закарпатских украинцев — сводились к реформам, которые бы гарантировали их права в рамках королевства. Некоторые деятели мечтали о федерализации Венгрии на этнической основе, но практически выдвигались более скромные варианты — разграничение комитатов с учетом национального состава населения. В любом случае предусматривалось: представительство народов в органах центральной власти, влияние их на национальную политику, свобода употребления родного

языка в учреждениях и развития национальной культуры. Эти программы исходили из многонационального характера Венгерского королевства, т. е. отказа от идеи «единой венгерской политической нации». Наиболее умеренные требования сводились к обеспечению национальных прав в низших административных единицах.

С 1865 г., когда произошел поворот австрийской политики к соглашению с венгерским дворянством, ориентация Старой школы в Словакии и части сербских и румынских буржуазно-чиновничьих и клерикальных кругов на Вену явно стала беспочвенной. Буржуазия неполноправных наций Венгрии фактически могла рассчитывать лишь на соглашение с венгерским национальным движением, а с 1867 г. — с венгерским правительством. Поэтому она отступала от требования объединения национальных территорий к более скромным программам и стала искать соглашения на основе среднего из приведенных вариантов. В разделе, посвященном румынскому движению (см. главу III), приведен совместный румынско-сербско-украинский проект закона, выдержанный в этом духе. Но отказ от теории «единой венгерской политической нации» был неприемлем для венгерского помещичьего класса и при сохранении его власти это требование было неосуществимо. Таковы программы, относящиеся к урегулированию национальных взаимоотношений в Венгрии [Katus, 403].

Но подлинные стремления сербских, а во все большей мере и румынских национально-буржуазных деятелей, выходили далеко за рамки перечисленных требований. Хорватские народняки видели свою конечную цель в независимом южнославянском государстве подчас не менее отчетливо, чем сербские. Различие между ними состояло в признании (хорваты) или отрицании (сербы) целесообразности создания хотя бы временного южнославянского комплекса в составе империи. Хорватское (народняцкое) движение выделялось тем, что в программе-минимум добивалось широкой финансово-экономической автономии.

Наконец, только в Венгрии (крайние левые) и в Хорватии (праваши) образовались группировки, провозгласившие принцип национальной независимости, хотя бы в форме персональной унии (тем не менее, в 1867—1871 гг. праваши, видя главную опасность в восстановлении централизованной Австрии, поддерживали сторонников дуализма против федералистов).

Вне Венгрии особое место принадлежало хорватским и чешским федералистам. Словенские лидеры также мечтали о федерализации империи. Польские дворянско-буржуазные круги сотрудничали с федералистами, но в конце 60-х годов удовлетворились автономными учреждениями Галиции. После 1867 г., когда местная власть перешла к польскому дворянству, украинские «москвофилы» и «народовцы» не требовали выделения Восточной Галиции в особую провинцию и стремились к соглашению с польскими правящими кругами.

Австро-венгерский компромисс, которого — во всяком случае в том виде, в каком он был заключен — славянские и румынские либералы не ожидали, нанес удар по их представлениям о пути выхода из кризиса. Венгерскому национальному движению удалось вырвать у Габсбургов такие уступки, возможность которых ранее казалась деятелям других угнетенных наций невероятной. В 1867 г. чешская и хорватская буржуазия, в отличие от 1848 г., не выражала энтузиазма бороться за восстановление Австрийской власти над всем государством. Ее привлекал сам принцип конституционности, который был положен в основу «аусгляйха», хотя она протестовала против сговора правящих кругов двух наций. Например, Й.-Ю. Штросмайер так инстинктивно оценил своих сторонников в 1867 г.: «Ни в коем случае не хулить венгров и их достижения, но со всей энергией добиваться, чтобы их министерство без нашего свободного согласия не могло иметь никакой власти над нами» [344, т. I, с. 38, 43]. В этой обстановке австро-славистские течения у хорватов, чехов и поляков — все они опирались на «историческое право» — в качестве условия внутривнутриполитического урегулирования требовали предоставления Триединому королевству, чешским землям и Галиции того же статуса, что и Венгрии. Таким образом, австро-венгерское соглашение активизировало борьбу за реализацию государственно-правовых программ в других провинциях. Но соотношение сил сделало невозможным осуществление этих требований.

М. П. Погодин, утверждавший в 1862 г., что австрийские «славяне [...] готовы служить каждому своему правительству, ратуя за оставление им веры и языка» [95*], был неправ. Он игнорировал их политические требования и стремился доказать, будто их цели совместимы с интересами правительства. В действительности гарантией «веры и языка» удовлетворялись лишь самые умеренные деятели движений, находившихся в наиболее неблагоприятных условиях. Так, Я. Францисци, в то время — чиновник, заявил в 1865 г., что «словацкий народ скорее за централизм с федерацией этнических народов, чем за федерацию историко-политических индивидуальностей» [Borodovčák, 445, s. 249]. «Федерация» в данном случае означала лишь школьно-языковую автономию в рамках централизованной и полуабсолютистской монархии (кстати, это свидетельствует, что ссылка на «естественное право» сама по себе не означала большего демократизма в сравнении со ссылками на «право историческое»).

Правые либералы были склонны, блокируясь с консервативными кругами, идти им на уступки в своих требованиях общеполитического характера (признание сильной императорской власти, ограничение демократических свобод). Но во всех движениях имелись буржуазно-демократические течения, считавшие парламентский строй необходимым для обеспечения национальных прав. При этом большинство буржуазных демократов добивалось либо национального суверенитета (равноправия) в рамках монархии, либо широкой автономии, которая была бы шагом к неза-

висимости. Некоторые левые группировки отстаивали широкие демократические требования. За них уже боролись массы народа в чешских землях, в эту борьбу втягивались все более широкие слои других народов.

Изучение программ различных общественных движений позволяет заключить, что идеи национальной независимости получили значительное распространение не обязательно там, где общественно-экономическое развитие достигало наиболее высокого уровня. В Австрийской империи стремление к независимости в третьей четверти XIX в. в большей мере проявилось среди тех народов, которые — при наличии ряда иных существенных обстоятельств — развивались в менее благоприятных условиях (например, у сербов и хорватов). Обострение противоречий, подъем освободительного движения и формулирование радикальных программ у южных славян были связаны с нарушением прежде более благополучного процесса социально-экономического развития сербских и хорватских районов (успешное формирование буржуазии, подъем торговли и ремесла в первой половине XIX в. и удары, нанесенные их структуре вследствие промышленного переворота в империи после 1848 г.). Особые обстоятельства, благоприятствовавшие радикальным движениям, создавались там, где на политическую ситуацию воздействовало ядро национального государства и освободительная борьба на территориях вне Австрийской империи. Так обстояло дело с итальянцами, поляками, сербами, румынами, а частично и с хорватами (ввиду сознания их родства с сербами).

Если для степени радикализма программы движения, для остроты развивавшегося конфликта вообще решающее значение имел характер противоречий между угнетенным народом и угнетательским государством, то массовость того или иного национального движения в империи и его сила во многом определялись абсолютным уровнем капиталистического развития данной страны. Вот почему итальянские и чешские земли в этом отношении опережали остальные.

Обзор идеологии общественно-политических движений подтверждает вывод, сделанный раньше в связи с анализом социальных сил, участвовавших в борьбе: в габсбургской монархии не было единого мощного революционного движения, способного определить развитие государства, т. е. завершить буржуазно-демократическую революцию и добиться признания принципа равноправия наций.

В 60-х—начале 70-х годов XIX в. в освободительном движении произошли прогрессивные изменения. Если эксплуататорские классы всех неполноправных наций по преимуществу искали соглашения с властью, то, с другой стороны, формируется буржуазная демократия и в политическую борьбу, прежде всего в наиболее развитых в экономическом отношении районах северо-запада империи, вступают широкие слои населения, многочисленная

городская беднота. Здесь и в промышленных центрах Венгрии уже сконцентрировалась масса пролетариата, а на юге и востоке империи под воздействием русской революционно-демократической идеологии возникает революционная демократия (деятельность которой однако не вышла за локальные пределы). В Галиции большую активность проявляет деклассированное дворянство. Повсеместно выдвигаются требования всеобщего избирательного права и национальной свободы, общественное движение стремится преодолеть рамки либерального соглашательства. Эти явления способствовали углублению государственного кризиса и установлению конституционного строя в Австро-Венгрии. Но общественный подъем все же не подорвал позиций либералов, как в Венгрии, так и в Австрии, и не привел к революции.

Следует обратить внимание на отличие либерального движения в Австрийской империи в конце 50-х—60-х годах XIX в. от либеральных тенденций в России, где после крестьянской реформы либерализм проявлял полное политическое бессилие. Несмотря на страх перед демократией, на боязнь демократической революции либералы — дворянство и буржуазия разных наций Австрийской империи — в условиях революционного кризиса 60-х годов¹², не шли однако на капитуляцию перед абсолютизмом. Это объяснялось как быстро растущей социально-экономической мощью австронемецкой буржуазии и национальными интересами имущих классов угнетенных наций, так и политической слабостью демократии, прежде всего рабочего класса, отсутствием революционной пролетарской партии. Правящим кругам удалось сохранить контроль над ситуацией и выйти из кризиса путем конституционных реформ. Австронемецкие и венгерские либералы воспользовались глубоким государственным кризисом 1859—1866 гг. для достижения своих ограниченных целей — учреждения конституционной монархии. Переход к конституционному строю произошел в результате уступок двора венгерским и австронемецким либералам — представителям наций, имевших сильный класс крупных землевладельцев. При этом союз либералов с частью консервативных кругов предопределил сохранение немаловажных остатков абсолютизма — прерогатив императора.

Общая расстановка социально-политических сил в государстве в третьей четверти XIX в. была следующей. Австрийская империя представляла собой полуфеодальную монархию с абсолютистскими (50-е годы) и полуабсолютистскими методами правления (до 1867 г.), с всесилием земельных магнатов и крупного капитала господствующих наций после 1867 г., с ограниченными буржуазными реформами. Подлинно лояльными общественно-политическому строю империи до 1867 г. были часть земельной аристократии, высшие военные, церковные и бюрократические круги.

¹² О революционном характере кризиса в Австрии и Пруссии в 60-х годах XIX в. см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 311—313; т. 23, с. 84—85.

В 1867—начале 70-х годов социальная основа монархии расширилась, включив в себя венгерский и польский господствующие классы землевладельческого дворянства и растущей крупной буржуазии. В рамках имущих классов другую сторону представляли леволиберальные и буржуазно-демократические оппозиционные течения в национальных движениях, при всех колебаниях выступавшие с идеями равноправия наций, политических свобод, федерации, самоуправления и т. д. Более радикальную позицию занимали сторонники национальной независимости, но революционные силы были очень невелики.

Борьба против унаследованного от феодальной эпохи порядка, выразившаяся, в частности, в национальных движениях, получала все более значительную поддержку масс. Как было отмечено, широкие слои трудящихся, втягиваясь в политическую борьбу, как правило, выдвигали свои собственные демократические требования — политические и социальные; тем самым они изменяли характер движения, а проходя школу политической борьбы, убеждались в ограниченности и своекорыстии имущих классов и все более сознательно отмежевывались от них.

После революции 1848—1849 гг. основные общественно-политические противоречия выражались не только формулой — «полуфеодалная реакция против народных масс и буржуазной демократии», но во все большей мере — «имущие классы против эксплуатируемых масс, буржуазия против пролетариата». Хотя противоречия первого рода в большинстве частей государства еще имели решающее значение, в условиях утверждения капитализма и сохранения крупных феодальных остатков всему буржуазно-помещичьему обществу противостояли: стихийная борьба разоряющегося крестьянства и городского трудового люда; в некоторых районах — политическое течение революционной демократии; набравшее силу рабочее движение.

Ликвидация национального гнета являлась необходимой частью буржуазно-демократического преобразования. О габсбургской монархии В. И. Ленин отмечал в 1914 г. незаконченность буржуазной революции «в отношении национального вопроса»¹³⁻¹⁴. Поскольку освобождение наций не было достигнуто здесь ни в результате революции 1848—1849 гг., ни тем более в ходе буржуазных преобразований «сверху» в 60-х годах, возможность национально-освободительных движений общедемократического характера сохранилась и позднее. Более того, их размах рос по мере втягивания в политическую борьбу широких масс. В эпоху империализма, когда в среде угнетенных наций сформировались классы пролетариата и буржуазии, В. И. Ленин неустанно боролся за торжество классово сознательной, чуждой буржуазных влияний политики рабочего класса. Придавая этой задаче решающее значение, он вместе с тем указывал, что у неполноправных

¹³⁻¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 389.

наций на востоке Европы (т. е. в России, Австрии, на Балканах) «есть еще *объективно* общенациональные задачи, именно задачи *демократические*, задачи *свержения чужденационального гнета*»¹⁵. Тем более сказанное относится к интересующему нас периоду истории монархии.

Национальный гнет вынуждал народы бороться за элементарные права, включая (в ряде земель) обучение в школах и дело-производство в суде на родном языке, так как крестьяне, подвергавшиеся и после 1848 г. полуфеодальному гнету землевладельцев, в некоторых районах государства не понимали, что говорит им чиновник.

Существенные черты общедемократических движений определялись тем фактом, что те или иные слои буржуазии еще были способны бороться за демократию. Но при наличии общенациональных задач более богатые слои буржуазии стремились добиться соглашения с правящими кругами на основе ограниченных реформ. Таким образом, «единства интересов», полного совпадения их не было даже во время общедемократических движений. В. И. Ленин указывал на недопустимость «абстрагирования противоречий» между классами, которые образуют нацию¹⁶. Интересы рабочего класса всегда выдвигали на первый план «необходимость точного анализа тех различных интересов *различных* классов, которые сходятся на известных, определенных, ограниченных общих задачах»¹⁷.

Завершение демократической революции в Дунайской монархии могло пойти различными путями. Как отмечал В. И. Ленин, «теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию»¹⁸. Действительно, освободительная борьба в габсбургской монархии развивалась в двух направлениях. В некоторых случаях, прежде всего в чешских землях, массы рабочих и крестьян были застрельщиками борьбы за свободу, добивались демократизации политического строя, свободы народов, но не выступали за ликвидацию австрийского государственного комплекса. Их историческая заслуга состояла в том, что они стремились противопоставить свои требования и тактику политической линии оппозиционной буржуазии. Аналогичные тенденции имели место и в других районах империи. В них находила прямое выражение борьба народов за завершение демократической революции. Другое направление освободительных движений выражалось в борьбе не только за демократизацию строя, но и за независимость (в Хорватии, у сербов, «крайние левые» в Венгрии и т. д.).

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 111.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 221.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 276.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 273.

Нас интересует значение разных общественно-политических движений для борьбы за завершение демократической революции в Австро-Венгрии и для демократизации в Европе вообще. Прогрессивное значение борьбы демократических сил угнетенных наций следует оценивать не только, а подчас и не столько по степени последовательности их специфических национальных программ. Решающим при этой оценке, на наш взгляд, является то, насколько тому или иному течению удавалось противопоставить себя соглашательским и консервативным силам и содействовать борьбе масс за демократию, победа которой только и могла открыть путь к равноправию наций. Вместе с тем союзником прогрессивных сил господствующих наций было движение угнетенных наций за независимость. В борьбе двух тенденций в буржуазном преобразовании Австро-Венгрии — революционной и реформистской (имевшей перевес) — движение за национальную независимость было союзником первой.

Поскольку революция 1848—1849 гг. не решила проблем ликвидации полуфеодальных отношений, особенно прочных в Венгерском королевстве и Галиции, а также национального гнета, то в третьей четверти XIX в. у австрийского государства теоретически имелась следующая альтернатива путей развития, в частности, в сфере национального вопроса: либо победоносная демократическая революция, открывавшая возможность утверждения принципа национального равноправия, как следствия коренных демократических, социально-политических преобразований¹⁹, либо создание независимых национальных государств. Ход событий в 50—70-х годах XIX в. показал слабость демократических сил Австрийской империи (Австро-Венгрии). Буржуазия всех наций уже была не в состоянии осуществить демократическую революцию, а рабочий класс не стал еще гегемоном пирочайших масс народов. Но значительные слои буржуазии угнетенных наций, как и широкие массы, в определенных условиях могли выступить за национальную независимость. Таким образом, реализация первого пути, т. е. глубокого демократического преобразования общества в третьей четверти XIX в. оказалась невозможной — как и позднее. Тем самым возросла вероятность распада габсбургского государства.

¹⁹ Имеется в виду возможность демократической постановки национального вопроса, поскольку это вообще было осуществимо в условиях капитализма. Прочное сотрудничество между народами в многонациональном государстве несовместимо с эксплуататорским строем.

ФОРМЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

1. О формах национально-освободительных движений

В различных формах освободительных движений сказались политические интересы представляемых ими общественных слоев; при этом изменение условий, в которых развивались эти движения, по-разному воздействовало на ориентацию, тактику и организацию политических течений — умеренно-либеральных, леволиберальных, буржуазно-радикальных и революционно-демократических.

В начале периода неабсолютизма власти еще не могли предотвратить стихийные митинги горожан и крестьян, подобно тому, как это произошло в Кутна-Горе, в Чехии, в ноябре 1851 г., когда судом был оправдан К. Гавличек-Боровский, пером публициста мужественно боровшийся с реакцией [24а]. Оппозиционные выступления в Северной Италии, Венгрии, Трансильвании, Хорватии, Чехии и других районах — пение национальных песен, панихиды по жертвам революции, распространение оппозиционных газет (пока они существовали), антиправительственная агитация, публикация патриотических стихотворений — эти формы протеста властям полностью подавить не удалось. Разрозненные выступления учащались во время Крымской и особенно австро-франко-пьемонтской войны 1859 г. Что касается венгерского общественного движения, то подпольная революционная борьба и активность эмиграции являлись главными формами сопротивления Габсбургам в 50-х и в начале 60-х годов XIX в.

В 1860 г. повсеместно начался подъем общественного движения. Хотя на авансцене политической жизни преобладали легальные формы деятельности, существенное место и тогда занимали действия, выходящие за рамки «законности» — радикального и революционного характера, организованные и стихийные.

В начале 60-х годов выступления городского, а в ряде районов и сельского населения резко углубили политический кризис, а после австро-венгерского соглашения 1867 г. в течение ряда лет затрудняли стабилизацию режима. Рабочее движение конца 60-х — начала 70-х годов было направлено в защиту не только экономических, но и политических интересов рабочего класса, в защиту демократии (свобода объединений, всеобщее избирательное право, устранение национального неравенства и т. д.).

Революционные организации и выступления. Национальные войны. Революционные выступления итальянских демократов (Ми-

ланское восстание 1853 г., экспедиция К. Пизакане 1857 г.) не имели успеха. В связи с этим усилились позиции кругов, ориентированных на сотрудничество с Пьемонтом. В 50-е годы правящие умеренно-либеральные круги Сардинского королевства сделали ставку в борьбе с Австрией на военно-дипломатическую поддержку Франции. Это принесло, однако, лишь частичный результат — освобождение Ломбардии в 1859 г. Одновременно умеренно-либеральные круги с помощью созданного ими Национального общества использовали — отчасти инспирировав их — народные выступления в Парме, Модене и Тоскане в целях присоединения этих областей к Сардинскому королевству. Для придания силы этому акту проводились плебисциты по образцу плебисцита 1848 г. о слиянии Ломбардии с Сардинским королевством.

Решающим моментом итальянского национального движения явилась осуществленная усилиями демократов экспедиция на юг во главе с Дж. Гарибальди. Эта «экспедиция Тысячи» переросла в народную войну с режимом неаполитанских Бурбонов. Армия Гарибальди образовалась в значительной мере из добровольцев, съехавшихся со всех концов Италии, причем более 20 тыс. патриотов было из северных и центральных областей. Победы Гарибальди, открывшие перспективу объединения революционным путем всей Италии, вынудили пьемонтское правительство к оккупации Папского государства. Единое итальянское государство возникло в результате слияния с Сардинским королевством папских владений и Неаполя, что также было формально санкционировано плебисцитами. По выражению Энгельса, «Савойская династия присоединилась к революции и таким образом присвоила себе итальянскую корону»¹. В 1866 г. в результате новой национальной войны с Австрийской империей к Италии была присоединена Венецианская область.

В 60-х годах радикальные круги ряда национальных движений, связанные с эмиграцией, создавали тайные кружки и общества. Наибольший масштаб эта деятельность приобрела в начале десятилетия у поляков и в Венгрии, но попытки такого рода предпринимались и в чешских землях в связи с польским восстанием. Ряд тайных организаций, связанных с Сербией, сербской Омладиной и хорватскими народняками, существовал на Военной границе. Подготовка восстания в 1871 г. велась группой правашей в Хорватии. Сербь габсбургской монархии поддерживали контакты с революционными организациями в Боснии и Герцеговине, а также с Сербским княжеством.

В Венгрии левое крыло легальной Партии независимости (Виргил Силади, Ласло Бёсёрмени и другие) было связано как с революционным подпольем, так и с Кошутом. Характерное для венгерского национального движения сочетание легальных и нелегальных средств, мирных и вооруженных методов борьбы проявилось в 60-х годах, как до австро-венгерского соглашения, так

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 431.

и в первые годы дуализма. Неудивительно, что репрессии властей после восстановления осенью 1861 г. в Венгрии абсолютистских порядков были направлены в первую очередь против левых. Их руководитель в феврале 1862 г. был арестован, полиция произвела обыск в редакции газеты «Йёве» («Будущее»). Вооруженные подпольные организации действовали в Венгрии и Трансильвании с начала 50-х годов. Разрыв между Кошутом и группой К. Тисы привел к расколу и в этом нелегальном движении. Деятельность революционных групп, однако, возродилась во время польского восстания (организация демонстраций, создание вооруженных отрядов из бывших хонведов и т. д.). Весной 1863 г. последовали первые провалы: ликвидация подпольной группы в 17 человек, в которую входили наряду с представителями интеллигенции, буржуазных слоев, студентами, также и мастеровые. После демонстрации, организованной 13 марта 1864 г. в Пеште, последовали новые аресты. В начале 1864 г. подпольные организации были разгромлены. С этого времени венгерское сопротивление режиму в самой стране и борьба за восстановление венгерской государственности проходили только в легальных рамках.

Толчок радикализации движения в Галиции дали события в Королевстве Польском в 1860—1861 гг. В Галиции распространились воззвания Демократического общества, призывавшие готовиться к борьбе за восстановление Польши. Разочарование польских имущих классов в австрийской монархии после издания Февральского патента 1861 г. способствовало акцентированию ими своего «патриотизма», особенно в его внешних проявлениях (демонстрирование национального траура и прочее). В 1862 г. во Львове был создан комитет из представителей буржуазии и помещиков (А. Сапега, Ф. Земьялковский, Ф. Смолька, А. Дзедушицкий), но целью его было не допустить создания в Галиции «красной» организации. Часть шляхты выступала против нелегальных форм борьбы и противодействовала созданию даже этой «белой» организации А. Сапеги [275, с. XVI].

Росла активность демократических слоев (мелкой буржуазии, ремесленников, учащейся молодежи), в их среде получили отклик лозунги подготовки восстания, усилилось влияние демократической эмиграции. В феврале—марте 1861 г. возникло так называемое Национальное правительство Добжаньского, находившееся под влиянием сторонников Л. Мерославского. Круг «мерославчиков» во Львове (Я. Чарнецкий и другие) собирал средства на восстание. С конца 1861 г. Мерославский установил контакт и с краковской организацией, созданной А. Щепаньским, — Главной галицийской радой. Организация сторонников Мерославского во Львове и Кракове насчитывала до 200 человек [160, с. 185, 189].

Деятельность демократических элементов беспокоила консервативно-либеральный лагерь. Рассчитывая ограничить участие Галиции в будущей борьбе денежной поддержкой, «белая» Львовская лава в декабре 1862 г. вступила в переговоры с Э. Милков-

ским, которого Центральный национальный комитет (ЦНК) назначил организатором для Восточной Галиции. Милковский планировал сделать Галицию и Молдову базой формирования повстанческих сил. Он надеялся, что восстание в Королевстве Польском вызовет подъем движения угнетенных Австрией народов, которое освободит Галицию и создаст базу для продолжения борьбы против царизма.

Мелкая и средняя буржуазия, ремесленники, интеллигенция Галиции разделяли эти планы, приветствовали восстание 1863 г., шли в формировавшиеся отряды, участвовали в экспедициях Куровского на Мехув и Чарнецкого на Томашув в феврале 1863 г. Но сил они имели мало. Организованный львовскими демократами в феврале 1863 г. «красный» Комитет братской помощи существовал недолго и был распущен повстанческим правительством после присоединения «белых» в Королевстве Польском к восстанию. Стремление последних превратить восстание в вооруженную демонстрацию, чтобы добиться вмешательства держав, отвечало желаниям галицийских имущих классов, боявшихся перенесения борьбы в Галицию. «Белая» Львовская лава вела дело помощи повстанцам из рук вон плохо [504, т. 3, с. 58—61].

Под влиянием «белых» повстанческое Национальное правительство также требовало ограничения борьбы территорией Королевства Польского. Отель Лямбер и краковские консерваторы рассчитывали, что Польское государство может возродиться в политической связи с Габсбургами и стремились, «чтобы восстание не преступило определенных границ» [96*, с. 6]. Надежно оградить Галицию от революции стремился и А. Сапега, ставший в 1864 г. комиссаром повстанческого правительства за границей. Он рассчитывал, что выступление итальянских и венгерских революционеров позволит добиться отделения Галиции от Австрийской империи без распространения восстания на ее территорию. С перспективой перенесения борьбы в Галицию было покончено в результате введения в крае военного положения с февраля 1864 г. по май 1865 г. Власти арестовали многих участников восстания и ряд галицийских деятелей, в том числе А. Сапегу и Ф. Земьялковского. Поражение восстания нанесло удар радикальным элементам и закрепило в Галиции преобладание мирных форм движения. Главное место среди них принадлежало борьбе за автономию.

У южных славян наиболее значительные революционные выступления имели место в конце 60-х—начале 70-х годов. В Далмации в 1869 г. вспыхнуло восстание в общине Кривошии и ряде других общин Которского округа (ныне — в составе Черногории). Поводом к восстанию явилась попытка властей ввести всеобщую воинскую повинность. Настоящей же причиной восстания было ухудшение условий жизни крестьян-горцев. Карательные экспедиции, посланные венским правительством, потерпели поражение. Новый наместник Далмации генерал Г. Родич был вынужден заключить с повстанцами так называемый Кнежлазский мир и при-

знать их прежние права. Восстание в Боке-Которской получило широкий отклик, оно усилило чувство национальной гордости населения всех югославянских земель. Сербская и хорватская печать утверждала, что дело национального освобождения непобедимо. Которские события способствовали созреванию плана группы хорватских правашей во главе с Э. Кватерником организовать выступление на Военной границе.

В обстановке повсеместного недовольства населения режимом, в особенности условиями, на которых власти после 1867 г. стали осуществлять демилитаризацию Военной границы, правашаи предприняли попытку вооруженного выступления за независимость Хорватии. Это было неудачное восстание в Огулинском полку, возглавленное Э. Кватерником, В. Бахом, А. Ракияшем и другими. Летом и осенью 1871 г. «коноводы движения», по сообщению русского консула в Риеке, «проводили между сельским населением ту мысль, что венгры намерены отнять у него все поземельное имущество» [97*]. 8 октября 1871 г. правашам удалось поднять роту граничар и захватить несколько населенных пунктов. Они провозгласили Национальное правительство, призвали все «живые силы» народа к борьбе за свободу, выдвинули программу самоуправления общин, сотрудничества католиков и православных и предприняли первые меры в пользу граничар (отменили обмер земли, рассматривавшийся населением как прелюдия к увеличению налогов). Однако на четвертый день восстание было подавлено, а его руководители погибли [164].

Революционная эмиграция в конце 50-х — 60-е годы XIX в. Деятельность эмиграции являлась одной из важных революционных форм освободительных движений, в особенности польского и венгерского.

Именно эмигранты преимущественно являлись носителями идеи единства всех польских провинций. На съездах представителей разных частей Польши и эмигрантских организаций в 1868 и 1869 гг. в Бреславле (Вроцлаве) и Берлине (Галицию здесь представляли А. Сапега и В. Семиньский) было решено создать общенациональную партию. Целью ее объявлялась поддержка усилий эмиграции в деле постановки польского вопроса на международной арене [209, с. 318].

Провозглашение общепольских целей было характерно для эмиграции в целом, но пути их достижения у демократических эмигрантов были иные, нежели у партии Чарторьских. Накануне Крымской войны, когда в польских кругах зародилась надежда, что Австрия выступит против России, сторонники Чарторьских развернули лихорадочную деятельность, стремясь укрепить контакты с австрийскими властями. Австрофильские лозунги консервативная эмиграция связывала с борьбой за автономию Галиции, которая рассматривалась как ступень к независимости Польши. На утверждение этого курса повлияло издание Октябрьского диплома 1860 г. А. Чарторьский считал, что одна из участ-

ниц разделов Польши — Австрия, хочет искупить свою вину и отказаться от централизма [Zdrada, 1967]. Аристократическая эмиграция создала сеть корреспондентов в Галиции; в Кракове и Львове действовали ее телеграфные бюро [160, с. 41, 143—149]. Сторонники Чарторыхских стремились направить движение в Галиции в русло легальности, что делало возможным их сотрудничество с той частью польских имущих классов, которая искала союза с Габсбургами. Еще в 1860 г. А. Голуховский вел переговоры с Чарторыхским о планах провозглашения Габсбургов монархами самостоятельной Галиции (так называемая австрийская секундогенитура для Галиции) и через его посредство обращался к Наполеону III. Со своей стороны, Отель Лямбер старался активизировать пропаганду идеи восстановления Польши в интересах Австрии и сотрудничества с Габсбургами на поприще «органического труда». Эту часть программы принимали все консервативные и либеральные группировки в Галиции.

После восстания 1863—1864 гг. аристократическая эмиграция старалась опереться на «молодых» консерваторов и примыкавшую к ним группу либералов во главе с Земялковским, которые разделяли расчеты Отеля Лямбер на внешнеполитическую активность Австрии против России и Пруссии. Накануне австро-прусской войны 1866 г. эти круги добивались заключения союза между Австрией и Францией. Назначение Голуховского наместником Галиции казалось аристократической эмиграции началом осуществления ее надежд. Поэтому она рекомендовала галицийским автономистам воздержаться от оппозиции дуализму и старалась добиться автономии Галиции, используя посредничество французского двора. Поражение Франции в 1870 г. и крах надежд на постановку Австрией польского вопроса не изменили их лоялистской позиции. Таким образом, несмотря на «общепольский» курс аристократической эмиграции, связь с нею консервативных кругов галицийского общества не только не способствовала антиавстрийской направленности движения, но, наоборот, тормозила борьбу за автономию.

Иной характер имели сношения с демократической эмиграцией. В конце 50-х—60-х годах демократы разрабатывали планы выступления против Австрии в союзе с другими народами, угнетенными Габсбургами. В 1866 г. они приветствовали возвращение Венеции итальянскому народу, рассматривая это событие как победу принципа национальности. В то время как Отель Лямбер призывал создать в помощь Австрии (для борьбы против пруссаков) польский легион, демократическая печать выдвигала лозунг поражения Австрии.

Создание дуалистической монархии не изменило позиции демократической эмиграции. Ее печать ставила в пример «упорную оппозицию чехов» и требовала поддержать их, используя бойкот рейхсрата. Завоевание широкой автономии рассматривалось как ступень в борьбе за восстановление Польского государства [98*].

Ю. Босак, З. Милковский, В. Врублевский, Я. Домбровский и другие революционеры, стоявшие во второй половине 60-х годов во главе «Объединения польской демократии», определили последовательный антигабсбургский курс этой левой организации. «Объединение» установило контакт с Национально-демократическим обществом. В 1869 г. по приглашению Босака члены Общества принимали участие в конгрессе Лиги мира и свободы в Лозанне. «Объединение» искало возможность создать в Галиции нелегальную организацию. Еще в 1866 и 1867 гг. туда посылались эмиссары, и, по-видимому, такая организация была создана [209, с. 262—267].

В памятной записке Я. Домбровского, поданной Наполеону III перед франко-прусской войной, излагался план польского восстания против власти русского царизма с использованием остатков военной и гражданской галицийской организации. Этот план был рассчитан на поддержку Франции и терпимость Австрии, т. е. являлся отступлением от антиавстрийского курса [242, с. 109—111]. Однако поражение Франции покончило с иллюзиями демократов.

Влияние эмигрантов ощущалось в Галиции и непосредственно, поскольку в конце 60-х—начале 70-х годов многие из них поселились здесь и получили помощь со стороны местной общины. В 1870 г. для поддержки эмиграции во Львове было создано Общество национальной опеки.

Несмотря на разногласия и временные расколы, венгерская эмиграция, в отличие от более опытной и зрелой польской, в идейном отношении составляла единое целое. Лидеры венгерской эмиграции не желали замечать набиравшее силу рабочее движение и его идеологию, научный социализм, объявляя их чуждым для Венгрии явлением. Более того, они все более отмежевывались и от леворадикальных течений освободительных движений европейских народов, одновременно сближаясь с консервативно-либеральным их крылом. Наглядное тому свидетельство — отход Кошута от Мадзини и Ворцеля и сближение его с Кавуром и Чарторыским. Несмотря на знакомство с передовыми течениями европейской мысли и общение с ее представителями, лидеры эмиграции не сумели выйти за пределы буржуазно-демократической программы 40-х годов и революции 1848—1849.

В этом сказалась классовая ограниченность Лайоша Кошута и его соратников, боязнь, отрыва от своей социальной базы и стремление идти на компромиссы с дворянско-буржуазным ядром освободительного движения, нередко жертвуя собственными убеждениями. Существовавшие между Кошутом и другими лидерами эмиграции (Л. Телеки, Д. Клапка) разногласия относительно способа решения национального вопроса в Венгрии во многом объясняются нежеланием вождя эмиграции вызвать раздражение оппозиционных к Габсбургам помещичье-буржуазных кругов Венгрии далеко идущими уступками невенгерским народам королевства. Между тем Кошут, как и Телеки и Клапка,

понимал необходимость этих уступок, без которых было немислимо сотрудничество во имя общих целей не только с ним, но и с соседними государствами — в первую очередь Румынией и Сербией. В отличие от Телеки и Клапки, которые под влиянием поляков и итальянцев склонялись к применению федеративного принципа к самой Венгрии, Кошут сдержанно относился к подобного рода предложениям (например, к плану федеративного устройства Венгрии, выдвинутого румынским революционером Н. Балческу еще в 1850 г.); в то же время, он, как и другие лидеры эмиграции, горячо ратовал за тесный союз Венгрии, Сербии, Румынии и других стран для защиты их свободы.

Восстановление организационно-политического единства венгерской эмиграции стало возможным в результате идейной эволюции Кошута в 50-х годах. В 1859 г. произошло сближение позиций внутри эмиграции по вопросу о решении национального вопроса в Венгрии. Венгерская национальная директория, созданная в том же году в Париже для подготовки восстания против Габсбургов, признала конституционный проект Кошута в качестве основы решения национального вопроса. Но было предусмотрено, что проблема внутреннего устройства Венгрии должна быть решена путем переговоров лидеров национальных движений с будущим правительством Венгрии, в которое должны были войти также по одному представителю от Хорватии и Трансильвании.

Опубликование плана Дунайской конфедерации в 1862 г. вызвало в Венгрии ту реакцию, которую Кошут так долго стремился избежать. Его авторов обвиняли в «космополитизме», предательстве национальных интересов Венгрии, попытке «распродажи» венгерских земель и раздробления королевства. От Кошута отвернулась поддерживавшая его ранее Партия резолюции, находившаяся в связи с подпольем. Руководящее ядро партии во главе с Калманом Тисой выступило против плана конфедерации. Тиса, объявив уступки Кошута национальностям Венгрии опасными, ненужными и подвергающими угрозе территориальную целостность страны, настаивал на решении национального вопроса в соответствии с рекомендациями государственного собрания 1861 г.

Представлений Кошута придерживалось лишь левое крыло Партии резолюции, составлявшее меньшинство (около 20 деятелей во главе с Виргилом Силади, Ласло Бёсёрмени, Йожефом Мадарасом и фабрикантом Яношем Видачем, являвшимся одним из руководителей подпольной организации сопротивления). Через газету «Йёве» эта группа пропагандировала идею национального примирения на основе плана Дунайской конфедерации и конституционного проекта.

У чехов значительную роль в 60-е годы сыграла деятельность в эмиграции Й.-В. Фрича — издание им в Женеве газеты «Чех» (1861—1862 гг.), которая несмотря на все препоны распространялась на родине, сотрудничество Фрича с А. И. Герценом, польской и венгерской эмиграцией во Франции и Италии, с хорватом

Э. Кватерником в 1864 г. В начале 60-х годов Фрич намечал издание революционного органа совместно с Бакуниным, однако этот план осуществлен не был [Еремеева, 203].

В 1866 г. во время австро-прусской войны Фрич рассчитывал на помощь со стороны Бисмарка делу создания независимого Чешского государства. Он прибыл в Прагу вместе с прусскими войсками, однако не смог получить здесь общественной поддержки. Тогда же была опубликована брошюра Я. Котика «Плач чешской короны» [99*]. Эта деятельность Фрича и его сторонников больше свидетельствует об их ненависти к габсбургской власти, чем об учете реальной ситуации и политической разборчивости.

В рядах антигабсбургской эмиграции находился Э. Кватерник. Как в некоторые другие хорватские патриоты, Кватерник в 50-х годах выражал оппозиционные режиму взгляды, за что был лишен права заниматься адвокатской практикой. В 1858 г. он поступил на русскую службу и написал несколько памятных записок, в которых обосновывал целесообразность русско-хорватского сотрудничества. Однако недовольный политикой Петербурга (поисками сближения с Австрией, поддержкой Сербии), он изменил ориентацию. В 1859 г., во время войны Франции и Пьемонта против Австрии, Кватерник пытался убедить французские и итальянские власти восстановить самостоятельное хорватское государство, он написал листовку к граничарам, призывая их переходить на сторону союзников. В анонимной брошюре Кватерник выдвинул требование независимости Хорватии [100*].

Но наиболее важным в деятельности Кватерника за границей было его сотрудничество с чешской, польской и венгерской революционной эмиграцией в период польского восстания 1863—1864 гг. Тогда же в Париже он искал встречи с М. И. Бакуниным [164].

В деятельности румынской эмиграции заметным событием было формулирование Н. Бълческу в 1850 г. программы федеративного устройства Венгерского королевства.

Важное значение, по мнению самих эмигрантов — чехов, румын, хорватов и сербов — имела их публицистическая деятельность в зарубежных органах печати. Они считали своим патриотическим долгом рассказать западноевропейскому читателю, у которого в результате событий 1848—1849 гг. сложилось представление о славянах и румынах как якобы «верных слугах Австрии», о сопротивлении передовых сил своих народов угнетению и их планах борьбы за свободу.

Формы и средства легальной политической борьбы. В 60-х годах с расширением социальной основы и идейно-политической дифференциации национальных движений большой подъем переживала публицистика, в особенности газетное дело. В условиях когда «партии» еще не имели развитой структуры, газеты являлись организующими центрами политических группировок. На-

пример, в 1862 г. в чешских землях выходило 37 чешских и немецких газет, из них 30 — в Праге, в Нови-Саде выходило 9 сербских газет и т. д.

Одной из наиболее важных форм легального политического движения после 1860 г. стала деятельность в представительных учреждениях. Их было три категории: ландтаги австрийских земель, в том числе сейм Галиции, представительство которых в имперском рейхсрате было определено Февральским патентом 1861 г., государственные собрания Венгерского королевства и Трансильвании, а также сабор Хорватии и Славонии, которые должны были сами определить способ своего представительства в имперском парламенте (рейхсрате) и, наконец, сам этот рейхсрат. С 1867 г. начали деятельность буржуазные парламенты в Цислейтании и Транслейтании. В этих представительных учреждениях вследствие цензовой избирательной системы, как правило, заседали помещики и буржуа.

Парламентские выступления использовались национальными политическими течениями для провозглашения своих принципов. В условиях преследования печати при Шмерлинге это был удобный способ выражения и распространения оппозиционных взглядов. Подчас весьма громкие заявления либералов в рейхсрате использовались для давления на правительство и мобилизации широких слоев населения в поддержку национальных требований.

В сеймах Чехии и Галиции, в саборе Хорватии в 1868 г. были зачитаны известные программные декларации чешского и польского движений, а также меньшинства хорватского сабора, содержавшие протест против дуализма. До введения буржуазной конституционности обычной формой провозглашения национально-политических требований являлись адреса пештского, львовского, загребского и клужского представительных собраний императору-королю, их ответы на декларации австрийских властей (с 1867 г. и венгерских) о курсе правительственной политики. Голосования в государственных собраниях, сеймах и рейхсрате по внесенным резолюциям более или менее четко отражали позиции разных политических лагерей. Многочисленные проекты законов, обсуждавшихся в представительных собраниях, свидетельствовали о различиях позиций в разных сферах общественной жизни (аграрные отношения, вопросы развития промышленности, проблема гражданских прав, статуса церкви, национальная проблема). Хотя в общем и целом в национальных движениях преобладали либеральные тенденции, в 1867 г. представители ряда славянских политических течений в рейхсрате, выступая против централистского устройства Австрии, за которое боролась австронемецкая либеральная буржуазия, блокировались с австронемецкими консерваторами и клерикалами. Широко использовались оппозицией в качестве средства протеста и заявления о своих требованиях парламентские интерпелляции. Так, например, в 1872 г. благодаря запросу С. Милетича удалось предотвратить выдачу Венгрией турецким властям сербского (боснийского) революционного

демократа В. Пелагича. Наконец, бойкот представительных органов был одним из обычных средств борьбы против режима. Так, венгерское государственное собрание (в 1861—1862 гг. и трансильванское), а также хорватский сабор бойкотировали «февральский» рейхсрат, так же поступил в 1861 г. сабор Истрии, где большинство мест имели итальянские либералы, чешские депутаты неоднократно бойкотировали рейхсрат и сейм Чехии и т. д.

В 60-х годах возникают или воссоздаются политические организации — либеральные партии «петиции» и «резолуции» у венгров; национальная партия (старочехи и младочехи) и радикально-демократическая группа у чехов; народники, самосталцы, праваша и унионисты в Хорватии-Славонии; консерваторы и либералы (старо- и младословенцы) в Словении; консервативно-клерикальная группировка и Национально-свободомыслящая партия (с правым и левым крылом) у сербов Воеводины, аналогичные течения (консерваторы и либералы) у румын; консервативная и либерально-демократическая группировка у поляков, «москвофилы» и «народовцы» у украинцев Галиции, Старая и Новая школы в Словакии; разной силы и влияния революционно-демократические группировки у сербов и хорватов, а позднее — у украинцев. Повсеместно возникали на разной идейной основе рабочие общества, а в 1874 г. была создана общеавстрийская социал-демократическая рабочая партия.

Более благоприятные условия для формирования политических партий в австрийской части империи создались после принятия декабрьских (1867 г.) конституционных законов. В Венгерском королевстве, наоборот, дуализм осложнил деятельность немадьярских буржуазных политических организаций.

Среди различных политических группировок представляет интерес польское (львовское) Национально-демократическое общество (1868 г.). Оно отличалось от обычных «партий» того времени (объединений единомышленников, группировавшихся вокруг печатных органов) более или менее стройной структурой, наличием партийной дисциплины.

В 60-х—начале 70-х годов обострилась борьба между течениями в среде угнетенных наций. Она была следствием различных социальных интересов. Без победы над реакционными силами своих наций было невозможно национальное освобождение. Пример такого конфликта представляет общественная жизнь сербов. В Воеводине в 60-х годах разгорелась борьба между леволиберальными и демократическими силами буржуазии, которых поддерживали широкие слои населения, и полуфеодальной церковной иерархией, опиравшейся на консервативную часть буржуазии и чиновничества и граничарское офицерство. В Нови-Саде народники овладели руководством сербской читальни, матицы, гимназии (последняя стала рассадником патриотически и демократически настроенной молодежи, деятелей Омладины), наконец, магистратом: в 1860 и 1867 гг. Милетич был избран градоначальником. Явочным порядком он ввел в делопроизводство сербский

язык [219, с. 80], поддерживал гимназию, национальный театр. Оба раза он снимался правительством с этой должности.

Большое место в деятельности сербских народняков заняла борьба за влияние в церковно-школьном соборе (органе сербской автономии), против бесконтрольного хозяйничанья реакционного епископата, распоряжавшегося крупными фондами, против вмешательства австро-венгерских властей в сербские автономные дела. Народняки, получив большинство в соборе, выработали новый Устав собора и установили контроль общественности над национальными фондами. Но при поддержке властей в 1874—1875 гг. верх одержал епископат [137, т. 2, с. 179]. Попытка народняков демократизировать систему просвещения не могла иметь успеха в условиях поражения демократических движений в Австро-Венгрии.

Важным средством национальных движений являлись национальные манифестации. Поводом для них служили день столетия со дня рождения венгерского просветителя Ференца Казинци (демонстрация в Пеште 27 октября 1859 г.), годовщина революции 1848 г. (демонстрация в Пеште 15 марта 1860 г., вызвавшая аресты), закладка чешского Национального театра в Праге (1868 г.), открытие Югославянской академии наук и искусств в Загребе (1867 г.), Словацкой матицы (1863 г.), юбилей Яна Гуса, хорватских князей Зринских (казненных австрийцами в XVII в.), арест Милетича (1871 г.) и т. д. Либералы не останавливались перед организацией массовых демонстраций и митингов (о таборах уже говорилось). Они стремились использовать народные выступления для давления на правительство, но опасались выхода масс за рамки, предусмотренные инициаторами этих акций. Задачам национальных движений служили сбор подписей под петициями и законопроектами и избирательные кампании. Во время этих кампаний несколько расширялись возможности для политической пропаганды и контактов с населением.

Экономические организации. В 60-х—начале 70-х годов по сравнению с ранним периодом больший размах получила деятельность разного рода экономических объединений и обществ, в которой материальные интересы отдельных слоев формирующейся буржуазии получали прямое выражение. Эти организации буржуазия использовала как средство идейно-политического воздействия на широкие мелкобуржуазные круги. Особое место среди экономических организаций принадлежало ссудо-сберегательным кассам, аккумулировавшим капитал имущих слоев и укреплявших конкурентоспособность национальной буржуазии на рынке многонационального государства. В чешских землях сеть кредитных касс упрочила позиции национальной буржуазии в промышленности. С 1871 г. союз торговцев «Меркур» издавал журнал «Чешский Ллойд». Повсюду — в Чехии и Словении, собственно Венгрии, Хорватии, Трансильвании и Воеводине — деятели национального движения пропагандировали передовые методы хозяйствования, добивались создания кредитных касс и банков, призы-

вали «своих» дворян экономить, тратить деньги на родине, а не за границей.

В Хорватии купец и народняцкий деятель А. Якич в 1864—1865 и 1867—1868 гг. издавал журнал «Сидро» («Якорь»), целиком посвященный «материальным интересам отечества» [251], а Кватерник написал брошюру — инструкцию хорватским буржуа, как увеличить свой капитал [101*].

Как и в других районах, в Воеводине сербские ремесленники пытались отстоять свои пошатнувшиеся позиции с помощью кооперации. При содействии С. Марковича были созданы производственные артели, которые однако просуществовали недолго [Крстоношић, 1953]. Ремесленники — сербы и немцы — пытались совместно обсуждать общие нужды, но сербская партия Милетича поставила задачей превратить организации ремесленников в свою опору.

Формировавшаяся румынская буржуазия в Трансильвании и других областях Венгерского королевства, по преимуществу торговая, но постепенно переходившая к промышленному предпринимательству, стала проявлять активность в деле мобилизации средств собственников путем создания сети сберегательных касс.

Значительный размах экономической деятельности постаралась придать в 50—60-е годы группа польских магнатов Галиции во главе с Л. Сапегой. Так возник ряд текстильных и металлургических предприятий, консорциумы и акционерные общества, в частности для строительства железных дорог. Сапега заложил сельскохозяйственную школу в Дублянах. Однако помещики в целом пренебрегали интересами отечественной промышленности.

В условиях национального гнета экономическая деятельность приобретала характер формы национального движения. Буржуазная печать обычно с похвалой отзывалась о местных предпринимателях, рекламировала их товары и т. д.

Борьба за просвещение на родном языке. Усилия по устранению препятствий в развитии национальной культуры и языка в 60-х—начале 70-х годов оставались одной из основных форм освободительных движений. Организация просвещения на родном языке соответствовала глубоким интересам буржуазного общества. Консервативные круги питали иллюзии, что имперские власти могут обеспечить свободу развития культуры. Но опыт показал необходимость борьбы за гражданские права для обеспечения прав национальных.

Общественные движения угнетенных наций боролись за создание системы образования на родном языке, а также научных центров. Однако условия, возможности и результаты этих усилий у отдельных народов были различными. В Австрийской империи основы новой системы образования, соответствовавшей потребностям буржуазного общества, были заложены в 50-х годах XIX в. реформой графа Туна. Реформа охватила всю систему образования — от начальных (народных) школ до университетов. Дело

образования было подчинено государству (принцип «светскости»); было объявлено о введении обязательного и бесплатного обучения детей от 6 до 12 лет; обучение в начальных школах проводилось на родном языке. Но эти позитивные принципы в значительной мере остались на бумаге. Церковь, в особенности католическая, сохранила контроль над народными школами и влияние на среднее и высшее образование. Обучение на родном языке, как и раньше, велось преимущественно лишь в начальных школах. В начале 60-х годов обучением было охвачено от $\frac{2}{5}$ до $\frac{3}{5}$ детей. Показательно, что среди рекрутов 1863 г. писать умели лишь 22% выходцев из Венгрии, 9,5% выходцев из Хорватии и 8,9% из Трансильвании.

Чехи уже до 1848 г. заложили основы развития образования на родном языке и национальной культуры. Попытка германизации начальной школы в первой половине XIX в. встретила отпор со стороны чешского народа. В 1858 г. в Чехии, где чехи составляли 62% всего населения, 53% всех школ первой ступени были чешскими. Более трудным было положение со средней школой, а именно состояние средней школы повсюду имело решающее значение для формирования национальной интеллигенции. В 1859 г. не имелось ни одной средней школы с чешским языком преподавания: в Чехии из 29 гимназий и реальных училищ было 20 немецких и 9 двуязычных (однако количество учащихся в них соответствовало численности обеих национальностей). В Моравии и Силезии состояние обучения на родном языке было еще хуже. Но с 60-х годов XIX в. сфере среднего образования чехам удалось добиться решающих успехов, и в 1900 г. в Чехии из 91 гимназии и реального училища было чешских 51 (58%), а среди учащихся число чехов составило 67% [Mésároš, 403, S. 499].

Во второй половине XIX в. чешское национальное движение вело упорную борьбу за высшую школу. В чешских землях имелись: Карлов университет и техническое училище в Праге, техническая и экономическая школы в Брно. В 1864 г. чехи добились превращения Пражского технического училища в двуязычное, а в 1869 г. были созданы два параллельных курса — немецкий и чешский. Росло число лекций, прочитанных на чешском языке в Пражском университете (в 1882 г. было создано два параллельных университета).

В 1858 г. большинство словенцев обучалось в двуязычных начальных школах. В Крайне, почти сплошь словенской по населению, словенских школ имелось 105, немецких — 21, двуязычных — 115; в Штирии, где словенцы составляли $\frac{1}{3}$ населения, — соответственно насчитывалось 41, 491 и 175 школ. С начала 60-х годов, и особенно с 1867 г. словенцы добились развития начального обучения на родном языке. С 1852 г. в гимназический курс был введен словенский язык как предмет; с начала 70-х годов преподавание отдельных предметов стало переводиться на словенский язык, однако до начала XX в. не было создано ни одной словенской гимназии. Дело в том, что согласно австрийскому

закону 1869 г. вопрос о языке обучения решался властями земель (школьными советами), поэтому в землях, где словенское население было в меньшинстве (Штирия, Каринтия), ему предстояла тяжелая борьба за осуществление права на среднее образование на родном языке, признанного конституцией 1867 г.

В Галиции в 1858 г. статистика не выделяла украинских школ, но были двуязычные (польско-украинские); к концу XIX в. число украинских школ достигло 1900; в Буковине в 1858 г. не имелось ни одной украинской школы, а только двуязычные и немецкие, тогда как в 1900 г. — 147. Однако добиться существенного успеха в сфере среднего образования украинцам не удалось. В 1859 г. в Галиции было 20 средних школ (6 немецких, 1 — польская, 7 — немецко-польских, 6 — трехязычных). После 1867 г. шляхта обеспечила преимущественное положение польского языка в средней школе: в 1900 г. — имелось 30 польских гимназий и реальных училищ, 2 — немецкие, 2 — украинские, 2 — польско-украинские. В двух университетах (в Кракове и Львове) в 1858 г. более половины студентов составляли поляки и около $\frac{1}{3}$ украинцы. Преподавание велось на немецком и польском языках. Официальная колонизация Ягеллонского университета в Кракове в 1869 г. подтвердила уже существовавшее положение [216]. Во Львовском университете была учреждена кафедра украинского языка и литературы.

В Буковине в 1859 г. имелась 1 гимназия (немецкая), в 1900 г. — 6 (4 немецкие, 2 — двуязычные, хотя немцы составляли незначительную часть населения области).

В целом в австрийской части государства в 1859 г. немецкие средние школы составляли более 78%, национальные — около 9%, смешанные — 12%; к 1900 г. положение изменилось существенно: немецких средних школ стало около 56%, национальных — 40,5%, смешанных — около 4%. Австронемецкая буржуазия (за исключением Буковины и Каринтии) не смогла осуществить германизацию просвещения. Таким образом, в области среднего образования в Цислейтании с 60-х годов XIX в. национальные движения в разной мере добились определенных позиций, но в сфере высшего образования это удалось только чехам и полякам.

С 1869 г. в австрийской части империи стала осуществляться новая реформа. Задача ликвидации неграмотности однако была решена только в высокоразвитых провинциях. Посещаемость школы детьми в австро-чешских областях достигла 95—99%, в Далмации — 67%, а в Буковине — лишь 36% [196, с. 51].

В годы неабсолютизма власти задерживали развитие среднего и высшего образования в неблагонадежной Венгрии. Серьезный сдвиг в этой области произошел в условиях дуализма. В 1868 г. венгерский парламент, несмотря на яростное сопротивление высшего духовенства, принял либеральный закон Й. Этвёша об обязательном обучении детей 6—12 лет на родном языке и об учреждении государственных школ. В Венгрии после 1867 г. расходы на

образование составляли наиболее быстрорастущую статью бюджета. Вследствие этого число народных (начальных) школ с 13,8 тыс. в 1869 г. возросло почти до 16 тыс. к концу следующего десятилетия, а учителей с 17,8 тыс. до 21,7 тыс. человек. Число грамотных за это же время возросло с 40,8% до 51,1%. По этому показателю Венгрия, значительно отстававшая от австро-немецких и чешских провинций, шла впереди Италии. Однако немалую роль в сфере просвещения играла национальная политика правящих буржуазно-помещичьих кругов Венгрии.

Народы Венгерского королевства в условиях австрийского управления, стремившегося найти в местных национальных движениях опору против опасной венгерской оппозиции, в 50—60-х годах получили определенные уступки в деле развития образования². Но в условиях дуализма они были вынуждены отстаивать свои позиции против мадьяризаторской политики. В области среднего образования для немадьяр создалось трудное положение; в 1859 г. средние школы с венгерским языком преподавания составляли около 36%, с немецким — около 26%, со словацким и румынским — только 2,3%! (остальные — двуязычные). В 1859 г. сербы и украинцы в Венгрии не имели ни одной гимназии с родным языком преподавания. С 1861 г. в Нови-Саде была восстановлена сербская гимназия. В 1859 г. в словацких областях была 1 словацкая и 8 венгеро-словацких гимназий; в 1871 г. имелись 3 словацкие гимназии и 9 двуязычных. Тогда же в Венгерском королевстве все невенгерские языки (включая немецкий) были представлены наряду с венгерским, лишь в 14,4% средних школ и в 8,4% средних школ преподавание велось на родном языке. В дальнейшем этот процент понизился.

Как отмечалось, в 1874—1875 гг. властями были закрыты все три словацкие гимназии, а затем постепенно ликвидированы двуязычные. Сербам и румынам удалось отстоять ряд своих средних школ. Решающее значение при этом имел уровень их социального развития и наличие церковно-школьной автономии. Возможности университетского образования для представителей народов Транслейтании были небольшими, а на родном языке вообще отсутствовали.

В Хорватии и Славонии в 1850—1854 гг. преподавание в средних школах велось на хорваткосербском языке, а в 1854 г. было переведено на немецкий. В 1861 г. сабор принял законопроект о школе, в котором права народного языка были восстановлены, а немецкий язык остался в гимназиях как необязательный предмет. Ни эти проекты, ни проект закона об университете подтверждения Франца-Иосифа не получили. Но на практике в 60-е годы преподавание переводилось на народный язык. Согласно Хорвато-венгерскому соглашению 1868 г. Хорватия получила

² В частности, в Закарпатье продолжал свою просветительскую деятельность А. Духнович. Он выпустил новые издания букваря (1851, 1852 гг.), географию (1851 г.), календари.

автономию в деле просвещения. В «языковой борьбе», казалось, уже не было необходимости. Однако в дальнейшем имели место попытки центральных властей мидьяризировать отдельные звенья системы обучения.

В 60-х—начале 70-х годов XIX в. в Хорватии и Славонии имелось 9 гимназий, 2 реальных, музыкальное и агрономическое училища. Были изданы учебники на родном языке, выходили педагогические журналы. Сотни студентов в 70-х годах посещали университет в Загребе, созданный в 1874 г. на базе старинной юридической академии. Все это разительно отличалось от возможностей других невенгерских народов Транслейтании [418; Šidak, 1975].

В Далмации, где более $\frac{9}{10}$ населения составляли хорваты и сербы, в 1858 г. имелись 31 хорвато-сербская начальная школа, 11 итальянских и 141 двуязычная [несколько иные данные см.: 418, с. 142]. Первая хорватская гимназия была организована францисканцами в Сине в 1854 г. В 60-х годах преподавание отдельных предметов в гимназиях переводилось на хорваткосербский язык, с конца же 60-х годов он все более становился основным языком преподавания в средней школе. Сербские школы в Воеводине, Далмации, Хорватии и Славонии находились в ведении органов церковно-школьной автономии. Насколько это было существенным, свидетельствует факт, что к середине XIX в. в Далмации имелись 52 сербские конфессиональные школы с 3,8 тыс. учеников [387, с. 52].

В Далмации велась систематическая борьба за внедрение народного языка в школы и учреждения. Этот вопрос решался во время избирательных кампаний, и по мере завоевания местными народниками власти в отдельных общинах, округах и провинции в целом (в Сплите это удалось лишь в 1882 г.). В 1861 г. священник М. Павлинович стал выступать в саборе на родном языке и потребовал его полного равноправия. Уже в 1866 г., в год войны с Италией, Вена согласилась с тем, что далматинские чиновники должны знать оба языка. В 1869 г. на народный язык было переведено преподавание в гимназиях Дубровника и Котора. С победой народников на выборах 1870 г. хорваткосербский язык фактически стал полноправным в саборе Далмации (это было узаконено в 1883 г.). Однако официальным языком в Далмации, наряду с итальянским, он был признан лишь в 1912 г.

Национальные общественные организации и центры культуры. Одной из распространенных форм национального движения была деятельность культурно-просветительных, гимнастических и иных союзов. Широкий размах их активность получила в чешских землях. Здесь действовали музыкальное общество «Глагол» в Праге, которое возглавил Б. Сметана; «Умелеца беседа» — общество, выдвинувшее программу развития культуры: организации сети библиотек, журнала, театральной школы и т. д.; гимнастиче-

ское общество «Сокол» (1862 г.), положившее начало сокольскому движению в городах и селах и принявшее к концу 60-х годов под руководством младочехов национально-политический характер. В дальнейшем «Сокол» стал важной опорой чешской буржуазии. По чешскому примеру сокольское движение развернулось в Словении, но попытка организовать его в Словакии ввиду неблагоприятных условий потерпела неудачу.

Культурно-просветительные учреждения, ставшие очагами общественно-политической жизни, в 60-х годах, а частью уже в 50-х годах, возникли в Словении, Словакии, Восточной Галиции, Трансильвании, Банате. Широкая культурно-просветительная деятельность («малые дела») в Словении во второй половине XIX в. привела к резкому повышению уровня грамотности и общей культуры населения. Первая словенская читальня появилась в Триесте в 1861 г.; за ней — в Целе, Мариборе, Любляне. В 1869 г. в Словении уже имелось 58 читален, главным образом в городах, но также и в селах Крайны и Горицы, а число их членов достигло 4 тыс. человек [102*; 278, с. 142—143]. Словенские национальные организации ставили своей целью борьбу против германизации. В Далмации читальни стали появляться с 1862 г. (Котор, Сплит и т. д.), в Истрии — с 1869 г. (Кастав).

Читальни и сокольские организации, проводившие «беседы» (литературно-музыкальные вечера), концерты и т. д., способствовали формированию национального самосознания. Патриотическая пропаганда велась с подмостков театров. В Загребе в 60-х годах усилиями Д. Деметера, а затем Й. Суботича был реформирован национальный театр, в Нови-Саде был организован первый сербский театр (1861 г.). В чешских землях действовал комитет по созданию Национального театра (Ф. Палацкий, П. Троян, Й. Тыл, Я. Пуркине и другие). Его торжественная закладка состоялась в Праге в 1868 г. В 1866 г. возникло Словенское драматическое общество — зародыш национального театра. «Народовское» общество «Руська беседа» в 1864 г. создало во Львове первый профессиональный театр, ставивший пьесы И. Котляревского, Т. Шевченко и т. д. В 1870 г. появилось украинское музыкальное общество «Торбан». В 60-х годах расцвел польский театр.

Большое место в общественной жизни заняли национальные издательские организации, матицы. Вслед за сербами (возникшая в 1826 г. в Пеште Сербская матица в 1864 г. была переведена в Нови-Сад), чехами, хорватами, галицийскими украинцами, создавшими эти центры в 20—40-х годах, это сделали словенцы: Общество св. Мохора было организовано в 1851 г., Словенская матица в Любляне — в 1864 г. (в 1870 г. она насчитывала 1660 членов). Матица вела широкий обмен изданиями с аналогичными организациями славянских земель, в том числе с русскими. В 1863 г. возникла Словацкая матица, а при ней — библиотека, музей, клуб, архив [Mráz, 374; Košák, 328]. В своей «Летописи» матица помещала материалы по истории и культуре словаков. Для словаков значение матицы было особенно велико: она явля-

лась единственной общенациональной организацией и осуществляла представительство словаков в отношениях с другими народами (посылка делегаций в Прагу, Загреб и т. д.). Во Львове продолжала деятельность Галицко-русская матица, сыгравшая роль в пропаганде русской культуры. Но в изданиях матицы употреблялось «язычие», в связи с чем она теряла влияние.

В 1873 г. во Львове было основано Литературное (с 1892 г. — Научное) общество имени Т. Г. Шевченко, имевшее общеукраинское значение. Со второй половины 70-х годов в его деятельности, как и общественной и культурной жизни вообще, стало сказываться влияние революционно-демократического направления. В 1866 г. А. Добрянский и И. Раковский в Закарпатье учредили Общество Василия Великого, выпустившее на русском языке ряд научных и просветительных изданий. Власти и местный епископ обвинили общество в политической неблагонадежности и запретили его деятельность.

В национальных организациях повсюду разгоралась борьба между разными течениями — консервативными, либеральными и демократическими.

Проблема утверждения в общественной жизни и литературе общенационального литературного языка для некоторых народов (сербы, румыны, словаки, украинцы) после 1848 г. сохранила актуальность, и в этой области продолжалась упорная борьба, завершившаяся успехом прогрессивных сил.

В баховскую «эру» наряду с такими *политическими формами* освободительного движения мадьяр, как пассивная оппозиция ведущего ядра либералов, отказывавшихся от сотрудничества с режимом, а также деятельность эмиграции и подпольных групп с целью подготовки восстания, важное значение приобрела борьба против неабсолютистской реакции и ее местных консервативных приспешников *в сфере науки*.

Объектом преследований властей стали важнейшие очаги национальной культуры — Венгерская Академия наук (ВАН) и Пештский университет. Часть членов академии оказалась в тюрьме и изгнании, либо скрывалась. К тому же возникла угроза ее слияния с образованной в 1847 г. Австрийской Академией наук в соответствии с линией Вены на централизацию и германизацию. Предлогом должны были служить слухи о том, что Венгерская академия в 1848—1849 гг. использовала свои средства на революционные цели. Чтобы предотвратить ее ликвидацию президент академии уже в январе 1850 г. предпринял шаги к возобновлению ее деятельности. В ответ австрийские власти потребовали отчета о деятельности академии во время революции, исключения из ее рядов участников революции и изъятия из ее устава пункта об обязанности членов спонсировать развитие венгерского языка. Но руководители академии отказались доносить полиции на ее членов и исключать их.

Несмотря на отсутствие официального разрешения (оно было получено лишь в 1858 г.), Венгерская Академия наук возобновила свою работу ценой уступок двору. Президентом был избран граф Эмиль Дешшеви, лидер верных династии аристократов, руководство академии допускало на свои заседания королевских комиссаров и предоставляло правительству протоколы заседаний. Но это не означало прекращения оппозиции патриотических сил: они поддерживали связь с эмигрировавшими или скрывавшимися в стране учеными, в частности, посылали книги видному деятелю революции историку Ласло Салаю, находившемуся в Швейцарии, а историческая комиссия академии демонстративно избрала своим членом выдающегося историка Михая Хорвата, присужденного за участие в революции к смертной казни. Торжественные речи президента о верности династии не помешали академии присудить Большую премию собранию сочинений Ш. Петёфи — автору знаменитого стихотворения «На виселицу королей», поэту, павшему в рядах революционной армии.

Либеральные тенденции в академии усилились с 1855 г., когда членом ее административного совета стал Ференц Деак, а практически ее работой начал руководить вице-президент Йозеф Этвёш, сыгравший важную роль в создании второго академического центра — Трансильванского музейного общества. Этвёш боролся не только против консервативных и клерикальных тенденций, но и против крайних националистических настроений. Он указывал на права угнетенных народов Венгрии на культурное развитие. «Мы должны остерегаться всего, — утверждал он, — что оскорбляло бы невенгерские национальности» [372, с. 95]. Академик Пал Хунфалфи, один из основоположников угрофинноведения, провозглашая, что «основой венгерской науки является национальность», а «направлением — человечество», отвергал лжеучения о нациях высшего и низшего ранга, называя подобные взгляды «мудростью незаконнорожденных». Л. Салай, ставший после возвращения из эмиграции секретарем академии (1861—1864 гг.), обратил внимание на необходимость глубокого изучения истории невенгерских народов. Он был убежден, что лишь так можно реально оценивать их нынешние чаяния. В политике трансильванских князей XVII в., в особенности Габора Бетлена, он искал историческое обоснование венгеро-румынского сотрудничества. Салай поддерживал переписку с Палацким и другими чешскими историками.

При поддержке академии М. Хорват и Л. Салай издали в Германии и Швейцарии свои многотомные труды по истории Венгрии, а в 50-х годах началось издание не утративших до сих пор научного значения публикаций источников по истории Венгрии (*Magyar Történelmi Tár; Monumenta Hungariae Historica* etc.).

Патриотизм и гуманизм академии снискал ей всеобщее уважение. В трудные годы полулегального существования по существу коренным образом изменилась общественная база, на которую опиралась академия. Если раньше ее деятельность финанси-

ровалась богатыми аристократами, епископами и кардиналами, то теперь эту роль взяли на себя буржуазные круги, а также крестьяне, рабочие и ремесленники (трудовые слои — путем абонирования академических изданий). В фонд строительства здания академии в 60-х годах внесли свои скромные сбережения металлурги Озда, кузнецы Эгера, крестьяне Кечкемета, Бекешчабы и других «сельских городов», рабочие-печатники, цеховые мастера, ремесленники, студенты, врачи, учителя и другие патриоты, считавшие это общенациональным делом. Почетными иностранными членами Академии стали такие ученые с мировым именем, как Фарадей, Лайель, Гумбольдт, Ранке, Моммзен, Маколей, Милль, Гизо, Минье, Тьерри, Токвиль.

Жестокие кары обрушились в 50-х годах на Пештский университет, многие студенты и профессора которого приняли участие в освободительной войне 1848—1849 гг. Была отменена университетская автономия (самоуправление), введены в качестве языков обучения латынь и немецкий, во главе университета стоял назначавшийся правительством совет, который уволил многих преподавателей, пригласив на их место профессоров из Австрии и других стран. Лишь в 1860 г. Пештский университет частично восстановил свои права вести преподавание на венгерском языке и использовать венгерских ученых в качестве профессоров, среди которых были такие крупные ученые, как Лоранд Этвёш, И. Гольдциер, А. Вамбери, И. Шеммелвейс и другие. В 60-х годах вновь развернулась деятельность знаменитой университетской типографии, сыгравшей важную роль в развитии культуры как венгерского, так и невенгерских народов. За сто лет (1777—1877 гг.) она выпустила 803 книги на венгерском и 750 книг на других языках, в том числе 283 на сербском, 87 на румынском, 46 на словацком, 10 на хорватском, 9 на болгарском, 9 на вендском (словенском) и т. д.

Наука служила прогрессивным целям развития и других наций. В годы неабсолютизма она стала прибежищем для ряда деятелей национальных движений, а в 60-е годы непосредственно откликнулись на запросы дня. Особое место здесь занимала история. Например, крупный хорватский историк Ф. Рачкий приводил исторические аргументы в пользу принадлежности Риеки к Хорватии [103*]; рассказывая о событиях XIV—XV вв., он подчеркивал «государственное самосознание наших отцов и стремление нашей родины к полной государственной самостоятельности»; той же цели служило его исследование о «Борьбе южных славян за государственную независимость в XI в.» [104*]. В трудных условиях А. Духнович писал о прошлом Закарпатья («История Пряшевской епархии» вышла в России в 1877 г.) и т. д.

Консервативные круги стремились мобилизовать общественную и философскую мысль для защиты своих претензий. Так, в Ягеллонском университете в Кракове консерваторы вели борьбу против либеральных идей, причем ей придавался «патриотический» оттенок, а либеральное свободомыслие сознательно отожд-

дествлялось с венским централизмом. В действительности же в концепциях консервативных историков (Шуйский, Бобжиньский) и экономистов (Дунаевский) находили выражение прогабсбургские тенденции.

Но в целом научная деятельность являлась частью освободительных движений. Даже исследования в такой казалось бы далекой от общественной жизни области как ботаника, опубликованные к тому же на родном языке, являлись вкладом в национальную культуру, который свидетельствовал о творческих возможностях народа, способствовал утверждению чувства национальной гордости. Естественные науки также входили в сферу патриотических интересов, тем более, что обычно речь шла об исследованиях, связанных с нуждами экономики и просвещения (разработка научной терминологии и т. д.).

Возникновение научных центров являлось крупным событием для каждого народа. Таковы были Польская Академия наук в Кракове (1873 г.), Югославянская Академия наук и искусств в Загребе (1867 г.), венгерское Трансильванское музейное общество (1852 г.), Ассоциация румынской литературы и культуры Трансильвании («Астра», 1861 г.), влияние которой вышло за пределы этой области, так как вслед за ней и по ее образцу в 60-х годах возникли национально-культурные ассоциации в Араде, Марамароше и других местах [229, с. 61]. Роль этих учреждений заключалась не только в развитии научных исследований, но и в углублении национального самосознания.

Общая характеристика форм общественных движений. Методы и формы освободительных движений в третьей четверти XIX в., как и прежде, определялись их социальной основой, целями ведущих сил, а также общей социально-политической обстановкой. После 1848—1849 гг. габсбургской монархии были свойственны острые противоречия переходной эпохи, социальное и национальное угнетение, бедствия народных масс. Но здесь утверждался буржуазный правопорядок; формирование классов буржуазного общества и вместе с тем формирование наций после 1848—1849 гг. ускорилося. Эта обстановка наряду с остротой классовых противоречий в среде каждой угнетенной нации в общем и целом способствовала преобладанию легальных форм общественных, в том числе национальных, движений, руководимых по преимуществу либерально-буржуазными кругами.

Но социальная дифференциация после 1848 г. в условиях неоабсолютизма привела к формированию радикальных и революционных группировок. Так, в Венгрии нелегальные методы борьбы были основной формой сопротивления не только в 50-х, но и в начале 60-х годов, и революционная эмиграция располагала влиянием в нелегальных кружках демократической интеллигенции. То же следует сказать о Галиции до 1865 г. Формы польского национального движения в Галиции определялись не только местной спецификой, но и развитием освободительной борьбы поляков

вне габсбургской монархии. Сходная ситуация была и в сербском движении, радикальное крыло которого в 60-х годах усилилось. На его характер оказывала воздействие общность национальных интересов сербского населения монархии со своими единоплеменниками, боровшимися против османского ига.

Объективные условия толкали буржуазные, мелкобуржуазные и дворянские обедневшие слои разных национальностей в лагерь оппозиции к Габсбургам. Либеральные по своим социальным принципам группировки, не желая прибегать к революционным методам борьбы, пытались добиться национального освобождения «сверху». В данном случае мы имеем в виду не поиски компромисса с правящими кругами австрийской монархии, а ориентацию на поддержку иностранных государств, враждебных Габсбургам. На это, в частности, рассчитывали хорватские и сербские буржуазные круги, ожидавшие помощи России или Франции, а после 1870 г. мечтавшие о франко-русском союзе.

Наиболее типичной ориентацией на зарубежную помощь, как со стороны правительства, так и со стороны революционных сил, была для радикальных кругов разных наций. В третьей четверти XIX в. носителями радикальных и даже революционных взглядов в национальной сфере являлись главным образом представители интеллигенции — по происхождению мелкобуржуазной (хорваты, сербы) и дворянской (поляки, венгры).

Революционные элементы дворянства (там, где оно было) и буржуазии (итальянцы, венгры, поляки, сербы, хорваты) не боялись народных восстаний, рассчитывая направить их в русло национальной борьбы, тогда как революционная демократия выдвигала задачу совместить глубокие социальные преобразования с национальным освобождением.

Национальные буржуазные революционеры, искавшие поддержку со стороны враждебных Австрии государств, вместе с тем опасались угрозы захвата этими державами их национальной территории или установления какой-либо новой формы иностранного господства. Неслучайно Мадзини с крайним недоверием относился к политике Луи Бонапарта. В отличие от Италии, слабость национально-революционных кругов в Венгрии, Чехии и Хорватии побуждала эмигрантов преимущественно возлагать надежды на иностранную поддержку, что было выгодно реакционным режимам. Именно поэтому К. Маркс в 1860 г. выдвигал перед демократическими силами задачу «раз навсегда оторвать дело национальностей от дела французской контрреволюции»³.

Особая ситуация сложилась в 50—60-х годах для итальянского освободительного движения. Объединение Италии произошло в результате народных восстаний, организованных мадзинистами, и героических походов Гарибальди, а вместе с тем в ходе национальных войн Пьемонта, т. е. вследствие борьбы «снизу» и «сверху».

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 30, с. 459.

С точки зрения форм борьбы других наций особые модели для сравнительного изучения могут представить чешское и хорватское движения, из-за различных условий социально-экономического развития в период перехода к капитализму. В Хорватии национально-радикальные настроения, как отмечалось, питались тяжелым кризисом всей социально-экономической структуры. В этой особенно трудной для народных масс ситуации была сделана попытка вооруженного восстания (1871 г.). Вместе с тем отсталость страны, неразвитость городов, оторванность национального движения от классовой борьбы крестьянства предопределили слабость демократического движения. Чехия, как одна из развитых областей, демонстрировала богатство форм широкого буржуазно-демократического движения. Таборы, в которых участвовали пролетариат, крестьянство и мелкобуржуазные слои городов, свидетельствовали о том, что Чехия находилась на грани массовой революционной борьбы за национальное равноправие и демократический строй. Но, с другой стороны, относительно благоприятная с точки зрения темпа перехода к капитализму социально-экономическая эволюция (наряду с известной внешнеполитической обстановкой) обусловила отсутствие здесь влиятельных революционных течений, боровшихся за независимость.

Разнообразие условий национальных движений предопределило и различие их методов. Венгрия и Трансильвания имели государственные собрания, Хорватия-Славония — сабор, Галиция — сейм, позиция которых относительно государственного устройства выражала точку зрения соответственно национальной буржуазии (хорваты), помещиков и буржуазии (поляки, венгры) и т. д. Словаки же не получили в общевенгерском парламенте ни одного места. Чешскому национальному движению ввиду смешанного состава населения Чехии приходилось бороться за позиции в сейме Чехии, за права родного языка в органах власти земель. Словенцы (кроме Крайны) и украинцы не могли рассчитывать на решение своих проблем местными представительными учреждениями.

В изучаемую эпоху общественная деятельность идеологов буржуазии и мелкобуржуазных слоев угнетенных наций так или иначе была связана с национальным вопросом. В условиях национального гнета даже чисто экономическая деятельность приобретала характер одной из форм общественной борьбы и национального движения, при этом в значительно больших масштабах, чем до 1848 г. Хозяйственные успехи, в которых буржуазия была заинтересована прежде всего, в свою очередь укрепляли ее позиции в политической области. В третьей четверти XIX в. важным элементом освободительного движения оставалась деятельность в сфере языка и культуры.

Наряду с общественной основой движения на его формы влияли политические условия. Характерно, что вслед за чешскими землями таборы распространились только на Словению и Истрию, т. е. территории западной части монархии (собственно Ав-

стрии). Интенсивность общественно-политической жизни в той или иной части Австрийской империи (Австро-Венгрии) и втягивание в нее более широких слоев населения были связаны с достигнутым социально-экономическим уровнем и с теми же общеполитическими условиями, на которые в конечном счете также влиял этот уровень. Так, в Чехии в 1871 г. имелось 3367 разного рода обществ, организаций и союзов (в большинстве — немецких), в частности 42 немецких и 13 чешских политических организаций. В 1876 г. общая численность разного рода объединений в Чехии достигла 4476. Почти в то же время, в 1878 г., в Венгерском королевстве их было 3995 (в 1862 г. — только 569). Эти данные свидетельствуют об интенсивном развитии общественной жизни, но вместе с тем и о значительном отставании восточных областей монархии от западных в этом отношении [Vojtěch, 428, с. 242—243]. Что касается общих условий деятельности разного рода общественных объединений, то следует иметь в виду указ венгерского правительства К. Тисы (1875 г.), запрещавший создание национальных политических организаций и национальные наименования культурных учреждений.

Применяя различные формы борьбы, дворянство, национальная буржуазия и их представитель — дворянская и буржуазная интеллигенция стремились распространить и закрепить свое влияние на возможно более широкие слои народа. При этом лишь леволиберальные, буржуазно-демократические круги рещались призывать массы к непосредственным политическим выступлениям — митингам, демонстрациям и т. д., а революционные — к более решительным действиям. Иногда они поддерживали некоторые социальные требования, не выходявшие за пределы допустимого для имущих классов. Но буржуазия и дворянство, обращаясь к массам, стремились сохранить контроль над движением, ограничить его рамки своими интересами. Втягивание более широких слоев народа в «политику», в национальное движение, расширение его социальной основы сопровождалось демократизацией его лозунгов и борьбой за различные требования масс, подчас преодолевавших узкие рамки буржуазной политики. Но в условиях национального угнетения всегда существовала тенденция к превращению трудящихся слоев народа в политический резерв национальной буржуазии. Только рабочему движению объективно было под силу последовательно противодействовать этой тенденции. В том же направлении в некоторых районах империи действовали революционные демократы.

В зависимости от развития политического кризиса Австрийской империи можно указать на следующие крупные этапы освободительного движения угнетенных наций после краха «абсолютизма Баха»: 1859—1866 г. и 1866 — начало 70-х годов. В первый период революционные круги, прежде всего венгерские, связывали свои планы с освободительной борьбой Италии и польским восстанием. Но разгром польского революционного движения нанес удар всем антигабсбургским силам. Затем отошли

в прошлое итало-австрийские войны и австро-прусская борьба за гегемонию в Германии. Однако новый толчок подъему освободительной борьбы дал австро-венгерский компромисс 1867 года. Все это сказывалось на формах освободительных движений и их ориентации.

Идейно-политические принципы разных отрядов национальных движений, их ориентация и формы борьбы определяли характер и содержание их международных связей. Точнее, политические связи являлись более или менее существенной формой движений. Ввиду этого мы переходим к их специальному рассмотрению.

Межнациональные связи являлись составной частью освободительных движений, они способствовали упрочению их позиций, служили каналом, по которому распространялся опыт (методы, формы) борьбы, а также и идейно-политические концепции.

Основные линии и интенсивность политических связей национальных движений определялись их идейно-программными принципами, их силой, организованностью и, конечно, условиями их развития. Существовало несколько главных комплексов межнациональных контактов:

А. Связи в основном между либеральными группировками. Это, во-первых, отношения между федералистическими течениями, базировавшими свою деятельность на «историческом праве» (чехи, хорваты, поляки, венгры); во-вторых, связи между национальными движениями, действовавшими в каждой из двух основных частей монархии как до, так и после 1867 г.: чехи и словенцы в Цислейтании; сербы, словаки, украинцы и румыны Венгерского королевства; к ним примыкали до 1868 г. хорваты, занимавшие особое положение; в этих же рамках имели место контакты с венгерской оппозицией; в-третьих — южнославянские связи (словенцы, хорваты и сербы); наконец, польско-украинские связи в Галиции.

Б. Связи между национально-революционными группировками. Расширившиеся в годы революции связи между передовыми представителями угнетенных народов были ослаблены после установления неабсолютистского режима; последнему однако не удалось их устранить. В основе этих связей лежало стремление совместными усилиями обеспечить предпосылки свободного развития народов империи. У национально-революционных деятелей прокладывало себе путь сознание взаимосвязанности дела освобождения разных народов, понимание того, что в новых условиях еще менее, чем прежде, свобода одного народа может быть гарантирована без устранения гнета над остальными и что без объединения усилий их борьба обречена на неудачу. Международные связи и солидарность славянских движений, ранее (за исключением поляков) по преимуществу не выходявших за пределы «славянского мира», с середины XIX в. стали охватывать и неславян империи, испытывавших гнет и несправие. Это было естественно на новом историческом этапе, когда освободительные

движения всех славянских народов приобрели политический характер. В условиях неабсолютизма регулярные контакты между лидерами освободительных движений могли происходить лишь в эмиграции, основные центры которой находились во Франции, Англии, Италии.

2. Сотрудничество между национальными движениями в борьбе за преобразование Австрийской империи

Среди федералистов главное место занимали чешские и хорватские, наиболее влиятельные и наиболее последовательные [Krestić, 1969; Šesták, 1972 (a) (б)]. Ссылаясь на «права» короля св. Вацлава и св. Звонимира (древних королей Чехии и Хорватии), а в действительности отстаивая равноправие чешской и хорватской наций, они доказывали незаконность централистического или дуалистического устройства империи.

После ликвидации неабсолютистского режима первые контакты между чешским и хорватским национальными движениями завязались во время расширенного рейхсрата 1860 г. Чешская буржуазия не была здесь представлена, и Ригер заручился поддержкой Штросмайера в деле защиты чешских национальных требований. В рейхсрате Штросмайер начал выступать в духе славянской взаимности, и его известность и авторитет в славянской либеральной среде стали быстро возрастать.

В 1861—1862 гг. чешские либералы, считавшие возможным противодействие централистской политике путем оппозиции в рейхсрате, проявляли недовольство отказом хорватов от посылки депутатов в рейхсрат. В 1861 г. Фр. Палацкий выступил за взаимоподдержку «славянских королей» — чешской, польской и хорватской. Но поскольку выяснилась бесперспективность попыток превратить рейхсрат в опору борьбы против режима, чешские либералы убедились в правоте сторонников бойкота — венгров и хорватов и затем покинули рейхсрат.

В 1863—1865 гг. имело место сотрудничество между чешской и хорватской оппозицией. Хорватские народники поддерживали контакты как с консервативными деятелями Чехии (К. Хоэнвартом, Г. Кламом-Мартиницем, Л. Туном, Р. Белькреди), так и с либералами (Ф.-Л. Ригером, И. Скрейшовским и другими). Когда в 1864 г. власти закрыли загребский «Побор», пражские «Народни листы» и «Политик» предоставляли свои страницы хорватам. Координация действий чешских и хорватских лидеров в эти годы была столь явной, что правительственная печать говорила о «чешско-хорватской партии». В октябре 1863 г. Штросмайер побывал в Праге. В следующем году Хозяйственную выставку в Загребе собиралась посетить чешская делегация. Однако власти запретили ее поездку. Все же чешские журналисты приехали в Загреб, где встречи с ними превратились в манифестацию хорвато-чешской дружбы.

Вплоть до 1867 г. существенное место в политической борьбе занимали *чешско-польские* связи. Краковские консерваторы и Отель Лямбер видели в старочехах союзника в борьбе за федерализацию монархии. Связи между ними завязались уже в 1860 г. В мае 1861 г. Польское коло в рейхсрате вместе с клубом автономистов (чехи, словенцы, немецкие клерикалы) составили автономистскую и федералистскую оппозицию Шмерлингу. Сторонником контактов с чешской оппозицией был известный польский «славянофил» Е. Любомирский, считавший, что достижение автономии Галиции без поддержки чехов и венгров невозможно. Однако его мнения не разделяли А. Потоцкий, Ю. Дитль и другие. В связи с этим Польское коло не вошло в клуб автономистов. Союз польских и чешских депутатов был непрочным, так как польские помещики подчеркивали свою особую позицию: фактически она клонилась к сепаратному соглашению с имперским правительством.

Как отмечалось, до 1866 г. важнейшей чертой внутривнутриполитической жизни монархии была сильная венгерская оппозиция режиму централизма, который рассматривался большинством ведущих сил национальных движений как основной противник. Несмотря на различие целей, часть славянских федералистов стремилась к сотрудничеству с венгерскими либералами (Ф. Деак). Чешские либералы надеялись, что венгерская оппозиция поддержит программу федерализации империи на базе исторического права. Народняки Хорватии видели в провенгерской ориентации средство сорвать усилия местных сторонников режима — чиновников-самосталцев (И. Мажуранич, И. Кукулевич) и консервативного клира во главе с архиепископом Хауликом.

В Хорватии тактика сотрудничества с венгерской либеральной оппозицией вылилась в коалицию («фузия») народняков и унионистов-венгерофилов. Чешская Национальная партия поддерживала коалицию. Так сложилось *чешско-венгерско-хорватское* сотрудничество против режима. После отставки Шмерлинга (май 1865 г.) и Мажуранича (октябрь 1865 г.) чешские федералисты стремились упрочить связи с хорватами, но старочехи уже стали указывать на опасность коалиции, укреплявшей в Хорватии позиции сторонников дуализма. Ригер первым выступил за политическую перегруппировку в Хорватии, т. е. за разрыв народняков с унионистами. На опасность дуализма обратил внимание Палацкий в «Идее австрийского государства» (1865 г.). В августе 1865 г. этим вопросам было посвящено совещание в Вене Ф. Ригера, Й. Штросмайера и И. Перковаца. Однако большинство чешских и хорватских федералистов продолжало считать главной опасностью венский централизм. После провала Шмерлинга Скрейшовский и Штросмайер надеялись, что коалиция приведет к равноправному хорватско-венгерскому соглашению и станет шагом к федерализации империи. В ноябре—декабре 1865 г. Скрейшовский, будучи в Пеште, заявил Деаку, что чехи поддержат соглашение венгров с хорватской коалицией. По данным полиции,

Скрейшовский получил инструкции от младочешского крыла Национальной партии (бр. Грегры, К. Сладковский, Я. Неруда и другие) помочь хорватам достичь унии с Венгрией, но отвращать их от компромисса на основе австро-венгерского дуализма. Поездка Скрейшовского в Пешт, Загреб и Вену в конце 1865 г. с целью добиться хорвато-венгерского сотрудничества в духе, нужном чешским федералистам, была последней в 60-х годах XIX в. значительной попыткой чешской Национальной партии сохранить и чешско-венгерское сотрудничество [Šesták, 1972 (6)].

Некоторое время сходной, но в конечном счете отличающейся от чешской, была позиция польских консервативных, либеральных и буржуазно-демократических кругов в отношении Венгрии. Союз с венгерской оппозицией в 1860—1865 гг. и для них означал совместную борьбу против централизма. Партия Чарторыхских придерживалась той же линии (тем более, что в венгерском дворянстве она видела союзника против царизма) и неоднократно посылала в Венгрию эмиссаров для выяснения стремлений венгерской оппозиции. Польское коло в 1861 г. стремилось примирить чехов, хорватов, сербов и румын с венграми. Большинство польского дворянства считало, что дуализм приведет к автономии Галиции и, возможно, к федерализации Цислейтании.

Коалиция в Хорватии была разорвана весной 1866 г. Накануне австро-прусской войны Штросмайер отстаивал идею совместных действий хорватов, чехов и поляков в пользу федерализации государства. Но происходившие в Вене в июле—августе 1866 г. чешско-польско-хорватские переговоры, а также закулисные контакты чешских и польских деятелей с правительством Белькреди свидетельствовали о разброде в стане федералистов.

Правда, в начале 1867 г. А. Потоцкий и Т. Тарновский вновь вели переговоры с чехами, но галицийский сейм не принял решительной («чешской») тактики, без оговорок послал делегацию в рейхсрат и пытался убедить чехов остаться в рейхсрате [255, с. 40]. Этот отказ от солидарности с чехами на первых порах не одобрил даже Отель Лямбер. Но в дальнейшем аристократическая эмиграция признала дуализм и осуждала чехов за тактику бойкота и русофильство. Все это ограничило рамки сотрудничества между чешским и польским движениями. Наряду с классовыми интересами польской аристократии здесь сказалось и различие в положении обеих наций. Но характерно, что более убежденными сторонниками федерализма и союза с чехами были польские либерально-демократические деятели (Ф. Смолька).

В условиях дуализма контакты между венгерскими и польскими дворянскими консервативно-либеральными кругами были направлены на стабилизацию габсбургской монархии. Д. Андраши стал постоянным партнером Отеля Лямбер. Деятели последнего подчеркивали, что Венгрия поддержит автономию Галиции, а поэтому связь с другими национальными движениями вредна. В 1869 г. Ф. Земялковский и В. Чарторыхский добились поддержки Андраши в деле предоставления полякам права пользо-

ваться родным языком в суде и администрации. В 1870 г. Андраши по просьбе Отеля Лямбер вновь поддержал линию польской шляхты на компромисс с Веной [Zdrada, 1967].

Хорвато-чешское сотрудничество продолжалось и после навязанного имперскими властями Хорвато-венгерского соглашения 1868 г. Особой остроты ситуация достигла в 1871 г., когда правительство Хоэнварта попыталось заключить соглашение с чешским национальным движением, а в Хорватии на выборах в сабор народняки одержали победу. Деятелям славянских национальных движений и их противникам (немецкие либералы, канцлер Ф. Бейст, венгерские власти) была ясна взаимозависимость успеха или неуспеха чехов и хорватов. «Если чехам удастся добиться признания чешского государственного права, тогда конец нынешнему дуализму», — писал Ф. Рачкий в августе 1870 г. Уверенность чехов возросла после успеха хорватских народняков на выборах. Неудача чехов в конце 1871 г. сразу сказалась на позиции хорватских народняков: после их капитуляции тот же Рачкий отмечал в 1873 г., что «большинство не видит перспектив к лучшему. Указывают на Цислейтанию, на Чехию, на общее положение в Европе» [105*, 344, т. 1, с. 111, 256].

Словенские национальные деятели были особенно близки с чехами и хорватами. Чешско-словенские связи развивались в рамках одного (австрийского) подрегиона, а словенско-хорватские в русле югославизма. Многие формы национального движения 60—70-х годов были заимствованы словенцами у чехов — читальни, таборы, сокольские отряды и прочее. В этом сказалось влияние чешского движения и сходство условий, в которых находились оба народа. Чехи и словенцы являлись объектами политики германизации; обе нации не имели своего дворянства, движения являлись преимущественно мелкобуржуазными в своей основе. «У нас такая же судьба и такое же призвание в будущем, — писал позднее словенский либерал И. Хрибар, сравнивая чехов со словенцами. — Мы и они вошли в сферу западной культуры, находимся в схожих экономических условиях. Нас, словенцев, как и братьев чехов, красит жизнерадостность и любовь к труду; мы действуем в одинаковых политических обстоятельствах» [305, с. 62]. Правда, историко-правовая аргументация чешской Национальной партии не могла удовлетворить словенцев и затруднила их совместные с чехами выступления. Тем не менее наибольшие симпатии словенских деятелей, в целом политически умеренных, вызывали старочехи. Палацкий и Ригер являлись почетными членами словенских культурно-просветительских обществ, в том числе Словенской матицы.

Чехи, имевшие многочисленную интеллигенцию и рабочий класс, были заняты в качестве инженеров, техников, рабочих, учителей, музыкантов и т. д. едва ли не во всех краях империи и внесли вклад в их развитие. В частности, оказавшись на службе в Словении, чехи включались в местное национальное движение.

Чешские инженеры были в числе основателей словенской читальни в Мариборе, участвовали в создании Словенской матицы [117*, т. I, с. 116; 439, с. 9]. В Триестинской читальне видную роль играл чех Ян Лего. В Вене в Граце установилось сотрудничество между чешскими и словенскими студентами. В 1862 г. по инициативе словенского композитора Д. Енко словенцы и чехи учредили в Вене певческое общество. В конце 60-х годов чешские и словенские студенты Граца организовали общество «Славянская беседа» [420, т. 4, с. 15, 115].

Особое место занимали связи между *хорватами и словенцами*, между *хорватами и сербами* в Австрийской империи, а также с Сербией и Черногорией. Эти связи определялись идеологией югославизма и программами объединения южных славян, о чем уже говорилось. Но установлению доверия между хорватскими и словенскими деятелями мешала теория «единого народа», в особенности в той форме, в какой она проповедовалась правашами. Именно поэтому прекратило деятельность студенческое словенско-хорватское общество «Юг», созданное в Вене в 1868 г. В обществе был поднят вопрос о едином литературном югославянском языке. Многие его члены настаивали, чтобы им стал хорватский; словенцы, в частности Ф. Левец, отвечали, что в этом случае литература не будет понятна словенским крестьянам [420, т. 2, с. 46—49]. Словенцы перестали приходить на заседания «Юга». Как отмечалось, в 1870 г. хорватские народняки торжественно признали права словенцев как особого народа.

Симпатией словенских деятелей пользовались народняки. Штросмайер был избран почетным членом словенских просветительских обществ, городских и сельских общин. Он поддерживал материально словенские культурные учреждения. Со своей стороны словенцы организовали сбор средств для Югославянской Академии наук и искусств в Загребе [420, т. 2, с. 141—146, 273]. Словенские деятели предполагали, что академия станет центром науки и общественной жизни всех южных славян. Хорваты участвовали в словенских таборах (в Лютомере 9 августа 1868 г., в Орможе 8 августа 1869 г. и т. д.), в заседаниях словенских читален, особенно мариборской и триестинской. Словенцы не раз посещали Хорватию, например, во время открытия Загребского университета в 1874 г.

До 1866 г. политические контакты хорватского национального движения со Словенией были невелики потому, что словенцы, не обладавшие «историческим правом», были слабыми союзниками, а хорватские народняки ориентировались на союз с венгерской оппозицией против полуабсолютистского режима. Положение изменилось после войны 1866 г. Несостоятельность централистской политики, перспектива реформ, возможность распада империи — все это в Хорватии и Словении усилило популярность идей югославянского единства. Выражением этой тенденции, которая еще больше усилилась после образования Германской империи, стало Люблянское совещание 1870 г.

Решающими обстоятельствами в развитии хорвато-сербских связей были общность языка и тот факт, что хорваты и сербы населяли совместно территорию Триединого королевства, включая Хорватско-славонскую Военную границу, а также Боснию и Герцеговину. Как указывалось, в 60-х годах XIX в. в Далмации хорваты и сербы совместно боролись за национальные права. Деятели сербского национального движения в Хорватии и Славонии в 1861 г., в 1865—1867 гг. и позднее являлись депутатами сабора, выступали здесь со своей программой (равноправное сотрудничество сербов и хорватов, автономия Хорватии в составе земель венгерской короны) [416, т. 1—2; Krestić, 1975].

До 1867 г. последователи С. Милетича отстаивали необходимость хорвато-венгерского соглашения, занимая своеобразную позицию в качестве сторонников коалиции («фузии») и унионистского движения. Их позиция определялась тем, что отрыв Хорватии от Венгрии привел бы к усилению политической раздробленности сербского населения, ослаблению возможностей национальных движений в Венгрии, а также общими принципами течения, возглавлявшегося Милетичем, т. е. задачей противодействовать австрофедералистским планам. Но после австро-венгерского соглашения 1867 г. сербское национальное движение в Славонии и Среме явилось опорой оппозиции: оно оказало упорное противодействие унионистскому правительству бана Рауха. Что касается культуры, то сербы принимали участие в ее развитии наряду с хорватами в Хорватии, Славонии и Далмации как в своей родной стране. Из фактов такого рода упомянем лишь, что известный филолог Дж. Даничич долгое время являлся секретарем Югославянской Академии наук и искусств в Загребе, ближайшим сотрудником Ф. Рачкого [123], а Й. Суботич руководил Загребским театром, где был поставлен ряд его произведений [155].

Сербско-хорватские отношения временами осложнялись ввиду особых политических целей хорватской и сербской буржуазии, пропаганды ее идеологами великосербских и великохорватских взглядов, которая сопровождала процесс формирования обеих наций. Австрийские, а затем австро-венгерские правящие круги прилагали усилия к тому, чтобы сделать невозможным югославянское сотрудничество. Тем не менее во второй половине 60-х годов произошло сближение между сербским и хорватским национальными движениями и была сформулирована задача создания независимого южнославянского государства.

Одним из крупных комплексов политических связей были связи между национальными движениями народов Венгерского королевства — не располагавших территориальной автономией и возможностью сослаться на историческое право *словаков, сербов, румын, закарпатских украинцев* (лишь у сербов имелось, правда, весьма узкое по содержанию, «историческое право» — так называемые церковно-школьные привилегии). Наиболее активным здесь было сербское движение. Ему в ряде случаев принадлежала инициатива совместных действий либо его действия служили при-

мером для других. Вплоть до 1868 г. исключительно место в политических связях народов Венгрии занимали *хорваты*, так как от хорватско-венгерских отношений в некоторой мере зависело положение остальных народов. Положение Хорватии определило ее роль в межславянских связях как в Австрии, так и в Венгрии.

Позиция Хорватии, в частности в 1860—1868 гг., приобрела важное значение для словаков. Подобно чеху Ригеру словак А. Радлинский, редактор журнала «Татран», уже во время рейхсрата 1860 г. (на котором не было словацких представителей) обратился к Штросмайеру с просьбой выступить в защиту права словаков употреблять родной язык в школах и администрации. Выступление Штросмайера в этом духе вызвало отклик в Словакии. Штросмайеру были направлены новые требования словаков (о создании литературного общества, юридической академии, политической газеты) [Pirsch, 236; Vokeš, 236]. В хорватском саборе 1861 г. Штросмайер вновь выступил за признание национальных прав народов Венгрии.

Словацкое собрание в Турчански-св.-Мартине в 1861 г., примером которому послужил сербский собор в Воеводине, подчеркнуло важность солидарности угнетенных народов. Словацкое движение особенно нуждалось в поддержке со стороны других. Со своей стороны «Пештьбудинске ведомости» в 60-х годах солидаризировались с борьбой Хорватии за широкую автономию. Но несмотря на сочувственные речи, хорватский сабор не занял определенной позиции в словацком вопросе, видно, стремясь сохранить возможность сближения с венгерскими либералами.

Роль Хорватии в политической борьбе изменилась в 1868 г., когда вступило в силу венгеро-хорватское соглашение, и особенно в 1872 г., после капитуляции хорватских либералов. Хорватская делегация в парламенте Венгерского королевства составлялась из сторонников правительства, которые отказали в поддержке сербам, румынам, словакам и закарпатским украинцам. Это и было одной из целей правящих кругов.

Иная ситуация сложилась в сфере связей между *словаками и сербами* Венгерского королевства. Сходство в положении, идентичность непосредственных интересов (обеспечение национальных прав в рамках королевства) и многих средств борьбы — все это обусловило длительность контактов между сербским и словацким национальными движениями [Крајчовић, 158; Сирацки, 158]. В сербско-словацких отношениях в 60-х—начале 70-х годов XIX в. было нечто сходное с отношениями чешско-словенскими. Как чехи для словенской буржуазной интеллигенции, так для словацкой сербы с их относительно развитой буржуазией, интеллигенцией и национальным самосознанием во многих отношениях служили образцом. Развитию словацко-сербских отношений способствовала традиция личных связей: многие сербы, в том числе Милетич, учились в Словакии, большей частью в евангелическом лицее в Братиславе.

Национальные программы 1861 г. — румынская (январь), сербская (март) и словацкая (июнь) не явились результатом непосредственного сотрудничества, но формулирование одной из них явилось стимулом для появления других. Вслед за сербской депутацией, которая была организована умеренными федералистскими кругами Воеводины с целью представить императору решения Благовещенского собора 1861 г., в Вену направилась словацкая, организованная сторонниками Старой школы. С другой стороны, в либеральных и демократических кругах словацкой интеллигенции пользовались популярностью идеи Милетича о целесообразности сотрудничества с венгерской оппозицией против австрийского правительства. Левoliberalные и демократические круги сербов и словаков, как отмечалось, поддержали польское восстание 1863 г., тогда как Старая школа вместе с консервативными силами сербов его осудили. Но после 1867 г. словацкие либералы из Новой школы, перейдя к сотрудничеству с венгерскими правящими кругами, круто порвали с сербским национальным движением и стали подвергать его, в особенности Милетича, нападкам за радикализм, за югославизм и опасную для габсбургской монархии деятельность («словацким суррогатом австрославизма» назвал эту линию чехословацкий исследователь Крайчовић [Крайчовић, 158, с. 431]).

Особое значение связи между национальными движениями в землях короны св. Иштвана приобрели после 1867 г., когда сербское, румынское, словацкое и украинское (в Закарпатье) движения оказывали сопротивление политике венгерских помещичье-буржуазных кругов, направленной на ликвидацию национальных прав и очагов национальной культуры.

Сербские и румынские депутаты парламента Венгрии, поддержанные Добрянским и частью словацкой и украинской обществённости, в 1868 г. отстаивали совместный проект закона о правах национальностей. В 1865 и 1869 гг. в Кульпинском избирательном округе Бачки (Воеводина), где имелось значительное словацкое население, был создан сербско-словацкий избирательный блок, в результате чего в 1865 г. в венгерское государственное собрание прошел серб М. Димитриевич, а в 1869 г. — единственный словак, известный национальный деятель В. Паулини-Тот. Это был наиболее значительный результат сербско-словацкого политического сотрудничества.

По примеру Сербской матицы была создана Словацкая матица. Значительному оказалось воздействие на Словакию либеральных и буржуазно-демократических идей сербской Омладины. Информация о съездах Омладины помещалась в словацкой печати. Под влиянием сербского движения возникло общество «Словацкая молодежь» (1868—1871 гг.). Его организаторы мечтали о такой же разносторонней деятельности, какую развивали сербы. В 1868—1870 гг. в Прешове существовало словацко-сербско-украинское «Славянское певческое общество». Как и в ряде других случаев, под этим названием скрывалась организация, интересо-

навпаяся общественными проблемами. Запрет сербской Омладины тяжело подействовал на словацкое движение. Распалось и общество «Словацкая молодежь».

В годы, предшествующие австро-венгерскому соглашению, со стороны *венгерских либералов* и *воеводинских сербских народняков* имели место попытки начать сотрудничество, направленное против централистского режима. В 1861 г. в торжествах, посвященных памяти сербского просветителя и мецената Савы Текели участвовали венгерские лидеры. Это придало празднеству антиправительственный характер [117, с. 81]. В начале 60-х годов воеводинские народняки при поддержке правительства Сербии безуспешно пытались заручиться твердым обещанием деакистов в случае их прихода к власти пойти на новое разграничение комитатов, более соответствующее этническим границам. Некоторые представители венгерского дворянства из тактических соображений давали посулы в духе этого проекта, но когда стала вырисовываться перспектива дуализма, он был предан забвению.

После 1867 г. *сербская, румынская и словацкая оппозиции* получали поддержку в парламенте со стороны представителей *венгерской левой буржуазно-радикальной оппозиции*. Так, в 1870 г. против «закона о правах национальностей» выступали венгерские депутаты парламента от крайней левой Д. Ираньи, Э. Шимони, Э. Каллаи, Й. Мадарас. В 1876 г. Л. Мочари, лидер Партии независимости, протестовал против ареста и осуждения С. Милетича [Жемень, 1972 г.].

Сербско-румынское политическое сотрудничество в Венгрии установилось уже во время сессии венгерского государственного собрания в 1861 г., а затем получило развитие в связи с политической борьбой в 1865—1867 гг. и позднее. С румынской стороны за сотрудничество с сербским национальным движением выступали политические либеральные лидеры В. Бабеш и А. Мочони. Трудной проблемой в начале 60-х годов было разделение православных церквей — сербской и румынской, которому противилась сербская церковная иерархия. В противовес ей Милетич отстаивал скорейшее урегулирование этого вопроса, чтобы устранить причины сербско-румынских конфликтов.

Как известно, сербы и румыны выработали совместный проект закона о правах национальностей. В венгерском парламенте возник «клуб национальностей», сотрудничество в рамках которого еще более окрепло после 1868 г. В сербской Бечкерекской программе (январь 1869 г.) указывалось, что Национально-либеральная партия будет выступать «солидарно с румынами». Вслед за конференцией в Бечкерек в феврале 1869 г. состоялась румынская конференция в Тимишоаре, где — в присутствии сербских гостей во главе с Милетичем — была основана партия банатских румын, которая заявила о солидарности с другими угнетенными национальностями. На выборах 1869 г. сербская и румынская партии выступали солидарно.

Между чешским и сербским национальными движениями в первой половине 60-х годов было немного точек соприкосновения. Австрофедерализм чешских либералов не пользовался поддержкой у сербских народняков. Но в условиях дуализма взаимные симпатии и сочувствие борьбе за национальные права проявлялись с большей силой. Сербские народняки Воеводины были заинтересованы в успехе чешского национального движения в 1868—1871 гг., как и хорваты, рассчитывая, что его следствием будут перемены в Венгрии. Чешская (как и словацкая) общественность с большим вниманием следила за политикой Сербии и развитием освободительной борьбы на Балканах. Уже в 1867 г. чешские студенты собирались послать большую делегацию на съезд сербской Омладины в Белград. Поездка чехов, как и других энтузиастов из Австрии, не состоялась из-за запрета австрийских властей. Все же оказавшийся в Белграде католический священник Герингер в горячих словах передал сербам привет от чешского народа [Жачек, 158, с. 391—414]. Впечатление, произведенное на чешское общество подъемом общественно-политической борьбы у сербов в конце 60-х—начале 70-х годов, было столь значительным, что слово «омладина» вошло в чешский язык для обозначения прогрессивного, радикально-демократического движения.

Во время восстания южнославянского населения Боки-Которской (1869—1870 гг.) чешское общественное мнение симпатизировало повстанцам. Сам факт восстания против централистской политики в Цислейтании послужил чешским публицистам в качестве аргумента в пользу проектов федерализации монархии, которая, по их мнению, иначе была не в состоянии сохранить внутривосточную устойчивость [Šesták, 1970].

В 60-х годах налаживанию *румынско-чешских* связей способствовала группа румынской молодежи, обучавшейся агрономии и педагогике в Праге (Г. Мунтян, Шт. Поп и другие). С 1866 г. «Газета де Трансильванией» печатала корреспонденции пражских студентов, которые с симпатией сообщали о чешском национальном движении.

В 60-е годы XIX в. усиливаются стремления *восточногалицийской украинской* интеллигенции к сотрудничеству со славянскими народами и, в частности, со славянами Австрийской империи, прежде всего в сфере культуры. В этой среде было популярным творчество польских писателей А. Мицкевича, Ю. Словацкого, С. Гоциньского и т. д. В свою очередь польская передовая интеллигенция Галиции проявляла интерес к Т. Г. Шевченко.

О политических связях украинцев Закарпатья со словаками кратко уже говорилось. Украинцы Галиции также следили за общественно-политической жизнью словаков и чехов. В галицийской печати в 50—70-х годах публиковались стихотворения чешских поэтов, информация о деятелях чешской культуры. И. Франко интересовался историей, общественно-политической жизнью и литературой чешского народа. Еще в гимназии он изучал чеш-

ский язык и литературу, перевел «Краледворскую рукопись» и в 1873 г. написал о ней сочинение. Благодаря Франко чешско-украинские связи и в дальнейшем, в 80-х годах, приобрели более широкий масштаб.

По-прежнему важное место в международных связях занимала Вена. Кроме уже упоминавшихся политических контактов деятелей национальных движений, съезжавшихся в столицу империи, можно указать на то, что славянская студенческая молодежь, находившаяся в Вене, объединялась в кружки, принимала участие в торжествах по поводу событий общественной жизни или в честь крупных деятелей культуры того или иного народа. Вену посещали русские революционные эмигранты. Славянская молодежь здесь знакомилась с западноевропейской социалистической и русской революционно-демократической литературой.

Содружество словаков, сербов, поляков, чехов, хорватов, словенцев, украинцев проявлялось в 60-х годах в среде учащейся молодежи в Праге, Пеште, Кракове, Братиславе. Совместные вечера увеселительного и культурно-просветительного характера, коллективное обсуждение политических проблем были обычными явлениями.

С 60-х годов XIX в. все большую притягательную силу для славянских народов, причем не только Австро-Венгрии, приобретала Прага. В последней трети XIX в. «Злата Прага» способствовала формированию национального самосознания словаков, украинцев Галиции и других имперских областей, словенцев, хорватов, сербов и болгар; влияние Праги, как и прежде, ощущали лужицкие сербы. Особую роль среди учебных заведений в этом отношении играл пражский Карлов университет (хотя по числу студентов — выходцев из славянских стран немецкие университеты преобладали). После учреждения университета (1874 г.) стало расти значение Загреба как центра просвещения южных славян. В Австро-Венгрии имелись три университета, в которых преподавание велось на славянских языках (в Праге, Кракове и Загребе). В конце XIX в. чехи, словенцы и украинцы совместно боролись за развитие университетского образования на родном языке [Jordán, 1979].

3. Сотрудничество демократических и национально-революционных сил

Крупной силой международных связей и сотрудничества революционных кругов в 50—60-е годы XIX в. являлись польская и венгерская эмиграции. Большую энергию в деле развития связей между революционными кругами проявляли А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. И. Бакунин. С эмигрантами — представителями разных наций Австрийской империи — наряду с гарибальдийцами поддерживали контакты правящие круги Пьемонта (в 60-х годах — Италии), стремившиеся направлять их деятельность. В частности, в начале 60-х годов на Балканах действовал эмиг-

сар Кавура М.-А. Канини, целью которого было содействовать сближению мадьяр с румынами и славянами для борьбы против Габсбургов.

Польская эмиграция выполняла важную посредническую миссию в налаживании контактов, в примирении и организации сотрудничества между национальными движениями венгров, югославян и румын. В результате общения венгерских лидеров, в особенности Ласло Телеки, а позднее и Дьердя Клапки с польскими эмигрантами, позиция первых в отношении справедливых притязаний народов Венгрии стала более гибкой. В эволюции представлений Телеки о федеративном устройстве свободной Венгрии и создании федерации в составе Венгрии, Румынии, Сербии и Польши сказалось влияние взглядов руководителей польского эмигрантского центра в Париже.

В конце 50-х годов XIX в. польская демократическая эмиграция и галицийские демократы строили свои отношения с венгерскими революционерами в обстановке ожидания новой фазы борьбы Италии за воссоединение. В то время как правое крыло польской эмиграции рассчитывало на французскую и итальянскую дипломатию, левые эмигранты сотрудничали с Дж. Мадзини, Дж. Гарibaldi, Лайошем Кошутом, Дьердем Клапкой, Иштваном Тюрром в подготовке вооруженного выступления. Хотя польским революционным эмигрантам уже в конце 50-х годов было ясно, что галицийские либеральные и буржуазно-демократические круги (Ф. Земялковский и другие) не стремились к революционной борьбе [388, т. 2, с. 276—281], сотрудничество эмигрантов продолжалось; в 1860—1861 гг. согласовывались сроки вооруженных выступлений в Польше, Венгрии, на побережье Адриатики. Велась подготовка в Молдове, которая должна была послужить плацдармом для удара на Трансильванию, Галицию и Приднепровскую Украину.

Большое значение польская и венгерская революционные эмиграции придавали венгеро-румынскому сотрудничеству. Последнее должно было способствовать решению двух взаимосвязанных задач: решению румынского национального вопроса в Венгрии и Трансильвании и образованию конфедерации в составе Венгрии, двух Дунайских княжеств и Сербии. Инициатива и на этот раз, как и во время революции (в 1849 г.), исходила от румынского революционера и демократа Н. Бэлческу, завязавшего переговоры при посредничестве польских эмигрантов с Ласло Телеки, генералом Клапкой и Кошутом. Но его усилия и планы совместных антиавстрийских выступлений придунайских народов, вплоть до проектов конфедерации, находили большее понимание в кругах венгерской эмиграции, нежели в самой Венгрии или Трансильвании.

Венгерские революционеры сблизилась с правителем Дунайских княжеств князем Александром Кузой. Последний, понимая непрочность внутреннего и внешнеполитического положения княжеств, отказался от поддержки программы немедленной борьбы

за осуществление идеи «Дако-Румынии», то есть объединения всех национальных земель [348, с. 268]. В этой ситуации стало возможным венгеро-румынское сближение под эгидой Пьемонта. По плану Клапки высадка итальянского десанта в Далмации с целью продвижения в Венгрию должна была послужить сигналом к восстанию в Банате и Трансильвании и развертыванию там партизанской войны. Первое соглашение Клапка—Куза накануне войны 1859 г. в основном касалось создания на румынской территории венгерских складов оружия, часть которого была предназначена армии Кузы. Более важное значение имело соглашение Клапка—Куза от 20 мая 1859 г. В интересах успеха восстания в Венгрии, говорилось в нем, венгерская, румынская и сербская национальности Венгрии должны воздержаться от враждебности, причинившей так много бед в 1848—1849 гг., от всякой односторонности («партийного духа») и «сепаратистских идей»; они должны помнить, что Австрия может, как и тогда, натравить национальности друг против друга. Правительство княжеств брало на себя обязательство употребить свое влияние среди румын Венгрии и Трансильвании в интересах примирения. В июле 1859 г. соглашение было дополнено военной конвенцией. После войны 1859 г. сближение венгерской эмиграции с Кузой продолжалось. В январе 1861 г. в Яссах была заключена конвенция о размещении в княжествах венгерских складов оружия (в случае войны отряды венгерских добровольцев должны были перейти из Молдовы в Трансильванию).

Хорватия и Далмация фигурировали в планах польской и венгерской эмиграции как области возможных антиавстрийских волнений в условиях очередной итало-австрийской войны. Так было и в конце 50-х годов, и в 1863—1864 гг. Из поляков революционной пропагандой и организацией связей на Балканах занимался З. Милковский, во время восстания 1863 г. назначенный представителем повстанческого Национального правительства в Сербии. Он провозглашал лозунг соединения освободительной борьбы польского народа и южных славян [388, с. 276]. Свое мнение о неизбежности распада габсбургской монархии польские демократы — деятели революционного движения основывали, в частности, на аргументах чешских и хорватских национально-радикальных кругов [209, с. 262], прежде всего Й.-В. Фрича и Э. Кватерника.

Кульминационным периодом в деятельности польской национально-революционной эмиграции были 1863—1864 гг. С начала 1864 г. в связи с враждебной восстанию позицией австрийских властей представители польского Национального правительства стали прилагать усилия для сплочения революционных эмигрантов из Австрийской империи. Ввиду возможности новой австро-итальянской войны деятельность эмигрантов в Италии проходила с ведома итальянских властей и встретила горячую поддержку со стороны гарибальдийцев. В итальянских планах борьбы с Австрийской империей особое место занимала высадка корпуса под

командой Гарибальди на хорватском побережье с целью продвижения в Хорватию и Венгрию. Итальянские правящие круги и гарибальдийцы рассматривали возможность антигабсбургских восстаний в Венгрии и на Военной границе, а также привлечения Сербии к борьбе против габсбургской монархии. Как и венгерские эмигранты, они рассчитывали на помощь со стороны Черногории [165].

Польские «белые», аристократическая эмиграция, как отмечалось, в основном связывали свои надежды на восстановление независимой Польши с политикой какой-либо великой державы, мечтали о союзе Франции с Австрией. Во время восстания 1863—1864 г. Отель Лямбер и его сторонники в Галиции стремились удержать население последней от активных действий. Но и те деятели галицийской шляхты, которые поддерживали восстание и строили планы союза с революционной Европой, боялись демократического движения в Галиции. Так «красный князь» А. Сапега, комиссар Национального правительства за границей, рассчитывал на восстание в Венгрии и борьбу Италии за Венецию; с его согласия в апреле 1864 г. К. Рупрехт подписал союзный договор с Гарибальди. Но одной из причин этого шага было стремление изолировать итальянских революционеров от сотрудничества с более радикальными кругами в польском движении. «Белые» планировали диверсии поляков из Дунайских княжеств, куда Сапега стремился направить польских эмигрантов. Этот курс вызвал негодование демократической польской эмиграции, которая добивалась согласованного выступления поляков в Галиции и итальянских и венгерских революционеров. В соответствии с этим летом 1864 г. был заключен новый договор с Гарибальди [296, т. 3, ч. 1, с. 140—141].

В сложившейся обстановке сотрудничество между польской и венгерской эмиграцией приобрело первостепенное значение. Если не считать Польшу и Россию, ни одна из стран не испытала столь глубокого влияния героического выступления поляков, как Венгрия. Традиции взаимной симпатии издавна связывали эти два свободолюбивых народа. Еще в XVIII в. Польша была внешней базой освободительной войны под руководством Ференца Ракоци II, в рядах армий которого сражались отряды поляков. Их братство по оружию было скреплено в 1848—1849 гг. В политических концепциях завоевания независимости обоих государств укоренилось сознание сходства их исторических судеб. Но особое значение восстания 1863 г. для Венгрии было обусловлено актуальными факторами, которыми характеризовалось состояние венгерского освободительного движения. В 1862 г. в сопротивлении венгров политике габсбургских властей наступило временное затишье. В этой обстановке важное значение приобретал внешний толчок, каким явилось восстание поляков. Уже тот факт, что народ осмелился бросить вызов могущественной империи, не мог не оказать вдохновляющего воздействия на не примирившихся со своей участью венгров.

Январь 1863 г. ознаменовался в Венгрии не только стихийным взрывом чувств симпатий к восставшим, но и посылкой добровольцев, оружия и денег в Польшу. Восстание способствовало оживлению деятельности буржуазно-помещичьей венгерской оппозиции, особенно ее радикального крыла, связанного с действовавшим в стране подпольем, а также с эмиграцией. Венгерская эмиграция со дня своего возникновения находилась в тесной связи с польскими заграничными центрами (Кошут с начала своей деятельности в эмиграции работал рука об руку с польскими революционерами. Вместе с польским демократом С. Ворцелем выступая в Англии на митингах и собраниях, он призывал английскую общественность к поддержке дела свободы обоих народов). Восстание побудило венгерскую эмиграцию сплотиться и активизировать свою деятельность. Оно дало импульс к пересмотру венграми своих концепций [315, 337, 345, т. 5; 348, 349; Kovacs, 1960]. Переговоры о военно-политическом сотрудничестве двух освободительных движений начались немедленно. Основное место в них заняла проблема Галиции — стремление венгерской эмиграции побудить польское руководство распространить восстание на эту соседнюю с Венгрией провинцию. Эту точку зрения разделяли также Мадзини и Гарибальди, ибо отвлечение части австрийских сил на восток открыло бы возможность для освобождения Венеции.

Руководители восстания, однако, по ряду соображений, о которых уже говорилось, а также ввиду нежелания досадить правительству Франции (которое возражало против новой антиавстрийской войны и домогалось тогда расположения петербургского двора), долгое время уклонялись от принятия этого плана. Кроме того, вплоть до февраля 1864 г. Вена, которая была не прочь воспользоваться политическими затруднениями царизма, занимала осторожную позицию в отношении к восстанию. Но в феврале 1864 г. введением осадного положения в Галиции австрийское правительство показало свои истинные намерения, о которых Кошут неоднократно предупреждал поляков.

Уже в феврале 1863 г. Кошут предложил направить в распоряжение повстанцев венгерский легион численностью до 20 тыс. человек, который должен был сражаться под венгерскими знаменами и под венгерским командованием. Одновременно Кошут призывал поляков не доверять Австрии и потребовать от нее вернуть полякам Галицию. Через Любомирского он довел до сведения польского руководства о готовности передать полякам венгерское оружие и боеприпасы, полученные еще в 1859 г. от Наполеона III и находившиеся в Молдове. Но повстанческое правительство рассчитывало на вооруженное вмешательство Франции и Австрии, медлило и ответило лишь в мае после консультации с Парижем. Ответ гласил: никакого легиона, согласны принять лишь добровольцев, прибывающих поодиночке. В июле 1863 г., когда надежд на интервенцию Австрии и Франции становилось все меньше, повстанческое Национальное правительство

дало согласие на принятие оружия и организацию венгерского легиона, но без венгерских национальных знамен, и настаивало на том, чтобы легион не действовал в Галиции. Наконец, руководитель восстания Р. Траугутт в феврале 1864 г. уполномочил Ю. Орденгу заключить соглашение с уполномоченным Венгерской национальной дирекции генералом Клапкой. Оно было подписано 8 марта 1864 г. и предусматривало совместные действия во имя завоевания свободы и независимости обоих народов.

В соответствии с соглашением Клапка—Орденга в Дунайских княжествах началось формирование польско-венгерских отрядов, чему, однако, положил конец поворот в политике князя Кузы, который летом 1864 г. выслал из страны венгерского уполномоченного полковника Фридьеша.

О совместном выступлении против Габсбургов вел переговоры с Мадзини и Кошутом также польский «Союз патриотов» в Дрездене, планировавший распространить восстание и на Галицию.

Венгерская революционная эмиграция, сделав выводы из событий 1848—1849 гг., искала сотрудничества с антигабсбургскими кругами славянских и румынского народов. Этому служил федеративный проект Кошута, который, несмотря на свою ограниченность, содержал некоторые приемлемые для славянских деятелей идеи. Венгерско-славянско-румынские контакты 60-х годов явились продолжением и развитием тех связей, необходимость которых поняли радикальные круги разных народов еще в 1849 г. В составе формировавшегося в Италии венгерского легиона под командованием Клапки было немало славян, в особенности сербов и хорватов, главным образом солдат, покинувших австрийские гарнизоны в Италии. В самой Венгрии в начале 60-х годов левое крыло Партии резолюции (В. Силади и другие), связанное с революционным подпольем и эмиграцией добивалось соглашения с национальными движениями для борьбы против Габсбургов и поддерживало контакты со словаками (Ш.-М. Даксером) и сербами.

Одной из задач представительства польских повстанческих властей за границей и комиссара Национального правительства В. Пшыбыльского было содействовать сближению венгерской эмиграции в Италии со славянскими эмигрантами. Среди славян наиболее прочными связями в эмигрантских кругах располагал Й.-В. Фрич. Имея контакты с Чехией (Р. Турн-Таксис и его группа), Фрич участвовал в направлении чешских добровольцев в помощь польскому восстанию, пропагандировал дело восстания в издававшейся им в Женеве газете «Час».

Фрич и ранее сотрудничал в польских эмигрантских изданиях, поддерживал контакты с З. Милковским, В. Мицкевичем, Я. Домбровским, Ю. Гауке-Босаком, братьями Жулиньскими, которые, как и Фрич, входили в «Славянское коло» в Париже и имели сношения со многими чешскими деятелями и изданиями. В 1860 г., выступая в Париже в годовщину польского восстания

1830—1831 гг., Фрич призвал к солидарности народов против общего врага — Австрии, встретив энтузиазм польской аудитории. Польская эмигрантская пресса отметила 500-летие Яна Гуса статьями в антиавстрийском духе. В ноябре 1863 г. Фрич формально перешел на службу к польскому повстанческому правительству Р. Траугутта, программой которого, в частности, было: восстание народов против власти Габсбургов и их союз с Италией, Венгрией, Румынией и Турцией. Вскоре благодаря своим польским друзьям Фрич познакомился с Гарибальди, Клапкой, Сарвади и другими [Záček, 234].

И.-В. Фрич ввел в круг революционной эмиграции хорвата Э. Кватерника, с которым он подружился в Париже. Их сблизило убеждение в необходимости революционной борьбы за независимость, размышления о путях организации этой борьбы [Šesták, 1965, 1972]. При этом Фрич убеждал Кватерника в важности хорвато-сербского сотрудничества, а последний, в свою очередь, будучи противником идеи центрально-европейской федерации (которой сочувствовал Фрич), подчеркивал незыблемость принципа национального суверенитета.

Комитет венгерских эмигрантов в Турине (генерал Иштван Тюрр и другие) под влиянием представителей польских повстанцев, на службе которых находился Кватерник, признал возможность равноправного союза Венгрии и Хорватии и право сербов Воеводины на автономию. В упомянутом польско-венгерском соглашении от 8 марта 1864 г. о целях борьбы упоминались право Хорватии на независимость и венгеро-хорватская федерация [Kovács, 1960]. Кроме того, Венгрия обязывалась обеспечить права других славянских народов, однако при сохранении территориальной целостности страны.

Э. Кватерник достиг компромиссного соглашения с Клапкой о будущих взаимоотношениях свободных Хорватии и Венгрии. 7 марта 1864 г. он подписал обязательство «всеми силами служить объединению всех народов против австрийского господства, объединению, основанному на политической и гражданской свободе каждого народа, сделать все для объединения моего отечества Хорватии с Польшей, Италией, Венгрией, Чехией и всеми национальностями, угнетенными общим врагом, и целеустремленно добиваться их общего освобождения» [Batowski, 1956]. В записке, составленной в мае 1864 г. и предназначенной для руководителей польского восстания и, вероятно, французского правительства, он развивал мысль о польско-хорватском сотрудничестве [357]. Эмиссар польского Национального правительства К. Бенни побывал в 1864 г. в Загребе и связался с тамошними антиавстрийски настроенными деятелями (А. Старчевичем, Д. Кушланом), которые признали Кватерника своим представителем за границей; однако выяснилась крайняя слабость радикальных элементов в Хорватии. Кватерник вступил в переписку с Гарибальди, подчеркивая при этом необходимость сотрудничества итальянцев и хорватов [Campanella, 1961]. В связи с планами

высадки гарибальдийцев на восточном берегу Адриатики Кватерник послал туда своего единомышленника, дезертира из австрийской армии Анто Ракияша, который однако вскоре был арестован. С помощью польских и итальянских революционеров Фрич и Кватерник намеревались создать в Италии славянский легион для борьбы против Габсбургов. Но эти планы не были осуществлены ввиду малочисленности славянской эмиграции, неудачи польского восстания и временного отказа правящих кругов Италии от антиавстрийского выступления. Кроме того, в Италии Кватерник наталкивался на трудности ввиду экспансионистских притязаний итальянской буржуазии на часть словенских и хорватских земель.

Несколько позднее, во время войны 1866 г., Фрич, как известно, ориентировавшийся на победу Пруссии, поддерживал связь с И. Ткалацем, хорватским эмигрантом, находившимся на итальянской службе. Антигабсбургская брошюра Ткалаца «Австрийский вопрос» [106*] появилась не без воздействия Фрича на ее автора. Характерно совпадение мыслей, высказанных в ней, с содержанием аналогичной чешской брошюры Я. Котика «Плач чешской короны» [99*], также написанной при содействии Фрича. В обоих случаях речь шла о создании федерации равноправных народов [Šesták, 1974].

В рядах польской эмиграции ставка на европейское национально-освободительное движение, на Италию; была характерна для демократов и после восстания, особенно в 1866 г., когда Л. Мерославский делал попытки создать в Италии польский легион. О связях польской революционной эмиграции с венгерскими революционерами и об оживлении ее деятельности в Сербии во второй половине 60-х годов свидетельствует донесение русского посла в Константинополе Н. П. Игнатьева (1868 г.), в котором говорилось о некоем «польско-венгерском соглашении относительно создания польско-мадьярско-кroatо-сербско-румынской конфедерации, направленной против России» [32, с. 272]. Но в сущности здесь речь шла о развитии идеи Дунайской конфедерации, направленной на разрушение габсбургской империи. Впрочем, введение дуализма в 1867 г. откололо от антиавстрийского революционного союза Венгрию, а к концу 60-х годов в связи с завершением борьбы за объединение отпала Италия как союзник в борьбе против Габсбургов.

Обращают на себя внимание контакты польской и южнославянской эмиграции, которые осуществлялись в начале 70-х годов под знаком Интернационала и Парижской коммуны. Когда в 1872 г. связанное с МТР Польское социал-демократическое общество в Цюрихе, большую часть членов которого составляли бывшие коммунары, отмечало 100-летие первого раздела Польши, в числе гостей было семь сербов. Сербы участвовали и в митинге, созванном в 1875 г. в Лондоне «Союзом люда польского» — организацией, связанной с Интернационалом. Сербский революционер Николич выступил здесь с речью, призвав, подобно русским

ораторам, к восстановлению Польши и созданию демократической славянской федерации.

Что касается румынских эмигрантов из Дунайских княжеств, то в 50-х годах можно говорить в основном о деятельности Н. Балческу, поддерживавшего связи с зарубежными организациями венгров, поляков и итальянцев, о чем частично уже говорилось. Румынский революционер встречал сочувствие и поддержку со стороны Мадзини, Кошута, Клапки, Герцена, Бакунина. Балческу, будучи в Лондоне, в 1850 г., вынашивал планы создания тайного комитета представителей «шести наций: румын, венгров, поляков, русских (русин? — *Ред.*), чехов и моравян, а также южных славян» для борьбы за демократическую федерацию народов [186]. В журнале «Юнимя ромына», издававшемся в Париже, он призывал румын к согласованным действиям с венграми, сербами и другими народами против абсолютизма. Румынские национальные деятели интересовались настроениями различных слоев общества в славянских и неславянских землях Австрийской империи. Видный участник событий в Валахии во время революции генерал Г. Магеру, находясь в 1850—1851 годах в Вене, достиг договоренности с чешскими деятелями о создании в случае «падения» Габсбургов «Соединенных Штатов Австрии». Один из румынских революционных лидеров Ш. Голеску, побывавший в 1851 г. в Праге, обнаружил здесь «непонимание» деятельности мадзинистов (чехи не без оснований сомневались в возможности новой революции в империи в близком будущем), но и готовность чешских радикалов «в любой момент пролить кровь за национальность и свободу», «не повторяя ошибок 1848 года» во время следующей революции.

Весьма значительной в области нелегальных связей была активность сербского национального движения. Кроме Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, воеводинцы поддерживали связи с борцами за свободу Болгарии, с польскими и итальянскими революционерами, а также с русскими деятелями разных направлений — от славянофилов до революционных демократов. В 1862 г. выходец из княжества Вл. Иванович, влияние которого в Воеводине было немалым (и который находился в эмиграции в Воеводине в 1866—1869 гг.), познакомился с Мадзини и обсуждал с ним планы восстания против Австрии и Турции и создания союза демократических государств на Балканах; оmlадинцы и позднее поддерживали контакты с Мадзини и Кошутом. Вл. Иванович в середине 60-х годов был близок к А. И. Герцену. В конце 60-х годов он был связан с республиканско-пацифистской Лигой мира и свободы, возникшей в Швейцарии. В 1867 г. сербская Омладина послала приветствие конгрессу лиги, а «Застава» печатала репортажи о конгрессе. В позиции лиги Омладину особенно привлекала защита принципа национального самоопределения. С. Маркович, присутствовавший на конгрессе лиги в 1869 г., считал требование освобождения балканских народов «самым реальным» среди решений конгресса [141, с. 196].

Особый интерес представляют связи Омладины — как буржуазных радикалов, так и революционных демократов — с болгарскими революционерами («молодыми») [Шарова, 158, с. 473]. Болгары участвовали в омладинском съезде в Белграде в 1867 г., Л. Каравелов печатался в «Заставе». В 1870 г. сербы и болгары начали совместно готовить восстание на Балканах. В 1871 г. Д. Ценович, один из болгарских лидеров, посетил Милетича, отбывавшего заключение, и вел с ним переговоры. В 1871 г. Милетич направил в Бухарест для переговоров с болгарскими деятелями Омладины Дж. Влайковича; с омладинцами завязал связи болгарский революционер П. Хитов, позднее был установлен контакт с В. Левским и Болгарским Революционным Центральным Комитетом (БРЦК).

На Военной границе существовали нелегальные организации, связанные с Сербией и Воеводиной, а некоторые — и с хорватскими народняками и правашами. В планах борьбы против османского господства на Балканах предусматривалась помощь боснякам со стороны граничар — переход в Боснию из Военной границы целых воинских частей.

Обращает на себя внимание деятельность в Бухаресте в начале 70-х годов словенца Я. Похара, который сблизился с болгарской революционной эмиграцией, в том числе Христо Ботевым.

Еще в 50-х годах XIX в. представители украинской и польской молодежи пытались организовать совместную революционную деятельность. Об этом свидетельствует существование тайного кружка во Львове в 1857—1858 гг. Важным моментом в истории украинско-польских связей были 1863—1864 гг. Имеется немало примеров помощи со стороны населения Восточной Галиции повстанцам, которые оказались здесь. Ряд украинцев принимал участие в восстании (рабочие, ремесленники, батраки, студенты). Некоторые повстанцы, в том числе участники восстания на Правобережной Украине С. Жуковский, Н. Загурский, Л. Сиричинский, а также полковник Ян Савицкий, поддерживали связи с «Львовской громадой», которая группировалась вокруг журнала «Мета», в частности с К. Климовичем и К. Горбалем и другими. Один из вождей партии «красных» бывший профессор Киевского и Краковского университетов И. Коперницкий, находясь после восстания в Галиции, добивался укрепления союза польских и украинских революционеров и возбуждал в польском обществе «украинофильские» настроения [Трусевич, 140, с. 283—293]. Революционно-демократические идеи братства народов, развитые Т. Г. Шевченко, оказали влияние на общественное движение украинцев в Австрийской империи. Продолжателем традиций Шевченко стал И. Франко.

В 60-х годах польские газеты во Львове печатали статьи о Шевченко. Б. Залеский указывал на симпатии Шевченко к польскому народу [107*]. В 1865 г. во Львове было издано первое монографическое исследование о Шевченко, которое принадлежало перу поляка Г. Батталья, участника восстания 1863 г.

[107а*]. Автор охарактеризовал поэта как защитника социальных и национальных прав. Имя Шевченко было популярным на страницах польского журнала «Сьоло» («Село», 1866—1867 гг.). Его редактор П. Свенцицкий, участник восстания 1863 г. на Правобережной Украине, «поселился во Львове, — писал Франко, — с мыслью посвятить свой талант работе над духовным и литературным братанием русинов с поляками на почве идей демократически-федеративных»; Свенцицкий «был, вероятно, первым поляком, который обратил внимание галицийских поляков на необходимость относиться к ним (украинцам. — *Ред.*) как к братьям и на большое значение хороших отношений с украинцами для всего будущего обоих народов» [163, т. 16, с. 99, 164]. Формированию мировоззрения Свенцицкого содействовали идеи Шевченко [80, с. 26].

Важное место в укреплении украинско-польских связей в Восточной Галиции занимала борьба украинских и польских крестьян против остатков феодализма.

В целом связи между общественно-политическими движениями народов Австрийской империи не достигли такого уровня, при котором было бы возможно выдвижение общей программы политической перестройки государства или совместное крупное политическое выступление революционных и демократических сил угнетенных народов. Буржуазия (и дворянство, где оно имелось) каждой нации применяла наиболее подходящую, по ее мнению, тактику. Причина указанного разнобоя заключалась в различных интересах буржуазных сил разных наций, в присутствии им классового эгоизма, в стремлении возможно более «реальным» путем достичь соглашения с властью.

Больших результатов в идейном отношении достигли в своих связях радикально-революционные круги. Но только революционная демократия поставила вопрос о солидарности трудящихся разных народов, в том числе о необходимости союза национально-освободительных движений с трудящимися господствующими нациями Австро-Венгрии.

4. Связи национальных движений с общественно-политическими группировками в России

Степень изученности вопроса позволяет лишь указать на значение проблемы связей общественных, в том числе и национальных, движений в Австрийской империи с зарубежными государствами в третьей четверти XIX в., в особенности на необходимость исследования воздействия на эти движения прогрессивной мысли — русской и западной. Однако некоторые данные в нашем распоряжении имеются. Несомненно, что каждая группировка брала на вооружение идеи, соответствовавшие ее интересам. Со стороны Запада решающее значение имело влияние на буржуазные слои конституционных принципов, на более радикальные круги — республиканизма. Радикальные и демократические дея-

тели восхищались борьбой Гарибальди, дискутировали по поводу взглядов Мадзини.

В политических связях либеральных и радикальных кругов особое место занимала Франция, в частности ее правящие круги, которые в политических целях провозглашали «принцип национальностей». Деятели австрославистского толка надеялись на помощь Наполеона III делу федерализации монархии, противники Габсбургов — на франко-австрийские противоречия. Но и те и другие ошиблись в своих расчетах.

Значительную роль в международных связях играла французская, английская и немецкая прогрессивная общественность. В начале 70-х годов в центре связей революционно-демократических и социалистических сил находились Парижская коммуна и коммунары, Генеральный Совет Интернационала и его секции в разных странах.

Обширная проблема связей национальных движений в Австрийской империи с Россией требует продолжения монографических исследований. О характере их контактов с официальными кругами России уже говорилось. Значительные связи развивались по линии славянофильства, в частности русских славянских комитетов [105]. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы из архива М. Ф. Раевского [43].

В эпоху формирования наций, при существовавшем уровне общественного развития славянских народов условием сотрудничества с ними было содействие их национальному развитию. Славянофилы оказывали поддержку славянским школам (несмотря на свое убеждение в «преимуществах» православия, они помогали также школам католическим и протестантским), матицам, печатным органам и иным общественным, культурным и политическим организациям в Австрийской империи⁴, а на Балканах — также и национально-революционным группировкам. В этом, в частности, проявлялась противоречивость деятельности славянофильских кругов. Они по-своему — материальными средствами — содействовали прогрессивному процессу развития славянских наций, их борьбе за национальное освобождение. При этом идейное влияние славянофильства оставалось в значительной степени реакционным (панславистская тенденция, пропаганда превосходства православия над другими религиями, попытки изображать «Европу» как нечто внешнее и враждебное славянам, борьба против демократической и революционно-демократической идеологии, попытки представить в иллюзорном свете социально-политическую обстановку в царской России). Однако эти идеи в подав-

⁴ В частности на поддержку словацких учреждений указал В. Матула [Matula, 235]. И. С. Аксаков в 1860 г. убеждал словенских деятелей в необходимости создания Словенской матицы и обещал посылать ей книги [108*]. В первые годы существования матицы в ее библиотеке было больше русских книг, чем остальных книг на славянских языках [172].

ляющем большинстве случаев не встретили широкого общественного отклика, так как находились в противоречии с историческими задачами народов.

Свидетельством этого, в частности, были дискуссии во время Всероссийской этнографической выставки 1867 г. Пропаганда же славянофилами идей национального освобождения славян не могла не играть положительной роли.

Однако славянофилы не монополизировали общественные связи России со славянами Австрийской империи. Интересовались положением славянских народов либеральные круги. Их связи менее известны [см. например, Карасев, Фрейдзон, 142].

Все большее воздействие на общественное движение в славянских землях в 60—70-х годах оказывала русская революционная демократия, боровшаяся здесь против влияния славянофильских кругов и царизма, за развитие массового революционного движения.

Публицистика А. И. Герцена в 50—60-х годах XIX в. привлекла внимание леволиберальной и демократической общественности Австрийской империи. Статьи «Колокола» встречали отклик, их содержание пересказывалось в печати с различными комментариями. По-видимому, два момента во взглядах русского публициста представляли особый интерес для национальных деятелей разных направлений: во-первых, критика социального и политического строя России, отстаивание демократии, уважения к правам личности, а также пропаганда идей «русского социализма». Герцен призывал не верить царизму, показывал, что самодержавие враждебно народу, лучшие сыны которого противостоят царизму; во-вторых, разоблачение национального гнета в габсбургской монархии, горячее сочувствие освободительной борьбе всех — славянских и неславянских — народов, пропаганда принципов национального суверенитета, мужественная, имевшая историческое значение защита борющейся Польши и идей польско-русского революционного союза. Публицистика Герцена способствовала оформлению прогрессивных идейных принципов передовых сил национальных движений. Но каждое течение воспринимало воззрения Герцена лишь в той мере, в какой они соответствовали его интересам. Так, либералы, подхватывая мысли Герцена, поддающиеся толкованию в либеральном духе, не хотели и слышать о его революционной и «коммунистической» (так они вслед за консервативными кругами обозначали любое требование сколь угодно радикальных социальных преобразований) пропаганде, а деятели национально-радикального направления восхищались главным образом защитой им национальных революционных движений, их привлекала убежденность Герцена в том, что народы империи в состоянии сами управлять собой и обзавестись «собственным домом» [28, т. 19, с. 1—4]. Тем не менее, польские демократы, младочехи и Й.-В. Фрич, сербские оmlадинцы, хорватские народняки и праваши, младословенцы — все они нечто восприняли от идей Герцена.

Идеи самобытности, сочетавшиеся у Герцена с либеральными колебаниями, воспринимались славянскими буржуазными интеллигентами как нечто сходное со славянофильством, как ветвь «славянской идеологии». В частности, о влиянии взглядов Герцена на левую часть младословенцев свидетельствует некролог, помещенный в журнале «Звон». Здесь говорилось о Герцене, как о вдохновенном славянине, одном из представителей европейской демократии. Символично само название «Звон» («Колокол»). Но либералы воспринимали в Герцене только борьбу за реформы, взгляды на общину и т. д. Учитель словесности Ф. Целестин в своей книге (кстати, запрещенной в России), высоко оценивая Герцена, укорял его за то, что он не препятствовал революционной деятельности своих друзей. О Чернышевском же Целестин отзывался холодно [109*; 110*]. Важные данные о внимании сербов к деятельности Герцена собрал югославский ученый В. Вулетич [Вулетич, 1963].

Распространялись идеи Герцена и в Чехии [131]. Как отмечается чехословацким историком, в 60-х годах Герцен по своей популярности в Чехии «мог соперничать даже с Гарибальди». Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в 1861—1863 гг. биография Герцена здесь издавалась четырежды. И в Чехии популярность Герцена в леволиберальных и демократических кругах была связана с пропагандой им демократического союза славян, солидарностью с борющейся Польшей [Záček, 445, s. 230]. В. Жачек привел сведения об интересе чешской общественности к революционной демократии, действовавшей в 60-е годы XIX в. в самой России [Záček, 1960].

В связи с позицией Герцена в «австрийском вопросе» становится понятным, почему хорват И. Ткалац в 1866 г. преподнес русскому демократу свою брошюру, в которой призывал южных славян восстать против Габсбургов [Фрейдзон, 1960]. С Герценом сотрудничали чех Й.-В. Фрич и серб Вл. Йованович. О правоте позиции Герцена и Бакунина как борцов за свободу своего народа писал хорват А. Старчевич [77*]. На решение Фрича и Йовановича создать бесцензурную чешскую и сербскую печать за границей повлиял опыт «Колокола». Ранее уже говорилось о влиянии идей Герцена на польских демократов. С другой стороны, нет оснований сомневаться в том, что развитию взглядов Герцена на проблемы национально-освободительных движений способствовали его контакты с национально-радикальными деятелями — славянами и неславянами.

На идейное созревание революционно-демократических течений, предшественников социал-демократии в некоторых славянских землях, большое влияние оказал Н. Г. Чернышевский. Благодаря Светозару Марковичу его взгляды стали известны в Воеводине и Сербии. В 60-х годах во многом благодаря деятелям польского освободительного движения, а позднее — Ивану Франко и его друзьям, произведения русских революционеров-демократов стали доступны галицийскому читателю.

Началось исследование воздействия на общественную мысль народов Австрийской империи публицистики Д. И. Писарева; работа В. Вулетича свидетельствует о том, что воздействие это было немалым: оно способствовало формированию революционно-демократического течения у сербов [Вулетич, 1972].

Непосредственные контакты представителей освободительных движений в габсбургской монархии с русскими революционерами изучены слабо. Еще не осуществлены исследования, аналогичные тем, которые имеются в отношении балканских стран [32; 108; 115]. [Некоторые факты см.: Чуркина, 55; Хитрова, 1971].

Вероятно, одним из первых русских революционеров в 60-х годах в Австрийской империи побывал П. А. Ровинский, тогда — друг Чернышевского, человек близкий к «Современнику», деятель «Земли и воли». В 1860 г. он являлся корреспондентом русских газет в Вене, но в 1861 г. был выслан властями по подозрению в «русской пропаганде» и «панславизме». Можно предположить, что он высказывал взгляды в пользу сотрудничества революционных кругов угнетенных наций монархии. Ровинский побывал в Чехии, а после высылки вел раздел «Славянские земли» в газете «Очерки», где дал характеристику положения в Австрийской империи и, в частности, в Чехии и Хорватии. В 1868 г. он в качестве корреспондента «С.-Петербургских ведомостей» находился в Воеводине и Хорватии. В чешском движении Ровинский с похвалой отзывался о течении, враждебном дворянству, отмечая вражду помещиков к демократии, в которой, по его словам, закономерно заинтересована «народная сторона». В Воеводине он отмечал реакционность православного клира; его симпатии были на стороне Омладины за ее стремление «из отдельных частей сербского племени создать целую нацию» [32, с. 318; Чуркина, 55, с. 190—193]. В 1860 г. Л. И. Мечников, брат знаменитого ученого, гарибальдиец, находясь в Венеции под бдительным оком австрийской полиции, пытался организовать набор в славянский легион в помощь Италии.

После побега из Сибири М. А. Бакунин стремился восстановить и расширить связи с деятелями национальных движений, которые он завязал в 1848 г. Он добивался объединения действий итальянских, венгерских, румынских, польских, чешских и югославянских революционеров. В письме к Гарибальди от 10 мая 1862 г. Бакунин говорил о «войне на смерть и уничтожение» против австрийской и османской империй и сообщал о намерении «создать легион чехов, словаков, хорватов, сербов и других» на случай итало-австрийской войны [Masini, Bosio, 1952] [О других материалах Бакунина см.: 111*; 32; 76; 164].

Упомянутое письмо, посланное из Лондона с А. Ничипоренко, участником российского революционного подполья, попало в руки австрийской полиции. Вместе с ним были обнаружены экземпляры «Колокола», ряд русских зарубежных изданий, а также

письма Бакунина брату Й.-В. Фрича Вацлаву Фричу, проживавшему в Праге радикальному деятелю, и другим лицам.

В письме к Вацлаву Фричу Бакунин призывал готовить почву в Чехии, Венгрии и славянских странах под турецкой властью для революционной борьбы. Он сообщал, что Ничипоренко проинформирует Фрича о «наших взглядах на славянские дела» и приглашал его приехать в Лондон для переговоров, добавляя: «Было бы хорошо, если бы вы как-либо могли уговорить поехать нескольких хорватов и сербов». В письме к хорвату Д. Кушлану, знакомому Бакунину по Славянскому съезду в 1848 г., русский революционер просил прислать в Лондон хорвата — журналиста и политического деятеля; в другом письме спрашивал о хорвате М. Прице, также известном ему по 1848 году. Посланец Бакунина имел задание посетить Италию, Вену, Прагу, Венгрию, Белград («славянские земли по Дунаю»), затем отправиться на Украину.

Бакунин выступил за превращение Венгерского королевства в федеративную республику с полным равноправием населявших ее народов. Согласие с этой программой со стороны венгерского национального движения он считал условием сотрудничества славян с венграми. Но последние, по мнению Бакунина, превратились бы в противника освободительной борьбы в случае австро-венгерского соглашения, возможность которого он, таким образом, предвидел [Кун, 1973]. Эта демократическая республиканская программа страдала однако отсутствием анализа социальных условий, при которых стало бы вероятным ее осуществление, равно как и анализа глубоких социальных причин национального конфликта в Венгрии.

Прежние знакомые Бакунина — чехи, хорваты и другие — в 60-х годах в подавляющем большинстве были далеки от революционного движения. После поражения польского восстания Бакунин временно оставил свои планы, но во второй половине 60-х годов его связи с Балканами и Австро-Венгрией вновь расширились на базе анархо-социалистической пропаганды. В 60-е годы деятельность Бакунина имела определенное значение, пока она оставалась в рамках общедемократической, в том числе национально-освободительной борьбы. Но она нанесла большой вред международному рабочему социалистическому движению.

В 60—70-х годах связи революционной России распространялись преимущественно на Балканы. Идеология народничества здесь нашла благоприятную почву, а условия подъема революционного движения против османского ига благоприятствовали складыванию русско-балканского революционного союза. Австро-Венгрия в связях революционной России не могла занимать столь же важного места. Тем не менее эти связи прослеживаются в основном для южных и восточных областей монархии. Кроме того, обстановка на Балканах оказывала воздействие на положение в Австро-Венгрии. В планах балканских революционеров всегда

присутствовали антигабсбургские мотивы, и русско-балканские революционные связи сказывались на развитии освободительного движения — в Воеводине и Хорватии прежде всего.

Представляет интерес тот факт, что на съезде Омладины в Белграде в 1867 г. присутствовал И. И. Бочкарев, деятель складывавшейся революционной организации «Сморгонская академия», который был послан из Петербурга для установления контактов с европейским революционным движением [Вулетич, 1964]. Наряду со взглядами русских революционеров на славянский вопрос (о чем уже говорилось) на омладинцев произвело впечатление выступление Бочкарева в защиту равноправия женщин. Этот взгляд, естественный для последователей Чернышевского и Добролюбова, вызвал полемику в омладинских кругах и способствовал популярности Бочкарева [32].

В 1868 г. русский революционер Н. А. Шевелев жил в Венгрии, в Словакии, где опубликовал статьи, разоблачавшие режим самодержавия. Он показывал «колоссальную разницу между официальной Россией, к которой тяготеют панслависты (словацкие. — *Ред.*), и Россией народной», поведал о судьбах Чернышевского, Серно-Соловьевича, Михайлова и других [Матула, 107].

В начале 70-х годов, в особенности в связи с Парижской коммуной, демократическая общественность Австро-Венгрии более широко знакомится с деятельностью I Интернационала, с сочинениями Маркса и Энгельса. Однако в ряде случаев отсталость общественной среды способствовала влиянию бакунистских взглядов. Бакунин, в частности, привлекал симпатии левого крыла хорватских правашей и сербских омладинцев своими призывами к «разрушению государства» (что понималось практически как разрушение габсбургского помещичье-буржуазного государства). Среди сербов пропаганде бакунистов противодействовал С. Маркович, агент-корреспондент Русской секции Интернационала. В бакунинскую Славянскую секцию в Швейцарии, которую ее создатель стремился представить одной из организаций МТР, входили русские, сербы, хорваты и болгары, а по другим данным, также и чехи. Программа секции включала в качестве одного из пунктов задачу «примирения» славян с турецкой, венгерской и немецкой «расами» и борьбу против панславизма и пангерманизма. В ней говорилось, что секция «не предполагает организовывать особый славянский мир, враждебный из чувства национального народом других рас» [32, с. 437—439].

Из русских революционеров, действовавших на территории Австро-Венгрии, следует назвать Н. А. Тиханова. Сотрудничавший в Русской секции Интернационала, он в июле 1872 г. находился во Львове и был выслан властями за агитацию среди украинцев [32].

В первой половине 70-х годов активизируется деятельность в эмиграции сторонников П. Л. Лаврова, для которого славянский вопрос был частью вопроса о социальной революции. Лаврист-

ский «Славянский кружок» в Париже (1873 г.), звавший в своей программе «содействовать подготовлению и объединению революционных элементов среди славянских народов», объединял русских, поляков, чехов и сербов [Жигунов, 149].

Отношение к России — к царизму, с одной стороны, к русскому демократическому движению — с другой, естественно, особенно актуальным было для украинской общественности. «Мы все русофилы, — провозглашал позднее Иван Франко [...] Мы любим великорусский народ и желаем ему всякого добра» [162, с. 59]. Для народных масс, как отмечал Франко, русофильство имело преимущественно социально-аграрное значение [71, с. 143]. Украинские демократические круги следили за русской прогрессивной мыслью. М. Павлык подчеркивал, что «толчки во всяческом движении среди австро-венгерских русинов всегда исходили из России» [112*]. Под влиянием революционно-демократического движения в России, в том числе на Приднепровской Украине, в Восточной Галиции не угасали демократические идеи. Особенное место в этом отношении принадлежит Т. Г. Шевченко, А. И. Герцену и Н. Г. Чернышевскому. Герцен резко критиковал «москвофилов» [Гербильский, 140, с. 265]. Франко отмечал, что «социализм и критицизм Чернышевского» способствовали формированию национального самосознания украинской интеллигенции в 70-х годах XIX в. [Франко, 1905]. Под влиянием демократических идей против «москвофилов» и «народовцев» в 1874 г. выступил О. Терлецкий [113*].

Определенную положительную роль в популяризации в Восточной Галиции передовой русской культуры, в развитии украинско-русских связей сыграл М. Драгоманов. Но в своей критике «москвофилов» и «народовцев» он не всегда был последователен. Это объясняется наличием в его взглядах в 60—70-е годы XIX в. элементов как демократизма, так и либерализма, причем в конечном счете верх взяли последние [61, т. III, с. 532; 20, с. 122—123]. Все же характерно, что «Открытое письмо», подписанное 31 членом «Киевской громады» (М. Драгомановым, М. Старицким, М. Лысенко и другими) и опубликованное во Львове в 1874 г., содержало осуждение консерватизма и клерикализма, политика которого признавалась «для славян пагубной, для галицко-русского народа недостойной, а для России [...] вредной» [114*].

В 70-х годах XIX в. украинская прогрессивная молодежь распространяла русские революционные издания, выходившие в Женеве, Лондоне, Вене, поддерживала связи с народниками Киева, Одессы, Москвы, Петербурга. Через Восточную Галицию, Буковину и Закарпатье в 60—70-х годах перевозились в Россию и Приднепровскую Украину произведения Маркса, Энгельса, Чернышевского, Герцена, Огарева, С. Подолинского и других. Между этими населенными украинцами областями и Приднепровской Украиной и Россией происходил значительный обмен литературой [80, с. 20].

В соответствии с изменением политической обстановки в габсбургской монархии претерпевали перемены как ориентация национальных движений, так и характер их связей. Наиболее крутые переломы в обстановке произошли в 1859 г., а затем в 1867 г. В 1851—1859 гг. легальная политическая борьба была невозможна. Однако реакции повсюду оказывалось подспудное сопротивление, возникали подпольные кружки, восстанавливались связи революционных кругов, наметившиеся в 1848—1849 гг., и завязывались новые. 1860—1861 гг. — время возрождения общественно-политических организаций и начало их активной борьбы против политики централизма. Притягательным центром для движений, ставивших перед собой крупные политические цели, была венгерская оппозиция, а для радикальных кругов — итальянское, польское и венгерское национально-революционные движения (деятельность эмиграции).

Консервативные и умеренно-либеральные слои ряда земель венгерской короны, а также Галиции, в противовес этому пытались достичь своих целей путем ориентации на австрийские правящие круги. В 1865—1866 гг. произошла новая смена ориентации и усиление политической дифференциации в национальных движениях в связи с приближавшимся австро-венгерским соглашением. 1867—1871 гг. — период усиления взаимосвязей радикальных и демократических сил национальных движений (чешского, хорватского, сербского), их борьбы против дуалистической Австро-Венгрии. В связи с I Интернационалом и Парижской коммуной активизировалась деятельность революционной демократии.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА
В АВСТРО-ВЕНГРИИ
В КОНЦЕ 60-Х—НАЧАЛЕ 70-Х ГОДОВ XIX В.

В «Уставе Союза коммунистов» (1847 г.), выработанном при участии К. Маркса и Ф. Энгельса, прозвучал знаменитый призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹ В 1847 г. в речи на митинге в честь годовщины польского восстания 1830 г. Энгельс говорил: «Так как положение рабочих всех стран одинаково, так как их интересы одинаковы, враги у них одни и те же, то и бороться они должны сообща и братскому союзу буржуазии всех наций они должны противопоставить союз рабочих всех наций»². Интернациональное сплочение пролетариата Маркс и Энгельс всегда считали важнейшей задачей.

Одной из составных частей борьбы за демократию в Европе было национально-освободительное движение. В особенности это относится к Австрийской империи. Основоположники научного коммунизма рассматривали национальную проблему в связи с классовыми задачами пролетариата, его борьбой за социализм. Общее теоретическое обоснование путей решения национальной проблемы, «соответствовавшее интересам рабочего класса и вместе с тем отвечавшее объективным закономерностям исторического процесса» [86, с. 599], было дано Марксом и Энгельсом уже в 40-х годах XIX в. на основе принципов пролетарски-классового подхода и пролетарского интернационализма. Окончательная ликвидация угнетения одних наций другими, согласно учению основоположников научного коммунизма, придет в результате социалистической революции, но чтобы победить, рабочий класс должен получить поддержку народов, борющихся за национальное освобождение [86].

После революции 1848—1849 гг., в особенности в период деятельности I Интернационала, национальная проблема являлась объектом внимания социалистической мысли. В этой области Маркс сформулировал ряд важных идей, в том числе о возможности успешного исхода борьбы отдельных угнетенных народов за независимость еще до победы социалистической революции. Он критиковал присущий части деятелей рабочего движения «национальный нигилизм» — игнорирование значения борьбы народов за национальное освобождение как необходимого этапа в устранении остатков средневековья и в создании более благоприятных условий для классовой борьбы и интернационального сплочения пролета-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 524.

² Там же, с. 373.

риата. Нигилизм в национальном вопросе Маркс считал проявлением национализма, великодержавного шовинизма. В письме к Энгельсу от 20 июня 1866 г., рассказывая о дискуссии в Генеральном Совете Интернационала, он высмеял прудонистскую точку зрения, согласно которой национальности объявлялись «устарелыми предрассудками»: «Я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией»³. В письме от 7 июня 1866 г., накануне войны Пруссии и Италии против Австрии, Маркс иронически отмечал, что «прудоновская клика» объявляет национальности бессмыслицей. В письме от 20 июня, подчеркивая необходимость борьбы против шовинизма, он вместе с тем критиковал прудонистов. По их мнению, «все, кто усложняет „социальный“ вопрос „суевериями“ старого мира, — „реакционеры“»⁴.

Основным в подходе Маркса и Энгельса к национальной проблеме было признание подчиненного значения требования самоопределения наций, как частного демократического требования, высшим интересам рабочего класса. В. И. Ленин указывал: «По сравнению с «рабочим вопросом» подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса. Но от игнорирования национальных движений его теория далека, как небо от земли»⁵.

Маркс и Энгельс ратовали за развертывание массового демократического национально-освободительного движения, направленного против столпов европейской реакции. В связи с этим Маркс в 1860 г. выдвигал задачу «раз навсегда оторвать дело национальностей от дела французской контрреволюции»⁶, т. е. политики Луи-Наполеона, спекулировавшего на «принципе национальностей». Основоположники научного социализма неустанно боролись против политики российского самодержавия, стремившегося в своих целях овладеть симпатиями угнетенных национальностей Австрии и Турции.

На примерах Ирландии и Польши Маркс и Энгельс показали значение национально-освободительных движений для рабочего класса. В статье «Какое дело рабочему классу до Польши?» (1866 г.) Энгельс писал о необходимости для пролетариата вести политическую борьбу в поддержку борющейся Польши⁷. Большую теоретическую ценность имеет письмо Маркса Энгельсу от 30 ноября 1867 г., в котором были развиты принципы политики пролетариата по отношению к национально-освободительному движению. В связи с ирландским вопросом Маркс наметил программу, которую должны поддерживать английские рабочие: самоуправ-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 193.

⁴ Там же, с. 187, 193.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 301.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 459.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 56.

ление и независимость Ирландии, аграрная революция, покровительственные пошлины против Англии⁸. Тем самым получила обоснование с позиций пролетариата борьба народа, в данном случае ирландского, за национальную независимость, раскрыта связь этой борьбы с демократической революцией и значение национального государства для развития нации.

Маркс, первоначально считавший, что решение ирландского вопроса возможно лишь в ходе социалистической революции, пришел затем к выводу, что решительный удар господствующим классам Англии «может быть нанесен не в Англии, а только в Ирландии». Господство английской реакции над Ирландией, — указывал Маркс, — важнейшее средство сохранения ее власти в самой Англии. Существенно замечание Маркса относительно воздействия английского господства в Ирландии на английских рабочих. В национальном антагонизме, разжигаемом господствующими классами, «заключается тайна бессилия английского рабочего класса»⁹.

Эти соображения Маркса, позднее «забытые» оппортунистами, были известны тогдашнему социалистическому движению, ибо содержались в опубликованном в начале 1870 г. циркулярном письме «о связи ирландской национальной борьбы с освобождением рабочего класса»¹⁰. В своих замечаниях Маркс подчеркнул «важное значение этого вопроса для английского рабочего класса и для рабочего движения вообще»¹¹. Сущность его взгляда состояла в том, что победа освободительного движения угнетенного народа может стать условием победы социалистической революции в угнетающей стране [85, с. 601].

Оценка роли национального вопроса в любом государстве, в том числе в Австро-Венгрии, должна быть результатом анализа конкретных условий. Но ясно исключительное значение приведенных мыслей Маркса для развития и распространения идей пролетарского интернационализма везде и повсюду, для стратегии и тактики борьбы рабочего класса.

В цитируемом документе привлекает внимание рассуждение Маркса, что ввиду связи для огромного большинства ирландского народа социального (земельного) вопроса с национальным, «уничтожение английской земельной аристократии в Ирландии — бесконечно более легкая операция, чем в самой Англии»¹². Маркс здесь фиксировал внимание на значении массового социально-национального движения. Наконец, Маркс не абсолютизировал программу национальной независимости и, указывая на значение национальной свободы вообще, считал возможным «свободный и равноправный союз» Ирландии с Великобританией¹³.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 338.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 556, 558.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 405—407, т. 3, с. 556.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 45, с. 8.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 557.

¹³ Там же, с. 556.

В. И. Ленин так разъяснил смысл позиции Маркса: «... в противовес прудонистам, „отрицавшим“ национальный вопрос „во имя социальной революции“, Маркс выдвигал на первый план, имея в виду больше всего интересы классовой борьбы пролетариата в передовых странах, коренной принцип интернационализма и социализма: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Именно с точки зрения интересов революционного движения немецких рабочих Маркс требовал в 1848 г., чтобы победоносная демократия в Германии провозгласила и осуществила свободу народов, угнетаемых немцами. Именно с точки зрения революционной борьбы английских рабочих Маркс требовал в 1869 г. отделения Ирландии от Англии, причем он добавлял: „хотя бы после отделения дело и пришло к федерации“. Только ставя такое требование, Маркс действительно воспитывал английских рабочих в интернационалистском духе»¹⁴.

В речи на заседании Генсовета Интернационала в 1872 г. Энгельс подчеркивал: «Если члены Интернационала, принадлежащие к господствующей нации, призывают нацию, завоеванную и продающуюся оставаться в подчинении, забыть о своей собственной национальности и положении, «отбросить национальные разногласия» и т. д., то это не интернационализм, а не что иное как проповедь подчинения гнету, попытка оправдать и увековечить господство завоевателя под прикрытием интернационализма»¹⁵. Эта мысль Энгельса имела принципиальное значение для международного рабочего движения.

Женевский конгресс Интернационала (1866 г.) отстаивал принцип «самоопределения людей и наций». Лозаннский конгресс (1867 г.) стоял на позиции признания равноправия народов; в его материалах говорилось о «конфедерации свободных государств всей Европы» [339, с. 349, 350]. Практически Интернационал стоял на позиции признания права наций на самоопределение, хотя национальная проблема в целом тогда еще не получила всестороннего освещения.

В связи с войнами 1866 и 1870 гг. Маркс и Энгельс дали образцы интернационалистской тактики рабочего класса. Задача эта была тем более сложной, что в этих войнах корыстные цели господствующих классов переплелись с борьбой за создание объединенных национальных государств в Италии и Германии.

В начале XX в. Ленин указывал на глубокие общественно-экономические причины национально-освободительных движений и так называемого национального принципа, на прогрессивность борьбы за национальную свободу как составную часть демократического общественного преобразования и на принципиальную позицию сознательного пролетариата, враждебного буржуазной идеологии национализма.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 259.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 75.

«Принцип национальности, — подчеркивал Ленин, — исторически неизбежен в буржуазном обществе, и, считаясь с этим обстоятельством, марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно органичивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях, — чтобы это признание не вело к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологией. Прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации. Отсюда *безусловная* обязанность для марксиста отстаивать самый решительный и самый последовательный демократизм во всех частях национального вопроса [...] Скинуть всякий феодальный гнет, всякое угнетение наций, всякие привилегии одной из наций или одному из языков — безусловная обязанность пролетариата, как демократической силы, безусловный интерес пролетарской классовой борьбы, которая затемняется и задерживается национальной грызней»¹⁶.

«Поскольку буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, *поскольку* мы всегда и во всяком случае и решительнее всех за, — писал В. И. Ленин, — ибо мы самые смелые и последовательные враги угнетения. Поскольку буржуазия угнетенной нации стоит за *свой* буржуазный национализм, мы против. Борьба с привилегиями и насилиями угнетающей нации и никакого попустительства стремлению к привилегиям со стороны угнетенной нации»¹⁷.

Ленин внес полную ясность в сложную для рабочего движения и очень важную с точки зрения марксизма проблему отношения рабочего класса неполноправной нации к борьбе «своей» буржуазии за демократические права, к буржуазному национальному движению. Уже в 1903 г. он писал в связи с позицией социал-демократов Финляндии: «Это важнейший принципиальный вопрос и его надо разъяснить вполне. Насколько я понимаю, часть рабочих готова отстраниться от буржуазной финляндской борьбы за буржуазную финляндскую конституцию? Если так, то «Искре» необходимо разъяснить этот вопрос с точки зрения марксизма, показать необходимость для социал-демократической партии поддерживать и буржуазную борьбу за свободу, отнюдь не отождествляя себя с буржуазией и не скрывая своих социалистических целей»¹⁸. Но это лишь одна сторона дела: органической частью деятельности партии пролетариата должна была стать забота об организационном и идейном единстве многонационального рабочего движения. «Нам, — продолжал Ленин, — в высшей степени важно и ценно правильно осведомлять русский рабочий класс о событиях в Финляндии и готовить таким образом испод-

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 131—132.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 275.

¹⁸ Цит. по: Коммунист, 1980, № 2, с. 4.

воль и систематически сближение и слияние российской и финляндской социал-демократической рабочей партии»¹⁹.

Обязанность рабочего класса соединять поддержку национально-освободительных, общедемократических по характеру, устремлений с интернациональным единством своего движения Ленин разъяснял неоднократно²⁰. При этом особой задачей рабочего класса угнетенных наций, по Ленину, являлось «бороться *против* мелко-национальной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего»²¹. Задачу «слияния» классовой борьбы рабочих угнетающих и угнетенных наций Ленин считал особенно актуальной для России, Балкан и Австро-Венгрии²².

Борьбу рабочего класса против национального гнета — составную часть борьбы за демократию — Ленин рассматривал как средство обеспечения гегемонии пролетариата в отношении непролетарских слоев трудящихся — огромного большинства населения разных наций и народностей, гегемонии, необходимой для победы социализма.

Интернациональная солидарность рабочих Австрийской империи проявлялась уже в первой половине XIX в. Революция 1848—1849 гг. дала новые свидетельства понимания передовыми пролетариями разных народов своих общих интересов.

В конце 60-х—начале 70-х годов XIX в. рабочее движение Австро-Венгрии опиралось на ряд важных положений научного социализма по национальному вопросу. Ему предстояла дальнейшая разработка этих положений и конкретной национальной программы.

Как уже отмечалось, характерной чертой формировавшегося рабочего класса Австро-Венгрии был его многонациональный состав. В Вене наряду с немцами трудились тысячи рабочих — чехов и других национальностей. В Пеште — наряду с мадьярами — словаки, немцы, чехи. В чешских землях — чехи и немцы, в словенских — немцы, словенцы и итальянцы, в Хорватии — хорваты, чехи, немцы, в Словакии — словаки, венгры, немцы и чехи, в Воеводине и Галиции — также представители всех народов, населявших эти области. На первых порах немцы и чехи составляли большинство квалифицированных рабочих в разных частях империи. Рабочие организации, возникавшие с конца 60-х годов XIX в., как правило, имели многонациональный состав. И по этой причине, и ввиду общей политической обстановки национальная проблема была важна для австрийского рабочего движения.

Если до того как разношерстная и аморфная масса кустарных рабочих и ремесленников превратилась в организованный класс,

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 57—59.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 45.

²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 261.

участие их в общедемократическом национальном движении под руководством буржуазных слоев свидетельствовало о пробуждении в массах политического сознания, то по мере формирования пролетариата и возникновения его политических организаций задачей рабочих стал идейный и организационный разрыв с этими слоями. В обстановке углублявшегося конфликта между трудом и капиталом прогрессивное значение самых радикальных буржуазных партий резко снижалось (хотя оно не исчезало, если и пока буржуазная демократия на деле боролась против остатков феодализма, против национального гнета), а во многом они становились тормозом общественного прогресса. Историческая задача руководства борьбой за завершение демократических преобразований, в том числе за национальное освобождение, объективно переходила к пролетариату. Эту задачу он был способен выполнить лишь с позиций, полностью свободных от национальных предрассудков и ограниченности, с позиций пролетарского интернационализма и только при понимании своей миссии как гегемона всех эксплуатируемых независимо от национальной, расовой или религиозной принадлежности.

Таким образом, одной из первоочередных задач социалистического движения рабочих в Австрии и Венгрии стало преодоление национализма, причем не в последнюю очередь в собственных рядах. К чести рабочего класса надо сказать, что с самого начала своей политической активности он решительно выступил против национального разобщения трудящихся. Инициатива исходила от передовых венских рабочих. 5 апреля 1868 г. участники смешанного по национальному составу рабочего собрания заявили о необходимости борьбы против попыток расколоть пролетариат по национальному признаку. В манифесте собрания венских социалистов (май 1868 г.), фактически первом публичном заявлении австрийских социал-демократов, составленном с целью созыва рабочего конгресса, образования социалистической партии и проведения «праздника братания», указывалось на «опасность национальных распрей для дела свободы»: «Тот, кто желает использовать трудящийся народ для возобновления устаревшего обособления национальностей, пытается помешать собственному освобождению» [458, с. 15—16]. С самого начала рабочее движение энергично боролось за широкие демократические свободы, в том числе свободу объединений, всеобщее избирательное право. В результате всеобщей забастовки и массовой демонстрации венских рабочих в декабре 1869 г. рейхсрат принял закон о свободе коалиций. Уже борьба за политические права широких масс подвела к выступлению рабочего класса против национальной дискриминации, к пониманию национальных требований как части борьбы за демократию [222, с. 153].

Социалистические идеи, которые получили распространение среди рабочего класса Австро-Венгрии, в качестве своей неотъемлемой части включали развитые I Интернационалом принципы международной солидарности пролетариата.

Организационным центром рабочего движения в Австрии стало Рабочее просветительное общество, созданное в Вене в конце 1867 г. и сразу же установившее связь с Интернационалом. Эта связь осуществлялась посредством руководства центральной секции Международного товарищества рабочих в Женеве, которую возглавлял И.-Ф. Беккер, редактор социалистической газеты «Форботэ» («Предвестник») и активный корреспондент Маркса. Документы МТР печатались в органе венского Рабочего просветительного общества — газете «Арбайтер-блатт». Среди членов венского общества наряду с немцами были чехи и югославы. На упомянутом майском собрании рабочий-печатник К. Гросс подчеркнул, что национальные и религиозные различия не должны мешать «нам, рабочим, в достижении нашей великой цели» и что только братство и солидарность всех рабочих позволит «решить величайший вопрос века — социальный вопрос». Здесь же рабочий чех Неедлы говорил о национальном равноправии [214, т. 1, с. 92; 114, т. 1, с. 501].

В обращении к французским и английским рабочим от 10 июля 1868 г. Рабочее просветительное общество отмечало, что в Австрии создана «сильная социал-демократическая партия, полная решимости добиться равноправия для всех и осуществления человеческих прав. Попытка реакции расколоть нас и противопоставить одну национальность другой жалко провалилась, натолкнувшись на сознательность и классовое самосознание наших масс» [Реџа, 1974]. В резолюции Общества указывалось, что венские рабочие «выбросили за борт предрассудки, которые являются следствием религиозных и национальных различий». Но тут же говорилось, что «время национального обособления прошло» и что якобы поэтому «принцип национальностей сегодня провозглашают только реакционеры» [195, с. 110]. Таким образом, важнейший призыв к интернациональному сплочению пролетариата сопровождался игнорированием реальных буржуазно-демократических требований национально-освободительных движений.

Общество пригласило представителей английских и французских рабочих на рабочий праздник в Австрию. Приглашение было послано также Генеральному Совету Интернационала, и последний поручил одному из своих сотрудников направиться в Вену. Эти приглашения фактически означали признание венским Рабочим просветительным обществом своей принадлежности к Интернационалу. Но «праздник братания» рабочих всей Австро-Венгрии был запрещен властями.

В августе 1868 г. на большом собрании венских рабочих было объявлено о создании социал-демократической партии. Партия выступила за широкую демократизацию государства, введение всеобщего избирательного права (при этом в программе нашли место и лассальянские идеи). Социалисты указали, что «в отношениях между народами социал-демократическая партия выступает за право наций на самоопределение» [214, т. 1, с. 141]. Возникавшие в разных землях Австро-Венгрии рабочие организации, находив-

шиеся под влиянием социал-демократов, обычно исходили из этого сформулированного в самом общем виде принципа.

Принцип самоопределения в устах социалистов имел иной смысл, нежели в политическом словаре самых прогрессивных буржуазных партий Австрии и Венгрии, даже если никто из социалистов не подразумевал под этим право на создание собственной государственности. Подобное понимание (позднее четко сформулированное В. И. Лениным) тогда еще было чуждо социалистам не только господствующих, но и угнетенных наций. По существу речь шла о национальном равноправии, местной автономии в целях свободного развития национального языка и культуры. В отличие от буржуазии, выдвигавшей лозунг национального равноправия в собственных классовых интересах и отстаивавшей формальное равноправие и национальный эгоизм, рабочее движение боролось за равноправие в интересах массы трудящихся, связывая это требование с программой широких демократических преобразований и борьбой за социализм.

На рабочих собраниях большинство выступавших, правда, наивно трактовали национальный вопрос лишь как следствие происков реакции. Многие в этом еще было им неясно. Однако говоря о реакционности национальных движений, они обычно имели в виду политическую активность дворянства и либеральной буржуазии и справедливо подчеркивали необходимость устранить влияние этих кругов на рабочих. В то же время Й.-Ф. Беккер, на основе австрийского опыта, уже писал в «Форботэ», что «предпосылкой интернационального рабочего движения повсюду является свободное развитие национальностей» [Peša, 1974]. Постепенно некоторые австрийские социалисты приходили к пониманию того, что не национально-освободительное движение, а буржуазный национализм является врагом интересов рабочего класса.

После создания партии связи австрийских социалистов с Генеральным Советом в Лондоне продолжали укрепляться. В 1868 г. члены руководства участвовали в работе съезда немецких рабочих союзов в Нюрнберге, провозгласившего присоединение к Интернационалу. Членами МТР являлись и персонально наиболее активные деятели рабочего движения Австро-Венгрии.

В ноябре 1868 г. на партию обрушились репрессии: правительство либералов распустило ее комитет, обыски и аресты прокатились по всей стране. Но это означало лишь конец начального этапа борьбы за создание самостоятельной политической партии рабочего класса. Рабочее движение Австро-Венгрии находилось на подъеме и вплоть до 1874 г. не прекращало усилий восстановить партию. В ряде мест вскоре возникли новые полуполигальные организации. Наиболее значительным влиянием социал-демократия и Интернационал пользовались в Винер-Нойштадте, Линце, Граце, Триесте, Пеште, Тимишоаре, Апе [Peša, 1974]. В отчете Генерального Совета Интернационала говорилось, что в 1869 г. к Международному товариществу присоединилось в Австрии 13 350 человек, из них 10 тыс. из Вены [294, с. 57].

Основное значение для выработки интернационалистских взглядов и единения рабочих разных народов имел опыт пролетарских организаций австро-немецких и чешских земель, а также Пешта, так как только здесь в конце 60-х—начале 70-х годов XIX в. имелись условия для массового рабочего движения.

В чешском национальном движении, после 1867 г. находившемся на подъеме, как известно, участвовали широкие слои народа. Уже с начала 60-х годов молодое чешское рабочее движение в значительной мере, а в Праге особенно, развивалось в рамках левого крыла общедемократической борьбы [Коřalka, 1965], под руководством буржуазно-демократических элементов младочешского лагеря (Ян Баворский). Это течение выступало за развитие профсоюзов, важным средством борьбы за экономические интересы рабочих считало стачки, но полагало что в идейно-политическом отношении рабочие должны находиться под влиянием национально-демократической интеллигенции по крайней мере «до решения чешского национального вопроса». Лишь небольшая, наиболее отсталая часть чешских рабочих следовала за Ф. Хлеборадом, представителем старочешского крыла национального движения, который выступал против участия рабочих в политической борьбе и стремился ограничить их активность обществами «рабочей самопомощи».

Решающую роль в высвобождении чешских рабочих из-под гегемонии демократической буржуазии и в создании условий для укрепления интернациональной солидарности пролетариата всей Австро-Венгрии имела позиция, занятая социал-демократами господствующей нации в отношении национально-освободительной борьбы угнетенных народов. Наряду с правильными лозунгами о необходимости интернационального сплочения рабочих австрийским социалистам предстояло выработать правильный подход прежде всего к чешскому буржуазно-демократическому движению, с которым немецким рабочим приходилось непосредственно соприкасаться и в котором, особенно во время таборов, принимали участие их чешские товарищи — рабочие.

После австро-прусской войны 1866 г. лидеры австрийских социал-демократов лишь постепенно отходили от прежней «великогерманской» традиции немецкой демократии и немецкого рабочего движения. Помимо нерешенности вопроса о объединении Германии (до 1871 г.) и сложности процесса складывания австрийской нации, поиски путей и форм организации австрийского рабочего движения — в рамках ли Германии, или самостоятельно в рамках австро-венгерской монархии осложнялись негативным влиянием лассальянства, действиями его австрийских и германских последователей.

Преемник Лассаля, председатель Всеобщего германского рабочего союза Й.-Б. Швейцер сразу же после учреждения венского Просветительного общества, в январе 1868 г., попытался оказать влияние на складывавшееся австрийское рабочее движение в немецко-национальном духе [343, с. 21]. В специальном манифесте

он призвал рабочий класс Австрии к сотрудничеству с буржуазией в борьбе за политические свободы и к организационному единству с рабочим движением Германии, ввиду того, что австрийские и германские рабочие имеют «одно отечество» и составляют «одну нацию» [343; текст см.: 214, т. 1, с. 113].

Современный историк австрийский марксист Г. Штайнер в фундаментальном исследовании указывает, что манифест «подчеркивал национально-немецкий характер рабочего движения (Австрии. — *Ред.*), в то время как большинство вождей австрийского пролетариата величайшее значение придавали интернациональному характеру своего движения» [458, с. 8]. Попытка Швейцера и других лассальянцев привязать австрийских рабочих к идее «общего германского отечества» потерпела провал, но проблема организационной независимости рабочего движения Австрии от германского оставалась открытой еще несколько лет. Это затрудняло углубленный анализ особых задач австрийского рабочего движения.

Социалистическому движению Австрии и Венгрии почти с самого его возникновения было присуще стремление к созданию социал-демократической партии. Такого рода попытки, как было показано, имели место в Австро-Венгрии и до образования германской социал-демократии, и особенно после ее Эйзенахского съезда (август 1869 г.), который дал новый импульс борьбе передовых рабочих Австрии и Венгрии за партию, а сама германская социал-демократия стала для них образцом в идейном и организационном отношении [466, с. 21]. Однако среди социалистических лидеров Австро-Венгрии не было ясности относительно национально-государственных рамок партии: должна ли она быть самостоятельной для каждой из обеих частей империи, или общей. Туманно представляли социалисты Австрии и Венгрии также характер организационных связей с германской партией. Большинство австрийских социалистов выступали за образование общеимперской партии на федеративных началах, т. е. состоящей из двух организаций, и вхождения ее в германскую социал-демократию. На Эйзенахском съезде помимо австрийцев А. Шоя, Г. Обервиндера, Л. Ноймайра, Э. Мюлвассера (Брно), присутствовали также представители братиславских рабочих. Э. Немчик, руководитель братиславского союза «Форвертс» («Вперед») на митинге в Вене, состоявшемся накануне Эйзенахского съезда, объявил не только о присоединении братиславских социал-демократов к германской партии, но и уполномочил венских рабочих «представлять на Эйзенахском съезде также интересы венгерских рабочих».

Важным фактом было признание социалистическими организациями габсбургской монархии Эйзенахской программы и устава социал-демократической партии Германии в качестве основных документов своей политической и организационной деятельности. Это обстоятельство имело для рабочего движения Австро-Венгрии наряду с позитивными также некоторые отрицательные последствия. Эйзенахские документы были шагом вперед по сравнению

с венской программой 1868 г. и, несмотря на наличие в них, как и в венской программе, ряда лассальянских положений, сыграли важную роль в укреплении позиций научного социализма в Австро-Венгрии (пункты о необходимости ликвидации капиталистического способа производства и любых форм классового господства, об интернациональном характере классовой борьбы пролетариата и ряд других соответствовали принципам и идеям Интернационала). В то же время эйзенахцы, пренебрегая неоднократными критическими замечаниями Маркса и Энгельса о необходимости сделать выводы из положения, созданного австро-прусской войной 1866 г., продолжали отстаивать великогерманский вариант решения германского вопроса.

Принципиальные уступки буржуазным и мелкобуржуазным течениям и великогерманской идее, опасные и для политически более зрелой германской социал-демократии, должны были иметь более тяжелые последствия для австро-венгерского рабочего движения, делавшего только первые шаги по пути социалистической организации. Это вело, в частности, к пренебрежению австрийскими, а отчасти и венгерскими социалистами сложной национальной структурой обеих стран и двухцентровым устройством монархии. Австрийские и германские социалистические лидеры, настаивавшие на присоединении австрийской социал-демократии к германской партии (исходя из перспективы слияния Австрии с Германией), упускали из виду, что в 60-х годах немецкоязычное население Австрии составляло всего 35% ее населения, а в Германии демократическое движение оказалось не в силах противостоять политике Бисмарка.

Судя по речи, произнесенной В. Либкнехтом на венском рабочем митинге накануне Эйзенаха, будущее многонациональной монархии представлялось ему следующим образом: «Немецкие части Австрии, как и Венгрия, объединившись на федеративной основе в рамках Соединенных Штатов Европы, присоединятся к свободной, демократической Германии». Либкнехт и многие другие исходили из нереальных политических посылок и верили, ссылаясь на пример Швейцарии, что «свобода убьет национальную ненависть».

Уже на Эйзенахском съезде некоторые делегаты из Австрии высказывали опасения по поводу отрицательных последствий образования общей партии. Так, А. Шой считал, что организация, носящая название «Социал-демократическая рабочая партия Германии», не сможет объединить в своих рядах также немецких рабочих Австро-Венгрии. Брненский делегат Брюсхавер, обвинив Либкнехта и эйзенахцев в великогерманских тенденциях, заявил, что они «скорее следуют национальной, великогерманской политике, нежели социальным целям» пролетариата. Тем не менее, съезд учредил общую для Германии, Австро-Венгрии и Швейцарии партию, избрал единое руководство в лице ЦК и Контрольной комиссии. Австрийский сторонник великогерманской партии Обервиндер настаивал даже на том, чтобы местом пребывания ЦК была

избрана Вена. Однако это предложение было отклонено не по принципиальным мотивам, а лишь по тактическим, — ввиду усиления антирабочих репрессий австрийских властей. Поэтому (только поэтому!) резиденцией ЦК стал Брауншвейг, в австрийской же столице должен был находиться менее значительный партийный орган — Контрольная комиссия [115*, 422, S. 167]. Необходимо учитывать, что эйзенахские решения были продиктованы также стремлением продемонстрировать несогласие с прусско-бисмарковским методом решения германского национального вопроса и теплившейся еще, но исторически уже не оправдавшейся надеждой на создание единой демократической республиканской Германии.

Решающий поворот в сознании лидеров австрийских и венгерских социалистов произошел под влиянием франко-прусской войны и провозглашения Германской империи. Большое значение имела четкая позиция Генерального Совета Интернационала в вопросе о создании политических партий рабочего класса в каждой стране.

В самой Австрии борьба за создание самостоятельной рабочей партии протекала в трудных условиях репрессий со стороны властей (которые, воспользовавшись Эйзенахским съездом, обвинили австрийских социалистов в национальной измене), а также в обстановке разногласий в среде социалистов — столкновения линии классовой борьбы и интернационализма с платформой, нацеливавшей пролетариат на сотрудничество с буржуазией и распространявшей среди рабочих идеи буржуазного национализма и нигилизма в отношении национального вопроса. Эту последнюю платформу представлял Г. Обервиндер, вернувшийся из Германии лассальянец, поддерживавший контакты с буржуазно-либеральными партиями. Призывая рабочих «повернуться спиной к национальной агитации», Обервиндер и его сторонники, сотрудничавшие в буржуазной прессе, пытались превратить австрийское социалистическое движение в придаток немецко-национального течения. В мае 1868 г. Обервиндер выступил против опубликования социалистического «Манифеста к трудящемуся народу Австрии» на чешском, польском, румынском, итальянском языках. За космополитическими рассуждениями Обервиндера о необходимости борьбы против «национального воодушевления», используемого угнетателями рабочих, «клерикалами и феодалами», скрывался национализм самого низкого пошиба. Борьбу австрийской крупной буржуазии против национальных движений Обервиндер изображал как противостояние цивилизации и варварства. На митинге венских рабочих в феврале 1871 г. он «разъяснял» рабочим, что им необходимо бороться за всеобщее избирательное право по той причине, что «существует внешняя славянская опасность, и поэтому надо дать народу учреждения, которые привьют ему интерес в сохранении государства». Остальные ораторы отклонили эти националистические высказывания [458, с. 58].

Обервиндер и его сторонники, выступая с антиславянских позиций, противодействовали стремлению здоровых сил австрийской социал-демократии консолидировать рабочее движение и создать единую интернациональную партию. Острые своих атак они направили против Андреаса Шоя, интернационалиста и революционера, лидера левого крыла движения, обвиняя его в том, что он якобы является «панславистским путчиком, находящимся под влиянием Бакунина» [Šolle, 1967].

Но развитие рабочего движения и репрессии, которые правительство обрушило на рабочие организации в 1869—1870 гг., способствовали активизации революционного крыла социал-демократии, выработке австрийскими социалистами интернационалистских взглядов и ускорению подготовки к созданию общеавстрийской рабочей партии. Первостепенное значение для этого имели события международного масштаба. Интернационалистская позиция, занятая Международным товариществом рабочих во время франко-прусской войны 1870—1871 гг., послужила образцом для австрийских социалистов; Парижская коммуна резко ускорила созревание классового самосознания широких масс пролетариата, понимание ими противоположности своих интересов интересам буржуазии, их высвобождение от идейного влияния последней. Движение солидарности с Коммуной явилось невиданной до тех пор школой интернационализма [Diakov, 1972].

Волна стачек в мае 1871 г. и политическая демонстрация пролетариата Будапешта 11 июня встретили горячий отклик рабочих во всех землях Австро-Венгрии, а судебный процесс против организаторов этой демонстрации солидарности с Коммуной вызвал возмущение многонационального пролетариата государства. В атмосфере острых национальных противоречий в габсбургской монархии это было замечательным явлением. Лондонская конференция (1871 г.) и Гаагский конгресс I Интернационала (1872 г.), на котором присутствовали делегаты Австро-Венгрии, наделили рабочее движение на создание массовых политических партий в каждой стране. Следствием этого явилось разделение функций секретаря-корреспондента для Германии и для Австро-Венгрии, которые до этого выполнял К. Маркс. Секретарем для Австро-Венгрии стал венгерский рабочий, бывший министр труда и торговли Парижской коммуны Лео Франкель [399, с. 20].

Среди социалистов Австрии борьбу за создание партии пролетариата всей Австро-Венгрии возглавил А. Шой. Что касается национального движения, то он считал, что социал-демократия должна поддерживать его как движение демократическое против правящей «либеральной» буржуазной реакции. Первым немецким социалистом, осенью 1869 г. выступившим в поддержку чешского демократического движения, был популярный руководитель рабочих г. Либерец Й. Крош [Kořalka, 1965].

В 1873 г. развернулась подготовка к съезду социал-демократов. В ней активно участвовали чешские социалисты. На собрании в Вене в августе 1873 г. они выступили в поддержку линии Шоя,

за партию, которая бы учитывала интересы рабочих всех наций и выработала программу по национальному вопросу, «столь важному в Австрии» [Режа, 1974].

Между тем рабочее движение в самих чешских землях все более развивалось под влиянием Интернационала и проникалось духом международной солидарности. Секции Интернационала или группы, разделявшие его идеи, в конце 60-х годов имелись в Праге, Брно, Аше [114, т. 1, с. 522—523]. Упорная классовая борьба конца 60-х—начала 70-х годов способствовала сплочению рабочих чехов и немцев. Рабочее движение в чешских землях все более становилось частью общеавстрийского движения. Рабочие организации стали создаваться здесь по образцу Венского просветительного общества. В конце 1868 г. в Рабочем просветительном обществе в Брно объединились рабочие чехи и немцы. Брненское общество поддерживало тесные связи с Веной и Генеральным Советом МТР в Лондоне. Воззвание брненских социалистов к рабочим Моравии с призывом к единству было опубликовано в мае 1869 г. на немецком и чешском языках. Общество призывало рабочих сотрудничать в социалистической газете, которая будет представлять «всех рабочих без различия национальностей». В июле 1869 г. в Брно под редакцией Т. Навратила вышла первая в чешских землях социалистическая газета. Тогда же в районе Брно на митинг (табор) собралось до 4 тыс. рабочих — чехов и немцев. На митинге было заявлено о солидарности с социалистами Вены, провозглашались лозунги братства народов. Через неделю массовая демонстрация рабочих Брно была разогнана войсками, причем 8 человек было убито и много ранено. События «кровавого вторника» в Моравии отметил Маркс в отчете Генерального совета Интернационала Базельскому конгрессу в 1869 г. [Режа, 1974].

Декабрьская демонстрация венских рабочих (1869 г.) вызвала выступления солидарности чешского пролетариата. В Либереце в январе 1870 г. произошли массовые столкновения с войсками. Крупная стачка текстильщиков в Сварове, завершившаяся в марте 1870 г. расстрелом рабочих — немцев и чехов, была школой рабочего единства. В 1870 г. на массовом митинге (таборе) на горе Ештед, на севере Чехии, где собралось до 30 тыс. человек, обсуждался вопрос «как лучше достичь братского союза обеих национальностей в Чехии». Немецкие социалисты выступили с осуждением политики национального угнетения чешского народа. Демонстративное братание десятков тысяч немецких и чешских рабочих в Чехии, где буржуазия обоих народов прилагала все усилия, чтобы, жонглируя национальными лозунгами, столкнуть народы, и где межнациональные противоречия были более острыми, чем в любой другой провинции монархии, имело особый смысл и символическое значение. Этой встречей рабочий класс на деле противопоставил буржуазному национализму интернационализм людей труда. На Ештеде чешские и немецкие рабочие дали торжественную клятву «совместно бороться против немецкоязычных

и чешских фабрикантов» и «выступать за равноправие народов» [Solle, 1967; 458].

Среди чешских рабочих укреплялось влияние социал-демократов (И.-Б. Пецка, Л. Запотоцкий), идей интернационализма. «Делнице листы» подчеркивали, что интернационализм требует «взаимного уважения» прав всех национальностей, и критиковали тезис, будто национальный вопрос «не касается рабочих». Далее, в декабре 1873 г. «Делнице листы» писали: «Оторванность друг от друга, отсутствие единства и национальные распри были до сих пор главной причиной того, что, несмотря на все наши усилия и неутомимую деятельность, мы не добились в нашей борьбе лучших результатов [...] Австрийские рабочие должны объединиться для единых действий, для достижения общей цели, вне зависимости от национальной, вероисповедания, языка, занятий» [67а, с. 202—203].

В Праге в 1873 г. был создан комитет для Чехии и Моравии с целью сотрудничества с социалистами австронемецких земель в подготовке социал-демократического съезда, для восстановления партии, основы которой были заложены Венским обществом в 1867 г.

Опыт рабочих передовых в социально-экономическом отношении районов по созданию единой партии имел исключительное значение для всего государства [Kořalka, 1965; Gross, 424]. Проблема, с которой столкнулось рабочее движение Чехии и Моравии, была актуальна и в других землях Австро-Венгрии: повсюду представители национальной буржуазии, мелкобуржуазной интеллигенции или клерикалов стремились подчинить себе зарождающееся рабочее движение. Повсюду насущной задачей рабочих организаций было идейно-политическое и организационное размежевание с национальной буржуазной демократией.

Условия совместной борьбы многонационального рабочего класса Австрии и Венгрии способствовали распространению идей интернационализма. Но рабочим угнетенных наций, как ввиду их острых противоречий с национальной буржуазией, так и недостаточной разработанности национальной проблемы в рядах социалистического движения, подчас было еще труднее, чем немецким, разобраться в сложных национальных взаимоотношениях в габсбургской монархии, в сущности и значении национально-освободительного движения [Sehak, 424]. В связи с этим решение самой важной для тогдашнего рабочего движения задачи идейно-политического и организационного отмежевания от буржуазной демократии [86, т. 1, с. 24] нередко сопровождалось у социалистов угнетенных наций нагилистическим отношением к национальным движениям. Это проявилось повсеместно, в частности, и в Словении.

В Словении рабочие организации появились в конце 60-х годов. В 1869—1871 гг. в только что основанном Люблянском рабочем просветительном обществе развернулась борьба за влияние между младословенцами и «немпкутарами» (германизированными

словенцами). Однако все большее число рабочих прислушивалось к выступлениям австрийских социалистов Й. Моста и Р. Вагнера, которые действовали в Словении в 1871 г. Словенцы Г. Кавчич и другие вместе с австрийскими социалистами входили в руководство рабочего движения в Штирии. Наряду с известными деятелями австрийского рабочего движения в 1874 г. судебному преследованию подверглись словенские рабочие Й. Танко, И. Залиншек, Ю. Кавчич. Председателем рабочего общества в Любляне стал словенец, подмастерье М. Кунц — ученик Моста и Вагнера (последний являлся секретарем Люблянского общества). Кунц поддерживал тесные связи с рабочими организациями Вены и Граца. В 1872 г. он представлял словенцев на общевстрийском совещании рабочих просветительных обществ в Вене, а в 1873 г. — на социал-демократическом совещании в Винер-Нойштадте, которым руководил А. Шой. Кунцу принадлежит знаменитая фраза, что «словенские народняки (т. е. деятели буржуазного национального движения. — *Ред.*) — самые большие враги рабочих». Вместе с тем Кунц утверждал, что «национальность — ничто, рабочие не имеют национальности». Выступления Кунца привели к положительному результату — уходу националистов из Люблянского рабочего общества [353, с. 95; 278, с. 178—184]. Люблянское общество сделало решающий шаг к отделению рабочего движения от либералов. Это было главным в деятельности Кунца. Созданные в конце 60-х—начале 70-х годов рабочие общества в Мариборе, Целе, Птуе, и т. д. дольше находились под буржуазным влиянием. Но естественно, что с позиций Кунца было невозможно выработать правильный подход к национальному вопросу, волновавшему народные массы (позднее Кунц изменил рабочему движению).

500—700 тыс. рабочих в Венгерском королевстве — стране с 15-миллионным населением — составляло небольшую цифру. Но общественный удельный вес организованных рабочих намного превышал их численность. К тому же пролетариат Венгрии с первых шагов на политической арене выступил как часть армии международного пролетариата. Использование международного опыта, общение рабочих организаций Венгрии с Генеральным Советом, с секциями Интернационала в Австрии, Германии, Швейцарии существенно ускорило процесс превращения неорганизованной массы наемных рабочих в класс, сознающий свою силу и историческую миссию.

Живучести национализма, наиболее опасного врага рабочего движения, в Венгрии способствовало отсутствие государственной независимости страны, т. е. неполная решенность венгерского национального вопроса, острота национального вопроса для угнетенных народов страны и в значительной мере также традиции революции 1848—1849 гг., в которой предшествовавшее поколение рабочих принимало активное участие. Память славной революции и войны мешала осознанию самостоятельности их классовых интересов, внушала иллюзии о национальном единстве. В конце 60-х—начале 70-х годов, когда в лагере помещиков и буржуазии

происходило размежевание политических сил в зависимости от отношения к дуалистической системе, а также к наследию 1848 г., оппозиционные дуализму течения, ставя во главу угла достижение полной государственной самостоятельности, одновременно националистическими лозунгами отвлекали внимание трудящихся страны от борьбы против собственных угнетателей. Огромная популярность революционных традиций в массах и авторитет Кочута, непримиримого противника австро-венгерского дуализма, — все это поставило молодые, идейно незрелые и лишь усваивавшие азы научного социализма организации рабочих перед трудными проблемами сочетания социальных и интернациональных задач с национальными целями.

Тем не менее классовое чутье подсказывало социалистам, что рабочим Венгрии не по пути с буржуазными партиями, пропагандировавшими лозунги революции 1848 г. в рабочей среде с целью подчинения их своему влиянию. Но путь к созданию классовой пролетарской партии в Венгрии был нелегким.

Всеобщий рабочий союз, первая политическая интернациональная организация рабочего класса Венгрии (Будапешт, 1868 г.), в которую входили венгры, немцы, словаки и чехи, действовал в соответствии с принципами, провозглашенными венским Рабочим просветительным обществом в 1868 г. Как и австрийские рабочие, Союз был полон решимости бороться за политические права пролетариата. Союз в Пеште и его филиал в Тимишоаре были связаны с Генеральным Советом Интернационала через Женевскую секцию последнего (Й.-Ф. Беккер). В рамках Союза существовала нелегальная секция МТР (Храбье, Холлендер и другие), с 1868 г. получавшая издания Интернационала и связанная с другими секциями МТР (в Венгрии, Австрии, Швейцарии). Языковой вопрос, этот камень преткновения во взаимоотношениях между буржуазными группировками, в Союзе был разрешен просто: в уставе Союза его название было дано на трех языках, так же печатались материалы Союза; речи ораторов на собраниях тут же переводились на другие языки [Vinze, 1960; 30, с. 32, 33; 53, т. 2, с. 296]. В свой устав Союз включил пункт о необходимости «братского сближения» с аналогичными организациями за рубежом [491, с. 18—20]. В январе 1869 г. Союз отправил в Швейцарию средства, собранные среди рабочих Пешта и Тимишоары в помощь стачечникам Базеля. Во всем этом проявился интернационализм делавшего первые шаги социалистического движения Венгрии.

Братислава являлась вторым после Будапешта центром рабочего движения Транслейтании. Как часть общевенгерского, развивалось и рабочее движение в Словакии. В 1869 г. здесь возник просветительный союз «Вперед», в который входили рабочие четырех национальностей. Руководитель союза Э. Немчик был связан с Интернационалом, венским Рабочим просветительным обществом и деятелями рабочего движения в Брно [114, т. I, с. 526]: 29 марта 1869 г. в Братиславе был созван первый в Вен-

герском королевстве социалистический митинг. Он был подготовлен социалистами Братиславы (союзом «Вперед»), Пешта и Вены. Австрийские организации были представлены их видными лидерами — К. Гроссом, Г. Хартунгом и А. Шойем, а пештские — А. Ирлингером и Н. Смолени. Митинг принял венскую социал-демократическую программу, предложенную Смолени [370, т. 1, с. 129—132; 488а, с. 29—30]. Наряду с требованием демократических реформ в духе «свободного народного государства» Лас-саля на митинге — в соответствии с венской программой 1868 г. — было провозглашено, что «в национальном вопросе социал-демократическая партия выступает за право наций на самоопределение» [30, с. 34]. Отвергая попытки буржуазной «патриотической» пропаганды в рабочей среде, орган Всеобщего рабочего союза в сентябре 1869 г. подчеркивал, что борцам за свободу необходимо усвоить не букву, а дух 1848 г., и не забывать, что в законах, принятых во время революции, есть и такие, под которыми не могут подписаться даже демократы-несоциалисты. Относительно положения программы Союза о самоопределении наций газета «Арань тромбита» писала: «Если мы хотим быть счастливыми на этой земле, то следует обращать внимание не на то, на каком языке мы говорим, а на то, чтобы каждый гражданин обладал равными правами». О том, что имелись в виду не только индивидуальные права всех граждан, свидетельствует требование, сформулированное газетой: «полностью независимая Венгрия, основанная на полном равноправии наций» [116 *, 491, с. 28].

Передовые элементы рабочего движения Венгрии (это были преимущественно люди, связанные с МТР либо находившиеся под его идейным влиянием), развернув борьбу против лассальянства, имевшего первоначально сильные позиции во Всеобщем рабочем союзе, и буржуазной идеологии, преобладавшей в первое время среди членов Просветительного общества Пешта-Буды (главным образом — сторонники Шульце-Делича), пользовались теоретическим багажом и организационными формами германской социал-демократии. Следуя ее примеру, они боролись за создание единой партии рабочего класса Венгрии.

Большую роль в этой борьбе играл молодой рабочий-металлист из Решицы Карой Фаркаш. Будучи в Швейцарии, он в 1867 г. вступил в МТР, сотрудничал с Й.-Ф. Беккером. Ему принадлежит заслуга создания первой в Венгрии тимипоарской секции МТР и распространение его женевского органа газеты «Форботэ» среди рабочих Венгрии. С именем Фаркаша, бывшего до возвращения на родину Лео Франкеля (в 1876 г.) главным представителем марксистской линии и уполномоченным МТР в Венгрии, связаны и другие важные для социалистического движения начинания. Фаркашу и его сторонникам удалось добиться разрыва Всеобщего рабочего союза с буржуазной оппозицией в парламенте, превращения Просветительного общества в социалистическую организацию (общество присоединилось к Интернационалу в мае 1870 г.) и слияния этих двух организаций. Под

руководством Фаркаша в 1870 г. была образована Всеобщая рабочая касса помощи больным и инвалидам, сыгравшая впоследствии большую роль в венгерском рабочем движении в качестве первого самостоятельного социального учреждения рабочих. Очищавшийся от лассальянства Всеобщий рабочий союз возглавил борьбу за создание экономических организаций пролетариата (что само по себе означало отрицание теории и практики лассальянства). Шагом в сторону превращения в последовательно социалистическую организацию, стоящую на позициях классовой борьбы, явился также разрыв Союза с плебейским демократом Михаем Танчичем, который с июня 1869 г. по июнь 1870 г. был председателем Союза (газета Танчича «Арань тромбита» до декабря 1869 г. являлась органом Союза). В Тимшоаре социалистами была нелегально создана секция Интернационала. Изданное в 1870 г. обращение ее к рабочим было напечатано на венгерском, румынском, немецком и сербском языках. В 1869 г. Фаркаш явился одним из организаторов секции Интернационала в Пеште. Первый публичный митинг рабочих в Пеште 22 августа 1869 г. провозгласил образование «социал-демократической партии», избрал ее руководство и объявил программой партии венскую программу 1868 г., включая пункт о праве наций на самоопределение. Руководству партии было поручено создать местные организации на основе этой программы и пропагандировать ее принципы [480, т. 1, с. 58; 370, т. 1, с. 101—106]. Однако попытка создания партии и в этот раз потерпела неудачу ввиду неоднородности ее состава, включавшего наряду со сторонниками Интернационала также лассальянцев и мелкобуржуазных демократов.

После Эйзенаха в Австрии и Венгрии были предприняты шаги по реализации решений съезда, и прежде всего по созданию местных организаций партии. Против присоединения к этой партии в габсбургской монархии выступила лишь небольшая группа чешских рабочих, примыкавшая по своим взглядам к буржуазно-либеральным сторонникам федерализации Австрии и называвшая себя «федералистами». Они указывали, что присоединение к германской партии исключает возможность распространения социалистического движения и социал-демократической организации на славянские территории Австрии [Šolle, 1967; Kořalka, 1965].

Однако попытка создания партии в Австрии была подавлена в самом зародыше правительственными репрессиями. В сентябре 1869 г. были запрещены социал-демократические рабочие союзы, обвиненные в стремлении к свержению монархии и установлению республики, отменен намеченный на 1870 г. конгресс, на котором должны были быть представлены рабочие союзы всей Австро-Венгрии. Правительство не разрешило распространения в Австрии центрального органа эйзенахской партии «Фольксштаат» и конфисковало венскую «Фольксштимме». В декабре 1870 г., после внушительной демонстрации венских рабочих, австрийские власти приступили к арестам социалистических лиде-

ров. Волна арестов продолжалась и весной 1871 г. Эти меры, временно парализовав социалистическое движение Австрии, вынудили его руководство обратить свои взоры на Венгрию, власти которой в это время еще не прибегали к насильственным методам подавления рабочих организаций. Кроме того, успехи социалистов Венгрии в это время (проведение упоминавшегося выше публичного рабочего митинга в августе 1869 г. и т. д.) также говорили в пользу перенесения сюда центра движения. С этой целью в ноябре 1869 г. в Братиславе было созвано совещание, известное под названием «братиславской социалистической конференции». Инициатива совещания исходила от венского Рабочего просветительного общества. Приглашения были разосланы социалистам Брно, Праги, Граца, Винер-Нойштадта, Линца, Зальцбурга, Лейпцига, Дрездена, Берлина, Мюнхена, Пешта, Дьёра, Шопрона, Тимишоары. В совещании приняло участие 43 делегата, в том числе из семи городов Нижней Австрии, 5 — Чехии и Моравии, 3 — Венгрии (Пешт, Дьёр, Братислава), 4 — из Германии. Главной целью его являлось распространение в Австро-Венгрии социалистических принципов Эйзенахского съезда. Совещание единогласно приняло Эйзенахскую программу, доклад о которой сделал Обервиндер. Была достигнута договоренность о более тесном сотрудничестве и согласованных акциях социалистических организаций Австрии и Венгрии, об осуществлении связи венгерских организаций с Брауншвейгом (правлением германской социал-демократии) и другими заграничными центрами через Вену [214, т. 1, с. 221; 491, с. 186—189].

Аресты в Вене сорвали осуществление части разработанной программы, касавшейся Австрии. В Венгрии же в декабре 1869 г. возник «социал-демократический агитационный комитет», который стал активным пропагандистом социалистических идей в Венгрии.

Весной 1870 г. во Всеобщем рабочем союзе усилилось влияние Интернационала. Многие из руководителей и членов Союза вступили в МТР; это влияние увеличилось после установления связей с германской (эйзенахской) партией. В 1871 г. в 20-ти провинциальных городах действовали филиалы Союза, наиболее сильные — в Тимишоаре, Араде, Решнице, Братиславе, Шопроне, Капошваре, Надьканиже. К весне 1871 г. после объединения с Просветительным обществом число членов Всеобщего рабочего союза составило около 10 тыс. человек. Впрочем, идейный облик Союза оставался еще весьма пестрым.

Создание в Венгрии местных организаций эйзенахской партии в 1870 г. шло одновременно с образованием и укреплением секций Интернационала. Оба типа организаций действовали нелегально или полуполюгально и не были в состоянии осуществить централизованное руководство растущим рабочим движением. Эту задачу с весны 1870 г. взяла на себя первая социалистическая газета Венгрии (выходила с 3 IV по 25 VI 1870 г.) «Алталанош мункаш-уйшаг» (и ее немецкое издание «Альгемейне арбайтер-цайтунг»), которая называла себя «центральным органом Рабо-

чей партии Венгрии». Выход газеты означал разрыв с идеей организационного единства не только с германской, но и с австрийской социал-демократией. При этом деятели Всеобщего рабочего союза (В. Кюльфельд, Жигмонд Полицер, Лайош Свобода) склонялись к сотрудничеству с крайне левыми буржуазно-радикальными группировками венгерского парламента и были готовы ради этого отступить от принципов классовой борьбы и интернационалистских идей и открыть двери партии радикальным деятелям мелкой буржуазии и интеллигенции. Проявлением этого сотрудничества была организованная ими совместно с «Партией 48 года» 18 декабря 1870 г. в Пеште демонстрация протеста против прусской аннексии Эльзаса и Лотарингии, прошедшая под лозунгом защиты буржуазной Французской республики, а не французского пролетариата. Умеренные руководители газеты выступали против создания общей австро-венгерской партии, указывая за позиций национализма на то, что «венские централисты» пытались руководить рабочим движением в Венгрии так же, как и в провинциях Австрии. При этом они ссылались как на принципы Интернационала, так и на идеи... Светозара Милетича, заявив, что в отношении самостоятельности Венгрии их взгляды аналогичны программе Милетича [491, с. 212]. Отказываясь от создания общей с Австрией социал-демократической партии, к чему прилагали усилия Фаркаш и австрийские члены Интернационала, группа умеренных в то же время стремилась распространить влияние венгерской партии за пределы Венгрии, о чем свидетельствовала, в частности, посылка их газеты в Румынию и Сербию [466, с. 23—24].

Очередной этап трудного пути к созданию социал-демократической партии в Венгрии связан с Парижской коммуной, сыгравшей большую роль в популяризации идей Интернационала, в росте его влияния и авторитета среди рабочих Транслейтании. Состоявшиеся в венгерской столице 8 мая 1871 г. массовые стачки, демонстрации и столкновения с полицией свидетельствовали о крахе лассальянских идей (о мирных, легальных методах политической борьбы пролетариата), об усилении классовой борьбы. Свои интернационалистские убеждения и классовую зрелость столичный пролетариат Венгрии показал 11 июня 1871 г., устроив демонстрацию в знак солидарности с борцами Парижской коммуны. Эта знаменитая в истории Венгрии демонстрация была организована по прямой просьбе Беккера, обратившегося по этому поводу с письмом к Фаркашу. В демонстрации приняли участие приглашенные лидеры венских социалистов. А. Шой в своей речи на митинге особое внимание уделил разъяснению принципов интернационализма: Лозунг Интернационала «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», говорил он, «во всех странах имеет одинаковый смысл. Французские, немецкие, венгерские и славянские пролетарии борются за одинаковые цели» [410]. Таким образом, именно во время Парижской коммуны возникли реальные предпосылки образования на платформе интернационализма социал-

демократической партии в Венгрии — секции МТР. Этому помешала организованная правительствами европейских держав в международном масштабе волна преследования рабочих организаций, в которую на этот раз включилось и правительство Венгрии. После июньской демонстрации 1871 г. власти арестовали 28 руководителей социалистических организаций, в их числе Фаркаша, обвинив их в подготовке свержения монархии и «введения коммунизма». Всеобщий рабочий союз практически прекратил свое существование. Были закрыты социалистические газеты.

Следующий этап борьбы за создание политической рабочей партии начался в январе 1873 г., когда стала выходить на двух языках газета «Мункаш хети-кроника» (по-немецки: «Арбайтервохен-хроник»), которой быстро удалось восстановить связи социалистов столицы с провинцией. Состоявшаяся 23 марта 1873 г. социалистическая конференция, руководствуясь указаниями Гаагского конгресса Интернационала (на котором, выступая от имени пештских секций МТР, Фаркаш активно поддерживал борьбу Маркса и Энгельса против анархизма), провозгласила создание Рабочей партии Венгрии. Но при организации этой партии было решено не принимать программы и ограничиться провозглашением общего принципа партии — «защите духовных и материальных интересов» рабочих и задачи политической борьбы против всех буржуазных партий. Это, как писала газета «Мункаш хети-кроника», объяснялось необходимостью объединить рабочих — «шульце-деличевцев, лассальянцев, интернационалистов и националистов» для выработки общей программы [Сёhak, 424]. Речь шла о завоевании на свою сторону части рабочих разных национальностей, находившихся под влиянием буржуазии. Несмотря на кратковременность существования (вскоре она была запрещена), партия немало сделала в этом отношении.

В Загребе в 1870 г. возникло Общество типографских рабочих, считавшее себя в идейном отношении частью общеавстрийского рабочего движения. Тогда же один из организаторов общества, а затем председатель, Л. Кале начал сбор средств в помощь бастовавшим венским печатникам [Gross, 1955]. Это было одним из актов разрыва с буржуазной идеологией, и солидарность с «немцами» вызвала нападки на рабочее движение Хорватии со стороны местной буржуазной печати. В 1873 г. возникло Ремесленно-рабочее общество, официально ставившее перед собой целью просвещение и взаимопомощь рабочих, а фактически служившее легальным прикрытием для социал-демократии. Характерно, что националистическая газета «Хрватски радник» позднее указывала, что свидетельством деятельности социалистов являлся призыв Кале к рабочим организовываться «независимо от веры и национальности». Кале считал, что рабочие разных национальностей, вступая в общество, смогут понять, что «им следует дружески уважать и по-братски любить друг друга», и тогда «исчезнет национальная ненависть — лютей враг рабочих и смертоносное орудие, направленное против них самих». Взгляды Кале

на патриотизм и межнациональные отношения представляют интерес: «Пусть всякий любит свою родину, народность и обычаи, более того, это обязанность каждого честного человека, но тем более он не должен ненавидеть чужую страну или народность, особенно рабочий, для которого отечество — весь мир [...] Рабочие должны считать себя братьями, сыновьями одной матери — труда» [Gross, 1955].

В конце 1874—начале 1875 г., когда была создана австрийская социал-демократическая партия, в Загребе выходила на хорватском и немецком языках газета «Раднички приятель» («Друг рабочих»), фактически — орган Ремесленно-рабочего общества. В письмах из Вены, публиковавшихся в газете, рабочие Хорватии назывались «товарищами по партии» (Parteigenossen). Последователи Марковича в Сербии с удовлетворением отмечали, что газета издается на двух языках («Это показывает, что рабочие хорошо поняли, что раздоры из-за народности могут быть полезны лишь их врагам»). Характерно, что для буржуазной газеты «Обзор» этот же факт служил свидетельством «недостатка патриотизма» у рабочих. Ремесленно-рабочее общество созвало первое в Хорватии собрание рабочих, на котором речи произносились также на двух языках.

Существенна и позиция передовых рабочих, социал-демократов, в вопросе хорвато-сербских взаимоотношений. В этой среде проявилось отвращение к хорвато-сербской розни, были популярны идеи югославянского единства, которые понимались, в частности, как средство против раскола рабочего класса, борющегося за свои интересы.

Вместе с тем следует указать на то, что во всех землях Венгерского королевства, где остатки цехового устройства существовали до 1872 г., масса городских ремесленных рабочих (их называли подмастерьями) входила в общие с хозяевами организации. В идейном отношении они едва начали отделяться от мелких ремесленников. Во взглядах ремесленных рабочих еще отражались трудности, переживавшиеся мелкими ремесленниками вообще. Последние участвовали в национальном движении, например, в Воеводине, где образовали часть его массовой базы в городах, и выступали в защиту интересов мелкого производства.

Интернационалистская агитация Марковича и его друзей-социалистов оказала воздействие и на рабочих в Воеводине. В частности, на митинге в Вршаце (1874 г.), созванном в защиту требований всеобщего избирательного права и 8-часового рабочего дня, присутствовали немцы и сербы. С речью выступил Л. Нанчич. Отчет о митинге был помещен в венгерской «Мункаш хетикроника». Что касается сельскохозяйственного пролетариата, в начале 70-х годов XIX в. в ряде областей (особенно в Словакии и Воеводине) несравненно более многочисленного, чем городской, то в его среду еще не проникли элементы организации.

Городские рабочие тянулись к культуре, были заинтересованы в развитии школьного дела, книгопечатании на родном языке.

В Словакии, например, они охотно участвовали в сборе средств на матицу, гимназии и т. д., в Венгрии — в создании фонда в пользу Академии наук.

В 50-х годах XIX в. наряду с профессиональными (Краков, 1850 г.) возникли первые нелегальные организации пролетариата Галиции. Центром движения был Львов. Здесь в 1868 г. было основано первое рабочее просветительное общество «Гвезда» («Звезда»), затем аналогичные общества появились в Пшемьсле, Станиславе и других городах. В 1869 г. общество начало издавать во Львове газету «Ренкодзельник» («Ремесленник»), которая наряду с пропагандой мелкобуржуазных взглядов и идей утопического социализма печатала материалы о международном рабочем движении, I Интернационале, Парижской коммуне, выступала за демократические свободы [Кравець, 45, т. 3].

В конце 60-х годов рабочее движение стало отделяться от общедемократического. В 1869 г. типографские рабочие Львова, организовавшие «Прогрессивное товарищество львовских печатников», выступили с рядом экономических требований. В январе 1870 г. Товарищество руководило первой в Галиции стачкой. В 1870—1875 гг. во Львове и Кракове ряд стачек завершился победой рабочих.

На рабочие организации Кракова и Львова в 70-х годах распространилось влияние пропаганды мелкобуржуазного социализма и национализма. Вместе с тем Б. Лимановский, один из организаторов движения, выдвигал требования избирательной реформы, полного самоуправления Галиции, экономического и культурного развития края. Эта агитация пробуждала политическую активность рабочих в борьбе против реакции. В 1878 г. орган львовских печатников «Праца» («Труд») опубликовал петицию к рейхсрату о предоставлении рабочим избирательных прав [275, с. XXXII]. Что касается национального вопроса, то для выработки правильной позиции в этой области галицийскому пролетариату еще предстояло преодолеть мелкобуржуазные иллюзии, стоявшие на пути развития его классового самосознания.

С конца 60-х годов рождавшееся рабочее движение Галиции устанавливало контакт с рабочим движением Запада посредством эмигрантов, воспринимало таким путем социалистические теории. С эмиграцией были связаны М. Верига-Даровский и А. Млоцкий — руководители первых галицийских рабочих организаций и органов печати. Б. Лимановский, приступивший к организации рабочих союзов и популяризации социалистической литературы среди рабочих Львова в 1870 г., поддерживал контакт с польской и русской молодежью в университетах России и польской эмиграцией в Лондоне [Фалькович, 51].

Сведения об Интернационале распространялись в Галиции еще с 60-х годов. Деятельность Интернационала была предметом публичных лекций, привлекала внимание печати. За симпатию к МТР «Ренкодзельник» не раз закрывался властями. С Интернационалом был связан парижский корреспондент либерального «Края»

А. Верницкий, на страницах «Края» освещались конгрессы МТР. Много материалов об Интернационале печатала «Газета народа». Она представляла его массовой организацией, насчитывавшей чуть ли не 250 тыс. членов. Как вспоминал Лимановский, МТР «поражало воображение» демократических кругов Галиции. В связи с этим консервативная пресса («Час», «Уния», «Шпеглэнд польский») подвергала Интернационал нападкам [Фалькович, 51, с. 326].

Генеральный Совет I Интернационала поддерживал связи с Галицией, в частности со Львовом [210, с. 98—99; Najdus, 1965]. Контакты осуществлялись путем посылки корреспонденций, статей и т. п.

Укреплению связи МТР с Галицией способствовал приезд туда в конце 60-х—начале 70-х годов К. Бобчиньского и А. Жабицкого, польских эмигрантов, членов Генерального Совета Интернационала, выполнявших функции секретарей-корреспондентов для Польши. Они включились в общественную жизнь Галиции. Эмигранты-демократы приветствовали Парижскую коммуну, гордились тем, что Польша представлена в Европе не только Чарторыским, но и Домбровским. После гибели Коммуны в Галицию направились многие поляки-коммунары.

МТР получало информацию из Галиции еще в середине 60-х годов, когда Жабицкий сообщал Генеральному Совету о стачках во Львове. Переезд в Галицию многих членов польской секции Интернационала в 1871 г. позволил активизировать деятельность в этой провинции. Планы этой деятельности намечал Маркс. Он получал сведения от польских членов Генерального Совета В. Врублевского и Ю. Розвадовского и на основе этих данных 2 января 1872 г. на заседании Генерального Совета сделал отчет о социалистическом движении в Галиции. Как писал агент царской полиции, МТР добились успеха в Кракове, Львове, Величке, где удалось сформировать три секции численностью 400 человек. Генеральный Совет находился в контакте с некоторыми галицийскими организациями, например с рабочим обществом «Шриффт» в Кракове. Возможно, он содействовал установлению связей между польскими и немецкими рабочими [Фалькович, 51].

Сношения Интернационала с Галицией, как об этом сообщал Маркс в 1873 г., становились все более оживленными. О беспокойстве по этому поводу галицийской буржуазии и дворянства свидетельствовала попытка Земляковский «обезвредить» пропаганду МТР. Он финансировал лондонскую газету «Правда», где была изложена программа «органического труда». Пропаганда чуждых социализму взглядов вызвала протест членов «Союза люда польского», и редакторы газеты были исключены из его рядов [210, с. 106, 108].

К 1873—1874 гг. в обстановке, когда практика классовой борьбы показывала рабочим необходимость интернационального сплочения, тенденции к подчинению рабочего движения буржуазному либерализму и национализму потерпели крах, а их поси-

тели во главе с людьми типа Обервиндера оказались изолированными. В Австрии и Венгрии продолжалась подготовка съезда партии.

Общеавстрийская социал-демократическая партия была создана на нелегальном съезде в Нойдорфле (Лайтасентмиклош) в апреле 1874 г. Нойдорфльский съезд зафиксировал победу социалистических сил над либерально-националистическими. Он показал зрелость многонационального рабочего класса Австро-Венгрии и в национальном вопросе, провозгласив не только образование общей интернационалистской партии обширного государства, но и включив в программу партии принцип права наций на самоопределение.

В программе, соответствовавшей принципам I Интернационала, в частности говорилось: «В национальном вопросе рабочая партия выдвигает в качестве принципа право наций на самоопределение и не рассматривает разделение членов партии по национальному признаку как препятствие в их общем стремлении к социальному освобождению, а, наоборот, считает, что единственным залогом успеха является братское сотрудничество, основанное на равных правах и обязанностях рабочих всех национальностей» [114, т. 2, с. 304—305]. Таким образом был подтвержден принцип, провозглашенный венским Рабочим просветительным обществом еще в 1868 г. Пункт, касавшийся национального вопроса, был включен в программу по предложению Шоя, который заявил, что «в программу необходимо включить особый раздел об отношении к славянским рабочим» [458, с. 97].

Трудно переоценить значение Нойдорфльской программы. Впервые в истории международного рабочего движения партия рабочего класса многонациональной страны включила в программу специальный пункт об отношении к национальному вопросу. О том, что это делалось исходя из определенного убеждения, а не формально, свидетельствует ряд фактов: одним из трех председателей съезда был избран рабочий-чех, протокол съезда велся на немецком и чешском языках, некоторые делегаты выступали на чешском языке, наконец, центральными органами партии наряду с «Гляйххайт» («Равенство») были признаны также «Делнице листы» [343, с. 31].

К. Маркс с удовлетворением отметил крупный успех австрийского пролетариата. «В Австрию, — писал он Ф.-А. Зорге 4 августа 1874 г., — люди работают в самых тяжелых условиях; они вынуждены соблюдать величайшую осторожность; тем не менее они добились большого успеха, — а именно побудили славянских рабочих в Праге и других местах действовать совместно с немецкими рабочими. В последние годы пребывания Генерального Совета в Лондоне я тщетно пытался добиться такого взаимопонимания»²³. Австрийское рабочее движение при неустанной по-

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 533.

мощи Маркса и Генерального Совета Интернационала впервые решало задачу сплочения рабочих многонационального государства в единой революционной партии.

Как видно из сказанного выше, формирующийся пролетариат австро-венгерского государства испытывал националистическое влияние, сила воздействия которого находилась в зависимости от остроты национального гнета и созревания классовых противоречий в среде той или иной угнетенной нации. С другой стороны, развивающемуся рабочему движению была присуща нигилистическая тенденция в национальном вопросе [Chlebowczyk, 1971]. В отличие от рабочего движения господствующих наций, для которого этот нигилизм объективно означал пренебрежение правами рабочих наций угнетенных, в среде последних он был связан с необходимым стремлением отмежеваться от буржуазного влияния. Тем не менее с точки зрения исторических задач рабочего класса преодоление этого нигилизма по мере развития рабочего движения становилось все более настоятельным.

За исключением австронемецких и чешских земель, рабочее социалистическое движение в Австро-Венгрии в конце 60-х — начале 70-х годов делало лишь первые шаги. Для его подхода к национальному вопросу взгляды австронемецких и венгерских социалистов имели огромное, подчас решающее значение [421]. Не без трудностей объективного и субъективного характера социалистическое движение, исходя из принципов Международного Товарищества Рабочих, вырабатывало интернационалистские взгляды на национальные движения и, наконец, признало их общедемократическое содержание и значение. Однако австрийская социал-демократия в трактовке понятия «права наций на самоопределение» остановилась на полпути; позднее оппортунистические и вместе с ними националистические тенденции в партии стали усиливаться.

Формирование рабочего класса и в особенности появление организованного рабочего движения изменило всю общественно-политическую атмосферу в Австро-Венгрии. Застрельщиком борьбы за демократизацию политического строя — расширение политических свобод, всеобщее избирательное право, борцом против монархизма, милитаризма, клерикализма, остатков привилегий бывших феодалов в политической жизни выступил рабочий класс. Его борьба вызвала симпатии со стороны демократических кругов населения, в особенности — представителей революционно-демократической интеллигенции, повлияла на их мировоззрение. Воочью была показана политическая ограниченность и своекорыстие буржуазии. С другой стороны, создание и деятельность I Интернационала, возникновение его секций в Австро-Венгрии, ширившееся экономическое (стачечное) и политическое движение рабочих, руководимых социал-демократией, воздействовали на либеральную буржуазию всех национальностей, оттолкнули ее вправо. Парижская коммуна вызвала острую полемику в печати и способствовала размежеванию между революционно-демократи-

ческим и социалистическим движениями, с одной стороны, либеральными и буржуазно-радикальными кругами, всеми защитниками непосредственных буржуазных интересов — с другой. Все это сказалось на общественном движении в Австро-Венгрии. Буржуазии угнетенных наций стало труднее выдавать свои корыстные классовые интересы за общенациональные. Эра господства буржуазной идеологии в освободительных движениях уходила в прошлое.

Для судеб национальных движений в Австро-Венгрии возникновение организованного рабочего социалистического движения имело историческое значение. Впервые здесь появилась общественная сила, призванная возглавить массовое народное движение за политическое и социальное освобождение, высвободить трудящихся неполноправных наций из-под руководства буржуазии, противопоставить идеологии национализма интернационалистическую идеологию пролетариата, повести народы на борьбу за социалистическую революцию.

Однако в дальнейшем, в конце XIX—начале XX в. австрийская социал-демократия оказалась не в состоянии решить задачи, объективно возникшие перед рабочим движением в эпоху империализма. Пойдя по реформистскому пути, считая парламент основным полем деятельности, а всеобщее избирательное право — решающим условием социалистических преобразований, социал-демократическая партия не смогла правильно сориентироваться и в национальном вопросе. Она добивалась превращения Австро-Венгрии в демократическое федеративное государство, в котором было бы обеспечено национальное равноправие в сфере культуры, клеймила милитаризм, бюрократию, империалистическую экспансию на Балканы (в частности, реакционную политику в Боснии и Герцеговине), но вместе с тем выше всего ставила сохранение габсбургского многонационального государства, не признавала права народов монархии на создание независимых государств. Чуждая революционному марксизму, партия не понимала прогрессивного значения национально-освободительных движений как союзника рабочего класса в его борьбе за социализм. В начале XX в., когда освободительная борьба чешского и югославянских народов поставила национальную проблему в центр политической жизни государства, лидеры социал-демократической партии полагали, что австрийскому рабочему движению в конечном счете легче достичь взаимопонимания с династией, двором (ввиду их заинтересованности в сохранении и упрочении государства), чем с национальными движениями, поскольку те угрожают целостности Дунайской монархии. Эта позиция вела к ослаблению политической роли рабочего класса. Оппортунизм развивался в среде социал-демократии параллельно с прикрытым демократической и социалистической фразой национализмом. Все это привело в 1914—1918 гг. к краху той идейно-политической линии, которая получила наименование «австромарксизма».

О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИЙ В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Вводные замечания. Типология

Буржуазная нация — этносоциальная общность, присущая капиталистической формации, хотя начало ее формирования уходит в глубь феодализма. В процессах формирования наций в габсбургской монархии было много общего и особенного¹. Общее было обусловлено прежде всего вхождением ряда народов в одно государство, в котором после наполеоновских войн феодальный строй находился в состоянии нарастающего кризиса, а в 50-х годах XIX в. развернулся быстрый процесс утверждения буржуазных отношений.

Формирование наций происходило в прокрустовом ложе австрийского абсолютизма, а затем системы дуализма. Эти надстройки не обеспечивали благоприятных условий для развития национальных процессов у входивших в состав империи народов. Нации формировались в борьбе против угнетательского государства и инациональных господствующих классов.

Складывавшимся общеимперским рынком в XVII—XIX вв. воспользовалась прежде всего австронемецкая крупная буржуазия. Промышленный переворот дал в ее распоряжение мощные средства, с помощью которых она устанавливала свое экономическое господство даже в отдаленных районах государства: крупное машинное производство, паровой транспорт, финансово-кредитную систему.

Национальная (мелкая и средняя) буржуазия венгерских, славянских и румынских областей была вынуждена бороться не только против феодального гнета и его пережитков, но и против инациональной крупной буржуазии, прежде всего австронемецкой (а в ряде районов также итальянской, позднее — и венгерской), поддержанной государственной властью. Угнетенные нации были вынуждены преодолевать противодействие и феодального и буржуазного общества господствующих наций. Это сказалось на идеологии их национальных движений.

Воздействие социально-экономической обстановки и политических событий на развитие отдельных наций зависело от соци-

¹ Здесь не рассматривается вопрос о формировании господствующей австрийской (немецкоязычной) нации, а также национальные процессы в Италии, в основном не связанные с внутренним развитием региона Австрийской империи. Относительно австрийского (австронемецкого) этнического самосознания говорилось в книге «Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г.» М., 1980 г. (глава V), а также в главе I данного труда.

альной структуры народа и его места в системе государства в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Но социально-классовой структуре и, следовательно, по особенностям процесса формирования наций между народами имелись большие различия [302; Нгош, 428]. Венгры, поляки в Галиции и хорваты в историческом «королевстве Хорватии» (в меньшей мере — в Славонии) и в Дубровнике имели «свой» феодальный господствующий класс и в связи с этим — старую и непрерывную государственно-политическую традицию. Часть польского народа оказалась в составе Австрийской империи лишь в конце XVIII в. и в XIX в. поддерживала контакты со своими единоплеменниками в России и Пруссии, храня живое воспоминание о своем независимом государстве. Венгры и хорваты обладали провинциально-сословной (до 1848 г.) автономией. Остальные народы государства в разное время полностью или в основном лишились национального класса феодальных землевладельцев и политическая традиция у них была ослаблена или вообще отсутствовала².

Основой становления наций было формирование классов буржуазного общества уже в недрах феодального строя. Этот процесс протекал по-разному у первой и второй группы народов. У венгров, поляков и хорватов в первой половине XIX в. большую роль в экономике и общественно-политической жизни играло обуржуазивающееся дворянство. Политическая и культурная традиция дворянства в новых условиях все более становилась на службу буржуазным интересам. Процесс формирования буржуазии и ее идейного представителя — буржуазной интеллигенции происходил «сверху» и «снизу», т. е. как в среде дворянства, так и горожан и крестьян. Условия развития национальной культуры в рамках феодально-абсолютистского государства для этой группы народов были несколько благоприятнее, чем для второй группы, а сами формы национального угнетения менее тяжелыми.

Но за исключением областей, упомянутых выше, процесс формирования хорватской нации в основном развивался так же, как у народов, не имевших феодального класса. То же можно сказать о поляках Силезии. Это, как и целый ряд иных обстоятельств (например, провинциальные сеймы и оживление государственных традиций у чехов, отсутствие того и другого у словаков), свидетельствует о том, что и внутри рассматриваемых групп народов имелись существенные различия.

От социальной структуры формирующихся наций зависел состав руководящих сил национальных движений, их идеология и программы, длительное время — отношение широких крестьянских масс к движению, а в связи с этим и процесс становления национального самосознания.

² В Буковине имелись румынские крупные землевладельцы. Кроме того, частью имперского землевладельческого класса являлась сербская высшая церковная иерархия.

Способность того или иного народа противостоять ассимиляторской политике, а также стихийным процессам ассимиляции также зависела от социальных факторов. Например, сербы юга Венгерского королевства с их относительно развитой торговой буржуазией были ей подвержены относительно мало (существенную роль здесь сыграли также иные факторы — автономная церковь, традиции).

Во всех случаях процесса формирования нации определяющей в конечном счете являлась деятельность широких народных масс. Они творили материальные ценности, развивали производительные силы, приводившие к новым, буржуазным, отношениям, хранили и развивали богатства народной культуры, языка, на базе которых вырастала культура нации. Своей борьбой против феодальных пут трудящиеся вносили важнейший вклад в победу нового, буржуазного, общества, формой существования которого становилась нация. Для народов, не имевших своего феодального господствующего класса, на первом этапе формирования нации особое значение имело то обстоятельство, что из миллионных масс крестьянства и городского плебса выходили многие представители интеллигенции, близкие народу, хорошо знавшие его язык, боровшиеся против реакционной угнетательской, ассимиляторской политики правящих кругов. Массовые демократические движения в ряде случаев являлись свидетельством зрелости процесса формирования нации и его стимулятором (революция 1848—1849 гг., таборы и т. д.). По мере развития рыночных отношений уже при феодализме и в особенности отношений капиталистических широкие слои народов проникались сознанием национальной общности, внося вместе с тем в национальное самосознание идеи, соответствующие их социальным устремлениям. Рабочий класс становился носителем социалистической и интернационалистической идеологии, поднимая знамя борьбы за коренное изменение общественных отношений, определявших структуру нации.

Для развития национального самосознания (а последнее являлось показателем прогрессирующего процесса формирования нации) было важно, находилась ли вся или же основная масса данного народа в пределах Австрийской империи (венгры, словенцы, словаки, хорваты, чехи) или вне ее (поляки, украинцы, румыны, сербы), а также в каких условиях развивались части соответствующей нации в России (украинцы, поляки), Османской империи (сербы, хорваты) или в национальных государствах (сербы, румыны).

Наряду с указанной выше классификацией народов в зависимости от их социальной структуры возможна и систематизация, связанная с тем, в какой из подрегионов Австрийской империи входил тот или иной народ (западная часть империи, Венгерское королевство, Галиция). Оба способа позволяют рассматривать национальные процессы у отдельных народов в их сравнении и во взаимосвязи.

У народов, имевших свой феодальный господствующий класс, на формирование нации влияли политические институты (органы самоуправления у венгров и хорватов) и политические традиции (у поляков). Однако воздействие этих факторов имело специфический характер. Оно распространялось прежде всего на дворянство, растущую буржуазию и дворянско-буржуазную интеллигенцию и в меньшей мере и позднее на более широкие слои.

Ко времени разделов Польши национальное самосознание, отягощенное сословными и религиозными представлениями, имелось у более просвещенной части польского дворянства и духовенства и начало зарождаться у народных масс. Позднее условия национального гнета и борьба революционеров способствовали широкому распространению национального самосознания в народе. В Венгрии и в меньшей мере в Хорватии в начале XIX в. национальное самосознание было присуще группам дворянской и буржуазной интеллигенции.

Для консолидации нации важнейшее значение имели новые явления в сфере базиса, т. е. характер и темп формирования классов буржуазного общества. При рассматриваемом типе процесса национальной консолидации в товарное производство наряду с горожанами втягивались прежде всего помещики; обуржуазивание дворянства являлось одним из важных элементов складывания буржуазного общества, поэтому в идеологии национального движения доминировали интересы этого класса. Но уже при феодализме польское и венгерское землевладельческое дворянство осознавало свой общеклассовый интерес, сформировавшийся в рамках Речи Посполитой и Венгерского королевства. Этот интерес состоял прежде всего в упрочении господства польских и венгерских помещиков над многонациональной массой крестьянства на всей территории названных государств. Наличие общеклассового интереса дворян-помещиков несомненно способствовало формированию национального самосознания вообще, хотя слабость внутренних экономических связей, общественного разделения труда, создающих подлинную общность экономической жизни нации, не могла не тормозить этот процесс. Формирующаяся польская и венгерская буржуазия унаследовала и использовала дворянскую идейную традицию. Наследование этой феодальной традиции было «естественным» и потому, что в Польше и Венгрии долгое время ведущим слоем *«имиущих»* товаропроизводителей (по словам В. И. Ленина, в ряде стран «представлявших» буржуазию³) были помещики, и ввиду интересов самой буржуазии.

Вследствие того, что национальные лозунги выдвигались господствующим классом, крестьянство, подвергавшееся беспощадной эксплуатации со стороны «патриотических кругов», сдержанно относилось к национальному движению, которое возглав-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

ляли дворяне, а иногда и выступало против него. В эпоху кризиса феодализма классовая борьба крестьянских масс ускорила ликвидацию феодального строя и тем самым оказывала воздействие на формирование нации. Но выдвижение трудящимися своих идеологов, способных противопоставить свое понимание нации и национальных интересов идеям социальных верхов, было процессом нелегким.

Таким образом, наличие феодального господствующего класса у угнетенного народа оказывало противоречивое воздействие на национальные процессы. Оно облегчало зарождение сознания национальной принадлежности, но во многом и сдерживало его распространение в «низах».

Иного типа процесс формирования наций имел место у народов, не располагавших «своим» дворянством. Обычно здесь не было *непосредственных* государственно-политических традиций. Все же у некоторых народов имелись те или иные элементы «исторического права» — императорские «привилегии» у сербов, остатки земского самоуправления у чехов. Кроме того, деятели национальных движений стремились в максимальной степени оживить прежние (средневековые) государственно-политические традиции.

У народов, отнесенных нами ко второй группе, носителями национального самосознания вначале обычно являлись представители формирующейся буржуазной интеллигенции, объективно (а подчас и сознательно) выражавшие интересы буржуазного развития.

Из-за отсутствия национальных сословных учреждений и т. п. воздействие экономических условий и сдвигов в процессе классового образования на формирование нации (в частности, национального самосознания), особенно на его начальном этапе, имело исключительное значение. Национальные процессы здесь были связаны с постепенным расширением товарного производства и рынка в данной этнической среде в эпоху позднего феодализма (в условиях «мануфактурной стадии» в масштабе всей Центральной Европы, в том числе и Австрии), с втягиванием мелкого товаропроизводителя в рыночные связи посредством скупщиков, оптовиков (хотя бы еще принадлежавших к иной национальности), с ростками мелкой национальной буржуазии и лишь позднее — с развитием средней буржуазии, связанной с капиталистической кооперацией, мануфактурой. В условиях патриархальной среды особенно большую роль в формулировании «национальных идей» и пропаганде национального самосознания играла интеллигенция. Сама страдавшая от неполноправного положения, она чутко улавливала тенденции эпохи, воспринимала настроения разных слоев своего народа, а также других наций. Но ее пропагандистская деятельность становилась успешной только по мере социальных сдвигов, в зависимости от темпов процесса развития новых классов. Массы народа не являлись пассивными потребителями национальных идей; по мере развития буржуазного обще-

ства сама жизнь, условия существования масс способствовали пробуждению и распространению этих идей; однако при этом роль идеологов становилась весьма значительной.

Консолидация нации происходила там, где социальные сдвиги приводили к буржуазным связям на определенной территории, преимущественно среди этнически однородного или родственного населения, в особенности к расширению обмена между городом и деревней, формированию мелкобуржуазных слоев, буржуазии и пролетариата, сохранивших народный язык. В противном случае оставалась реальная возможность преобладания процесса ассимиляции с соседней инациональной средой над процессом национальной консолидации. Капитализму были присущи обе тенденции, и не все этнические общности ему удалось пробудить к национальной жизни.

Для становления национального самосознания определенный уровень буржуазного развития был необходим, хотя нередко на первых порах сами буржуа (прежде всего торговцы, так как обычно формирование национальной промышленной буржуазии — более поздний процесс) еще не проявляли активности в сфере национальной. В обществе, переживавшем переход к капитализму, национальное самосознание особенно интенсивно распространялось в том или ином общественном слое по мере того, как последний отождествлял свои коренные социальные интересы с национальными, т. е. видел возможность обеспечения первых путем национально-освободительной борьбы. Социальный интерес различных классов всегда лежал в основе процесса формирования наций и развития национального движения. При этом каждый слой общества вносил в национальное движение свою классовую психологию и свои идеи. Но в изучаемую эпоху национальное движение объективно было направлено на решение исторических задач буржуазного преобразования общества.

В целом процесс формирования наций одержал решающие успехи у народов второй группы в тот же исторический период, что и у первой, но раньше у чехов, позднее у других народов. Это вновь подтверждает значение базисного фактора — победы капиталистических отношений для национальных процессов у всех народов.

Кратко рассмотрим наиболее характерные черты процесса формирования наций в Австрийской империи.

2. Чехи

Чешская нация складывалась в условиях смешанного национального состава чешских земель. Значительную часть населения Чехии и Моравии (к которой при Иосифе II была присоединена австрийская часть Силезии) составляли немцы. Неблагоприятным обстоятельством являлось то, что господствующие позиции в крупной промышленности чешских земель занимала немецкая буржу-

азия. Еще в XVIII в. в центрах чешских земель — Праге и особенно Брно — господствовал немецкий язык.

Упадок чешской культуры в XVII—первой половине XVIII в. был столь велик, что в 20-х годах XVIII в. русское посольство в Вене, к которому из Петербурга обратилась Академия наук с просьбой подобрать для службы в России 12 молодых людей, знающих «по-славянски или по-чешски», оказалось в затруднении. Среди студентов их очень мало, сообщал русский посол в Вене, славяне забывают свой язык. В 60-х годах того же столетия недостаток людей, способных занимать низшие чиновничьи должности в чешских землях даже вызывал беспокойство у правительства [445, с. 70—71].

Решающим фактором в процессе формирования нации было капиталистическое развитие Чехии и Моравии. Чешское общество к исходу XVIII в. принимает все более буржуазный характер [Мыльников, 21]. Эта эволюция в первой половине XIX в. привела к интенсивному формированию многочисленной городской и сельской, по преимуществу мелкой, но также и средней, буржуазии, промышленного и сельскохозяйственного пролетариата. Для мобильности населения огромное значение имела отмена личной феодальной зависимости крестьян в 1781 г. Даже в периоды наибольшего культурного упадка основная масса народа не только в деревнях, но и в городах, особенно небольших, сохраняла верность родному языку. Но после 1781 г. крупные города — центры растущей промышленности стали заполняться чешским населением из деревень.

Большое воздействие на формирование нации имело складывание внутреннего рынка. Этот вопрос до сих пор не разработан. В качестве предварительного суждения можно указать, что процесс этот в чешских землях отличался особенностями, связанными с их административным положением в рамках габсбургской монархии и различиями в направлении основных экономических связей. К концу XVIII в. Чехия и Моравия (с Силезией) представляли собой два экономико-географических района. Каждый из них имел собственные органы экономического управления (коммерц-и мануфактурколлегию, финансовые органы, бергколлегию) [290; Mainuš, 1956]. Моравско-силезский экономический район в некоторых отношениях был связан с собственно австрийским (австро-немецким) районом теснее, чем с Чехией (например, мануфактурное производство в Брно на начальной стадии) [Chylik, 1950 г.]. Однако существовали тенденции интеграционного характера, усилившиеся к середине XIX в., но окончательно еще не уничтожившие барьеры между Чехией и Моравией (с Силезией). [Пурш, 25; Purš, 1965; 326]. Крупные сдвиги в этом отношении произошли в третьей четверти XIX в.

Но с другой стороны, что касается растущего внутреннего рынка (обмен между городом и деревней, хозяйственная специализация районов), то существенным для национальных процессов было вынужденное обращение формирующейся чешской бур-

жуазии к промыслам, связанным с сельским хозяйством (тяжелая и крупная промышленность находилась в руках немецкого капитала). Тем самым обширная сфера хозяйственных связей, в которую были втянуты массы населения, оказалась в руках национальных обуржуазивающихся кругов.

Под воздействием экономических сдвигов в чешских землях — в собственно Чехии сильнее, в Моравии и Силезии слабее — уже с середины XVIII в. дают о себе знать симптомы начавшегося складывания чешской нации. Написанные еще по-немецки и полатыни труды Г. Добнера, Ф. Пельцля, А. Фойгта, М. Монсе и других ученых содействовали пробуждению общественного и научного интереса к прошлому и настоящему чешского народа и его культуре. Они не только явились отправным пунктом последующих усилий чешских «будителей», но и сразу же стали оказывать воздействие на современников. Так, в научной полемике 1760-х годов (Добнер и другие) о Чехии уже говорилось как о стране, исконное население которой составляют чехи. Иными словами, происходило своеобразное «накладывание» национального содержания на территориальные контуры земского деления чешских земель. С этой точки зрения полемика 1760-х годов имела принципиальное значение в эволюции идей чешского патриотизма. Дальнейшее углубление его истолкование получило в 1770-х годах. Г. Добнер и А. Фойгт, не будучи чехами по национальности, или Й. Борн, не будучи даже уроженцем Чехии, близко к сердцу принимали все, что касалось истории чешского народа, считая Чехию своей родиной. В этом находил проявление сложный процесс развития национального самосознания с характерным для него самоотнесением того или иного лица к определенной национальной общности.

Вместе с развитием капитализма и изменением национального состава населения крупных городов в конце XVIII — начале XIX в. появилась и росла общественная потребность в множестве грамотных людей и чешскоязычной интеллигенции, а идеи национального (этнического) сплочения стали получать более широкую поддержку. Трудящийся «простой» народ стал питательной почвой для чешских просветителей, как правило, выходцев из непривлекательных слоев — мещанства и крестьянской среды. Отношение чешских просветителей к народному языку отражало рост национального самосознания народа. Иноязычная форма выступлений первых просветителей оказалась во все углублявшемся противоречии с их национально-патриотическим содержанием. Да и обращаться к народу можно было лишь на родном языке. Указанное противоречие окончательно было преодолено благодаря трудам Й. Юнгмана и его единомышленников — деятелей так называемого языкового этапа чешского национально-освободительного движения. Памятниками становления чешского литературного языка стали «Чешско-немецкий словарь», «Словесность», переводы и публицистика Юнгмана, чешский театр В. Клицперы и Й. Тыла, периодическая печать и литература и др.

Национальное мышление просветителей имело тенденцию к интеграции, к выработке общечешских представлений, относящихся и к собственно Чехии, и к Моравии и Силезии. Для некоторых моравских интеллигентов Чехия являлась притягательным центром уже с 70-х годов XVIII в., широко эта роль Чехии сказалась в 30—40-х годах XIX в. При этом у моравян сохранялось и региональное «моравское» сознание, которое являлось важной особенностью процесса формирования чешской нации, но которое сами просветители не противопоставляли сознанию общечешскому. Такая их позиция, по всей вероятности, отражала социально-экономическую и культурно-политическую своеобычность Моравии. Правда, никто из приверженцев просветительской идеологии не выдвигал идею обособления Моравии в качестве самостоятельного этноса. Элементы же региональных настроений можно найти даже у моравских политиков в 60-е годы XIX в. В целом они парализовались общечешскими интеграционными тенденциями. В конце 60-х—начале 70-х годов XIX в. массовое движение (таборы) явились стимулом и вместе с тем свидетельством завершения процесса формирования чешской нации [Purš, 1958; Hroch, 1961; Kořalka, 1967; Hroch, 465a, 338].

3. Словенцы

В не менее сложных, чем чешская, но более невыгодных условиях формировалась словенская нация. Как отмечалось, почти вся масса словенского населения находилась в австрийских (западных) землях, однако населяла несколько провинций, из которых только Крайна являлась почти сплошь словенской. (Словенцы запада Венгрии (Прекмурье) и Венецианской области в изучаемый период практически не участвовали в национальном движении). Глубокие земские традиции в западных (немецко-славянских) землях долго сказывались на национальных процессах в Словении. Дело заключалось не только в четко выраженных географических (природных) границах провинций, но и исторически сложившихся здесь хозяйственных комплексах, тяготевших к экономическим центрам соответствующих провинций, которые одновременно являлись и их административными центрами: Грац, Клагенфурт (старое словенское название — Целовец), Любляна, Триест, Горица.

Словенское население в экономическом отношении ориентировалось на эти городские центры, большинство которых было расположено вне или на периферии (на рубежах) словенской этнической территории и в которых в эпоху перехода к капитализму господствовала австронемецкая и итальянская буржуазия. Экономическая артерия имперского значения Вена—Триест, пересекавшая словенскую территорию, по мере роста товарного производства уже в XVIII в. оказывала все большее воздействие на здешнюю хозяйственную обстановку, втягивая юго-западные районы империи в международные связи. Кроме того, словенские земли

являлись связующим звеном между Австрией и хорватскими и сербскими районами Балканского полуострова.

В условиях крупного международного рынка вплоть до середины XIX в. словенские внутринациональные экономические связи были относительно слабыми, хотя наличие таких связей в словенских землях с их исторически многочисленной мелкой промышленностью несомненно. Эти связи частично осуществлялись инациональной буржуазией, однако словенские торговцы — мелкие, средние и крупные — занимали прочные позиции.

Экономическая политика габсбургского двора, покровительствующая развитию наследственных земель, в целом способствовала хозяйственному подъему словенских территорий, которые обгоняли иные южнославянские провинции. Хотя плодами этого подъема преимущественно пользовалась инациональная крупная буржуазия, относительно благоприятные (до 70-х годов XIX в.) экономические условия имели большое значение для национальных процессов — формирования классов буржуазного общества в масштабе всей нации, развития просвещения на народном языке, распространения национального самосознания. Это объективное обстоятельство в значительной степени противостояло политическим целям австрийского государства, австронемецкой аристократии и буржуазии и в масштабе всего исторического периода, нас интересующего, несколько облегчало борьбу словенского народа за обеспечение элементарных национальных прав.

В период кризиса феодализма словенцы — и в этом отношении их можно сравнить со словаками — не имели значительной национальной традиции. Отсутствие национального дворянства в эпоху феодализма имело своим последствием в политической сфере то, что словенцы не обладали никаким политическим форумом (земские сеймы и т. п.), их национальное бесправие было бесправием угнетенных классов. В ходе капиталистической эволюции Австрии политические права приобрела словенская буржуазия и использовала их в своих классовых интересах, выступая под национальным флагом.

В последние десятилетия XVIII—первой половине XIX в. национальная проблематика интересовала часть интеллигенции, посвящавшей свои занятия родному языку, этнографии, истории. Национальное самосознание начало распространяться в городской среде, но на селе практически отсутствовало. Зависимый крестьянин видел в помещике не столько немца, сколько феодала. Дальнейшая разработка в первой половине и третьей четверти XIX в. общесловенского литературного языка и единого правописания способствовала развитию самосознания национальной принадлежности и сама была его следствием. Однако еще в 1848 г. были защитники особой «краинской народности», призывавшие жить в дружбе с «соседями — словенцами (так называли штирийцев. — *Ред.*) и хорватами», т. е. нередко еще преваляло локальное самосознание. В преимущественно аграрных районах (часть Словенской Каринтии), где население тяготело к инациональным

промышленным центрам, тенденции национального сплочения были слабыми, более устойчиво держалось клерикальное, консервативное влияние [413].

Развитие национальной торгово-промышленной и банковской буржуазии в большинстве словенских земель ускорилось после 1848 г. Она постепенно создала свои опорные центры, ставшие в 60—70-х годах XIX в. очагами национального движения. Кроме Любляны такими центрами являлись Марибор (Южная Штирия), как бы противостоявший австронемецкому центру провинции — Грацу, а также Триест и Горица, где словенская либеральная буржуазия упрочивала свои позиции рядом с итальянской. Здесь же концентрировался итальянский и словенский пролетариат. В Мариборе большинство населения было немецким, и город являлся одновременно центром активности немецкой и словенской интеллигенции. Аналогичным было положение в Триесте, с его итальянским большинством и вместе с тем наибольшей концентрацией словенского населения (по численности оно превосходило население Любляны). Лозунг южноштирийских словенских либералов: «Прочь от Граца!», выдвинутый в 60-х годах, отражал заинтересованность словенской буржуазии в национальном сплочении, в ограждении своих интересов на национальном рынке.

Даже в 1848 г. лозунг «Объединенной Словении» поддерживал лишь узкий слой населения в городах. Быстрые социальные изменения после революции способствовали переходу мелкобуржуазных городских слоев и крестьянства, прежде всего его зажиточного слоя [325], на национальные позиции. Но политическое сознание словенской интеллигенции в условиях режима 50-х годов могло проявляться лишь в частном общении; даже переписка находилась под контролем полиции. В 60-е годы открылась возможность широкой агитации в массах во время избирательных кампаний, посредством печати, собраний и т. п. Именно тогда «национальная интеллигенция, до тех пор интересовавшаяся главным образом филологией и немного беллетристикой, стала заботиться о политическом и национальном вопросах. И национальное дело быстро пошло вперед [...] Удивительно быстро умножалось число искренних патриотов» [117*, т. 1, с. 82]. Стал расти отпор дискриминационной политике австронемецкой буржуазии. Повсюду раздавались требования развивать просвещение на родном языке. Локальное этническое самосознание все более отходило на второй план, уступая место общенациональному. Й. Вошняк в 1868 г. на митинге под одобрение тысяч слушателей заявил: «Мы все, словенцы, не хотим быть ни штирийцами, ни каринтийцами, ни приморцами, мы хотим быть только словенцами, объединенными в единую Словению» [118*].

Ввиду оживленных связей каждой из словенских земель с несловенскими районами возникновение единого национального центра было затруднено. Но на роль такого центра к середине XIX в. стала претендовать Любляна, главный город Крайны, ставшей территориальным ядром складывавшейся нации. В 60-х годах

Любляна уже в действительности являлась общесловенским центром — сначала по преимуществу центром политической жизни, а позднее во все возрастающей мере — и экономической. Например, когда штирийские словенские либералы выступили с предложением создать Словенскую матицу, они собрали средства и послали их в Любляну, где матица и была учреждена (1864 г.). В Приморье (Горица, Истрия, Триест) местные национальные деятели в борьбе за расширение обучения детей на родном языке обращались к Крайне, откуда получали учебники. В последней четверти XIX в. инициатива создания в Приморье национальных кооперативных кредитных организаций (они обычно становились проводником влияния национальной буржуазии) была подана из Любляны [312, с. 97, 109], сюда переселялись некоторые национальные деятели и т. д.

Существенной чертой национального развития словенцев являлась их борьба против германизации словенских земель. Речь идет о наступлении австро-немецкой буржуазии в третьей четверти XIX в. на позиции словенской нации, в частности о стремлении ликвидировать словенскую школу в конце 60-х—начале 70-х годов XIX в. и германизировать важные для австро-немецкого капитала приморские районы империи — проложить, как тогда говорили, «немецкий мост к Адриатике», сделав его опорным пунктом Триест.

Эта политика использовала объективные факторы, например, проведение железных дорог, все усиливавшуюся эмиграцию словенских крестьян. Нет смысла критиковать этот закономерный в условиях капитализма процесс, однако следует указать на его использование шовинистами. Австро-немецкая буржуазия, управляющие предприятиями, чиновники и т. д. нередко путем пажима заставляли людей записываться в немецкие культурные, спортивные или политические организации. Известны факты перемещения в дальние области империи (Буковину) государственных служащих, сочувствовавших словенскому национальному движению [119*]. Владельцы банков и предприятий использовали в целях германизации экономические рычаги (кредит и т. п.). Германизация части словенской интеллигенции была связана с преимущественно немецким составом городского населения, в особенности буржуазии, которую интеллигенция обслуживала. По мере изменения этого состава германизация интеллигенции ослабевала, хотя не прекратилась и до 1918 г.

В целом, несмотря на изменения в национальном составе населения северных окраин словенской территории, этническая граница лишь немного сдвинулась на юг. Германизация имела заметный успех преимущественно в Каринтии, в районе Клагенфурта.

Из приведенного материала видно, что хотя относительно интенсивное экономическое развитие Цислейтании и способствовало формированию словенской нации, вместе с тем оно вызывало затруднения, связанные с значительно более быстрым социально-

экономическим прогрессом господствующей нации. Для национальных процессов в среде угнетенного народа существенно соотношение социально-экономических сдвигов в национальной и инациональной среде.

Что касается районов смешанного словенско-итальянского населения и этнической границы между этими народами, то здесь денационализация словенского населения никогда не принимала столь серьезных масштабов как на севере Словении, а в 90-х годах XIX в. вообще приостановилась [Melik, 1970]. Исключение составила лишь так называемая Венецианская Словения — часть области Фриули, в 1866 г. отошедшей к Италии. Этот аграрный район на склонах Альп, обращенных к Италии, экономически истари связанный с Венецией и другими городами Северной Италии, почти не принимал участия в национальном пробуждении словенцев [312, с. 100].

Остановимся на югославистском элементе национального самосознания словенцев. Среди деятелей словенского национального движения в 40-х годах XIX в. определенное, впрочем всегда небольшое, распространение получили идеи иллиризма (в 60-х годах — югославизма), т. е. теории единого югославянского народа. Популярность этих идей несколько возрастала в периоды, когда происходил подъем освободительного движения у сербов и хорватов или когда словенцы особенно сильно подвергались германизаторской политике (40-е, 60—70-е годы XIX в.). Это были интеллигентские увлечения, не считавшиеся с реальным фактом существования народного словенского языка. Правда, этот язык близок сербскохорватскому, в особенности кайкавскому диалекту северо-западной Хорватии, и отдельные деятели словенской культуры, видя трудности, с которыми встречалась национальная жизнь словенцев, пропагандировали слияние с соседними югославянскими народами. Они не понимали, что попытка игнорировать национальный язык лишь затормозит национальные процессы и будет способствовать германизации. Задачи политического сотрудничества югославянских народов в борьбе за освобождение таким образом подменялись фантастическими языковыми проектами. (Подобные взгляды высказывались и позднее. С ними были вынуждены полемизировать классик словенской литературы И. Цанкар в 1913 г. и писатель-публицист Й. Видмар даже в 1932 г. [510, с. 257—262; 492]). Неудача этой пропаганды (в отличие от акции сторонников иллиризма в Хорватии в 30-е годы XIX в.) свидетельствовала об успехах объективного процесса становления особой словенской социально-этнической общности [Чуркина, 1968; Фрейдзон, 125].

4. Венгры (мадьяры)

На формировании венгерской нации неблагоприятные обстоятельства, в которых находились все неполноправные народы габсбургского государства, сказались в меньшей мере, чем на боль-

шинстве других. Наличие мощного дворянского класса и, несмотря на все перипетии (османское господство на основной мадьярской этнической территории в XVI—XVII вв., утеря независимости в XVI в.), непрерывная государственно-политическая традиция Венгерского королевства, наличие политических форумов (государственное собрание, развитая комитатская система, ставшая со временем мощной опорой национального сопротивления Габсбургам) — все это в условиях развития капитализма способствовало формированию самосознания нации, превращению народности — с ее феодальными сословиями и сословным самосознанием — в нацию буржуазного общества. Административно-политическое единство королевства, включившего в свой состав всю массу мадьярского населения, его особое положение в рамках империи, однотипная социальная структура этого населения на всей территории страны (т. е. наличие основных классов феодального общества и общих тенденций их развития в периоды кризиса феодализма и утверждения капитализма), наконец резкое отличие венгерского языка от языка соседей — эти факторы также стимулировали развитие и упрочение сознания национальной самобытности в массе народа, причем этот процесс протекал более или менее синхронно на всей территории расселения венгров. Религиозные различия (меньшинство населения принадлежало к протестантской церкви) не оказали сколько-нибудь заметного влияния на национальный процесс. Но все же противоречия между католиками и протестантами подчас сказывались, так как протестанты были более активны в политической и культурной областях, не раз выступали в роли застрельщиков антигабсбургских движений и сыграли большую роль в складывании идеологии национального движения.

Политические и культурные традиции любой нации определяются ее историей. Для венгров XIX в. в этом отношении огромную роль сыграли традиции полной драматизма борьбы против габсбургского абсолютизма, которая велась уже с семнадцатого столетия, общенародная война под руководством Ференца Ракоци II в начале XVIII в., борьба против германизации и дворянское сопротивление при Иосифе II, выступление демократов-«якобинцев» в конце XVIII в., борьба за обновление языка и литературы в период Просвещения (с 70-х годов XVIII в.) и выдвижение литературно-языковых проблем на первый план в период реакции (до «эпохи реформ» во второй четверти XIX в.), затем нарастание либерального и радикального движения — борьба за буржуазные преобразования и национальную самостоятельность в 20—40-е годы, подготовившая революцию, наконец революция и освободительная война 1848—1849 гг. Все перечисленные процессы и крупные исторические события являлись мощным стимулом формирования национального самосознания и идеологии освободительного движения.

Революция 1848—1849 гг., в которой активно выступали широкие слои городского и сельского населения, резко ускорила

распространение национального и классового самосознания разных слоев народа. Особое значение имели при этом, с одной стороны, наборы добровольцев в национальную армию, походы революционных войск от Трансильвании до западных окраин Венгрии, победы, одержанные венграми над императорскими войсками и провозглашение независимости 14 апреля 1849 г. С другой стороны, ограниченность социальных преобразований, осуществленных венгерскими правящими кругами, вызывала чувство протеста со стороны бедноты, понимание противоположности классовых целей пролетаризирующихся сельских и городских масс целям дворянства и торгово-промышленной национальной буржуазии, находившейся на стадии формирования.

Революция 1848—1849 гг. положила начало завершающему этапу процесса консолидации венгерской нации, содержанием которого было ускоренное формирование классов буржуазного общества (50—60-е годы XIX в.).

Характерно систематическое — в течение всего изучаемого периода — возрастание роли Пешта-Буды как экономического, политического, культурного и идеологического центра нации. Комитат Пешт выступал как зачинатель ряда важнейших акций национального движения, а в 1848 г. народные массы Пешта явились движущей силой революции. Место Будапешта как общенационального центра было окончательно закреплено после 1867 г.

Венгерская нация развивалась в особых экономических условиях — при относительной слабости городов, немногочисленности и в значительной мере инонациональном составе формирующейся буржуазии и рабочего класса. При всем том наличие важнейшей — до проведения железных дорог — транспортной артерии — Дуная, связывавшего северо-запад, центр и юго-восток страны, способствовало экономическому сплочению венгерской территории.

То обстоятельство, что формирование венгерской буржуазии в большой степени происходило путем медленного обуржуазивания помещиков при сохранении преобладающих позиций венгерского дворянства в экономике, общественной, политической и идеологической жизни Венгерского королевства, и само привилегированное положение венгерских имущих классов в королевстве создавали условия для интенсивной стихийной мадьяризации инонационального дворянства, а также части буржуазии, чиновничества и интеллигенции — выходцев из других народов Венгерского королевства (словаков, немцев, евреев, армян), поскольку множество их проживало совместно с мадьярами, от которых немцев и словаков не отделяла и религия. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, в частности современные венгерские фамилии. Сближению части инонациональной буржуазии с формирующейся венгерской нацией способствовали условия развития капитализма — общие интересы многонационального обуржуазивающегося слоя в борьбе против экономической политики Габсбургов и доминирующих позиций крупного австрийского капитала. Наконец, часть прогрессивных элементов разных народов была вовле-

чена в венгерское революционное движение, что также воздействовало на их национальное самосознание.

Тот факт, что консервативный или либеральный (обуржуазивающийся) помещик очень долгое время представлял собой центральную фигуру национально-политической жизни Венгрии, явился одной из важных причин непримиримости идеологов мадьярского национализма к национальным устремлениям других народов королевства, большинство которых в социальном отношении стояло на более «низкой» ступени. Ликвидации господства венгерских помещиков над народами королевства страшилась и формирующаяся венгерская буржуазия. Венгры, хотя и были самым многочисленным народом королевства, все же составляли менее половины населения исторической Венгрии, и национальная мадьярская буржуазия опасалась победы демократического принципа национального равноправия. Заинтересованность в сохранении национальных привилегий (особенно после 1867 г.) объединяла помещиков и буржуазию, а развитие капиталистических отношений уже в первой половине XIX в. приводило к тому, что обуржуазивавшиеся слои дворянства являлись наиболее «национальными» и националистическими. [О некоторых проблемах формирования венгерской нации см.: Арато, 1965].

5. Хорваты

Процесс формирования хорватской нации происходил в условиях не только административной, но и политической раздробленности. Если венгры, чехи и словаки полностью, а словенцы в своей основной массе входили в состав какого-либо одного подрегиона Австрийской империи, то хорваты находились в более сложном положении (Хорватия и Славония — в составе Венгерского королевства, Хорватско-славонская Военная граница — под властью военного министерства и т. д.). У населения, позднее вошедшего в состав хорватской нации, — мы имеем в виду югославян-католиков Южной Венгрии (буневцы и шокцы), Меджимурья и Боснии-Герцеговины — сознание принадлежности к хорватской этнической общности отсутствовало вплоть до конца XIX в., а частично и позже.

В самой Хорватии (историческом королевстве) до эпохи национального пробуждения воспоминания о средневековом хорватском государстве, жившие в интеллигентной среде, в основном дворянской и духовной, безусловно стимулировали формирование нации, но еще не были явлением подлинно национальным. Однако в первой половине XIX в. ядро нации образовалось именно на исторической территории королевства Хорватии, — из хорватских земель наиболее развитой в экономическом отношении и обладавшей своим феодальным классом, государственными институтами (сабор, бан) и более многочисленной национальной интеллигенцией (в Загребе с XVII в. находилась академия — высшее учебное заведение, готовившее философов, юристов и богословов; в Хор-

ватии с XVIII в. имелись гимназии, в которых определенное место занимало и преподавание родного языка). Компактная в географическом, этническом и экономическом отношении область вокруг Загреба переживала со второй половины XVIII в. хозяйственный подъем. Здесь пересекались торговые пути из Южной Венгрии к Адриатическому морю, из австрийской части империи, в том числе словенских областей, на Балканский полуостров.

Определяющая роль в общественно-политическом и идеологическом развитии хорватов до 1848 г. принадлежала среднему либеральному дворянству, поддержанному очень слабой, но постепенно растущей буржуазией (торговцы, владельцы мануфактур и т. д.). Именно эти слои выдвинули программу объединения хорватских и шире — югославянских земель. Из городов национальные идеи распространялись вплоть до самых глухих уголков хорватских земель.

В других землях национальные процессы развивались более медленно. Еще в середине XIX в. население отдельных провинций в значительной мере сохраняло только локальное самосознание, называло себя «словонцами», «далматинцами» и т. д., хотя вместе с тем этноним «хорваты» был исстари распространен за пределами собственно Хорватии — в среде населения, говорившего на штокавском диалекте сербскохорватского языка. Различная социальная структура (в частности, крестьянский состав хорватского населения в Истрии, Меджимурье, Боснии и Герцеговине при длительном отсутствии здесь национальной буржуазии, которая формировалась в этих землях в разное время; отличие социальной структуры Далмации, с ее «средиземноморским феодализмом», от Хорватии, области классического феодализма, слабого национального дворянства в Славонии и т. п.), разное политическое устройство и историческое прошлое провинций, из которых лишь Хорватия сохраняла традицию государственной автономии, слабые экономические связи между ними ввиду их экономической отсталости и географической разбросанности — все это затрудняло формирование нации. Процесс экономического развития Центральной и Юго-Восточной Европы вовлекал отдельные хорватские области в международные связи (по Дунаю, морем), более интенсивные и устойчивые, чем связи между некоторыми хорватскими территориями. К этому добавлялась и политика Габсбургов, продиктованная интересами крупных хозяйственных центров империи и направленная на сохранение политической и экономической раздробленности югославянских земель. Как отмечалось, в третьей четверти XIX в. проведение железных дорог повернуло хлебный поток из Баната (ранее направлявшийся в Славонию, Хорватию и Приморье и тем самым экономически сплавивавший эти районы) непосредственно в сторону Пешта и Вены. Одновременно Далмация попала в экономическую зависимость от Триеста, а ее связи с Хорватией временно ослабели. Вообще развитие общеперсского рынка в годы завершения промышленного перево-

рота на первых порах отрицательно сказалось на состоянии внутрехорватских экономических связей [164; 323].

Наличие национального дворянства сказалось на результатах хорватского национального движения в 70-е годы XIX в., а следовательно и на условиях формирования нации. Как известно, то же обстоятельство сыграло роль и для венгерского, и польского национальных движений.

В условиях австро-венгерского дуализма в Хорватии-Славонии и Галиции местная земельная аристократия служила опорой габсбургской власти. Но в национально-политических позициях и тенденциях дворянства обеих земель имелись различия, важные для национальных процессов у хорватов и поляков. Хотя после событий 1846—1848 гг. польские галицийские помещики перешли к политике соглашения с Габсбургами, дворянство представляло крупную силу, в среде которой не исчезала мечта о независимой Польше. В Австрии представители польской аристократии подчас играли роль в центральных органах власти. Иным было положение в Хорватии-Славонии. Среднее дворянство, гегемон движения до 1848 г., во второй половине XIX в. быстро разорялось. Хорватская аристократия была немногочисленной. Крупные помещики, большинство которых денационализировались или были инонациональными, не только не стремились к национальному суверенитету, но видели во власти венгерской аристократии над Хорватией залог сохранения своих позиций. В третьей четверти XIX в. политическая роль хорватского дворянства как класса была реакционной. Национальное движение у хорватов в особенности после 1867 г. в основном опиралось на поддержку тех же социальных слоев, как и движение народов, не имевших национального дворянства (т. е. преимущественно на мелкую и растущую среднюю буржуазию). Это сказалось на процессе формирования нации, на различии национального самосознания польского и хорватского населения в конце XIX—начале XX в. Дворянская идеология в хорватском национальном сознании не занимала существенного места.

Оригинальным обстоятельством, наложившим печать на национальные процессы в хорватских землях, был их сложный религиозно-этнический состав. За исключением самой Хорватии, где православное население имелось лишь в некоторых городах, и Истрии, в хорватских землях проживало более или менее значительное православное сербское население, единое с местными хорватами по языку. Религиозная принадлежность была отличительным признаком этих родственных этнических общностей, вместе составлявших более обширный хорвато-сербский этнический комплекс и в основной массе говоривших на штокавском диалекте народного хорваткосербского (или сербскохорватского) языка. Однако то обстоятельство, что население собственно Хорватии пользовалось кайкавским диалектом, всегда сказывалось на национальном самосознании хорватов.

В 1869 г. в Хорватии и Славонии православные составляли более 15% населения (но в Среме — большинство), в Далмации — около 18%, на Хорватско-славонской Военной границе — около половины, причем в некоторых ее округах — большинство [375, с. 39—40]. В Боснии и Герцеговине православных было более $\frac{2}{5}$ населения, католиков — около $\frac{1}{5}$, остальные — мусульмане.

В хорватских землях, а также в Боснии и Герцеговине, католическое и православное население располагалось совместно или чересполосно. Таким образом, обширную территорию занимало в основном единоплеменное население. В период развития капитализма социальные и экономические взаимосвязи, естественно, охватывали население этой территории независимо от его религиозной принадлежности. Все это не могло не сказаться на развитии национального самосознания южнославянского населения хорватских земель и идеологии хорватского национального движения. Как было показано, здесь получили распространение теории единого южнославянского народа (включая словенцев и болгар), которые на ранней стадии формирования нации заняли некоторое место в национальном самосознании интеллигенции и части буржуазии.

Однако единая югославянская нация не сформировалась. Национальная дифференциация единоплеменного населения была связана с вероисповеданием. Принадлежность к католицизму или православию означала различие в длительных политических и культурных традициях и связях. В период складывания наций это вместе с другими обстоятельствами сказалось на самосознании, культуре, психологии населения. В Австрийской империи не только в средние века, но и в XVIII и в первой половине XIX в. политика династии в отношении отдельных этнических общностей зависела от их религиозной принадлежности. Принадлежность к православию означала сохранение особых этнических связей и традиций сербской народности (императорские привилегии конца XVII в. были выданы православным сербам). Хорваты же считались особым «политическим народом» со своим католическим дворянством. Традиционные идеологические связи между единоплеменным населением в феодальных государствах — в Австрии и особенно в Турции имели огромное значение для патриархальной среды.

В XIX в. к этому добавились различия в государственно-политических интересах и ориентации господствующих классов Хорватии, с одной стороны, и возникшего в 1804—1815 гг. Сербского княжества — с другой. Сербия отстаивала свое самостоятельное развитие рядом с опасным австрийским соседом. Хорватия еще не видела своего будущего вне империи. Национальное самосознание сербского населения в хорватских областях развивалось в связи с процессом формирования всей сербской нации в Австрийской империи и на Балканах, где возникли главные сербские национальные очаги. Это означает, что национальная

дифференциация в Триедином королевстве явилась частью общего процесса формирования южнославянских наций.

При капитализме церковь стремилась сохранить монопольное влияние на «свое» население и способствовала превращению религиозных различий в национальные. Сами религиозные различия не могли бы оказать решающего воздействия на национальные процессы, не будь они отражением и освящением определенных (разных) общественно-политических интересов обуржуазивающихся хорватских и сербских слоев, в частности мелкой буржуазии. Впоследствии, в третьей четверти XIX в. углубление сербско-хорватской дифференциации было связано также с конкуренцией на рынке между мелкой буржуазией той и другой нации.

Именно поэтому религиозные различия, которые казались многим, даже весьма проникательным современникам явлением второстепенным⁴, сыграли в национальных процессах существенную роль. Деятельность ученых и литераторов, устанавливавших единые нормы сербскохорватского литературного языка (Венский договор 1850 г.), способствовала его развитию, однако их убеждение в том, что они совершенствуют язык «единого народа», не соответствовало действительности. Они лишь содействовали сближению и взаимообогащению национальных — сербской и хорватской — культур. Напрасно некоторые либеральные, а позднее и социалистические круги призывали югославян спланиваться «в один народ» («ведь не делятся же немцы по религии» — таков был их обычный аргумент). Развитие шло по иному пути.

Религия не могла явиться одним из существенных и постоянных признаков нации. Не говоря о том, что среди хорватской интеллигенции вплоть до XX в. сохранялась (постоянно уменьшавшаяся) группа лиц православного вероисповедания и имелись католики (даже отдельные священники), считавшие себя сербами, распространение атеистического мировоззрения не влияло на сознание принадлежности к хорватской или сербской нации. Вопреки этому клерикальная пропаганда, поддерживаемая частью буржуазии, стремилась сохранить и закрепить в национальном самосознании обоих народов элементы конфессионализма.

Существенный сдвиг в развитии хорватского национального самосознания вне «исторической» Хорватии произошел в 60—70-х годах XIX в. Стали ослабляться локальные этнические представления. Социально-экономические трудности, переживавшиеся народными массами, мелкой и средней буржуазией хорватских земель, способствовали обострению национального чувства, стремлений к национальному сплочению, к самостоятельности. Субъективный фактор при этом способствовал консолидации нации

⁴ «Южные австрийские славяне принадлежат к одному племени, разделяются [...] на два будто бы народа по вере» (Н. Г. Чернышевский) [168, т. 7, с. 474, 475]; Л. Каравелов считал, что различие веры не должно помешать «сербохорватам» быть одним народом [47, с. 78].

вопреки слабости экономических взаимосвязей частей национальной территории. Но, как обычно в подобных национальных процессах, деятельность людей не могла вполне возместить уровень социально-экономической эволюции (показательно, что в Боснии и Герцеговине, где социально-экономические изменения в среде католического населения были медленными, хорватское национальное самосознание упрочилось позднее [476, с. 193]). Поэтому лишь с глубоким внедрением буржуазных отношений в экономику села в конце XIX—начале XX в. крестьянство, т. е. основная часть народа, проникается национальным сознанием. Свидетельством и стимулом завершения этого процесса был подъем классовой борьбы и политического движения хорватских крестьян, наметившийся уже в 90-х годах XIX в. и особенно характерный для начала XX в. Одновременно активизировалась борьба рабочего класса, уже имевшего свою политическую партию. Тогда же буржуазное политическое движение в разных хорватских провинциях развивалось в тесной взаимосвязи. Но прочное экономическое сплочение национальной территории в условиях Австро-Венгрии достигнуто так и не было. [О формировании хорватской нации см.: Лещиловская, 149; Gross, 1963; Фрейдзон, 1969; 164; 411; 476].

6. Сербь

В конце XVIII—начале XIX в. из всех земель, где проживали сербы, наилучшие условия для формирования нации были в южной части Венгерского королевства (Воеводине). И в социально-экономическом отношении, и по условиям общественной жизни Воеводина тогда находилась в более благоприятном положении, чем Белградский пашалык, где в 1804 г. началось сербское восстание против османского гнета, а в 1815 г. возникло Сербское княжество. В Воеводине раньше всего начался процесс консолидации сербской нации.

В XVIII в. здесь формировалась сербская торговая буржуазия, которая поддерживала связи с глубинными районами Балканского полуострова, населенными единопзычным или близким по языку населением. Скот и иные товары направлялись в Осиек, а затем на крупнейший рынок в Пеште, где заключались оптовые сделки с венгерскими, австрийскими, германскими купцами. Колонии сербских торговцев имелись в Пеште, Вене, Триесте, Риеке и других центрах империи. В целом благоприятная для сербской торговой буржуазии ситуация сохранялась до середины XIX в. Лишь на завершающем этапе промышленного переворота в Австрийской империи традиционной сербской торговле был нанесен серьезный удар. Однако к этому времени на процессе формирования нации уже успел сказаться факт длительного развития буржуазных отношений.

Что касается местного воеводинского рынка, то здесь до третьей четверти XIX в. прочные позиции занимали мелкое производство, разнообразные отрасли цехового ремесла (Нови-Сад,

Панчево, Суботица, Вршац и другие города), мелкая торговля, находившиеся главным образом в руках как сербов, так и местных немцев-колонистов.

В Австрийской империи сербы пользовались церковно-школьными привилегиями. В условиях инационального государства этот институт в добуржуазную эпоху содействовал сохранению сербами своей самобытности. Хотя с развитием капитализма религиозные привилегии все в большей мере служили консервации отживающих форм общественной и духовной жизни, они не утратили значения для национальной консолидации сербов. «Привилегии», в частности, создали условия для возникновения ряда сербских национальных учреждений: гимназии в Сремски-Карловцах (1791 г.) и Нови-Саде (1810 г.), учительской школы в Сент-Эндре (1812 г.), духовной семинарии в Сремски-Карловцах (1794 г.), типографии (1796 г.), наконец Сербской матицы в Пеште (1826 г.).

Разные части сербского народа никогда не были так разорваны в литературно-языковом и культурном отношении, как хорваты. Это достигалось не только тем, что у сербов был один литературный язык — церковнославянский язык русской редакции со значительным добавлением сербизмов, но, главное, историческими условиями развития сербского народа в добуржуазную эпоху.

В течение столетий после утери национальной государственности протекал процесс сплочения сербов под эгидой православия. А поскольку сербы подвергались религиозному угнетению, защита религии связывалась с защитой самобытности народа и способствовала некоторой искусственной изоляции сербов от иного мира во всех сферах жизни. Вот почему помимо некоторых диалектных различий сербская и хорватская литературы вплоть до XIX в. оставались обособленными друг от друга, лишены взаимовлияния.

В первой половине XIX в. главенствующую роль в общественной жизни сербов Воеводины сохраняло духовенство. Его роль в национальных процессах у сербов была противоречивой. В социально-экономическом отношении церковные верхи как феодальная прослойка тормозили формирование нации. Но будучи частью национально-угнетаемого общества, духовенство в то же время содействовало национальному пробуждению сербов. Так или иначе господство в Воеводине духовенства, которое выдвигало религиозные различия на первый план, и пронизывающая общественное сознание религиозность сыграли определенную роль в том, что с развитием капитализма сербская нация стала складываться в основном из православного населения. Религиозный фактор наложил отпечаток на развивавшееся национальное самосознание. В XIX в., когда на смену религиозным связям все интенсивнее вступали в действие более глубинные материальные связи, которые цементировали нацию, и сложилась общественная основа для новых идеологических форм, соответствовавших по-

требностям растущего капитализма, православие тормозило формирование передового светского мировоззрения, передовой культуры, национального литературного языка на основе живой народной речи.

Развитие нации у сербов началось при отсутствии общенационального литературного языка на народной основе, в связи с чем языковая проблема выдвинулась на передний план общественной жизни. Исключительные заслуги перед народом в этом отношении имел замечательный филолог Вук Стефанович Караджич (1787—1864), составитель словаря и грамматики сербского языка, в основу которой был положен принцип: «пиши как говоришь». Новый литературный язык был понятен массам крестьянства. Однако для его распространения Караджичу и его сторонникам пришлось вести долголетнюю борьбу с консервативно-церковными кругами.

Одним из факторов, сплавивших сербскую нацию, была относительная социальная однородность большинства сербского населения, другим — идейная фольклорная и литературная традиция, воспевавшая былое сербское государство — «царство Душана» и вековую борьбу народа против османов.

Крупнейшую роль в национальной консолидации сербов сыграли сербские освободительные восстания начала XIX в. В ходе восстаний усилились связи между Воеводиной и Сербией. Своеобразной прелюдией к Первому сербскому восстанию, открывшему новый этап в борьбе сербов за свободу, явилась так называемая Кочина краина — участие в австро-турецкой войне 1788—1791 гг. сербов, питавших надежду на национальное освобождение с помощью Австрии. Широкое участие в войне приняли отряды воеводинских сербов. В ходе борьбы за освобождение Сербии от турецкого господства крепились национальные связи между частями народа с той и другой стороны Савы и Дуная.

Восстание в Сербии (1804—1813) всколыхнуло сербское население Воеводины. Оно зародило сознание единства интересов угнетенных масс Воеводины и Сербии. Целью крестьянского восстания 1807 г. в Среме и волнений граничар в 1808 г. в Банате было соединение с Сербией. С начала восстания в Белградском пашалыке вопреки австрийским запретам началась эмиграция сербов из Воеводины в Сербию. Она охватила в основном непущие слои. Люди бежали в надежде на лучшую жизнь. Эмиграция была помощью Сербии, которая нуждалась в людях и материальных средствах. Некоторые эмигранты выполняли в Сербии высокие политические функции. Когда же в 1813 г. восстание потерпело поражение, в Воеводину хлынул массовый поток сербов из-за Дуная. Эти передвижения населения сыграли роль в процессе национальной консолидации. Так, к сохранившимся в народных преданиях представлениям о народной общности сербов, к рассказам о совместной борьбе сербов разных земель против османского господства в XVII—XVIII вв. прибавился опыт контактов между разными частями народа в начале XIX в.

Хотя в годы Первого сербского восстания регулярные экономические связи между Воеводиной и Сербией были затруднены вследствие ограничительной политики австрийского правительства и военных действий, Сербия получала из Воеводины продовольствие и ткани, а сначала и военное снаряжение. Когда в 1806 г. австрийское правительство по просьбе Порты запретило продажу военных материалов в Сербию, развернулась контрабандная торговля. У воеводинских торговцев материальная заинтересованность сочеталась с симпатией к борющейся Сербии. Из Воеводины Сербия получала финансовую помощь.

Революционные события в Сербии явились важным фактором в вызревании субъективных предпосылок сербского национально-освободительного движения в Австрийской империи. Они не только ускорили развитие сербского национального сознания в широких слоях населения, но и воплотили не всегда осознанные, но ощущавшиеся трудовыми массами и буржуазией Воеводины потребности в общественных переменах. Революционные преобразования в Сербии усилили тягу сербов Воеводины к объединению с Сербией.

Хозяйственные связи между Сербией и Воеводиной, разделенными лишь Савой и Дунаем, в XIX в. продолжали укрепляться.

С получением Сербией статуса вассального княжества она стала ядром сербской государственности. Сербское княжество поддерживало сербскую буржуазию в других землях. Воеводина постепенно утрачивала определяющую роль в процессе национальной консолидации сербов. Белград все более возвышался как общенациональный центр. Несмотря на сохранение Воеводиной в первой половине XIX в. роли важного экономического и культурного центра сербского народа, все большее значение приобретал фактор развития в княжестве сербской государственности, а позднее, в третьей четверти XIX в., — и сдвиги в социально-экономической жизни Сербии, где ускорилось развитие капитализма. Княжество было притягательным центром сербского народа в Австрии и на Балканах.

Однако процесс утраты Воеводиной определяющей роли в национальной консолидации сербов затянулся на ряд десятилетий. Даже в 60-х годах XIX в. в Нови-Саде издавалось наибольшее число сербских газет. Ввиду автократического режима в Сербии Воеводина вплоть до 70-х годов XIX в. сохраняла определенную роль центра сербской национально-политической жизни. Здесь возникла Объединенная сербская оmlадина (1866 г.), отсюда она осуществляли свое влияние на другие территории, где имелось сербское население. Выпускники воеводинских церковных и светских школ наряду с деятелями из княжества являлись пропагандистами сербской национальной общности в разных районах. Сербь Воеводины, уступив ведущую роль в национальном движении Сербскому княжеству, ощущали себя частью формирующейся сербской нации. Процесс консолидации нации у сербов хотя и

сдерживался наличием государственных границ, разделявших народ, не был этим остановлен. [По данной проблеме см.: Petrović N., 1970; 387; 411].

В конце 60-х и в 70-х годах XIX в. развитию классового и национального самосознания крестьянства способствовала деятельность революционной демократии, соединившей воедино защиту социальных и национальных интересов масс сербского народа.

7. Словаки

История словацкого народа является примером одного из наиболее трудных вариантов формирования нации в Центральной Европе. В раннем средневековье словаки вошли в состав Венгерского королевства. Их господствующий класс на протяжении столетий мадьяризировался и стал составной частью *patio hungarica* — венгерского дворянства. В период кризиса феодализма эта сословная принадлежность определяла самосознание и политическую позицию тех слоев словацкого мелкого дворянства (землянство), которые сохранили народный язык. Какая-либо национально-государственная традиция отсутствовала.

До половины общей численности венгерского дворянства проживало в Словакии — в городах и сельской местности. Кроме того, в Словакии имелось большое, рассеянное по всей территории страны венгерское меньшинство населения (до $\frac{1}{5}$), кроме дворянства — рабочие и крестьяне, городская буржуазия, чиновничество, духовенство, интеллигенция. Венгерская культура и язык в первой половине XIX в. господствовали в общественной жизни, и множество лиц, как-либо поднимавшихся над уровнем феодально-зависимого словацкого крестьянства, мадьяризовались. Это явление было вызвано не только мерами властей в области просвещения и администрации (что особенно сказалось в период после 1867 г.), но и самой общественной обстановкой.

Города Словакии в эпоху феодализма находились в руках венгерского и немецкого патрициата, бюргерства и магнатов. Несмотря на некоторый рост словацкого городского населения, буржуазная экономика к середине XIX в. в подавляющей части находилась в руках инациональных кругов. Достаточно отметить, что к 1845 г. среди владельцев мануфактур отмечен лишь один представитель словацкой национальности, хотя история мануфактур в Словакии насчитывала уже столетие. В конце XIX в. 90% промышленного капитала и 90% банковского в Словакии принадлежало несловакам. В населении более крупных городов доля словаков оставалась небольшой. Так, по данным 1910 г., в Словакии в городах с 2-мя тысячами населения и больше венгры составляли 58,7%, немцы — 25,7%, словаки — 13,1% населения [74, с. 192] (переписи давали неточные результаты, так как критерием национальной принадлежности считался язык повседневного общения).

Словакия являлась составной частью Венгерского королев-

ства, ее территория составляла ряд северных комитатов, она не обладала особым статусом. Комитатское (жупное) управление находилось в руках венгерского дворянства. Чиновничий аппарат, в котором служили и словаки, в эпоху перехода к капитализму формировался центральной властью так, чтобы обеспечить господство венгерского национального самосознания.

И в хозяйственном, и в социальном отношении словацкая территория были столь же органической частью Венгерского королевства, как и в административно-политическом.

Развивавшийся среди словаков слой мелкой торговой буржуазии и внецеховых, по преимуществу сельских, ремесленников, обычно вплоть до середины XIX в. даже не освобождавшийся от феодально-зависимого состояния, хотя постепенно накапливал денежные средства, вел свои операции по большей части за пределами Словакии (известно большое количество словаков-коробейников, бродячих жестянщиков, кузнецов и т. д.) и был слабо связан с местным рынком. Сам этот рынок ввиду пестроты населения развивался как рынок многонациональный, преимущественные позиции на котором занимали несловаки.

Эта особенность развития Словакии, прежде всего крайняя слабость и позднее формирование национальной буржуазии, была причиной того, что здесь не создалось единого словацкого городского центра, который бы распространял свое экономическое, политическое и культурно-идеологическое влияние на словацкую периферию, хотя на территории, населенной словацким народом, были расположены значительные хозяйственные и политические центры Венгерского королевства. Здесь находилась его официальная столица — Пожонь (Братислава), где до 1849 г. пребывало государственное собрание королевства. Это означает, что возникновение ядра словацкой нации было крайне затруднено.

В отличие от сербов, словенцев, румын и украинцев, не говоря уже о немцах, находившихся в составе королевства, словаки не имели своих единоплеменников вне пределов Венгрии и за пределами Австрийской империи. Это еще более затрудняло формирование их национального самосознания. Наконец, словаки не обладали национальной церковью. Словаки, протестанты и католики, находились под опекой церковной иерархии господствующей нации, стоявшей на страже интересов помещиков.

Таковы неблагоприятные черты национальных процессов у словаков. Поэтому в период перехода от феодализма к капитализму словацкое национальное движение встретилось с особыми препятствиями. Венгерский помещик видел в словаке прежде всего зависимого (или — после 1848 г. — едва освободившегося от барщины) крестьянина или мелкого буржуа — противника его социальных привилегий. В Словакии в полной мере действовал принцип национальной политики венгерского дворянства: цель — создание единого национального государства. Эта политика облегчалась тем, что словацкое национальное движение не располагало такими силами, как движения ряда других народов.

Конечно, социальные сдвиги, происходившие в Словакии, давали свои результаты. Из ряда событий, свидетельствовавших о поступательном развитии словацкой нации, можно выделить во второй четверти XIX в. ослабление влияния на интеллигенцию так называемого чехословакизма, то есть теории единого чехословацкого народа. Существенные различия в социально-экономических условиях жизни чехов и словаков как в средние века, так и в XIX в., в общественной структуре обоих народов, в характере их экономических связей и в языке способствовали формированию особого словацкого национального самосознания. Этот объективный процесс нашел выражение в идеологии и деятельности «штуровского поколения» 30—40-х годов XIX в., стремившегося к сотрудничеству и дружбе словаков и чехов как двух братских народов.

Другим важным фактом было сближение и сотрудничество между католической и протестантской интеллигенцией в создании общенационального литературного языка (40-е годы XIX в.). В данном случае, в отличие от югославян, единый литературный язык действительно явился одним из признаков складывающейся нации. Сам факт указанного сотрудничества свидетельствовал о постепенном изживании профессиональных черт этнического самосознания. В этом отношении примером для словацкой интеллигенции могла явиться венгерская нация, также формировавшаяся из населения, принадлежавшего к разным ветвям протестантизма и к католицизму.

Вообще в условиях крайней слабости словацкой буржуазии (фактически до конца 70-х годов существовала лишь мелкая буржуазия) особое значение для развития национального самосознания имели различные идейные влияния — немецкое, венгерское, сербское, русское, итальянское, не говоря об идеях французского Просвещения и французской революции XVIII в.

«Принцип национальности», присущий эпохе, не мог не оказать воздействия на словацкую интеллигенцию, все более остро — по мере усиления политики мадьяризации накануне революции 1848 г. — олуцщавшую свое положение представительницы угнетенного народа. Идеология национального пробуждения проявилась у народов, подобно словацкому, не имевших развитой буржуазии [Hroch, 1961; Hroch, 1970; 304]. Но эта идеология могла быть подхвачена интеллигенцией лишь в условиях буржуазной эволюции всего венгеро-словацкого общественного комплекса, развития товарного производства, торговли, кредита и т. п., наконец наличия мелких словацких товаропроизводителей в эпоху кризиса феодализма.

Если, однако, у более развитых в социально-экономическом отношении народов интеллигенция, которая вырабатывала и распространяла национально-освободительную идеологию (выражавшую интересы не только буржуазии, но в определенной мере и широких масс), пользовалась разносторонней поддержкой, то словацкая интеллигенция получала ее в недостаточной

мере. В крестьянской среде буржуазная национальная интеллигенция не могла получить прочной опоры ввиду своей социальной умеренности. Поэтому успехи национального движения были непрочными. Когда позволяли политические условия, интеллигенция трудилась над созданием национальных культурных учреждений и политических очагов. В 60-е годы XIX в. были созданы Словацкая матица, газеты, журналы, просветительские и научные общества. Получило распространение не только элементарное обучение на родном языке, но имелись и три словацкие гимназии. Городок Турчански-св.-Мартин (3 тыс. населения) удалось превратить в небольшой национальный центр, где находились матица, гимназия, газеты, руководство Национальной партии. Но Мартин не играл роли в экономике, не являлся местом концентрации национальной буржуазии и рабочего класса.

В 60-е годы национальное самосознание распространялось вширь, имели место массовые выступления национального характера, и можно считать, что период словацкого национального пробуждения в основном завершился.

Но когда после 1867 г. правящие круги перешли в наступление против очагов словацкой культуры, средние школы и Словацкая матица были ликвидированы. В 80-е годы XIX в. словаки, как и украинцы Закарпатья, — только две из всех национальностей Венгерского королевства, — оказались лишенными своей средней школы. Словацкое национальное движение было не в силах противостоять политике властей королевства. Исследователи отмечают «пассивность определенных национальных кругов словацкого общества перед нажимом мадьяризации» [74, с. 149—178]. Эту пассивность можно поставить в связь с недостаточной зрелостью структуры словацкого общества.

8. Румыны

Длительный исторический процесс формирования из влашского населения Венгрии и Трансильвании (или из восточно-романского этноса) части румынской нации, которая окончательно сформировалась лишь после 1918 г. (в связи с присоединением Трансильвании и других частей бывшего Венгерского королевства к Румынскому государству, которое сложилось в 1859—1877 гг.), происходил в сложных условиях и тормозился рядом неблагоприятных факторов.

Длительное время отсутствовали и медленно складывались общность экономической жизни и политическое объединение территории. Значение этих взаимосвязанных факторов, если даже не касаться уровня развития производительных сил, очевидно. Известно, что необходимым условием возникновения общности хозяйственной жизни, складывающейся при наличии определенного минимума устойчивых и более-менее регулярных хозяйственных связей внутри одного и того же этноса, является единство этнической территории. Устранение политической (но

не административной!) раздробленности румынского населения империи в результате вхождения в 60-х годах его территорий в состав Венгерского королевства несомненно облегчило взаимное общение в культурно-политической и экономической сфере отдельных его частей. Но это еще не означало возникновения прочной экономической общности, ибо ускорившееся экономическое развитие и присущее капитализму разделение труда объединяло живущие бок о бок и чересполосно различные народы государства. К тому же подавляющее большинство городов Трансильвании и Венгрии, и те из них, которые находились в непосредственном окружении компактно заселенной романо-язычным населением территории, в силу незначительности доли в них румынского этнического элемента не могли стать центрами складывания национальной экономической общности. В городах Трансильвании и Баната, как правило, преобладал не румынский, а немецкий, немецко-венгерский или венгерский элемент.

Естественно, что ни Брашов, Сибиу, Клуж, Тыргу-Муреш в Трансильвании, ни Орадя или Арад в Венгрии, не могли выполнять в экономической и общественно-культурной жизни румын ту организующую и преобразующую функции, которые присущи городам с населением, в преобладающей части принадлежащим к данному этносу. Не случайно, что центром общественно-политической и культурной жизни румын стали не названные известные города, а небольшой городок, скорее село, Блаж.

Поскольку при нарушении этнической целостности территории в результате смешения народов части формирующейся нации не могут образовать чисто национальную экономическую общность, то у румын Венгрии последняя не сложилась и после 1867 г. Тем более, что экономическая общность определяется в первую очередь особенностями социальной структуры господствующей и неполноправной наций, торговых и транспортных связей и т. д. Развивающийся капитализм усиливал конкурентную борьбу румынской, венгерской и немецкой буржуазии, порождал тенденции формирования рынка (который в данном случае не мог быть «национальным») и в то же время ломал национальные перегородки и локальную замкнутость отдельных районов, действуя одновременно и как фактор превращения романоязычного населения в нацию, и как фактор хозяйственного сближения с другими народами, сдерживая тем самым процесс формирования «национальной экономической общности».

Важное значение в формировании румынской нации в Венгрии и Трансильвании имели процессы, происходившие в сфере духовной жизни. Отсутствие здесь собственной государственности, политических институтов, сплошной этнической территории, экономической общности, а главное преимущественно аграрный характер общества и связанная с этим замедленность процессов классовобразования, характерного для капитализма, — все это придавало особое значение в национальном процессе формированию национального самосознания.

Общий язык и происхождение, дополненные представлениями об общности исторических судеб отдельных частей разделенного государственным границами романоязычного этноса, общие генеалогические предания, легенды и т. п., активно пропагандировавшиеся церковной и светской интеллигенцией в XVIII—XIX вв. в условиях процесса формирования классов буржуазного общества и постепенного втягивания все более широких масс народа в буржуазные связи — все эти обстоятельства способствовали появлению и укреплению у румын Трансильвании и Венгрии сознания их этнической общности с населением румынских княжеств. В связи с тем, что в Молдове и Валахии, находившихся в составе Османской империи, во второй половине XVIII—начале XIX в. господствовали фанариоты, подавлявшие рост национальной культуры, Трансильвания в то время была средоточием зарождавшегося просвещения на родном языке и формировавшихся национальных идей.

Значительное место субъективного фактора — деятельность интеллигенции по поддержанию национального сознания при замедленном процессе формирования нации — было присуще ряду народов, подвластных австрийской монархии, но в особенности румынам и словакам (в противовес этому у хорватов и сербов, при многих аналогичных неблагоприятных обстоятельствах, проявлялось сильное воздействие иных, в том числе объективных, факторов, стимулировавших национальный процесс).

Консолидация румынского национального государства во второй половине XIX в., в частности активное участие Румынии на стороне России в освободительной русско-турецкой войне 1877—1878 гг., принесшей Румынии государственную независимость, способствовали ускорению формирования румынской нации. Валахия, Бухарест являлись притягательными центрами общенационального масштаба. Проблема, над которой до середины XIX в. задумывалась часть интеллигенции: в составе ли монархии Габсбургов и при ее содействии или вне ее и в борьбе с ней должно осуществиться объединение всей румынской территории — более не существовала.

9. Поляки

Поляки не были единственным среди народов габсбургской империи, чья национальная территория не входила целиком в ее состав. Однако в отличие, например, от сербов и румын, имевших в XIX в. за пределами габсбургской империи национальные государства, поляки либо обладали суррогатами государственности (Княжество Варшавское, Королевство Польское 1815—1830 гг., Краковская республика), либо были вовсе ее лишены. Их национальная территория была разделена между тремя государствами, к тому же на протяжении полувека происходили переделы и изменения, накладывавшие отпечаток на

условия существования отдельных частей польского народа и развития нации в целом.

Так, хотя в рассматриваемое столетие значение Кракова в развитии нации не было определяющим, крутые перемены в его судьбе не оставались для нее без последствий. По решению Венского конгресса Краков с небольшой прилегающей территорией был превращен в «вольный, независимый и строго нейтральный город», обиходно именуемый Краковской республикой. Независимость этого карликового государства была эфемерной, сенат республики был поставлен под присмотр резидентов великих держав — «опекунов», но даже эта неполноценная государственность имела значение для национального развития. Здесь официальным был польский язык, существовал польский университет, а после подавления восстания 1830—1831 гг. Краковская республика оставалась последним островком, официально сохранившим польский характер. В годы реакции, последовавшие за поражением революции 1848 г., в Кракове, низведенном до положения окружного города Галиции, проводился жестокий курс германизации, распространенный в 1854 г. и на древнейший польский университет. После соглашения между польскими галицийскими политиками и правительством, с конца 60-х годов Краков вновь приобрел значение крупного центра национальной жизни: реполонизируется университет (1869), учреждается Академия наук (1873) и т. д.

В значительно большей мере на развитие польской нации влияла в это столетие Варшава. В 90-е годы XVIII в. быстро растущая столица (120 тыс. человек), центр экономической и духовной жизни государства, Варшава играла значительную роль в том политическом оживлении, которым характеризуются два последних десятилетия существования Речи Посполитой. Здесь в среде передовых мыслителей и талантливых публицистов формировались просветительская идеология, новое, антифеодальное по своему существу понимание нации, здесь заседал Четырехлетний сейм, была принята Конституция 3 мая 1791 г. Ремесленно-плебейская Варшава в 1794 г. изгнала царские войска, с якобинской решительностью покарала изменников, отражала атаки пруссаков. Но переданный по разделу 1795 г. Пруссии город превратился в захолустье. Тильзитский мир 1807 г. возвратил ей положение столицы, правда небольшого и вассального в отношении Наполеона государства — Варшавского княжества. Варшава сохранила значение столицы и после превращения княжества в связанное унией с Россией Королевство (Царство) Польское. В Варшаве создаются университет, агрономический институт, консерватория, здесь происходят заседания сейма. Вспыхнувшее 29 ноября 1830 г. в Варшаве восстание ставило своей целью восстановление национальной независимости. Значение Варшавы как ведущего центра национальной жизни остается непоколебленным несмотря на то, что царизм после подавления восстания 1830—1831 гг. ликвидирует автономию Королевства Польского,

упраздняет университет, на многие годы устанавливает военно-полицейский режим. Но и в этих условиях в Варшаве в 30—40 годах развивается конспирация, в которой все более проявляются революционно-демократические черты. В начале 60-х годов Варшава стала центром мощного общественного движения, возникшего в условиях революционной ситуации. Кульминацией этого движения стало восстание 1863—1864 гг., составившее веху в истории всего польского народа.

Этот экскурс в историю Польши имел целью подчеркнуть многоплановость и сложность развития польской нации. Для общей характеристики этой проблемы и сопоставления развития польской нации и других наций Дунайской монархии существенны следующие моменты.

Разделы Речи Посполитой и ликвидация польской государственности произошли в то время, когда процесс формирования польской нации достиг значительного развития. Расчленение польской национальной территории, нарушение сложившихся экономических связей осложнили этот процесс, но не прервали его, а в определенном смысле даже интенсифицировали, вызвав к жизни национально-освободительное движение, ставшее фактором развития чувства национальной общности и выработки черт национальной психологии. [О проблемах формирования польской нации см.: Миллер, 1952; Gaşiorowska, 411а, т. 2; Обушенкова, 74а; 368, 468].

Хотя захват Австрией малопольских земель, составивших западную часть австрийской провинции Галиции (в нашей книге она называется Западной Галицией), произошел на начальном этапе формирования польской нации, население этих территорий не осталось в стороне от общепольского национального процесса.

Однако попавшие под власть Габсбургов польские земли (мы не берем здесь в расчет владение ими в 1795—1809 гг. так называемой Новой Галицией) были лишь небольшой частью Польши. Западная Галиция и Цепинская Силезия — находившиеся в составе Австрии земли с компактным польским населением — составляли менее 10% этнически польской территории. Более значителен был удельный вес этих земель в демографической структуре нации: около 1870 г. на них проживало почти 2 млн. поляков, что составляло почти 25% польского населения на польской национальной территории [296, т. 3, ч. 1, с. 95]. Дело не сводилось к этим соотношениям. И экономическое значение Галиции, относительно сокращавшееся на протяжении века, и социальная стагнация, и второстепенная роль в польской национально-политической жизни еще более отодвигали польские земли в составе габсбургской империи на второй план процесса формирования польской нации. Ядро формировавшейся нации находилось вне пределов Австрии, и в этом отношении из народов Австрийской империи сопоставимым является лишь положение украинского народа. Вместе с тем следует заметить, что Западная Галиция сохраняла этнически однородный польский характер. Кратковре-

менные попытки немецкой колонизации, предпринятые австрийским правительством после захвата Галиции, были неэффективны и после смерти Иосифа II не возобновлялись.

Социально-экономическая отсталость Галиции была фактором, накладывавшим отпечаток на замедленность процесса формирования здесь польской нации. Социальные антагонизмы феодальной эпохи тормозили развитие национального самосознания польских народных масс, прежде всего крестьянства. Последнее хранило бесценные сокровища народных традиций и сопротивлялось любой денационализаторской политике, вместе с тем оно не ощущало общности интересов вообще и вместе с тем общности национальных интересов с панями. Польский исследователь Т. Лепковский даже отмечает, что в отличие от польских земель под властью Пруссии, где развитие капитализма в сельском хозяйстве делало крестьянство «национальным», в Галиции, где сохранялась старая социальная структура, крестьянство оставалось слабо втянутым в структуру национальной общности. Оно было антишляхетским и в силу этого «ненациональным», если не «антинациональным» [368, с. 151, Kienewicz, 408, т. I]. Разумеется, эту формулировку следует воспринимать как отражение факта идейного и политического отталкивания крестьянства — основной массы формирующейся польской нации — от социально-враждебных ему дворянско-помещичьих слоев, «верхов» тогдашнего польского шляхетского общества («нации»). Мерой остроты внутринациональных классовых антагонизмов было антифеодальное движение польского крестьянства Западной Галиции в 1846 г.

Заметим, что господство польских помещиков во всей Галиции по-разному влияло на формирование национального самосознания крестьянства; польскому крестьянству оно долгое время мешало осознать себя частью той же национальной общности, к которой принадлежали угнетатели-помещики, для украинского же крестьянина Восточной Галиции связь социального и национального гнета и борьба против помещиков становились факторами формирования не только социального, но и национального самосознания.

Участие царизма в разделах Речи Посполитой и особенно режим политического и национального гнета, установленный им после восстания 1830—1831 г., были важнейшей причиной того, что польское национальное сознание было лишено или почти лишено характерного для других славянских наций эпохи их формирования романтического элемента славянской общности, связанного с верой в помощь России. Польское славянофильство, появившееся в начале XIX в., представляло собою маловлиятельное либерально-просветительское течение. Оно сошло на нет после поражения восстания декабристов и восстания 1830 г., в условиях утверждения в России и Королевстве Польском николаевской реакции. У польского дворянства Галиции опасения и неприязнь в отношении России, а в определенной мере и в отношении идей славянской взаимности диктовались дополнительными

мотивами — боязнью утраты своего господствующего положения в отношении украинского населения Восточной Галиции.

Особенности развития наций Дунайской монархии, имевших свой феодальный господствующий класс, в полной мере относятся к полякам Галиции. Эти особенности еще более усиливались прочными традициями недавней государственности, характеризовавшейся системой шляхетского самоуправления. Стремление к восстановлению еще недавней собственной государственности, непрерывность традиции освободительного движения были определяющими чертами развития польской нации. Они исключали на протяжении почти всего рассматриваемого периода возможность появления в польской общественной жизни — в том числе и в Галиции — политической программы, содержащей отказ от идеи национальной независимости. С другой стороны, социально-экономическая отсталость, господствующее положение помещиков, отождествлявших свои классовые интересы с интересами национальными, осторожность крестьянства ко всему носящему «панский», «польский» облик, не только сужали сферу влияния польского освободительного движения, проявившего себя в Галиции в 30—40-х годах XIX в., но и тормозили процесс формирования национального самосознания масс.

Одним из проявлений специфики развития нации с сильным дворянством была значительная сила ассимиляции. Немалое число присланных в Галицию чиновников, главным образом немецкого происхождения, полонизировалось, чему способствовали браки с польскими шляхтянками. В 20—40-х годах XIX в. в австрийской администрации появляются и польские шляхтичи, ранее избегавшие государственной службы. Так постепенно формируется прослойка польской или полонизированной бюрократии и интеллигенции, оказавшаяся необходимой при реализации австро-польского политического компромисса в конце 60-х годов.

Этот компромисс имел немалое значение для условий развития польской нации, национальной, в частности культурной жизни, особенно в обстановке обостренной антипольской политики царизма и бисмарковской Германии. Однако к этому времени процесс формирования польской нации был уже в основном завершен.

Особо следует отметить проявившееся в 1848 г. и в дальнейшем получившее закрепление польское национальное пробуждение в Цешинской Силезии. Здесь, на территории, утратившей свою связь с польским государством еще в XIV в., польское население было представлено лишь трудящимися массами — крестьянством, ремесленниками, нарождающимся рабочим классом. Особенностью являлось не только отсутствие польского дворянства, но и значительный процент поляков протестантского вероисповедания. Осознание себя поляками, частью польской нации наступало в Цешинской Силезии в условиях развития капитализма. Активную роль в этом процессе играла демократическая интеллигенция — издатели газеты «Тыгодник цешиньский»

П. Стальмах и А. Цинцяла, врач П. Ошельда. И социальная структура, и многонациональный состав населения (наряду с поляками — чехи и немцы) существенно отличали Цешинскую Силезию от соседней Западной Галиции. Польское национальное пробуждение в Цешинской Силезии имело много общих черт с аналогичным процессом в принадлежавших Пруссии польских землях, при этом не только соседней Верхней и Опольской Силезии; но и отдаленных Вармии и Мазурах.

10. Украинцы

Преобладающая часть украинских земель находилась в составе Российской империи; там же было и ядро украинской нации. Процесс формирования нации в западной части украинских земель, подпавших под власть Габсбургов, был тесно связан с общественно-экономическим и культурным развитием всей Украины.

Наибольшей областью с компактным украинским населением в Австрийской империи была Восточная Галиция. Но в XVIII—начале XIX в. здесь шел процесс полонизации остатков украинского дворянства, большей части мещанства и интеллигенции. Господствующее положение по-прежнему занимало польское дворянство. Из польской мелкошляхетской и мелкобуржуазной интеллигенции рекрутировалась масса местного чиновничества и служащие помещичьих имений. Польский язык господствовал в дворянском обществе, в среде городского населения и постепенно вошел в обиход украинской интеллигенции, чиновников, мещан, духовенства, вытеснив украинский язык. Школа была орудием полонизации в особенности после передачи надзора над начальными школами в руки католического духовенства (1805 г.) и перевода преподавания на польский язык (1818 г.). В школах более высоких ступеней (нормальные, гимназии) и Львовском университете преподавание велось по-немецки, а польский язык был обязательным предметом. Даже во Львовской (униатской) семинарии в обиходе, а на последнем курсе и в преподавании употреблялся только польский язык.

Наличие особой униатской церкви могло иметь значение для сохранения этнической самобытности украинского населения. Однако феодальная верхушка униатского духовенства, стремясь уподобиться шляхте, помогала устранять украинский язык из школ, преследовала семинаристов за занятия украинской словесностью и даже перевела церковное делопроизводство и проповеди на польский язык. Полонизация осуществлялась также посредством перевода униатов в католичество. При поддержке правительства была развернута католическая пропаганда. По данным статистики, с 1801 по 1851 г. в католичество было переведено более 210 тыс. человек [503а] — дворяне, почти все чиновники и мещане, в особенности в крупных городах — Львове, Пшемьсле

(Перемышле) и т. д. [138, с. 52, 172]. Тем самым разрывалась последняя связь этих слоев с украинским населением.

Господствующий класс в Восточной Галиции был польским или полонизированным, а угнетенную массу составляло главным образом украинское крестьянство. В его представлении понятия «лях» (поляк) и «пан» (барин) были равнозначными [120*].

Описанные явления стали возможны в условиях господства крепостничества и полунатурального крестьянского хозяйства. Подавляющая часть городского населения Восточной Галиции была инонациональной (поляки, евреи, немцы). В ее руках находилась почти вся торговля, слабое промышленное производство.

Даже в третьей четверти XIX в. процент украинского населения в городах Восточной Галиции продолжал снижаться. Однако важно, что после 1848 г. его абсолютная численность постепенно росла за счет притока из деревни. По мере расширения товарно-денежных связей со все большей массой населения, в частности с растущей сельской буржуазией, мелкие городские торгово-промышленные слои, домовладельцы и другие становились невосприимчивыми к ассимиляционным влияниям. Вместе с ростом численности украинского трудового населения в городах, а также национальной буржуазии, постепенно стал преодолеваться процесс денационализации городов, расположенных среди обширной украинской сельской округи. Этот факт свидетельствовал о том, что процесс формирования нации стал неодолимым.

Главный город Галиции — Львов (в 1849 г. — 70 тыс. населения) в середине XIX в. был центром оптовой торговли Галиции и Буковины. Львов, где были сосредоточены польское дворянство, буржуазия, чиновничество, церковные учреждения, вместе с тем становился основным украинским центром в Австрийской империи. Здесь уже давно находились Ставропигийский институт, типография, униатская митрополия, семинария и стала концентрироваться украинская интеллигенция.

Представители духовной (которая преобладала до 1848 г.) и светской интеллигенции первыми выступили с возрожденческими идеями, некоторые — сразу после наполеоновских войн. Но лишь в 30-е годы обозначился сдвиг в процессе украинского национального пробуждения (деятельность «Руськой тройцы», попытка основания газеты и т. д.), которое лишь теперь стало охватывать более широкую среду либеральной и демократической интеллигенции. В ее сознании отразились как факты освободительной борьбы польского народа (восстание 1830 г., деятельность тайных обществ в Галиции), так и нараставший социальный протест крестьянства, общая ситуация в Австрийской империи и в Европе.

Но деспотический режим тормозил подъем украинского национального движения, препятствовал широкой, доходящей до массы народа пропаганде и вместе с общими социально-экономическими условиями (сохранением феодальных отношений) сдерживал развитие национального самосознания. Характерны в этом отношении следующие факты: знаменитая «Русалка Днестровая», из-

данная в 1836 г., смогла увидеть свет лишь в 1848 г.; тогда же, наконец, появились украинские газеты, организовать издание которых национальные деятели пытались уже с 1836 г.

Украинское национальное пробуждение в Галиции свидетельствует о том, что периодизация движения связана не только с его внутренним созреванием, но и с общеполитическими условиями. Так, во время революции 1848 г. украинские национальные организации быстро охватили территорию Восточной Галиции (число местных «руських рад» достигло 50), что говорило о важных сдвигах в национальном самосознании. Дальнейшему развитию этого процесса способствовало введение украинского языка в школы (факультативно — и в гимназии). В 1848 г. наблюдалась подлинная вспышка культурно-просветительной и политической деятельности.

Тот факт, что социальный гнет в Восточной Галиции переплетался с национальным и религиозным, делал крестьянство весьма чувствительным к национальной пропаганде. Не случайно в 1848 г. оно поддержало идею раздела Галиции на украинскую и польскую части. Хотя в этом еще сказалась не столько зрелость национального самосознания (об этом можно говорить лишь в последней четверти XIX в.), сколько социальный протест, знаменателен сам факт восприятия крестьянами национальных лозунгов сквозь призму своих классовых интересов.

Споры относительно литературного языка, развернувшиеся в Восточной Галиции еще в первой половине XIX в., продолжались и позднее. В этом проявилась социальная отсталость области и сохранение своих позиций консервативной церковной иерархией, враждебной массе народа. Попытки сохранить церковнославянский язык или русско-украинско-церковнославянскую смесь в качестве литературного языка были несостоятельны и реакционны. Для их преодоления, для ускорения процесса формирования национального самосознания большое значение имели культурные связи Восточной Галиции с Приднепровской Украиной, где находился центр формирующейся нации. В гуще многомиллионного украинского народа вырос гений Т. Г. Шевченко, творчество которого в 40-е годы XIX в. было крупнейшим вкладом в процесс становления украинского литературного языка и демократической идеологии. Ф. Энгельс в 1855 г. отмечал традиционное тяготение украинцев, находившихся под властью Австрии, к «другим объединившимся с Россией малороссийским областям»⁵.

Северная Буковина и Закарпатье по развитию национальных процессов отставали от Восточной Галиции. В составе Венгерского королевства Закарпатье являлось наиболее отсталой областью, а положение украинского населения во многом было сходным с положением в восточных аграрных районах Словакии.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 41, с. 204.

11. Образование комплекса внутринациональных связей

В Австрийской империи возникшие еще при феодализме областные рынки в эпоху формирования нации обычно охватывали часть этнической территории того или иного народа либо районы со смешанным населением, нередко независимо от административных границ (особенно в тех случаях, когда эти границы не совпадали с природными рубежами). Например, рынок Вараждина, старинного центра ремесла и торговли на северном рубеже Хорватии, охватывал округу, включавшую часть хорватской и венгерской территорий; в южном междуречье Дуная и Тисы (Бачке) и на соседнем левобережье Тисы (Банате) объединенные общими хозяйственными связями проживали совместно сотни тысяч румын, сербов, венгров, немцев, словаков, украинцев (русинов), югославян-католиков (шокцев, буневцев, позднее вошедших в состав хорватской нации), на словацкой территории экономические связи охватывали словаков, венгров и немцев; в Чехии и Моравии — чехов и немцев, в Силезии — поляков, чехов и немцев, в словенских областях — словенцев, немцев и итальянцев, в Восточной Галиции — украинцев, поляков и евреев (таков, в частности, экономический район Львова).

В этих условиях для процесса формирования наций особое значение имело развитие буржуазных (прежде всего торговых) связей, товарного обращения и формирование капиталистического уклада в среде единоплеменного населения, занимающего определенную территорию. Зарождение и развитие капитализма в национальных районах протекало в условиях опережающего развития австро-немецкого капитала и выгодной ему политики австрийских правящих кругов.

В период промышленного переворота длительная неустойчивая социально-экономическая ситуация, постепенное приспособление местного хозяйства к новым условиям, преимущественное развитие аграрного капитализма в отсталых районах — все это оказало влияние на внутринациональные экономические связи. В разных национальных районах хозяйственные связи находились в зависимости от основных тенденций экономического развития империи в целом. Последствия этого зависели от географического расположения территории того или иного народа. Как отмечалось, проведение железных дорог в середине и третьей четверти XIX в. от Вены к окраинам империи упрочило связи между словенскими областями (дорога Вена—Триест), но ослабило связи между Славонией, Хорватией и Далмацией и т. д. (дороги Вена—Загреб, Пешт—Загреб, Пешт—Южная Венгрия). В некоторых случаях железные дороги нанесли непоправимый ущерб старинной оптовой торговле. Некоторые торгово-ремесленные городские центры на целые десятилетия пришли в упадок, другие так и не вернули былого значения. С проведением железных дорог отдельные окраинные районы оказались прочнее связанными с цент-

рами империи, чем между собой (например, районы венгерского Задубавья или Воеводина с Хорватией). Но наряду с этим стало быстро расти экономическое значение городских центров, оказавшихся на железнодорожных магистралях (Прага, Пешт, Львов, Загреб и другие). Некоторые из них только теперь стали превращаться в центры национального и более широкого масштаба. После 1867 г. особенно резко возросло общеимперское экономическое значение Пешта-Буды. Таким образом, для национальных процессов промышленный переворот имел различные, весьма противоречивые последствия.

Наличие имперского многонационального рынка не означало исчезновения местных рыночных связей, хотя последние все более переплетались с общегосударственными и зависели от них [339]. Национальная буржуазия, несмотря на трудности, вымывание ее отдельных звеньев, временами — застой в делах, все же росла и крепла, разумеется, в разных провинциях с неодинаковой быстротой. Дальнейшее развитие местных связей или, наоборот, резкая реакция на их нарушение, борьба против политики центральной власти, не считавшейся с традиционными местными интересами, конкуренция местной буржуазии с австронемецкой — все это способствовало обострению национальных чувств, развитию национального самосознания.

Для подъема национального самосознания угнетенного народа наиболее существенным в большинстве случаев было не оформление особого национального рынка (процесс, завершение которого вряд ли было возможно в рамках многонационального государства), а социальные сдвиги вследствие развития товарного хозяйства и капитализма, втягивание в рыночные отношения широких слоев и в связи с этим осознание невозможности в данных условиях создать прочную экономическую общность — национальный рынок (или осознание трудностей на этом пути), распространение ввиду этого оппозиции разных слоев обуржуазивающегося общества против режима национального неравноправия и эксплуатации, против чуженациональной экспансии и политики национального гнета. Национальное самосознание при этом было пропитано классово-идеологией. Такие условия его развития в разной мере были присущи всем угнетенным народам Австрийской империи.

Там, где, как в чешских землях, капитализм привел к быстрому подъему буржуазии как господствующей, так и угнетенной нации, несмотря на всю остроту борьбы за рынок между ними, формирование нации протекало успешно. Но там, где в период промышленного переворота процесс складывания национальной буржуазии был затруднен, а этническая территория фактически включалась в сферу рынка привилегированной нации, как это было в Словакии, процесс консолидации нации долгое время не был обеспечен.

Задачей первостепенного значения для буржуазии (поскольку она уже имела) каждой формирующейся нации было завоева-

ние позиций не только на областном или национальном рынке, но и благоприятных условий связей с рынками общеимперским и международным. Последние влияли на формирование нации не непосредственно (т. е. не в смысле упрочения внутринациональных экономических связей), но имели огромное значение для развития национальной буржуазии вообще и осознания ею общности своих классовых интересов в общенациональном масштабе. Именно это осознание общности интересов всего класса или социального слоя и отождествление их с интересом национальным, как мы отмечаем, имело решающее значение для участия того или иного класса или слоя в национальном движении. Поэтому, например, мелкая буржуазия втягивалась в него по мере осознания ею неустойчивости своих социально-экономических позиций в быстро менявшемся мире.

В районах более интенсивного развития капиталистического хозяйства (чешские земли, центральные районы Венгрии) буржуазия неполноправной нации, хотя она не была в состоянии добиться господства на местном рынке, была вовлечена в процесс освоения имперского и иностранного рынков. Положение формирующейся буржуазии менее развитых районов было несравненно труднее. В условиях многонационального государства она могла лишь мечтать об овладении национальным рынком и полной экономической консолидации. В качестве первого шага к этой цели могло быть политическое объединение национальной территории и автономия.

Итак, особенности процесса формирования общности социально-экономических национальных связей определялись условиями развития общеимперской экономики, господством на имперском рынке австронемецкой буржуазии, феодальным строем в первой половине XIX в., сохранением крупных остатков феодализма после 1848 г. Все это способствовало развитию и длительному сохранению консервативных форм национального капитала в большинстве районов империи, расцвету ростовщичества. Наряду с сельским кулаком, со скупщиком урожая «на корню» и т. п., т. е. наиболее грубой формой ростовщичества, во второй половине XIX в. возникает сеть кредитно-сберегательных касс, концентрировавших капиталы и мелкие сбережения помещиков, торговцев, чиновников, более богатых ремесленников, интеллигенции, духовенства. Их главными клиентами являлись прежде всего горожане и лишь позднее зажиточные крестьяне (многие из них ссужали полученные средства бедноте).

Впоследствии, в конце XIX—начале XX в., с развитием внутреннего рынка кредитно-сберегательные кассы наряду с банками сыграли важную роль в финансировании предпринимательства промышленников и аграриев, т. е. способствовали консолидации городской и сельской аграрно-промышленной национальной буржуазии. Но в течение второй половины XIX в. в более отсталых районах кассы являлись по преимуществу центрами организованного ростовщичества. Пока последнее приносило более высокий

доход, чем промышленность, состояние которой было неустойчивым, национальная буржуазия, как старая, утерявшая ввиду конкуренции фабрик и новых видов транспорта прежние сферы деятельности, так и новая, охотно вкладывали свои средства в кредитно-сберегательные кассы. Капиталы касс росли намного быстрее, чем промышленное производство (к третьей четверти XIX в. относится лишь начало этого подъема). Лишь в чешских и австро-немецких землях, а также в экономически развитых районах Венгрии, в 60—70-х годах XIX в. аграрно-промышленный капитал уже занимал преобладающие позиции. Тысячи крестьянских участков в Австрийской империи во второй половине XIX в. были проданы на аукционе за долги по требованию «национальных», «патриотических» кредитно-сберегательных касс.

Обычно крупная касса становилась финансовым центром целого района, очагом национальной буржуазии. Постепенно сеть касс охватывала все более обширную национальную территорию. Позднее рядом с кассами возникала сеть кредитных, сбытовых и иных кооперативов, пользовавшихся их ссудами. В дальнейшем кассы и банки переходили к финансированию промышленности и сельского хозяйства. Так создавалось единство капитала и буржуазного класса в масштабах нации, так упрочивались внутринациональные экономические связи — крупный фактор процесса формирования нации.

В борьбе с аналогичными учреждениями буржуазии других наций или кассами, находившимися под покровительством властей, национальная буржуазия распространяла на массу населения свое экономическое, а вместе с ним и политическое влияние. Обычно во главе кредитно-сберегательных касс находились местные национальные деятели — торговцы, учителя, адвокаты, депутаты провинциальных собраний или центрального парламента. Нередко касса заставляла зависимых от нее людей голосовать на выборах за удобного ей кандидата, подчас — одного из руководителей кассы. Эти деятели боролись за национальные права, где это было необходимо — за расширение преподавания в школах на родном языке, поддерживали национальную печать и т. д., но всегда стремились направить национальное движение в нужную им сторону, подчинить его своим классовым целям. Борьба за клиентуру кредитно-сберегательных касс, за вкладчиков и должников, являлась одной из своеобразных форм борьбы национальной буржуазии за рынок. Ввиду слабости в сфере производства национальная буржуазия долго выступала преимущественно на денежном рынке, в сфере кредита.

Значение кредитного дела для формирования национальной буржуазии и национального движения можно наглядно представить на примере истории любого интересующего нас района империи. Обратимся хотя бы к Словении. Политическая борьба в 60-е годы XIX в. показала, что словенские крестьяне, экономически зависевшие от австро-немецких помещиков и буржуа, не решаются участвовать в политических выступлениях националь-

ного характера. В то же время словенская буржуазия обнаружила, что национальная деятельность открывает для нее вместе с усилением политического влияния невиданные ранее возможности обогащения: «Если наши противники (т. е. австро-немецкая буржуазия. — *Ред.*) могут выжимать капиталы из наших бедняков, почему бы нам самим этого не делать?» — рассуждали «патриоты» [278, с. 161, 162]. Словенского либерала Й. Вошняка, посетившего в 1868 г. Прагу, восхитили успехи чешского национального движения, получившего основу в экономических организациях. В статье «Учиться у чехо-славян!» он доказывал необходимость действовать одновременно в культурно-политической и экономической сферах. В дальнейшем мысль о том, что следует дать «простому человеку возможность составить [...] капитал посредством небольших вкладов», объединить эти капиталы в кассах, а затем в словенском банке, создать таким путем «национальный капитал» [436] и сделать «народ» независимым от немцев — пропагандировалась все более энергично. В действительности речь шла прежде всего о независимости словенского капитала от австро-немецкого. Постепенно словенский крестьянин из должника австро-немецких ростовщиков стал по преимуществу должником ростовщиков словенских. Более быстрое организованное накопление национального капитала началось с 80-х годов. В 1883 г. возник Союз словенских кредитных касс, сначала объединивший кассы в районе города Целе (Штирия). Впоследствии кредитное дело в Словении, начатое либералами, было подхвачено клерикальной группировкой, лидер которой И. Шустершич говорил в 1892 г. о «радостном сознании» того, что «защита веры и национальности вместе с тем питает имущественное благосостояние» собственников.

Словенские кредитные организации не избежали зависимости от австрийского капитала вообще: борясь с австро-немецкой либеральной буржуазией, они вступали в связь с финансовыми учреждениями австрийских консервативных кругов, с которыми сотрудничали и в политическом отношении. Кроме того, словенская буржуазия получала поддержку со стороны чешских финансовых учреждений.

Таков типичный пример консолидации национального капитала, и в какой-то мере — консолидации нации буржуазного общества. Так реально выглядела одна из форм национальной деятельности буржуазии, в частности, в таких формах распространялось влияние «национально настроенных» имущих слоев на массу населения, таков один из стимулов проникновения национальных идей вширь и вглубь. Консолидация классов буржуазии и пролетариата и консолидация нации выступали как взаимосвязанные общественные процессы.

Как уже указывалось, по мере развития капитализма экономическая борьба становилась одной из важных форм национального движения. В ней четко сказались классовые интересы буржуазии, ее стремление обеспечить себе монопольные позиции в «нацио-

Численность кредитных учреждений всех типов

Год	Крайна	Штирия (Южная)	Каринтия (Словенская)	Приморье	Всего
1856	1	—	—	—	1
1894	28	27	16	10	81

Развитие сети кредитных касс

Год	Число касс	Количество вкладчиков (тыс. человек)	Акционерный капитал (тыс. гульденов)	Вклады (тыс. гульденов)
1884	21	7,5	197,2	1365
1894	72	36,4	618,0	8536

нальном» лагере, стремление, обычно прикрывавшееся идеями общенациональной солидарности [222, с. 263].

Все это характеризует процесс консолидации буржуазной нации, то есть социально-этнической общности, возникающей на основе сплочения каждого из классов буржуазного общества и их проникнутой антагонизмом взаимосвязи. Указанный социальный процесс во многом определял политическую позицию национальной буржуазии, ее страх перед массовым революционным движением народа, ее поиски компромисса с властями, а в случае политической радикализации — попытки найти союзников в среде правящих кругов иностранных государств.

Отметим еще один аспект влияния социальных и непосредственно экономических («рыночных») интересов на национальную ориентацию отдельных общественных группировок, пример которого дает история распространения «национальной идеи» в Далмации. В 60—70-х годах XIX в. свыше $\frac{9}{10}$ населения этой области составляли южные славяне, из них до $\frac{4}{5}$ — хорваты. До указанного времени городские верхи здесь (за исключением Дубровника) в большинстве своем состояли из итальянских или итальянизированных землевладельцев, купцов, судовладельцев и чиновничества. В эпоху перехода к капитализму, расширения товарно-денежных отношений и нарастания социальных противоречий как в городах, так и между городом и деревенской округой все большая часть богатых горожан приходила к выводу, что для сохранения своих позиций ей необходимо «сблизиться» хотя бы в национальном отношении с массой окружающего югославянского населения, которая видела в горожанах «чужаков». Наряду с этим возникновение объединенного Итальянского государства также побуждало далматинскую буржуазию, для которой хозяйственные связи с южнославянским (балканским) тылом имели

жизненно важное значение, занять определенную позицию. И вот всего за два десятилетия национально-политический облик Далмации изменился. В буржуазно-дворянских слоях распространился хорватско-сербский язык, местные учреждения, сабор, школы постепенно переходили в руки сторонников национального движения. Классовый интерес и здесь имел репающее значение.

«Возвращение» денационализованной буржуазной (или дворянской) интеллигенции и представителей непосредственно буржуазных кругов к «своему народу» в эпоху формирования наций в разной мере имело место и в других районах империи. В особенности это относится к «будителям», зачинателям национального пробуждения. Характерен также пример широкой мадьяризации немецкой буржуазии в Венгрии.

В эпоху пролетаризации масс дворянство и буржуазия стремились притупить социальные противоречия в обществе, обеспечить себе лучшие возможности обогащения и идеологического воздействия на народные массы на почве национальной и религиозной общности с ними. В тех случаях, когда, как казалось, к этой цели вела политика ассимиляции, она проводилась целеустремленно. В некоторых же случаях имущая и даже господствующая верхушка (или часть ее) сама меняла национальную принадлежность.

Для процесса формирования нации наряду с абсолютным уровнем экономического развития данного географического района исключительное значение имело соотношение между социальной структурой неполноправной и привилегированной (или господствующей) наций. Так, Моравия, одна из наиболее развитых в экономическом отношении областей империи, долгое время отставала от Чехии (Богемии) по уровню национального самосознания чешского населения, вероятно, не без связи с тем, что здешние горожане были в значительной мере немцами, а немецкая буржуазия распоряжалась львиной долей экономики. Еще в большей степени аналогичная ситуация была присуща словенским землям. Иной была обстановка в Воеводине. В этой пестрой по национальному составу области во второй половине XVIII—первой половине XIX в. быстро развивалась богатая сербская торговая буржуазия. Хотя Воеводина далеко уступала, например, Словении по экономическому уровню, существенным для формирования сербского национального самосознания было то, что сербская буржуазия по богатству и связям в это время превосходила местную венгерскую буржуазию. В связи с этим южные районы Венгерского королевства в первой половине XIX в. стали средоточием общественно-экономической и культурной жизни сербского народа, а город Нови-Сад, где большинство жителей составляли сербы, вплоть до 70-х годов XIX в. наряду с Белградом играл роль сербского общенационального культурного и идеологического центра [150; 151]. Таким образом, соотношение социальных структур для сербов было более благоприятным, чем для словенцев, ввиду мощи немецкой буржуазии в Словении.

Тот процесс, который пережила Прага в первой половине XIX в., развернулся в ряде городов других областей империи после революции 1848 г. Спустя 10—20 лет после нее развитие капитализма вызвало растущий приток сельского населения в города. Национальный и социальный состав городского населения стал с разной степенью интенсивности преобразоваться.

Социальное расслоение крестьянства, приток сельского населения в города и относительно быстрое формирование национального самосознания городской среды имело важное значение для формирования нации в целом ввиду длительного сохранения непосредственных связей сельских выходцев с деревней, а также роста товарообмена между городом и деревней. Все это сопровождалось идейным влиянием города на его сельское окружение.

Для изменений в национальном составе городов и роли того или иного городского центра в формировании нации решающее значение имели размеры и этнический состав его сельского окружения, темп социально-экономического развития как самого города, так и этого окружения. Города, расположенные на более однородной этнической территории, после 1848 г. постепенно приобретали национальный характер (Люблина, Загреб; следует отметить, что и раньше преобладающую часть жителей их составляли югославы, тем не менее культурный облик этих городов был немецким) и становились общенациональными центрами. Однако в условиях замедленного социально-экономического развития сельской округи, как это было со Львовом, доля украинцев среди горожан еще несколько десятилетий после 1848 г. снижалась. Тем более понятен этот процесс в городских центрах, находившихся на границах этнических областей. Так, население Триеста во второй половине XIX в. быстро пополнялось за счет словенского, итальянского и хорватского сельского населения. Однако вплоть до начала XX в. доля словенцев в населении города снижалась, так как происходил процесс их италиянизации.

Но Львов стал главным центром украинского национального движения в Австро-Венгрии, потому что несмотря на указанные обстоятельства здесь сосредоточивались национальная буржуазия, интеллигенция, украинское трудовое население, формировался рабочий класс. По той же причине крупную роль в словенском движении сыграл Триест. Иной была судьба Клагенфурта (по-словенски — Целовец) в Каринтии. В 60—70-х годах XIX в. город и его округа были германизированы. Но даже в этих условиях он продолжал играть некоторую роль в словенском национальном движении.

Словакия и румынские территории империи дают пример относительной неразвитости социальной структуры данного этноса (позднее развитие классов буржуазного общества, в особенности средней буржуазии), недостаточности национальных экономических взаимосвязей (речь идет не о связях между частями национальной территории вообще, а об осуществлявшихся буржуазией данной нации). Преобладающая роль в промышленности и

торговле здесь принадлежала инациональной буржуазии. Так, в Словакии не было единого хозяйственного городского центра. Братислава, расположенная на окраине словацкой этнической территории, оставалась в основном немецко-венгерским городом (Прессбург, Пожонь). Это сказалось на процессе формирования нации и, несмотря на все патриотические усилия национальных деятелей, на уровне национального движения.

Отмеченная выше разнообразная активность обуржуазивающихся слоев и национальной буржуазии не являлась, конечно, единственной основой процесса формирования нации, но характер этой активности имел очень большое значение для складывания нации (ведь создание национальных связей было «ничем иным как созданием связей буржуазных»⁶).

Марксистскую формулировку о «буржуазных связях» как основе процесса формирования нации было бы неверно понимать в том смысле, что «буржуазная нация» — только результат деятельности буржуазии и эту нацию составляет прежде всего буржуазия и близкие ей слои. «Буржуазные связи» это вначале растущие рыночные и производственные связи в условиях вызревающего буржуазного уклада при феодализме, позднее — это связи, присущие капитализму, т. е. прежде всего производственные отношения, в которых участвуют широчайшие массы крестьян и рабочего класса. Пролетариат — основной эксплуатируемый класс в сфере капиталистических производственных отношений — этой высшей формы социально-экономических «буржуазных связей». О. Бауэр в начале XX в. совершил ошибку, «исключая» народные массы из нации при феодализме и даже частично при капитализме [7; 13; 431] только потому, что над нацией (обществом) тогда господствовали и ее «организовывали» дворянство и буржуазия. Рассматривая нацию как «общность культуры», Бауэр полагал, что трудящиеся массы, якобы лишенные возможности творить национальную культуру, стоят вне нации или являются ее «рабами».

Все виды взаимосвязей, образующих нацию, влияют друг на друга, связаны между собой, представляют единый комплекс, на базе которого развивается национальное самосознание. В основе всего процесса находилось развитие буржуазных *экономических* связей. Но от этнической *территории* в немалой мере зависели и темп и особенности развития этих связей (мы это видели на примере чехов, хорватов и словенцев) и более или менее благоприятные условия сохранения национальной самобытности⁷. Формирование наций у поляков, украинцев, румын и сербов (в меньшей мере это касалось хорватов) происходило несмотря

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 154.

⁷ Географическое расположение могло способствовать развитию отдельной нации вопреки общности или близости ее языка с языком господствующей нации и вопреки восприятию языка последней (ср. Ирландия, Норвегия) [Hroch, 1961 г.].

на государственные границы, разделявшие их территорию (правда, политическая раздробленность способствовала сохранению местных особенностей, преодолевавшихся преимущественно после национального объединения). Большое значение имело наличие или отсутствие различных элементов национальной государственности.

Границы распространения единого народно-разговорного и литературного языка обычно в основном определяли пределы национальной территории. Однако действие языковых связей не было абсолютным. Эти пределы зависели также от социально-экономического развития отдельных районов, социально-политических отношений. Так, хорваты под воздействием целого ряда обстоятельств преодолели диалектную раздробленность. Весной и летом 1848 г. среди словенских крестьян Крайны проявилось стремление присоединиться к Хорватии несомненно ввиду отмены феодальных повинностей в Хорватии в апреле 1848 г. При формировании хорватской и сербской наций общность языка и значительной части территории не имела решающего значения.

Общность национального языка упрочивалась под влиянием экономических и иных обстоятельств и в свою очередь создавала благоприятные условия для повсеместного развития товарно-денежных отношений.

Различные элементы общественного сознания (особенности психологии и культуры, в том числе религия) по-разному влияли на формирование нации, и их значение может быть понято лишь в соотношении со всем остальным комплексом национальных взаимосвязей (церковь у мадьяр, румын, украинцев и словаков, с одной стороны, у хорватов и сербов — с другой; в первом случае религиозные различия не стали непреодолимым препятствием возникновения единой нации). Религиозная принадлежность влияла даже на экономические взаимосвязи там, где она влияла на процесс формирования нации (среди южных славян возникали экономические организации, объединявшие только католиков или православных), и, конечно, в этом случае способствовала оформлению пределов национальной территории.

Из сказанного видно, что ни один из видов взаимосвязей (общностей) не имел абсолютного значения в процессе национальной консолидации.

Национальное самосознание формировалось в условиях освободительного движения, все формы которого активно воздействовали на этот процесс.

Необходимой предпосылкой распространения национального самосознания являлось школьное обучение на родном языке. Его развитие сопровождало становление буржуазного общества, нуждавшегося в грамотных людях. Борьба за право получать образование на родном языке составляла важную часть национальных движений. Грамотность населения является одним из показателей, по которому можно в какой-то мере судить о развитии капи-

тализма, а подчас и о темпе формирования нации (в пределах данного многонационального государства).

В австрийской части монархии Габсбургов в 1900 г. процент грамотных среди поколения, учившегося в школе в 40-х годах XIX в., составил: чехи — 84,75%; немцы — 83,85%; словенцы — 28,62%; поляки — 23,17%; сербы и хорваты — 8,63%; украинцы — 4,38%. В поколении, обучавшемся в 60-х годах XIX в., грамотных было: чехи — 92,66%; немцы — 91,33%; словенцы — 59,74%; поляки — 35,37%; сербы и хорваты — 15,56%; украинцы — 9,27% [74, с. 89—104, 181, 187]. В чешских землях в 1870 г. грамотность (чехов и немцев) составила примерно 75—77%, в 1880 г. — 83,6%. В словацких комитатах Венгерского королевства в 1880 г. грамотных было: всего — 44,6%; в том числе среди немцев 61,5%, венгров — 46,4%, словаков — 31,8%. Среди румынского населения Венгерского королевства в 1880 г. грамотных было около 9% [74, с. 181, 187]. В 1869 г. в Хорватии и Славонии (свыше 96% населения — хорваты и сербы) грамотные составляли 13,9% [375, с. 38, 41].

Историческая традиция, как отмечалось, была важным интегрирующим фактором в процессе формирования наций. Память о еще недавно существовавшем независимом государстве побуждала тысячи поляков идти в легионы, в повстанческие отряды. Антигабсбургская традиция движения куруцев в начале XVIII в. и их вождя Ференца Ракоци II с большой силой воздействовала на сознание венгров, в особенности во время революции 1848—1849 гг. В сербском национальном движении политическими лидерами, поэтами, драматургами, историками поддерживалась получившая романтическую окраску традиция сербской средневековой государственности. Огромную роль в этом сыграли фольклорные произведения, рассказывавшие о борьбе против османского нашествия. Так сам народ творил свою освободительную идеологию.

Когда историческая традиция казалась недостаточной, как, например, даже у чехов (с их многочисленными памятниками средневековой государственности и живыми традициями гуситской эпохи), В. Ганка не остановился перед фантастическим домыслом (патриотическое чувство толкнуло его на публикацию рукописей «древних» эпических произведений).

О значении исторической традиции для пропагандистов «национальной идеи» свидетельствует горестное восклицание поэта С. Вразы, словенца по происхождению, сетовавшего в 1839 г.: «Что это за нация, которая при создании своей литературы и в ходе духовной эмансипации не может опереться на какую-либо возвышенную идею? А где мы возьмем эту идею, если и дальше будем трудиться изолированно? Может быть в героических делах наших предков? Но где наша история говорит о них?» [325; Чуркина, 1968].

Именно такого рода размышления, как видно, побудили Вразы присоединиться к хорватскому национальному движению. Хор-

баты максимально использовали свою политическую традицию, сформулировав тезис о «хорватском историческом государственном праве». Это имело значение для формирования национального самосознания, для его распространения вширь и вглубь (в массе народа). [Относительно Восточной Европы в целом см.: Niederhauser, 1972]. В Хорватии все больший общественный резонанс приобретали труды историков, раскрывавших борьбу народа с монгольским нашествием в XIII в., длительный, изобиловавший подвигами (оборона Сигета венгеро-хорватским отрядом Н. Зринского в XVI в. и т. д.) отпор вторжению османов. Наконец, культурная традиция (дубровницкая, далматинская литературы XVI—XVII вв.) не только являлась предметом гордости, но и прямо служила хорватским национальным деятелям в их усилиях по совершенствованию общенародного литературного языка.

Надо сказать, что и словенцы, вопреки пессимизму Браза, в своей пропаганде ссылались на такой фактор, как автохтонность народа, указывали на наличие у него древних демократических традиций и т. д. Некоторое значение для словенцев имела протестантская литературная традиция XVI в. Язык тогдашнего перевода библии и богослужебных книг в дальнейшем был использован католической церковью и таким путем, хотя и в весьма ограниченных пределах, донесен до XIX в.

В тех случаях, когда ссылки на историческое право не могли иметь места, решающую роль играла пропаганда «естественных прав» народа, иными словами, «национального принципа». Для его обоснования национальные деятели стремились показать широким кругам интеллигенции и массам своего народа, властям, инонациональным соседям и общественному мнению Европы, что данный народ жизнеспособен, его язык богат и может успешно развиваться, что на нем может быть создана прекрасная литература, удовлетворяющая строгим требованиям научная, юридическая и иная терминология. В связи со всем этим писатели, литераторы, филологи, люди, влюбленные в родной язык, видевшие в нем «зеркало народной души» и едва ли не главный (подчас — единственный) отличительный национальный признак, занимали важное место в национальных движениях [Pašić, 1971]. Выход в свет грамматик и словарей всегда являлся крупным событием для патриотически настроенных людей. Кодификация национального литературного языка была важным шагом в процессе формирования нации. Особое значение придавалось этому у тех народов, где разные компоненты внутриэтнических связей, обуславливавшие формирование нации, развивались в трудных условиях, ввиду чего значение языка, как фактора, сплачивающего нацию, выдвигалось на первый план. Об этом прямо заявлял словак Л. Штур: «Народ, не имеющий никакого другого сплачивающего элемента, имеет, однако, такой в своем литературном языке».

Чехословацкий историк М. Грох подчеркнул, что у народов с «неполной» социальной структурой (не имевших национального господствующего феодального класса) «языковое» движение и

пропаганда национального самосознания предшествовали массовому движению политического характера [302]. Польский исследователь Ю. Хлебовчик отметил следующую особенность национальных процессов в восточной части Центральной Европы (т. е. прежде всего в регионе Австрийской империи). Здесь формирование национального самосознания и общенационального литературного языка и наконец движение за признание прав языка предшествовало развитию борьбы за политическое самоопределение нации и создание национальных государств. В связи с этим «языковая проблема» приобретала исключительное значение [222, с. 18]. Югославский историк Ф. Цвиттер пишет о своеобразной «иерархии языков» в тогдашнем обществе габсбургской монархии. Немецкий язык считался высшим и господствовал во внутреннем делопроизводстве государственного аппарата (в Цислейтании до 1918 г.). Но и среди языков неполноправных наций государственная власть и австронемецкие (а затем и венгерские) господствующие классы выделяли итальянский (развитой язык древней культуры, язык итальянских имущих классов), а также венгерский и польский, и по-иному относились к языкам якобы «неисторических» народов, ставили препятствия развитию школьного дела на этих языках, в особенности средней и высшей школы, так как опасались формирования интеллигенции у этих «плебейских» народов [Zwitter, 1965]. В связи с этим формирование и распространение стандартных общенациональных литературных языков для этих народов было крайне важным процессом.

Широкое участие масс народа в освободительных движениях способствовало формированию их национального и классового самосознания и сдвигам в процессе формирования наций. Классовая борьба пролетариата и крестьянства, которая все более приобретала общенациональные масштабы, стимулировала национальные процессы. Сильно продвинули дело национальной консолидации такие события, как венгерская революция и война за независимость 1848—1849 гг., как польские восстания и, в частности, их влияние на Галицию. Для чехов немалое значение в этом отношении имели таборы.

Революционная национально-освободительная борьба народов Австрийской империи (кроме итальянского) потерпела поражение. Но она не прошла бесследно. Революционное движение создало определенную идейно-политическую традицию, наложило печать на развитие национальной культуры, на формирование национального самосознания, иными словами, ускорило процесс становления наций. Это особенно сказалось на национальных процессах у венгров и поляков. Впрочем, и у всех остальных народов неудача национального движения в 1848—1849 гг. имела аналогичные последствия: она вызвала напряженную работу общественной мысли; это также сказалось в общественно-политической жизни, культуре и национальном самосознании. Наконец, процесс формирования наций стимулировался освободительными движениями своего и других народов вне пределов Австрийской импе-

ри, независимо от того, завершились ли они в данный период успехом или временной неудачей (Италия, народы Балканского полуострова, Польша, Германия, Ирландия).

Для процесса консолидации нации особое значение нередко приобретали те или иные взаимосвязи (языковые и т. п.), тогда как другие были выражены слабее. Так, у сербов и хорватов некоторые части национальной территории были слабо связаны между собой в экономическом отношении, но имелись обстоятельства, благоприятствовавшие национальным процессам: территориально-политическая автономия у части хорватов, церковно-культурная — у сербов.

Чем более интенсивным было развитие всего комплекса национальных взаимосвязей — социально-экономических, территориальных, культурных, языковых, тем быстрее процесс формирования наций шел к завершению.

Там, где, как у румын, сербов, хорватов, словенцев, украинцев, экономические взаимосвязи были слабыми, национальная интеллигенция, светская и духовная, и обуржуазивающиеся слои развертывали энергичную *национальную пропаганду*, стремясь как-то возместить своей деятельностью неудовлетворительное состояние материальной основы формирующейся нации. При этом сознание национальной принадлежности и национальное самосознание вообще несколько опережали развитие социально-экономических связей, были следствием не только этих связей и вообще процесса формирования классов буржуазного общества, но в большей мере развивались как следствие протеста против гнета. Революционная демократия осуществляла одновременно пропаганду национального и социального освобождения и тем самым способствовала формированию классового и национального самосознания трудящихся. Но несмотря на изменения в национальном самосознании народных масс, имевшие место в результате этой деятельности, остатки прошлой эпохи (религиозное, локальное самосознание) сохранялись долго. Полностью «заменить» объективную основу и могучую движущую силу национальных процессов — социально-экономические сдвиги — самая энергичная деятельность представителей национального движения была не в состоянии. Все это свидетельствовало о недостаточной зрелости процесса национальной консолидации.

Формирование наций взаимосвязано с развитием национальных движений, но их этапы совпадали далеко не всегда. Темп развития национального движения, смена его форм зависели от ряда обстоятельств, в частности от классовой сущности национального гнета, от того, насколько он препятствовал развитию буржуазных отношений, от остроты противоречий между угнетателями и угнетенными и т. д. Например, сербское национально-освободительное движение в Белградском пашалыке Османской империи в начале XIX в. приобрело массовый революционный характер и привело к созданию ядра национального государства. В это же время чешское национальное движение, опиравшееся на

несравненно более развитую общественную основу, переживало «культурно-языковой» этап. Об определенном хронологическом соответствии процессов формирования нации и развития национального движения можно говорить применительно лишь к народам одного и того же социально-экономического региона (или сходных регионов). Но и в Австрийской империи ее подрегионы заметно различались по условиям формирования наций.

На характер и темп национальных движений и процесса формирования наций влияла социальная структура угнетенного народа. (Народы, имевшие дворянский класс, быстро переходили к политической борьбе или вообще не знали особого «просветительского» этапа).

В процессе формирования нации различаются *этапы ее возникновения* (пробуждения) и *дальнейшей консолидации* (зрелости). Первые зародыши национальных, буржуазных, связей возникают в средние века. Но период «национального пробуждения» начался в условиях кризиса феодальной формации и перехода к капитализму, т. е. в последние десятилетия XVIII в. и захватил половину или большую часть XIX в. Тогда национальное самосознание постепенно охватило более или менее широкие слои населения, втянувшиеся в национальное движение.

У большинства народов Австрийской империи можно говорить о начальном периоде формирования нации, как об этапе создания национального ядра. В период перехода от феодализма к капитализму в определенной, относительно развитой в социально-экономическом и культурном отношении географической области намечается большая (и более ранняя, чем в других местах) интенсивность процесса формирования нации, в частности, возникает городской центр, приобретающий все большее общенациональное значение. Обычно это было связано с наличием — подчас уже в период позднего феодализма — областного рынка, разделения труда, относительно развитых внутренних связей, более интенсивной социальной мобильности населения, более терпимых условий для формирования национальной культуры, разных форм автономии. Но эти моменты выступали в совокупности не всегда. За пределами территории ядра нации интенсивность роста всего комплекса внутринациональных связей была слабее.

Дialect, распространенный на территории ядра нации, часто становился основой формирующегося литературного языка (однако также не всегда). Именно в районе, где возникало ядро нации, раньше и интенсивнее, чем в других, развивалось национальное самосознание, разворачивалась деятельность групп патристически настроенных людей, возникали национальные учреждения (культурные, экономические, политические). Национальные деятели и их организации, пропагандируя национальные идеи, сознательно ставили перед собой цель распространения своего влияния на территорию, которую они рассматривали как национальную. Пределы этой территории обычно совпадали

с границами распространения родного языка или родственных ему диалектов и даже языков⁸. (Характеристика ядра нации дана самая общая. В разных случаях наблюдались существенные особенности процесса. В качестве хронологического рубежа образования национального ядра, естественно, весьма относительного, принято внешнее свидетельство процесса — начало широкой пропагандистской и организаторской деятельности, получившей значительную общественную поддержку, что было следствием формирования основных классов буржуазного общества, прежде всего национальной буржуазии, и наличия внутринациональных экономических связей).

В зависимости от конкретных условий — социально-экономических, культурно-исторических, территориальных и политических — национальное ядро охватывало большую или меньшую часть будущей нации, между интенсивностью национальных процессов здесь и вне его пределов имелась большая или меньшая разница, между возникновением ядра и завершением консолидации наций проходил больший или меньший период времени. Если же, как у словацкого народа, ввиду неблагоприятных условий формирование национального ядра было затруднено, весь процесс завершения образования нации затягивался. В том случае, когда вся или почти вся этническая территория была издавна объединена в политическом отношении и имелись элементы национальной государственности (автономии) и единая социально-политическая структура, национальное ядро сливалось почти со всей национальной территорией — так было у венгров (хотя ведущая роль района Пешта в национальном процессе несомненна). В других случаях, когда отдельные части формирующейся нации различались по социальной структуре, историческим традициям и к тому же были раздроблены политически — значение ядра нации резко возрастало. Так было у хорватов, сербов и румын.

Ядро наций в Австрийской империи создавалось на этапе разложения феодализма, в связи с социальными сдвигами, происходившими в этот период (наличием буржуазного уклада), или же в начале утверждения капиталистической формации. В самом общем смысле можно сказать, что это — период смены феодальной формации капиталистической.

Оформление ядра нации означало, что новая социально-этническая общность эпохи капитализма — нация уже возникла. Однако она еще не была зрелой, т. е. все ее компоненты были недостаточно прочными (у разных народов формирование одних видов связей отставало, других — шло впереди). Уже существовали национальный литературный язык и правописание, однако

⁸ Следует учитывать, что дворянские и буржуазные идеологи национальных движений стремились обосновать свои претензии на включение в «национальную» территорию соседних земель, ссылаясь в случае возможности на «историческое право».

борьба их защитников против консервативных взглядов часто еще продолжалась. Национальная территория также нередко еще окончательно не определилась. Общность экономических связей нации была слабой (более устойчивый характер она имела на территории ядра нации), формирование классов буржуазного общества не завершилось. Обычно среди буржуазии в это время еще преобладали торгово-ростовщические и землевладельческие слои, немногочисленный пролетариат состоял преимущественно из рабочих мануфактур и мелких полуремесленных и ремесленных мастерских, массу городских трудящихся составляли полупролетарские слои.

Следует иметь в виду, что степень зрелости процесса формирования нации и национального движения часто скрыта от нас политическими условиями. Так до 1848 г. деятели некоторых национальных движений не имели легальной возможности выразить свои требования или обратиться к массам своего народа посредством печати (хотя потребность в этом уже осознавалась), а случалось, даже осуществлять культурно-просветительскую деятельность. Об этом свидетельствуют факты преследования украинских «будителей», длительный запрет издавать газету на словацком и словенском языках. Издание газет и журналов на родном языке рассматривалось властями как панславизм! Развитие словацкого национального движения подавлялось административными мерами даже в последней четверти XIX — начале XX в. У венгров же, среди поляков Галиции и в Хорватии-Славонии ввиду иной социальной структуры движений не только культурно-языковая, но и политическая деятельность была возможна до 1848 г.

В целом ликвидация основ феодального строя в середине XIX в. была для процесса развития наций важнейшим рубежом. Поэтому борьба миллионных городских и сельских масс всех народов Австрийского государства против феодализма в первой половине XIX в. и в годы революции знаменовала крупный вклад в дело их национальной консолидации.

На национальные процессы повлияло завершение промышленного переворота. Если, как отмечалось, до середины XIX в. последствия промышленного переворота сказывались преимущественно в экономически более развитых районах Австрийской империи (австронемецкие и славянские земли западной части империи, центральная часть Венгрии), то в третьей четверти XIX в. они со всей силой отразились на ее окраинах. Капитализм быстро усиливал мобильность все более широких слоев населения. Масса мелких товаропроизводителей в условиях мучительной конкуренции проникалась национальным самосознанием, отождествляя свои социальные интересы с делом национального освобождения. В национальное движение в разной мере втягивалось крестьянство.

Завершение процесса формирования наций сопровождало важные экономические и социальные сдвиги: развитие промышлен-

ности на окраинах Австро-Венгрии в это время приобрело более интенсивный и устойчивый характер, в сельском хозяйстве упрочилось буржуазное предпринимательство, товарно-денежные отношения уже пронизывали всю хозяйственную деятельность крестьянина, буржуазные экономические, политические и культурные организации развивали все более тесные связи в национальном масштабе, рабочий класс изменился качественно, значительно вырос в количественном отношении и выступил как самостоятельная политическая сила. Как уже указывалось в другой связи, консолидации ряда наций способствовали крупные политические движения. Но в основном оформление наций было близко по времени с консолидацией классов буржуазного общества и сопровождало этот процесс.

Во всех случаях первостепенное значение имели социально-экономические условия, развитие классов буржуазного общества в общенациональном масштабе, т. е. появление больших социальных слоев «с одним национальным классовым интересом»⁹. В. И. Ленин отмечал, что общественная связь между людьми при капитализме имеет «антагонистический, полный колебаний и противоречий характер». «И мы знаем, — писал он, — что именно развитие противоречий все сильнее и сильнее обнаруживает силу этой связи, *вынуждает* все отдельные элементы и классы общества стремиться к соединению, и притом соединению уже не в узких пределах одной общины или одного округа, а к соединению всех представителей данного класса *во всей нации* и даже в различных государствах». Эти общенациональные классовые связи основаны «на общности ролей в народном хозяйстве, а не на территориальных, профессиональных, религиозных и т. п. интересах»¹⁰. Очевидно, только при этих условиях можно считать, что процесс формирования нации достиг степени зрелости.

С разными отклонениями эта стадия в основном приходится на вторую половину XIX — начало XX в. Именно тогда изменяется сознание национальной принадлежности — разного рода традиционные (локальные и другие) представления отступают на второй план. У масс народа элементы демократической идеологии занимают все более важное место. Вместе с тем в буржуазной среде усиливаются консервативные течения. В эпоху капитализма все более начинает сказываться внутренне антагонистический характер национальной общности.

Наиболее важным явлением этого времени было развитие социалистической идеологии рабочего класса, содержащей принципиально новый, враждебный национализму, подход ко всей национальной проблематике. Вслед за революционной демократией социалистическое движение становится наследником наиболее прогрессивных национальных традиций, способствует развитию демократической культуры.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 428.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 207.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории народов Австрийской империи эпоха, завершающий этап которой стал предметом изучения в данном труде, ознаменовалась крупными сдвигами в экономике и социальной структуре, в развитии культуры и политической жизни. В 1848—1867 гг. в габсбургской монархии утвердился буржуазный строй. Формирование буржуазного общества сопровождалось консолидацией наций.

С конца XVIII по 70-е годы XIX в. народы региона прошли сложный путь. В начале этого пути в этническом самосознании большинства из них преобладали локальные или конфессиональные черты, литература на родном языке только зарождалась, сам общенациональный литературный язык еще не сложился, господствовала пестрота местных диалектов. На венгерской, славянской и румынской этнической территории города были в значительной мере денационализированы, их экономика в основном находилась в руках инонациональной (немецкой) буржуазии. Многие крестьяне, переселявшиеся в города, подвергались ассимиляции. В общественной жизни господствовали феодальные землевладельцы и церковь.

Несмотря на различия в темпе общественного прогресса между отдельными народами, эпоха коренных буржуазных преобразований в Европе вовлекла все районы габсбургской монархии в ускоренное общественно-политическое развитие, важным элементом которого явилось национальное пробуждение и национально-освободительные движения.

Общественное движение принесло крупные результаты во всех сферах жизни народов. Разрабатывались и совершенствовались основы общенациональных литературных языков, создавались художественные произведения, понятные и близкие народу в равных частях национальной территории. Научные исследования ученых — филологов, историков, естествоиспытателей — развивали растущий интерес народов к своему языку, к своему прошлому, воспитывали чувства патриотизма, уверенности в своей способности добиться достойного места среди европейских наций. Распространялось обучение на родном языке. Так закладывалась база общенациональной культуры, чуждой средневековой сословной и конфессиональной ограниченности. Эта культура содействовала разрушению духовной изоляции отдельных районов, воспитанию национального самосознания — процессу, в основе которого находились глубокие общественно-экономические сдвиги. На этой

объективной основе в результате самоотверженной деятельности «будителей» укреплялись внутринациональные центростремительные силы.

К середине XIX в. в сфере национальной почти повсеместно на передний план выдвинулись проблемы объединения моноэтнических территорий вокруг национальных центров и в особенности национальной независимости или территориально-политической автономии, то есть создания или развития основ национальной государственности.

Крупнейшие события международного значения, которыми была так богата эпоха от Великой французской буржуазной революции до Парижской коммуны, способствовали развитию социально-политической мысли народов. Это были идеи буржуазной демократии, национального суверенитета, революционного демократизма и социализма — идеи, распространявшиеся в условиях кризиса и ликвидации феодального строя в Австрийской империи и становления капитализма.

На идейно-политический прогресс воздействовала публицистика разных направлений, деятельность просветительных обществ, издательств, научных учреждений, политических организаций. Этот духовный прогресс был присущ каждому из народов в разной мере, но коснулся их всех.

В обстановке оживления освободительных движений укрепились связи между прогрессивными, демократическими и революционными силами стран Европы. Особенно длительным было сотрудничество между общественными движениями ряда угнетенных народов, например, между поляками, венграми и итальянцами, а в пределах австрийского региона, в частности, между славянскими народами. Многообразными были связи славян с Россией. В истории южных славян важное место заняла тенденция их государственного сплочения, развивавшаяся вопреки шовинизму части буржуазии.

В первой половине XIX в. нарастала революционная энергия итальянского, венгерского и польского освободительных движений. Кульминацией национально-освободительной борьбы стала революция 1848—1849 гг., до основания потрясая австрийскую монархию. Эта борьба, как и польские восстания XIX в., имела общеевропейское значение. Поражение революции несколько отсрочило решение германского, итальянского и венгерского вопросов. Это решение однако произошло в иных условиях и его значение поэтому изменилось. Германское государство было создано под руководством милитаристов Пруссии. В венгерском и польском национальных движениях в габсбургской монархии взяли верх либерально-консервативные силы, заинтересованные в союзе с Габсбургами.

Национальные движения славян Австрийской империи (кроме польского), а также румынское, в 1848—1849 годах пережили глубокий кризис. С начала изучаемой эпохи и до ее завершения эти движения в своей основе и по исторической тенденции были

прогрессивными, они ставили своей задачей национальное освобождение — вне или в рамках австрийского государства. Но их ведущим либерально-буржуазным общественно-политическим силам в ту эпоху была присуща не только заинтересованность в сохранении единства «австрийского» государственного комплекса (эта заинтересованность имела разные, но всегда определенные экономические, социальные и национально-политические причины), но и стремление добиться своих целей — прежде всего утверждения конституционного строя — путем компромисса с правящей династией. Это подрывало освободительное движение, притупляло остроту освободительной борьбы. В условиях революции 1848—1849 гг. особенно сказалась политическая ограниченность ведущих сил ряда движений. Габсбурги смогли использовать не только консервативные, но и либеральные и даже буржуазно-демократические группировки ряда наций в борьбе против революционных национально-освободительных движений.

В коренным образом изменившейся ситуации 50—60-х годов XIX в., хотя противоречия, присущие идеологии и политической ориентации буржуазии неполноправных наций еще углубились, на передний план вновь выдвигаются освободительные тенденции. Особенно явственно освободительный характер борьбы национально-радикальных, буржуазно-демократических и революционно-демократических сил — проявился в конце 60-х—начале 70-х годов, после компромисса между полуфеодальными классами и крупной буржуазией Австрии и Венгрии. Однако в габсбургской монархии так и не возникло мощного многонационального демократического движения.

Различия в положении отдельных наций, в классовых интересах их ведущих сил и как следствие этого — несовпадение их национально-политических устремлений предоставляло правящим кругам монархии простор для маневрирования и использования в своих целях межнациональных конфликтов.

Конкретные итоги национально-освободительных движений к середине 70-х гг. XIX в. были обусловлены всем ходом общественно-политического развития габсбургской монархии. Поражение революции 1848—1849 гг. сделало необходимой борьбу за выполнение нерешенных ею задач. Объединение Италии произошло в результате национальных войн. Но ввиду слабости демократических сил в Дунайской монархии, ряд основных задач революции был решен «сверху», режимами неоабсолютизма, централизма и дуализма. В 1867 г. в Австрии и Венгрии установился конституционный строй, однако преобразования, необходимые для дальнейшего развития капитализма, были осуществлены в форме крайне невыгодной для пролетариата, крестьянства и большинства национальностей — при сохранении монархии, власти дворянства, военщины, бюрократии, сильного влияния клерикальных кругов.

Национальные движения в Австрийской империи являлись важным составным элементом борьбы за назревшие буржуазные

преобразования; на этих преобразованиях в общеимперском масштабе сказались социальный состав национальных движений, их размах и характер ими выдвигавшихся целей. Относительная слабость национально-освободительных движений, преобладание национально-либеральных программ (исходивших из задачи сохранения целостности империи или мирившихся с этим) — все это облегчало правящим кругам временно стабилизировать положение. Путь, которым осуществлялись преобразования («сверху»), определил положение разных народов в дуалистической Австро-Венгрии.

Решающим событием внутривосточной борьбы в Австрийской империи в 60-х годах XIX в. явился австро-венгерский компромисс 1867 г., т. е. соглашение между придворной аристократией и австрийским крупным капиталом, с которыми была связана династия, с одной стороны, и венгерским крупным землевладением — с другой. Господство этих сил в Австро-Венгрии в основном предопределило методы решения национальной проблемы.

Другими факторами, которые повлияли на результаты национальных движений, были международная обстановка и политическая ситуация в Центральной и Юго-Восточной Европе. На конкретных результатах того или иного движения сказались его сила и массовость, однако ввиду того, что правящим кругам удалось сохранить полноту власти, воздействие этого фактора было в значительной степени урезано. Поэтому результаты политической борьбы во многом не соответствовали размаху того или иного движения.

Так, польско-австрийские переговоры в конце 60-х — начале 70-х годов имели благоприятный результат, хотя польское движение в Галиции в это время не отличалось массовостью и боевитостью. Галиция получила ряд привилегий, обеспечивших ей автономию в сфере управления и культуры, причем местная власть оказалась в руках польских крупных землевладельцев, поддержанных польской буржуазией. Австро-польское сближение вслед за австро-венгерским соглашением привело к союзу австро-немецкого, венгерского и польского господствующих классов для укрепления режима национального и социального гнета над народами Австро-Венгрии, упрочения позиций монархии на ее восточных рубежах. В условиях тогдашнего габсбургского государства было возможно только такое «решение» национального вопроса. Результатом компромисса был отказ части польских имущих слоев от национально-освободительной борьбы, от борьбы за преодоление социально-экономической отсталости Галиции, консервирование полуфеодалного гнета над массой польского народа. Но возможность развития польской национальной культуры — в пределах, которые ставили указанные социальные условия, — была обеспечена.

Украинское национальное движение в Восточной Галиции по существу было принесено в жертву польскому дворянству и ра-

стущей буржуазии. Для сохранения экономической и политической мощи крупных помещиков надо было обеспечить им возможность беспрепятственной эксплуатации украинских крестьян. Требование разделения Галиции на две провинции — польскую и украинскую — было неприемлемо для австрийских правящих кругов в частности потому, что оно могло поколебать позиции крупного польского землевладения в Восточной Галиции. Для Габсбургов же земельные магнаты являлись главной социальной опорой в восточных областях. В Галиции в неприкрытом виде сказалось классовое существо политики Габсбургов в национальном вопросе, хотя иные соображения — стремление создать здесь оплот против России — также имели место.

Как можно было убедиться, второстепенного характера реформы в отношении народов, не имевших дворянского класса, уступки, до поры до времени сопровождавшиеся неопределенными обещаниями, составляли характерную черту политики Габсбургов в периоды, трудные для правящих кругов, когда последние стремились противопоставить эти народы венгерскому национальному движению. В конечном счете, Габсбурги не собирались предоставить сербам, словакам и румынам территориально-политическую автономию.

Положение народов Венгерского королевства определялось восстановлением здесь в 1867 г. политической власти класса мадьярских помещиков и способностью того или иного общественного движения отстаивать завоевания предыдущего периода. Эта способность зависела прежде всего от уровня социального развития, достигнутого тем или иным народом, от степени его социально-этнического сплочения, то есть от результатов процесса формирования нации.

Упрочением своей власти в Словакии — важнейшем и обширном национальном районе королевства — венгерские правящие круги были наиболее озабочены; они не расставались с надеждой сорвать процесс национальной консолидации словаков. Мадьяризация Словакии казалась им необходимой и возможной. Как только господствующим классам Венгрии удалось добиться стабилизации внутривосточной обстановки, они приступили к подавлению словацких и украинских национальных учреждений. В Словакии и Закарпатье сохранилось лишь начальное обучение на родном языке.

Румынскому национальному движению не удалось добиться автономных прав для Трансильвании; реакционную роль при этом сыграла верная Габсбургам румынская высшая церковная иерархия. В Трансильвании и Банате дело ограничилось сохранением весьма узких возможностей для существования румынских культурно-просветительных учреждений.

На юге Венгерского королевства власти стремились подчинить себе и по возможности сократить деятельность сербских национальных учреждений. Устранить из этой деятельности «политику», т. е. прежде всего поддержку демократической националь-

но-освободительной борьбы сербского народа в Османской империи и Австро-Венгрии, им помогла сербская высшая церковная иерархия. В Воеводине развернулась борьба за сохранение сербской школы, которая, несмотря на большие трудности, оказалась в основном успешной. Продолжала свою деятельность Сербская матица, выходили газеты на сербском языке. Социальные сдвиги в сербском обществе, обострение внутренних классовых противоречий в 70-х годах XIX в. привели к ослаблению Национальной партии, росту ее умеренного крыла, представлявшего более богатую буржуазию, появлению мелкобуржуазной группировки (радикалы). Все это вместе с временной консолидацией режима вызвало спад движения, особенно проявившийся после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и оккупации Боснии и Герцеговины габсбургской монархией. Непосредственная политическая цель сербского национального движения в Австро-Венгрии — создание автономной Воеводины — достигнута не была. В Хорватии-Славонии и Далмации развитию сербской национальной культуры были обеспечены более благоприятные условия.

Результаты хорватского национального движения, как и венгерского и польского, определялись интересами местных помещиков. В каждом случае положение соответствующих административно-политических единиц в составе империи определялось прежде всего силой и влиянием крупных землевладельцев (Венгрия, Галиция, Хорватия и Славония). «Пересмотр» Хорватско-венгерского соглашения в 1873 г. означал временный отказ слабой хорватской буржуазии от борьбы за воссоединение хорватских земель и расширение автономии Хорватии и Славонии. Сами современники расценивали этот результат борьбы в период 1860—1873 гг. как неудачу хорватского движения. Но Хорватия и Славония сохранили автономию в делах управления, суда, просвещения и церкви. В Хорватии имелся свой верховный апелляционный суд («Стол семерых»), гимназии, агрономическое училище, Академия наук и искусств, в 1874 г. загребская высшая юридическая школа (академия) была преобразована в университет — первый в югославянских землях, в Загребе имелся Национальный театр, национальный язык был признан официальным. Об этом могли лишь мечтать другие неполноправные народы империи.

Правящие круги монархии не стремились полностью и формально ликвидировать автономию Хорватии и Славонии. Такой акт вызвал бы негодование всего населения и увеличил оппозиционные силы в важной для Габсбургов в политическом и стратегическом отношении области на рубеже Балканского полуострова. Ограниченная же автономия Хорватии и Славонии удовлетворила значительную часть местного чиновничества, верхушку буржуазии, а главное — крупных землевладельцев, этих союзников венгерских помещиков. Однако пример Хорватии показал, что в основе национального движения лежали глубокие социальные интересы, стремление буржуазии обеспечить себе благоприятные условия деятельности (что не было гарантировано статусом

Хорватии), надежды мелкобуржуазных слоев упрочить свое пошатнувшееся положение. К этому со временем прибавилась борьба крестьянских масс против инационального буржуазно-помещичьего государства и помещичьей эксплуатации, т. е. фактически против блока австро-венгерской и «национальной» (вернее, антинациональной) реакции, упорные выступления пролетариата против существующего строя. Автономия Хорватии и Славонии, к тому же неоднократно нарушавшаяся, не могла предотвратить нового подъема освободительной борьбы.

Хорватам в Далмации, Истрии и Риеке не удалось добиться воссоединения с основным ядром хорватских земель. Но в Далмации национальная буржуазия добилась преобладающих позиций в местном управлении (последним из рук италянизированных кругов к ней перешло городское управление Сплита в 1882 г.). В Истрии влияние хорватское и словенского национальных движений постепенно укреплялось.

Установление конституционного строя, имевшее значение для борьбы народов Венгерского королевства за сохранение национальных прав, в действительности не могло быть реально использовано словаками и украинцами Закарпатья. Их национальные движения оказались в тяжелом положении. Хотя позиции сербов и хорватов властям подорвать не удалось, классово ограниченный характер конституционного режима в дуалистической Венгрии сказался повсеместно.

Различные условия национальных движений в Цислейтании и в Венгерском королевстве после 1867 г. определялись как социальной структурой каждой из обеих частей монархии, так и особенностями их административно-политического устройства. Исторические провинции Цислейтании с их известным внутренним самоуправлением и ландтагами (сеймами) давали определенные возможности для реализации некоторых национально-политических и культурных устремлений угнетенных народов, а именно там, где эти народы составляли большинство. Провинциальная административная структура Цислейтании, а также включение в текст декабрьской конституции 1867 г. пункта, признавшего национальности коллективными общностями, формально равноправными, позволяли добиваться усиления влияния национальных движений как на провинциальном уровне, так и на общегосударственном, в частности, через рейхсрат. Хуже обстояло дело в землях «короны св. Иштвана». Сведя к минимуму возможности для политического развития национальностей, законодательство предоставило им известные перспективы лишь в сфере культурно-языковой, однако и этот закон 1868 г. не проводился в жизнь. В Транслейтании, как известно, границы комитатов игнорировали национальный принцип, а реформы, проведенные после 1867 г., урезав права комитатов, чрезвычайно усилили центральную власть.

В западной части государства имели место более развитые, чем в Венгрии и Галиции, капиталистические отношения, более

развитая социальная структура (кроме Далмации). Неполноправные народы и здесь были вынуждены вести упорную борьбу за каждую позицию. Но политические и национальные права, признанные декабрьскими (1867 г.) основными законами, не были пустой формальностью. Подавления национальных учреждений силами полиции, как в Словакии или Закарпатье, в словенских и чешских землях не было. Несмотря на «избирательную геометрию» и куриальную систему выборов, благоволившую австрийским и итальянским помещикам и буржуазии, представительство неполноправных народов в рейхсрате было значительным, а впоследствии еще более возросло.

В Австро-Венгрии чешское национальное движение выделялось по своей организованности, силе и общественно-политическому значению. Оно влияло на политические настроения других народов всего государства; с ним вынуждены были считаться правящие круги обеих частей монархии. Свидетельство тому — попытка, пусть неудачная, кардинальной реформы 1871 г. Именно нерешенность чешского национального вопроса спустя два десятилетия после описываемых нами событий стала важным фактором хронического политического кризиса Австрии, сделал ее вторым (после Османской империи) «больным человеком» Европы.

Позиция чешского национального движения в условиях дуализма определялась важными факторами: усиливавшаяся в экономическом и численном отношении чешская буржуазия являлась участницей (хотя и далеко не равноправной) промышленной революции, пользовалась ее благами, а также возможностями, которые приобрела буржуазия австро-чешских земель благодаря дуализму в «освоении» рынка восточной половины монархии. Противоречивость положения чешской буржуазии в дуалистической системе вызывалась тем, что, удовлетворив ее в экономическом плане, австро-венгерское соглашение 1867 г. не устраивало ее в плане политическом, и это противоречие между растущими экономическими возможностями и ограничениями в сфере политики обостряли ее недовольство политической структурой империи вообще, Цислейтании в особенности. Далее, чешские земли были очагом мощного рабочего движения, также требовавшего национальных прав.

Однако австрийские господствующие классы не хотели слышать о национально-территориальных требованиях чехов и словенцев: эти народы остались раздробленными между историческими провинциями. Чехи составляли большинство населения Чехии и Моравии, и это облегчало их борьбу за развитие национальной культуры. В гимназиях и Пражском университете преподавание велось на чешском языке. В Праге функционировал Национальный театр. Но записанное в конституции 1867 г. право народов на свободное развитие национальных языков осталось мертвой буквой в той части, которая относилась к деятельности государственных учреждений: борьба за равноправие чешского

и немецкого языков в чешских землях вплоть до 1918 г. не привела ни к чему.

В большинстве словенских земель (кроме Крайны) словенцы либо составляли меньшинство населения, либо не смогли (в Горице и совместно с хорватами в Истрии) ввиду неблагоприятной избирательной системы добиться большинства мест в ландтагах и органах власти, ведавших делом просвещения. Поэтому на первых порах после введения конституции 1867 г. школьное преподавание на словенском языке было даже сокращено. В дальнейшем словенцы систематически боролись за каждую новую школу.

Итоги событий 1848—1849 гг. и 60-х—начала 70-х годов XIX в. явились ударом по иллюзиям буржуазных и мелкобуржуазных кругов славянских и румынского национальных движений о возможности демократической перестройки помещичье-буржуазной Австрийской империи реформистским путем, т. е. в сущности о возможности равноправного соглашения по преимуществу мелкой и слабой средней буржуазии этих наций с крупным землевладением и банковско-промышленным капиталом господствующих наций Австро-Венгрии. Однако эти иллюзии, эта идейная незрелость многих лидеров национальных движений, не могли быть полностью развеяны политическим опытом, так как коренились в самой общественной структуре и интересах указанных кругов. Из событий 1848—1849 гг. и 60-х годов XIX в. решительные выводы делали лишь идейные представители тех социальных слоев, положение которых побуждало их занимать враждебную государству Габсбургов позицию.

Пассивность или слабое участие крестьянства в национальных политических движениях в период с конца XVIII по 70-е годы XIX в. были связаны как с непосредственными классовыми антифеодальными интересами деревни, так и со своекорыстной политикой ведущих сил национальных движений — дворянства и буржуазии или с ограниченностью мелкобуржуазных городских кругов, далеких от нужд крестьянства. Узость общественных основ национальных движений имела своим следствием либо соглашение национального дворянства с правящими кругами империи в рамках данных социальных отношений (венгры, поляки, хорваты), либо поражение движения вообще.

В годы революции, а затем в третьей четверти XIX в., крестьянство в неодинаковой мере у разных народов втягивалось в национальное движение. Но и до этого масса крестьянства, в то время у большинства народов составлявшая до $\frac{9}{10}$ населения, являлась той социально-этнической средой, которая сделала возможным процесс национального пробуждения; она систематически оказывала воздействие на идеологию, программу и тактику национальных движений, т. е. на общественно-политическую позицию дворянских, буржуазных и мелкобуржуазных кру-

гов. Это воздействие становилось непосредственным во время подъема классовой борьбы крестьянства.

Аграрный вопрос и связанный с ним социальный статус крестьянства являлся фундаментальной проблемой буржуазно-демократического преобразования региона, в особенности Венгерского королевства и Галиции. Аграрно-крестьянский вопрос, т. е. вопрос ликвидации феодальных отношений, являлся основным до 1848 г., но сохранил значение и в последующее время ввиду крупнейших остатков феодализма в Австрийской империи, в особенности в ее восточных районах. Так или иначе его пытались ставить общественные движения, буржуазные лидеры которых ощущали его связь с судьбой своей нации. При этом дворянство и буржуазия угнетенных наций подчиняли решение этого вопроса своим интересам.

Однако историческая национально-освободительная роль борьбы крестьянских масс против помещиков и во все большей мере против торгово-ростовщического капитала далеко не ограничивалась воздействием на облик национальных движений. В габсбургской монархии (в отличие, например, от Османской империи) переход к капиталистическому строю, промышленный переворот и формирование классов буржуазного общества не были обязательно обусловлены достижением национальной независимости. Поэтому классовая борьба крестьянства против феодализма до поры до времени могла не сливаться с национальным движением. В 1848—1849 гг. национальные движения потерпели неудачу, но путь развитию капитализма был открыт.

Во второй половине XIX в. стала изменяться вся общественно-политическая ситуация в империи. Развитие капитализма, разорение крестьянства (во многих районах — длительная пауперизация наряду с пролетаризацией) — все это втягивало в политическую борьбу сельские массы. Для большинства народов во весь рост встала проблема ликвидации феодальных остатков, прежде всего многочисленных привилегий помещиков и самого крупнопомещичьего землевладения — одной из опор всей системы Австро-Венгрии. Национальное освобождение было связано с ликвидацией власти помещиков над массой крестьянства. В отличие от устранения основ феодализма, решение новых острых проблем, от которых зависело завершение буржуазно-демократических преобразований в рамках Австро-Венгрии вообще и в особенности в Транслейтании и Галиции, было до крайности затруднено, по-видимому конституционным путем и невозможно, ввиду всевластия здесь дворянства и его союза с Габсбургами и австрийским капиталом. Судьба национально-освободительных движений, успех которых был обусловлен победой демократии и необходим для этой победы, таким образом, все более зависела от результатов борьбы рабочего класса и крестьянства за завершение буржуазно-демократической революции, прежде всего в сфере аграрных отношений. Методы, испытанные для консолидации государства в 60-х годах XIX в., себя исчерпали.

С конца XIX в. в процессе нарастания кризиса габсбургского государства явлением первостепенной важности становилось освободительное движение южных славян. Оно имело глубокое социальное содержание (борьба масс против полуфеодальной и капиталистической эксплуатации, сопротивление по крайней мере части национальной буржуазии австро-венгерскому господству) и было связано со всей политической ситуацией на Балканах. В обстановке подъема национальной революции южного славянства австро-сербский конфликт был следствием империалистической экспансии на Юго-Востоке Европы, вызвавшей отпор сербского народа.

Историческое значение для народов востока Центральной Европы имело распространение идей научного социализма и начало организованного рабочего движения. Все более актуальной становилась проблема, под чьим знаменем народные массы поведут борьбу за демократию и национальную свободу. Станут или останутся ли они политическим резервом национальной буржуазии — условия национального гнета способствовали этому — или, убедившись в своекорыстии буржуазии и ее национализма, обретут вождя в городском пролетариате.

Национальной буржуазии не суждено было установить свою полную гегемонию в общественных движениях. Появление на политической арене пролетариата и его организаций с очевидностью обнаруживало ограниченность буржуазных партий, их идеологии, эгоистическую узость их интересов и неспособность к бескомпромиссной борьбе за прогрессивные национальные идеалы. Перед рабочим классом Австро-Венгрии стояла трудная задача сплочения прогрессивных сил многонациональной империи в борьбе за коренные демократические преобразования.

Противоречия между буржуазией и эксплуатируемой массой народа, прежде всего пролетариатом, и их выражение не только в социальной, но и политической области, в том числе в национальном вопросе, проявились повсеместно в связи с таким событием всемирно-исторического значения как Парижская коммуна. Буржуазные партии и течения за исключением отдельных демократических группировок обрушились с нападками на Коммуну и призывали к единству классов якобы во имя национальных целей, — в действительности же ради упрочения капиталистического строя. Рабочий класс и революционная демократия приветствовали Коммуну, указывая в связи с этим, что национальное освобождение означает прежде всего свободу народных масс от эксплуатации и может быть достигнуто в борьбе против господствующих классов. Весьма характерна полемика, имевшая место в печати в 1871 г. в связи с выступлениями Дж. Мадзини против Интернационала и Парижской коммуны. В позиции крупного итальянского национально-революционного и буржуазно-демократического деятеля, пользовавшегося огромным авторитетом в кругах национально-освободительных движений, четко сказалось основное идейно-политическое противоречие эпохи. Поэтому в ре-

зультате выступления Мадзини от него отвернулись многие демократы, переходившие или перешедшие на позиции эксплуатируемых масс. В отношении к Коммуне впервые с такой четкостью сказались принципиально враждебные общественно-политические направления, которые в дальнейшем противоборствовали и в сфере национального вопроса. Парижская коммуна свидетельствовала о конце исторической эпохи прогрессивной, поднимающейся буржуазии. Этот рубеж был существенным также для дальнейшего изменения характера общественных движений в Австро-Венгрии. Борьба трудящихся против остатков феодализма и наиболее реакционных форм капиталистической эксплуатации вместе с тем создавала объективные условия для успеха дела национального освобождения. В начале эпохи империализма завершение демократической революции, в том числе национальное освобождение, в основном зависело от борьбы масс во главе с пролетариатом за свои классовые цели, от борьбы за социализм.

История Австро-Венгрии показала несостоятельность буржуазно-националистического пути и метода решения национальных проблем Центральной и Юго-Восточной Европы. Все большее обострение национальных противоречий в империи в период империализма, в конце XIX—начале XX в., привело к параличу парламентского устройства Австрии и к задержке общественно-политического развития Венгрии. Непрерывная борьба за те или иные уступки в национальной области, за экономические интересы разных групп буржуазии и т. п. отравляла общественную атмосферу в Австро-Венгрии национализмом, острые внутренние противоречия ослабляли международные позиции Австро-Венгрии и толкали ее правящие круги к политическим и военным авантюрам. Как было отмечено в данном труде, политическое устройство Австро-Венгрии закрывало возможность демократической альтернативы, и распад империи поэтому был закономерным итогом ее развития.

История знает факты создания национальных государств в результате совместного воздействия борьбы масс («снизу») и международных столкновений. Для судьбы габсбургской монархии и возникновения в данном регионе национальных государств (или государств с родственным национальным составом населения) освободительная классовая борьба трудящихся имела историческое значение. Эта борьба всегда имела международный характер и ее воздействие на судьбы наций следует рассматривать в международных рамках. Только Великая Октябрьская социалистическая революция в России создала решающие условия для успеха массовых движений и национального освобождения народов Австро-Венгрии.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Энгельс Ф.* Начало конца Австрии. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 471—478.
- Маркс К., Энгельс Ф.* О польском вопросе. — Соч. 2-е изд., т. 4, с. 488—494.
- Энгельс Ф.* Внешняя политика Германии. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 160—162.
- Маркс К.* Буржуазия и контрреволюция. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 109—134.
- Маркс К.* Действия Мадзини и Кошута. — Союз с Луи-Наполеоном. — Пальмерстон. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, с. 382—384.
- Маркс К.* Кошут и Мадзини. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, с. 572—573.
- Энгельс Ф.* Что будет с Европейской Турцией? — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 31—36.
- Маркс К.* Банкротство Австрии. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 10, с. 100—106.
- Маркс К.* Нога Реншид-паши. — Итальянская газета о восточном вопросе. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 10, с. 196—200.
- Маркс К.* Политика Австрии. — Дебаты о войне в палате общин. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 10, с. 356—366.
- Маркс К.* Австрия и война. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 11, с. 532—537.
- Энгельс Ф.* Европейская война. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 11, с. 617—620.
- Маркс К.* Морская торговля Австрии. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 86—97.
- Маркс К.* Восточный вопрос. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 265—269.
- Маркс К.* Мадзини и Наполеон. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 434—438.
- Маркс К.* Вопрос об объединении Италии. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 168—174.
- Энгельс Ф.* — По и Рейн. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 235—281.
- Маркс К.* Луи-Наполеон и Италия. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 505—509.
- Маркс К.* Кошут и Луи-Наполеон. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 524—530.
- Энгельс Ф.* Гарибальдийское движение. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 123—126.
- Энгельс Ф.* Большой человек Австрии. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 132—135.
- Энгельс Ф.* Австрия. — Развитие революции. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 242—245.
- Маркс К.* Воззвание Лондонского Просветительного общества немецких рабочих о Польше. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 596—597.
- Энгельс Ф.* Какое дело рабочему классу до Польши? — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 156—166.

- Маркс К.* Отчет Генерального Совета IV ежегодному конгрессу Международного Товарищества Рабочих. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 386—399.
- Маркс К.* Генеральный Совет — Федеральному Совету Романской Швейцарии. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 402—409.
- Энгельс Ф.* Предисловие ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии». — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 412—420.
- Энгельс Ф.* Роль насилия в истории. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 419—479.
- Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 11—52.
- Энгельс Ф.* Предисловие к польскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1892 года. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 289—290.
- Энгельс Ф.* — К итальянскому читателю. Предисловие к итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1893 года. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 381—382.
- Энгельс Ф.* Чешским товарищам к Первому мая. Воспоминания из времён 1848 года. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 420.
- Энгельс Ф.* — Марксу, около 27 октября 1851 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 329—331.
- Маркс К.* — Энгельсу, 9 декабря 1851 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 342—344.
- Маркс К.* — Энгельсу, 6 мая 1852 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 53—55.
- Маркс К.* — Энгельсу, 30 августа 1852 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 98—102.
- Энгельс Ф.* — И. Вейдемейеру, 12 апреля 1853 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 485—493.
- Маркс К.* — Энгельсу, 16 октября 1856 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 29, с. 61—62.
- Маркс К.* — Ф. Лассалю, 4 февраля 1859 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 29, с. 470—473.
- Энгельс Ф.* — Ф. Лассалю, 18 мая 1859 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 29, с. 490—496.
- Маркс К.* — Энгельсу, 13 февраля 1863 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 265—266.
- Маркс К.* — Б. Семере, 2 июня 1860 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 453—455.
- Маркс К.* — Б. Семере, 21 августа 1860 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 459—460.
- Энгельс Ф.* — Марксу, 12 апреля 1865 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 89—91.
- Маркс К.* — Энгельсу, 7 июня 1866 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 187—188.
- Маркс К.* — Энгельсу, 20 июня 1866 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 192—193.
- Маркс К.* — З. Мейеру и А. Фогту, 9 апреля 1870 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 32, с. 554—560.
- Энгельс Ф.* — К. Кафьеро, 28 июля 1871 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 33, с. 218—227.
- Энгельс Ф.* — П. Лафаргу, 19 января 1872 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 33, с. 323—326.
- Маркс К.* — Ф. А. Зорге, 4 августа 1874 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 33, с. 531—533.
- Энгельс Ф.* — К. Каутскому, 7 февраля 1882 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 35, с. 219—224.
- Энгельс Ф.* — А. Бабелю, 11—12 декабря 1884 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 214—218.
- Ленин В. И.* Задачи революционной молодежи. — Полн. собр. соч., т. 7, с. 341—356.

- Ленин В. И.* План чтения о Коммуне. — Полн. собр. соч., т. 9, с. 328—330.
- Ленин В. И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. — Полн. собр. соч., т. 16, с. 193—413.
- Ленин В. И.* Реформизм в русской социал-демократии. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 305—318.
- Ленин В. И.* Памяти Герцена. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 255—262.
- Ленин В. И.* Исторические судьбы учения Карла Маркса. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 1—4.
- Ленин В. И.* Железо в крестьянском хозяйстве. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 377—379.
- Ленин В. И.* Современная Россия и рабочее движение. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 55—59.
- Ленин В. И.* Спорные вопросы. Открытая партия и марксисты. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 65—88.
- Ленин В. И.* Тезисы по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 314—322.
- Ленин В. И.* Либералы и демократы в вопросе о языках. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 423—426.
- Ленин В. И.* Как епископ Никон защищает украинцев? — Полн. собр. соч., т. 24, с. 8—10.
- Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 113—150.
- Ленин В. И.* Национал-либерализм и право наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 247—249.
- Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 255—320.
- Ленин В. И.* Под чужим флагом. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 131—154.
- Ленин В. И.* Война и российская социал-демократия. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 13—23.
- Ленин В. И.* Конференция заграничных секций РСДРП. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 161—167.
- Ленин В. И.* Социалистическая революция и право наций на самоопределение (тезисы). — Полн. собр. соч., т. 27, с. 252—266.
- Ленин В. И.* О брошюре Юниуса. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 1—16.
- Ленин В. И.* Итоги дискуссии о самоопределении. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 17—58.
- Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Полн. собр. соч., т. 30, с. 77—130.
- Ленин В. И.* Статистика и социология. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 349—356.
- Ленин В. И.* Задачи пролетариата в нашей революции. (Проект платформы пролетарской партии). — Полн. собр. соч., т. 31, с. 149—186.
- Ленин В. И.* О конституционных иллюзиях. — Полн. собр. соч., т. 34, с. 33—47.
- Ленин В. И.* — Н. Д. Кикнадзе, ноябрь 1916 г. — Полн. собр. соч., т. 49, с. 319—322.
- Ленин В. И.* — Арманд, 20 ноября 1916 г. — Полн. собр. соч., т. 49, с. 323—325.
- Ленин В. И.* — Арманд, 25 ноября 1916 г. — Полн. собр. соч., т. 49, с. 325—326.
- Ленин В. И.* — Арманд, 30 ноября 1916 г. — Полн. собр. соч., т. 49, с. 328—334.
- Ленинский сборник, т. XXX.

ЛИТЕРАТУРА *

1. Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М.: Наука, 1965. 281 с.

* В список в основном включены издания, на которые имеются ссылки в книге. Более полную библиографию см.: Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. М.: Наука, 1980.

2. *Адамовић З.* Привилегије српског народа у Угарској и рад Благовештенског сабора 1861. Београд, 1902.
3. *Аристов Ф. Ф.* Карпато-русские писатели. М., 1916, Т. 1. 304 с.
4. *Бадалич И.* Русские писатели в Югославии. М.: Прогресс, 1966. 319 с.
5. *Бакочић Л.* Срби у Далмацији од пада Млетачке републике до уједињења. Београд, б. г. 190 с.
6. *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем. 1826—1876. М., 1935, т. 3—4; т. 3. 571 с.; т. 4. 621 с.
7. *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. 600 с.
8. *Белявская И. М. А. И.* Герцен и польское национально-освободительное движение. М.: Изд-во МГУ, 1954. 198 с.
9. *Беллева Ю. Д.* Литература народов Югославии в России. Последняя четверть XIX—начало XX в. М.: Наука, 1979. 280 с.
10. *Березин Л. В.* Хорватия, Славония, Далмация и военная граница. СПб., 1879. Т. 1—2; Т. 1, 520 с.; Т. 2, 590 с.
11. *Бернштейн М. Д.* Украјнска литературна критика 50—70-х рокив XIX ст. Київ, 1959. 491 с.
12. *Берги Дж.* Демократи и социалисти в период Рисорджименто. М.: Прогресс, 1965. 663 с.
13. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.
14. *Ваничек Фр.* Историја Војничке крајине или историја васцелог српског народа са ове и оне стране Дунава, Саве, Упе, Врбаса тако и приморја (од 1538 до 1873). Нови Сад, 1880.
15. *Васо Пелагић и Војводина [Милутиновић].* Нови Сад, 1956.
16. *Васо Пелагић и Војводина [Мирнић].* Нови Сад, 1959.
17. *Виноградов В. Н.* Очерки общественно-политической мысли в Румынии. Вторая половина XIX—начало XX в. М.: Наука, 1975. 442 с.
18. *Владислављевић М.* Хрватска аутономија под Аустро-Угарском. Београд, 1938. 103 с.
19. *Возняк М.* Як пробудилося українське народне життя в Галичині за Австрії. Львів, 1924.
20. *Волощенко А. Н.* Нариси з історії суспільно-політичного руху на Україні в 70-х—на початку 80-х рокив XIX ст. Київ, 1974. 222 с.
21. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах [Фрейдзон]. М.: Наука, 1972. 278 с.
22. *Вулетић В.* Мисао и реч Светозара Марковића, Врњачка Бања, 1975. 236 с.
23. *Вулетић В.* Светозар Марковић и руски револуционарни демократи. Нови Сад, 1964. 247 с.
24. *Вучковић В.* Политичка акција Србије и јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије 1859—1874. Београд, 1965. 497 с.
- 24а. *Гавличек-Боровскиј К.* Сатира и статьи. М.: Гослитиздат, 1950. 160 с.
25. Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. [С. Д. Сказкин]. М.: Наука, 1965. 450 с.
26. *Гербиљский Г. Ю.* Передова суспільна думка в Галичині. Львів: Вид-во Львів. ун-ту, 1959. 160 с.
27. Германская история в новое и новейшее время. М., «Наука», 1970, т. 1. 510 с.
28. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954—1965.
29. *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. и писем [Под ред. М. К. Лемке]. Пг., 1919—1925, т. 19.
30. *Госиоровский М.* История словацкого рабочего движения. 1848—1918. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 328 с.
31. *Графенауэр Б.* Национальное развитие каринтийских словенцев. Люблина, 1946. 93 с.
32. *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874 гг.). Кишинев: Штиинца, 1973. 539 с.
33. *Дей О. І.* Украјнска револуційно-демократична журналістика. Київ, 1959. 488 с.
34. *Добыш С. В.* Адольф Иванович Добрянский: Очерк жизни и деятельности. Пряшів, 1956.

35. «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы [Королук]. М.: Наука, 1967. 277 с.
36. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871—1918 [Волков]. М.: Наука, 1977. 345 с.
37. *Дубина М. Шевченко і Західна Україна*. Київ. Вид-во Київськ. ун-ту, 1969. 155 с.
38. *Дурковић-Јакшић Л.* Бранислав. Први југословенски илегални лист. 1844—1845. Београд, 1968. 256 с.
39. *Душович О.* Твори. Братислава, 1967. Т. 1—2.
40. *Евдокименко В. Ю.* Критика ідейних основ українського буржуазного націоналізму. Київ: Наук. думка, 1968. 293 с.
41. *Желицки Б. И.* Социалистическое рабочее движение в Венгрии 1873—1890 г. М.: Наука, 1975. 282 с.
42. *Заневич Ш.* (Терлецкий О.). Знесене панцини в Галичині: Причинок до історії суспільного життя і суспільних поглядів 1830—1848 рр. Львів, 1898. 287 с.
43. Зарубежные славяне и Россия. 40—80 годы XIX века (Документы архива М. Ф. Раевского) [Никития]. М., 1975. 569 с.
44. Зарубежные славяне и русская культура [Алексеев]. Л.: Наука, 1978. 261 с.
45. З історії західноукраїнських земель. Київ. Вид-во АН УРСР. 1957—1958. Вип. 1—5.
46. З історії чехословацько-українських зв'язків. Братислава, 1959. 687 с.
47. Избранные произведения болгарских революционных демократов. М., 1959.
48. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1—2; Т. 1. 784 с. Т. 2. 884 с.; Т. 3. М.: Соцэкгиз, 1958. 1156 с.
49. Из истории социально-политических идей. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 752 с.
50. Исследования по славяно-германским отношениям [Королук]. М.: Наука, 1971. 372 с.
51. Исследования по истории польского общественного движения XIX—начала XX в. М., 1971.
52. История венгерского революционного рабочего движения [Немеш]. Пер. с венг. М.: Прогресс, 1970. Т. 1. 302 с.
53. История Венгрии. М.: Наука. Т. 1—3. Т. 2. [Исламов]. М., 1972. 599 с.
54. История, фольклор, искусство славянских народов. V Межд. съезд славистов: Доклады венгерской делегации. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
55. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Межд. съезд славистов: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. 496 с.
56. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Межд. съезд славистов: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. 516 с.
57. История Парижской коммуны 1871 года. М.: Наука, 1971. 799 с.
58. Історія робітничого класу Української РСР. Київ: Наук. думка, 1967. Т. 1—2.
59. Історія селянства Української РСР. Київ: Наук. думка, 1967. Т. 1. 552 с.
60. Історія української літератури. Київ. 1967. Т. 2.
61. Історія Української РСР. Т. I. Київ, 1967; Т. III. Київ, 1978.
62. *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Београд, 1963. 572 с.
63. [Калај] Дневник Бењамина Калаја. 1868—1875 [Раденић]. Београд—Нови Сад, 1976. 887 с.
64. *Канделоро Дж.* История современной Италии. М.: Прогресс, 1958—1966. Т. 1—4.
65. *Кирилович Ј.* Српски народни сабори. Нови Сад, 1937. Т. 1.
66. *Кирилюк Е. П.* Українські письменники — революційні демократи й література західних слов'янських народів в XIX столітті. Київ, 1963.

67. *Кишкин Л. С.* Миколаш Аlesh и чешская культура. М.: Наука, 1978. 266 с.
- 67а. *Клима А.* 1848 год в Чехии. Начало чешского рабочего движения. М., 1949. 240 с.
68. *Козинг А.* Нация в истории и современности. М.: Прогресс, 1978. 278 с.
69. *Колейка И.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964. 263 с.
70. *Коломиец И. Г.* Социально-экономические отношения и общественное движение в Закарпатье во второй половине XIX ст. Т. 1—2. Томск: Изд-во Томск. ун-та. Т. 1—2. 1961—1962; Т. 1. 405 с. Т. 2. 677 с.
71. *Кравець М. М.* Иван Франко — історик України. Львів: Вид-во Львів. ун-ту, 1971. 203 с.
72. *Кравець М. М.* Селянство Східної Галичини і Північної Буковини у другій половині XIX ст. Львів. Вид-во Львів. ун-ту, 1964. 239 с.
73. *Крестий В.* Хрватско-угарска нагодба 1868 године. Београд, 1969. 424 с.
- 73а. *Крестий В.* Историја српске штампе у Угарској 1791—1914. Нови Сад, 1980.
74. *Кузьмин М. Н.* Школа и образование в Чехословакии. М.: Наука, 1971. 261 с.
- 74а. Культура и общество в эпоху становления наций [Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII—70-х годах XIX вв. [Богданова и др.]. М.: Наука, 1974. 208 с.
75. *Курило В.* і др. Північна Буковина, її минуле і сучасне. Ужгород; Карпати. 1969. 247 с.
76. *Лемке М.* Очерки освободительного движения «шестидесятих годов». СПб., 1908. 510 с.
77. В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX—начала XX в. Л.: Наука, 1969. 400 с.
78. Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях [Федосеев]. М.: Политиздат, 1972.
79. *Лисовий П. М.* Журналістика Закарпаття 50—70-х років XIX ст. і її зв'язки в іншими українськими землями та Росією. Ужгород, 1969. 51 с.
80. *Мазурок О. С.* Экономические и культурные связи западноукраинских земель с Украиной и Россией во второй половине XIX в. (Автореф. канд. дис.), 1972. 22 с.
81. *Маркович С.* Избр. соч. М.: Госполитиздат, 1956. 916 с.
82. К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия. М.: Политиздат, 1967. 792 с.
83. Матеріали звітної наукової сесії Інституту суспільних наук АН УРСР 1971 року. Київ, 1971.
84. *Магула В.* Людовит Штур (1815—1856 гг.). Братислава, 1956. 79 с.
85. Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. [Черняев]. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 664 с.
86. Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М.: Наука, 1966. 281 с.
87. Межславянские культурные связи [Шептунов]. М.: Наука, 1971. 239 с.
88. Методологические проблемы истории славистики [Дьяков]. М.: Наука, 1978. 333 с.
90. *Мизиано Н. Ф.* Некоторые проблемы истории воссоединения Италии. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 141 с.
91. *Михитась В. О.* Литературный процесс на Закарпатской Украине до-октябрьского периода. Киев, 1970. 107 с.
92. *Михитась В. С. В.* Духнович: Літературно-критичний варис. Ужгород, 1959.
93. *Милетий С.* Избрани чланци. Нови Сад, 1939. 216 с.
94. Минуле і сучасне Північної Буковини. Київ: Наук. думка, 1972—1973. Вип. 1—2.

95. *Мирний Ј.* Раднички покрет у Бачкој до формирања Социјал-демократске партије Угарске. Нови Сад, 1963.
96. *Митровић Б., Андрић С.* Светозар Марковић и његово доба. Београд, 1978.
97. *Михайлов М. И.* Борьба против бакунизма в I Интернационале. М.: Наука, 1976. 350 с.
- 97а. Назустріч мрії: Нариси історії Прикарпаття. Ужгород, 1978. 223 с.
98. Нариси історії Львова. Львів: Кн.-журн. вид-во, 1956. 437 с.
99. Народні пісні Буковини в записках Юрія Федьковича. Київ, 1958.
100. Национально-освободительное движение южных славян. М.: Наука, 1966. 226 с.
101. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков [Бернштейн]. М.: Наука, 1978. 353 с.
102. *Неслер В. Е.* Джузеппе Гарibaldi. М.: Госполитиздат, 1961. 127 с.
103. *Нечигалюк М. Ф.* Буковинський Кобзар Юрій Федькович. Львів: Кн.-журн. вид-во, 1963. 95 с.
104. *Никигин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970. 327 с.
105. *Никигин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 361 с.
106. *Новак В.* Фрањо Рачки (1828—1894). Београд, 1958. 382 с.
107. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX—начале XX в. [Миллер]. М.: Наука, 1974. 404 с.
108. Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 332 с.
109. Объединение Италии: 100 лет борьбы за независимость и демократию. М., 1963.
110. Очерки революционных связей народов России и Польши, 1815—1917 [Миллер]. М.: Наука, 1976. 598 с.
111. *Павлович А.* Избр. произв. Прешов, 1955.
112. *Павлик М.* Москвофільство та українофільство серед австро-руського народу. Львів, 1906.
113. *Павлик М.* Про русько-українські народні читальні: Львів, 1887. Ч. 1.
114. Первый Интернационал. М.: Мысль, 1964—1965, 1970. Ч. 1—3.
115. Первый конгресс балканских исследований: Сообщения советской делегации. М.: Наука, 1966.
116. *Петровић Н.* Око Милетића и после њега. Нови Сад, 1964. 295 с.
117. *Петровић Н.* Светозар Милетић (1828—1901). Београд, 1958. 256 с.
118. *Пиружова Н. М.* Бакунин М.: Молодая гвардия, 1970. 400 с.
119. *Погодин А. Л.* Славянский мир: Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М., 1915. 420 с.
120. [Полит-Десанчић М.] Све досадање беседе Мих. Полита-Дасанчића. Нови Сад, 1883.
121. *Попов Н. А.* Австрийская публицистика перед введением дуализма (1865—1866). Киев, 1878.
122. *Поповић Д.* Срби у Војводини. Књ. 1—3. Нови Сад, 1963. Књ. 3. 333 с.
123. *Поповић М.* Ђура Даничић. Београд, 1959. 272 с.
124. *Поповић М.* Революційно-демократичне еднання слов'ян у XIX ст. Пряшів, 1973. 366 с.
125. Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. [Арш]. М.: Наука, 1976. Вып. 2. 349 с.
126. Проблемы истории общественной мысли и историографии. М.: Наука, 1976. 387 с.
127. *Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.
128. *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. СПб., 1879—1881. Т. 1—2.
129. Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах [Фрейдзон]. М.: Наука, 1970. 360 с.
130. *Рагнер Н. Д.* Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М.: Наука, 1970. 222 с.

131. *Ровда К. И.* Чехи и русские в их литературных взаимосвязях. 50—60-е годы XIX в. Л.: Наука, 1968. 247 с.
132. *Ровда К. И.* Россия и Чехия: Взаимосвязи культур. 1870—1890. Л.: Наука, 1978. 285 с.
133. *Рогачев П. М., Свердлов М. А.* Нации—народ—человечество. М., 1967.
134. Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX—начало XX в. М.: Наука, 1975. 327 с.
135. *Рутковский Ян.* Экономическая история Польши. М., 1953.
136. *Свенцицкий И. С.* Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Львов. Т. I, 1905. 212 с.
137. Светозар Милетић и Народна странка.—Грађа [Петровић]. Сремски Карловци, 1968—1969. Св. 1—2.
138. *Свицгун Ф. И.* Прикарпатская Русь под владением Австрии. Львов, 1896. 350 с.
139. *Свицгун Ф. И.* Гр. Агенор Голуховский и Галицкая Русь в 1848—1859 гг. Львов, 1901. 162 с.
140. Связи революционеров России и Польши XIX—начала XX в. [Миллер]. М.: Наука, 1968. 420 с.
141. *Скерлић Ј.* Омладина и њена књижевност. Београд, 1925. 439 с.
142. Славяне и Россия [Бромлей]. М.: Наука, 1972. 305 с.
143. Славяно-балканские исследования [Никитин]. М., «Наука», 1972. 335 с.
144. Славяно-германские культурные связи и отношения. [Корольюк]. М.: Наука, 1969. 365 с.
145. Славянская историография и археография [Никитин]. М.: Наука, 1969. 280 с.
146. Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. М.: Наука, 1978. 389 с.
147. Славянское возрождение. М.: Наука, 1968. 250 с.
148. *Смирнова З. В.* Социальная философия А. И. Герцена. М.: Наука, 1973. 290 с.
149. Советское славяноведение [Савочкин]. Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1969. 660 с.
150. *Стајић В.* Грађа за културну историју Новог Сада. Нови Сад, 1951. 381 с.
151. *Стајић В.* Грађа за политичку историју Новог Сада. Нови Сад, 1951. 451 с.
152. *Стајић В.* Светозар Милетић. Београд—Нови Сад, 1926. 435 с.
153. *Страняковић Д.* Политичка пропаганда Србије у југословенским покрајинама 1844—1858 године. Београд, 1936.
154. *Студинський К.* Переписка Михайла Драгоманова з Володимиром Навроцьким.—За сто літ. Київ, 1927. Кн. II.
155. [Суботић] Живот д-ра Јована Суботића. Нови Сад, 1901—1905. Д. 1—3; Д. 1. 1901. 158 с.; Д. 2. 1902. 179 с.; Д. 3. 1905. 226 с.
156. *Трусевич С. М.* Суспільно-політичний рух у Східній Галичині в 50—70-х роках XIX ст. Київ: Наук. думка, 1978. 165 с.
157. Уједињена омладина српска и њено доба. 1860—1875. Грађа из совјетских архива [Кондратјева]. Нови Сад, 1977. 377 с.
158. Уједињена омладина српска: Зборник радова [Милисавец]. Нови Сад, 1968. 624 с.
159. Устанак у Боки Которској [Мијушковић] Котор—Будва, 1970. 382 с.
160. *Фалькович С. М.* Идејно-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60 годов XIX века. М.: Наука, 1966. 333 с.
161. *Филиповић М.* Проучавање насељавања Војводине. Нови Сад, 1958.
162. *Франко І.* Про російську літературу. Львів: Вільна Україна, 1947. 278 с.
163. *Франко І.* Твори. Київ. Держ. вид. худ. літ, 1950—1956. Т. 1—20.
164. *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М.: Наука, 1970. 364 с.
165. *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М.: Наука, 1979. 334 с.

166. *Хонигсман Я. С.* Проникнення іноземного капіталу в економіку Західної України в епоху імперіалізму (до 1918 р.). Львів: Вид-во Львів. ун-ту, 1971. 254 с.
167. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время [Писарев]. М.: Наука, 1974. 313 с.
168. *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. В 16 т. М.: Худ. лит., 1939—1953.
169. *Чезак К.* Раднички покрет у Банату до формирања Социјал-демократске партије Угарске. Нови Сад, 1971.
170. Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. Конец XVIII—начало XX в. М.: Наука, 1968.
171. *Чубрилович В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. 571 с.
172. *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение и Россия. М.: Наука, 1978. 391 с.
173. *Шишић Ф.* Југословенска мисао. Београд, 1937. 272 с.
174. *Шмедес К.* Географическое и статистическое обозрение Галиции и Буковины. СПб., 1870. 150 с.
175. *Штур Л.* Славянство и мир будущего. СПб., 1909. 176 с.
176. *Шураг В. Н.* Вибрані праці з історії літератури. Київ: Вид-во АН УРСР, 1963. 434 с.
177. *Яцкевич Е. А.* Становище робітничого класу Галичини в період капіталізму (1848—1900 рр.). Київ: Вид-во АН УРСР, 1958. 106 с.
179. *Adăniloate N.* Formation de l'Etat national roumain. București, 1965.
180. *Andrássy Gy.* Az 1867-i kiegyezésről. Budapest, 1896.
181. Antologija jugoslovenske misli i narodnog jedinstva (1390—1930). Beograd, 1930. 931 s.
182. *Arató E.* A magyar politikai nemzet fogalma az 1860-as évek országgyűlésein. Budapest, 1964.
183. *Arneth A.* Anton von Schmerling. Praha, 1896.
184. *Auty K.* Czech and Slovak thought in the second half of the eighteenth century. Uppsala, 1960. 22 p.
185. *Badalić J.* Rusko-hrvatske književne studije. Zagreb, 1972. 479 s.
186. *Bălcescu N.* Opere. București, 1964, v. 4, p. 266.
187. *Baltzarek F.* Die Geschichte der Wiener Börse. Wien, 1973.
188. *Barac A.* Hrvatska književnost od Preporoda do stvaranja Jugoslavije. Zagreb, 1960, Knj. 2. 218 s.
189. *Barbalić F.* Narodna borba u Istri od 1870 do 1915 godine. Zagreb, 1952. 200 s.
190. Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1960.
191. Beiträge zur Geschichte des bürgerlichen Nationswerdens der West- und Südslawischen Völker. Berlin, 1954.
192. *Beksics G., Kemény Zs.* A forradalom és kiegyezés. Budapest, 1883.
193. *Benda Gy.* Statisztikai adatok a magyar mezőgazdaság történetéhez. 1767—1867. Budapest, 1975. 457 old.
194. *Benedikt H.* Die wirtschaftliche Entwicklung in der Franz-Joseph-Zeit. Wien—München, 1958. 200 S.
195. *Berchtold K.* Österreichische Parteiprogramme 1868—1966. Wien. 1967. 528 S.
196. *Berend T. I., Ránki G.* Közép-Kelet-Európa gazdasági fejlődése a 19—20. században. Budapest, 1976. 724 old.
197. *Berend T. I., Szuhay M.* A tőkes gazdaság története Magyarországon. 1848—1914. Budapest, 1973. 365 old.
198. *Berengo M.* L'agricoltura veneta dalla caduta della repubblica all'Unità. Milano, 1963. 380 p.
199. *Bernatzik E.* Die österreichischen Verfassungsgesetze. Wien, 1911.
200. *Berzeviczy A.* Az abszolutizmus kora Magyarországon 1849—1865. Budapest, 1922—1937. K. 1—4.
201. Bleiweisov zbornik. Ljubljana, 1908.
202. *Bluhm W. T.* Building an Austrian nation: The political integration of a Western state. New Haven—London, 1973. 265 p.

203. *Bobrzyński M., Jaworski W., Milowski J.* Z dziejów odrodzenia politycznego Galicji 1859—1873. Warszawa, 1905. 521 s.
204. *Body P.* Joseph Eötvös and the Modernisation of Hungary. 1840—1870. Philadelphia, 1972
205. *Bogdanov V.* Uloga Vojne Krajine i njenih zastupnika u hrvatskom saboru 1861. Zagreb, 1860. 174 s.
206. *Böhm L.* Geschichte des Temeser Banats. Leipzig, 1861. T. 1—2.
207. *Bokes F.* Pokusy o slovansko-mad'arské vyrovnanie v rokoch 1861—1868. Turč. Sv. Martin, 1941. 232 s.
208. *Bokes Fr.* St. M. Daxner. Bratislava, 1958.
209. *Borejsza J.* Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966. 594 s.
210. *Borejsza J.* W kręgu wielkich wygnańców. 1848—1895. Warszawa, 1963. 594 s.
211. *Borodovčák V.* Ohlas poľského povstania roku 1863. na Slovensku. Bratislava, 1960. 198 s.
212. *Boršnik M.* Fran Celestin. Ljubljana, 1951. 326 s.
213. *Brachelli H. F.* Statistik der Oesterreichischen Monarchie. Wien, 1857.
214. *Brügel L.* Geschichte der oesterreichischen Sozialdemokratie. Wien, 1922—1925.
215. *Brussatti A.* Wirtschafts- und Sozialgeschichte der industriellen Zeitalters. Wien, 1968.
216. *Buszko J.* Spoleczno-polityczne oblicze Uniwersytetu Jagellońskiego w dobie autonomii galicyjskiej (1868—1914). Kraków, 1963.
217. *Caizzi B.* L'economia lombarda durante la Restaurazione (1814—1859). Milano, 1972.
218. La cassa di risparmio della provinzie lombarde. Milano. 1923.
219. *Cazi J.* Prva radnička društva u Hrvatskoj: Samostalni ekonomski i politički istupi (1860—1880). Zagreb, 1957.
220. *Cesarec A.* Kriza stranke prava i naši «komunari» god. 1871. Zagreb, 1951.
221. *Charmatz R.* Österreichs innere Geschichte von 1848 bis 1907. Leipzig, 1909. Bd 1—2.
222. *Chlebowczyk J.* Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX w.). Warszawa—Kraków, 1975. 376 s.
223. *Ciliga V.* Slom politike Narodne stranke. 1865—1880. Zagreb, 1970. 309 s.
224. *Cinek K.* K národním probuzení moravského dorostu kněžského 1778—1780. Olomouc, 1934. 286 s.
225. *Constantinescu-Jași P.* Influența democrațiilor revoluționari ruși din secolul XIX asupra curentelor ideologice din țara noastră între 1850—1880. București, 1950.
226. *Constantinescu.* Etudes d'histoire Transylvaine. București, 1970.
227. *Corpus juris Hungarici: Magyar Törvenytár.* 1856—1868 évi törvenycikkek. Budapest, 1896.
228. *Csapláros J.* Polak i Węgieł — dwa bratanki. Debrecen, 1964.
229. *Curticeanu V.* Die rumänische Kulturbewegung in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. București, 1966.
230. *Czoernig K. F.* Ethnographie des oesterreichischen Monarchie. Wien, 1857. Bd 1.
231. *Cervinka F.* Cesky nacionalismus v XIX století. Praha, 1965. 236 s.
232. Češi a Jihoslované v minulosti [Záček]. Praha, 1975. 751 s.
233. Češi a Poláci v minulosti. Praha, 1964—1967. D. I—II.
234. Česko-polský sborník vědeckých prací. Praha, 1955. Sv. 1.
235. Československé přednášky pro VII. Mezinárodní sjezd slavistů. Praha, 1973.
236. Československo a Juhoslávia. Bratislava, 1968. 440 s.
237. Cestí radikální demokraté. Praha, 1957.
238. Cestí radikální demokraté (vybor politických státi z r. 1848—1870). Praha, 1953. 528 s.
239. *Čulinović F.* Državnopravna historija jugoslavenskih zemalja XIX. i XX. vijeka. Zagreb, 1956. Sv. 1—2.

240. Čulinović F. Razvitak jugoslavenskog federalizma. Zagreb, 1952.
241. Curkina I. Matija Majar-Ziljski. Ljubljana, 1974. 193 s.
242. Dąbrowski J. Listy. Warszawa, 1960.
243. Daicoviciu C. etc. Din istoria Transilvaniei. București, 1963. V. I—II.
244. Daxner S. M. V službe národa. Bratislava, 1958.
245. Deák Ferenc. Beszédei. Budapest, 1903. 4 k.
246. Dějiny česko-ruských vztahů. 1770—1912. D. 1. Praha, 1967. 408 s.
247. Dějiny Prahy. Praha, 1964. 829 s.
248. Dejiny Slovenská Bratislava. 1961. Sv. 1—2.
249. Dejiny štátu a práva na území Československa v období kapitalizmu. 1848—1918. Bratislava, 1971. 447 s.
250. Della Peruta F. I Democratici e la rivoluzione italiana. Milano, 1958.
251. Despot M. Industrija građanske Hrvatske 1860—1870. Zagreb, 1970. 236 s.
252. Diószegi I. Österreich-Ungarn und der franko-preussische Krieg 1870—1871. Budapest, 1974. 311 S.
253. Dokumenty k počátkům dělnického hnutí v Čechách 1864—1874. Praha, 1961. 378 s.
254. Dokumenty k slovenskému národnímu hnutí v letech 1848—1914. Bratislava, 1962. D. 1—2.
255. Dzikowska-Homola G. Mikołaj Zyblikiewicz (1823—1887). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964.
256. Eder K. Der Liberalismus in Altösterreich. Wien, 1955.
257. Eisenmann L. Le compromis austro-hongrois de 1867: Étude sur le dualisme. Paris, 1904.
258. Die Entwicklung der Verfassung Österreichs vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Wien, 1963. 208 S.
259. Eötvös J. A. XIX. század uralkodó eszmeinek befolyása az alladalmora. Budapest, 1902.
260. Eötvös J. Levelek, életrajz. Budapest, 1903.
261. Eötvös J. Naplójegyzetek — gondolatok. Budapest, 1941.
262. Eötvös J. Válogatott pedagógiai művei. Budapest, 1957.
263. Erdély története. București, 1964. T. 1—2.
264. Etnografie dělnictva. Praha, 1975. T. 3.
265. Felczak W. Ugoda węgiersko-chorwacka 1868 roku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969. 240 s.
266. Fényes E. Az austriai birodalom statisztikája és földrajzi leírása. Pest, 1857.
267. Franz G. Liberalismus: Die deutsch-liberale Bewegung in der habsburgischen Monarchie. München, 1955.
268. Frass O. Quellen zur Österreichischen Geschichte. 1780—1918. Wien, 1962.
269. Frič J. V. Paměti. Praha, 1885—1891. Sv. 1—4.
270. Friedjung H. Der Krimkrieg und die österreichische Politik. Stuttgart, 1907.
271. Friedjung H. Österreich von 1848 bis 1860. Stuttgart, 1912.
272. Fuchs A. Geistige Strömungen in Osterreich. Wien, 1948.
274. Galántai J. Az 1867-es kiegyezés. Budapest, 1957.
275. Galicja w dobie autonomicznej (1856—1914). [Kieniewicz] Wrocław, 1952. LIII. 397 s.
276. Gams J. Pohorsko Podravje. Ljubljana, 1959.
277. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung in 8 Bde. Berlin, 1966. Bd 1.
278. Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina (1792—1918). Ljubljana, 1966. 359 s.
279. Ghica I. Amintiri din pribegie după 1848. Bururești, 1889. T. 2.
280. Giurescu C. C. Transilvania în istoria poporului român. București, 1964.
281. Gorničić-Brdovački J. Razvitak željeznica u Hrvatskoj do 1918 godine. Zagreb, 1952.
- 281a. Građa za povijest književnosti Hrvatske. Knj. 19. [Barac]. Zagreb, 1950. 269 s.

282. *Grobelný A.* Češi a Poláci ve Slezsku v letech 1848—1867: Přípravné studie z dějin národního a dělnického hnutí. Ostrava, 1958. 367 s.
283. *Gross M.* Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973. 452 s.
284. Die grosspreussisch-militärische Reichsgründung, 1871. Berlin, 1971. Bd 1.
285. *Grzybowski K.* Galicja 1848—1914: Historia ustroju politycznego na tle historii ustroju Austrii. Wrocław, 1950. 322 s.
286. *Crünberg K.* Die Bauerbefreiung und die Auflösung des gutcherlich-bauerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren und Schlesien. Leipzig, 1893. Bd. 2. 510 S.
287. Die Habsburger Monarchie. 1848—1918. Wien, Bd 1—2; Bd I. Die wirtschaftliche Entwicklung, 1973; Bd II. Verwaltung und Rechtswesen, 1975.
288. *Hallwich H.* Anfänge der Grossindustrie in Österreich. Wien, 1893.
289. *Hanák P.* Magyarország a Monarchiában. Budapest, 1975. 468 old.
290. Handbuch der Geschichte Österreichs und seiner Nachbarländer Böhmen und Ungarn. Graz—Wien—Leipzig, 1927—1941. Bd 1—2.
291. *Handelsman M.* Rozwój narodowości nowoczesnej. Warszawa, 1973.
292. *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs. 1848—1918. Graz-Wien-Köln, 1959—1962. Bd. 1—2.
293. *Hantsch H.* Die Nationalitätenfrage im alten Österreich. Wien, 1953. 126 S.
294. *Hautmann W., Kropf R.* Die österreichische Arbeiterbewegung vom Vormärz bis 1945. Linz, 1974.
295. *Heltman W.* Demokracja polska na emigracji. Lipsk, 1866.
296. Historia Polski. Warszawa, 1958—1963. T. 2, cz. 3; T. 3. cz. 1.
297. Historia Śląska. Warszawa, 1970. T. 1—2.
298. *Hóman B., Szekfű Gy.* Magyar történet. Budapest, 1935—1936. K. 1—5.
299. *Hornowa E.* Ukraiński obóz postępowy i jego współpraca z polską lewicą społeczną w Galicji 1876—1895. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968.
300. *Horvat J.* Ante Starčević. Kulturno-povijesna slika. Zagreb, 1940. 396 s.
301. *Horvat J.* Povijest novinstva Hrvatske. Zagreb, 1962. 432 s.
302. *Hroch M.* Obrození malých evropských národů. Praha, 1971.
303. Hrvatski narodni preporod u Dalmaciji i Istri [Ravlić]. Zagreb, 1969. 498 s.
304. *Hučko J.* Sociálne zloženie a pôvod slovenskej obrodenskej inteligencie. Bratislava, 1974. 387 s.
305. *Hribar I.* Moji spomini. Ljubljana, 1926. D. 1.
306. Az I. Internacionálé és Magyarország. Budapest, 1964.
307. *Iorga N.* Histoire des Roumains de Transilvanie et de Hongrie. București, 1940. V. 1—2.
308. *Iorga N.* Influences étrangères sur la nation roumaine. Paris, 1923.
309. Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában (1867—1918). [Kemény]. Budapest, 1952—1971. K. 1—5.
310. Istoria României. București, 1964. T. 3—4.
311. Istorija Jugoslavije. Beograd, 1973. VIII. 607 c.
312. Istra i Slovensko Primorje. Beograd, 1952. 750 s.
313. *Iványi B., Gárdonyi A.* Egyetemi nyomda története. 1577—1927. Budapest, 1927.
314. 200 Jahre österreichischen Unterrichtsverwaltung. 1760—1960. Wien, 1960.
315. *Jarzębowski J.* Węgierska polityka Traugutta. Warszawa, 1938.
316. *Jászi O.* The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago, 1929.
317. Jeneral Zamojski (1803—1868). Poznań, 1930. T. 6.
318. Jugoslovenski narodi pred prvi svetski rat. Beograd, 1967. 1089 c.
319. *Juriček J.* Ludovít Stúr. Bratislava, 1971.
320. I. V. Frič a demokratické proudy v české politice a kulture. Praha, 1956.

321. *Kann R. A.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Graz-Köln, 1964. Bd 1—2.
322. *Kann R. A.* A history of the Habsburg Empire, 1526—1918. Berkeley, 1974. 646 s.
323. *Karaman I.* Privreda i društvo Hrvatske u 19. stoljeću. Zagreb, 1972. 365 s.
324. *Karaman I.* Valpovačko vlastelinstvo. Zagreb, 1962. XIII, 111 s.
325. *Kardel-Sperans E.* Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. Ljubljana, 1957. 400 s.
326. *Karniková L.* Vývoj obyvatelstva v českých zemích 1754—1914. Praha, 1965. 402 s.
327. *Karniková L.* Vývoj uhelného průmyslu v českých zemích do r. 1880. Praha, 1960.
328. *Karol Kuzmány (1806—1866):* Sborník. Martin, 1967.
329. *Keleti K.* Hazánk és népe a közigazdaság és társadalmi statisztika szempontjából. Budapest, 1873.
330. *Kemény G. G.* A magyar nemzetiségi kérdés a törvények és tervezetek tükrében. 1790—1918. Budapest, 1946.
331. *Kemény G. G.* A szomszéd népekkel való kapcsolataink történetéből. Budapest, 1962.
332. *Kermavner D.* Začetki slovenske socialne demokracije. Ljubljana, 1963. 458 s.
333. *Kienast A.* Die Legion Klapka. Wien, 1900.
334. *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. 801 s.
335. *Kiszlíng R.* Fürst Felix zu Schwarzenberg: Der politische Lehrmeister Franz Josephs. Graz, 1952.
336. *Klaczko J.* Studia dyplomatyczne: Sprawa polska — sprawa duńska (1863—1865). Kraków, 1903. Cz. 1—2.
337. *Koberdowa I.* Polityka czartoryszczyzny w okresie powstania styczniowego. Warszawa, 1957. 236 s.
338. *Koči J.* Česke národní obrození. Praha, 1978. 458 s.
339. *Kolejka J.* Národnostní programy pro střední a jihovýchodní Evropu: Z dějin socialistické teorie národnostní otázky 1848—1917. Brno, s. a.
340. *Kolmer G.* Parlament und Verfassung in Österreich. Bd. 1. 1848—1869. Wien—Leipzig, 1902. 403 s.
341. *Koltay-Kastner J.* Iratok a Kossuth-emigráció történetéhez. Szeged, 1949.
342. *Koltay-Kastner J.* A Kossuth-emigráció Olaszországban. Budapest, 1960.
343. *Konrad H.* Nationalismus und Internationalismus: Die österreichische Arbeiterbewegung vor dem Ersten Weltkrieg. Wien, 1976.
344. Korespondencija Rački-Strossmayer [Šišić]. Zagreb, 1928—1931. Sv. 1—4.
345. *Kossuth L.* Összes Munkái. Budapest, 1948—1956. K. 1—15.
346. *Kovács E.* Austria útja az 1867-es kiegyezéshez. Budapest, 1968.
347. *Kovács E.* L'insurrection polonaise de 1863 et l'émigration hongroise. Budapest, 1960.
348. *Kovács E.* Népek orszagutján: Válogatott tanulmányok. Budapest, 1972.
349. *Kovács E.* A Kossuth emigráció és az európai szabadsághozmozgalmak. Budapest, 1967.
350. *Kovijantič R.* Študie z dejin juhoslovansko-slovenských vzťahov. Martin, 1976.
351. *Kozłowski E.* General Józef Hauke-Bosak (1834—1871). Warszawa, 1973. 456 s.
352. *Kramer H.* Die Italiener unter der österreichisch-ungarischen Monarchie. Wien—München, 1954.
353. *Kristan A.* O delavskem in socialističnem gibanju na Slovenskem do ustanovitve jugoslovanske socialno-demokratske stranke (1848—1896). Ljubljana, 1927.
354. *Krofta K.* Dějiny selského stavu. Praha, 1949.
355. [Kübeck] Aus dem Nachlass des Freiherrn Carl Friedrich Kübeck von Rübau: Tagebücher, Vriefe, Aktenstücke (1841—1855). Graz—Köln, 1960.
356. *Kvaternik E.* Politički spisi. [Kuntić]. Zagreb, 1970.

357. [Kvaternik] Promemorija princu Jérômeu Napoléonu. Zagreb, 1936. 76 s.
358. *Lackó M.* Ipari munkasságunk összetételének kialakulása 1867—1949. Budapest.
359. *Legiša L., Slodnjak A.* Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, 1959. Sv. 1—2.
360. *Lengyel M.* Reformersors Ausztriában. Budapest, 1969.
361. *Leśniewski A.* Bakunin a sprawy polskie w okresie Wiosny Ludów i powstania styczniowego 1863 roku. Łódź, 1962.
362. *Levstikov* zbornik. Ljubljana, 1933.
363. *Limanowski B.* Historia demokracji polskiej w epoce porobiziorowej. Warszawa, 1957. Cz. 1—2.
364. *Lisicki H.* Antoni Zygmunt Helcel. 1808—1870. Lwów, 1882, T. 1—2.
365. *Lončar D.* Politično življenje slovencev (1797—1919). Ljubljana, 1921.
366. *L'udovit Stúr* und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava, 1969.
367. *Lukács L.* Magyar függetlenségi és alkotmányos mozgalmak. 1849—1867. Budapest, 1955.
368. *Lepkowski T.* Polska — narodziny nowoczesnego narodu. 1764—1870. Warszawa, 1967. 539 s.
369. *Macartney C. A.* The Habsburg Empire 1790—1918. London, 1968.
370. A magyar munkásmozgalom történetének válogatott dokumentumai. Budapest, 1951. K. 1.
371. Magyarország története 1848—1918. Budapest, 1972. 4 K.
372. A magyar Tudományos Akadémia másfél évszázada. 1826—1975. [Pach] Budapest, 1975. 548 old.
373. Magyarország történeti demografiaja. [Kovacsics] Budapest, 1963. 443 old.
374. Matica Slovenská v našich dejinách. Bratislava, 1963.
375. *Matković P.* Hrvatska i Slavonija u svojih fizičnih i duševnih odnosajih. Zagreb, 1873. 160 s.
376. *Matković P.* Geografsko-statistički nacrt Austrougarske monarhije. Zagreb, 1874.
377. *Mayer F. M., Kaindl R. F., Pirchagger H.* Geschichte und Kulturleben Österreichs. Wien, 1960, Bd 2.
378. *Mazzini G.* Scritti editi e inediti. Imola, 1906—1961. V. 1—101.
379. *Mazzini e il Mazzinianesimo:* Atti del XLVI congresso di storia del Risorgimento italiano. Roma, 1974.
380. *Melik V.* Volitve na Slovenskem 1861—1918. Ljubljana, 1965. 439 s.
381. *Mésáros J.* Rol'nicka a národnostná otázka na Slovensku 1848—1900. Bratislava, 1959.
382. [Metternich]. Briefe des Staatskanzlers Fürsten Metternich an Graf Buol-Schauenstein, 1852—1859. München, 1934.
383. *Mezei S.* Razvoj industrije u Bačkoj. Novi Sad, 1959.
384. *Mihovilović J.* Trst: Etnografski i ekonomski prikaz. Zagreb, 1946. 386 s.
385. *Milanović B.* Hrvatski narodni preporod u Istri 1797—1882. Pazin, 1967.
386. *Milutinović K.* Štromajer i jugoslavensko pitanje. Novi Sad, 1976. 281 c.
387. *Milutinović K.* Vojvodina i Dalmacija 1760—1914. Novi Sad, 1973. 394 s.
388. *Mitkowski Z.* Od kolebki przez życie. Kraków, 1936. T. 2.
389. *Mirković M.* Ekonomska historija Jugoslavije. Zagreb, 1958.
390. *Miskolczy J.* Ungarn in der Hansburger-Monarchie. Wien, 1959. 212 S.
391. *Mocsáry Lajos.* Válogatott írásai. Budapest, 1958.
392. *Mohorič J.* Zgodovina obrti in industrije v Tržiču. Ljubljana, 1957.
393. *Mommsen H.* Die Sozialdemokratie und die Nationalitätenfrage in habsburgischen Vielvölkerstaat (1867—1907). Wien, 1963.
394. *Stefan Moyses.* 1869—1969: Zbornik z vedeckej konferencie. Martin, 1971. 173 s.
395. *Mrazek O.* Vývoj průmyslu v českých zemích a na Slovensku od manufaktury do r. 1918. Praha, 1964. 494 s.
396. Munkások és parasztok mozgalmai Magyarországon 1849—1867. Iratok. [Sashegyi] Budapest, 1959.
397. *Nejedlý Z.* Velké osobnosti. Praha, 1951.
398. A nemzeti ideológia multja és jelene. Budapest, 1966.

399. *Neuhaus G.* Die Beziehungen zwischen der deutschen und österreichischen Arbeiterbewegung im letzten Drittel des 19. Jahrhundert. Leipzig, 1974.
400. *Niederhauser E.* Nemzetek születése Kelet-Európában. Budapest, 1976.
401. *Novotný J.* Češi a Slováci za národního obrození a do vzniku československého státu. Praha, 1968. 224 s.
402. *Orožen J.* Zgodovina Trbovelj, Hrasinika in Dola. Trbovlje, 1958.
403. Der österreichisch-ungarische Ausgleich 1867. Bratislava, 1971. 1076 S.
404. Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin, 1966.
405. Otázky dějin střední a východní Evropy. Brno, 1975.
406. Otázky vývoje kapitalismu v českých zemích a v Rakousku-Uhersku do roku 1918. Praha, 1957. 276 s.
407. O vzajomných vzťahoch Čechov a Slovakov. Bratislava, 1956.
408. Pamiętnik X powszechnego sjazdu historyków polskich w Lublinie. Warszawa, 1968. T. 1.
409. A parasztság Magyarországon a kapitalizmus korában 1848—1914. Tanulmányok. [Szabó]. Budapest, 1965. K. 1—2.
410. A Parizsi Kommun: Tanulmánykötet. Budapest, 1973.
411. *Petrović R.* Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX st. Sarajevo, 1968. 474 c.
- 411a. Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich. Warszawa, 1953. T. 1—2.
412. *Plaschka R.* Von Palacky bis Pekař: Geschichtswissenschaft und Nationalbewusstsein bei den Tschechen. Wien, 1955.
413. *Pleterski J.* Narodna in politična zavest na Koroškem. Ljubljana, 1965.
414. Počeci socijalističke štampe na Balkanu. Beograd, 1974.
415. Polacy w Austrii: Materiały międzynarodowego sympozjum naukowego. Kraków, 1976. 288 s.
416. *Polić M.* Parlamentarna povijest kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Zagreb, 1899—1900, Sv. 1—2.
417. *Popiel P.* Pisma. Kraków, 1893. T. 1.
418. Povijest školstva i pedagogije u Hrvatskoj. Zagreb, 1958. 534 s.
419. *Prelóg M.* Pout' Slovanů do Moskvy roku 1867. Praha, 1931. 183 s.
420. *Prijatelj J.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Ljubljana, 1955—1966. Zv. 1—5.
421. Problémy národního a socialistického hnutí v dějinách Československa a Jugoslávie od roku 1867 do konce 19. století. Praha, 1974. 300 s.
422. Programmatische Dokumente der deutschen Sozialdemokratie. Bad Godesberg, 1973.
423. Die Protokolle des österreichischen Ministerrates, 1848—1867. Wien, 1971. VI. Abt. Bd. I.
424. Prvo radničko društvo u jugoslavenskim zemljama — Osijek, 1867. Slavonski Brod, 1969.
425. Přehled československých dějin. Praha, 1960. D. 2. Sv. 1. 1848—1918.
426. *Purš J.* Dělnické hnutí v českých zemích 1849—1867. Praha, 1961. 148 s.
427. *Purš J.* Průmyslová revoluce v českých zemích. Praha, 1961.
428. Rapports, co-rapports, communications tchécoslovaques pour le IV congrès de l'Association Internationale d'Etudes du Sud-Est Européen. Prague, 1979. 494 p.
429. *Redlich J.* Kaiser Franz Joseph von Österreich. Berlin, 1928.
430. *Redlich J.* Das österreichische Staats- und Reichsproblem. Leipzig, 1920—1926. Bd 1—2.
431. *Redžić E.* Austromarksizam i jugoslavensko pitanje. Beograd, 1977. 497 s.
432. *Révai J.* Marxizmus, népiesség, magyarság. Budapest, 1955.
433. *Révai J.* Válogatott irodalmi tanulmányok. Budapest, 1960.
434. *Sabolović D.* Imbro Ignjatijević Tkalac. Zagreb, 1957.
435. *Sawicki-Stella J.* Galicja w powstaniu styczniowym. Lwów, 1913. 199 s.
436. *Schauer D.* Prva doba našega združništva. Ljubljana, 1945.
437. *Schnür-Replowski S.* Z przeszłości Galicji (1772—1862). Lwów, 1894. T. 1—2.

438. *Serejski M. H.* Naród i państwo w polskiej myśli historycznej. Warszawa, 1973.
439. *Sernec J.* Spomini. Ljubljana, 1927.
440. *Schmidt E.* Statistik des österreichischen Kaiserstaates. Wien, 1860.
441. *Schwicker J.* Geschichte der österreichischen Militärgrenze. Wien, 1883. 446 S.
442. *La Sicilia e l'unita d'Italia.* Milano, 1962.
443. *Sliwowska W.* W kręgu poprzedników Hercena. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1971.
444. *Slováci a ich národný vývin.* Bratislava, 1969.
445. *Slovanství v národním životě Čechů a Slováků.* Praha, 1968.
446. *Slovensko: Dejiny.* Bratislava, 1971.
447. *Söllner J.* Statistik Grossfürstentums Siebenbürgen. Hermannstadt, 1856.
448. *Somogyi E.* A birodalmi centralizációtól a dualizmusig. Budapest, 1976. 225 s.
449. *Somogyi E.* Választójog és parlamentarizmus a dualizmuskori Ausztriában. Budapest, 1968.
450. *Sötér I.* Eötvös József. Budapest, 1953.
451. Sprawozdanie stenograficzne z rozpraw galicyjskiego Sejmu krajowego. Lwów, 1869.
452. *Srb A.* Ludwíg Kossuth a česká otázka r. 1871. Praha, 1893.
453. *Stadmüller G.* Geschichte der habsburgischen Monarchie. Stuttgart-Mainz, 1966.
454. *Starčević A.* Politički spisi. [Ladan] Zagreb, 1971. 630 s.
455. *Statistikai adatok a magyar mezőgazdaság történetéhez. 1767—1867.* Budapest, 1973.
456. *Statistisches Handbuch der Österreichisch-Ungarischen Monarchie für das Zeitraum 1867—1876.* Wien, 1878.
457. *Staatsgrundgesetze der Österreichischen Monarchie.* Wien, 1861.
458. *Steiner H.* Die Arbeiterbewegung Österreichs, 1867—1889. Wien, 1964.
459. *Stenografische Protokolle über die Sitzungen der Abgeordneten des Reichsrates.* Wien, 1869—1871.
460. *Stenografische Sitzungsprotokolle der Delegation des Reichsrates. Zweite Session. Wien, 1869; Dritte Session. Wien, 1871.*
461. *Stojšavljević B.* Povijest sela (Hrvatska-Slavonija-Dalmacija 1848—1918). Zagreb, 1973.
462. *Strčić P.* Prvi tabor Hrvata Istre i Kvarnerskih otoka. Rijeka, 1971.
463. *Strossmayer J. J., Rački F.* Politički spisi: Rasprave, članci, govori, memorandumi. [Koščak]. Zagreb, 1971. 562 s.
464. *Struś (Stella-Sawicki J.)* Moje wspomnienia. 1831—1910. Lwów, 1921, VII. 186 s.
465. *Studia nad rozwojem narodowym Polaków, Czechów i Slovaków.* Kraków, 1976.
- 465a. *Studie z obecných dějin.* Praha, 1972.
466. *Studie on the History of the Hungarian Working Class Movement (1867—1966).* Budapest, 1975. 438 p.
467. *Stur L.* Das Slaventhum und die Welt der Zukunft. Bratislava, 1931.
468. *Swojskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej.* Warszawa, 1973. 411 s.
469. *Szabad Gy.* Forradalom és kiegyezés választóján. Budapest, 1967. 644 old.
470. *Szacki J.* Ojczyzna, Naród, Rewolucja: Problematyka narodowa w polskiej myśli szlachecko-rewolucyjnej. Warszawa, 1962.
471. *Szauder J.* Felvilágosadás és romantika határan. Budapest, 1970.
472. *Szekfü Gy.* Magyar történet. Budapest, 1936. K. 5, 690 old.
473. *Szomszédság és közösség. Délszlav-magyar irodalmi kapcsolatok.* Budapest, 1972. 550 old.
474. *Sesták M.* Revoluční spolupráce E. Kvaternika s J. V. Fričem v letech 1863—1864. Praha, 1965. 75 s.
475. *Sidak J.* Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća. Zagreb, 1973. 401 s.
- 475a. *Sidak J.* Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848—49. Zagreb, 1979. 394 s.

476. *Sidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Povijest hrvatskog naroda 1860—1914. Zagreb, 1968. 352 s.
477. *Solle Zd.* Internacionala a Rakousko: I Internacionala a počátky socialistického hnutí v zemích bývalé habsburské monarchie. Praha, 1966.
478. Studie o slovensko-maďarských literárnych vzťahoch. Bratislava, 1972.
479. *Sulek B.* Izabrani članci. Zagreb, 1952.
480. Tanuságtevők. Budapest, 1974. K. 1.
481. *Tapié V.* Monarchie et peuples du Danube. Paris, 1969.
482. *Teleki L.* Válogatott munkái. Budapest, 1961. K. 1—2.
483. Texte zur österreichischen Verfassung-Geschichte: Von der Pragmatischen Sanktion zur Bundesverfassung (1713—1916). Wien, 1970.
484. *Tezner Fr.* Die Wandlungen der österreichisch-ungarischen Reichsidee. Wien, 1905.
485. *Tobolka Zd.* Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. Praha, 1932—1933. T. 1—2.
486. Történelmünk a jogalkotások tükrében. Budapest, 1966.
487. *Tóth Z. I.* Magyarok és románok. Történelmi tanulmányok. Budapest, 1966. 496 old.
488. *Tremel F.* Wirtschafts- und Sozialgeschichte Österreichs. Wien, 1969.
- 488a. Új erők születése [Wincze]. Budapest, 1979.
489. Unification of the Romanian National State. București, 1971.
490. *Urban O.* Kapitalismus a česká společnost. Praha, 1978. 379 s.
491. *Vincze E.* Az útkeresés évtizedei. Budapest, 1977.
492. *Vidmar J.* Kulturni problem slovenstva. Ljubljana, 1932. 93 s.
493. *Vörös K.* Egy világváros születése. Budapest, 1973.
494. *Vošnjak J.* Slovenski tabori. Maribor, 1869.
- 494a. *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1905—1906. T. 1—2.
495. *Walter Fr.* Die Wiener Südostpolitik im Spiegel der Geschichte der zentralen Verwaltung. München, 1959.
496. *Wandruszka A.* Schicksalsjahr 1866. Graz-Wien, 1966.
497. *Wendel H.* Der Kampf der Südslawen vom Freiheit und Einheit. Frankfurt am M., 1925. 790 S.
498. *Wereszycki H.* Austria a powstanie styczniowe. Lwów, 1930.
499. *Wereszycki H.* Pod berłem Habsburgów: Zagadnienie narodowościowe. Kraków, 1975. 313 s.
500. *Wertheimer E.* Graf Julius Andrássy, sein Leben und seine Zeit. Stuttgart, 1910—1913. Bd 1—3.
501. *Winter E.* Frühliberalismus in der Donaumonarchie: Religiöse, nationale und wissenschaftliche Strömungen von 1790—1868. Berlin, 1968. 424 S.
502. *Winter E.* Revolution, Neoabsolutismus und Liberalismus in der Donaumonarchie. Wien, 1970.
503. Die Wirtschaftsgeschichte Österreichs. Wien, 1971.
- 503a. *Wojnarowski T.* Das Schicksal des ukrainischen Volkes unter polnischen Herrschaft. Wien, 1921.
504. Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864. Lwów, 1894. T. 3. 496 s.
505. *Wyka K.* Teka Stańczyka na tle historii Galicji w latach 1849—1859. Wrocław, 1951. 226 s.
506. Z dějin československo-ukrajinských vzťahov. Bratislava, 1957.
507. Z dějin maďarsko-československých vztahů. Praha, 1959.
508. *Zdrada J.* Zmierzch Czartoryskich. Warszawa, 1969.
509. *Zeithammer A. O.* Zur Geschichte der böhmischer Ausgleichversuche (1865—1871). Praha, 1912—1913. T. 1—2.
510. Zgodovinski arhiv Komunistične partije Jugoslavije. Beograd, 1951. T. 5.
511. *Zöllner E.* Geschichte Österreichs. Wien, 1962.
512. *Zwitter F.* Prebivalstvo na Slovenskem od XVIII st. do današnjih dana. Ljubljana, 1936.
513. *Zwitter F., Sidak J., Bogdanov V.* Nacionalni problemi v habsburški monarhiji. Ljubljana, 1962.
514. *Záček V.* Josef Vaclav Frič. Praha, 1979.
515. *Záček V.* Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. Praha, 1935. 234 s.

- 1*. OL, R—295. Klapka György iratai. Affairs de Hongrie, 1859, 13 l.
- 2*. Колокол, 15 февр. 1862 г., лл. 122, 123.
- 3*. [Smolka] Mowa Franciszka Smolki deputowanego na sejm wiedeński... Paryż, 1861.
- 4*. *Fischof A., Unger J.* Zur Lösung der ungarischen Frage. Wien, 1861.
- 5*. HHStA. Kabinettskanzlei. K. 13, N 2621. 1865. VII. II; Staatskanzlei. Informationsbüro. K. 347, N 411, 1865, I; N 441, 1865.
- 6*. *Fischof A.* Ein Blick auf Österreichs Lage. Wien, 1866.
- 7*. Neue Freie Presse (Wien), 11.XII 1866.
- 8*. Pesti Napló (Pest), 26.V 1867.
- 9*. *Beust F. F.* Aus Drei-Viertel Jahrhunderten. Stuttgart, 1887, Bd 2, S. 380, 493—495.
- 10*. *Hellenbach L.* Misli o socialnoj politici u Austriji. Zagreb, 1862.
- 11*. *Навроцкий В.* Рецензия на книгу: Ludność Galicji przez Władysława Rapackiego. Lwów, 1974. — Правда (Львів), 1874, № 20—21, с. 857, 858.
- 12*. АВПР, Гл. арх. УА₂, д. 1025, лл. 4, 46 (1867 г.).
- 13*. Pozor (Zagreb), 10.I 1967.
- 14*. *Babes V.* Sprachen- und Nationalitätenfragen in Österreich. Wien, 1860.
- 15*. АВПР, Канцелярия, д. 192, лл. 293—995 (1860 г.).
- 16*. *Pisacane C.* La guerra d'Italia del 1848—1849. Milano, 1946, p. 354, 362.
- 17*. *Palacký Fr.* Idea státu Rakouského. Praha, 1865.
- 18*. Slawisches Zentralblatt. Bautzen-Budšín, 1865, N 10—12.
- 19*. *Kossuth L.* Iratai az emigrációból. Budapest, 1880—1900. K. 1—8.
- 20*. *Kossuth L.* Gesammelte Werke. Leipzig, 1850—1851. Bd. 1—3.
- 21*. OL, R—295. Klapka György iratai. Dunai fejedelemség, 1859—1864. 46. l.
- 22*. OL, R—295: Klapka György iratai, 1859—1864. An die hochherzige Serbische Nation. 21. l.
- 23*. OL, R—295. Klapka György iratai. 1859—1864. 1860. Extrait d'une lettre adressé a Prince A. Cusa. 57. l.
- 24*. OL, R—295. Klapka György iratai. 1861. Convention. 54. l.
- 25*. OL, R—295. Klapka György iratai, 1862. Note..., 90. l.
- 26*. OL, R—295. Klapka György iratai, 1861. 1.5. Levél «Monseigneur» megszólítással. 51. l.
- 27*. *Kemény Zs.* Forradalom után. Pest, 1850, 24. l.
- 28*. *Eötvös J.* Über die Gleichberechtigung der Nationalitäten in Oesterreich. Pest, 1850.
- 29*. *Eötvös J.* Die Garantien der Macht und Einheit Österreichs. Leipzig, 1859.
- 30*. *Mocsáry L.* Nemzetiség. Pest, 1858.
- 31*. *Mocsáry L.* Program a nemzetiség és a nemzetiségek tárgyában. Pest, 1860.
- 32*. Priatel školy a literatury. Budapest, 1860, N 48.
- 33*. *Kossuth L.* La question des nationalités. L'Europe, l'Autriche et la Hongrie. Bruxelles, 1859, p. 20—25.
- 34*. Ost und West (Wien), 21, 26, 29, 30.V 1861.
- 35*. Kepviselőházi Irományok. Budapest, 1869—1872, 166. l.
- 36*. Arhiv Jugoslavenske Akademije (Zagreb). Strossmayerova ostavština (Мразович—Штросмайеру, 22.II 1868 г.); Pozor (Zagreb), 2.I 1863.
- 37*. Zatočnik (Zagreb), 24.X 1870.
- 38*. Arhiv Jugoslavenske Akademije. Strossmayerova ostavština (Мразович—Штросмайеру, 6.XII 1870 г.).
- 39*. [Kvaternik E.] La Croatie et la confédération italienne. Paris, 1859.
- 40*. [Starčević] Predstavke županije riečke. — *Starčević A.* Diela. Zagreb, 1894. Sv. 3.
- 41*. Hèrvatska (Zagreb), 12.III, 14.V 1871.
- 42*. Hèrvatska, 8.I 1871.
- 43*. Arhiv Jugoslavenske Akademije. Strossmayerova ostavština (Ожегович—Штросмайеру, 6.III 1862 г.).

- 44*. Branik (Sisak), 10.V 1871.
- 45*. Nagodba. Svi zakoni o nagodbi. Zagreb, 1906. См. также: Венгерско-хорватское соглашение 1868 года: Краткий исторический очерк и перевод с примечаниями. СПб., 1910.
- 46*. Hèrvatska 14.V 1871.
- 47*. Застава (Нови Сад), 28.VII, 22.VIII 1871.
- 48*. Застава (Пешта), 13.VIII 1866.
- 49*. *Polit M.* Die orientalische Frage und ihre organische Lösung. Wien, 1862.
- 50*. Млада србадија (Нови Сад), 15.VIII 1870, № 5.
- 51*. АВПР, Гл. арх. УА₂, д. 259, лл. 3—4, 18—20 (1872 г.).
- 52*. Gazeta de Transilvaniei (Kluj), 16.I 1850.
- 53*. *Barit G.* Az erdélyi oláh nemzetről szólo országos cikkek az Unióval szemben és ezekről értekezlet egy magyar es egy oláh közt. Brassó, 1861, 6—15. l.
- 54*. Czas (Kraków), 15.XII 1860.
- 55*. Gazeta narodowa (Lwów), 9.II 1867.
- 56*. Gazeta narodowa, 18, 20.I 1867.
- 57*. *Szujski I.* Dzieła. Kraków, 1885. T. 1, S. III.
- 58*. *Ziemiakowski Fl.* Pamiętniki. Kraków, 1904, Cz. 1—4.
- 59*. Слово (Львів), 1861, № 1.
- 60*. *Терлецький О.* Галицько-Руський нарід і галицько-руські народовці — Правда, 1874, № 17, с. 709—710.
- 61*. Правда, 1873, № 15, с. 536.
- 62*. Правда, 1877, № 4—5, с. 166.
- 62а. *Франко И.* Письма из Австрийской Украины. — Вольное слово, 1883, № 52, с. 8.
- 63*. Правда, 1867, № 20, с. 160.
- 64*. Rede des ungarischen Landtags-Abgeordneten Adolf Ritter von Dobransky in der Adress-Angelegenheit. Wien, 1861.
- 65*. Раденик (Београд), 5.VI 1871, № 3.
- 66*. Раденик, 27, 29.VII 1871, № 24, 25.
- 67*. Раденик, 16.X 1871, № 56.
- 68*. Hèrvatska, 27.VII 1871.
- 69*. Hèrvatska, 30.VII 1871.
- 70*. Pozor, 2.VIII, 6.VIII 1866.
- 71*. Pozor, 10.X 1866.
- 72*. АВПР, Канцелярия, д. 136 (1870 г.).
- 73*. Pozor, 25—27.VI 1867.
- 74*. Pozor, 6.X 1866.
- 75*. Pozor, 3.IV, 11.VII 1867.
- 76*. Pozor, 5.VIII 1862.
- 77*. *Starčević A.* Bi-li k slavstvu ili ka hrvatstvu. Zagreb, 1867.
- 78*. *Starčević A.* Woran wir sind. Agram, 1878, S. 29—30.
- 79*. *Полиг-Десанчић М.* Народност и њен државноправни основ. Нови Сад, 1862, с. 38, 41.
- 80*. Застава, 23.VII 1871, № 85.
- 81*. Млада србадија. Нови Сад, 1870, 15.VIII, № 5.
- 82*. Застава, 1.VIII 1871, № 89.
- 83*. Застава, 18.II 1871, № 25.
- 84*. АВПР, Гл. арх. УА₂, д. 258, л. 331 (1871 г.).
- 85*. *Штур Л.* Славянство и мир будущего: Послание с берегов Дуная. (Пер. неизд. нем. рук.) М., 1867.
- 86*. АВПР, Гл. арх. УА₂, д. 254а, лл. 491, 492 (1868 г.).
- 87*. АВПР, Канцелярия, д. 148, лл. 261, 262 (1870 г.).
- 88*. АВПР, Канцелярия, д. 156, лл. 303—318 (1869 г.).
- 89*. АВПР, Канцелярия, д. 165, лл. 303—318 (1869 г.); д. 122, лл. 48а, 48б, 49 (1871 г.).
- 90*. АВПР, Гл. арх. УА₂, д. 1017 (1863 г.).
- 90а*. Pozor, 6.VIII 1862.
- 91*. Застава (Нови Сад), 3.I 1871, № 2; 1.VIII 1871, № 89.

- 92*. Застава (Нови Сад), 28.II 1871, № 25.
 93*. Pozor, 5.VIII, 5.XI 1862.
 94*. Wiadomości Polskie (Paryż), 27.XI 1858.
 95*. *Погодин М. П.* Собрание статей, писем и речей по поводу славянско-го вопроса. М., 1878, с. 13.
 96*. *Milkowski Z.* W Galicji i na Wschodzie. Poznań, 1880.
 97*. АВПР, Гл. арх. УА₂, д. 259, лл. 20, 21 (1871 г.).
 98*. Niepodległość (Paryż), 20.XII 1866, 30.IX 1868.
 99*. Pláč Koruny České čili upřímná slova Staro-čecha propovědená milým krajanám leta 1866. Berlin, 1866.
 100*. La Croatie et la confédération italienne. Paris, 1859.
 101*. *Kvaternik E.* Hrvatski glavničar. Zagreb, 1863.
 102*. Letopis Matice Slovenske. Turc.-sv.-Martin, 1869, s. 282—298.
 103*. *Rački F.* Rieka prema Hrvatskoj. Zagreb, 1867.
 104*. *Rački F.* Borba južnih Slavena za državnu neodvisnost u XI vieku. — Rad J. A. Zagreb, 1873—1875. V. 24—31.
 105*. АВПР, Канцелярия, д. 145, л. 2 (1870 г.).
 106*. [Ткалец] Pitanje austrijsko: Kome, kako i kada treba riešiti ga? U Parizu, 1866.
 107*. Dziennik Literacki (Lwów), 1862, N 2.
 107a*. *Battaglia G.* Taras Szewczenko: Zycie a pisma jego. Lwów, 1865.
 108*. Slovenec (Ljubljana), 1865, N 3.
 109*. Zvon (Ljubljana), 1870, N 6, s. 153.
 110*. *Celestin F.* Russland seit Aufhebung der Leibeigenschaft. Laibach, 1875, S. 130—142.
 111*. АВПР. Канцелярия, д. 150, лл. 240 и след.
 112*. ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 633, оп. 1, д. 8, л. 2.
 113*. *Терлецький О.* Галицько-руський нарід и галицько-руські народовці. Правда, 1874, № 17, с. 709—710.
 114*. Правда, 1874, № 17, с. 660.
 115*. Protokoll über die Verhandlungen des allgemeinen deutschen sozialdemokratischen Arbeiterkongress zu Eisenach am 7. und 8. August 1869. Leipzig, 1869 (Reproduktion. Berlin, 1959).
 116*. Arany trombita, 21.VIII 1869.
 117*. *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1905—1906. T. 1—2.
 118*. Slovenski narod (Ljubljana), 24.X 1868.
 119*. Slovenec, 15.XII 1874.
 120*. *Франко І.* До історії 1848 року. Jak świat światem. — Жите і слово. Львів, 1896, т. 5, кн. 3, с. 220.

ССЫЛКИ НА СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЯХ

- Авербух Р. А.* Национальный вопрос в Австрийской империи накануне Соглашения 1867 года в оценке А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. — Нов. и новейш. ист., 1969, № 1, с. 94—95.
Аксенова Е. П. Вопросы истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы на страницах «Современника» (1854—1862). — Сов. славяновед., 1980, № 4.
Араго Э. К. вопросу истории понятия нации в Венгрии. — Nouvelles études historiques. Budapest, 1965. I.
Виленская Э. С. Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен о роли народных масс в освободительной борьбе. — Вопр. филос., 1960, № 8, с. 109.
Војводић В. Устанак у Боки Которској 1869 године. — Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, 1970. Нови Сад, 1970, с. 165—202.
Вулегић В. Одједи херценова «Звона» у српској штампи шездесетих година XIX века. — Зборник за друштвене науке. Нови Сад, 1963, № 34.
Вулегић В. Једна руска веза Уједињене омладине српске. — Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1964, кн. 7.

- Вулетић В. Д. И. Писарев код срба у шездесетим и седамдесетим годинама XIX века. —* *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1972, књ. XV (2).*
- Дьяков В. А. Ярослав Домбровский: путь на баррикады Коммуны. —* *Нов. и новейш. ист., 1977, № 5—6.*
- Карасев В. Г. К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в. —* *УЗИС. М., 1966, т. 30.*
- Карасев В. Г. Революционно-демократическая программа Светозара Марковича. —* *УЗИС. М., 1952, т. 6.*
- Кемень Г. Мотиви зближавања у историји мађарско-јужнословенских веза (1790—1914). —* *Зборник за историју. Нови Сад, 1972, № 6.*
- Крстић В. Срби у Војводини за време Бахова апсолутизма (1849—1860). —* *Зборник за историју. Нови Сад, 1976, № 13.*
- Крстоношић Т. Светозар Марковић и његове везе са задружним организацијама у Војводини. —* *Задружни архив. Нови Сад, 1953, № 1.*
- Кун М. М. А. Бакунин и венгерское национально-освободительное движение (1847—1865). —* *Studia Slavica Hungarica, Budapest, 1973, XIX.*
- Миллер И. С. К вопросу о формировании польской буржуазной нации. —* *Вопр. ист., 1952, № 7.*
- Пецињачки С. Препажки ритови пре изведених мелиорација. —* *Зборник за друштвене науке. Нови Сад, 1968, № 51.*
- Ратнер Н. Д. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг. —* *УЗИС. М., 1956, т. 14, с. 117.*
- Сладкевич Н. К вопросу о полемике Н. Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой. —* *Вопр. ист., 1948, № 6.*
- Франко І. Щирість тону і щирість переконань. —* *Літературно-науковий вісник. Львів, 1905, т. 30, с. 109.*
- Фрейдзон В. И. Буржуазные национал-радикалы и друзья Парижской коммуны в Хорватии в 1871 г. —* *Сов. славяновед., 1965, № 5.*
- Фрейдзон В. И. К истории русско-хорватских революционных связей. —* *КСИС, 1960, № 29.*
- Фрейдзон В. И. К характеристике положения на Хорватско-славонской Военной границе в 50-х—начале 70-х годов XIX века (кризис и ликвидация военной системы). —* *УЗИС, М., 1963, т. XXVI.*
- Фрейдзон В. И. О формировании нации в хорватских землях. —* *Сов. славяновед., 1969, № 4.*
- Фрейдзон В. И. Революционность и реформизм в национальных движениях XIX в. (Типологическая характеристика). —* *Сов. славяновед., 1975, № 2.*
- Хитрова Н. И. П. А. Ровинский (1831—1916) и югославянские народы. —* *Балканика (Београд), 1971, т. 2.*
- Чуркина И. В. О некоторых особенностях формирования словенской нации. —* *Сов. славяновед., 1968, № 2.*
- Batowski H. Dyplomatyczna misja Milkowskiego w r. 1864. —* *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagellońskiego. Kraków, 1956, N 7. Historia, z. 2, s. 183—184.*
- Benedikt H. Der Deutsche Zollverein und Österreich. —* *Der Donaauraum (Wien), 1961, Hft. 1, S. 25.*
- Borodovčák V. Jan Palarik a Slovanstvo. —* *Slovanský přehled (Praha), 1972, N 4, s. 268.*
- Caszi B. La crisi economica del Lombardo-Veneto nel decennio 1850—59. —* *In: Nuova rivista storica (Milano), 1958, fasc. 11, p. 208—210.*
- Campanella A. P. Lettere inedite della cospirazione Kvaternik—Garibaldi. —* *Il Risorgimento (Milano), ottobre 1961, p. 123—135.*
- Chlebowczyk J. Procesy narodotwórcze w Europie Środkowowschodniej a strategia i taktyka ruchu robotniczego. —* *Z pola walki (Warszawa), 1971, N 2.*
- Chylik J. Statistika vyvoje brněnského továrního podnikání v letech 1763—1938. —* *Casopis Matice moravské (Brno), 1950, N 1—2, s. 83—84.*

- Diakov V. A.* La Commune de Paris et les peuples slaves. — Le mouvement social (Paris), 1972, N 72.
- Felczak W.* Tajna polityka chorwacka w 1867 r. w świetle nieznananych dokumentów. — Studia Historyczne (Kraków), 1968, z. 3 (42).
- Flaker A.* Pravaštvo i Rusija. — Historijski sbornik, 1958—1959. Zagreb, 1960.
- Galantai J.* Osztrák — magyar egyezkedés 1865—1867. — Századok (Budapest), 1966, N 3—4, 1301 l.
- Gestrin F.* Prvi koraki delavskega gibanja in odmevi Pariske komune na Slovenskem. — Socialistična misel (Ljubljana), 1953, N 5, s. 293.
- Gross M.* O nekim aspektima razvoja nacionalne ideje za vrijeme narodnog preporoda u Dalmaciji. — Historijski pregled (Zagreb), 1963, N 1.
- Gross M.* Počeci radničkog pokreta u Zagrebu. — Historijski zbornik 1955. Zagreb, s. a.
- Hitchins K.* Andrei Saguna and the Restoration of the Rumanian Orthodox Metropolitism in Transylvania 1846—1868. — Balkan Studies, 1965, N 6.
- Hroch M.* K problematice formavání buržoazního národa v Evropě. — Československý časopis historický (Praha), 1961, N 3.
- Hroch M.* Tzv. obrození malých národů jako problém komparativního studia sociálních dějin. — Slezský sborník (Opava), 1970, N 3, s. 225—241.
- Ivantišynová T.* Slovanský zjazd v Moskve roku 1867 v kontexte vzťahov ruských slavianofilov k Čechom a Slovákom. — Slovanské štúdie. Bratislava, 1979, XX, s. 91—117.
- Jordan Fr.* Společne usilí o zřízení druhé české univerzity v Brně, slovinské univerzity v Ljubljani a ukrajinske univerzity ve Lvově. — Slovanský přehled, 1979, N 5.
- Karaman I.* Problemi kapitalističke privrede sjeverne Hrvatske u razdoblju između Nagodbe i njene revizije. — Radovi Instituta za hrvatsku povijest. Zagreb, 1974, sv. 6.
- Kemény G. Gabor.* Mocsáry Lajos nemzetiségipolitikája et a szerbek. — Századok, 1961, N 4—5, 567. l.
- Klabouch J.* Přednáška maďarského právního historika z maďarsko-českých politických vztáhů v 19. století. — Právník (Praha), 1966, N 9.
- Kořalka J.* K diskusím o pojmu «národ». — Československý časopis historický, 1967, N 6.
- Kořalka J.* O mezinárodním významu českého dělnického hnutí v období I. a II. Internacionaly. — Československý časopis historický, 1965, N 6.
- Kovács E.* Az 1863. évi lengyel felkelés és a magyar emigráció. — Történelmi Szemle. Budapest, 1960, N 2—3, 241—279. l.
- Kovács E.* L'insurrection polonaise de 1863 et l'emigration hongroise. — Etudes historiques. Budapest, 1960, t. 2, p. 160.
- Krahe E.* Foreign Policy and the Nationality Problem in the Habsburg Monarchy. — Austrian History Yearbook, 1967, Houston (Texas), 1968, V, III, Pt. 3.
- Krestić V.* Příspěvek k dějinám česko-chorvatských vztahů (1860—1868). — Slovanský přehled, 1969, N 1.
- Krestić V.* Seljački nemiri u Hrvatskoj i Slavoniji šezdesetih godina XIX. vijeka. — Zbornik Historijskog Instituta J. A. Zagreb, 1963, sv. 5.
- Krestić V.* Srbi u Hrvatskoj od 1850. do 1868. godine. — Jugoslavenski istorijski časopis (Beograd), 1975, N 3—4.
- Mainuš F.* K textilní výrobě na Moravě a ve Slezsku ve druhé polovině 18.st. — Casopis Matice moravské, 1956, N 3—4, s. 227—228.
- Matula V., Poglůbko K.* Ruský hlas k Slovákom z roku 1868 a jeho autor. — Československý časopis historický, 1972, N 6, s. 819—838.
- Melik V.* O razvoju slovenske nacionalno-političke zavesti 1861—1918. — Zgodovinski časopis (Ljubljana), 1970, N 1—2, s. a.
- Melik V.* Slovinci od říjnového diplomu do nastupu dualizmu. — Slovanský přehled, 1974, N 2, s. 1388.
- Milutinović K.* Problematika ljubljanskog jugoslavenskog programa kod Srba i Hrvata. — Zgodovinski časopis, 1956—1957, s. a.
- Moronova K.* Stefan Moyses. — Historický časopis, 1969, N 4, s. 526 e. a.

- Najdus W.* Oddźwięk Komuny Paryskiej i Międzynarodówki w Galicji. — Z pola walki, 1965, N 3.
- Niederhauser E.* Problemes de la conscience historique dans les mouvements de renaissance nationale en Europe Orientale. — Acta Historica, Budapest, 1972, N 18.
- Pascu St., Constantinescu M.* Luttés des Roumains de la Monarchie des Habsbourg contre le dualism. — Revue roumain d'Histoire. București, 1968, t. 7.
- Pašić N.* Faktori formiranja nacija na Balkanu i kod Južnih Slavena. — Pregled (Sarajevo), 1971, N 5, s. 481.
- Petrović N.* O nekim specifičnostima razvitka srpske nacije u Habsburškoj Imperiji. — Jugoslovenski istorijski časopis, 1970, N 1—2.
- Peša V.* Sociálně demokratické hnutí v Habsburské monarchii v letech 1868—1874. — Československý časopis historický, 1974, N 6.
- Purš J.* K problematice průmyslové revoluce v Cechách a na Slovensku. — Historický časopis, 1956, N 1.
- Purš J.* Použití parních strojů v průmyslu v českých zemích v období do nástupu imperialismu. — Československý časopis historický, 1955, N 3, tabl. X.
- Purš J.* Struktur und Dynamik der industriellen Entwicklung in Böhmen im letzter Viertel des 18. Jh. — Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte (Berlin), 1965, Bd 1—2.
- Purš J.* Tabory v českých zemích. — Československý časopis historický, 1958, N 2—4.
- Rode M.* Nekaj podatkov o Janezu Poharju. — Zdogovinski časopis. 1968, N 1—2, s. a.
- Schroeder P. W.* A turning Point in Austrian Policy in the Crimean War: the conferences of March 1854. — Austrian History Yearbook (Houston), 1968—1969, v. IV—V. 1970.
- Srb A.* Ludwig Kossuth a česká otázka r. 1871. — Osvěta (Praha), 1893.
- Stančić N.* Program Mihovila Pavlinovića iz god. 1869. — Historijski zbornik, 1970—1971. Zagreb, 1972, s. 117—145.
- Sesták M.* Revoluční spolupráce E. Kvaternika s J. V. Fričem v letech 1863—1865. — Rozpravy Československé Akademie věd, 1965.
- Sesták M.* Vídeňský «slovanský sjezd» roku 1866. — Slovanský přehled, 1969, N 1.
- Sesták M.* Krivošijske povstání 1869—1870 a česká politika. — Slovanský přehled, 1970, N 4.
- Sesták M.* Chorvatská otázka v české politice 1860—1864. — Československý časopis historický, 1972, N 1 (a).
- Sesták M.* Chorvatská a česká politika v letech 1865—1866. — Československý časopis historický, 1972, N 3 (6).
- Sesták M.* Revoluční varianta řešení chorvatské a české otázky v politickém programu a vzájemné spolupráci E. Kvaternika a J. V. Friče v 60. letech 19. století. — Sborník historický, (Praha), 1972, v. 19 (b).
- Sesták M.* Imbro Ignjatijević Tkalac a Češi (1860—1870). — Slovanský přehled, 1974, N 3.
- Sidak J.* Dva priloga hrvatskoj povijesti od 1868—1871. — Historijski zbornik 1966—1967. Zagreb, 1968, s. 356.
- Sidak J.* Jedno stoljeće u razvoju školstva u hrvatskim zemljama (1773—1874). — Zbornik za historiju školstva i prosvjete. (Zagreb), 1975, N 9.
- Solle Zd.* Die Sozial-Demokratie in der Habsburgermonarchie und die tschechische Frage. — Archiv für Sozialgeschichte. (1966—1967) (Hannover), 1967, Bd 6—7.
- Sorn J.* Vzpon i zaton spodnještajerskega fužinarstva. — Kronika (Ljubljana), 1962, N 3.
- Vinze E.* Der Kampf in der ungarischen Arbeiterbewegung gegen den lassaleanischen Einfluss (1867—1872). — Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung (Berlin), 1960, N 2.

- Zdrada J.* Organizacja i stanowisko Koła Polskiego w wiedeńskiej Radzie Państwa 1861—1862. — Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagellońskiego (Kraków), LXXI. Prace historyczne, z. 12. 1963 (a).
- Zdrada J.* Wybory do galicyjskiego sejmiku krajowego w 1867 roku. — Rocznik Biblioteki PAN w Krakowie. Kraków, 1963, t. 9 (6).
- Zdrada J.* Stosunki polsko-węgierskie przed powstaniem styczniowym (1859—1862). — Przegląd Historyczny (Warszawa), 1963 (b).
- Zdrada J.* Archiwum Lwowskiego Towarzystwa Narodowo-Demokratycznego (1868—1870). — Rocznik Biblioteki PAN w Krakowie, 1966, t. 12.
- Zdrada J.* Sprawa autonomii galicyjskiej w polityce Hotelu Lambert w latach 1859—1873. — Studia Historyczne (Kraków), 1967, z. 3/4 (38/39).
- Zdrada J.* Państwa zaborcze a patriotyczne obchody w Galicji w 1869 roku. — Studia Historyczne, 1970, z. 3 (50).
- Zwitter F.* Narodnost in politika pri Slovencih. — Zgodovinski časopis, 1947, N 1 (Ljubljana), s. a.
- Zwitter F.* Nekaj problemov okrog jugoslovanskega kongresa v Ljubljani leta 1870. — Zgodovinski časopis 1962 (Ljubljana), 1963.
- Zwitter F.* Slovenski politični prerod XIX. stoletja v okviru evropske nacionalne problematike. — Zgodovinski časopis, 1964 (Ljubljana), 1965.
- Záček V.* Hlavní problémy vztahů českého národa k Rusku po r. 1848. — Historický časopis, 1960, N 2—3.
- Záček V.* Pokusy o slovanské sjezdy po r. 1867. — Slovanský přehled, 1968, N 3.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Вопр. ист.	Вопросы истории
Вопр. филос.	Вопросы философии
КСИС	Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР
Нов. и новейш. истор.	Новая и новейшая история
Сов. славяновед.	Советское славяноведение
УЗИС	Ученые записки Института славяноведения АН СССР
АВПР	Архив внешней политики России
ЦГИА УССР	Центральный Государственный исторический архив Украинской ССР
ННStA	Haus-Hof- und Staatsarchiv. Wien.
OL	Országos Levéltár. Budapest (Государственный архив Венгрии).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абанкур, де 131
 Аксаков И. 248
 Александр II 249, 261
 Альбрехт, эрцгерцог 180
 Андраши Д. 42, 46, 47,
 54, 111, 147, 149, 155,
 305
 Бабеш В. 113, 152, 311
 Баворский Я. 341
 Бакунин М. 28, 34, 214,
 249, 253, 263, 285, 313,
 321, 327—329, 345
 Барвинский В. Г. 114,
 203, 204
 Барядиу Г. 34, 113, 186—
 188
 Батталья Г. 322
 Баттани 78
 Бауэр О. 406
 Бах А. 15, 16, 24, 111,
 214
 Бах В. 281
 Бейст Ф. 46, 47, 55, 306
 Беккер Й.-Ф. 339, 340,
 349, 350
 Белькреди Р. 37—39, 41,
 44, 46, 47, 132, 138,
 303, 305
 Бенедек Л. 140
 Бени К. 319
 Бёсёрмени Л. 278, 284
 Бисмарк О. 11, 42, 44—
 46, 55, 135, 343
 Блейвейс Я. 114, 136—
 139
 Бобжинский 298
 Бобула Я.-Н. 181
 Бобчинский К. 357
 Болдыжар Х. 47
 Бонапарт Жером 23, 145
Бондарчук В. С. 8
 Борн Й. 368
 Босак Ю. 253, 283
 Ботев Х. 322
 Бочкарев И. 243, 329
 Брановачкий 152
 Браунер Фр.-А. 112, 128,
 130, 131
 Брук К. 15, 18
 Брэттану 142
 Буковский И. 207
 Булевский Л. 253
 Буоль-Шауенштейн
 К. Ф. 20, 21, 24
 Бурбоны 278
 Балческу Н. 185, 267,
 284, 285, 321
 Вавра-Гаштальский В.
 129
 Вавра Э. 245
 Вагнер Р. 348
 Вамбери А. 297
 Вахнянин А. К. 114, 203
 Верига-Даровский М. 356
 Верницкий А. 357
 Видач Я. 111, 284
 Видмар Й. 373
 Визер Фр. 229
 Викторин Й. 182
 Вильгельм I, император
 55
 Вильхар М. 249
 Виндиггрец А. 140, 227
 Влад А. 153
Владиславлева Т. В. 8
 Влайкович Дж. 322
 Вовчок М. 204
 Ворцель С. 283, 317
 Вошняк Й. 65, 113, 116,
 139, 371, 402
 Врублевский В. 283, 357
 Вулетич В. 326, 327
 Габсбурги 7, 11, 12, 15,
 16, 18—23, 25—28, 30,
 36, 37, 40, 42, 43, 45,
 49, 55, 57, 62, 75, 79,
 81, 84, 87, 92, 95, 97,
 100, 108, 117—119, 130,
 135, 140, 146, 149, 152,
 159, 160, 163, 169, 172,
 181, 185, 190, 191, 192,
 197, 198, 200, 201, 205,
 208, 212, 215, 217, 221,
 223, 225, 228, 230, 231,
 236, 245, 252, 257, 260,
 263, 264, 267, 268, 271,
 280, 282, 299, 314, 316,
 318, 320, 321, 375, 378,
 390, 395, 417, 420, 421,
 425
 Гавличек-Боровский К.
 277
 Гал Ш. 143
Галкович Б. Г. 8
 Ганка В. 408
 Гарашанин И. 168
 Гарибальди Дж. 11, 27,
 125, 162, 237, 247, 253,
 259, 278, 299, 314, 316,
 317, 319, 324
 Гаттала М. 114
 Гауке-Босак Ю. 199, 252,
 253, 318,
 Герингер 312
 Герцен А. И. 27, 28, 30,
 31, 129, 242, 245—247,
 249, 251, 253, 257, 262,
 284, 313, 321, 325, 326,
 330
 Гизо 297
 Гика И. 267
Гогина К. П. 8
 Гоголь Н. 247, 250
 Годжа М. 114
 Голеску А.-Г. 185
 Голеску Ш. 321
 Головацкий Я. 202
 Голуховский А. 24, 32,
 131, 190, 200, 282
 Гольдциер И. 297
 Горак Я. 65
 Горбаль К. 322
 Городский Т. 192
 Горчаков А. М. 256—258
 Госляр Ю. 15, 190
 Гощинский С. 312
 Грабовский П. 204
 Грегр Ю. 112, 128, 130,
 244, 305
 Грегр Э. 112, 128, 134,
 305
 Гросс К. 339, 350
 Грох М. 409
 Грохольский К. 192

- Губец М. 96
 Гудец А. 249
 Гулеш Я. 63
 Гумбольдт В. 297
 Гумплевич Л. 110
 Гурбан Й.-М. 114, 179, 180, 183, 261
 Гус Я. 288, 319
 Гушалевич И. 115, 202
 Гюго В. 253
 Дакнер Ш.-М. 153, 179—182, 318
 Данилевский Н. 245
 Даничич Дж. 171, 308
 Деак Ф. 32, 34, 36—39, 41, 42, 44—47, 49, 52, 79, 111, 126, 141, 146, 147, 149, 151, 152, 156, 164, 296, 304
 Дежман К. 114
 Деметр Д. 294
 Дешшеви Э. 296
 Дзедушицкий К. 192, 194
 Дзедушицкий А. 279
 Дидыцкий Б. 202
 Дитль Ю. 192, 304
 Добжанский 279
 Добнер Г. 368
 Добрила Ю. 113, 170
 Добролюбов Н. 329
 Добрянский И. 75, 116
 Добрянский А. И. 99, 114, 183, 206, 207, 268, 295, 310
 Довбуш О. 207
 Домбровский Я. 208, 253, 283, 318, 357
Досталь М. Ю. 8
 Дмитриевич М. 310
 Драгоманов М. 215, 261, 330
 Дунаевский Ю. 110, 190, 298
 Духнович О. (А. В.) 114, 205—207, 297
 Дымет М. 75
 Елачич Й. 15
 Епко Д. 307
 Жабицкий А. 357
 Жачек В. 326
 Жуёвич Ж. 247, 248, 268
 Жуковский Н. 253
 Жуковский С. 322
 Загорнацкий В. 181
 Загурский Ст. 253
 Загурский Н. 322
 Залиншек И. 348
 Запотоцкий Л. 347
 Зарник 137
 Земляковский Ф. 110, 193, 194, 279, 280, 282, 305, 314
 Зичи Ф. 140
 Зорге Ф.-А. 358
 Зринские 288
 Зринский Н. 409
 Зубрицкий Д. И. 114, 202
 Иванка И. 152
 Игнатъев Н. 320
 Иосиф II, император 374, 393
 Ирани Д. 111, 155, 156, 311
 Ирлингер А. 350
Исламов Т. М. 8
 Йованович В. 173, 321, 326
 Кавур К. 21—23, 84, 124, 125, 283, 314
 Кавчич Г. 348
 Кавчич Ю. 348
 Казинци Ф. 288
 Кайзерфельд М. 37, 44, 46
 Кале Л. 354
 Каллаи Э. 311
 Канини М.-А. 144, 314
 Канн Р. 54
 Каравелов Л. 322
 Караджич Вук 163, 171, 383
 Каройи Э. 111, 152
 Катков М. 254
 Качала С. 114
 Кватерник Э. 112, 161—163, 214, 215, 236, 246, 262, 263, 281, 285, 289, 315, 319, 320
 Кемень Ж. 145
Кирина В. В. 8
 Клаич М. 113, 169, 170
 Клам-Мартиниц Г. 34, 83, 127, 131, 134, 227, 303
 Клапка Д. 23, 26, 45, 126, 141, 142, 144, 145, 155, 266, 283, 284, 314, 315, 318, 319, 321
 Климович К. 322
 Клицпера В. 368
 Клячко Ю. 193, 195, 201, 264
 Кобылица Л. 207
 Козлер 139
 Козьян С. 195
 Коллар Я. 178, 179
 Коперниций И. 322
 Кошитар Е. 163
 Коста Э. 65, 113, 139
 Костич Л. 115
Костыгова Н. Е. 8
 Котик Я. 285, 320
 Котляревский И. 294
 Кочевар Ф. 249
 Кошут Л. 21, 26, 27, 36, 45, 49, 79, 94, 96, 111, 124, 126, 141, 143—145, 150—156, 163, 234—237, 266, 278, 279, 283, 284, 314, 317, 318, 321
 Крайчович 310
 Крош Й. 345
 Куза А.-И. 22, 142, 143, 314, 318
 Кукулевич-Сакцинский И. 150, 157, 165, 166, 304
 Кунц М. 348
 Кучера Я. 134
 Кушлан Д. 112, 319, 328
 Кюбек К. 14, 15
 Кюлфёлди В. 353
 Лаврич К. 136, 137
 Лавров П. 329
 Лавровский Ю. 116
 Лайель 297
 Ламанский В. 254
Лаптева Л. П. 8
 Лассаль Ф. 104, 341, 350
 Левец Ф. 113, 307
 Левский В. 322
 Левстик Ф. 113, 137, 139, 249
 Лего Я. 307
 Ленин В. И. 5, 6, 12, 31, 48, 49, 76, 91, 102, 202, 218, 221, 226, 237, 274, 275, 333, 335—337, 340, 364, 415
 Лепковский Т. 393
 Лермонтов М. 250
Лещиловская И. И. 8
 Либкнехт В. 343
 Лимаковский Б. 356, 357
 Литвинович С. 116
 Лобковиц Й. 131
 Лоян М. 111
 Лысенко М. 330
 Лыотич Дж. 210

- Любомирский Е. 131, 195, 304, 317
 Лям Ян 110
 Магер Г. 321
 Мадарас Й. 52, 111, 284, 311
 Мадзини Дж. 21, 27, 101, 122, 141, 161, 175, 212, 214, 232, 236, 246, 247, 265, 283, 299, 314, 317, 318, 321, 324, 426
 Мажуранич И. 107, 157, 165, 168, 268, 304
 Маколей 297
 Малы-Дусаров Ян 114, 181, 182
 Манин Д. 125
 Мария-Терезия, императрица 16
 Маркович С. 173, 176, 209—214, 216, 239, 243, 289, 321, 329, 355
 Марк К. 9, 10, 12—14, 16, 17, 31, 100, 101, 209, 214, 237, 240, 299, 329, 330, 332—335, 343, 345, 346, 357, 358
 Матасич Ф. 113, 214
 Матис 17
 Мацпура Ш. 112
 Маяр М. 113, 137, 139, 242, 249, 250
 Мерославский Л. 252, 279, 320
 Меттерних К. 14, 227
 Мечери К. 140
 Мечников Л. 327
 Милетич С. 47, 48, 52, 53, 115, 153, 155, 172—175, 177, 178, 189, 239, 248, 262, 266, 286—288, 308, 310, 311, 322, 353
 Милковский З. 252, 280, 283, 315, 318
Миллер И. С. 8
 Миллер О. 254
 Милль Дж. 297
 Минье Ф. О. М. 297
 Миклошич Ф. 163
 Микшовский К. 252
 Михайлович П. 210
 Мицкевич А. 312
 Мицкевич В. 318
 Мишкатович Й. 112, 247
 Миятович Дж. 210, 211
 Млоцкий А. 356
 Мойзес Ш. 180, 183
 Моммзен 297
 Монсе М. 368
 Монтанелли Дж. 123—124
 Монти Л. 113
 Мост Й. 348
 Мочари Л. 147, 148, 152, 311
 Мочони А. 52, 153, 155, 189, 311
 Мразович М. 159, 160
 Мрочковский В. 253
 Мудронь М.-О. 114
 Мудронь П.-Я 114
 Мунтян Г. 312
Мыльников А. С. 8
 Мэкелариу И. 113
 Мюлвассер Э. 342
 Навратил Т. 346
 Навроцкий В. 205
 Надашди Ф. 140
 Нанчич Л. 210, 355
 Наполеон III, Луи Бонапарт, Луи Наполеон, император 10, 21—23, 28, 29, 125, 191, 236, 237, 249, 282, 283, 299, 317, 324, 333
 Наумович И. 114, 202
 Неедлы З. 133
 Немчик Э. 342, 349
 Неруда Я. 305
 Николай I, император 19, 20
 Николитч 320
 Ничипоренко А. 327
 Новиков Е. 254, 258
 Ношло Н. 113
 Ноймар Л. 342
 Обервиндер Г. 342, 344, 352
 Обрѣнович М. 159, 168
 Огарев Н. 252, 313, 330
 Огоновский О. 203
 Ожѣгович М. 166
 Олива А. 63
 Орденга Ю. 318
 Ошельда П. 395
 Павлинович М. 113, 169
 Павлович А. 206
 Павлович М. 293
 Павлович Й. 115
 Павлык М. И. 202, 203, 215, 330
 Паларик Я. 114, 149, 181—183, 251
 Палацкий Фр. 33, 38, 115, 126—131, 146, 225, 254, 260, 294, 296, 303, 304, 306
 Паулини-Тот В. 108, 114, 116, 179, 310
 Палффи М. 36
 Пальмерстон 10
 Партицкий О. 114, 203, 204
Пашаева Н. М. 8
 Пелагич В. 173, 176, 210, 216, 287
 Пельцель Ф. 358
 Перковац И. 112, 304
 Петѣфи Ш. 296
 Петрушевич А. 202
 Пецка Й.-Б. 347
 Пеякович Дж. 268
 Пизакане К. 123, 124, 278
 Писарев Д. И. 212, 247, 327
 Площанский В. 114
 Погодин М. 271
 Подманицки Фр. 111
 Подолинский С. 215, 330
 Полит-Десаичич М. 115, 172—175, 247
 Полицер Ж. 353
 Попель П. 190, 195
Попылко Д. Ф. 8
 Поп Шт. 312
 Попович Ж. 153
 Потоцкий А. 34 190, 192, 200, 304, 305
 Похар Я. 136, 322
 Прерадович П. 233
 Прица М. 328
 Пульски Ф. 111, 155
 Пуркине Я.-Е. 130, 294
 Пушкин А. 247
 Пшыбыльский В. 318
 Радлинский А. 309
 Раевский М. 250, 324
 Разлаг Р. (Я.) 114, 139, 249
 Райнер, эрцгерцог 32
 Ракияш А. 281, 320
 Раковский И. 295
 Ракоци Ференц II 316, 374, 408
 Ранке Л. 297
 Раух Л. 96, 308
 Рауци И. 113, 188
 Рачкий Ф. 112, 116, 156, 159, 240, 256, 297, 306, 308
 Рехберг Й. 24, 148
 Ригер Ф.-Л. 33, 34, 38, 63, 112, 126—132, 134, 254, 261, 303, 304, 306, 309

- Ровинский П. 327
Родич Г. 280
Розвадовский Ю. 357
Роман А. 113
Романовы 181, 248
Ротшильд 59, 69
Рупрехт К. 316
- Савицкий Я. 322
Салан Л. 296
Салтыков-Щедрин М. 247
Сандич А. 115
Сашега А. 279—281, 316
Сашега Л. 190, 194, 200, 289
Сарвади 319
Свенцицкий П. 323
Светец 139
Свобода Л. 333
Семаньский В. 281
Серно-Соловьевич Н. 329
Сечени А. 78, 141
Сёдьень Л. 140
Сивец Ян 98
Силади В. 278, 284, 318
Сирочинский Л. 322
Скерлич И. 247
Скрейшовский И. 303, 305
Сладковский К. 38, 112, 128—130, 134, 305
Словацкий Ю. 312
Сломшек А. 135
Сметана Б. 293
Смолени Н. 350
Смолька Фр. 35, 110, 193, 194, 198—200, 279, 305
Стальмах П. 395
Старицкий М. 330
Старчевич А. 112, 161—163, 246, 262, 319, 326
Стеблий Ф. И. 8
Стерца-Шулуцау А. С. 187
Стоякович Дж. 115, 177
Стритар И. 139, 249
Суботич Й. 115, 294, 308
- Танко Й. 348
Танчич М. 351
Танячкевич Д. 203, 204
Тарновский С. 110, 195, 200, 305
Текели С. 311
Телеки Л. 26, 141, 142, 145, 283, 284, 314
Терлецкий О. 203, 215, 330
- Тиса К. 52, 111, 152, 279, 284, 301
Тиханов Н. 329
Ткалац И. 153, 242, 267, 320, 326
Токажевич Ю. 252
Токвиль А. 297
Томан Л. 114, 139
Тоннер Э. 245
Траугутт Р. 318, 319
Трефорт А. 111
Троян П. 294
Трстеник Д. 113, 139
Трусевич С. М. 8
Тургенев И. 247, 250
Тун Л. 127, 289, 303
Тури-Гаксис Р. 130, 318
Тхоржевский Ст. 253
Тыл И.-К. 294, 368
Тьерри О. 297
Тюрр И. 26, 45, 314, 319
- Унгер Й. 35
- Фадеев Р. 245
Фалькович С. М. 8
Фарадей М. 297
Фаркаш К. 350, 351, 353, 354
Федькович Ю. 204, 207
Феррари Д. 123, 124
Фишхоф А. 35, 43
Фойт А. 368
Фольнегович Ф. 214
Франкель Л. 14, 345, 350
Франко И. 202—204, 209, 215, 312, 322, 330
Франц-Иосиф, император 22—24, 32, 34, 37, 39, 41, 42, 45, 47, 54, 55, 78, 96, 135, 164, 166, 167, 183, 185, 200, 264, 292
Францисци Я. 108, 114, 116, 179, 180, 182, 268, 271
Фредро А. 251
Фрейдзон В. И. 8
Фридманн Б. 43
Фрич Й.-В. 44, 112, 129, 130, 221, 233—236, 245, 246, 254, 262, 284, 285, 315, 318—320, 325, 326, 328
Фрич Й. 112
Фрич А. 112
Фрич В. 112
Фрич В. 112
Фрич К. 112
Фюстер А. 114
- Хаджич А. 115, 176
Хаджич Й. 115
Хартунг Г. 350
Харциева Г. Ю. 8
Хауер И. 140
Хаулик Ю. 117, 304
Хелфи И. 111, 155, 156
Хельтман В. 252
Хельцель А.-З. 110, 190
Хлебвачик Ю. 410
Хлеборад Ф. 341
Ходошу И. 52, 113
Хорват Б. 111
Хорват М. 296
Хоэнварт (Гогенварт) К. 54, 134, 135, 137, 303
Хрибар И. 306
Хунфалфи П. 296
- Цанкар И. 373
Цвиггер Ф. 410
Цедик А. 35
Целестин Ф. 249, 250, 326
Ценич М. 210
Ценович Д. 322
Ципцяла А. 395
- Чарнецкий Я. 279
Чарторьский А. 190, 191, 281, 283
Чарторьский В. 195, 200, 252, 264, 305, 357
Ченгери А. 111
Чернышевский Н. Г. 27—31, 202, 203, 210, 212, 237, 267, 326, 327, 329, 330
Чуркина И. В. 8
- Шагуна А. 39, 186, 187
Шараневич С. 202
Шафарик П.-Й. 163
Шварценберг К. 127
Шварценберг Ф. 15, 20, 21, 62
Швейцер Й.-Б. 341
Шевелев Н. 329
Шевченко Т. 204, 215, 294, 295, 312, 322, 323, 330, 397
Шеммельвейс И. 297
Шеньей П. 46
Шеффле 54
Шимони Э. 52, 111, 156, 311
Шлиппенбах 96

- Шмерлинг А. 15, 32, 34—
38, 104, 111, 117, 138,
166, 177, 225, 286, 304
Шмитт Г. 110, 194, 198
Шой А. 342, 343, 345,
348, 350, 353, 358
Штайнер Г. 342
Штросмайер И.-Ю. 112,
131, 151, 156, 157, 159,
166, 168, 170, 171, 254,
256, 257, 266, 271, 303—
305, 309
- Штур. Л. 178—180, 242,
250, 409
Шуэелька Ф. 35
Шуйский Ю. 110, 195,
200, 298
Шулк Б. 115, 157, 225,
233
Шульце-Делич Ф.-Г. 104,
105
Шукле К. 114
Шуштершич И. 402
- Щепановский С. 116
Щепаньский А. 279
Этвёш И. 111, 146—149,
151—153, 227, 291, 296
Этвёш Л. 297
Эйншпиллер А. 135
Эльжановский С. 195
Энгельс Ф. 12, 13, 16, 17,
26, 27, 31, 42, 48, 100,
101, 237, 239, 278, 329,
330, 332, 335, 343, 397

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Ава, комитат 150
- Австрия, Австрийская империя, габсбургская монархия 5—7, 9—12, 14, 16—23, 26—30, 32—38, 40—49, 51, 53—62, 66, 67, 69, 75—78, 80, 82—85, 87, 89, 92—94, 102—105, 107, 117—120, 122, 124—127, 131—133, 135, 136, 139, 140, 142, 144—147, 150, 152, 155—157, 160, 162—166, 169, 171—177, 181, 184, 186, 187, 189—191, 193—206, 211—213, 217, 218, 221—223, 225—227, 229—231, 236, 241—243, 245, 246, 250—258, 260, 261, 263—266, 268—270, 272, 273, 275, 278, 280—283, 285, 286, 289, 297, 299—301, 303, 307, 309, 312, 313, 315—317, 321—325, 327, 332, 333, 337—340, 342—344, 346—349, 351—353, 358, 361, 363, 365, 366, 370, 376, 378, 379, 381—384, 386, 390, 392, 394—399, 401, 408, 410—414, 416—419, 423—425
- Австрия, Верхняя 59, 62, 63
- Австрия, Внутренняя 138
- Австрия, Нижняя 46, 56, 58, 59, 62, 64, 102, 352
- Австро-Венгрия 6, 7, 11—14, 54, 55, 59, 73, 75, 76, 81, 105, 119, 132, 134, 135, 160, 161, 175—178, 208—211, 213, 215, 216, 219, 220, 224, 225, 227, 234, 235, 238, 246—249, 251, 257—259, 264—266, 273, 276, 288, 301, 313, 323, 328, 329, 331, 332, 334, 337—345, 347, 351, 358—360, 381, 405, 415, 419, 421, 423—427
- Адриатическое море 20, 377
- Адриатическое побережье 23, 314, 320, 372
- Алба-Юлия 187
- Алфёльд 95
- Альпы 373
- Америка, Северная Америка, Соединенные Штаты 9, 12, 29, 64, 72, 129, 212
- Амур р. 203
- Англия, Британия, Великобритания 10, 11, 19, 20, 55, 62, 123, 157, 161, 221, 237, 244, 303, 317, 334, 335
- Авина-Штаерлак, угольный бассейн 70, 72
- Апатин 69
- Апеннинский полуостров 143, 265
- Арад 72, 153, 298, 352, 389
- Афины 246
- Аш 340, 346
- Бад-Аусзее 44
- Базель 349
- Балканы 10, 20, 21, 55, 56, 64, 70, 89, 122, 157, 159, 161, 171, 176—178, 193, 210, 212, 221, 225, 235, 236, 245, 254, 256—258, 259, 265, 266, 275, 312, 313, 315, 321, 322, 324, 328, 337, 360, 379, 384, 426
- Балканский полуостров 89, 154, 244, 248, 258, 264, 265, 370, 377, 381, 411, 421
- Балтийское море 10, 201
- Банат 15, 23, 62, 70—72, 82, 86, 87, 113, 188, 189, 268, 269, 244, 315, 377, 383, 389, 398, 420
- Банска-Бистрица 69, 72, 179, 183
- Бачка 15, 62, 68, 72, 82, 87, 268, 310, 398
- Бекешчаба 297
- Белград 22, 23, 143, 176, 243, 246, 252, 257, 312, 322, 328, 329, 384, 404
- Белградский пашалык 381, 383, 411
- Белоруссия 253
- Бельгия 62, 157
- Бергамо 66
- Берлин 20, 281, 352
- Блаж 186, 398
- Ближний Восток 64
- Бока-Которская 211, 281
- Болгария 174, 321
- Босния и Герцеговина 97, 159, 160, 168, 169, 172, 176, 178, 210, 212, 266, 278, 308, 321, 322, 360, 376, 377, 379, 381, 421
- Браила 23
- Братислава, Пожонь, Прессбург 69, 179, 309, 313, 349, 350, 352, 386, 406
- Брауншвейг 344, 352
- Брашов 389
- Брешия, провинция 65
- Брненский промышленный округ 102
- Брно 56, 57, 64, 133, 290, 346, 349, 352, 367
- Броды 74

- Була, Будапешт. Обуда, Пешт, Пешт-Була 9, 24, 36, 38, 40, 57, 69, 70, 72, 90, 104, 105, 167, 183, 211, 220, 279, 288, 294, 304, 305, 313, 330, 337, 340, 345, 349—353, 375, 377, 381, 398, 399, 413
- Букovina, Букovina Северная 8, 74, 75, 95, 96, 99, 132, 205, 207, 227, 291, 362, 372, 396, 397
- Бухарест 22, 136, 322, 390
- Валахия и Молдова, Дунайские княжества 21, 22, 39, 142, 143, 145, 184, 280, 314—318, 321, 390
- Вараждин 398
- Вараждинская жупания 151
- Вармия 395
- Варшава 391, 392
- Варшавское княжество 390, 391
- Велики-Бечкерек 52, 177, 311
- Величка 357
- Венгрия, Венгерское королевство, земли короны св. Иштвана (Стефана) 6, 7, 10, 13, 15—19, 21—28, 30, 32—37, 39—43, 45—49, 51, 52, 54, 55, 57—64, 66—73, 76—83, 87—90, 93—95, 97, 99, 100, 102, 104, 106, 107, 109—111, 116—119, 126, 132, 135, 140—158, 163—167, 170—173, 176—180, 182, 183, 185—190, 192, 196, 206, 210, 220, 224, 226, 228—232, 235, 244, 260, 262, 267—271, 273, 275—279, 283—292, 296, 298—302, 305, 308—312, 314—320, 328, 329, 338, 340, 342, 343, 345, 347—356, 358, 363, 364, 369, 375—377, 381, 385, 386, 388—390, 397, 398, 400, 401, 404, 408, 414, 418, 420—422, 425, 427.
- Венгрия (ВНР) 7
- Вена 6, 15, 20—22, 25, 34, 35, 37, 39, 40, 44, 51, 56—60, 64, 65, 69, 70, 78, 80, 83, 87, 89, 98, 102, 103, 114, 131, 136, 139, 151, 153, 157, 158, 164—167, 173, 177, 179, 181—183, 185, 187, 188, 192, 195, 197, 199—201, 206, 207, 211, 219, 220, 227, 233, 254, 256—258, 264, 268—270, 293, 295, 304—307, 310, 313, 317, 321, 327, 328, 330, 337, 339, 340, 342, 344—346, 348, 350, 352, 355, 367, 369, 377, 381, 398
- Венеция 22, 66, 78, 85, 94, 125, 282, 316, 317, 327, 373
- Венецианская область, Венето 66, 265, 266, 278, 369
- Венецианская республика 39
- Верона, провинция 65
- Вижмарье 140
- Виллафранка 22
- Винер-Нойштадт 56, 340, 348, 352
- Вировитицкая жупания 151
- Вис о. 266
- Витков 59
- Воеводина 19, 38, 62, 68—70, 72, 86, 87, 89, 97, 104, 106, 115, 119, 163, 174—177, 185, 210, 212, 220, 232, 235, 243, 262, 287—289, 293, 309, 310, 312, 319, 322, 326, 327, 329, 337, 355, 381—384, 399, 404
- Воеводина, Автономный край 171
- Военная граница 15, 23, 59, 68, 97, 117, 151, 163, 168, 171, 177, 278, 281, 308, 316, 376, 379
- Вроцлав, Бреславль 281
- Вршац 355, 382
- Галац 23
- Галиция 15, 17, 24, 28, 41, 46, 50, 51, 58—60, 63, 64, 70, 73, 78, 80—83, 85—88, 90, 91, 94—96, 98, 99, 102, 105, 107, 110, 116, 117, 119, 132, 190—201, 203—205, 208, 215, 216, 220, 228, 229, 231, 232, 236, 241, 251—253, 260, 264, 267, 270, 271, 273, 276, 279, 280—283, 286, 287, 289, 291, 298, 300, 302, 304, 305, 312—314, 316—318, 322, 331, 337, 356, 357, 362, 363, 378, 391—394, 396, 397, 410, 414, 419—422, 424
- Галиция, Восточная 74, 75, 83, 90, 105, 114, 200, 202, 205, 209, 215, 216, 260, 270, 280, 294, 322, 323, 330, 393—398, 419, 420
- Галиция, Западная 98, 100, 224, 392, 393, 395
- Гамбург 58
- Германия 5, 7, 10—13, 18, 20, 21, 22, 29, 31, 42, 43, 55, 68, 74, 75, 104, 105, 131, 136, 137, 147—149, 160, 167, 225, 246—249, 258, 263—266, 296, 302, 335, 341—345, 348, 352, 394, 411, 417
- Германский союз 42, 136, 139, 263
- Гёмёр 72
- Гёмёр, комитат 150
- Голландия 157
- Гооппа (Гооппия) 65, 136, 265, 294, 369, 371, 372, 424
- Грац 60, 65, 136, 307, 340, 352, 369, 371
- Греция 175, 257
- Далмация 15, 28, 39, 40, 59, 61, 70, 73, 89, 97, 107, 113, 151, 163—165, 168—172, 235, 266, 280, 291, 293, 294, 308, 315, 377, 379, 398, 403, 421—423
- Добрецен 70
- Драчинцы с. 99
- Дрезден 318, 352
- Дубляны 289

- Дубровник 293, 362, 403
 Дунай р. 20—23, 58, 143, 257, 328, 375, 377, 383, 384, 398
 Дунайские княжества см. Валахия и Молдова
 Дьёр 352
 Дьяково (Джаково) 156
- Европа 7, 9, 11, 12, 19, 28, 62, 71, 72, 79, 137, 159, 161, 198, 211, 214, 221, 237, 241, 245, 246, 264, 275, 276, 306, 316, 324, 332, 335, 357, 396, 409, 416, 417, 423
 Европа, Восточная 55, 62, 240, 408
 Европа, Западная 12, 28, 62, 210, 215, 220, 241, 242, 258
 Европа, Центральная 6, 10, 20, 91, 241, 243, 245, 265, 377, 385, 410, 419, 426, 427
 Европа, Юго-Восточная 11, 55, 62, 240, 245, 265, 377, 419, 426, 427
 Ештед гора 346
- Женева 129, 253, 284, 318, 330, 339
 Живецкий повят (уезд) 98
- Загреб 15, 40, 70, 163, 170, 214, 266, 294, 298, 303, 305, 307, 308, 319, 354, 355, 376, 377, 398, 399, 405, 421
- Задунавье, Задунайская область 68, 70, 399
- Закарпатье 8, 72, 99, 114, 205—207, 267—269, 292, 295, 297, 310, 313, 330, 388, 397, 420, 422, 423
- Зальцбург 63, 352
- Засавский угольный бассейн 103
- Эборов 206
- Зойм, комитат 150
- Идрия 103
- Иллирия 28
- Иллирия, королевство 138, 139
- Ирландия 333—335, 406, 411
- Истрия 33, 53, 61, 73, 97, 106, 107, 164, 170, 171, 221, 234, 265, 266, 294, 300, 372, 377, 378, 422
- Италия 7, 9, 10, 11, 21, 22, 28, 29, 36, 55, 66, 70, 85, 101, 221, 225, 236, 254, 262, 265, 266, 278, 284, 292, 293, 299, 301, 303, 313—315, 318—320, 327, 328, 333, 335, 360, 373, 403, 411, 418
- Италия, Северная 10, 58, 66, 85, 94, 101, 122—126, 137, 148, 149, 170, 214, 277, 316, 373
- Иорданешты с. 99
- Калафиндешты с. 99
- Калининский край 94
- Капошвар 352
- Каринтия 53, 63, 138, 139, 291, 370, 372, 403, 405
- Карпато-Дунайский бассейн 154
- Карпаты 107
- Кастав 170, 294
- Кечкемет 297
- Кениггрец 43, 55, 62, 131, 139
- Киев 215, 330
- Кицманский уезд 99
- Клагенфурт 136, 369, 372, 405
- Кладно 57, 59, 64
- Клуж 389
- Комо 65
- Константинополь 320
- Котор 170, 293, 294
- Которский округ 280
- Кошице 72
- Кошицкий дистрикт 178
- Крайна 63, 137—139, 290, 294, 300, 369, 317, 372, 403, 407, 424
- Краков 74, 75, 110, 194, 195, 200, 279, 282, 291, 297, 298, 313, 356, 357, 391
- Краковская республика 390, 391
- Крема, провинция 66
- Кривоший, община 280
- Кульпинский округ 310
- Кутна-Гора 277
- Лалово с. 99
- Левоча 69
- Лейпциг 352
- Лейта р. 39, 42
- Либерец 64, 346
- Либерецкий промышленный округ 63, 102
- Линц 340, 352
- Лишов, комитат 150, 184
- Лиштовски-св.-Микулаш 179
- Литва 253
- Лоди, провинция 66
- Лозанна 283
- Ломбардия 17, 22, 23, 57, 66, 78, 85, 94, 125, 278
- Ломбардо-Венецианская область, королевство 17, 65, 66, 84, 85
- Лондон 10—12, 55, 214, 253, 320, 321, 327, 328, 330, 340, 346, 356, 358
- Люблина 65, 103, 136, 139, 160, 250, 266, 294, 348, 369, 371, 372, 405
- Лютомер 307
- Львов 6, 74, 75, 105, 114, 194, 198, 220, 205, 279, 282, 283, 291, 294, 295, 322, 329, 330, 356, 357, 395, 396, 398, 399, 405
- Мадрид 9
- Маджента 22, 23
- Мазуры 395
- Марамарош, комитат 150, 207, 298
- Марибор 65, 103, 136, 138, 294, 307, 348, 371

- Меджимумрье 15, 25, 38, 151, 154, 158,
 234, 376, 377
 Мехув 280
 Милан 59, 66, 85, 124, 277—278
 Модена 66, 85, 278
 Модра 179
 Моравия 35, 45, 59, 94, 103, 112, 119,
 134, 290, 346, 347, 352, 369, 404, 423
 Москва 254, 261, 330
 Мюнхен 352
 Надьканижа 352
 Неаполь 125, 278
 Нитра 150
 Нитра, комитат 150
 Нови-Сад 68, 69, 243, 266, 286, 287,
 292, 294, 381, 382, 384, 404
 Нойдорфль (Лайтасентмиклош) 358
 Норвегия 406
 Нюрнберг 340
 Одесса 250, 330
 Озд 297
 Ормож 307
 Орядя 389
 Османская империя, Турция, Турец-
 ка империя 23, 30, 148, 150, 159,
 172—175, 209, 248, 250—252, 319,
 321, 333, 363, 379, 390, 411, 421,
 423, 425
 Острава 45, 56, 57, 64
 Паданская долина 17
 Панчево 211, 382
 Папское государство, область 66, 125,
 278
 Париж 12, 14, 21, 55, 150, 159, 254,
 284, 285, 317—319, 321, 330
 Парма 66, 85, 278
 Петербург 11, 181, 256—259, 285, 329,
 330, 367
 Печ 71
 Пешт, комитат 150, 151, 375
 Пльзень 56, 57, 64
 Подолия 75
 Подунавье, Нижнее 21
 Пожонь см. Братислава
 Пожоньский (Братиславский) ди-
 стрикт 178
 Польское Королевство (Царство)
 191, 194, 216, 232, 235, 260, 279, 280,
 390, 391, 393
 Польша 7, 10, 12, 28, 31, 81, 98, 101,
 190, 191, 194—196, 198—200, 209,
 236, 237, 252, 253, 255, 260—263, 279,
 281, 282, 314, 316, 317, 319—321, 325,
 326, 333, 357, 364, 378, 392, 411
 Постоянна 266
 Прага 6, 33, 42, 54, 56, 57, 59, 63,
 64, 112, 131, 133, 134, 220, 225, 254,
 285, 286, 288, 290, 293—295, 303, 313,
 321, 328, 341, 346, 347, 352, 358, 367,
 399, 402, 405, 423
 Пражский промышленный округ 102
 Прекумрье (Прекомурье) 369
 Прешов 205, 310
 Приморье 73, 138, 139, 221, 372, 377,
 403
 Пруссия 10—12, 18, 20, 40, 45, 55, 56,
 63, 130, 160, 221, 254, 264, 265, 273,
 282, 320, 333, 391, 393, 395, 417
 Птууй 348
 Пшемьсл (Перемышль) 74, 356, 395
 Пьемонт см. Сардинское королевство
 Раковица 211
 Рейн р. 10, 20
 Речь Посполитая 198, 215, 364, 391—
 393
 Решица, Решица-Анина (Банат) 72,
 352
 Риека (Фиуме) 15, 70, 73, 142, 144,
 151, 154, 281, 297, 381, 422
 Рим 162
 Россия, Российская империя 11, 12,
 19—21, 23, 27, 28, 31, 36, 42, 47,
 55, 56, 63, 64, 71, 122, 145, 157, 162,
 175, 184, 193, 196, 200, 203, 209, 210,
 215, 221, 235, 242—251, 254—262,
 264, 265, 273, 281, 282, 297, 299, 316,
 320, 323—326, 328—330, 337, 356,
 362, 363, 391, 393, 395, 417, 420, 427
 Румыния 22, 29, 36, 49, 143, 155, 175,
 257, 284, 314, 319, 353, 388, 390
 Румынские княжества см. Валахия
 и Молдова
 Сава р. 383, 384
 Савойская монархия 84
 Садова см. Кёниггрец
 Сардинское королевство, Пьемонт
 11, 21, 22, 26, 84, 124—126, 145, 191,
 195, 265, 278, 285, 299, 313, 315
 Саретский уезд (Буковина) 99
 Сваров 346
 Священная Римская (Германская)
 империя 20, 42, 43, 55, 122, 221,
 243, 262, 264, 307, 344
 Седан 14, 139
 Севастополь 21
 Северное море 20
 Сегед 57, 70
 Сента 69
 Сент-Эндре 382
 Сербия, Сербское княжество 22, 23,
 36, 49, 97, 136, 143, 148, 155, 157,
 159, 160, 163, 168, 171—173, 175, 176,
 209—212, 216, 227, 235, 243, 245, 256,
 257, 278, 284, 307, 311, 312, 314, 315,
 320—322, 326, 353, 355, 379, 381—
 384

- Сербия, Социалистическая республика 171
- Сербская Воеводина и Темешварский (Тимишский) Банат 15, 25, 173, 176, 178, 185
- Сиббу 69, 187, 389
- Сигет 409
- Силезия 290, 362
- Силезия, Верхняя 395
- Силезия, Опольская 395
- Силезия, Цешинская 392—395
- Синь 293
- Славония 104, 150, 151, 156, 163, 164, 171, 308, 362, 377, 398
- Словакия 24, 61, 72, 82, 87, 89, 90, 98, 116, 150, 178—182, 182, 183, 206, 209, 249, 251, 268, 270, 287, 294, 309, 310, 329, 337, 349, 355, 356, 385—387, 397, 399, 405, 406, 420, 423
- Словения 60, 61, 64, 65, 68, 94, 103, 107, 114, 116, 119, 136—140, 172, 249, 250, 287, 288, 294, 300, 307, 347, 348, 369, 371, 372, 401—404
- Словения, Венецианская 373
- Сольферино 22, 23
- Соча р. (Изонцо) 265
- Спиш, Сепеш, комитат 72, 88, 150, 184
- Сплит 169, 293, 294, 422
- Средиземное море 10
- Срем 25, 98, 171, 308, 379, 383
- Сремски-Карловци 152, 382
- Станислав 356
- Сторожинецкий уезд (Буковина) 99
- Суботица 68, 69, 382
- Суховерхов с. 99
- Темеш, комитат 113, 150
- Темешвар, Тимишоара 15, 70—72, 105, 311, 340, 349, 351, 352
- Темешварский (Тимишский) Банат 15, 25, 173, 185
- Тироль 33, 63
- Тиса р. 203, 398
- Томашув 280
- Тоскана 66, 278
- Трансильвания, Трансильванское княжество 15, 16, 19, 23, 24, 33, 34, 38, 39, 51, 59—61, 67—69, 71—73, 80, 86, 88, 88, 95, 99, 113, 140, 142—144, 147, 152, 154, 155, 177, 184—189, 220, 268, 277, 279, 284, 286, 288—290, 294, 298, 300, 314, 315, 375, 388, 389, 390, 420
- Транслейтания 53, 54, 72, 78, 89, 95, 96, 104, 286, 292, 293, 349, 353, 422, 425
- Трбиж 103
- Тренчен, комитат 150
- Триединое королевство 39, 78, 158, 163, 164, 167, 170, 172, 177, 271, 308, 380
- Триест 57, 59, 63, 65, 70, 85, 103, 136, 250, 266, 294, 340, 369, 371, 372, 377, 380, 398, 405
- Трнава 150
- Турин 319
- Турчански-св.-Мартин 98, 152, 179, 182, 183, 309, 388
- Тыргу-Муреш 389
- Ужанский комитат 99
- Украина, Украина Правобережная, Приднепровская 204, 253, 314, 322, 323, 328, 330, 395, 397
- Филлах (Беляк) 139
- Финляндия 336
- Франция 11, 13, 19—22, 29, 55, 62, 123, 124, 143, 147, 160, 162, 163, 194, 201, 214, 221, 244, 246, 258, 264, 265, 278, 282—285, 299, 303, 316, 317, 324
- Фриули 373
- Хонт, комитат 150
- Хорватия 15, 19, 23, 25, 34, 37, 40, 46, 51, 58—61, 67, 73, 75, 78, 80, 95—97, 102, 104, 107, 115, 132, 142, 146—148, 150, 154, 155, 157—159, 161—169, 171, 185, 209, 214, 215, 220, 228, 232, 233, 235, 239, 250, 263, 267—270, 275, 277, 278, 281, 284, 285, 288—290, 292, 297, 299, 300, 303—309, 315, 316, 319, 327, 354, 355, 362, 364, 373, 376—380, 398, 399, 407, 408, 421, 422
- Хорватия и Славония, Хорватия-Славония 15, 16, 25, 33, 39, 40, 50, 58, 59, 68, 70, 72, 73, 78, 81, 86, 89, 95—97, 99, 100, 104, 107, 113, 117—119, 141, 142, 144, 150, 154, 156, 158, 164—166, 169, 171, 172, 176, 189, 228, 286, 287, 292, 293, 300, 307, 308, 376, 378, 379, 408, 414, 421, 422
- Целе 294, 348, 402
- Целовец см. Клагенфурт
- Цетине 176
- Цислейтания 33, 35, 39, 41—43, 46—48, 51, 53, 54, 56—58, 63, 67, 86, 134, 135, 155, 170, 200, 226, 286, 291, 302, 305, 306, 312, 372, 410, 422, 423
- Цюрих 22, 320
- Чаславский край 94
- Черногория 148, 157, 172, 176, 210, 257, 280, 307, 316, 321
- Черновцы 74
- Черное море 201, 246, 256
- Черноморские проливы 11
- Чехия (Богемия), Чешское королев-

- ство 12, 13, 33, 35, 37, 41, 44, 45,
51, 53, 54, 59, 61, 63, 64, 75, 83, 91,
103, 112, 118, 119, 126—128, 130,
133, 134, 140, 142, 146, 155, 220, 224,
229, 231, 236, 244, 277, 286—288,
290, 299, 300, 301, 303, 306, 318, 319,
326—328, 346, 347, 352, 366—369,
398, 404, 423
- Чехия, Моравия и Силезия, земли
короны св. Вацлава 53, 62—64, 75,
83, 127, 128, 229, 233, 366—369, 398
- Чехословакия 7
- Шалготарьян** 70
Шарош, комитат 206
Швейцария 69, 129, 210, 212, 222,
296, 321, 329, 343, 348, 349, 350
- Швеция 9
Шопрон 352
Шопронский дистрикт 140
Штирия 46, 53, 63, 138, 139, 290, 291,
370, 402, 403
Штирия, Южная 138, 139, 348
- Эгер 297
Эйзенах 351
Эльба р. 58
Эльзас и Лотарингия 353
- Югославия** 7
- Ясло** 37
Яссы 144, 315

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакционной коллегии 5

Глава I

Неоабсолютизм и конституционные реформы в Австрийской империи. Австро-венгерский дуализм 9

1. Европа от революций 1848—1849 гг. до Парижской коммюны (9).
2. Внутренняя и внешняя политика австрийского неоабсолютизма (14).
3. Кризис неоабсолютизма и революционная ситуация в империи (22).
4. Русские революционные демократы об освободительном движении народов габсбургской монархии в 50—60-х годах XIX в. (27).
5. Централистский режим 1861—1865 гг. (32).
6. От централистского курса к дуализму (1865—1866 гг.) (37).
7. Поражение Австрии в войне 1866 г. и оформление австро-венгерского дуализма (41).
8. Политика национального угнетения в дуалистической монархии (50)

Глава II

Социальные перемены и расстановка политических сил после революции 1848—1849 гг. 56

1. Экономика Австрийской империи в период утверждения капитализма (56).
2. Изменения структуры общества и социальных основ национальных движений (76)

Глава III

Идейно-политические принципы и программы национальных движений. Революционная демократия 121

1. Итальянцы (122).
2. Чехи (126).
3. Словенцы (135).
4. Венгры (мадяры) (140).
5. Хорваты (156).
6. Сербы (171).
7. Словаки (178).
8. Румыны (184).
9. Поляки (190).
10. Украинцы (202)
11. Революционно-демократические группировки и их взгляды по национальному вопросу в конце 60-х—70-е годы (208)

Глава IV

Идеологические основы национальных движений (общая характеристика). Проблема единения революционных сил в освободительной борьбе 217

1. Идейно-политические принципы программ преобразования австрийского государства (221).
2. Буржуазный радикализм и буржуазная революционность. Революционная демократия и проблема союза революционных сил национально-освободительных движений (231).
3. Некоторые аспекты межславянского сотрудничества (240).
4. Национальные движения и польское восстание 1863—1864 гг. Германская, итальянская и венгерская проблемы и политическая ориентация славянских и румынского национальных движений (260).
5. Программы буржуазных и дворянских течений (общий обзор). О возможности альтернативы в исторических судьбах Австрийской империи (269)

Глава V

Формы и международные связи общественно-политических движений 277
1. О формах национально-освободительных движений (277). 2. Сотрудничество между национальными движениями в борьбе за преобразование Австрийской империи (303). 3. Сотрудничество демократических и национально-революционных сил (313). 4. Связи национальных движений с общественно-политическими группировками в России (323)

Глава VI

Рабочее движение и национальная проблема в Австро-Венгрии в конце 60-х—начале 70-х годов XIX в. 323

Глава VII

О формировании наций в Австрийской империи 361

1. Вводные замечания. Типология (361). 2. Чехи (366). 3. Словенцы (369). 4. Венгры (мадьяры) (373). 5. Хорваты (376). 6. Сербь (381). 7. Словаки (385). 8. Румыны (388). 9. Поляки (390). 10. Украинцы (395). 11. Образование комплекса внутринациональных связей (398)

Заключение 416

Библиография 428

Основоположники марксизма-ленинизма (428). Литература (430). Ссылки на источники (445). Ссылки на статьи в журналах и продолжающихся изданиях (447)

Принятые сокращения 45

Указатель имен 452

Указатель географических названий 4

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Период утверждения капитализма

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства Г. В. Шелудько.

Художник А. Г. Кобрин. Художественный редактор Н. А. Фильчагина.
Технический редактор Н. П. Кузнецова. Корректор Л. П. Стрельчук.

ИБ № 18245

Сдано в набор 29.08.80. Подписано к печати 21.11.80. Т-19614. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 29,6. Уч.-изд. л. 35,1. Тираж 1450 экз. Тип. зак. 1751.
Цена 4 р. 80 к.

Издательство «Наука» 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
НАРОДОВ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

